Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Юридический факультет

На правах рукописи

Полянский Павел Львович

Правовое регулирование брачно-семейных отношений в российском обществе: история формирования отрасли семейного права

Специальность 12.00.01 – теория и история права и государства;
история учений о праве и государстве

Диссертация на соискание учёной степени
доктора юридических наук

Научный консультант –
доктор юридических наук, профессор
Татьяна Евгеньевна Новицкая

Москва – 2016

Оглавление

Введение. 4

Глава 1 Проблема методологии историко-правового исследования брака и семьи. 24

§1. Проблемы историографии истории отечественного семейного права 24

§ 2. Предмет правового регулирования как критерий изучения истории отечественного семейного законодательства и основание её периодизации. 44

Глава 2. Церковное и обычное право: проблемы рецепции и преемственности. 66

§ 1. Действие норм канонического права. 66

А. Условия вступления в брак 66

Б. Порядок вступления в брак 97

В. Условия и порядок прекращения брака разводом. 120

§ 2. Брак и семья с точки зрения обычаев русского народа. 153

А. Обычно-бытовые способы формирования (укрепления) крестьянского хозяйства. 156

Б. Регулирование семейных отношений крестьянского хозяйства нормами обычаев 163

Глава 3. Регулирование брачно-семейных отношений в условиях сословного строя России. 173

§ 1. Статус служилого населения в брачно-семейном законодательстве. 173

А. Особенности правового регулирования брачно-семейных отношений дворянства. 173

Б. Брачно-семейные аспекты регулирования статуса низших воинских чинов. 261

§ 2. Регулирование брачно-семейных отношений православного духовенства. 271

§ 3. Регулирование брачно-семейных отношений различных слоёв податного населения 291

А. Частновладельческие крестьяне 291

Б. Удельные и государственные крестьяне. 306

В. Крестьяне пореформенной России. 313

Г. Посадское население (мещане). 322

Д. Купечество. 329

Глава 4. Формирование отрасли права. 340
§ 1. Сочетание в брачно-семейном законодательстве 1917 – начала 1930-х годов дореволюционных тенденций и марксистской идеологии. 340
§ 2. Правовое регулирование брачно-семейных отношений в крестьянской среде в первые десятилетия Советской власти. 365
§ 3. Возникновение семейного права в СССР как отрасли (1930 – 1960-е годы). 376
А. Значение коллективизации для преобразований в советском семейном праве. . 376
Б. Формирование отраслевого предмета и метода семейного права. 379

Заключение. 407

Список использованных источников и литературы. 417

Введение

Актуальность темы исследования. Актуальность историко-правовых работ определяется несколько иначе, нежели исследований по проблемам современного государства и права. Результатом исследования по историко-правовой проблематике не может быть предложение по улучшению действующего законодательства или принятию нового. Исследователь памятников права сталкивается с такими обусловившими их реалиями прошлого, которые с большой долей вероятности не возникнут вновь. Так, на развитие брачно-семейного регулирования в течение длительного исторического отрезка оказывали влияние такие факторы, как сословное неравенство и неограниченная монархия. Поэтому трудно обоснованно предполагать, что в XXI веке российский законодатель заимствует механизмы дореволюционного регулирования жизни общества.

Актуальность настоящего исследования состоит как раз в том, чтобы показать нежизненность заимствования, казалось бы, самых прогрессивных и высоконравственных правовых норм, выдернутых из контекста условий времени их действия. И совершенно неважно, заимствована ли христианская идея, социалистическая, или на вооружение взяты наисовременнейшие зарубежные правовые механизмы.

Однако изучение истории правового регулирования брачно-семейных отношений имеет и некоторое практическое значение. Так, усиливающаяся в последнее время роль Русской Православной церкви заставляет задуматься о том, каким образом эта организация может влиять на мировоззрение и поведение граждан Российской Федерации. В представленной диссертации, например, показано, что даже в условиях положения Православной церкви как «первенствующей и господствующей», она оказалась не в состоянии заставить значительную часть населения выполнять канонические предписания о браке и семье.

Приведённые в диссертации материалы показывают, что без активного правительственного вмешательства, без обеспечения канонических норм принудительной силой государства церковные правила часто оставались лишь мёртвой буквой. Таким образом, чтобы играть существенную роль в жизни общества, Православная церковь должна пойти на полное огосударствление, на то, чтобы христианское учение стало государственной идеологией. Однако такое положение вещей в Российской Федерации теперь невозможно, поскольку наше государство является светским.

Не менее актуальна ныне проблема обеспечения соблюдения норм российского семейного законодательства в отдалённых районах страны. Унификация законодательства и требование его единообразного применения возможны, как известно, при наличии единого уклада (экономического, бытового, религиозного) на всей территории государства. И царское, и советское правительство понимали, что достигнуть этого желаемого единства не всегда возможно. Именно по этой причине правовые обычаи были объявлены в ходе Судебной реформы 1864 года обязательными к применению, причём это касалось как раз не отдалённых мест Российской Империи, а центральных губерний, но относилось к крестьянам. В советский период законодательство в ряде вопросов вплоть до начала сплошной коллективизации было вынуждено учитывать обычаи, действовавшие в семейной сфере, и более того, закреплять эти обычаи в нормах закона. Сегодняшняя Россия отнюдь не едина с точки зрения экономического развития отдельных территорий, бытового, культурного и религиозного уклада, однако нормы Семейного кодекса РФ 1995 года распространяются в равной степени на всех граждан страны. Неудивительно, что такое разнообразие является, например, причиной периодически возникающих идей об узаконении многоженства в отдельных регионах страны.

В настоящее время под влиянием воспринятых Евросоюзом и США современных идей в отдельных научных публикациях предлагается новое понимание семьи, которая рассматривается с точки зрения разнообразия форм межгендерных отношений. В качестве предложений по совершенствованию законодательства некоторые исследователи-«новаторы» предлагают придать юридическую силу фактическим брачным отношениям или даже узаконить однополые сожительства[1]. В связи с подобными предложениями для законодателя, чтобы шире взглянуть на понятие «семья», представляет интерес обозначенная в настоящей работе эволюция взглядов российского правительства на назначение семьи в обществе. В частности, в исследовании показаны причины, почему наше государство в своё время отказалось от признания юридической силы за фактическими брачными отношениями.

Наконец, выводы данного исследования могут способствовать разрешению достаточно давнего вопроса об отраслевой принадлежности семейного права, предоставив дополнительные аргументы в пользу признания семейного права самостоятельной отраслью права.

---

[1] Критический обзор некоторых «новаторских» предложений см.: *Косова О.Ю.* Брак: «институт особого рода» или «партнёрство»? // Государство и право. 2015. № 8. С. 45 – 49.

Объект исследования – процесс эволюции регулирования брачно-семейных отношений в России на различных исторических этапах.

Предмет исследования – содержание и характер правового воздействия на брачно-семейные отношения со стороны общества, Русской Православной церкви и государства, их взаимодействие и противодействие в рамках выполнения поставленных перед собой задач.

Хронологические и предметные рамки работы. В диссертации рассматривается эволюция регулирования брачно-семейных отношений в России в период с Древней Руси до середины XX века. Выбор начального момента определён появлением Православной церкви как субъекта воздействия на брачно-семейные отношения, когда нормы канонического права вступили в конфликт с нормами дохристианских обычаев. Заканчивается исследование моментом, когда советское государство формально осталось единственным регулятором вопросов брака и семьи, что совпадает с окончанием массовой коллективизации, приведшим к отмиранию норм обычаев, в значительной степени регулировавших семейные отношения в деревне.

Предметные рамки работы не включают изучение истории правового регулирования брака и семьи у инославных и нехристиан. Представляется, что взаимодействие православных канонов, обычаев русского народа и государственных постановлений на разных исторических этапах может вполне являться самодостаточным исследованием.

Цель исследования – выявление и изучение в исторической ретроспективе факторов, оказавших влияние на правовое регулирование брачно-семейных отношений в России, что в конечном счёте привело к формированию самостоятельной отрасли – семейного права.

Задачи исследования

1. Определить интересы общества, церкви и государственной власти в регулировании брачно-семейных отношений на различных этапах истории России.

2. Оценить результаты рецепции церковных брачно-семейных норм византийского происхождения на российской почве. Определить основные факторы, препятствовавшие этой рецепции в полном объёме.

3. Установить роль норм обычаев в сфере регулирования брака и семьи для русского крестьянства. Выяснить характер противоречий между каноническими и обычными нормами, а также отношение государственной власти к этим противоречиям.

4. Выявить значение государственного правового регулирования брака и семьи для российского дворянства. Выяснить, насколько правила семейной организации господствующего сословия повлияли на общие постановления о браке и семье в России.

5. Рассмотреть цели государственного регулирования вопросов брака и семьи у духовенства и низших служилых чинов.

6. Определить, каким образом сословные обязанности податного населения отражались на правовом регулировании их брачно-семейных отношений.

7. Изучить влияние иностранного законодательства на государственные постановления о браке и семье в России. Установить, насколько сословная организация российского общества препятствовала рецепции иностранных правовых норм. в условиях сословной организации российского общества.

8. Установить основные направления нового курса брачно-семейного законодательства Советской России в 1917 – середине 30-х годов.

9. Выявить причины резкой смены политики государства в отношении к браку и семье в середине 1930-х годов. Оценить новые цели и задачи, поставленные властью перед брачно-семейными институтами, а также определить правовые средства, избранные для их достижения.

10. Определить, когда и при каких обстоятельствах сложилась отрасль «семейное право» в России.

Эмпирическая база

1. При написании диссертации были привлечены материалы ряда российских архивов. Так, использовались материалы нескольких фондов Российского государственного исторического архива (*РГИА*):

Фонды 796 (Канцелярия Синода) и 797 (Канцелярия Обер-прокурора Синода) содержат значительное количеств судебных дел XVIII – начала XX веков, связанных с заключением брака, его расторжением и признанием его недействительным.

Фонд 1149 (Департамент законов Государственного Совета) представлен значительным количеством материалов, связанных с законопроектной работой. Почти все важнейшие изменения в семейном законодательстве XIX века так или иначе рассматривались в данном департаменте.

Фонд 1151 (Департамент гражданских и духовных дел Государственного Совета) содержит материалы судебных брачно-семейных дел, рассмотренных в Государственном Совете как высшей судебной инстанции.

Фонд 1251 (Бумаги М.М. Сперанского) для настоящего исследования интересен документами, обозначившими противостояние Обер-прокурора Синода А.Н. Голицына и одного из главных разработчиков проектов Гражданского Уложения начала XIX века М.М. Сперанского.

Материалы Государственного архива Российской Федерации (*ГАРФ*) представлены в настоящем исследовании документами фондов наркоматов (министерств) юстиции РСФСР (ф. А353) и СССР (ф. Р9492). Для целей данного исследования эти фонды интересны материалами о законопроектной деятельности в сфере брака и семьи в советский период.

Материалы Российского государственного архива экономики (*РГАЭ*) использованы для изучения основного проекта одного из самых важных документов в области семейного права – Указа Президиума Верховного Совета СССР 8 июля 1944 года (фонд Министерства финансов СССР – ф. 7733).

Взгляды на брачно-семейную проблематику одного из видных теоретиков советского права П.С. Стучки отражены в использованных документах Российского государственного архива социально-политической истории (*РГАСПИ*), ф. 153.

Бракоразводные дела, представляющие интерес для оценки состояния семейного права в XVIII веке, найдены в Центральном историческом архиве Москвы (*ЦИАМ)*, ф. 203.

2. Бесценным источником сведений о конфликтах, возникавших в семьях в XVIII – XIX веках, явились опубликованные архивные материалы Синода, содержащиеся в издании «Описание документов и дел, хранящиеся в архиве Святейшего Правительствующего Синода (сост. Комиссией для разбора и описания архива Святейшего Правительствующего Синода). СПб. – Пг. 1868 – 1915». Тома 1 – 12, 14 – 16, 18 – 21, 23, 26, 28, 29, 31, 32, 34, 39, 50.

В работе широко использованы материалы серии изданий, объединённых названием «Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской Империи». В них содержатся решения Синода, являющиеся

как частными, так и общими постановлениями в сфере церковного регулирования брачных отношений.

Использование опубликованного «Архива Государственного Совета» в сочетании с материалами РГИА позволило увидеть законодательный процесс изнутри, понять мотивы принятых решений, а также предпринять розыск материалов, которыми руководствовались сами члены Государственного Совета по исследуемым вопросам.

3. Богатый материал для понимания причин совершенствования правового регулирования в брачно-семейной сфере содержится в «Полном собрании законов Российской империи» (собр. 1 – 3). В именных указах монархов, в решениях Сената, Синода и т.д., как правило, содержалось описание мотивов, подвигнувших к изданию новых законоположений с середины XVII по начало XX веков.

4. Судебная практика, помимо уже названных архивных фондов, содержится в ряде публикаций, которые также активно использованы в работе. Оценка Сенатом как высшего судебного органа России, действовавшего во второй половине XIX – начале XX веков законодательства, отражена в «Полном своде решений гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената (с 1866 года)».

В «Трудах комиссии по преобразованию волостных судов» содержатся ценные сведения для оценки роли обычного права в крестьянской среде.

Для характеристики позиции советских судебных инстанций по вопросам брака и семьи привлечено издание «Судебная практика РСФСР». Кроме того, мнения отдельных деятелей советской юстиции, в том числе, принимавших участие в законопроектной деятельности, отражены в периодическом издании НКЮ РСФСР «Еженедельник советской юстиции» и «Советская юстиция».

5. Материалы, касающиеся проблем брака и семьи со времён Древней Руси до XVIII века, были получены из отдельных томов таких изданий, как Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Императорской Академии наук (ААЭ), Полное собрание русских летописей (ПСРЛ), «Российское законодательство X – XX веков», «Памятники русского права», Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских при Московском Университете (ЧОИДР). Использовано также издание Древнерусские княжеские уставы XI-XV вв. (подг. Щапов Я.Н.) и «Законодательные акты русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века». Канонические нормы и их широко известные в до-

революционной России толкования содержатся в использованных изданиях Кормчей Книги 1787 и 1913 годов, а также в переизданных в 2000 году Правилах Святых Апостол и Святых Отец, а также Вселенских и Поместных Соборов. О проблемах применения церковных норм в России на разных исторических отрезках позволяют судить ценные архивные материалы, размещённые А.С. Павловым и М.М. Горчаковым в приложениях к своим трудам о Кормчей Книге.

Теоретическая база и степень научной разработанности темы исследования

Фундаментальные исследования в области теории государства и права, в том числе, касающиеся отраслевого строения системы права, понятия правового регулирования, принадлежат С.С. Алексееву, М.А. Аржанову, В.К. Бабаеву, М.И. Байтину, А.М. Витченко, Н.Н. Вопленко, А.А. Головиной, О.С. Иоффе, Д.А. Керимову, Р.З. Лившицу, С.П. Маврину, Е.М. Макеевой, Г.В. Мальцеву, М.Н. Марченко, Н.И. Матузову, В.С. Нерсесянцу, В.Д. Сорокину, В.М. Сырых, Л.С. Явичу[2] и другим учёным.

Среди авторов, в чьих трудах затрагиваются вопросы теории гражданского и семейного права, можно назвать В.И. Бошко, С.Н. Братуся, Е.М. Ворожейкина, Д.М. Генкина, Н.Д. Егорова, О.Ю. Косову, Н.М. Малеину, А.М. Нечаеву, В.А. Рясенцева, О.Н. Садикова, Н.Н.Тарусину, Н.С. Шерстнёву, Г.Ф. Шершеневича[3] и других учёных.

---

[2] *Алексеев С.С.* Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М., 1966; *он же*. Об отраслях права // Советское государство и право. 1972. № 3; *он же*. Структура советского права. М., Юрид.лит., 1975; *Аржанов М.А*. Предмет и метод правового регулирования в связи с вопросом о системе советского права // Советское государство и право. 1940. № 8-9; *Байтин М.И.* Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). М., 2005; *Витченко А.М.* Метод правового регулирования социалистических общественных отношений: Автореф. дисс. … канд. юрид. наук. Саратов, 1969; *Вопленко Н.Н.* Система права / Общая теория права: Курс лекций. Под общей ред. проф. В.К. Бабаева. Нижний Новгород. 1993*; Головина А.А.* Критерии образования самостоятельных отраслей в системе российского права: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2012; *Иоффе О.С., Шаргородский М.Д.* Вопросы теории права. М., Госюриздат. 1961; *Керимов Д.А.* Философские проблемы права. М., 1972; *Лившиц Р.З.* Теория права. М., 1994; *Мальцев Г.В.* Понимание права. Подходы и проблемы. М., 1999; *Маврин С. П.* О роли метода правового регулирования в структурировании и развитии позитивного права // Правоведение. 2003. № 1; *Макеева Е.М.* Система права Российской Федерации: Автореф. дисс. … канд. юрид. наук. М., 2006; *Матузов Н.И.* Теория государства и права: Курс лекций. М., 1997; Общая теория государства и права. Академический курс в 2-х томах / Под ред. проф. М.Н.Марченко. М., 1998; *Нерсесянц В.С.* Общая теория права и государства. М., 2000; *Сорокин В.Д.* Правовое регулирование. Предмет, метод, процесс (макроуровень). СПб., 2003; *Сырых В.М.* Проблемы теории государства и права. М., 2008; *Явич Л.С.* Проблемы правового регулирования советских общественных отношений. М., 1971.

[3] *Бошко В.И.* Очерки советского семейного права. Киев, 1952; *Братусь С.Н.* Предмет и система советского гражданского права. М., 1963; *Ворожейкин Е.М.* Семейные правоотношения в СССР. М.; *Генкин Д.М.* Предмет советского гражданского права; 1972; *Егоров Н.Д.* Гражданско-правовое регулирование общественных отношений. Л., 1988; *Косова О.Ю.* Брак: институт особого рода или пертнерство // Государство и право. 2015. № 8; *она же.* Предмет семейного права и семейное законодательство // Государство и право. 2000. № 7; *Малеина М.Н.* О предмете гражданского права // Государство и право. 2001. № 1; *Нечаева А.М.* Семейное право: актуальные проблемы теории и практики. М., 2007; *она же*. Семейное право как самостоятельная отрасль // Государство и право на рубеже веков (Материалы всероссийской конференции). М., 2001; *Рясенцев В.А.* Семейное право. М., 1971; *Садиков О.Н.* Гражданское право и его отраслевые особенности. М., 1984; *Тарусина Н.Н.* Очерки теории российского семейного права. Ярославль, 1999; *Шерстнёва Н.С.* Принципы семейного права. М., 2004; *Шершеневич Г.Ф.* Гражданское право. Задачи и методы гражданского правоведения. Казань. 1989;

Историческое развитие российского семейного права занимало и занимает достаточно широкий круг учёных. При этом одни исследуют эволюцию отраслевого законодательства в целом, а другие – изучают исторические судьбы отдельных институтов отрасли.

Фундаментальные работы обобщающего характера относятся, прежде всего, к дореволюционному периоду. К их числу можно отнести труды К.А. Неволина[4], К.П. Победоносцева[5]. Отдельные дореволюционные учебные курсы также освещают историю российского семейного права в целом, к их числу относятся работы М.Ф. Владимирского-Буданова[6], П.И. Числова[7]. В современный период в направлении изучения истории семейного права в целом работают М.К. Цатурова[8], Н.С. Нижник[9], Л.А. Тищенко[10].

Гораздо большее количество трудов относится к изучению дореволюционного развития отдельных институтов отрасли. Так, вопросами эволюции развода на рубеже XIX – XX веков занимался дореволюционный учёные А.И. Загоровский[11] и С.П. Григоровский[12]. Из современных специальных работ о дореволюционном разводе заслуживает внимание труд М.К. Цатуровой[13]. О правовом положении замужней женщины писал в начале XX века В.И. Синайский[14], истории устройства несовершеннолетних детей посвящены работы современного исследователя А.М. Нечаевой[15], в 2002 году кандидатскую диссертацию по правовому положению детей в России защитила Л.Ю. Голышева[16].

---

[4] *Неволин К.А.* История российских гражданских законов. Часть первая: Введение и книга первая о союзах семейственных. М.: Статут, 2005.
[5] *Победоносцев К.П.* Курс гражданского права. Ч. 2: Права семейные, наследственные и завещательные. М. 2003.
[6] *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории русского права. Ростов-на-Дону. «Феникс». 1995.
[7] *Числов П.И.* История русского права Московского и Петербургского периодов. По лекциям приват-доцента Московского университета П.И. Числова. М., 1902.
[8] *Цатурова М.К.* Русское семейное право XVI – XVIII веков: Дис. ... канд.юрид.наук / МГУ им. М.В. Ломоносова. Юрид.фак. М., 1992.
[9] *Нижник Н.С.* Правовое регулирование семейно-брачных отношений в русской истории. СПб., 2006.
[10] *Тищенко Л.А.* Соотношение светского и церковного законодательства России о браке (XIX – начало XX веков). Автореферат дис. … канд. юридич. наук. М., 2001; *она же*, Развитие семейного права в России: теоретический и исторический сравнительный анализ. М., 2000.
[11] *Загоровский А.И.* О разводе по русскому праву. Харьков. 1884.
[12] *Григоровский С.* О разводе. Причины и последствия развода и бракоразводное судопроизводство. СПб., 1911.
[13] *Цатурова М.К.* Три века русского развода (XVI – XVIII века). М., 2011.
[14] *Синайский В.И.* Личное и имущественное положение замужней женщины в гражданском праве. Юрьев, 1910.
[15] *Нечаева А.М.* Охрана детей-сирот в России (История и современность). М., 2004; *она же*, Нечаева А.М. Россия и её дети (ребёнок, закон, государство). М., 2000.
[16] *Голышева Л.Ю.* Правовое положение детей в России: Исторический аспект: Дис. …канд.юрид.наук / Ставропольский государственный университет. Ставрополь. 2002.

Среди выдающихся работ по данной проблематике особое место занимают труды, подготовленные отечественными специалистами по церковному праву. Следует отметить работы А.С. Павлова, М.М. Горчакова, Н.С. Суворова и Н.А. Заозерского [17].

Из обобщающих работ по истории семейного законодательства советского периода интерес представляет «История советского гражданского права», где автором соответствующей главы выступила Н.В. Рабинович[18].

Ряд работ напрямую не связан с эволюцией регулирования брачно-семейных правоотношений, однако автор настоящего исследования принял на вооружение их метод – рассматривать институты изучаемой отрасли с точки зрения их «социально-хозяйственного назначения»[19]. Редко кто до Октябрьской революции так остро ставил проблему несоответствия писаных в Своде законов гражданских брачно-семейных норм «хозяйственному подходу» к браку и семье в русской деревне, как С.В. Пахман и И.Г. Оршанский[20]. И в настоящее время предпринимается изучение правовых источников, прежде всего, с точки зрения специфики сословной организации той или иной группы населения[21].

Наконец, стоит отметить несколько учёных, чьи работы послужили основополагающими для понимания автором настоящего исследования эволюции семейного права от отрасли законодательства к отрасли права. В этом ряду Г.М. Свердлов, Е.М. Ворожейкин, А.М. Нечаева[22].

---

[17] См., напр.: *Павлов А.С.* 50-я глава Кормчей Книги как исторический и практический источник русского брачного права. М., 1887; *он же*, Павлов А.С. Номоканон при большом требнике. Его история и тексты греческий и славянский с объяснительными и критическими примечаниями. М., 1887; *он же*, Курс церковного права. СПб., 2002; *Горчаков М.М.* О тайне супружества. Происхождение, историко-юридическое значение и каноническое достоинство 50-й (по спискам патриархов Иосифа и Никона 51-й) главы печатной Кормчей Книги. СПб., 1880*; Суворов Н.С.* Разбор сочинения г. Загоровского о разводе по русскому праву. Харьков. 1884; *он же*, Учебник церковного права. М., 1908; *Заозерский Н.А.* На чём основывается церковная юрисдикция в брачных делах // Богословский вестник. 1902. Т. 1 – 6.

[18] *Генкин Д.М., Новицкий И.Б., Рабинович Н.В.* История советского гражданского права. М., 1949.

[19] *Новицкая Т.Е.* Правовое регулирование имущественных отношений в России во второй половине XVIII в. М., 2005; *Полянская Г.Н.* История имущественных отношений в крестьянском дворе по советскому праву: Дис. … канд. юрид.наук / Моск.юрид. ин-т. М., 1939.

[20] *Пахман С.В.* Обычное гражданское право в России / под ред. и с предисловием В.А. Томсинова. М.: Зерцало, 2003; *Оршанский И.Г.* Исследование по русскому праву обычному и брачному. СПб., 1879.

[21] См., напр.: Городская семья XVIII века. Семейно-правовые акты купцов и разночинцев Москвы / Составление, вводная статья и комментарии Н.В. Козловой. М., 2002.

[22] См., напр.: *Свердлов Г.М.* О предмете и системе социалистического семейного права // Советское государство и право. 1941. № 1*; он же*, Охрана интересов детей в советском семейном и гражданском праве. М., 1955; *Ворожейкин Е.М.* Семейные правоотношения в СССР. М., 1972; *Нечаева А.М.* Семейное право: актуальные проблемы теории и практики. М., 2007.

Особый пласт научной литературы – работы иностранных авторов[23]. Их специфический взгляд на историю России и модный ныне «гендерный» подход (когда исследователь рассматривает то или иное историческое явление с точки зрения общественного положения женщины) не всегда приводит их к корректным выводам.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Предложенный автором метод рассмотрения эволюции правовых норм с точки зрения предмета правового регулирования демонстрирует удобство применения понятийно-категориального аппарата теории государства и права к историко-правовым реалиям. Тем самым не только достигается требуемая объективность научного исследования, но и лишний раз подтверждается значение теории государства и права как науки высокого уровня обобщения правовой действительности.

Практическая значимость исследования состоит в том, что полученные автором результаты диссертации могут быть использованы при разработке как отдельных разделов учебной дисциплины «История отечественного государства и права», так и специальных курсов по истории отечественного семейного права.

Полученные автором выводы о социальном назначении брачно-семейных институтов на различных этапах развития российского государства могут оказаться полезными для учёных, разрабатывающих проблемы семейного права сегодняшнего дня.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Предложенный автором метод рассмотрения эволюции правовых норм с точки зрения предмета правового регулирования демонстрирует удобство применения понятийно-категориального аппарата теории государства и права к историко-правовым реалиям. Тем самым не только достигается требуемая объективность научного исследования, но и лишний раз подтверждается значение теории государства и права как науки высокого уровня обобщения правовой действительности.

Практическая значимость исследования состоит в том, что полученные автором в диссертации результаты могут быть использованы при разработке как отдельных разделов учебной дисциплины «История отечественного государства и права», так и специальных курсов по истории отечественного семейного права.

---

[23] См., напр.: *Freeze, Gregory L.* Bringing Order to the Russian Family: Marriage and Divorce in Imperial Russia, 1770 – 1860 // The Journal of Modern History, Vol. 62. № 4 (Dec., 1990); *Geiger, Kent H.* The Family in Soviet Russia. Harvard University Press. Cambridge. Massachusetts. 1970; *Glass, Becky L., Stolee, Margaret K.* Family law in Soviet Russia // Journal of Marriage and the Family. 1987. Vol. 49. № 4 (Nov.); *Goldman, Wendy Z.* Women, the State and Revolution: Soviet Family Policy and Social Life, 1917 – 1936. NY. Cambridge University Press. 1995; *Goldman, Wendy Z.* Gender and Industry in Stalin's Russia. NY. Cambridge University Press. 2002;

Выводы диссертации о социальном назначении брачно-семейных институтов на различных этапах развития российского государства могут оказаться полезными для учёных, разрабатывающих проблемы семейного права сегодняшнего дня.

Методы и методология исследования

При подготовке работы были использованы такие научные методы, как исторический, логический и системный анализ. В частности, благодаря *историческому* методу удалось проследить эволюцию предмета правового регулирования брачно-семейных отношений с Древней Руси до середины XX века, а благодаря методу *системного анализа* оценить на каждом историческом этапе зависимость этого предмета от целого ряда факторов и показать их взаимосвязь. *Логический* метод позволил построить обоснованную историческую теорию, объясняющую причины и характер эволюции правового регулирования брачно-семейных отношений в России в рассматриваемый период.

Из специальных методов, разработанных юридической наукой, были использованы историко-правовой и сравнительно-правовой. Благодаря *историко-правовому* методу стало возможным выявить причины появления тех или иных брачно-семейных норм, проследить их формирование в рамках законопроектных работ и на стадии принятия нормативно-правовых актов, оценить специфику их применения и последствия этого применения. *Сравнительно-правовой* метод дал возможность оценить результаты рецепции иностранных правовых норм о браке и семье на русской почве.

В основе методологии данной работы лежит постановка в центр исследования предмета правового регулирования брачно-семейных отношений. Этот приём позволил выявить субъектов регулирования на разных отрезках российской истории, определить поставленные задачи правового регулирования, оценить приёмы воздействия на соответствующие правоотношения и их эффективность. Следствием применения такой методологии стала предложенная в настоящей работе периодизация истории семейного законодательства в России.

Научная новизна данного диссертационного исследования состоит в том, что предпринята первая попытка анализа факторов, влиявших на весьма продолжительном временном отрезке на процесс правового регулирования вопросов брака и семьи, а также на эволюцию правового регулирования этих отношений.

Впервые в научной литературе высказывается и подтверждается гипотеза о том, что в дореволюционной России не просто отсутствовала отрасль семейного права, но

даже об отрасли законодательства можно говорить лишь с XIX века, поскольку до этого брачно-семейные нормы представляли собой разрозненный массив нормативного материала различного происхождения и назначения.

Новизна исследования состоит также в том, что развитие брачно-семейных норм было впервые рассмотрено в комплексе с нормами других отраслей и, прежде всего, с нормами сословного законодательства России.

Впервые вводится в научный оборот ряд архивных материалов, раскрывающих подоплёку изменений брачно-семейного законодательства в XVIII – XIX веках, в частности, дела Святейшего Правительствующего Синода, Департамента гражданских и духовных дел и Департамента законов Государственного Совета, II Отделения канцелярии Его Императорского Величества.

Положения, выносимые на защиту

1. Исследование эволюции брачно-семейных правоотношений в России требует принять за его основу понятие «предмет правового регулирования». С этой точки зрения выделяется три субъекта воздействия на общественные отношения, которые на различных исторических отрезках проявляли свой интерес к браку и семье: общество (прежде всего, крестьянская среда), церковь и государство. Все они ставили свои собственные задачи при воздействии на брачно-семейные отношения россиян. Православная Церковь регулировала браки паствы с целью охраны нравственности, а крестьянская масса видела в брачно-семейных связях средство создания и укрепления жизнеспособных производственных единиц. Государственная власть на различных исторических этапах поразному смотрела на назначение брака и семьи. Принимая во внимание, что государство с момента включения в процесс регулирования исследуемых отношений являлось наиболее активным субъектом воздействия на них, адекватная периодизация истории семейного права может быть построена на основании выявления переломных моментов, в которые государство меняло свои подходы к регулированию брачно-семейных отношений.

2. Применение авторского подхода к изучению правового регулирования брачно-семейных отношений в России на разных исторических отрезках позволяет сформулировать следующую периодизацию, связанную с историей формирования отрасли. Первый этап (до середины XVII века) связан с почти полным отсутствием интереса законо-

дателя к вмешательству в брачно-семейные отношения россиян. На этом этапе основными источниками брачно-семейных норм являются обычаи и канонические правила. Второй этап (с середины XVII века до Октябрьской революции 1917 года) характерен следующим подходом государства к сфере брака и семьи: государство регулирует, прежде всего, сословную организацию российское общества, а брачно-семейные нормы являются лишь «побочным продуктом» этого регулирования. Третий этап (с Октябрьской революции 1917 года по середину 30-х годов) связан, с одной стороны, с решением давно назревших проблем в области правового регулирования брачно-семейных отношений. С другой стороны, законодательство этого периода отражало господствовавшие тогда взгляды советских руководителей на скорое отмирание брака и семьи вместе с отмиранием государства. На четвёртом этапе (с середины 30-х годов) происходит постепенное формирование особого отраслевого предмета и метода семейного права, что нашло своё окончательное выражение в законодательстве конца 60-х годов.

3. Рецепцию на российской почве церковных норм византийского происхождения следует считать не вполне удачной. Из всех трёх регуляторов брачно-семейных отношений церковь оказалась наиболее слабым и наименее влиятельным субъектом. При том, что вопросы брака и семьи издревле официально составляли церковную «вотчину», по целому ряду причин церковной организации вплоть до отделения её от государства в 1918 году так вполне и не удалось привить православному населению соблюдение канонов, связанных со вступлением в брак и его прекращением. Особенно выпукло неудачи РПЦ видны при анализе систематически выявляемых конфликтов норм церковного права и обычаев, действовавших в крестьянской среде. Государственная власть, признав на определённом этапе Православную церковь «первенствующей и господствующей» в решении проблем внутрисемейных отношений, была вынуждена систематически обращать внимание церковного руководства на наиболее вредные проявления неудач церкви в данной сфере.

4. Общеизвестно, что с момента принятия христианства брачно-семейные отношения в значительной мере регулировались нормами канонического права, в основе своей состоящими из норм византийского права. Однако нормы эти, с одной стороны, искажались в процессе их применения самим духовенством в силу неверного их истолкования, что было вызвано невысоким уровнем образования основной массы священнослужителей, а, с другой стороны, не исполнялись вполне преднамеренно, поскольку

вступали в коллизию с нормами обычного права, обычаями, а порой и общегосударственными законами.

5. Существование в России на длительном историческом отрезке мелкотоварного сельскохозяйственного производства и натурального хозяйства, основой которого была отдельная крестьянская семья, явилось предпосылкой к сохранению особой роли брачно-семейных обычаев русского крестьянства. Вплоть до 30-х годов XX века важная роль крестьянского двора, как хозяйственной единицы, определяла живучесть обычаев, определявших его создание, деятельность и прекращение. Специфика крестьянских повинностей в дореволюционной России определяла заинтересованность государства в сохранении крестьянской семьи, как в «родственно-трудового объединения лиц», что заставляло власть смотреть сквозь пальцы на неопасные для казённых интересов нарушения брачных церковных канонов. До начала массовой коллективизации сельского хозяйства в 30-е годы XX века и советское государство считалось с многовековыми крестьянскими семейными обычаями, несмотря на их явное противоречие с революционными веяниями в семейном законодательстве.

6. С XVII века русское правительство стало активно воздействовать на брачно-семейные отношения православных подданных. Основным движущим фактором в развитии законодательства в этой области являлась заинтересованность власти в социальной организации господствующего сословия – дворянства. Правовые нормы, затрагивающие жизненные вопросы дворянских семей, стали основополагающими при формулировании вошедших в Свод законов гражданских общих постановлений о браке и семье (первая треть XIX века). Сословные дворянские интересы заставляли правительство, с одной стороны, устанавливать специальные правила, не совпадающие с церковными канонами, а с другой – указывать церкви на несовершенство отдельных канонов и инициировать их корректировку. Вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции продворянская позиция русского правительства определяла «колорит» многих брачно-семейных норм в Российской империи.

7. Брачно-семейные отношения православного духовенства и низших разрядов служилого населения русское правительство вплоть до середины XIX века рассматривало исключительно под углом зрения их наследственных сословных обязанностей; главная идея законодательных норм в отношении этих категорий населения – обеспечение воспроизводства и сохранения профессиональных навыков сословных групп, специаль-

но закреплённых за отдельными видами государственной службы. Отмена наследственного характера служб указанных лиц в середине XIX столетия естественным образом повлияла на изменение правового регулирования их брачно-семейных отношений, в основном, при определении сословного положения и рода деятельности детей служилого элемента.

8. Регулирование со стороны государства брачно-семейных отношений податного населения (крестьянство, горожане) начинается вместе с процессом его закрепощения. Прикрепляя сельское и городское население, соответственно, к сельскохозяйственной и промышленно-торговой деятельности, правительство, как и в отношении низших разрядов служилых людей, интересуется семьей, в первую очередь, как «принадлежностью» необходимых государству промыслов. Посредником между крепостными крестьянами и казной было определено дворянство, в отношении удельных, государственных крестьян и городского населения таким посредником становятся податные общества. Все указанные посредники наделены полномочиями решать брачно-семейные проблемы подведомственного им податного населения, прежде всего, с точки зрения хозяйственной целесообразности. Необходимость такого посредничества прямо зависела от специфики основных обязанностей крестьян и горожан, в частности, от характера обложения и особенностей воинской повинности.

9. Форма, в которую было облечено регулирование сословной специфики семейных отношений в процессе систематизации законодательства в первой трети XIX века, была во многом заимствована из-за рубежа. Своеобразная рецепция европейского права произошла при формулировке постановлений о браке и семье, поскольку проекты и окончательный вариант текста Свода законов гражданских были составлены под явным влиянием Французского гражданского кодекса 1804 года. Однако эта рецепция могла носить лишь частичный характер, ибо европейские нормы не могли быть полностью восприняты на русской почве в тех случаях, когда они вступали в противоречие с существовавшей на том момент сословной организацией общества.

10. Ликвидация в России сословного строя и отделение церкви от государства в 1917 – 1918 годах определили новый подход советского правительства к проблемам брака и семьи. При этом сохранение мелкотоварного сельскохозяйственного производства почти на два десятилетия предопределило в брачно-семейной политике Советской власти два «параллельных курса». Первый, отражавший давно назревшую обществен-

ную потребность в переменах, был направлен на уравнение в правах лиц обоего пола и введение новых форм общественной организации в соответствии с тогдашним пониманием деятелями советской юстиции идей классиков марксизма. Второй курс учитывал традиционную специфику крестьянской жизни, сохранял особенности крестьянского двора как производственной единицы. Унификация семейного законодательства и, следовательно, потеря былой значимости норм обычного права, стала возможна лишь вследствие сплошной коллективизации, обобществившей сельскохозяйственное производство – базис для обычно-правового регулирования.

11. Вплоть до середины 30-х годов XX века советское государство не возлагало на брак и семью особых социальных задач. Однако целый ряд обстоятельств, в том числе, необходимость борьбы с безнадзорностью несовершеннолетних, с ростом детской преступности – на фоне принципиального отказа советского правительства от идеи отмирания семьи – заставил власть пересмотреть свою позицию и принять меры к укреплению семьи как приоритетной формы устройства несовершеннолетних детей. Соответственно, политика укрепления семьи определила появление новых механизмов понуждения родителей к деятельности по содержанию и устройству детей. Кроме того, создание необходимых условий для семейного воспитания детей потребовало восстановить значение почти забытых в первые два десятилетия Советской власти личных прав и обязанностей супругов, которые в окончательном виде были закреплены в законодательстве конца 60-х годов. Законодатель, начиная с 30-х годов, всё четче осознаёт, что задача семьи – стать предпочтительной средой для воспитания несовершеннолетних детей, а задача брака – стать основой для формирования этой среды. Это целеполагание, которому будет подчиняться правовое регулирование семейных правоотношений, и которое будет отражено в законодательстве конца 60-х годов, станет показателем формирования особого отраслевого предмета семейного права.

12. С середины 30-х годов государство начало понуждать супругов и родителей к надлежащему выполнению своих обязанностей через более широкое наделение суда, а также органов опеки и попечительства контролирующими полномочиями в сфере брака и семьи. Усиление императивного начала в правовом регулировании данных отношений в этот период начало проявляться также в ограничении в ряде случаев выбора вариантов поведения участников семейных правоотношений.

Таким образом, государственные интересы по защите материнства и детства стали той движущей силой, которая способствовала формированию предмета и метода отрасли семейного права в 30 – 60-е годы XX столетия. В этот период впервые в истории России государство поставило в регулировании брачно-семейных отношений задачи, определённые социальным значением семьи для страны, и, кроме того, сформулировало единые способы достижения этих задач. Всё это предопределило в период с середины 30-х до конца 60-х годов эволюцию семейного права из отрасли законодательства в новую отрасль права.

Апробация результатов диссертационного исследования

Основные результаты диссертационного исследования отражены в монографиях, научных статьях, опубликованных в изданиях, рекомендованных Высшей Аттестационной Комиссией Министерства образования и науки РФ для публикации основных результатов диссертаций.

Были сделаны научные доклады, представленные на научно-практических конференциях:

1. Международная научная конференция «Проблемы ответственности в современном праве», декабрь 2009 года. Юридический факультет МГУ. Доклад на тему: «К вопросу об обязанности родителей воспитывать детей в XVIII-XIX веках». Опубликован: Научные труды. Российская академия юридических наук. Выпуск 10. В 3 томах. Том 1. М.: Юрист. 2010. С. 388 – 391.

2. Московские историко-правовые чтения 19 мая 2011 года. Юридический факультет МГУ. Доклад на тему «Секуляризация» брачно-семейных отношений в XVIII веке». Опубликован: Вестник МГУ. Сер. 11. «Право». 2011. № 4. С. 52 – 69.

3. Международная научная конференция «Правовые традиции» Жидковские чтения. Российский университет дружбы народов, март 2013 года. Доклад на тему: «Проблемы применения канонического права в русской дореволюционной деревне». Опубликован: Вестник МГУ. Сер. 11. «Право». 2013. № 5. С. 48 – 68.

4. Круглый стол «История и методология юридической науки» 22 октября 2015 года, юридический факультет МГУ. Доклад на тему: «О значении историко-правовых исследований (на примере истории отечественного семейного права) для понимания эволюции методологии юридической науки».

5. Международная научно-практическая конференция «Стратегия национального развития и задачи российской юридической науки», 26 ноября 2015 года, юридический факультет МГУ. Доклад на тему: «Сплошная коллективизация в СССР и изменения в советском семейном праве в 30-е годы XX века».

Данные, полученные в ходе написания настоящей диссертации, результаты исследования и отдельные подготовленные публикации были обсуждены на кафедре истории государства и права МГУ им. М.В. Ломоносова. Отдельные материалы легли в основу диссертации на соискание учёной степени кандидата юридических наук на тему «Реформирование советского семейного права в годы Великой Отечественной войны», защищённой автором в 1998 г. на юридическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова.

Материалы, собранные в ходе подготовки настоящего диссертационного исследования, были использованы при подготовке лекций по курсу «История отечественного государства и права», который читается автором для студентов 1 курса дневной формы обучения юридического факультета Московского гуманитарного университета с 1998 года по настоящее время. Аналогичный курс читается автором с 2003 года по настоящее время для студентов 1 курса дневной формы обучения юридического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова. Материалы и результаты исследования использованы автором для разработки авторских спецкурсов «Проблемы истории отечественного семейного права» и «Эволюция семейного права в России», которые читались для специализантов кафедры истории государства и права, для студентов 3 курса дневной формы обучения (спецкурс по выбору) юридического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова с 2004 по 2013 годы, а также для магистрантов юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (с 2015 года).

Основные результаты исследований автора также нашли отражение в разделе «Семейное право» неоднократно переиздававшегося учебника «История отечественного государства и права. Ч.2: учебник / под ред. О.И.Чистякова».

Структура работы построена таким образом, чтобы способствовать решению поставленных автором задач. Соответственно, первая глава посвящена методологии предпринятого исследования. Вначале рассматриваются различные подходы к изучению истории семейного права России, использованные в работах отечественных и зарубежных авторов. Не отвергая ценности данных подходов, приходится признать, что они не дают возможности рассмотреть проблему с интересующего автора ракурса, поэтому

предлагается собственная методология, основанная на постановке в центр исследования понятия «предмет правового регулирования». Именно предмет правового регулирования помогает определить интересы общества, церкви и государственной власти в регулировании брачных отношений на различных этапах истории России. Соответственно, в следующих двух главах рассматривается вопрос о том, как эти интересы воплощались в правовом регулировании до Октября 1917 года.

Во второй главе исследуется, как именно осуществлялось правовое регулирование брачно-семейных отношений в России до Октябрьской революции церковными канонами и обычаями. Изучение проблем рецепции церковных норм на российской почве (параграф первый) и выявление особенностей некоторых брачно-семейных обычаев русского народа (параграф второй) позволяет обосновать выводы о степени успешности указанной рецепции.

Третья глава целиком посвящена исследованию воздействия государства на регулирование брачно-семейных отношений в дооктябрьский период. Анализ законодательства о правовом статусе различных слоёв населения, а также изучение законопроектной деятельности русского правительства позволяют, во-первых, увидеть истинные интересы русского правительства, ради которых оно с XVII века варьировало регулирование брачно-семейных отношений у разных сословий. Во-вторых, такой анализ позволяет оценить влияние норм сословного законодательства на общие постановления о браке и семье в дореволюционной России. Наконец, в-третьих, появляется возможность объективно оценить степень воздействия иностранных правовых норм, заимствованных российским законодателем XVIII – XIX веков, на правовое регулирование брачно-семейных отношений.

Два важнейших этапа в правовом регулировании брачно-семейных отношений после Октябрьской революции 1917 года рассматриваются в четвёртой главе. Выделение специальной главы, посвящённой послеоктябрьскому периоду, определено исчезновением всех тех факторов, которые оказывали до этого решающее влияние на семейно-правовые нормы: был ликвидирован сословный строй, а церковь была отделена от государства. Соответственно, первый параграф посвящён рассмотрению вопроса, как Советская власть решала вопросы в сфере брачно-семейного регулирования, оставшиеся «в наследство» от прежнего режима, а также какое влияние оказали на это регулирования социалистические идеи. Во втором параграфе данной главы проанализированы ос-

новные тенденции отраслевого законодательства с середины 30-х годов XX века, когда советское правительство начало радикально менять курс брачно-семейной политики. Водоразделом, которым была определена граница двух советских периодов (середина 30-х годов) и который, соответственно, послужил основанием деления главы на два параграфа, стала чётко намечающаяся тенденция формирования отрасли семейного права со своими специфическим предметом и методом. Логическим завершением этого формирования стала систематизация семейного законодательство конца 60-х годов, что и послужило концевой точкой данного исследования.

Таким образом, помимо Введения, Заключения, списка использованной литературы и источников диссертация состоит из четырёх глав, разделённых на десять параграфов.

Глава 1 Проблема методологии историко-правового исследования брака и семьи

§1. Проблемы историографии истории отечественного семейного права

Значение методологии при изучении истории семейного права трудно переоценить. Верный подход к исследованию позволит одновременно решить несколько задач. Во-первых, будет ясно, какие именно аспекты взаимоотношений супругов и членов семьи интересны власти на том или ином временном отрезке, а также причины этого интереса. Во-вторых, станет точнее определение характера вмешательства государства в брачно-семейные отношения. В-третьих, появится возможность адекватной оценки последствий правового регулирования брака и семьи, исходя из выявленных целей и приёмов регулирования.

С каких позиций подходили те или иные авторы к истории отечественного семейного права? Проще всего определить это в том случае, когда та или иная работа посвящалась развитию брачно-семейного законодательства России за длительный исторический период. Здесь характерным примером является труд Н.С. Нижник «Правовое регулирование брачно-семейных отношений в русской истории» (2006). Автор изучает эволюцию семейного права с точки зрения двух критериев: *христианизации Руси и характера правления.* В соответствии с этими критериями предлагается и периодизация истории развития отрасли: 1) Древняя Русь «в условиях язычества»; 2) Древняя Русь и Московское государство после принятия христианства; 3) Российская империя. Данная периодизация нова лишь отчасти. Автор вводит «религиозный элемент», желая показать влияние канонических норм на русское право. Второй критерий – характер правления – был использован ещё учёными XIX столетия, разрабатывавшими вопросы истории русского права вообще. Так, М.Ф. Владимирский-Буданов выделял три этапа дореволюционной истории права: земский (княжеский), московский и период империи[24]. В.Н. Латкин также выделял три периода: удельно-вечевой, период Московского государства и период империи[25]. К.А. Неволин разбивал историю семейного права на два периода: до Петра I и после него[26].

---

[24] *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории русского права. Ростов-на-Дону. «Феникс». 1995. С. 33.
[25] *Латкин В.Н.* Учебник истории русского права периода империи (XVIII – XIX ст.). СПб., 1909. С. 2.
[26] *Неволин К.А.* История российских гражданских законов. Часть первая: Введение и книга первая о союзах семейственных. М.: Статут, 2005.

Признавая за предложенной дореволюционными учёными[27] периодизацией определённое научное значение, необходимо уточнить возможность её применения к области истории семейного права. Насколько существенно отличается именно в правовом регулировании брака и семьи «земский» (княжеский, удельно-вечевой и проч.) период от «московского», а «московский» – от «имперского»? Вопрос можно поставить даже точнее: насколько характер правления, взятый за основу периодизации, влиял на брачно-семейную политику государства? Указанные дореволюционные авторы на эти вопросы не отвечают в принципе, поскольку они выделяли исторические периоды для всех отраслей (гражданское, уголовное, процессуальное, государственное право) в самом общем виде. Но даже под эту обобщённую периодизацию подводились довольно слабые основания. Например, М.Ф. Владимирский-Буданов и П.И. Числов практически одними и теми же словами определяют для первого (земского) периода такую характерную черту, как господство обычая и частноправового начала в государственном управлении, для второго (московского) – смешение обычного права и закона, постепенное развитие публичного характера управления, для третьего (имперского) – окончательное вытеснение обычая законом и господство публичного начала[28]. Таким образом, настоящей основой для периодизации является не столько характер правления, сколько *изменение соотношения источников права*. Н.С. Нижник вообще не сочла нужным остановиться на проблеме обоснования периодизации и по умолчанию переняла периодизацию XIX века.

Выдвинутая дореволюционными историками общая периодизация и сама по себе далеко не безупречна, а в случае с регулированием брачно-семейных отношений представляется и вовсе необоснованной. В третьем периоде (периоде империи), как считал М.Ф. Владимирский-Буданов, закон окончательно вытеснил обычай: «Права семейные и право собственности утверждается (при Екатерине II)»[29]. Примерно так же рассуждал П.И.Числов, для которого петербургский (или императорский) период означал полное господство закона над обычаем, а гражданское законодательство «начинает регламентировать отношения брачного права, определявшиеся ранее законами церковными»[30].

В главе 2 настоящего исследования будет подробнее рассмотрено соотношение закона и обычая в брачно-семейной сфере, однако для доказательства спорности доре-

---

[27] Той же периодизации держались, напр. *Филиппов А.Н.* (Учебник истории русского права (пособие к лекциям). Ч. 1. Юрьев. 1912. С. 17), *Числов П.И.* (Курс истории русского права. М. 1914 – 1915. С. 8-9).
[28] *Владимирский-Буданов М.Ф.* Там же. *Числов П.И.* Там же.
[29] *Владимирский-Буданов М.Ф.* Указ.соч. С. 33.
[30] *Числов П.И.* Указ.соч. С. 9 – 10.

волюционной периодизации необходимо привести несколько примеров коллизии этих источников в «период империи». Так, законодатель запретил господам принуждать к браку своих крепостных[31], но сохранившиеся инструкции управляющим хозяйствами Голицыных, Шереметевых и др. говорят о непосредственном воздействии на крестьян в целях понуждения их к браку под угрозой различных санкций[32]. Или, например, гражданское законодательство установило в 1830 году брачный возраст: 18 лет для мужчин, 16 для женщин. Обычаи же предусматривали и более ранние браки, и в 1857 году из-за экономических интересов крестьянской массы Синод дал разрешение епархиальным архиереям венчать с нарушением установленного возраста[33]. Сельские обычаи допускали браки двоюродных братьев и сестёр[34], в то время как указ Синода от 19 января 1810 г. (и так уже сокративший количество запрещённых к браку степеней родства с седьмой до четвёртой) такие супружества безусловно запрещал[35]. В 1819 году Государственный Совет сформулировал запрет светским органам утверждать своими актами раздельное проживание (разножительство) супругов. Однако тот же Государственный Совет в 1862 году вынужден был согласиться с практикой, когда волостные крестьянские суды позволяли в случае жестокого обращения с женой и развратного поведения переселяемого в Сибирь мужа остаться ей на прежнем месте жительства[36].

Законодатель неоднократно вынужден был расписываться в своём бессилии в борьбе с многожёнством, т.е. со вступлением во второй брак при официально нерасторгнутом первом. Так, Киевский архиерей Варлаам сообщал в 1729 году о многочисленных случаях, когда служилые люди, «оставив первую или вторую законную жену, другую беззаконную дерзают принимать»[37]. О подобных случаях в 1741 году докладывал Астраханский епископ[38], а в 1752 году – Тобольский митрополит[39]. В феврале 1842 года министр юстиции докладывал государственному секретарю о том, что несмотря на

---

[31] Полное собрание законов Российской Империи. Собрание первое (1649 – 12 декабря 1825 г): В 45 тт. СПб., 1826 – 1830 (далее – 1-е ПСЗРИ). Т. VII. № 4406.
[32] См., напр.: *Шепетов К.Н.* Крепостное право в вотчинах Шереметевых. М., 1947. С. 116 – 117; *Семевский В.И.* Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. Том 1. СПб., 1903. С. 317.
[33] Полное собрание законов Российской Империи. Собрание второе (12 декабря 1825 – 1 марта 1881 г.): В 55 тт. СПб., 1830 – 1884 (далее – 2-е ПСЗРИ). Т. XXXII. Отд. I. № 31849.
[34] Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России (обычное право, обряды, верования и пр.). Вып. I. М. 1889. С. 90 – 91.
[35] 1-е ПСЗРИ. Т. XXXI. № 24091.
[36] 2-е ПСЗРИ. Т. XXXVII. Отд. II. № 38688 ст. 2.
[37] Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода (сост. Комиссией для разбора и описания архива Святейшего Правительствующего Синода). СПб.- Пг. 1868 – 1915 (Далее – ОДДС). Т. IX (1729 г.). СПб., 1913. Дело № 15. Стлб. 19 – 20.
[38] 1-е ПСЗРИ. Т. XI. № 8724.
[39] ОДДС. Т. XXXI (1751 г.). СПб., 1909. Дело № 1. Стлб. 8 – 9.

предпринимаемые меры, многобрачия случаются нередко[40]. Следствием начавшегося делопроизводства стало высочайше утверждённое мнение Государственного Совета от 6 апреля того же года, в соответствии с которым в паспортах и других видах на жительство лиц обоего пола стали делаться отметки об их браках[41].

Приведённые примеры показывают, что решительного вытеснения законами обычаев в «период империи» не происходит. Специальное рассмотрение норм обычного права покажет, что такое вытеснение и не планировалось правительством. Наоборот, особый уклад дореволюционного сельского хозяйства держался именно на обычаях, многие из которых противоречили российскому гражданскому законодательству. Исчезновение обычая, как источника семейного права, будет связано не с очередной сменой формы правления, а с исчезновением мелкотоварного сельскохозяйственного производства. Таким образом, «период империи», исходя из критериев дореволюционных учёных, следовало бы по-настоящему отсчитывать примерно с 30-х годов XX века, когда вследствие коллективизации крестьянский двор, формирование и деятельность которого определялась обычным правом, перестал оказывать влияние на экономику страны.

Отдельно стоит оценить значение реформ Петра I, с деятельностью которого К.А.Неволин связывает начало нового периода истории российских гражданских законов. Н.С. Нижник, соглашаясь с ним, пишет: «Начало новому этапу в развитии семейного права положила реформаторская деятельность Петра I. В период его правления произошло усиление роли светского законодательства, с помощью которого император пытался устранить пробелы в существующем каноническом праве»[42]. Значение преобразований великого императора трудно переоценить, однако справедливо ли считать их новым этапом в истории развития отрасли? И верен ли сам тезис о том, что законодательство Петра и его преемников имело целью устранить пробелы в каноническом праве? Именной указ от 3 апреля 1702 г., запретивший составление рядных записей с неустойкой за отказ венчаться, никак не корректировал канонические нормы. Другой Указ Петра I[43], увеличивший вдвое плату за выдачу венечной памяти, никак не был связан с каноническим правом. Великий реформатор просто попытался использовать отлаженный с эпохи Ивана III механизм сбора этого платежа для нужд государства: теперь половина

[40] РГИА. Ф. 1149. Оп. 3(1842). Д. 43. Л. 2 об.
[41] 2-е ПСЗРИ. Т. XVII. Отд. I. № 15476.
[42] *Нижник Н.С.* Указ.соч. С. 111.
[43] Законодательство Петра I. М., «Юридическая литература». 1997. С. 643.

собранного должна была поступать на содержание госпиталей. Ещё одно техническое нововведение Петра I – регистрация браков, рождений и смертей – если напрямую и не было вызвано фискальными интересами, то, во всяком случае, существенно облегчало учёт ревизских душ[44]. Неудивительно, что ревизорам-переписчикам вменялось в обязанность обращаться за помощью к местному духовенству «для наилучшего уверения» в достоверности собранных данных[45].

Указ Петра I 1721 года разрешил пленным шведам жениться на русских женщинах без смены веры. Но и в данном случае мотивом издания Указа не являлось желание ликвидировать пробелы в каноническом праве. Законодатель желал привлечь пленных, как квалифицированную рабочую силу, к добыче и обработке железной руды, при этом такая возможность была обоснована ссылкой на Священное Писание[46].

В первой четверти XVIII века изменялись нормы, связанные с брачным возрастом. Так, в мае 1725 года были приняты Пункты о вотчинных делах. Определяя порядок распоряжения недвижимостью, п. 5 этого закона позаботился о сохранности имущества подростков обоего пола, для чего запрещались всякие сделки наследниками, не достигшими 20 лет. Этот же пункт определял брачный возраст для мужчин 20 лет, для женщин – 17, «дабы кадеты обоих полов каким образом не притеснены в молодых летах»[47]. До достижения указанного возраста знаменитый Указ Петра I «О наследии имений» от 23 марта 1714 года велел «кормить и снабдевать» наследников имений. При этом наследников мужского пола до указанного возраста необходимо учить грамоте, цифирному счету и другим наукам[48]. Чтобы женитьба не могла повредить обучению, Петр I поставил в зависимость от согласия начальства брак гардемарин (воспитанников Морской академии), а служащим коллегии Адмиралтейства вообще запретил жениться раньше 25 лет[49]. Рассматривая приведённые законоположения в контексте петровских реформ, заключаем, что и по вопросу о брачном возрасте речь не шла о коррекции церковно-правовых норм. Законодатель заботился о сохранности за дворянскими родами их не-

---

[44] Иначе считает Г. Фриз. См.: *Freeze, Gregory L.* Bringing Order to the Russian Family: Marriage and Divorce in Imperial Russia, 1770 – 1860 // The Journal of Modern History, Vol. 62. № 4 (Dec., 1990). P. 716 – 717.

[45] Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской Империи (далее – ПСПиР). Т. II (1744 – 1745 гг.). СПб., 1907. № 723. С. 209 – 201.

[46] Законодательство Петра I. С. 720-722. Елизавета Петровна в 1747 г. подтвердила такую возможность (1-е ПСЗРИ. Т. XII. № 9406)

[47] 1-е ПСЗРИ. Т. VII. № 4722 п.5.

[48] Законодательство Петра I. С. 700.

[49] 1-е ПСЗРИ. Т. VI. № 3937 п. 77.

движимости и о возможности получения молодыми дворянами образования без оглядки на семейные связи.

Указанные примеры свидетельствуют о том, что в начале XVIII века правительство Петра I не стремилось, как считает Н.С. Нижник[50], корректировать нормы церковного права, а решало более приземлённые задачи: развитие определённых отраслей промышленности, увеличение казны, обеспечение благосостояния дворянства. Исходя из этого, представляется неверным тезис о том, что деятельность Петра I положила начало *новому этапу* в реформировании семейного права.

Христианизация Руси и её влияние на семейное право – один из центральных пунктов ряда работ, связанных с историей отрасли. Так, по мнению Н.С. Нижник, с момента крещения Руси в 988 году, начинается новый этап развития брачно-семейных отношений в стране. Автор считает, что Русская Православная Церковь присвоила «монопольное право утверждения брака», чему, вероятно, способствовало «распространение Номоканона»[51]. Впрочем, автор справедливо замечает, что распространение на Руси христианства и «вытеснение обычного семейного права византийским законодательством» происходило медленно[52].

Н.С. Нижник специально не изучала вопросы распространённости Номоканона на Руси, а также проблему вытеснения обычного права византийским законодательством. Между тем, понятие «Номоканон» не только для Руси, но и, пожалуй, для Византии можно считать неким собирательным существительным, поскольку под этим именем ходили самые разные документы на разных языках. О том, что какие-то номоканоны были известны в нашей стране ещё со времен князя Владимира Святославовича, позволяет судить текст его церковного устава[53]. Однако никакого единообразного документа под этим именем в Древнерусском государстве не существовало[54]. О том, что многие византийские источники были известны на Руси только в греческих подлинниках, говорит оценка митрополитом Кириллом II (XIII век) состояния церковной практики. Владыка нашел «несогласия многа и грубости», вызванные непониманием канонических

---

[50] *Нижник Н.С.* Указ. соч. С. 111. С данным автором согласна и А.А. Дорская (*Дорская А.А.* Церковное право в системе права Российской империи конца XVIII – начала XX вв. / Дис. …докт. юрид. наук. М., 2008. С. 227)
[51] *Нижник Н.С.* Правовое регулирование семейно-брачных отношений в русской истории. СПб., 2006. С. 15.
[52] Там же.
[53] Древнерусские княжеские уставы XI-XV вв. / подг. *Щапов Я.Н.* М., 1976. С. 23.
[54] Об истории византийских источников на Руси см., напр.: *Павлов А.С.* Курс церковного права. СПб., 2002. С. 83-98; *Макарий (Булгаков)*. История русской церкви. Кн. 4. Ч. 2. М., 1996. С. 80-90 и др.

правил, омрачённых «облаком мудрости эллинского языка»[55]. Плохое понимание канонических норм легко могло привести духовенство и мирян к их ошибочному толкованию. Об этом писал, например, на рубеже XV-XVI вв. каноник, ректор краковской академии Иоанн (Ян) Сакран («Истолкователь заблуждений русской веры», 1500 г.). Одним из религиозных заблуждений русских того времени, считал автор, являлось мнение о возможности развода без всякой причины, по прихоти одного из супругов. При этом второй и третий брак у русских якобы не являлись законными[56].

Однако и наличие славянского перевода не всегда помогало духовенству вследствие слабой образованности многих представителей этого класса. Малограмотных и совсем неграмотных священников можно было найти в изобилии в XVIII-XIX веках. Откуда же ранее было взяться классу хорошо образованных церковников? Наследственный порядок замещения приходских должностей, который постепенно утверждается на Руси, не стимулировал духовенство обучать своих преемников. Ещё устав новгородского князя Всеволода (датируется XII-XIII веками) грозил «неумеющим грамоте» поповым детям причислением к изгоям[57], однако священники вплоть до XVIII века имели надежду пристроить своих неграмотных чад на своё место. Неграмотность приходского духовенства с Древней Руси до XVIII века отмечалась известными церковными историками[58]. Но в вопросах христианства священники, даже умеющие читать и писать, были зачастую столь же невежественны, сколь и их паства[59]. Царь Иван IV в Стоглаве 1551 года, а за ним почти через два века и император Петр I в «Духовном регламенте» укоряли духовенство в потачке «бесовским игрищам», «эллинским беснованиям» и прочим языческим обычаям мирян[60]. Предосудительное поведение приходского духовенства заставляло монархов совершенствовать формы контроля через расширение полномочий

---

[55] *Павлов А.С.* Курс церковного права. С. 85.
[56] *Макарий (Булгаков)*. История русской церкви. Кн. 5. М., 1996. С. 92.
[57] Древнерусские княжеские уставы XI-XV вв. С. 157.
[58] См., напр.: *Карташев А.В.* Собрание сочинений: В 2 т. Т. 1: Очерки по истории русской церкви. – М.: Терра. 1992. С. 210; *Знаменский П.В.* Духовные школы в России до реформы 1808 года. СПб., 2001. С. 6; *Смолич И.К.* История русской церкви. 1700-1917. Ч. 1. М., 1996. С. 389; *Юшков С.В.* Очерки из истории приходской жизни на севере России в XV-XVII вв. / Летопись занятий императорской археографической комиссии за 1913 г. Вып. 26. СПб., 1914. С. 47 и др.
[59] *Знаменский П.В.* Приходское духовенство на Руси. Приходское духовенство в России со времени реформы Петра. – СПб.: Изд. дом «Коло». 2003. С. 95, 160; *Верюжский В.* Афанасий, архиепископ Холмогорский. Его жизнь и труды в связи с историей Холмогорской епархии за первые 20 лет ее существования и вообще русской церкви в конце XVII века. СПб., 1908. С. 142.
[60] Российское законодательство X-XX веков. В девяти томах. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. – М.: Юрид.лит., 1985. С. 368; Законодательство Петра I – М. : Юрид.лит. 1997. С. 548.

поповских старост, введение должностей заказчиков, благочинных, учреждение духовных консисторий.

Коренной ломке обычаев славян и воспитательной работе в духе христианского вероучения препятствовал характер взаимоотношений духовенства и паствы. В огромном количестве случаев вакансии в приходских храмах замещались по договору с прихожанами[61], поэтому от расположения общины к местному священству напрямую зависело его благополучие и самое пребывание в духовной должности[62]. В таких условиях духовенство было вынуждено закрывать глаза на нехристианское поведение «пасомого стада» из опаски, как бы чрезмерное рвение не было поставлено им «в вину»[63]. Что же касается духовенства храмов, построенных феодалами и находящихся на их иждивении, то противодействовать благодетелям они тем более не имели возможности. В дополнение надо отметить ещё древнерусскую практику, когда господа добивались посвящения в сан своих холопов[64].

Таким образом, воспитательная роль духовенства на Руси не могла быть велика, однако в области брака и семьи она была мала по определению. Венчание и крещение – именно эти таинства опосредовали участие Православной церкви в брачно-семейной жизни мирян. К этому необходимо добавить бракоразводный процесс, который хоть и не является таинством, но также требовал вмешательства духовенства. Личные и имущественные права и обязанности супругов, а также членов семьи каноническое право христианской церкви Восточного исповедания традиционно обходит стороной. Текст древнерусских церковных уставов хорошо доказывает это положение: брачно-семейные дела, подсудные церкви, в подавляющем большинстве касаются незаконных брачных связей (в близкой степени родства, с монахами и монахинями и проч.).

Попытки найти отголоски христианского учения в регулировании прав и обязанностей членов семьи вряд ли можно считать состоятельными. Так, Н.С. Нижник утверждает, что на христианстве основан принцип единого места жительства супругов, а также единство социального статуса[65]. Впрочем, исследователь умалчивает о том, почему христианское учение якобы обязывает супругов жить вместе и иметь единый социальный статус. Автор не приводит никаких источников для обоснования столь спорного те-

---

[61] См., напр.: *Знаменский П.В.* Указ. Соч. С. 71.
[62] *Макарий (Булгаков)*. История русской церкви. Кн. 4. Ч. 2. С. 98.
[63] Акты юридические или собрание форм старинного делопроизводства. СПб., 1838. № 185. С. 199.
[64] *Макарий (Булгаков)*. История русской церкви. Кн. 2. М. 1995. С. 414; *Знаменский П.В.* Указ. Соч. С. 71.
[65] Нижник Н.С. Указ. соч. С. 42.

зиса. Однако, Судебник 1497 года, например, прямо говорит о раздельном проживании членов семьи, если они являются холопами разных господ (ст. 66). Н.С. Нижник утверждает, что «с принятием христианства…замужняя женщина рассматривалась уже не как имущество мужа, а как относительно самостоятельное лицо»[66]. Однако этот тезис не только не доказан, но на следующей странице автор высказывает прямо противоположное: «…в Древнерусском и Московском государстве…муж являлся бесконтрольным повелителем своего семейства[67].

«Христианизации» брака на Руси мешало ещё одно обстоятельство – развитие крепостного права. Значительная доля населения страны фактически оказывалась в состоянии рабства, когда место жительства, род занятий и семейный статус зависел от желания господина. Характерно, что с проведением реформы 1861 года самым первым правом крестьянина как свободного сельского обывателя была провозглашена свобода от вмешательства помещика в его брачные и семейные дела[68]. Однако на протяжении нескольких веков браки крестьян служили, прежде всего, решению хозяйственных проблем их господ. Последствия такого взгляда на крестьянский брак были, например, таковы, что целые деревни оказывались населены более или менее близкими родственниками: помещику было дешевле оженить парня на девке того же села, нежели покупать для брака крепостную невесту у другого дворянина.

О.П.Семёнова в своей диссертации «Зарождение и развитие государственного регулирования семейных отношений в эволюции российского права с IX по XX века: историко-правовой аспект» (2007 г.) утверждает, что дореволюционное «российское брачное законодательство, и светское и каноническое, всегда строилось на основании религиозных правил»[69]. Представляется, что найти в религиозных правилах основания российских законов, определяющих, скажем, раздельность супружеской собственности или запрет служащим мужчинам жениться без согласия начальства будет нелегко. Впрочем, указанный автор не одинок в своём понимании данного вопроса. Так, Е.В. Белякова полагает, что брачная сфера «вплоть до 1917 года контролировалась церковными институ-

---

[66] Там же. С. 43.
[67] Там же. С. 44.
[68] Ст. 21 Общего положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости / Российское законодательство X-XX веков. В девяти томах. Т. 7. Документы крестьянской реформы. М.: Юрид.лит., 1989. С. 40.
[69] *Семёнова О.П.* Зарождение и развитие государственного регулирования семейных отношений в эволюции российского права с IX по XX века: историко-правовой аспект. Автореферат дис. … канд. юрид. наук. СПб., 2007. С. 9.

тами»[70]. Возможно, этот «контроль», скажем, в XIX веке выражался в обязательности, как считает Л.А. Тищенко для всех христиан вступать в брак с обязательным соблюдением обряда венчания[71]? Однако практика показывает, что множество российских христиан не только уклонялось от совершения этого обряда по причине дороговизны, но и предпочитало перейти в раскол с его большей брачной свободой. Русское правительство не могло не признать этого феномена, поэтому с 1874 года старообрядцам была предоставлена возможность регистрировать свои браки гражданским порядком.

Итак, специфика правового положения русского приходского духовенства, уровень его образованности, слабая каноническая разработка брачно-семейных вопросов, крепостное состояние значительной части населения страны, дороговизна церковных обрядов – все эти факторы ставят под сомнение ценность выбора крещения Руси как точки отсчёта в периодизации истории семейного права. Нельзя отрицать, что заимствованные канонические брачно-семейные нормы оказали серьезное влияние на развитие русского семейного законодательства, но весьма спорным являлось бы утверждение об *определяющем* влиянии христианского учения на брак и семью.

В настоящее время и в историко-правовой, и в исторической литературе утверждается мнение об определяющей роли православия в семейной жизни русского человека. В качестве примеров можно указать на работы А.В.Скутнева[72], М.М.Громыко[73], А.В.Буганова[74], И.А.Погодаевой[75] и др. В основе выводов этих исследователей – отдельные данные о храмостроительстве в русских деревнях, участии населения в церковных праздниках, почитании святых и т.п. К сожалению, указанные исследователи обратили недостаточно внимания на другие материалы, говорящие об усилении с течением времени раскола в России, невыполнении православными обязанности ежегодной исповеди, корыстолюбии и предосудительном поведении духовенства. Наконец, лёгкость, с которой православное население приняло отделение церкви от государства в 1918 году, вызывает сомнение в правоте указанных историков.

---

[70] *Белякова Е.В., Белякова Н.А., Емченко Е.Б.* Женщина в православии: церковное право и российская практика. М., 2011. С. 7.

[71] *Тищенко Л.А.* Соотношение светского и церковного законодательства России о браке (XIX – начало XX веков). Автореферат дис. … канд. юридич. наук. М., 2001. С. 19.

[72] *Скутнев А.В.* Православие в жизни русских крестьян в пореформенную эпоху // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 4 (18): в 2-х ч. Ч. I. С. 178.

[73] *Громыко М.М.* Мир русской деревни. М. 1991.

[74] *Громыко М.М., Буганов А.В.* О воззрения русского народа. М. 2000.

[75] *Погодаева И.А.* Православие как фактор, регламентирующий повседневную жизнь (на примере жителей Иркутска XIX века) // Вестник Тюменского государственного университета. Серия «История». 2011. № 2.

Необходимо отметить, что «христианскую» тему в брачно-семейной сфере активно разрабатывают современные авторы, которые заняты скорее не историко-правовыми, а *этнографическими исследованиями*. К числу таковых, например, можно отнести В.Ю. Лещенко (Русская семья (IX – XIX вв.). СПб., 2004 г.). Автор приводит богатый материал из разнообразных источников, который позволяет судить о значительных проблемах реализации канонических норм и указов светской власти. Но, к сожалению, В.Ю. Лещенко основную цель своего исследования видел в «создании общей картины крестьянской семьи»[76], поэтому приведённые им фактические данные стали лишь «мазками» на этой картине, обрисовавшими только общие контуры проблем брака и семьи. Богатый фактический материал, представленный автором, не только остался без должного правового обобщения, но и перемежается иногда с весьма спорными тезисами. Так, учёный считает, что в XVIII – XIX вв. «юридическое положение русской женщины, как супруги, было беззащитно»[77]. Мало того, что это, мягко сказать, спорное мнение остаётся в работе без доказательств, но в ней же содержатся материалы, говорящие явно о противоположном. В частности, разбираясь с семейными обычаями, В.Ю. Лещенко приводит примеры имущественной самостоятельности замужних женщин в Новгородской губернии, Белоруссии, Киевской губернии[78]. «Юридическая беззащитность» русской женщины, о которой говорит автор в разделе о разводах, опровергается материалами бракоразводных процессов, которые приводятся в этой же книге. Например, насильно постриженную жену Максима Пархомова Синод вернул к светской жизни, а незаконный второй брак Пархомова с Дарьей Колтовской признал недействительным и строго наказал виновных лиц[79].

В.Ю. Лещенко считает бесспорным влияние византийского гражданского права на российскую практику якобы дозволенных самовольных разводов в XVIII веке. Однако на деле это является лишь вымыслом автора. В работе отсутствуют ссылки на известные в России нормы канонического права, в соответствии с которыми взаимное согласие было достаточным основанием расторгнуть брак, поскольку таких норм в России, собственно, никогда и не было. Но В.Ю. Лещенко находит опору своей позиции в Синодском указе от 11 декабря 1730 года[80], которым *впервые* была осуждена практика

---

[76] *Лещенко В.Ю.* Русская семья (XI – XIX вв.). СПб., 2004. С. 3.
[77] Там же. С. 287.
[78] Там же. С. 130 – 132.
[79] Там же. С. 293.
[80] 1-е ПСЗРИ. Т. VIII. № 5655.

самовольных разводов по обоюдному согласию, следовательно, как считает автор, до этого Указа такие разводы разрешались. Учёному не пришла в голову простая мысль о том, что у Святейшего Синода, учреждённого незадолго до издания этого документа и занятого более насущными для духовенства вопросами, просто не доходили руки до того, чтобы пресечь незаконные действия приходских священников. Учитывая, кроме того, что даже жизненно необходимые Синоду сведения шли в Санкт-Петербург десятилетиями, молчание высшего органа церковного управления надо считать не признанием до 1730 года законности разводов по обоюдному согласию, а лишь невозможностью оперативно принять решение по данному вопросу.

Из современных трудов, целиком посвященных практике применения брачно-семейных норм, можно отметить «Три века русского развода (XVI – XVIII вв.)» М.К. Цатуровой (2011 г.)[81]. Автор проделала большую работу по отбору описаний бракоразводных дел, однако итогом этого кропотливого труда стал, в основном, простой пересказ найденных данных. Автор отнеслась к обнаруженному ею материалу как к самостоятельной ценности и практически не сделала попыток увязать его ни с состоянием канонического права в России, ни со спецификой положения Русской Православной церкви, ни с внутренней политикой российского государства в XVIII веке. В данном случае, хотя работа М.К. Цатуровой и не является этнографическим исследованием, но перед читателем предстаёт скорее богатый фактический материал, из которого ещё только предстоит сделать научные выводы. Так, автор приводит целый ряд бракоразводных дел лишь для того, чтобы «показать человека, приобщиться к его переживаниям, разделить горечь утраты счастья или семейного благополучия»[82]. Определяясь с хронологическими рамками исследования, М.К.Цатурова так обосновала свой выбор: «Автор этой работы любит указанные выше века в русской истории»[83]. Разыскав интереснейшие материалы бракоразводных дел XVIII века, автор не заметила действительно важных проблем, связанных с расторжением брака: участие в процессе вместо супругов их представителей, выбор модели процесса (процесс по форме или следствие), участие светских органов в бракоразводных процессах. Возможно, именно поэтому иногда в работе встречаются весьма спорные тезисы. Так, например, М.К. Цатурова явно считает, что Синод в делах о разводе являлся той судебной инстанцией, куда заинтересованные

[81] См.: *Цатурова М.К.* Три века русского развода (XVI – XVIII века). М., 2011.
[82] Там же. С. 160.
[83] Там же. С. 7.

лица могли обжаловать решения нижестоящих духовных органов[84]. Между тем, Синод изначально являлся ревизионной инстанцией, где решения консисторий пересматривались независимо от наличия жалоб.

Таким образом, представляется методологически неверным руководствоваться при изучении истории семейного права лишь конкретными бытовыми примерами в отрыве от изучения смежных отраслей. Иначе, в лучшем случае, исследование может превратиться в сборник интересных историй, а в худшем – приведёт к искажённому пониманию исторической действительности.

Ещё одно направление в исследовании семейно-правовых реалий – социологическое. К нему можно отнести те работы, авторы которых интересуются, в основном, развитием прав женщин в истории России. Первый всплеск интереса к «женской» проблематике возник в нашей стране в середине XIX века. «Классической» в этом смысле стала работа С.С.Шашкова «История русской женщины» (1879 г.). Направление исследования, которое задаёт автор в Предисловии, это рассмотрение «семейной и брачной жизни в связи с историей женщины»[85]. Другими примерами, где продемонстрирован подобный подход, являются работы И.Е.Забелина («Женщина в допетровском обществе». СПб., 1901), В.И. Михневича («Русская женщина XVIII столетия». Киев, 1895), В.Я. Шульгина («О состоянии женщин в России до Петра Великого». Киев, 1850). В большинстве случаев указанные авторы доказывали закрепощённость и забитость русской женщины, ограниченной в правах и терпящей унижения и грубости со стороны родителей и мужей[86]. Скорее, публицистический, а не научный характер этих и других подобных работ XIX – начала XX века в какой-то степени извиняет тенденциозность изложения дореволюционных авторов. Кроме того, «женский вопрос» был одной из злободневных и острых проблем в России со второй половины XIX века[87], поэтому многим авторам было трудно не поддаться общему настроению и не попытаться «увидеть» зависимость и угнетённое положение женщины в исторической перспективе.

Однако к подобным же выводам (о бесправии или, по крайней мере, неравноправии женщин в России) приходят и современные исследователи. Так, Е.Н Ярмонова пишет: «Церковь, лишив женщину возможности самореализоваться в общественной и по-

---

[84] Там же. С. 157.
[85] *Шашков С.С.* История русской женщины. СПб., 1879. С. II.
[86] См.: *Цатурова М.К.* Указ.соч. С. 10.
[87] См., напр.: *Вахромеева О.Б.* «Женский вопрос» на страницах либеральных и консервативных журналов 80-х гг. XIX в. // Вестник Санкт-Петербургского университута. Сер. 9. 2008. Вып. 4. Ч. II. С. 311 – 316.

литической жизни, в конечном счёте не представила ей способов самостоятельной защиты своих прав от мужчин, под власть которых её отдавала церковь»[88]. С этим автором, по сути, согласна Е.В. Белякова, которая делает вывод о юридическом закреплении главенства мужа над женой на Руси, исходя из нескольких канонических источников[89]. Достаточно сложно не только представить себе то, каким образом духовенство на протяжении долгого времени могло ограничивать женщин в их стремлении играть важную роль в общественной и политической жизни, но и увидеть само это стремление в женской массе. Наличие в русских переводах Кормчей Книги различных текстов «о злых женах» само по себе не свидетельствует о правовом положении женщины в русской семье (иначе считает Е.В. Белякова[90]), равно как и распространение на Руси текстов сборников-компиляций типа «Пчёл», «Измарагдов», «Цветников» с соответствующим содержанием не говорит об утверждении нераздельной власти мужа над женой (иначе считает Е.Н. Ярмонова[91]).

Таким образом, попытки рассмотреть семейные отношения «в связи с историей женщины» часто сочетаются с преувеличением роли православия в России. Что же касается отношения государства к «женскому вопросу», то в качестве иллюстрации можно просто процитировать законодательство XIX века, говорящее о том, что женщины «никакими казне повинностями обязанными не состоят»[92] и «обязанность избирать определительный род жизни на женщин не распространяется»[93]. Попросту говоря, русское правительство не только не ставило своей задачей поставить женщин в приниженное по отношению к мужчинам положение, но освобождало женщин от обязанностей перед государством. Правда, этим самым декларировано неравенство полов, но апологеты приниженного положения женщин в России обычно имеют в виду не такое неравенство.

Что же касается неравноправия полов в правовом регулировании внутрисемейных отношениях, то и в этом случае вряд ли можно обвинять законодателя в мужском шовинизме. Так, уже законодательство XVII века препятствует дворянам-мужьям бесконтрольно распоряжаться имениями жён, а в последующем взаимные сделки между супругами не раз были объектом пристального внимания законодателя именно с точки зрения

---

[88] *Ярмонова Е.Н.* Правовое положение женщин на Руси с IX по XV век. . Дис. … канд. юрид. наук. Ставрополь. 2004. С. 9.
[89] *Белякова Е.В., Белякова Н.А., Емченко Е.Б.* Указ.соч. С. 118 – 125.
[90] Там же.
[91] *Ярмонова Е.Н.* Указ.соч. С. 146, 150 – 151.
[92] 1-е ПСЗРИ. Т. XXXVI. № 27745.
[93] 2-е ПСЗРИ. Т. I. № 606.

интересов замужних женщин. Обязанность предоставлять супружеское содержание традиционно возлагалась исключительно на мужей. Лишь законодательство XIX века, во многом составленное под влиянием европейских образцов, закрепило власть мужа в семье, однако практика показала, что государственные органы были не готовы поддержать это нововведение безусловно. Имеется немало случаев отказа даже со стороны Сената, как высшего судебного органа, исков мужей о понуждении жён к совместному проживанию, а жестокое обращение с жёнами часто являлось основанием официального разрешения к раздельному жительству.

Характерно, что полное юридическое равенство полов было провозглашено лишь Советской властью, которая уравняла женщин с мужчинами, прежде всего, в обязанностях. Как граждане, женщины стали обязаны трудиться (ст. 18 Конституции РСФСР 1918 года, ст. 1 КЗоТ РСФСР 1918 года), а как жёны – оказывать материальную поддержку нетрудоспособным и нуждающимся мужьям (ст. 107 КЗАГС РСФСР 1918 года).

Особый пласт литературы, освещающий семейно-правовую проблематику с социологической точки зрения, и в частности, с точки зрения «истории женщины», представляют собой исследования иностранных авторов. Особое место в этом ряду занимает В.Голдман (Wendy Z. Goldman). Её работа «Женщины, государство и революция. Советская семейная политика и общественная жизнь, 1917 – 1936» (1993 г.) представляет интерес, прежде всего, углом зрения, под которым американский исследователь рассматривает российскую семейно-правовую проблематику. Широкий круг источников и поставленных вопросов выгодно отличает эту работу даже от многих российских современных исследований. Особенно сильной стороной данной работы является обобщение советской публицистики по проблемам брака и семьи. Однако в этом кроется, как представляется, и коренной недостаток работы В.Голдман: прослеживая эволюцию взглядов отдельных советских юристов, партийных и государственных деятелей, автор склонен переоценивать значение этого субъективного фактора на законодательство о браке и семье[94].

[94] *Goldman, Wendy Z.* Women, the State and Revolution: Soviet Family Policy and Social Life, 1917 – 1936. NY. Cambridge University Press. 1995. P. 342.

В какой-то степени, именно на этот субъективизм, на умаление экономических причин семейно-правовых преобразований перед политическими автору было указано в одной иностранной рецензии[95]. Возможно, причина такого перекоса состоит в том, что автор изучает политику Советского государства, в основном, с точки зрения «социальной истории женщины». Хотя автор и рассматривает определённые экономические причины брачно-семейных преобразований в 30-е годы, им даётся иногда странная трактовка. Так, политику укрепления семьи В.Голдман объясняет, прежде всего, необходимостью привлечь дополнительные женские трудовые резервы. Ради вовлечения миллионов женщин в производство государство, по мысли автора, и начало проводить политику социальной помощи семье[96].

К сожалению, приходится констатировать, что кропотливый труд В.Голдман увенчивается весьма странным выводом: величайшей трагедией советских женщин того времени якобы являлось лишение их в середине 30-х годов всех освободительных для них завоеваний Октябрьской революции, замаскированное под дальнейшее развитие социализма и освобождение от старых оков[97]. Интересно, что автор прекрасно понимает многие причины, которые в итоге привели советского законодателя к политике укрепления семьи: излишний либерализм законодателя в бракоразводном деле, беспризорность и безнадзорность, проблемы с уплатой алиментов и т.д. Однако акценты расставляются таким образом, чтобы убедить читателя в «антиженском» характере политики советского правительства в 30-е годы. За это, кстати, В.Голдман заслужила упрёк и от соотечественников[98].

В каком-то смысле промежуточное положение между модными теперь «гендерными» и историко-правовыми исследованиями занимает работа американки М.Л. Маррезе «Бабье царство: дворянки и владение имуществом в России (1700 – 1861)». С одной стороны, следует отметить широкое использование исследователем архивных источников, законодательства и литературы. С другой, – автор явно рассматривала происходящие изменения в изучаемый период с точки зрения изменения прав женщин. При этом по отдельным вопросам исследователь явно находилась в плену у штампов, выработан-

---

[95] *Worobec, Christine D.* Women, the State and Revolution: Soviet Family Policy and Social Life, 1917 – 1936 by Wendy Z. Goldman // Journal of Social History, Vol. 28, № 4, (Summer, 1995). P. 940.
[96] *Goldman, Wendy Z.* Op.cit. P. 312 – 313. Эту мысль автор развивает и в другой своей работе: Women at the gates: Gender and Industry in Stalin's Russia. NY. Cambridge University Press. 2002. P. 272 – 276.
[97] *Goldman, Wendy Z.* Women, the State and Revolution: Soviet Family Policy and Social Life, 1917 – 1936. P. 343.
[98] *Petrone, Karen.* Women at the gates: Gender and Industry in Stalin's Russia by Wendy Z. Goldman // Slavic Review, Vol. 62, № 2, (Summer, 2003). P. 395.

ной русской публицистикой XIX века. Так, М.Л. Маррезе в доказательство «рабского положения» женщин всех сословий утверждает, что они были обязаны жить со своими мужьями[99]. Исследователь явно недооценивает практику духовных и светских органов, которые до начала XIX века нередко позволяли ссорящимся супругам (в том числе – дворянам) жить раздельно. Кроме того, в крестьянском быту уход членов семьи на отхожий промысел был распространённым явлением, и раздельное проживание супругов в этом сословии также не являлось проблемой. А упорство, с которым М.Л. Маррезе держится мнения о «рабском положении женщин» в XVIII веке, не позволило ей вполне согласиться со свидетелем, жившим в XVIII веке, князем М.М.Щербатовым, который повествовал о практике самовольного оставления жёнами своих мужей[100].

Однако, главным недостатком, присущим работе М.Л. Маррезе, представляется отсутствие комплексного подхода к исследованию поставленных ею проблем. Так, автор явно недооценила тот факт, что вопросы, связанные с недвижимостью, в России традиционно были связаны с феодальными (а значит – со служебными) отношениями. Поэтому в авторской трактовке изменения в законодательстве первой половины XVIII века означали расширение и индивидуализацию имущественных прав женщин в области недвижимости[101]. На самом деле то, что М.Л. Маррезе принимает за расширение прав женщин, является следствием изменения феодальных отношений: с появлением регулярной армии необходимость в дворянском ополчении отпала. Поэтому, с одной стороны, служба «с земли» потеряла актуальность, а с другой – отпала потребность регистрировать приданую недвижимость жены за мужем. Держась своей концепции «индивидуализации имущественных прав», автор упускает интересную законодательную линию, направленную на сохранение в неприкосновенности родового имущества. В частности, заслуживает внимание история закона 1862 года о передаче одним из супругов своего родового имения в пожизненное владение другого[102]. Формально, этот закон находится за рамками исследуемого периода (кстати, не очень понятно, как отмена крепостного права с точки зрения автора повлияла на изменение имущественных прав женщин-

[99] *Маррезе М.Л.* Бабье царство: Дворянки и владением имуществом в России (1700 – 1861) / Авторизированный перевод с англ. Н. Лужецкой. М., 2009. С. 11 – 12.
[100] Там же. С. 123.
[101] Там же. С. 12, 19.
[102] 2-е ПСЗРИ. Т. XXXVII. Отд. I. № 38005.

дворянок[103]), однако впервые эта проблема была поставлена перед законодателем ещё в 1842 году[104].

Таким образом, доминирование «гендерной» линии исследования помешало автору взглянуть на проблему с различных позиций (служебных и сословных) и заставило её увидеть ущемление прав женщин там, где оно никогда не предполагалось.

К.Гейгер (Kent H. Geiger), автор работы «Семья в Советской России» (1968), посвятил свой труд пятидесятилетней истории брака и семьи. Как и В.Голдман, К.Гейгер довольно много внимания уделил публицистическим материалам, но гораздо меньше – правовым проблемам. Для иллюстрации «духа» этого исследования стоит привести, во-первых, мысль автора о существовании в Советской России табу на открытое проявление супружеских чувств[105], а во-вторых, наблюдение автора о том, что водка играет большую роль в жизни советских людей[106]. Будучи неплохим рефератом по вопросам брака и семьи, с правовой точки зрения исследование К.Гейгера местами явно не доработано. Так, комментируя отсталость российской деревни, автор пишет о том, что крестьянки редко взыскивали через суд алименты[107]. В другом месте, размышляя о преобразованиях в деревне, К.Гейгер явно не находит веских причин ослабления власти домохозяев и расширения прав женщин[108]. Судя по всему, исследователь до конца не понял значение норм обычного права в дореволюционной России и недооценил преобразований в крестьянской семье, вызванных коллективизацией.

Отдельного комментария заслуживают выводы К.Гейгера о причинах изменений в брачно-семейной политике 30-х годов. Среди факторов, побудивших советское правительство к укреплению семьи, автор называет социальные проблемы в отношении несовершеннолетних, желание заручиться поддержкой консервативного элемента, желание повысить рождаемость в условиях надвигающейся войны, желание государства усилить социальный контроль над гражданами, и, наконец, переосмысление в условиях 30-х годов отдельных положений марксизма[109]. Представляется, что исследователь, в целом, верно оценил лежащие на поверхности факты, но не всегда смог дать им корректное объяснение. Так, «социальные проблемы» К.Гейгер увязывал лишь с проблемой али-

---

[103] *Маррезе М.Л.* Бабье царство…С. 19 – 20.
[104] РГИА . Ф. 1149. Оп. 5 (1861). Д. 38. Л. 2.
[105] Geiger, Kent H. The Family in Soviet Russia. Harvard University Press. Cambridge. Massachusetts. 1970. P. 218.
[106] *Ibid.*, p. 248.
[107] *Ibid.*, p. 60.
[108] *Ibid.*, p. 225.
[109] *Ibid.*, p. 97.

ментирования[110]. Неприятие крестьянством лёгкости разводов, что было продемонстрировано при обсуждении КЗоБСО 1926 года, автор выдаёт за неприятие консервативным элементом советской брачно-семейной политики в целом и укрепление семьи в 30-е годы счёл уступкой крестьянству[111]. Рассматривая «социальный контроль» как осознанную государством в 30-е годы функцию семьи[112], автор не уделил внимания причинам этого осознания (безнадзорность, рост детской преступности).

***

Итак, краткий обзор, посвящённый работам о развитии семейно-правовых отношений обобщающего характера, показывает следующую картину методологических ошибок, которых не избежали исследователи различных эпох.

1. *Хронологический принцип*, основанный на смене форм правления и соотношении источников права, первоначально был выдвинут дореволюционными учёными и поддерживается в настоящее время некоторыми исследователями. Недостатком такого подхода является то, что он не позволяет определить, как форма правления в России воздействует на брачно-семейные отношения. Попытку разделить историю семейного права до и после Петра I по той же причине также нельзя признать удачной. Соотношение закона и обычая, которое якобы было различным при разных формах правления, также не может быть признано корректным. Особенно наглядно это видно на примере живучести обычаев, которые, вопреки мнению исследователей, не были вытеснены ни церковным, ни светским законом. Хронологический принцип в том виде, как он сформулирован в приведённой литературе, не учитывает всей сложности взаимодействия различных факторов, поэтому не может послужить адекватной оценке отдельных этапов брачно-семейного законодательства.

2. *Христианизация Руси*, как определяющий фактор в истории брачно-семейного законодательства, также иногда задаёт особый вектор исследований не только дореволюционных, но и современных учёных. Правда, такой подход существенно обедняет их работы, поскольку обычно в таких случаях влияние христианского учения на брачно-семейное законодательство представляется решающим, и по этой причине отметаются

[110] *Ibid.*, p. 74 – 75, 98.
[111] *Ibid.*, p. 99.
[112] *Ibid.*, p. 100 – 101.

все иные факторы. Кроме того, в таких случаях обычно не учитывается правительственная реакция на систематическое несоблюдение населением канонических предписаний, а в светском законодательстве исследователи часто неоправданно видят отражение религиозных правил.

3. *Увлечение сбором фактов* без должного обобщения позволяет прийти почти к любым выводам на вкус исследователя. В частности, сведения о строительстве множества храмов, почитании населением икон и святых, участии в церковных праздниках и т.п. сведения могут сформировать впечатление об исключительной религиозности русского народа и, как следствие, дать искажённую картину семейно-правовых отношений у подавляющего большинства населения страны. Впрочем, при желании можно найти прямо противоположные факты, тем более, что это нетрудно сделать в рамках изучения истории Русской Православной церкви. Церковная публицистика, опубликованные отчёты обер-прокуроров Синода, статистика о не бывавших на исповеди, решения волостного суда по жалобам крестьянок на жестокое обращение с ними мужей и т.д. дают иногда довольно безрадостную картину для апологетов религиозности русского мужика. Однако не надо забывать, что собранные факты являются лишь следствием правового воздействия самых разнообразных регуляторов (обычаев, церковных канонов, светских предписаний).

4. *«Гендерный подход» к истории семейного права*. Модный когда-то во второй половине XIX века в России, этот подход вернулся к нам снова с помощью современных зарубежных историков. Увлечение «социальной историей женщин» в такой же степени искажает восприятие эволюции брачно-семейных отношений, как и взгляд на неё исключительно через призму христианского учения. Оценка каждого явления с точки зрения женских интересов (причём понимаемых в рамках сегодняшних представлений о правах и свободах) может привести к абсурдным выводам. Так, на одну доску может быть поставлена и Православная церковь, и Советское государство, ибо с «гендерной» точки зрения церковь просто ограничивала участие женщин в общественной и политической жизни, а советская власть ещё и загоняла их на заводы и в колхозы. Исследование феодальных отношений, а также анализ различных видов недвижимости в России с точки зрения ущемления женских прав также является абсурдом, ибо правительство в решении этих вопросов не просто не думало о том, чтобы ущемить чьи-то права по половому признаку.

§ 2. Предмет правового регулирования как критерий изучения истории отечественного семейного законодательства и основание её периодизации

Современная теория государства и права понимает под предметом правового регулирования сферу, на которую распространяется право. В структуру предмета правового регулирования включаются следующие элементы: субъекты, объекты регулируемых общественных отношений; социальные факторы, способствующие возникновению соответствующих отношений; практическая деятельность людей[113].

Выделить субъекты правового регулирования для истории российского семейного права достаточно несложно. Таковыми являются российские подданные, причём в зависимости от «регулятора» общественных отношений они могут рассматриваться как представители отдельных сословий (для государства), как православные христиане (для Русской Православной Церкви) или как члены хозяйственной единицы – двора (с точки зрения российского крестьянства). Выделение субъектов общественных отношений даёт возможность определить цели и методы, с которыми «регуляторы» вмешиваются в эти отношения. Определив задачи, вставшие перед этими регуляторами, можно выявить начало их активного вмешательства в брачно-семейную сферу. А обнаружение активного воздействия конкретного регулятора поможет определиться и с периодизацией.

Не менее важной задачей представляется выявление тех отношений, на которые оказывает воздействие конкретный регулятор. Здесь важно не совершить некоторых методологических ошибок. Во-первых, следует избежать соблазна сопоставлять российское брачно-семейное законодательство различных эпох с законодательством современным. Например, тот факт, что закон в XVIII и XX столетиях регулировал взаимоотношения детей и родителей, не означает, что эти отношения можно сравнивать. Во-вторых, нужно понимать, что различные регуляторы воздействуют на одни и те же отношения совершенно с разными целями. Непонимание этого фактора может привести к уже упомянутой, рассмотренной ошибке, когда, вмешательство российского правительства в регулирование условий и порядка вступления в брак рассматривалось и рассматривается некоторыми исследователями как более или менее успешное вытеснение церкви из данной сферы. Государство и церковь подходили к брачно-семейной проблемати-

[113] См.: Общая теория государства и права. Академический курс в 2-х томах / Под ред. проф. М.Н.Марченко. Т. 2. Теория права. М. «Зерцало». 1998. С. 234.

ке каждый со своей стороны и их «встреча» неизбежно должна была поставить проблемы «двойного подчинения» и разграничения компетенции.

Выявление особых обстоятельств, способствующих возникновению потребности в регулировании со стороны конкретного субъекта, поможет объяснить и саму необходимость конкретного воздействия на общественные отношения. Определение момента, когда по объективным причинам регулятор осознает эту необходимость и вмешивается в определённую сферу, также служит обоснованию периодизации истории правового регулирования правоотношений и, как частный случай, развития брачно-семейного законодательства в России.

Начало церковного регулирования брачно-семейных отношений начинается в России гораздо раньше государственного. Несмотря на определённые проблемы, связанные с источниками канонического права (отсутствие аутентичного перевода на русский язык, неполнота и несвоевременное обновление имеющихся документов и проч.), выяснить причину интереса православной церкви к брачным вопросам несложно. Так, в послании апостола Павла коринфянам достаточно чётко формулируется позиция: лучше жениться, нежели «разжигаться»[114]. К чему приводит внебрачное «разжигание», прекрасно показано в том же апостольском послании: у коринфян Павел отмечает появление особого вид блуда – с женой собственного отца[115]. Обращаясь к ефесянам, Павел говорит о блуде как о нечистоте[116]. В послании к римлянам апостол описывает особый вид нечистоты: «женщины их заменили естественное употребление противоестественным; подобно и мужчины, оставив естественное употребление женского пола, разжигались похотью друг на друга»[117].

«Нечистота» как термин, определяющий помимо всего прочего недостойные христианина половые связи, неоднократно звучит у Святых Отцов. Так, у Григория Нисского (ок. 335 – 394) в послании к Литоию, епископу Мелитинскому нечистотой называется прелюбодеяние (правило 4)[118]. «Страстной нечистотой» называет Василий Великий (ок. 330 – 379) брак шестидесятилетней вдовы (правило 24)[119]. Он же, припоминая к случаю апостола Павла, рассуждает о браке с близким родственником как о нечистоте (правила

---

[114] 1 Кор. VII, 8 – 9.
[115] 1 Кор. V, 1.
[116] Ефес. V, 4.
[117] Рим. I, 26 – 27
[118] Правила Святых Апостол и Святых Отец с толкованиями. М., 2000. С. 472.
[119] Там же. С. 246.

7, 87)[120]. На указанных правилах основано 54-е правило вселенского Трулльского собора, в котором беззаконные браки также названы «нечистотой»[121]. Многобрачие Василий Великий называл «нечистотой» (правило 50) [122] и «скотством» (правило 80)[123], ему вторил Григорий Назианзин (ок. 329 – 389), уподоблявший скоту вступившего в четвёртый брак[124].

Тот же Григорий Назианзин ради сохранения чистоты считал брак обязательным для мирянина[125]. Но для того, чтобы не допустить развращения христианской души, брак желательно заключать в раннем возрасте. Об этом говорят отечественные памятники канонического права. Так, митрополит Фотий в поучительных посланиях в Новгород рекомендует выдавать замуж девок, достигших двенадцати лет[126]. В другом поучении (возможно, того же Фотия) говорится прямее: «А которые девицы поспели, и вы их давайте замуж, а так бы лихих дел не делали»[127].

Забота о сохранении христианской чистоты видна в постановления церковных соборов о браках с иноверными. Допуская возможность сохранения брака супругов-неверных, один из которых со временем стал христианином, 72-е правило Трулльского собора (691 – 692 г.) полагает недопустимым вступление в брак христианина и иноверного, уподобляя это соединение овцы с волком[128]. Это запрещение имеет основания и в решениях ранее состоявшего (451 г.) вселенского Халкидонского собора (правило 14-е)[129].

Правильный брак («брак честен и ложе нескверно»[130]) признается церковью чистым и не богопротивным. 14-е правило поместного Гангрского собора (сер. IV века) провозглашает анафему женщине, которая, гнушаясь браком, разведётся с мужем[131]. 102-е (115-е) правило поместного Карфагенского собора (419 г.), запретившее жениться

---

[120] Там же. С. 178, 394.
[121] Правила Святых Вселенских Соборов с толкованиями. М., 2000. С. 460.
[122] Там же. С. 311.
[123] Там же. С. 364.
[124] Российское законодательство X – XX веков. В девяти томах. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. М., 1985. С. 289.
[125] «Богословию же тезоименитый великий Григорий, первый, рече, брак – закон…» /Там же.
[126] Русская историческая библиотека. Т. VI. Памятники древнерусского канонического права. Ч.1. СПб., 1908. Стлб. 275, 284.
[127] Там же. Стлб. 918 – 919. Таким образом, в поучении обозначается даже не возраст, а факт достижения половой зрелости. Именно тогда и нужно женить детей, говорится в поучении. Получается, что 12 лет (или около того) – это не *минимальный*, а *желательный* возраст вступления в брак.
[128] Правила Святых Вселенских Соборов с толкованиями. С. 511.
[129] Там же. С. 201.
[130] Евр. XIII, 4.
[131] Правила Святых Поместных соборов с толкованиями. М., 2000. С. 121.

на разведённой или выходить замуж за разведённого[132], основано на евангельском учении о плоти единой, которую создает правильный брачный союз (Мф. XIX, 5). По другой евангельской заповеди развод возможен исключительно из-за прелюбодеяния (Мф. V, 32).

Забота о «чистоте» тела в половых отношениях прекрасно объясняется апостолом Павлом в указанном уже 1-м послании к коринфянам: блудник грешит против тела, тело же является храмом, в котором живёт Святой Дух[133]. Нетрудно сопоставить приведённые правила Святых Отцов и Соборов с известными в России церковными правилами об условиях вступления в брак, чтобы понять: христианское вероучение вооружалось против нечистых с её точки зрения половых связей для охранения нравственности членов церкви, и русскому православному духовенству такой подход был знаком через реципированные византийские источники. Таким образом, чистота тела и, следовательно, духа христиан была настоящим объектом заботы церкви в регулировании брачного вопроса.

Правила Апостолов, Отцов церкви и Соборов стали инструментом регулирования брачных отношений на Руси после её крещения. Об этом недвусмысленно говорит относимый современными учёными[134] к началу XI века Устав князя Владимира Святославовича: «воззрех в греческий номаканун»[135]. Этот же устав относит к ведению церковного суда бракоразводные дела. Аналогичную политику закрепления за церковью брачно-семейных дел проводил и сын князя Владимира, Ярослав, также знакомый с греческими образцами церковного права («сложихом греческий номоканон»[136]). Устав Ярослава (XI – начало XII века) содержит достаточно обширный перечень запрещённых половых связей и определяет наказания за них. Кроме того, в уставе к церковной юрисдикции относится бракоразводный процесс.

Но был ли какой-то иной регулятор, воздействующий на брачно-семейные отношения до прихода на Русь православной церкви? Безусловно, таковой имелся, и это – само общество. В догосударственном состоянии и при отсутствии централизованного регулирования общество представляло собой довольно разрозненные группы, объединённые кровнородственными или соседскими связями. О брачно-семейных обычаях древности имеются довольно отрывочные и разрозненные свидетельства. Так, К.А. Не-

---

[132] Там же. С. 677 – 678.
[133] 1 Кор. VI, 18 – 19.
[134] См., напр.: Российское законодательство X – XX веков. В девяти томах. Т. 1. Законодательство Древней Руси. М., 1984. С. 138.
[135] Древнерусские княжеские уставы XI-XV вв. / подг. *Щапов Я.Н.* М., 1976. С. 15.
[136] Там же. С. 86.

волин приводит отрывки из Лаврентьевской и Ипатьевской летописей и, желая показать разницу между брачными обрядами «цивилизованных», но некрещёных полян и остальных известных племен (древлян, кривичей, вятичей и северян) до принятия ими христианства, указывает на процедуру привода невесты в дом жениха, о передаче приданого, о значении согласия родственников молодых и проч.[137]

Крещение Руси не привело к полному и повсеместному вытеснению обычая из сферы регулирования брака и семьи. Случилось другое: на протяжении десяти веков православные обряды достаточно мирно сосуществовали с обрядами языческими, что ставит под сомнение распространенную теперь в исторической литературе точку зрения о «массовости православного сознания в крестьянской среде»[138]. Поскольку даже государство с его механизмами принуждения не вытеснило обычаи из брачно-семейной сферы (хотя оно и не желало этого), тем более, вряд ли это могло быть под силу Русской Православной церкви, не обладавшей возможностью обеспечить свои постановления принудительной силой.

О тщетности борьбы церкви с искоренением нехристианских обычаев в сфере брака красноречиво говорят официальные документы различных эпох. Так, церковный Устав Ярослава содержит наказания за следующие правонарушения: похищение невесты, многобрачие, брак в незаконной степени родства, самовольный развод. Впрочем, Устав датируется XI – XII веками, когда христианство ещё только приживалось на русской почве. Но вот в середине XVI века Иван Грозный ставит перед Стоглавым собором вопросы, показывающие сомнения царя в эффективности духовного окормления церковью мирян. Царь сообщает Собору о брачных обрядах того времени, в частности, следующие: «В мирских свадбах играют глумотворцы и арганники, и смехотворцы, и гусельники и бесовские песни поют. И как к церкви венчатися проедут, священник со крестом едет, а перед ним со всеми теми играми бесовскими рыщут, а священницы им о том не возбраняют»[139]. В ответ Собор лишь признал наличие проблемы и постановил лишь запретить (!) скоморохам и «глумцам» являться на свадьбы и указать священству впредь не допускать бесчинств в подобных ситуациях.

---

[137] *Неволин К.А.* История российских гражданских законов. Часть первая: Введение и книга первая о союзах семейственных. М.: Статут. 2005. С. 295 – 300.

[138] О роли церковных канонов в брачно-семейной жизни русского крестьянства см., напр.: *Полянский П.Л.* Проблемы применения канонического права в русской дореволюционной деревне // Вестник МГУ. Сер. 11. Право. 2013. № 5.

[139] Российское законодательство X – XX веков. Т. 2. С. 307.

С момента создания Святейшего Синода (1721 год) свидетельства о неудачах церкви в борьбе с обычаями и попытках привить на русской почве православное учение о браке становятся всё обширнее: делопроизводство того времени оставляет в архивах гораздо больше следов, чем раньше. Во второй половине XIX века изучение обычаев уже поставлено на научную основу, тем более, что ст. 130 Устава гражданского судопроизводства 1864 года впервые в истории процессуального права позволила судьям мирового суда «руководствоваться общеизвестными местными обычаями». Известны примеры, показывающие массовые нарушения предписаний об условиях вступления в брак. Не меньшую проблему представляли массовые случаи незаконных разводов, причем совершаемых при непосредственном участии православного духовенства[140]. Нередко самовольные «расходки» приобретали форму договоров о раздельном проживании, что допускалось и церковью до начала XIX века[141].

Каков был объект регулирования брачно-семейных обычаев? Изучение специфики крестьянских браков привело известного цивилиста XIX века К.П.Победоносцева к выводу о том, что «у простого народа преобладают хозяйственные понятия о браке»[142]. «Хозяйственные понятия» приводили к тому, что браки в простонародье заключались с существенным нарушением возраста: семье малолетнего жениха было выгодно пораньше ввести в своё хозяйство новую рабочую силу. Те же соображения лежали в основе принуждения к браку детей родителями. «Хозяйственные понятия» определяли содержание сговора о приданом и неустойке за отказ вступить в брак. Традиционные брачные обряды конкретной местности, веками освящавшие хозяйственный союз двух семейств, были для российского крестьянства (составлявшего подавляющее большинство населения страны) гораздо важнее, чем христианские процедуры, влетавшие, к тому же, в дополнительную копеечку. Официальная регистрация брака, которая с начала XVIII века сопровождала венчальный обряд, крестьянству была особенно и не нужна: в отличие от дворян, для которых церковные метрики предков служили доказательством сословного статуса или права на родовые имения, простонародье практически не сталкивалось с проблемами, для решения которых эти метрики могли понадобиться.

---

[140] Запрету священникам писать «разводные письма» посвящены указы 2.12.1730 г. и 10.07.1767 г. (1-е ПСЗРИ. Т. VIII. № 5655 и Т. XVIII. № 12935).

[141] См. об этом: *Полянский П.Л.* Дело Шелковникова: к вопросу о разграничении компетенции российских церковных и светских органов в брачных делах в XIX веке // Вестник МГУ. Сер. 11. Право. 2014. № 5.

[142] *Победоносцев К.П.* Курс гражданского права. Ч. 2: Права семейные, наследственные и завещательные. М. 2003. С. 80.

Таким образом, если объектом регулирования в брачных отношениях для церкви являлась нравственность и христианская чистота паствы, то для самой паствы в этой же сфере на первое место выходили вопросы хозяйственного плана. Столкновение церкви и общества, по-разному смотревших на данный предмет, было осложнено появлением третьего регулятора – государственной власти. Специфика государственного регулирования состоит в обеспечении соблюдения предлагаемых правил поведения принудительной силой. Преследуя в отношениях, возникающих при заключении брака, свой интерес, государство в одних случаях санкционировало канонические нормы Православной церкви всей силой аппарата принуждения, но в других – предпочло регулировать брачно-семейные отношения способами, которые не всегда соответствовали христианскому вероучению.

Государственный интерес к той или иной сфере общественных отношений проявляется, прежде всего, в издании соответствующих нормативных актов. Желая, например, определить церковную юрисдикцию, князья Древней Руси Владимир и Ярослав издали соответствующие уставы. А что интересовало законодателя, принимавшего нормы, скажем, о повышении брачного возраста или об обязательной регистрации брака в метрических книгах?

Возьмём для примера определение светскими нормами права брачного возраста. Петровское законодательство о брачном возрасте было принято в расчёте на довольно узкую группу населения: дворянство. Раннее вступление в брак могло привести к отвлечению юных дворян от учебы, являвшейся важным условием поступления на государственную службу. Раннее замужество, хотя и соответствующее церковным канонам, также могло привести к дурным последствиям для дворянок: пользуясь юностью и неопытностью жены, родня мужа могла разными путями перевести на себя её приданые имения и крепостных людей. Так, 12-летнюю сироту Елену Трусову выдали замуж за Ефима Сабурова. Отец мужа, прокурор Сыскного приказа, и сам супруг, ставший прокурором Мануфактур-коллегии, повели дело так, что вскоре Елена утратила значительную часть своего приданого (в т.ч. недвижимых имений и крепостных людей). В 1743 году Е. Сабуров инициировал развод якобы по причине прелюбодеяния Елены, а ей самой семья Сабуровых тайком сделала предложение признаться в измене, за что обещали вернуть часть отчуждённого имущества и дочь Аграфену, находившуюся на воспитании

у свекрови[143]. Одним из итогов длительного разбирательства стал Именной указ от 4 июля 1748 года, велевший вернуть Елене Сабуровой её незаконно отчуждённые имения[144].

Трагедии, подобные случившейся с Е. Сабуровой, были хорошо знакомы законодателю. Ещё в феврале 1679 года состоялся боярский приговор, который был инициирован следующими обстоятельствами: «Которым вдовам и девкам даны родственные вотчины, а они с теми вотчинами шли замуж; и родственники тех вдов и девок бьют челом, что мужья тех своих жён, а их родственниц бьют и мучат, и велят им те свои приданые вотчины продавать и закладывать своими именами»[145]. И до[146], и после[147] этого приговора состоятся аналогичные узаконения, запрещавшие мужьям отчуждать имения своих жён. Тексты данных узаконений проливают свет на причины их появления на свет: заинтересованными в этом запрете являлись *родственники* несчастных жён, а предметом их интереса были *вотчины*. Специфика вотчинного землевладения в XVII веке была такова, что родственники могли проявлять законный интерес к судьбе так или иначе отчуждённого имения. Соборное Уложение 1649 года, например, закрепляло право родового выкупа отчуждённой вотчины, также устанавливало право преимущественной покупки вотчины членом рода. Таким образом, объектом охраны законодателя в XVII веке являлись не имущественные права замужних женщин, а права отдельных феодальных родов. Петр I в Именном Указе «О наследии имений» от 23 марта 1714 года, поднявший планку брачного возраста «дабы кадеты обоих полов каким образом не притеснены в молодых летах»[148], продолжал линию, намеченную его предшественниками, по предотвращению оскудения феодальных фамилий.

Эта задача – сохранение имений в руках благородных фамилий – будет реализовываться законодателем вплоть до начала XX века. Так, сохранение вплоть до Октябрьской революции 1917 года понятия «указная доля», ограничивающее право наследования женщинами внегородской недвижимости, было вызвано, как указывал А.Г. Гойхбарг, задачей, чтобы «имения не выходили из древних, стяжавших вековой отличной

[143] ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 746. Д. 247. Л. 55об. – 56.
[144] 1-е ПСЗРИ. Т. XII. № 9513.
[145] 1-е ПСЗРИ. Т. II. № 751.
[146] Именной указ от 20 июня 1676 г. (1-е ПСЗРИ. Т. II. № 650).
[147] Именной указ с боярским приговором от 19 июля 1679 г. (1-е ПСЗРИ. Т. II. № 762).
[148] Законодательство Петра I. С. 700.

службой общее уважение родов»[149]. По той же причине вплоть до Октябрьской революции незаконнорождённые не могли стать полноправными членами родов фактических родителей: иначе пришлось бы обделять «законных» наследников родовой недвижимостью.

Политику укрепления феодального землевладения русское правительство начало проводить до Петра I и Алексея Михайловича. Так, 3 декабря 1627 года «великий государь святейший патриарх Филарет Никитич московский и всеа Руси извещал сыну своему великому государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу», что «вотчинников умерших жёнам до тех родовых и выслуженных вотчин, опричь купленных, дела нет»[150]. Объектом регулирования в этом установлении явились, конечно, не права замужних женщин, как может показаться на первый взгляд, а права феодальных родов.

Анализ приведённых примеров позволяет выдвинуть следующий тезис: брачно-семейные отношения, нашедшие своё отражение в указанных законах XVII – XVIII веков, являются лишь «периферией», побочным элементом в регулировании более важного для русского правительства вопроса – сословного феодального землевладения.

Само феодальное землевладение представляло интерес для правительства не только с точки зрения охраны имуществ боярства и верхушки дворянства, т.е. опоры монарха. Вплоть до начала XVIII века землевладение представляло собой материальную основу военной и гражданской службы в России. Иррегулярные феодальные полки традиционно существовали на доходы самих феодалов, что было чётко закреплено, например, ещё в 1555 году: «А с вотчин и с поместья уложенную службу учиниша: со ста четвертей добрые угожеи земли человек на коне, в доспесе в полном, а в далний поход о дву конь…»[151]. С учётом этого высказанный тезис необходимо уточнить: брачно-семейные отношения, так или иначе отражённые в приведённых законах XVII – XVIII веков, являются **побочным** элементом в регулировании сословных прав и обязанностей феодалов. Именно последние являются объектом внимания законодателя.

Пётр I, проводя реформу армии, ликвидировал иррегулярный характер дворянского войска. Однако сохранение земель в руках благородного сословия не утратило своей актуальности, во всяком случае, до середины XIX века. Продолжая оставаться

---

[149] *Гойхбарг А.Г.* Закон о расширении прав наследования по закону лиц женского пола и права завещания родовых имений. СПб., 1914. С. 6-7.

[150] Законодательные акты русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века. Л. 1986. С. 133.

[151] Там же. С. 38.

опорой самодержавия, дворянство являлось важным посредником между правительством и огромной массой населения, а именно, крепостным крестьянством. Обязанности крестьянского сословия исторически носили, если можно так выразиться, «раскладочный» характер. За уплату подушной подати, штрафов и пошлин, отправление рекрутской повинности перед властями отвечал не каждый крепостной индивидуально, а посредники – община и, особенно, помещик. Это достаточно чётко выражено, например, в ст.ст. 639 – 644, 649 т. IX Свода Законов Российской империи (в изд. 1832 года). В подобных условиях умение управлять поместьем являлось залогом не только благополучия самого владельца, но и отсутствия различных недоимок. Не зря ещё в 1736 году правительство требовало, чтобы отцы семейств давали необходимое образование не только тем из сыновей, кто изберет военное поприще, но и тем, кто останется дома «для смотрения деревень и экономии»[152].

Таким образом, обязанность дворян давать образование своим сыновьям имела объектом регулирования не интересы несовершеннолетних детей (как в настоящее время), а сословное устройство дворянской прослойки общества. Кроме того, назначение дворянства ответственным перед правительством за своих крепостных, заставило помещиков в числе прочих хозяйственных вопросов решать судьбу крестьянских браков[153]. Конечно, не все помещики принуждали своих крепостных к вступлению в брак, но история знает немало примеров понуждения к браку, или, наоборот, препятствования невыгодным с хозяйственной точки зрения бракам крестьян.

Особое отношение русского правительства к вопросам дворянского землевладения поставило в XVIII – XIX веках на повестку дня вопрос о доказательствах законности рождения. Внебрачные дети ещё согласно Соборному Уложению 1649 года не имели права на поместья и вотчины фактического отца (ст. 280 гл. X). Начиная с Петра I, власть принимала меры к выполнению духовенством обязанности ведения метрических книг, где фиксировались бы браки, рождения и смерти[154]. Однако до начала XIX столетия, по признанию Государственного Совета, рассматривавшего в 1839 году дело о завещании имения генерал-майору Боровскому, метрики и консисторское делопроизводство находилось в беспорядке и расстройстве. Целая череда судебных процессов второй половины XVIII – первой половине XIX вв., вызванная этим беспорядком и расстрой-

[152] 1-е ПСЗРИ. Т. IX. № 7142.
[153] Ст. 8 т. X ч. I Свода Законов Российской империи (в ред. 1832 г.): «Запрещается помещичьим крестьянам и дворовым людям вступать в брак без дозволения их владельца».
[154] Законодательство Петра I – М. : Юрид. лит. 1997. С. 593.

ством («последней каплей» стало дело полковницы Хрущовой[155]), вынудила власть в 1850 году специально уточнить нормы Свода Законов о действительности и законности браков, а также о статусе детей от законных и незаконных браков[156].

Таким образом, закрепляя за дворянством определённые права и обязанности, государство постепенно сталкивалось с проблемами, так или иначе связанными с брачно-семейными отношениями. В одних случаях правительство использовало для их разрешения правовые средства, предоставляемые церковью. Так, поскольку церковь ведала совершением обрядов, связанных с рождением (крещения), женитьбой (венчание) и смертью людей (отпевание), ей было поручено регистрировать акты гражданского состояния. Поэтому церковные обряды были важны не только с точки зрения осуществления таинства, но и для доказательства рождения. В других случаях, не обращая внимания на смысл церковных постановлений, правительство вводило для своих потребностей специальные нормы, например, повышало брачный возраст для служащих дворян или ставило на первый план согласие помещиков на брак своих крепостных[157].

Исходя из интересов выявленных субъектов регулирования брачно-семейных отношений, можно предложить следующую периодизацию семейного права. Принимая во внимание, что в течение многих столетий Русской Православной церкви в целом не удалось привить пастве христианское мировоззрение, и её вклад в данной сфере состоял лишь в венчальном обряде, вряд ли стоит выделять крещение Руси в качестве вехи в истории отрасли. Более обоснованным представляется определить момент, когда вопросы брака и семьи попадают в орбиту государственных интересов, а это начинает происходить вместе с формированием сословного строя в России, то есть со второй половины XVII века. Таким образом, *первый* этап истории отрасли (до второй половины XVII века) можно считать «догосударственным», когда правительство даже косвенно не интересовалось вопросами брака и семьи.

Начиная со второй половины XVII века и, особенно, в XVIII веке происходит правовое оформление сословного государства, и отдельным аспектом этого оформления является урегулирование брачных и семейных отношений дворян, духовенства, горожан

---

[155] Одно из первых дел такого рода – спор о незаконности рождения сержанта Ивана Костюрина (см.: 1-е ПСЗРИ. Т. XX. № 14778).

[156] 2-е ПСЗРИ. Т. XXV. Отд. I. № 23906. См. об этом: *Полянский П.Л.* Брак генерал-майора Бекарюкова и изменения российского семейного законодательства в середине XIX века // Вестник МГУ. Сер. 11. «Право». 2015. № 4.

[157] В свете этого весьма спорным представляется тезис Э.М. Левшина о том, что светское законодательство в брачно-семейной сфере «стремилось ограничить правовое влияние церкви в обществе» (*Левшин Э.М.* Становление и развитие брачно-семейного законодательства в дореволюционной России / Автореферат дис. … канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2003.С. 4).

и крестьянства. С этого момента и начинается *второй* этап в развитии семейного законодательства, он связан с правовым регулированием брака и семьи, исходя из сословной ориентации правовых норм. Этот этап закончился с победой Великой Октябрьской социалистической революции, которая уничтожила сословное деление российского общества и сформулировала другие задачи перед брачно-семейным законодательством.

Третий этап продлился с 1917 года по середину 30-х годов. На взаимоотношения государства, церкви и общества в брачно-семейной сфере коренным образом повлияла Великая Октябрьская социалистическая революция. Во-первых, в январе 1918 года церковь была отделена от государства, ещё раньше, в ноябре 1917 года было упразднено словное устройство общества. Во-вторых, изменились цели законодательного регулирования брака и семьи.

Представляется, что в брачно-семейной сфере необходимость ограничения церковного влияния зрела давно. Ещё во второй половине XIX век был поставлен вопрос о введении гражданской регистрации брака, и, кроме того, в отношении значительной части россиян (старообрядцев) это нововведение было осуществлено в 1874 году. «Нотариальная часть» брачных процедур, приданная церкви ещё при Петре I «в нагрузку» к совершению таинства, во многом тяготила духовенство, тем более что и соответствующие канцелярские расходы вынужденно ложились на него же. Бракоразводный процесс был организован так, что супругам было гораздо проще добиться официального решения на раздельное проживание или, на худой конец, согласиться на фактический развод. Все эти проблемы, конечно, могли быть постепенно урегулированы и церковью. Однако большевики, придя к власти, не дали Русской Православной Церкви такой возможности. В дополнение к передаче государственным органам вопросов регистрации брака и осуществления бракоразводного процесса Советская власть уже в 1917 – 1918 году максимально упростила процедуры и устранила значительное число ограничений, связанных со вступлением и прекращением брака.

Вместе с отделением церкви от государства Советская власть ликвидировала сословный строй. Соответственно, должны были утратить актуальность те брачно-семейные нормы, которые были когда-то определены сословной спецификой: согласие начальства на брак для служащих мужчин[158], оценка «пристойности» невесты, особый

[158] Согласие на брак начальство давало после того, как удостоверялось в благоприятном материальном положении подчинённого, которое, во-первых, было гарантией обеспеченности жены на случай его смерти, а во-вторых, давало возможность соблюдать дворянские приличия и вести соответствующий образ жизни.

брачный возраст для военнослужащих, предоставление жене содержания согласно общественному положению и т.д.

Представляется, что в первые два десятилетия Советская власть вообще не связывала с институтами брака и семьи никаких особых социальных задач. Главное направление семейного законодательства в это время – решение вопросов, назревших ещё до Октябрьской революции, и уравнивание женщин в правах с мужчинами. Дополнительный колорит новому законодательству придала идея скорой передачи государству дела воспитания детей и призрения нуждающихся. Равнодушие тогдашнего законодателя к будущей судьбе правового регулирования брака и семьи в каком-то смысле доказывается признанием институтов обычного права, которые традиционно лежали в основе организации крестьянского двора.

Отдельные государственные деятели, планируя скорое (как им казалось) отмирание государства, связывали с этим процессом и скорое отмирание семьи. Максимальное упрощение процедурных вопросов вступления в брак и его прекращения, отказ от регулирования личных прав и обязанностей супругов, закрепление «альтернативных» семье форм устройства несовершеннолетних (опека, детские воспитательные учреждения) – все эти нововведения в семейных кодексах РСФСР 1918 и 1926 годов являлись воплощением идеи отмирания семьи на практике.

Пожалуй, впервые советское государство полностью осознало значение семьи лишь в первой половине 30-х годов, когда вплотную столкнулось с проблемой детской безнадзорности и ростом детской преступности. Установление причин безнадзорности привело к пересмотру отношения законодателя не только к правоотношениям между родственниками, но и к институту брака как основе семьи. Вследствие этого в нормативных актах второй половины 30-х годов и времён Великой Отечественной войны впервые в российской истории не только была вполне чётко сформулирована, но и получила комплексное решение задача устройства несовершеннолетних, прежде всего, в семейных условиях. Так, постепенное усложнение бракоразводного процесса и признание в 1944 году юридической силы лишь за зарегистрированным браком говорит о заинтересованности власти в формальной определённости и стабильности семейных отношений.

Кроме того, изменился и механизм воздействия государства на семейные отношения. Так, в первое десятилетие существования Советского государства семья рассматри-

валась как временный суррогат общественного воспитания детей и, соответственно, практически не понуждало граждан к выполнению своих родительских обязанностей. Однако уже к середине 30-х годов в законодательстве отчётливо прослеживается заинтересованность в обеспечении воспитания и содержания детей именно в семейных условиях, отсюда и разнообразное воздействие на родителей в целях понудить их к соответствующей организации отношений с детьми. К таким «побудительным» мерам можно отнести введение обязанности родителей обеспечивать посещение детьми школ, штрафование родителей за уличное озорство детей, усиление ответственности за неплатёж алиментов, организацию обязательных попыток примирения супругов в случае их желания развестись. Таким образом, впервые после победы Октябрьской революции у семейного законодательства выкристаллизовался особый предмет регулирования и определились основные методы воздействия на интересные государству правоотношения.

Одной из важнейших предпосылок, благодаря которой семейное законодательство стало трансформироваться в семейное право, послужили социально-экономические преобразования конца 20-х – начала 30-х годов, в частности, коллективизация. Она способствовала тому, что крестьянский двор утратил то производственное значение, которое имел перед этим много веков подряд. Переориентация крестьян на работу в колхозе определила упадок былого значения имущества двора, предназначенного для сельскохозяйственной деятельности, и наоборот, повысила значение личных доходов, полученных за колхозный труд. Этой переориентации с работы в личном хозяйстве на работу в колхозе служили законодательные ограничения 30-х годов, связанные с размером земельного приусадебного участка, а также количества скота, птицы и другого имущества в личной собственности колхозника. Таким способом государство стимулировало крестьянский двор направлять полученные доходы не на усиление сельскохозяйственной мощи двора, а на улучшение своего быта: создание денежных вкладов, покупка предметов домашней обстановки и т.д. Уничтожение многовекового уклада крестьянской семьи и сближение её с семьёй городской по структуре доходов и расходов создавало необходимое условие для унификации семейного законодательства. Таким образом, с середины 30-х годов семейное законодательство впервые лишилось той «разнонаправленности», которую имело много веков подряд в связи с необходимостью учитывать специфику отдельных классовых и сословных групп населения.

Таким образом, *четвёртый этап* начнётся с середины 1930-х годов и будет характеризоваться формированием основ современного семейного права, где одной из основных задач является организация семейного устройства несовершеннолетних. Для этого этапа в силу произошедших социально-экономических преобразований характерен единый подход в регулировании брачно-семейных отношений всего населения страны. В это время окончательно выкристаллизовываются общественные отношения, которые, будучи «очищенными» от христианской идеи, сословных принципов, революционной окраски и сельскохозяйственного базиса, составят предмет правового регулирования особой отрасли – семейного права. В окончательном виде и предмет, и метод рассматриваемой отрасли права (а не только законодательства!) будет сформулирован в Основах законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье 1968 года и союзных кодексах о браке и семье (для РСФСР – в КоБС 1969 года).

Определив задачи общества, церкви и государства в брачно-семейной сфере на разных этапах истории страны, можно выделить вопросы, которые в разное время оказывались в «двойном» или даже «тройном» подчинении, и указать на разграничение (если применять государственно-правовую терминологию) «предметов ведения». Для примера возьмём ряд институтов и проследим, как осуществлялось их регулирование через призму соотношения отдельных источников (форм) права. Данные примеры покажут, как из взаимодействия канонических, светских и обычных правовых норм будет постепенно складываться отрасль семейного права.

Церковные правила – сословное законодательство – обычное право.

Условия вступления в брак. Церковные каноны предполагали ограничительные условия, связанные со вступлением в брак. Настаивать на соблюдении этих ограничений в российских условиях было непросто. Правительство поставило белое духовенство, которое в подавляющем большинстве случаев и проводило венчание, в материальную зависимость от прихожан. В такой ситуации священнослужителям было трудно не пойти на поводу у кормильцев и соблюсти христианский дух. Постепенное огосударствление церкви, её врастание в аппарат самодержавия превращало канонические нормы лишь в один из инструментов воздействия на общество, инструментом, которым при необходимости можно было и пренебречь.

Правительство ограничилось введением в этой области ряда специальных норм. Инославным шведам разрешили браки с россиянками без смены веры, но на западных

окраинах страны, где справедливо опасались чуждого влияния, браки католиков с православными женщинами принципиально запрещались. Правительство в середине XVIII века на белорусских территориях даже пошло на разрешение браков в запрещённых степенях родства, лишь бы местные православные не перешли в унию[159]. После вхождения части польских территорий в состав России и заключения трактата 1768 года смешанные браки на специальных условиях всё-таки были позволены. Теперь правительство опасалось уже не столько за православное население на западе страны, сколько потенциальных волнений католиков и униатов, проживавших на новых российских территориях.

При необходимости правительство, напротив, могло ввести ограничения для вступления в брак. Так, сословные преобразования определили специфику браков служилого элемента: повышенный (против канонического) возраст, определённый уровень благосостояния и соответствие сословного статуса невесты статусу жениха. В XVII – XVIII веках существовали ограничения для дворянок-землевладелиц и горожанок, за которыми числился тяглый «бизнес»: они были вынуждены выходить замуж за «своих», иначе им приходилось избавляться от имущества, которое мешало поменять сословный статус в связи с замужеством.

Наконец, государство могло содействовать церкви в борьбе за соблюдение канонов с помощью использования для этого административных механизмов: для борьбы с многожёнством, явлением, которое в равной степени противоречило как церковным правилам, так и интересам государства, с 1842 года в документах, удостоверяющих личность подданных, ставилась отметка о наличии брака.

С точки зрения обычного права формирование крестьянского двора как самостоятельной хозяйственной единицы или поддержание его в этом качестве заставляло крестьян проще относится к условиям вступления в брак. В частности, к согласию жениха и невесты на вступление в брак, к достижению брачующимися брачного возраста, к близким степеням родства в сельской среде не придавалось решающего значения.

Процедура вступления в брак. Русская Православная церковь для вступления в брак предложила вчерашним язычникам осуществлять обряд венчания, содержавший таинство. Но единственным средством принуждения, которым обладало православное духовенство, чтобы повсеместно утвердить новый обряд, являлась епитимия или, в

[159] ПСПиР. Т. IV (1753 – 28 июня 1762 гг.). СПб., 1912. № 1517. С. 244.

крайнем случае, отлучение от церкви. Судя по тексту Стоглава 1551 года, христианский обряд органично вписался в языческую традицию, полностью заместить которую церкви не удалось до Октября 1917 года, не говоря уже о второй половине XX века. Дороговизна венчания зачастую приводила не обладавшие достаточными материальными средствами слои населения к отказу от этого обряда, даже если для этого простонародью требовалось записаться в раскольники.

Для государства в брачных процедурах, начиная с петровских реформ, стала важна процедура регистрации браков в метрических книгах. С одной стороны, эта деятельность духовенства могла существенно облегчить казне подсчёт ревизских душ. С другой, метрические документы могли иметь решающее значение при решении судебных споров в дворянской среде о законности браков и рождений, что было важно для определения сословного статуса и наличия связанных с ним прав.

Вместе с тем обычное право связывало вступление в брак, прежде всего, с межсемейным сговором, определяющим формирование имущества будущего самостоятельного крестьянского двора. Кроме того, традиционные свадебные крестьянские обряды значили для сельского населения гораздо больше, чем церковные процедуры, и начало брачной жизни крестьяне связывали именно с окончанием «брачных веселий», а не с совершением церковного таинства венчания.

Расторжение брака. До начала XIX века вопрос о разграничении компетенции в этом вопросе не поднимался. Бракоразводный процесс де-юре находился в ведении церкви, но с течением времени в этой сфере проявлялось участие и других субъектов. Самовольные «расходки» не были редкостью как в Древней Руси, так и в начале XX века. В определённой степени этому способствовала самодеятельность приходского духовенства, оформлявшего «разводные письма». Кое-кто в руководстве Русской Православной церкви явно желал переложить следственные процедуры бракоразводного процесса на светские органы, о чём свидетельствует Наказ депутату от Синода в Уложенную Комиссию, собранную при Екатерине II[160].

Конфликт, однако, разразился лишь в начале XIX века, когда на рассмотрение Синода стали попадать все решения духовных консисторий о разводах. При этом выяснилось, что неурядицы между супругами, вплоть до расторжения браков, являлись предметом ведения также и светских органов, к числу которых относился Сенат. Более

[160] См.: *Прилежаев Е.М.* Наказ и пункты депутату от Святейшего Синода в Екатерининскую концессию о сочинении проекта нового уложения // Христианское чтение. 1876. № 9 – 10. С. 263 – 265.

того, в проектируемом в первой трети XIX века Гражданском Уложении М.М. Сперанский собирался официально передать следствие по бракоразводным делам в светские суды. В этот момент руководство Русской Православной церкви (в лице Синода и его обер-прокурора князя А.Н. Голицына), наверное, впервые ощутило явное покушение на свою компетенцию и начало борьбу за её сохранение. Результат этой борьбы отразился в Своде Законов Российской империи, где рефреном проходила идея о том, что все вопросы брака и его прекращения находятся в компетенции церкви, а не гражданской власти. Впрочем, устранение конкурента никак не повлияло на неспособность церкви решить вопросы, с которыми население прежде шло к светским органам. Причём с течением времени эти вопросы так обострились, а церковное право было столь не приспособлено к их решению, что гражданской власти уже самой понадобилось решительно вторгнуться в церковную «вотчину». Так, в 1914 году было официально узаконено разножительство супругов, если их совместное проживание стало невыносимым.

В среде крестьянства гораздо чаще, чем формальные разводы, происходили неформальные «расходки». При этом жена могла быть выгнана из дома мужа не обязательно по его инициативе. Скажем, во время пребывания неотделённого от родителей мужа на отхожем промысле его родственники могли попытаться согнать невестку с хозяйства. Огромное значение имущественных вопросов на селе определяло, что при разлучении супругов важную роль играл раздел хозяйства. Забота о сохранности двора, как хозяйственной единицы, проявлялась в крестьянских семьях в том, что жёны часто отделялись от мужей лишь местом жительства, но скот, инвентарь и прочее имущество «сельскохозяйственного назначения» оставалось нераздельным.

Таким образом, на русскую почву, где брачно-семейные отношения изначально регулировались обычаями, пришло два новых регулятора – церковь и государство. Каждый из их ставил свои задачи, решение которых зависело от их авторитета и наличия принудительной силы. Государственные узаконения в гораздо меньшей степени конфликтовали с обычным правом, чем церковные нормы: сословная политика правительства в целом не противоречила традиционному крестьянскому укладу, но христианская идея, преломлённая в брачно-семейных правилах византийского образца, вступила с ним в явный конфликт. В этом противостоянии перевес оказался на стороне обычаев, ибо они базировались на хозяйственных отношениях, представляющих интерес для государства – единственного регулятора, обладающего принудительной силой.

Сословное законодательство – обычное право.

Соотношение норм обычаев и государственных узаконений можно проследить на примерах правового регулирования внутрисемейных отношений.

Права и обязанности супругов, детей и родителей. Законодательство XIX века закрепило власть мужа над женой, обязанность супруги подчиняться воле мужа, следовать за ним при перемене места жительства. Согласно своему сословному положению муж был обязан предоставлять жене обеспечение, имущество супругов было раздельно. Крестьянская семья представляла собой, прежде всего, союз производителей, поэтому речь могла идти лишь об общности имущества, причём не только приобретённого в браке, но и добрачного, связанного с сельскохозяйственной деятельностью. Соответственно, эта деятельность часто предполагала разлучение мужа с женой, поскольку один уходил на отхожий промысел, другая оставалась в хозяйстве. Интересы двора могли потребовать оставления жены в хозяйстве даже тогда, когда супруг ссылался в качестве наказания в Сибирь. Власть мужа в крестьянской семье была скорее фактической, и то лишь в том случае, если он был отделён от родителей. В противном случае домохозяином был его отец, олицетворявший власть над всеми членами крестьянского двора.

Опека и опекунские учреждения. Законодательство Петра I и Екатерины II определили сословные опекунские учреждения, прежде всего, для дворянства и горожан. Первоочередная задача подобной опеки – сохранение недвижимости и капиталов для детей-сирот названных сословий. При этом один супруг, переживший другого, совершенно не рассматривался в качестве «естественного» опекуна своих детей и вступал в эти права лишь по специальному решению органов опеки. В основе такого подхода лежало предположение, что переживший супруг может действовать против интересов несовершеннолетних детей-наследников. Такого противопоставления, очевидно, не наблюдалось в крестьянской семье, когда переживший супруг по обычаю был обязан управлять хозяйством двора вплоть до постановки вопроса о выделе доли подросших детей.

Определённое несоответствие обычного права государственным узаконениям «снималось» тем, что правительство само санкционировало применение норм обычного права в семейных отношениях крестьян. Такое положение дел было неизбежно до тех пор, пока, во-первых, существовало сословное деление общества с закреплением для каждой группы определённых прав, обязанностей и ограничений, а во-вторых, суще-

ствовал особый экономический уклад, базирующийся на организации крестьянского двора.

«Революционное» советское законодательство – обычное право

Хозяйственные интересы крестьянства оказались тем фундаментом, который определил успешное противостояние обычаев не только царскому, но и советскому законодательству в первое десятилетие после Октября 1917 года. Революционные идеи, связанные с отмиранием семьи, не поколебали общей собственности крестьянского двора. Раскрепощение женщины и её уравнение с мужчиной в супружеских правах не изменило крестьянского взгляда на трудовое участие и имущественный вклад как на единственные критерии при разделах. Более того, революционизированное семейное законодательство было вынуждено учитывать традиционную сельскую специфику и подлаживаться под неё, что особенно наглядно видно в признании общей супружеской собственности согласно КЗоБСО РСФСР 1926 года. Кроме того, нормы обычного права впервые в истории России были санкционированы Советским государством через нормы земельного законодательства периода НЭПа. Тем самым сформировался определённый параллелизм в регулировании брачно-семейных отношений: городская семья «жила» по семейному законодательству, сельская – по земельному.

Таким образом, правовое регулирование отношений внутри крестьянской семьи опиралось на нормы обычного права, имевшие в основе определённый хозяйственный уклад. Лишь с ликвидацией этого уклада исчезла почва для противостояния государственных узаконений и норм обычного права, что и случилось в 30-е годы XX века.

***

Постановка в центр изучения истории семейного права предмета правового регулирования, выделение субъектов регулирования позволяет сделать некоторые выводы о ходе и тенденциях развития отрасли.

Процесс развития российского семейного законодательства никогда не являлся линейным. Различные субъекты могли одновременно воздействовать на отрасль каждый в своём направлении для реализации собственных интересов.

Наиболее влиятельным субъектом регулирования брачно-семейных отношений являлось государство. Именно поэтому в истории развития отрасли предлагается выделить период, когда оно активно не вмешивалось в данную сферу. Окончанием данного периода необходимо считать вторую половину XVII века. С этого времени государство несколько раз меняло своё отношение к регулированию брачно-семейных отношений. Вплоть до 1917 года предметом правового регулирования были вопросы сословной организации общества. С 1917 до конца 1920-х годов семейное законодательство, разработанное апологетами быстрого отмирания семьи, было направлено на отрицание и преодоление сословных пережитков и уравнение в правах лиц обоего пола. С середины 30-х годов государство стало смотреть на семью с точки зрения её воспитательных и материально-обеспечительных функций. Принципиально важно, что в это же время благодаря социально-экономическим преобразованиям исчезло основание для сохранения особого семейного уклада в российской деревне, что создало предпосылки для первой в истории России унификации брачно-семейных норм для всех граждан страны. Таким образом, именно с середины 30-х годов семейное законодательство начинает решать свои собственные задачи, не связанные с сословными или хозяйственными вопросами, а также с христианизацией или революционизацией общества. Заинтересованность государства в семейной форме воспитания и материального обеспечения выразилась во введении механизмом понуждения родителей к надлежащему исполнению своих обязанностей. На этом основании можно полагать, что начиная с этого момента впервые можно говорить о складывании уже не отрасли семейного законодательства, а отрасли семейного права.

Выводы, сформулированные в настоящем параграфе, определили структуру дальнейшего изложения материала. Вторая глава будет посвящена регулирования брачно-семейных отношений обычаями и каноническими нормами. До окончания **первого** выделенного в работе периода именно эти источники будут определять для россиян нормы в сфере брака и семьи. Однако рассмотрение проблем правового регулирования брака и семьи обычаями и канонами не ограничится временным отрезком до середины XVII века, а будет продолжено до того момента, когда обычаи и церковные правила утратят своё значение в регулировании брачно-семейных отношений. Для церковных норм это произойдёт после победы Советской власти, для обычаев – с началом массовой коллективизации.

Третья глава посвящена выявлению и реализации государственного интереса в сфере брака и семьи с середины XVII века и до Октябрьской революции 1917 года (**второй период**). Поскольку этот интерес связан с особенностями сословного устройства российского общества, проблемы брака и семьи рассматриваются по каждому сословию отдельно.

Четвёртая глава посвящена советскому периоду правового регулирования брачно-семейных отношений. Слом сословного строя в результате победы Октябрьской революции 1917 года определил конец второго и начало **третьего периода** в истории регулирования брачно-семейных отношений. В этой же главе исследуются и проблемы **четвёртого периода.**

Глава 2. Церковное и обычное право: проблемы рецепции и преемственности

§ 1. Действие норм канонического права

Взгляды, которых придерживалась Православная церковь по отношению к браку, были изложены в предыдущей главе. В настоящем параграфе поставлена задача выяснить, насколько успешным было восприятие христианского учения о браке с момента крещения Руси вплоть до того, как Советская власть отделит церковь от государства. Также исследуются причины, по которым это восприятие было затруднено. В целях удобства изложения сначала рассматриваются проблемы, связанные с рецепцией канонических норм об условиях и порядке вступления в брак, а затем – нормы об условиях и порядке прекращения брака. В данном разделе не ставится задача рассмотреть абсолютно все аспекты церковного регулирования брака. Представляется, что есть смысл выделить лишь ключевые моменты, наглядно демонстрирующие способность Русской Православной церкви, первенствующей и господствующей, реципировать заимствованные из-за рубежа канонические правовые нормы.

А. Условия вступления в брак

а) Брачный возраст

Минимальный возраст для вступления в брак. До издания Стоглава в 1551 году минимальный возраст вступления в брак на Руси не определялся никакими отечественными нормативными актами. В послании духовенству 1410 года митрополит Фотий запрещал венчать девок ранее 12 лет[161]. Возможно, тому же Фотию принадлежат и следующая рекомендация: «А которые девицы поспели, а вы их давайте замуж, а так бы лихих дел не делали»[162]. Таким образом, условная граница здесь определялась скорее не возрастом, а презумпцией достижения половой зрелости, когда оставленный без надлежащего контроля зарождающийся инстинктивный интерес к лицам противоположного

[161] Русская Историческая Библиотека. Т.6. Изд. 2. Памятники древне-русского канонического права. Часть 1 (памятники XI – XV в.). СПб., 1908. Стлб. 275.
[162] Там же. Стлб. 918 – 919.

пола мог привести к растлению и душевной гибели. В принципе, такой подход совершенно соответствует задачам церкви по охране нравственного здоровья православных христиан. Стоглав определил брачный возраст для мужчин – 15 лет, для женщин – 12[163], что не вполне соответствует, как отмечали ещё дореволюционные исследователи, Кормчей книге[164]. Действительно, в Зачатке втором гл. 50 Кормчей определен несколько иной возраст: соответственно, 15 и 13 лет[165]. Это не первый и не последний пример, когда отечественный законодатель показал в Стоглаве недостаточное знакомство с византийским подлинником. Но возможно и другое объяснение этой неосведомлённости: в распоряжении церковных властей в 1551 году находился список Кормчей, в котором был зафиксирован именно такой брачный возраст.

Для целей настоящего исследования Стоглав интересен не как источник канонических норм, а с точки зрения констатации серьёзных проблем в духовном ведомстве, в том числе, и по линии брака и семьи. Так, сильное влияние языческих традиций и бессилие противостоять им со стороны духовенства отразилось даже на свадебных обрядах (о чём тоже было указано на Стоглавом соборе[166]). В отношении брачного возраста Стоглав не только указал минимум для мужчин и женщин, но и специально прибавил запрет женить «отрока» раньше установленных 15 лет[167]. Не является ли это констатацией массового нарушения церковных норм? Отдельные зафиксированные примеры женитьбы и выдачи замуж раньше установленных лет показаны в летописных источниках Древней Руси[168]. Упомянутые послания церковных иерархов XV века представляют собой, судя по тону и отрывочности поставленных в них вопросов, скорее не систематическое изложение догм, а реакцию на вопросы пастырей, доносивших до начальства самые насущные проблемы, которые они узнавали в общении с паствой. Текст Стоглава 1551 года отчётливо показывает, что к середине XVI века православное духовенство ещё не научилось бороться со своеволием прихожан, женивших и выдававших замуж своих детей раньше установленного возраста.

---

[163] Российское законодательство X – XX веков. Т. 2. С. 287.
[164] *Неволин К.А.* История российских гражданских законов. Часть первая: Введение и книга первая о союзах семейственных. М.: Статут, 2005. С. 328.
[165] Этот возраст потом будет повторен в указе Синода 1774 года (1-е ПСЗРИ. Т. XIX № 14229). Н.С. Нижник почему-то сочла это воспроизведение норм Кормчей неточным цитированием или умышленным ее искажением (*Нижник Н.С.* Правовое регулирование семейно-брачных отношений в русской истории. СПб., 2006.С. 121).
[166] Российское законодательство X – XX веков. Т. 2. С. 307.
[167] Там же. С. 287.
[168] См.: *Неволин К.А.* Указ. соч. С. 327 (сноски).

Возможно, церковники и не рассматривали нарушения брачного возраста как серьёзную проблему. Так, Инструкция патриарха Адриана 1697 года, перечисляя препятствия к браку, упоминает запрещённую степень родства и свойства, состояние в другом браке, наличие трёх предшествующих браков, *преклонный возраст* жениха и невесты и нахождение их в бегах[169]. Выяснение *минимального* возраста в пунктах инструкции не обозначено. Может быть, духовенство продолжало считать минимальную возрастную границу условной? Пожалуй, в какой-то мере это видно из примеров XVIII века. Так, в 1729 году князь Долгоруков женился на 11-летней девочке, причём с момента брачного сговора до совершения брака невеста умудрилась вступить в половую связь с дворовым человеком князя, родить и забеременеть снова[170]. Иногда достижение дозволенного возраста не сопровождалось достижением половой зрелости. Так, флотский поручик Иван Салманов в ноябре 1738 года женился на 13-летней Федосье, а уже через два месяца отправил её к отцу, поскольку «телесного сожительства за младостью жены не имел, жена была непочтительна к мужу, имела непрестанные забавы и детские игры»[171]. Оба этих брака были совершены официально, т.е. с позволения епархиальных архиереев.

Массовые нарушения минимального брачного возраста, пожалуй, долго оставались бы чисто церковной проблемой и в дальнейшем. Однако условность возрастной границы в отсутствие чётких нормативных предписаний заставляла епископов обращаться за консультациями в Синод, но и там не всегда могли дать вразумительное объяснение. Так, епископ Устюжский и Тотемский Лаврентий в конце 20-х годов XVIII века доносил в Синод про местный обычай вступать в брак в малолетстве и просил прислать ему «указ» о позволительных к браку летах[172]. Тут затруднился уже сам Синод, поскольку после наведения справок у него на руках оказались лишь самые разнородные выписки из Кормчей книги, а также фрагменты указов 1714 и 1725 годов. Первый из указов (Именной от 23 марта 1714 года) был посвящён узко-сословным вопросам дворянского землевладения, и в целях охраны интересов малолетних землевладельцев устанавливал брачный 17-летний возраст для женщин и 20-летний для мужчин[173]. Второй, от 10 июня 1725 года обнаружить не удалось, но учитывая неважное состояние делопроизводства в Синоде, можно предположить, что под этой датой обозначена копия майских

---

[169] 1-е ПСЗРИ. Т. III. № 1612 п. 63 – 64.
[170] ОДДС. Т. X (1730 г.). СПб., 1901. Дело № 120. Стлб. 249 – 250.
[171] ОДДС. Т. XXI (1741 г.). СПб., 1913. Дело № 90. Стлб. 83.
[172] ОДДС. Т. XI (1731 г.). СПб., 1903. Дело № 78. Стлб. 103 – 104.
[173] Законодательство Петра I. М., «Юридическая литература». 1997. С. 700.

этого года «Пунктов о вотчинных делах», продублировавших норму предыдущего закона от 1714 года[174]. Таким образом, в самом высшем церковном учреждении России ещё в 20-е годы XVIII века не было окончательной ясности по вопросу о каноническом регулировании данного вопроса.

Между тем проблема сама собой решиться не могла. Из «рассуждений» Синода за февраль 1745 года узнаем, что крестьяне женят своих сыновей (а помещики – мальчиков-крестьян) и в 10, и в 11, и в 12 лет на вполне взрослых девушках (15 и более лет). Бывали случаи, когда выданные за малолетних мальчиков взрослые жёны пускались в разврат[175]. Но чаще положение жён в подобных браках было ужасно: малолетний муж не мог быть защитой ни от похотливого свёкра, ни от властной свекрови. Уличавшиеся в кровосмешении свёкры часто оправдывали себя тем, что приживая детей с жёнами своих малолетних сыновей, способствуют лучшему прикреплению женщин к семье. Самым «простым» способом избавиться от такого угнетённого положения было бегство. Так, в 1727 году уже через два месяца супружеской жизни 15-летняя крестьянка Костромской губернии Анна Яковлева бежала от своего 11-летнего мужа Ивана Козьмина[176]. Имелись многочисленные случаи, когда несчастные жёны предпочитали умертвить своих малолетних мужей. Если же такие семьи сохранялись, то повзрослевшие супруги часто гнушались своими «престарелыми» жёнами и прелюбодействовали с более молодыми женщинами[177]. О том, что подобные браки в XVIII веке были «в великом употреблении», узнаём также из доклада императрице Елизавете Петровне в 1756 году[178]. Приходские священники, в ведении которых находились брачные вопросы паствы, частенько женили собственных сыновей с нарушением установленного возраста, если это могло помочь укрыть их от обязательного обучения в семинарии[179]. До определённого момента даже Синод не видел в нарушении брачного возраста большой проблемы. Например, поп Василий Фролов был по решению Смоленского епископа «запрещён в священнослужении с отрешением от церкви и прихода» за то, что в 1743 году обвенчал 10-летнего крестьянина. Синод не счёл это нарушение серьёзным, поэтому прошение

[174] Указы блаженныя и вечнодостойныя памяти великой государыни императрицы Екатерины Алексиевны и государя императора Петра Втораго, состоявшиеся с 1725 генваря с 28 числа по 1730 год. Напечатаны по указу всепресветлейшей державнейшей великой государыни императрицы Елисаветы Петровны самодержицы всероссийской. При Императорской Академии Наук в Санктпетербурге 1743 года. С. 72.
[175] *Лебедев А.С.* О брачных разводах по архивным документам харьковской и курской консисторий // ЧОИДР. 1887. Кн. 2. С. 12 – 13.
[176] ОДДС. Т. XXIX (1749 г.). СПб., 1913. Дело № 498. Стлб. 623.
[177] ПСПиР. Т. II. (1744 – 1745 гг.). № 818. С. 314.
[178] 1-е ПСЗРИ. Т. XIV. № 10676.
[179] ОДДС. Т. XXI (1741 г.). Дело № 637. Стлб. 461.

наказанного попа о восстановлении его в священнослужении удовлетворил[180]. В епархиях же неоднократные запретительные указы о венчании малолетних имели мало действия[181].

Только в правление Екатерины II на практику венчания малолетних стали смотреть иначе, и указом 1774 года браки мужчин до 15 лет и женщин до 13 лет были строжайше запрещены под угрозой лишения священства проводивших венчание попов и лишения сословного звания участвующих в обряде церковнослужителей. Причиной, по которой к соблюдению возрастной планки власти стали относится серьёзно, можно считать (судя по тексту указов 1774 – 1775 годов[182]) значительное количество мужеубийств, о чём, впрочем, духовные власти и так знали как минимум 20 лет назад. Потребовалось неоднократное (при Елизавете Петровне и Екатерине II) вмешательство светской власти, чтобы церковная машина наконец-то начала работать, но и здесь в 1774 году дело ограничилось лишь воспроизводством норм 50-й главы Кормчей книги, которая когда-то установила минимальный брачный возраст в условиях совершенно другой страны (Византии) много веков назад. И лишь через год Синод был вынужден вернуться к этому вопросу и урегулировать предбрачные процедуры, которые должны были выявить возможные препятствия к вступлению в брак[183]. Активное на первых порах применение установленных запретов вызвало немало разбирательств, однако из-за неспешного производства многие из малолетних к завершающей стадии процесса уже достигали дозволенного к браку возраста, поэтому Синоду пришлось решать и эту проблему ускоренными темпами[184].

Со времён Екатерины II руководство Русской Православной церкви ещё только раз, в 1857 году, сказало своё слово по вопросу о минимальном брачном возрасте. К этому моменту действовали уже не нормы екатерининских законов, т.к. в 1830 году Именным указом был установлен повышенный общегражданский возраст: 18 лет для мужчин и 16 – для женщин[185]. Несмотря на то, что этот указ был дан Святейшему Синоду, его роль в данной реформе проследить не удаётся. Указ 1830 года интересен тем, что внося серьёзные изменения в семейно-правовое регулирование, он весьма краток и не содержит, в отличие от своих «современников» даже намёка на непосредственные при-

[180] ОДДС. Т. XXXIV (1754 г.) . СПб., 1912. Дело № 515. Стлб. 471 – 472.
[181] *Лебедев А.С.* Указ. соч. С. 18.
[182] Законодательство Екатерины II. В двух томах. Т. 2. – М.: Юрид. лит. 2001. Док. №№ 220, 221. С. 454 – 456.
[183] Там же.
[184] 1-е ПСЗРИ. Т. XX. № 14899.
[185] 2-е ПСЗРИ. Т. V. Отд. I. № 3807.

чины своего появления. Возможным объяснением этого противоречия является механика подготовки Свода законов Российской империи. Известно, что значительное влияние на М.М.Сперанского, вдохновителя работ по систематизации законодательства, оказывали западные образцы. Этот факт отмечали позднейшие критики его работы[186], да и он сам его не отрицал[187]. Выяснить, какими образцами, западными или церковными, руководствовался М.М.Сперанский при установлении брачного возраста, можно сопоставив указ 1830 года и проект Гражданского Уложения 1809 года. Брачный возраст, установленный § 204 проекта[188], в точности соответствовал установленному во Французском гражданском кодексе (ст. 144): 18 лет для мужчин и 15 – для женщин. Однако находя неудобным прямо заимствовать нормы иностранного законодательства, М.М. Сперанский прибегал, как считают некоторые исследователи, к следующей хитрости: в ходе работ по составлению Свода законов Российской империи по его инициативе был принят целый ряд указов, устанавливавших нормы, новые для русского права. Единственным предназначением этих указов было создание источниковой базы для включения новых положений в Свод[189]. Вполне возможно, что и указ 1830 года выполнял именно эту функцию.

Итак, в 1857 году обер-прокурор Синода, граф А.П.Толстой всеподданнейше доносил о значительном количестве просьб, в основном от крестьянства, о понижении минимального брачного возраста. Синод был не против удовлетворения подобных ходатайств, если до достижения положенных 18 и 16 лет жениху и невесте оставалось не более полугода. Кроме того, даже в этом случае пониженный возраст всё равно превышал минимум, установленный церковными правилами. Предложение Синода было утверждено императором[190], однако церковная организация оказалась явно неподготовленной к тому потоку просьб о понижении возраста, который обрушится на неё в результате этого разрешения.

---

[186] *Синайский В.И.* Личное и имущественное положение замужней женщины в гражданском праве. Юрьев, 1910. С. 158-168.

[187] *Бычков А.Ф.* К 50-летию Второго отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии. Объяснительные записки и заметки Сперанского. 1828 г. // Русская старина. 1876. Март. С. 587; Объяснительная записка содержания и расположения Свода законов гражданских / Архив исторических и практических сведений, относящихся до России, изд. Н. Калачовым. СПб., 1859. Кн. 2. С. 4-5.

[188] Архив Государственного Совета. Т.4. Царствование императора Александра I (с 1810 по 19 ноября 1825 г.). Журналы по делам Департамента Законов. СПб., 1874. Приложения. Стлб. 22.

[189] *Винавер М.М.* К вопросу об источниках X тома Свода законов // Журнал министерства юстиции. 1895. № 10. С. 11.

[190] 2-е ПСЗРИ. Т. XXXII. Отд. I. № 31849.

В 1886 году обер-прокурор Синода К.П.Победоносцев докладывал в Государственный Совет о том, что им были опрошены 50 епархиальных архиереев. В результате выяснилось, что по стране ежегодно просьб о понижении брачного возраста подаётся более 23 тыс.[191], то есть на каждого архиерея приходится от 400 до 500 прошений в год. При этом, как правило, эти прошения не распределяются равномерно в течение года, а приходятся на осень перед Рождественским постом и зиму-весну перед Великим постом. Не надеясь на оперативность местного духовенства, крестьяне сами отправлялись с прошениями в епархиальные управления, чем весьма им досаждали. При этом проверка уважительности таких просьб сильно затягивала принятие решений, чем возбуждала большое неудовольствие в отношении духовенства в целом, как сообщали с мест[192]. В итоге Синод предложил Государственному Совету рассмотреть вопрос об общем понижении брачного возраста на полгода[193]. В декабре 1886 года Государственный Совет снял этот вопрос с рассмотрения и отправил на экспертизу в Медицинский Совет при Министерстве внутренних дел, который не только не одобрил предложения Синода, но и указал, что и существующий общегражданский возраст неоправданно низок. С точки зрения Совета, физиологическое развитие россиян – одно из самых поздних по сравнению с населением Европы. В доказательство Медицинский Совет привёл сравнение результатов военных наборов лиц, достигших 21 года, в России и Европе. Отечественная практика давала, в отличие от европейской, значительный процент получающих годовую отсрочку «по недостаточной возмужалости, слабости и недоразвитости»[194]. В России – один из самых высоких процентов младенческой смертности, констатировал Совет, что также объясняется ранними браками. Больше вопрос о понижении общегражданского брачного возраста в дореволюционной России не рассматривался.

Вплоть до вступления в силу декабрьского декрета 1917 года «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния»[195] в российском законодательстве продолжала сохраняться разница между церковным возрастом вступления в брак (15 лет для мужчин и 13 для женщин) и общегражданским (соответственно, 18 и 16 лет). Царское Правительство, установив в 1830 году более высокую планку, не рискнуло, тем не менее, отменять каноническую норму, поэтому «сосуществование» обеих минимальных

[191] РГИА. Ф. 1149. Оп. 10 (1886). Д. 82. Л. 3.
[192] Там же. Л. 5.
[193] Там же. Л. 20 об.
[194] Там же. Л. 31.
[195] СУ РСФСР. 1917. № 11. Ст. 160.

границ нужно было как-то законодательно оформить. В первоначальной редакции Свода законов гражданских признавались недействительными браки, заключённые «ранее определённого возраста» (ст. 45 в ред. 1832 года), похожая формулировка существовала и в редакции Свода 1842 года. И лишь закон 6 февраля 1850 года внёс бóльшую ясность: «законными и действительными не признаются: …5) брачные сопряжения лиц, не достигших возраста, Церковью определённого для вступления в брак»[196]. Своеобразный компромисс между церковью и государством здесь состоял в том, что разрешение на брак давалось по достижении общегражданского возраста, но для признания брака недействительным было необходимо недостижение пониженного церковного возраста.

Итак, до 1830 года правительство, считая брачный вопрос церковной «вотчиной» вынуждено было интересоваться возрастными ограничениями лишь в тех редких случаях, когда речь шла о примерах коренных недостатков в деятельности церкви (Стоглавый Собор 1551 года) или когда неоднократно обнаруживались наиболее серьёзные последствия нарушений возрастной планки (сведения середины XVIII века об убийствах и прочих непорядках в крестьянских семьях). В последнем случае Синоду пришлось не только донести до епархий сведения о дозволенном к браку возрасте (ибо не везде знали о возрастных границах), но и разработать процессуальные аспекты, связанные с проверкой законности бракосочетания. Повышение брачного возраста в 1830 году со временем показало, что для церковных учреждений обеспечение его соблюдения также затруднительно. В дальнейшем нам придётся ещё неоднократно столкнуться с инертностью церковного механизма, который, не имея очевидных стимулов к саморазвитию, нуждался в необходимом толчке со стороны правительства в случаях, когда определённая проблема выходила за пределы духовной «вотчины». Однако и правительство продолжало считаться с церковными интересами, косвенно учитывая канонический возраст в брачном законодательстве.

Значительная разница в возрасте как препятствие к браку и максимальный брачный возраст. Церковные правила предполагали, что на склоне лет христианин должен научиться обуздывать свои инстинкты и жить по духу, нежели по плоти. Василий Великий предостерегал вдов старше 60 лет предаваться «страстной нечистоте» (правило 24)[197]. Тот же святой отец предостерегал одного вдового 70-летнего священника от взятия в домашнее услужение женщины (правило 88). Эти наставления, сделанные по двум

[196] 2-е ПСЗРИ. Т. XXV. Отд. I. № 23906.
[197] Правила Святых Апостол и Святых Отец с толкованиями. М., 2000. С. 246.

частным случаям, в России никогда не трансформировались в общие правила. Так, правило 88 в славянском переводе вообще не содержало никакого указания на возраст, а просто указывает пресвитеру «отлучиться» от пребывания и бесед с женщинами. Пожалуй, лишь инструкция патриарха Андриана содержала общее указание, чтобы вступающие в брак *вдовцы* обоего пола не были бы в престарелых летах[198].

Единственный раз этот вопрос обратил на себя внимание русского правительства при Елизавете Петровне. Судя по порядку рассмотрения дела, в Синод оно попало в самую последнюю очередь. Действительный статский советник Григорий Ергольский вступил в брак с «подозрительной вдовой» Прасковьей Десятовой, которая стала немедленно распоряжаться его имуществом и «во всем доме его, Ергольского, властвовала и к растащению пожитков его явной себя хищницей показала»[199]. Попалась вдова на подлоге при продаже чужих крестьян, а кроме того, на неё уже прежде был оговор в «волшебстве»[200]. В судьбе Ергольского приняла участие сама Елизавета Петровна, распорядившись после разлучения «молодожёнов» доставить больного старика со всеми предосторожностями в Санкт-Петербург и поместить для ухода в Александро-Невский монастырь[201]. Прасковья Десятова была взята под арест, и в отношении неё было проведено надлежащее следствие. Обстоятельства брака Ергольского были изучены Синодом, и 12 декабря 1744 года он был признан недействительным[202]. Из ссылок на канонические нормы Синод смог привести только 24-е правило Василия Великого, а также тот факт, что венчание происходило с нарушением процедуры. В этом деле на долю духовной власти выпало лишь оформление разлучения супругов, чтобы дать светским органам спокойно завершить следствие в отношении ловкой авантюристки. В своё правление Елизавете Петровне пришлось, по крайней мере, ещё один раз лично вмешаться в подобные дела. В 1753 году был предотвращён готовящийся брак престарелого дворянина Молостова. Императрица не только указала на грядущее венчание Синоду, но и велела провести «профилактическую» беседу с Молостовым, а также оповестить о его возможном венчании все епархии[203].

Симптоматично, что вопрос о предельном брачном возрасте возник именно в годы царствования Елизаветы Петровны: она систематически проявляла интерес к регули-

---

[198] 1-е ПСЗРИ. Т. III. № 1612 п. 63.
[199] РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 9. Л. 30.
[200] Там же. Л. 20, 35об.
[201] Там же. Л. 19.
[202] РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 170. 77об. – 79об.
[203] РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 175. Л. 94 – 94об.

рованию брачно-семейных отношений, и Синод неоднократно удостаивался высочайшего выговора за несоответствие своих решений нормам канонического права. В случаях с Ергольским и Молостовым понадобилось личное вмешательство императрицы, чтобы синодальные члены занялись поиском подходящих ссылок на правила Кормчей, в чём они преуспели не самым лучшим образом. О п. 63 Инструкции патриарха Адриана в Синоде, видимо, не знали, а может быть, не имели и самого текста этого документа.

Решив вопрос с браком Ергольского, Елизавета Петровна соединила для себя проблему регулирования вступления в брак в престарелом возрасте с регулированием разновозрастных браков у крестьян, и в феврале 1745 года через обер-прокурора в Синод поступило требование составить справку о том, как эти аспекты отражены в правилах Апостолов и Святых Отцов, а также в Номоканоне[204]. Видимо, мотивировочная часть указа Синода по поводу брака Г.Ергольского императрицу не удовлетворила. Однако в итоге вопрос о существенной разнице в возрасте жениха и невесты, поднятый Елизаветой Петровной в 1745 году и Екатериной II в указах 1774-1775 годах, так и не нашёл своего законодательного разрешения. Правда, в архивах Синода имеются найденные А.С.Павловым составленные кем-то из церковных иерархов трактаты, возможно, написанные в середине 60-х – середине 80-х годов XVIII века на этапе подготовки специального закона о браке, а возможно – Наказа от духовного ведомства в Уложенную комиссию. Авторы трактатов уделили внимание бракам с существенной разницей возрастов жениха и невесты, причём один из составителей конкретно указал двукратную и более разницу как недопустимую (17-18 лет жениху и 35-40 лет невесте; или 50-55 лет жениху и 17-18 лет невесте)[205]. В отсутствие установленных правил выполнение этой рекомендации каждый раз оставлялось на усмотрение местного духовенства[206].

б) Степени родства

Запрещённые степени родства и свойства. К.А.Неволин приводил достаточно большое количество отечественных источников, где данный вопрос нашел своё отражение: от Устава князя Ярослава о церковных судах до принятых постановлений Большого

---

[204] ПСПиР. Т. II (1744 – 1745 гг.). № 818. С. 314.

[205] *Павлов А.С.* 50-я глава Кормчей Книги как исторический и практический источник русского брачного права. М., 1887. С. 346, 374.

[206] И.Г. Оршанский в 1879 году отмечал большое количество известных ему случаев браков с существенной разницей в возрасте (*Оршанский И.Г.* Исследование по русскому праву обычному и брачному. СПб., 1879. С. 252.

Московского Собора 1666 – 1667 годов[207]. В основном, документы древности не содержат точного указания запрещённых степеней, и речь обычно шла о браке «в племени» или «в сватстве», «аже ближний род поимется» и т.д. Тот же К.А.Неволин приводил множество исторических примеров, начиная с Древней Руси, браков с близких степенях родства, причём как у знати, так и у простонародья[208]. Случалось, и высшее духовенство не проявляло жёсткости в этом вопросе: в дошедшем до нас послании XIV века содержится обвинение в адрес митрополита Петра (1308 – 1326), который якобы благословлял браки в 4-й степени родства[209]. Время показало, что церковные запреты браков в ближнем родстве не служили непреодолимым препятствием к браку между россиянами не только в Древней Руси, но и в дальнейшем. Так, общая оценка проблемы в середине XVIII века была дана Санкт-Петербургским архиепископом Сильвестром: вопрос о запрещённых к браку степенях родства, с его точки зрения, причинял «*немало трудностей* в Церкви и империи Российской и при разрешениях на брак *приносящим немало неприятностей* (курсив мой – *П.П.*) как брачущимся, так и совершающим таинство брака»[210]. Оценить эти трудности и неприятности помогут следующие примеры.

Весьма показательным представляется дело смоленских шляхтичей, которое началось в 1727 году и длилось более 20 (!) лет. Местный архиепископ Филофей сообщил в Синод о браке князя М. Друцкого-Соколинского с А. Азанчеевой, состоявшей с последним в запрещённой 5-й степени родства. В ответ на это шляхтич обвинил Филофея во взяточничестве и заявил, что знает ещё около 30 случаев в епархии, когда обвенчанные супруги находись в близком родстве. Всего по делу было обнаружено 38 подобных браков, но Филофей был уже отрешён от епархии, и следствие возглавил новый епископ Гедеон (Вишневский). До 1741 года дело почти не двигалось, а когда Синод запросил о его ходе Смоленского епископа, тот ответил, что в 1736 году случился пожар и все документы по делу смоленских шляхтичей сгорели. К этому времени многих из фигурантов следствия уже не было в живых, и Синод был вынужден обратиться за свежими сведениями к «командующему смоленским шляхетством» генерал-лейтенанту А. Потёмкину. Однако оказалось, что брак и самого Потёмкина был сомнителен с точки зрения степеней родства. Между тем епископ Гедеон уже начал процесс разлучения незаконных пар, но в 1742 году Синод по просьбе некоторых смоленских шляхтичей велел

[207] *Неволин К.А*. Указ.соч. С. 354 (сноски).
[208] Там же. С. 353 (сноски).
[209] Русская Историческая Библиотека. Т.6. Стлб. 148 – 149.
[210] ОДДС. Т. XXXIX (1759 г.). СПб.,1910. Дело № 110. Стлб. 361.

архиерею до окончания следствия разлучения приостановить. В 1743 году рассмотрение дела перенесли в Москву. Многие из шляхтичей, которых Гедеон уже успел разлучить, «к великому соблазну всех» продолжали незаконное сожительство[211]. Окончательное же решение дела состоялось в виде устного распоряжения императрицы Елизаветы в 1752 году: дать смоленской шляхте позволительный указ о свободном сожитии с жёнами по-прежнему[212].

Любопытный и показательный случай произошел в последние годы правления Елизаветы Петровны. Императрица заинтересовалась, законны ли с канонической точки зрения уже совершившиеся браки князя Д. Голицына и Н. Ладыженского по причине состояниях их в 6-й, запрещённой, степени родства со своими жёнами[213]. При разборе дела в Синоде особое мнение заявил Санкт-Петербургский архиепископ Сильвестр, который указал, что запретительная норма 1001 года[214] патриарха Сисиния, на которую ссылалось большинство членов Синода, уже в 1168 году[215] была отменена византийским императором Мануилом Комнином. В Кормчую, отпечатанную в России, однако, была внесена лишь норма 1001 года, а более поздние изменения туда не попали. Синод вынес соломоново решение, очевидно, видя заинтересованность императрицы. Браки Голицына и Лодыженского хотя и не были санкционированы, но сохранены «по некоторому снисхождению». При этом во внимание не было принято не только мнение Сильвестра, но и его предложение всесторонне обсудить запрещённые степени родства и вынести по этому вопросу окончательное определение[216].

В 1756 году белорусский епископ Георгий доносил в Синод, что многие из членов его паствы когда-то поженились в недозволенных степенях родства через униатских священников, за что были временно отлучены от церкви. Теперь же они грозились совсем перейти в униаты, если наказание с них не будет снято, а их браки не будут утверждены. Угрозы возымели действие, и Синод допустил незаконные с канонической точки зрения браки[217].

---

[211] ОДДС. Т. VI (1726 г.). СПб., 1883. Дело № 308. Стлб. 555.
[212] РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 10. Л. 34.
[213] РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 11. Л. 110.
[214] А.С. Павлов называл не 1001, а 996 год (см.: Номоканон при большом требнике. Его история и тексты греческий и славянский с объяснительными и критическими примечаниями. М., 1887. С. 175), В. Нарбеков в постатейном комментарии к «Номоканону константинопольского патриарха Фотия с толкованиями Вальсамона» (Ч. 2. Казань, 1899. С. 471) указывал на 997 год.
[215] В. Нарбеков сомневался насчет года и давал следующие варианты: 1145, 1160 или 1175 год (см.: Указ. соч. С. 474).
[216] ОДДС. Т. XXXIX (1759 г.). Дело № 110. Стлб. 363.
[217] ПСПиР. Т. IV (1753 – 28 июня 1762 гг.). № 1517. С. 244.

Духовные власти по-разному относились к нарушению условия, касавшегося степени родства. В 1730 году Черниговский епископ Иродион, даже несмотря на признание Синодом брака в близкой степени родства бунчукового товарища[218] Г. Скоруппы законным, не отказался от своей позиции и продолжал поносить и злословить семью «опального» казака[219]. Напротив, в 1743 году Санкт-Петербургский епископ Никодим оставил в силе брак между супругами, находящимися в 6-й степени родства, поскольку они «в неведении в тот брак вступили»[220].

Приведенные примеры хорошо характеризуют отсутствие должного правового регулирования данного вопроса. Православное духовенство, включая членов Синода, не имело достаточно чётких ориентиров в отечественном законодательстве, а нормы Кормчей Книги (к середине XVIII века давно уже ставшей редкостью) позволяли епископату и Синоду принимать в одинаковых ситуациях совершенно разные решения.

Впрочем, на практике и Синод не всегда был высшей инстанцией при решении вопросов о родственных связях и браках в близких степенях родства. В 1785 году Екатерина II заставила Синод признать брак князя Ю.В. Долгорукова, заключённый в запрещённой 4-й степени свойства. Он тайно женился на родной сестре женщины, бывшей замужем за его родным братом. Княгиня Александра Владимировна (в замужестве Козловская), родная сестра князя Юрия Долгорукова, согласилась объявить себя матерью родившейся от этой тайной связи дочери, причём до родов успешно имитировала беременность, а затем послеродовые недомогания. Лишь после смерти своих брата и невестки Ю.В. Долгоруков пал на колени перед императрицей Екатериной II и рассказал о своей незаконной семье. Формально Екатерина предоставила решать дело Синоду, но в итоге этот брак был утвержден, а дочь Варвара Юрьевна Долгорукова, теперь уже признанная законной княжной, была назначена фрейлиной при Высочайшем Дворе[221]. Николай I в 1827 году разрешил брак городового секретаря Повало-Швейковского, который женился на сестре своего зятя. Синод определил признать этот брак недействительным, однако император наложил следующую резолюцию: «Брак расторгать, когда

---

[218] Бунчуковый товарищ – почетная должность, учрежденная в казачьем войске гетманом Мазепой. В походах бунчуковые товарищи выполняли роль адъютантов при гетмане. Бунчук – конский или бычий хвост, насаженный на украшенное древко с маковкой на конце.

[219] ОДДС. Т. X (1730 г.). Дело № 444. Стлб. 703.

[220] ОДДС. Т. XXIII (1743 г.). СПб., 1911. Дело № 407. Стлб. 499.

[221] См.: *Карабанов П.Ф.* Фрейлины русского двора в XVIII и XIX столетиях, биографические списки П.Ф. Карабанова // Русская старина. 1871. Октябрь. С. 401.

он дозволен был духовным начальством, Я признаю несправедливым и неудобным»[222]. Николай I и в дальнейшем неоднократно предписывал Синоду прекращать делопроизводство по признанию недействительными браков в запрещённых степенях свойства[223].

Таким образом, неограниченная власть монархов позволяла им не только быть высшей инстанцией по брачным делам, но и принимать решения, не соответствующие каноническим предписаниям. Однако история знает и случаи, когда монархи заставляли (или пытались заставить) Синод руководствоваться церковными нормами, а не субъективными оценками. Так, достойна упоминания многолетняя переписка императрицы Елизаветы Петровны и Святейшего Синода по вопросу запрещённых к браку степеней родства и свойства. Помимо тянущегося двадцать лет дела смоленских шляхтичей императрице стали известны ещё несколько случаев необоснованных решений Синода о признании брака недействительным по данному признаку. Вероятно, впервые Елизавета обратила внимание на подобные дела в связи с деятельностью московского архиепископа Иосифа, т.к. именно ему в декабре 1744 года через обер-прокурора Синода Я.П.Шаховского[224] было сделано внушение действовать «духом кротости» и не чинить пастве излишних оскорблений[225]. Тогда же обер-прокурор донёс до Синода и повеление издать «для всенародной публикации указ», в котором были бы обозначены запрещённые для брака степени родства и свойства.

В феврале 1751 года через того же Я.П.Шаховского Елизавета сообщила Синоду о том, что ей известно значительное количество находящихся без движения дел о «сомнительных» браках[226], т.е. за семь лет ясность в вопрос о запрещённых степенях так и не была внесена. В сентябре того же 1751 года в связи с браком отставного поручика Семёна Пушкина Елизавета сделала Синоду выговор за медлительность в рассмотрении дел о «сомнительных» браках. Императрица выразила недоумение относительно самой ситуации, когда в Синоде происходят «споры и несогласные рассуждения» о браках в отдалённой степени родства, которые до этого в течение нескольких веков разрешались. Считая, что Синод руководствуется более субъективным мнением, чем каноническими правилами, Елизавета Петровна потребовала представить ей печатный экземпляр «Свя-

---

[222] Материалы для истории Православной Церкви в царствование Николая I. Под ред. Дубровина Н.Ф. / СРИО. Т. 113. СПб., 1902. С. 19.
[223] Там же. С. 18.
[224] Яков Петрович Шаховской исполнял должность обер-прокурора Синода с 1741 по 1753 годы.
[225] 1-е ПСЗРИ. Т. XL. № 9088а. Текст указа также опубликован в записках князя Якова Петровича Шаховского (СПб., 1872. С. 275 – 276).
[226] РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 175. Л. 18об. – 19.

щенного Писания из книг, православной церковью нашей принятых и вероятия достойных»[227]. В ноябре 1752 года, окончательно разуверившись в компетентности Синода, Елизавета отменила его обвинительное решение по делам о браках протопопа Зуева и священника Матвеева, якобы состоящих в «кумовстве» со своими жёнами, разрешила священникам продолжать сожительство со своими жёнами, а Синоду велела впредь докладывать ей о подобных делах лично[228].

Несмотря на десятилетнее понукание со стороны Елизаветы Петровны, Синод явно не спешил исполнить данное ей поручение о предоставлении экземпляра «Священного Писания». Уже в царствование Екатерины II (в 1765 году) Именным указом было велено «сочинить» специальный листок или книжку о запрещённых к браку степенях[229]. Однако взамен «листка» и «книжки» в 1787 году была переиздана Кормчая Книга. В известной работе М.М. Горчакова «О тайне супружества»[230] приведены интересные материалы, хорошо передающие позицию Синода, который на протяжении второй половины XVIII века так и не смог определиться по вопросу о запрещённых степенях родства. Жизнь показывала, что излишняя строгость норм устаревшей редакции Кормчей в России явно не приживалась, но и отступить от святоотеческого наследия церковники долго не решались. Своеобразной полумерой стала практика оставления без расторжения сомнительных браков в 5-6 степенях родства, т.к. в Кормчей Книге о признании браков в таких степенях недействительными точного положения «не обретается»[231].

Одна из причин, по которой церковная власть снисходила к бракам в запрещённых, но дальних степенях (5-6) родства, были интересы рождённых в таких браках детей, поскольку в противном случае их пришлось бы признавать незаконнорождёнными. Наиболее пострадавшей социальной группой от такого подхода стало бы дворянство, поскольку именно для этого сословия личный статус определялся принадлежностью к конкретной семье. Для подавляющего же большинства россиян сословное положение определялось принадлежностью к податному обществу, и законность или незаконность происхождения кардинальным образом не влияла на судьбу крестьянина или мещанина.

---

[227] РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 10. Л. 49.
[228] РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 10. Л. 51.
[229] 1-е ПСЗРИ. Т. XVII. №12408.
[230] *Горчаков М.М.* О тайне супружества. Происхождение, историко-юридическое значение и каноническое достоинство 50-й (по спискам патриархов Иосифа и Никона 51-й) главы печатной Кормчей Книги. СПб., 1880.
[231] См., напр.: ПСПиР. Т. IV (1753 – 28 июня 1762 гг.). № 1588. С. 325; ПСПиР. Т. I (1762 – 1772). СПб., 1910. № 242. С. 278, № 394. С. 454, № 482. С. 563; ПСПиР. Т. II (1773 – 1784). Пг., 1915. № 714. С. 52, № 761. С. 91, № 821. С. 147, № 865. С. 186. Небольшой обзор аналогичных решений содержится в деле Синода о расторжении брака графини Е.Я.Мусиной-Пушкиной-Брюс (см.: *Горчаков М.М.* Указ.соч. Приложения. С. 38 – 39).

Впрочем, дворянство разными способами научилось преодолевать проблемы легитимации внебрачных детей (усыновление, устройство на службу, удачное замужество и проч.). Поскольку дворяне могли обращаться с жалобами (в т.ч. на действия Синода) непосредственно к императору, для государственной власти неповоротливость церковного механизма и отсутствие чёткости в канонических предписаниях ассоциировалось именно с дворянскими проблемами.

Позиция Синода по вопросу о запрещённых степенях родства меняется к началу XIX века, о чем свидетельствует дело 1805 года о расторжении брака графини Е.Я.Мусиной-Пушкиной-Брюс. Этот случай интересен не только изобретательностью истицы, предложившей нестандартный повод к разводу (угрызения совести от вступления в брак в запрещённой 6-й степени родства), но и позицией самого Синода. Может быть, впервые в своей практике высший орган церковного управления отказался слепо следовать традиции и, дав новую трактовку правил Кормчей Книги, указал в качестве надлежащего источника книгу Ветхого Завета *Левит*, где запрет на вступление в брак не распространялся дальше 4-й степени[232]. В связи с разногласием членов Синода по данному делу оно попало в Непременный Совет, который после его рассмотрения в 1806 году дал важную для целей данного исследования оценку состояния канонического законодательства: «Правила церковные о запрещённых браках…содержа в себе многие весьма разнообразные положения разных епископов и духовных властей, между собой не соглашённые и в один состав не приведённые, впоследствии от протечения времени, от великих перемен, последовавших в гражданском состоянии общества после их установления, и, наконец, даже от неисправного и ныне по большей части невразумительного преложения их с греческого на славянский язык, сделались…неясны, неопределительны и даже во многих отношениях между собой противоречащи»[233]. Именно из этого и следовало, по мнению Непременного Совета, во-первых, разнообразие решений Синода по делам о браках в запрещённых степенях родства, а во-вторых, необходимость скорейшего составления закона с точным указанием таких запрещений. 10 января 1810 года последовал указ Синода, в котором с обширными цитатами на Левит запрещение на вступление в брак по кровному родству было ограничено 4-й степенью[234].

---

[232] *Горчаков М.М.* Указ.соч. Приложения. С. 41.
[233] Архив Государственного Совета. Том третий. Царствование императора Александра I (1801 – 1810 гг.). Часть вторая. СПб., 1878. Стлб. 29.
[234] РГИА. Ф. 797. Оп. 2. Д. 4683. Л. 3 – 9об.

Таким образом, предыстория указа 1810 года просматривается почти в течение века: от дела смоленских шляхтичей до дела графини Мусиной-Пушкиной-Брюс. Понадобились почти вековые постоянные и местами жесткие понукания от высших органов государственной власти (включая императоров и Непременный Совет), вызванные, в том числе, отсутствием единообразной практики в решении таких дел, чтобы Святейший Синод собрался привести в соответствие с требованиями жизни давно устаревшие, плохо переведённые и часто неправильно понимаемые нормы Кормчей Книги. Указ 1810 года стал не последним документом Синода на эту тему: в течение XIX века рядом документов были скорректированы ограничения по трёхродному свойству[235]. Однако именно этот закон стал первым за всю историю Русской Православной церкви установлением в данном вопросе, которым была произведена творческая, а не механическая рецепция иностранных правовых норм.

Практика, между тем, пошла дальше закона 1810 года. В Синод стали поступать просьбы супругов, приходившихся друг другу двоюродными братьями и сёстрами, чьи браки признавались местными духовными властями недействительными. Духовное ведомство не могло разрешить подобных сожительств, но имеются сведения о том, что в ряде случаев император своей властью такое позволение давал. Так, в июне 1913 года Николай II из уважения к нравственным качествам дворян Митьковых своим повелением распорядился секретно приостановить производство о признании их брака недействительным, дело это исключить из числа нерешённым и хранить бумаги по нему отдельно от других[236]. Аналогичное решение состоялось в 1914 года по делу мещан Шулешко[237]. При сопоставлении этой секретной практики с брачно-семейными декретами Советской власти 1917 года, отчётливо видна эволюционная линия развития: большевики пошли лишь немного дальше царского правительства и вместо тайных разрешений браков в 4-й степени кровного родства легализовали браки в 3-й степени. Такая же норма действует и в современном семейном законодательстве РФ.

в) Состояние в другом браке.

---

[235] См.: *Горчаков М.М.* Указ.соч. С. 229 – 231; *Павлов А.С.* Курс церковного права. СПб., 2002. С. 253. Трёхродное свойство (родство) возникает из двух браков представителей трёх фамилий (скажем, муж после смерти жены женится вторично, и, таким образом, родственники обеих жён связывает трёхродное свойство).

[236] РГИА. Ф. 797. Оп. 83 (2 отд. 3ст.). Д. 67. Л. 12.

[237] РГИА. Ф. 797. Оп. 83 (2 отд. 3 ст.). Д. 544. Л. 16.

Рассматривая это препятствие к браку, нужно иметь в виду несколько возможных вариантов его нарушений: 1) многожёнство как одновременное состояние в двух и более браках; 2) вступление в новый брак при наличии нерасторгнутого правильным образом предыдущего; 3) вступление в четвёртый по счёту брак. Наличие одновременной связи с несколькими женщинами (женой и наложницами), как уже давно установлено, было характерно для Руси ещё до распространения христианства[238]. Речь в подобных случаях могла идти о людях состоятельных, могущих позволить себе такую роскошь, как, например, киевский князь Владимир Святославович, которому приписывают обладание 800 наложницами[239], правда до его крещения. Отдельные канонические памятники говорят о том, что отечественное православное духовенство пыталось противостоять этому явлению, о чём может свидетельствовать церковный устав князя Ярослава (ст. 17)[240]. В известных ответах новгородского епископа XII века Нифонта на «вопрошание Кириково» не одобрялся ни блуд с рабынями, ни держание наложницы при жене[241]. Не одобрял держание наложниц и киевский митрополит Фотий (XV век)[242]. В дальнейшем оценка этого явления церковью не изменилась, но и наложничество не исчезло, просто приобрело новые формы. Как и в старину, позволить себе это могли лишь представители высших классов общества. Установление крепостного права привело к тому, что гаремы состоятельных помещиков не пустовали[243]. Нередки были и случаи изнасилований собственных крепостных крестьянок. По одному такому делу генерал-лейтенант А.А. Вельяминов (3-й) в 1823 году внёс предложение предоставлять крепостным жертвам насилия свободу[244].

Нельзя сказать, чтобы церковная власть не была в курсе подобных безобразий. Так, в ноябре 1748 года Синод разбирал дело лейб-гвардии вице-сержанта Петра Языкова, который не только откровенно сожительствовал с несколькими дворовыми девками, но и заставлял свою жену сожительствовать с дворовым же человеком. Однако Синод отказался входить в обстоятельства развратной жизни Языкова, сославшись на то, что это дело светского, а не духовного суда[245]. В этом случае, как и в других подобных, ду-

---

[238] См.: *Неволин К.А.* Указ.соч. С. 334.
[239] Лаврентьевская летопись, под 980 г. / ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская и Троицкая летописи. СПб., 1846. С. 34.
[240] Древнерусские княжеские уставы XI – XV вв. / Подг. Я.Н. Щапов. М., 1976. С. 87.
[241] Русская Историческая Библиотека. Т. 6. Стбл. 41 п. 69.
[242] Там же. Стлб. 919.
[243] См. несколько ярких примеров со ссылками на источник публикации в работе В.И. Семевского «Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II» (Т. 1. СПб., 1903. С. 318 – 319).
[244] РГИА. Ф. 1149. Оп. 1(1823). Д. 17. Л. 2об. – 3.
[245] ОДДС. Т. XXVIII (1748 г.). Пг., 1916. Дело № 260. Стлб. 548.

ховная юстиция могла лишь вынести решение о разводе, да и то при доказанном прелюбодеянии. Что же касается санкции за безнравственное поведение, то в деле Языкова Синод совершенно верно указал, что это находилось вне компетенции церкви и в таких случаях светским судам надлежало применять, скажем, Артикул Воинский. В этом документе содержалась гл. 20 «О содомском грехе, о насилии и блуде», в которой нашлось бы достаточно подходящих статей для обладателей наложниц и наложников.

Не ставя перед собой цель рассматривать эволюцию уголовно-правовых норм, всё-таки необходимо отметить изменение подведомственности правонарушений против нравственности на протяжении нескольких веков. Церковный устав Ярослава, в частности, содержал довольно подробный перечень половых преступлений. Со времён Древней Руси никаких других отечественных нормативных актов по этой тематике православное духовенство не имело. Однако государственная власть, судя по царским вопросам верхушке духовенства в 1551 года, всё-таки считала церковь ответственной за нравственное здоровье населения. Иначе на Стоглавом Соборе не всплыли бы факты допущения во Пскове общих бань (включая совместное мытьё монахов и монахинь), распространения азартных игр и пьянства в среде служилых людей, обилия лжепророков и различных ересей, а также языческих обычаев связанных с половым растлением юношей и девушек[246]. Если церковная система не имела в своём арсенале эффективных средств, чтобы справиться с этим самостоятельно, то на помощь должна была прийти государственная машина. Поэтому неудивительно, что уже в Соборном Уложении 1649 года преступления в области половых отношений (сводничество, развратная жизнь и убийство внебрачных детей) были отнесены к подведомственности светского суда, ну а точку поставил Артикул Петра I.

Соответственно, если в церковных судах вопросы о невоздержанном поведении «рабовладельцев» не рассматривались, то гражданская власть должна была занимать более активную позицию. Так, в 1801 году Санкт-Петербургский генерал-губернатор подал в местную гражданскую палату запрос о законности продажи крестьян отдельно от своих семей. Одним из примеров, указанных в запросе, была неоднократная покупка неким отставным штабс-капитаном Раздеришиным малолетних девок «для непотребства»[247]. Судя по всему, именно с этого запроса в первой половине XIX века перед высшими органами власти начинает возбуждаться вопрос о запрете продажи крестьян по-

[246] Российское законодательство X – XX веков. Т. 2. С. 307 – 310.
[247] РГИА. Ф. 1149. Оп. 1(1820). Д. 10. Л. 8.

одиночке, итогом чего стало принятие в январе 1841 года ограничивающего закона[248]. Отныне продажа крепостных женщин в чужие имения поодиночке могла осуществляться лишь на основании так называемых «выводных писем», доказывающих, что они продаются не для разврата, а для выдачи замуж за крестьян покупателя.

Примеры многожёнства случались не только в дворянской среде. Так, в 1741 году Астраханский епископ Илларион провёл следствие по делам донских казаков, поселённых в районе Царицына, среди которых многие состояли в беззаконных браках и имели *одновременно по две жены*, а иные состояли в четвёртом браке. По доношению Иллариона, виновные казаки были разлучены с незаконными жёнами и наказаны[249]. Выявленное двоежёнство на деле представляло собой известный и старинный обычай, когда отправляющиеся в командировку казаки отдавали своих жён в залог остающимся, а затем выкупали их по возвращении[250]. Симптоматично, что выявление подобных фактов оказалось возможным лишь вследствие конфликта между казачьим населением и местным духовенством[251]. Лишь тогда, когда жалобы казаков на предосудительное поведение епископских подчинённых дошли до духовного начальства, оно взялось разбирать всю подноготную конфликта и вины обеих сторон.

Однако бедствием гораздо большего масштаба было вступление в новые браки при наличии не расторгнутых предыдущих, а также четвёртые по счёту браки. Церковный устав Ярослава уже знал эту проблему (ст. 9)[252]. В XV веке подобных фактах писали митрополиты Фотий[253] и Иона[254], обоим были известны также и случаи, когда при запрете вступать в четвёртый по счёту брак православные имели за свою жизнь от 5 до 10 жён.

На протяжении нескольких следующих веков ситуация с многобрачием принципиально не изменилась, что видно из информации архиереев о состоянии дел в подчинённых им епархиях. Так, в царствование Петра II митрополит Сибирский и Тобольский Антоний доносил, что в его епархии «обретается» значительное число многобрачных, управиться с которыми «его преосвященство силы не имеет»[255]. В 1729 году киевский архиерей Варлаам сообщал о многочисленных случаях, когда служилые люди, «оставив

---

[248] РГИА. Ф. 1149. Оп. 3 (1840). Д.104. Л. 108об.
[249] 1-е ПСЗРИ. Т. XI. № 8724.
[250] О подобной практике XVII века см.: *Неволин К.А.* Указ.соч. С. 253 (сноски).
[251] ОДДС. Т. XX (1740 г.). СПб., 1908. Дело № 419. Стлб. 415 – 417.
[252] Древнерусские княжеские уставы XI – XV вв. С. 87.
[253] Русская Историческая Библиотека. Т. 6. Стбл. 432.
[254] Там же. Стлб. 605.
[255] ПСПиР. Т. VI (с 8 мая 1727 по 16 января 1730). СПб., 1889. № 2256. С. 388.

первую или вторую законную жену, другую беззаконную дерзают принимать»[256]. В 1752 году Тобольский митрополит Сильвестр писал в Синод о множестве «непотребств и преступлений», связанных с многобрачием[257].

Определённым «смягчающим обстоятельством» для духовенства Сибири являлось то, что при освоении этого региона возводилось значительное количество поселений и крепостей, а потому новопоселенцам было достаточно просто перейти с места на место и предоставить о себе ложные сведения[258]. Но когда в одном из сел Мценского уезда Орловской губернии женщина в 1757 году вышла замуж при живом муже и обвенчалась в том же храме, что и в первый раз 12 лет назад, невольно возникает мысль о пособничестве местного духовенства многомужнице[259]. Несколько священников Астраханской епархии в 30-е годы XVIII века были обвинены в том, что венчали «мужьёв от живых жён и жён от живых мужьёв»[260]. В 1761 году протопресвитер московского Успенского собора был уличён в том, что выдавал венечные памяти на браки при нерасторгнутых предыдущих, причём этой услугой однажды воспользовался один из секретарей Синода[261].

Сложности возникали у православного духовенства и в связи с многожёнством новокрещёных мусульман. Приняв по некоторым соображениям Святое крещение, не все из них отказывались от прежних привычек. В мае 1738 года Синоду пришлось разъяснять, что из нескольких жён новокрещенцу лучше сожительствовать с той, которая тоже приняла православие. Если же никто из жён бывшего мусульманина не крестился, ему рекомендовалось приискать себе новую супругу из русских православных христианок, «в чём им к браку и вспоможение некое чинить»[262].

Четвёртые по счету браки осуждались церковью как «свинское житие» и безусловно были запрещены. В этой связи заслуживает внимания одна любопытная деталь: с точки зрения Стоглава 1551 года 3-е правило Неокесарийского Поместного собора (между 314 и 325 гг.) якобы такие браки разрешало[263]! Между тем, в тексте этого правила нет ни слова о четвёртом браке, там лишь говорится о времени для покаяния «впадающих в многобрачие». Но отечественный комментатор самостоятельно развил мысль,

---

[256] ОДДС. Т. IX (1729 г.). Дело № 15. Стлб. 19 – 20.
[257] ОДДС. Т. XXXI (1751 г.). Дело № 1. Стлб. 8 – 9.
[258] 1-е ПСЗРИ. Т. XI. № 8381.
[259] ОДДС. Т. XXXIX (1759 г.). Дело № 125. Стлб. 399 – 400.
[260] ОДДС. Т. XXI (1741 г.). Дело № 405. Стлб. 319.
[261] ОДДС. Т. XXIX (1749 г.). Дело № 286. Стлб. 362.
[262] ПСПиР. Т. X (1738 – 24 ноября 1744 гг.). СПб., 1911. № 3221. С. 59.
[263] Российское законодательство X – XX веков. Т. 2. С. 536.

изложенную в правиле: якобы Неокесарийский собор установил одинаковую епитимию для троебрачных и четверобрачных[264]. Может быть, русское духовенство заключило из этого, что раз санкция одинакова, значит, признаётся не только третий, но и четвёртый брак? Как показала практика, россияне не только в древности, но и в дальнейшем позволяли себе четвёртый по счёту брак[265], причём духовенство не всегда проявляло в этом деле строгость. Так, в 1723 году секретарь московского магистрата Иван Спиридонов взял в Успенском соборе венечную память на четвёртый брак, но не венчался, а жил с незаконной женой по «клятвенному обещанию»[266]. В 1708 году Краковский митрополит (!) Иоасаф, проезжая через г. Нежин из Москвы, где он только что получил архиерейство, внял коллективной просьбе «весёлой компании» нежинского духовенства и после некоторых колебаний дал своё благословение на четвёртый брак, поскольку проситель (ещё молодой человек) «зноя и тяготы и плотского распаления не возможет понести»[267]. Не считало четвёртый брак «свинским житием» и приходское духовенство. Так, в г. Петровск Астраханской губернии в 20-е годы XVIII века поповский староста Трофим Иванов не только сам блудил, но и неоднократно практиковал венчание вступающих в четвёртый брак[268].

В несколько дел о многожёнстве вмешалась императрица Елизавета Петровна. 13 декабря 1744 года она разрешила брак прокурору Петру Николаеву с Маврой Аникеевой, которая в это самое время уже была обручена с надворным советником Семёном Луниным[269]. Последний оказался в весьма щекотливом положении, поскольку согласно церковным канонам обручение равнялось вступлению в брак, и покуда была жива обручённая невеста, вступить в брак с другой означало совершение прелюбодеяния[270]. Тем временем Мавра не только была жива, но и успела прижить с Петром Николаевым нескольких детей. Так что, разрешив брак с обрученной невестой, императрица нарушила

---

[264] Правила Святых Поместных Соборов с толкованиями. М., 2000. С. 77 – 78.
[265] 1-е ПСЗРИ. Т. XVIII. № 12856.
[266] ОДДС. Т. X (1730 г.). Дело № 110. Стлб. 205 – 206.
[267] ПСПиР. Т. VI (с 8 мая 1727 по 16 января 1730). № 2199. С. 279.
[268] ОДДС. Т. XI (1731 г.). Дело № 211. Стлб. 283.
[269] ПСЗРИ. Т. LX. № 9088а. В литературе обычно комментируется лишь одна сторона дела – о запрещении самовольного оставления друг другом формально обрученных (см.: Неволин К.А. История российских гражданских законов. Ч.1. Введение и книга первая о союзах семейственных. М., 2005. С. 377; Горчаков М.М. О тайне супружества. Происхождение, историко-юридическое значение и каноническое достоинство 50-й (по спискам патриархов Иосифа и Никона 51-й) главы печатной Кормчей книги. СПб., 1880. С. 316 и сл.). Действия самой императрицы, не только нарушившей церковное правило, но и впредь оставившей за собой решение таких дел несмотря на простоту и ясность канонических норм на этот счет, исследователи не рассматривают.
[270] 98-е правило Трулльского собора гласит: «Прелюбодей есть, иже иному обрученную поимет, живу сущу обручнику ея».

канонические постановления, на что не замедлил обратить внимание Синод[271]. В другой раз, 12 марта 1749 года Елизавета Петровна изустным указом потребовала дать ей объяснение, на каком основании Синод утвердил вторые браки майора А. Шеншина и прокурора сенатской конторы А. Щербинина без расторжения первых, и велела дела подобного рода подавать ей на высочайшее утверждение[272]. Позиция Синода не отличалась чёткостью и в других случаях. Так, в середине 30-х годов XVIII века он признал возможным сохранить второй брак отставного капитана драгунского полка А. Будаева, в то время как его первый брак правильным образом расторгнут не был. Дело Будаева интересно тем, что для его второй жены это был уже третий брак, причём во второй она вступила с дядей своего первого мужа (т.е. в запрещённой степени свойства). Синод выяснил, что первая жена Будаева хоть и была незаконно помещена в монастырь, но к моменту разбирательства дела умерла, поэтому высший церковный орган страны проявил снисхождение к отставному капитану и его новой супруге[273].

Что могла сделать церковь с многожёнцами помимо вынесения решения о разлучении незаконных супругов и отобрания от них подписки о не-сожительстве в дальнейшем? Древнерусские церковные уставы предусматривали и наложение епитимии, и денежного штрафа, и даже пожизненное заключение в монастырь. Однако можно усомниться в том, что судьи духовного ведомства могли смело применять такую санкцию, как пожизненное заключение в монастырь, к помещичьим или государственным крестьянам, а также служилому дворянству. Пожалуй, известен только один случай, в котором виновные слишком долго скрывались от Синода, чтобы были основания отнестись к ним со снисхождением, это дело М. Пархомова и Д. Колтовской, которых действительно пожизненно заключили на монастырское житьё.

Итак, ситуация XVIII столетия принципиально не отличалась от ситуации прежнего времени, и это даже при том, что в петровскую эпоху централизованно вводится запись актов гражданского состояния. Казалось бы, стало проще выяснить семейный статус человека в случае его желания вступить в брак. Однако, как будет показано дальше, вплоть до начала XIX века правильная организация учёта и хранения данных о рождениях, браках и смертях находились, по самым разным причинам почти в зачаточ-

---

[271] ПСПиР. Т. III (1746 – 1752). СПб., 1912. № 1044. С. 123 – 124. Именной указ Петра I от 3 апреля 1702 года (см.: Законодательство Петра I. С. 718) разрешал самовольное расторжение обручения, так что в данном случае императрица действовала согласно указу отца, но в противно церковным правилам.
[272] РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 9. Л. 138.
[273] ОДДС. Т. XIV (1734 г.). СПб., 1910. Дело № 482. Стлб. 601 – 602.

ном состоянии. Ещё одна причина неудач церкви в этой области – на этот раз не зависящая от неё – усиление миграционных процессов. Традиционный брачный обыск, когда приходской священник знал все подробности жизни своей паствы и мог сразу дать сведения об их возрасте, семейном положении и состоянии здоровья, был эффективен лишь в условиях замкнутой общины. Но в России XVIII века крестьяне чаще уходят в город на заработки, мужчины рекрутируются на пожизненную воинскую службу вдалеке от места своего рождения, увеличивается поток сосланных в отдалённые районы страны. Со своей стороны правительство, возложив на церковь функции органов ЗАГС, не оказывало ему для этого ни финансовой, ни организационной помощи. Наоборот, при проведении ревизий переписчикам было предписано обращаться за помощью к местному духовенству, чтобы выяснить, не укрывает ли какой помещик своих крестьян от учёта. Бедственное состояние дел с метриками самому Синоду стало очевидно лишь в начале следующего столетия, а вслед за Синодом и светская власть стала постепенно совершенствовать механизмы учёта населения. Наконец, ещё одна причина распространения многожёнства такого вида – сложность бракоразводного процесса. Неопределённость правил о законных поводах к разводу, волокитная процедура и отсутствие гарантированного результата заставляли православных идти по пути фактического расторжения брака и, соответственно, обманного вступления в очередные супружества.

Вступление в новый брак «от живой жены» или «от живого мужа» заинтересует русское правительство в первый раз – в качестве преступления (см. ст. 171 Артикула Воинского). Однако уголовный закон не определял санкцию за это деяние, глухо отсылая к церковным правилам. Второй раз эта же проблема косвенно обозначит себя в связи с таким последствием незаконных брачных связей, как рождение внебрачных детей, в частности, у низших воинских чинов. Целым рядом указов определялась сословная принадлежность детей, рождённых солдатскими жёнами при различных жизненных обстоятельствах. При этом вопрос об определении санкций для вступивших в незаконную связь солдаток перед правительством не возник. Наконец, в третий раз этот вопрос встал перед правительством в конце XVIII столетия в связи с гражданскими последствиями признания дворянских браков недействительными. В течение первой половины XIX века постепенно будет вырабатываться механизм взаимодействия церковных и светских органов при столкновении с подобными вопросами. Наконец, в 1850 году благодаря новой редакции Свода законов гражданских светская власть определённым образом при-

способилась к проблемам церковной организации, чтобы без вторжения в духовную «вотчину» законным порядком определять гражданский статус и вытекающие из него права участников таких конфликтов.

Между тем, размежевавшись со светской властью, церковь по-прежнему не могла решить проблему многобрачия, поскольку это было невозможно без радикального пересмотра бракоразводных норм. Соответственно, вплоть до того момента, когда Синод пошёл на определённые преобразования в сфере процесса по бракоразводным делам (май 1917 года), а затем уже советская власть ещё больше упростила порядок развода и ликвидировала законные поводы к нему (декабрь 1917 года), проблема многобрачия не могла быть решена.

Итак, единобрачие вплоть до установления советской власти не могло быть обеспечено церковной организацией по целому ряду причин. Во-первых, до XIX века не были приняты действенные меры к учёту семейного состояния православных россиян со стороны руководства Русской Православной церкви. Во-вторых, правительственный интерес к этой проблеме также возник достаточно поздно (конец XVIII – начало XIX веков), следовательно, вмешиваться в эти вопросы даже путём оказания помощи церковной организации у правительства не было повода. Правительство лишь определило последствия признания недействительными вторых браков, заключённых без расторжения первых, и по-прежнему предоставляло церкви право бороться с подобными браками самостоятельно. В-третьих, эта проблема не могла быть решена вплоть до либерализации регулирования вопросов расторжения брака. Зачастую истинной причиной вступления в последующие незаконные супружеские связи были вызванные строгими церковными правилами затруднения в расторжении предыдущих браков.

г) Добровольность вступления в брак.

Изъявление согласия на брак жениха и невесты предполагает определённую степень их самостоятельности не только в смысле способности осознать последствия этого важного шага, но и независимости от воли старших членов семьи и от иных факторов. Достижение невестой тринадцати лет или половой зрелости – достаточное условие для вступления в брак, но слишком ранний срок для самостоятельного принятия решения. Кроме того, в церковных канонах изначально была заложена зависимость брака от воли родителей, и отличить в каждом конкретном случае разумное проявление этой воли от

произвола могло быть непросто. Церковный устав Ярослава уже понимал эту тонкость, когда велел предавать суду лишь тех родителей, чей произвол привел к тяжким последствиям для их детей («а что учинит над собой», ст. 29)[274].

Известный отечественный исследователь канонического права А.С. Павлов отмечал, что значение согласия жениха и невесты начало *впервые* проявляться в брачных церковных процедурах лишь во второй половине XVII века, и связывал это с распространением требника киевского митрополита Петра Могилы[275]. В ходе чина венчания, согласно этому требнику, священник должен был задавать вопросы жениху и невесте «о их произволении поять друг друга в супружество»[276], что ранее в российских брачных обрядах не практиковалось. Однако гораздо более ценным свидетельством того, насколько мало значило согласие жениха и невесты с точки зрения российской церкви, является указ патриарха Адриана 1693 года, который А.С. Павлов также привёл в своей работе. Священники, написано в указе, либо совсем не интересуются согласием вступающих в брак, или делают это небрежно. Патриарх со своей стороны предписал тщательно выяснять волю сторон и допрашивать при необходимости их близких родственников. При малейшем подозрении на принуждение к браку венчание должно быть приостановлено[277]. Почти одновременно с церковным руководством внимание к этому важному вопросу проявила и светская власть в 1722 и 1724 годах. Согласно высочайше утверждённым докладным пунктам Синода от 12 апреля 1722 года к ведению духовной власти относилось принуждение со стороны родителей к вступлению их детей в брак. Именной указ от 5 января 1724 года стал логическим продолжением первого закона и обязывал родителей давать присягу с подпиской, что не принуждали своих детей к браку[278]. Как и в указе патриарха Адриана, в указе 1724 года содержатся свидетельства о множестве случаев браков по принуждению родителей.

Конечно, подобные рекомендации власти сами по себе не могли искоренить браков по принуждению, тем более, что духовенство не всегда проявляло требуемую принципиальность. Так, в 1731 году императрица Анна Иоанновна лично поручила Новгородскому архиепископу Феофану (Прокоповичу) разобрать дело о насильном венчании Дарьи Голосовых с поручиком Дмитрием Пашковым. Расследование показало, что за

---

[274] Древнерусские княжеские уставы XI – XV вв. С. 88.
[275] Павлов А.С. 50-я глава Кормчей Книги…С. 83 – 84.
[276] Там же.
[277] Там же. С. 84 – 85.
[278] 1-е ПСЗРИ. Т. VI № 3963, 4081; Т. VII № 4406.

четыре рубля поп согласился провести венчание в неположенный день и без соблюдения необходимых процедур, а на вопрос о добровольности брака получил ответ: «Какое тебе, батька, дело до этого? Ты венчай скорее»[279]. В середине XVIII века Синод рассматривал дело по обвинению священника Дмитрия Киприанова, который организовал насильственный брак дочери пономаря с крестьянином подполковника Абрамова. Среди ночи этот поп с женихом силой привели женщину в храм, и «к тому беззаконному браковенчанию принуждая, бранили всякими сквернымі словами и по щекам её били, причём поп тот от безмерного пьянства в церкви облевался»[280].

Не всегда браки по принуждению сопровождались подобными трагическими сценами, в большинстве случаев необходимые вопросы о согласии задавались, и на них следовали нужные ответы. Что же могло заставить детей покоряться воле родителей в брачных делах? Браки крестьян, например, были инструментом решения хозяйственных вопросов и феодалов, и крестьянских семей в целом. Поэтому согласие отца-домохозяина на брак его сына было важнее согласия самого сына. Что же касается дворянства, то заставить представителей этого сословия покориться воле родителей мог имущественный интерес. При жизни родителей лишь от их воли зависело наделение дочери приданым или выдача сыну (отделение) части движимости и недвижимости. Таким образом, непослушание могло надолго лишить детей материальных благ. Родительская кара могла настигнуть и после смерти: вплоть до Октябрьской революции 1917 года действовала ст. 1566 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года (номер статьи дан по ред. 1885 года). Норма данной статьи лишала сына или дочь, которые воспротивились запрещению вступить в брак или не спросили согласия, «права наследовать по закону в имении того из родителей, которого они оскорбили своим неповиновением». Эти примеры показывают, как специфика сословной организации российского общества препятствовала исполнению канонических предписаний о добровольности брака.

В значительной степени сословное положение церковников ставило под вопрос их способность обеспечить соблюдение необходимых условий, в частности, добровольность вступления в брак своих прихожан. Особенно остро складывались отношения приходского духовенства и окрестных помещиков. Так, в 1757 году капрал Ревельского драгунского полка Иван Евтихиев и его брат Андрей, зазвав к себе священника, избили

[279] ОДДС. Т. XI (1731 г.). Дело № 178. Стлб. 235 – 237.
[280] ОДДС. Т. XXVIII (1748 г.). Дело № 181. Стлб. 395 – 396.

его и надругались над ним[281]. В 1746 году помещик села Полунина Смоленской епархии бригадир Швыйковский на основании своих вотчинных прав отобрал всю церковную усадьбу. Имелось множество случаев, когда священников били[282], заставляли находиться в присутствии помещиков с непокрытыми головами, травили собаками[283], лишали руги. Издевательства помещиков над духовенством дошли до такой степени, что в 1769 году Сенат издал указ «О нечинении духовенству обид и притеснений», где значилось следующее: «Некоторые помещики священно- и церковнослужителей не только побоями, но и наказанием на теле оскорбляют; напротив ж того обиженные иные от светских команд по просьбам своим удовольствия не получают, а другие по причине своего неимущества от судного по форме процесса отрицаются»[284]. Встречались весьма драматические сюжеты: в августе 1748 года прапорщик Илья Поликарпов хотел заставить священника села Панафидина Старицкого уезда Петра Васильева повенчать его с десятилетней девочкой, но, встретив отказ, напал на его дочь, разграбил имущество и самого чуть не заколол шпагой[285]. Помещик Ярославского уезда, отставной капрал И.Мусин-Пушкин неоднократно насильно выдавал замуж своих дворовых девок, причём пытался заставить местного священника проводить обряд венчания[286]. Очевидно, вопли священства дошли до Синода, который в 1774 году сообщал о массовых случаях такого принуждения в Сенат[287]. Таким образом, дворяне понуждали своих крепостных крестьян к вступлению в брак, а духовенство – к венчанию незаконных браков.

Итак, пристальное внимание правительства и руководства Русской Православной церкви к соблюдению принципа добровольности вступления в брак было проявлено лишь в конце XVII – начале XVIII века. Почти одновременно против насильственных браков выступила и светская власть. Однако обе стороны на протяжении двух веков не проявляли по данному вопросу особенной принципиальности, ибо существовали иные механизмы, уменьшающие значение этого условия. Эти механизмы были основаны на особенностях сословной организации российского общества. Различные рычаги (власть крепостника, решение удельного ведомства, имущественная власть родителей-дворян и т.д.), как правило, не позволяли детям пойти наперекор воле родителей и вступить в

[281] 1-е ПСЗРИ. Т. XIV. № 10750.
[282] ОДДС. Т. XXIX (1749 г.). Дело № 243. Стлб. 308; Дело № 402. Стлб.524; Дело № 518. Стлб. 647.
[283] ОДДС. Т. XXVI (1746 г.). СПб., 1907. Дело № 326 Стлб. 503.
[284] Законодательство Екатерины II. Т.1. Док. № 135. С.950.
[285] ОДДС. Т. XXIX (1749 г.). Дело № 402. Стлб. 526.
[286] ОДДС. Т. XXI (1741 г.). Дело № 523. Стлб. 395.
[287] 1-е ПСЗРИ. Т. XIX № 14229.

брак исключительно по собственному желанию. Кроме того, серьёзное давление, особенно со стороны могущественных дворян-землевладельцев, могло оказываться и на само духовенство в целях заставить его закрыть глаза на серьёзные нарушения условий вступления в брак.

д) Единоверие.

Российское государство на определённом этапе стало остро нуждаться в услугах иностранных специалистов. Так, желая привлечь пленных шведов как квалифицированную рабочую силу к добыче и обработке железной руды, Петр I в 1721 году не только разрешил им жениться на русских женщинах без смены веры, но и со ссылкой на Священное Писание обосновал такую возможность[288]. Елизавета Петровна подтвердила это в 1747 году[289].

Однако не на всех иноверцев в России стало распространяться подобное лояльное отношение. Например, чтобы предотвратить рост католического и униатского влияния на западе России, Именным указом 15 августа 1728 года[290] смоленской шляхте запрещалось отдавать дочерей и родственниц замуж за границу, а также за католиков и униатов. В данном случае интересен контекст, в котором следует рассматривать этот документ. Смоленской епархией в это время управлял архиепископ Филофей. Именно при нём начинается 20-летнее производство по делу смоленских шляхтичей, где владыка проходил как взяточник, разрешавший за мзду браки в запрещённых ступенях родства. Также в 1726 году стало известно, что многие рукоположенные Филофеем священники и дьяконы не были сведущи в Священном Писании[291], стал известен факт избиения и посажения на цепь Филофеем ротмистра Швыйковского[292], открылись сведения о взятках архиепископа и об уклонении от исполнения им своих обязанностей[293]. Таким образом, Указ 1728 года, направленный против усиления католицизма на западных рубежах страны, показывает, прежде всего, неспособность полуграмотного смоленского духовенства во главе с рукоположившим его архиепископом-взяточником (Филофеем) самостоятельно,

---

[288] См.: Законодательство Петра I. С. 720 – 722.
[289] 1-е ПСЗРИ. Т. XII. № 9406.
[290] Указы блаженныя в вечнодостойныя памяти великой государыни императрицы Екатерины Алексиевны и государя императора Петра Втораго, состоявшиеся с 1725 генваря с 28 чисел по 1730 год. Напечатаны по указу всепресветлейшей державнейшей великой государыни императрицы Елисаветы Петровны самодержицы всероссийской При Императорской Академии Наук в Санктпетербурге 1743 года. С. 364 – 367.
[291] ПСПиР. Т. V(28 января 1725 – 5 мая 1727). СПб., 1912. № 1781. С. 359 – 360.
[292] Там же. № 1738. С. 320.
[293] ОДДС. Т. VII (1727 г.). СПб., 1885. Дело № 364. Стлб. 371 – 373.

без вмешательства правительства бороться с влиянием католичества и самовольством местных шляхтичей в брачных вопросах. Важно также подчеркнуть локальный характер данного Указа: он распространялся на одну пограничную Смоленскую губернию. Скажем, в Москве к подобным бракам относились по-другому. Так, в 1745 году Аграфене Рязановой было позволено вступить в брак с католиком Андреем Болдеваном с отобранием подписки о том, чтобы он, Болдеван, супругу ни под каким предлогом из российского государства не вывозил и не склонял в католическую веру[294].

Активное участие России во внешнеполитических делах в Европе привело к заключению Варшавского договора 1768 года, по которому гарантировались права «диссидентов» (т.е. не-католиков) в Польше. Согласно трактату, браки между лицами разных вероисповеданий в Польше должны были беспрепятственно заключаться священником «той веры, коей будет невеста»; сыновья от таких смешанных браков должны были воспитываться в вере отца, а дочери – в материнской[295]. Последующие разделы Польши привели к тому, что территории, где действовали положения трактата 1768 года вошли в состав России, и естественным образом возник вопрос, применять ли там положения указа 1721 года или более выгодные для инославных (католиков и проч.) нормы трактата? По одному возникшему в 1803 году поводу Синод издал указ об этом, даже усовершенствовав положения трактата: чтобы в семьях не возникали разногласия, дети обоего пола должны быть крещены и воспитываться в вере отцов[296]. Ещё раньше возникла необходимость согласовать спорные вопросы о степенях родства, поскольку правила у католиков и униатов на этот счёт были мягче, чем у православных. Таким образом, дозволение производить бракосочетание в католическом храме и по католическому обряду (по вероисповеданию невесты) не означало, что и условия вступления в брак для православного жениха тоже определялись бы католическими канонами[297].

Таким образом, ради государственных интересов православной церкви пришлось поступиться жёстким требованием единоверия жениха и невесты. Данный пример прекрасно показывает, что в условиях внутреннего и внешнего развития государства русское общество переставало быть замкнутым мирком, защищённым от всякого вмешательства иной культуры. Освоение новых территорий требовало поддержания лояльности местного населения, в том числе, не православного. Определённая гибкость, прояв-

[294] ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 746. Д. 319. Л. 6 – 6 об.
[295] 1-е ПСЗРИ. Т. XVIII. № 13071 Первый сепаратный акт, §10.
[296] 1-е ПСЗРИ. Т. XXVII. № 20987.
[297] 1-е ПСЗРИ. Т. XXI. № 15819.

ленная церковной организацией в решении новых государственных задач, выразилась в принципиальном разрешении браков между христианами разных исповеданий. Единственное, пожалуй, исключение было сделано для невест потенциальных наследников русского престола: они по-прежнему перед вступлением в брак должны были в обязательном порядке принять православие (ст. 142 Основных государственных законов, т. I Свода законов Российской империи).

Итак, рассмотрение вопроса о практике применения в России византийских церковных норм об условиях вступления в брак позволяет сделать следующие выводы. Как показала многовековая практика, в нашей стране существовало несколько факторов, препятствующих проведению в жизнь базовых требований церковных канонов об условиях вступления в брак. Первый из них, как ни парадоксально это звучит, – самостоятельность церковной организации в осуществлении своей политики и длительное невмешательство государственной власти в брачную сферу. При этом у Русской Православной церкви явно не хватало авторитета и возможностей для обеспечения выполнения православным населением канонических предписаний. Правительство, сталкиваясь на первых порах с негативными последствиями такой самостоятельности, пыталось или заставить Синод исправить ситуацию, или самостоятельно минимизировать эти последствия.

Второй фактор обусловлен тем, что канонические нормы, полученные, прежде всего, в Кормчей Книге, с трудом вписывались в сословную организацию российского общества. Яркий пример, показывающий неспособность руководства церкви адаптировать канонические правила к российским реалиям – проблема запрещённых степеней родства в XVIII веке. Выдержать жёсткие церковные требования дворянское сословие не могло, но в течение почти века (до 1810 года) Синод не только не смягчал свою позицию, но и не мог даже опубликовать список запрещённых для брака степеней родства. Понадобились неоднократные окрики высшей власти, чтобы церковный механизм наконец-то начал действовать. Подневольное положение подавляющего большинства россиян вплоть до 1861 года, специфика имущественных отношений в семье – всё это ставило под вопрос действительную свободу волеизъявления при вступлении в брак. Кроме того, в условиях зависимости духовенства от прихожан и особенно – от милости помещиков, оно часто не могло настаивать на строгом соблюдении канонических норм.

Б. Порядок вступления в брак

а) Венчальный обряд.

Литературе давно и хорошо известны примеры тех трудностей, с которыми приживался церковный брачный обряд. Хрестоматийной стала цитата из канонических ответов киевского митрополита Иоанна II (1080 – 1089), сообщавшего, что венчание практикуют лишь бояре и князья, а простые люди берут себе жен «с плясанием и гудением, и плесканием»[298] и вместо обряда в храме совершают «тайнопоимание». Ситуация принципиально не поменялась и через пять веков. Почти теми же словами, что и митрополит Иоанн II, царь Иван IV писал в 1551 году Стоглавому собору, что «в мирских свадьбах играют глумотворцы и органники, и смехотворцы, и гусельники, и бесовские песни поют. И как к церкви венчатися проедут, священник со крестом едет, а перед ним со всеми теми играми бесовскими рыщут, а священницы им о том не возбраняют»[299]. Видно, что языческая традиция в России не была искоренена, церковь лишь приспособилась к ней, отсюда и такие своеобразные свадебные ритуалы.

Соседство языческих и христианских брачных обрядов прошло сквозь всю русскую дореволюционную историю, особенно заметно это было в сельской среде. Крестьянская свадьба представляла собой целую совокупность ритуальных действий, где церковные процедуры вполне уживались с обрядами конкретной деревни, с непременным свадебным весельем (часто весьма далеким от понятий христианской нравственности), а также с проявлениями язычества. Во второй половине XIX века, когда началось научное изучение местных обычаев, сведения о симбиозе двух культур стали полнее. Так, выяснилось, что в ряде мест предусматривалось приглашение на свадьбу для благословения не только местного священника, но и колдуна[300]. У православных Чебоксарского уезда исследователи зафиксировали целый ряд примет, связанных с венчанием. «После первого обвода вокруг аналоя невеста должна сурово взглянуть на жениха, чтобы он впоследствии её боялся», «у кого из брачущихся свечка в руках сгорит больше, тот умрёт скорее», «выходя из церкви, невеста должна ухватиться за косяк двери и про-

[298] Русская Историческая Библиотека. Т.6. Стлб. 18.
[299] Российское законодательство X – XX веков. Т. 2. С. 307.
[300] Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России (обычное право, обряды, верования и пр.). Вып. I. М. 1889. С. 119 – 123. Художник В.М. Максимов прекрасно изобразил на одном из своих полотен сцену прихода колдуна на деревенскую свадьбу.

говорить: «Жена, роди! Муж, мучься!», – чтобы впоследствии были лёгкие роды» и проч.[301]

Изучение брачных крестьянских обрядов говорит о том, что бóльшая часть населения страны относились к венчанию не столько, как к акту «мужеви и жене сочетания»[302], сколько как к общественному празднику. По меткому выражению А.Я. Ефименко, «посредством свадьбы брак как бы освящается общественным признанием подобно тому, как религиозным обрядом он освящается церковью»[303]. М.В. Довнар-Запольский на примере быта крестьян Минской губернии полагал, что венчание не являлось центральной частью свадебных процедур, важнейшая же часть – «посажение молодых на посад»[304]. Такое тесное и долгое соседство языческой и христианской обрядовости позволяет поставить вопрос: была ли глубоко воспринята русским населением христианская идея брака, или церковные ритуалы были лишь дорогим и не обязательным дополнением к яркой свадьбе?

Стоимость церковных брачных обрядов (не считая прочие свадебные расходы) до правления Екатерины II складывалась, как представляется, из двух компонентов: платы за венечную память и платы за само требоисправление (венчание). История *венечной памяти* прослеживается со времен Ивана III, о чём свидетельствует Стоглав 1551 года[305]. Память была, с одной стороны, разрешением на брак вступающей в него пары, с другой – предписанием обвенчать эту пару местному священнику. Об аппетитах духовенства при сборах за выдачу венечной памяти можно судить по тексту Стоглава: «Знамена венечные такоже без указу продажа крестьянству чинится великая»[306]. И хотя на Соборе и был определён конкретный размер платы[307], но на практике каждый архиерей устанавливал таксу самостоятельно. Например, патриарх Иоаким (1674 - 1690) называл следующие цифры венечных пошлин, собиравшихся в его домовую казну: с первобрачных – 4 алтына (12 коп.), с полуторобрачных[308] - 6 алтын (18 коп.), со второбрачных – 8 алтын и 2 деньги[309] (25коп.), с остальных – по 10 алтын (30 коп.)[310]. Но примеру патри-

[301] Нравы и обычаи в Чебоксарском уезде. Этнографический сборник / сост. *Магницкий В.К.* Казань. 1888. С. 27.
[302] Гл. 1 гр. 4 Закона Градского (49-я гл. Кормчей Книги).
[303] *Ефименко А.Я.* Исследования народной жизни. Выпуск 1: Обычное право. М., 1884. С. 35.
[304] *Довнар-Запольский М.В.* Очерки обычного семейственного права крестьян Минской губернии. М., 1897. С. 37 – 38.
[305] См.: Российское законодательство X – XX веков. Т. 2. С. 318.
[306] Там же. С. 268.
[307] Там же. С. 318, 320.
[308] То есть для одного из венчающихся этот брак первый, для другого – второй.
[309] 1 деньга = ½ коп.

аршей области следовали не все, пошлины собирались «с немалым излишеством, от чего крестьянству и прочим маломощным людям чинится тягость напрасная»[311]. За отвоз венечной пошлины набавляли ещё 3 – 4 коп.

Именным указом от 3 июня 1714 года размер пошлины был вдвое[312]. В данном случае видим характерный пример политики Петра I по отношению к церкви: он попытался приспособить её аппарат и активы для государственных нужд. Согласно указу, половина пошлины должна была оставаться в епископском распоряжении, вторая – поступать на нужды лазаретов. С этого момента история венечной пошлины вплоть до её отмены в 1765 году представляет собой хорошую иллюстрацию длительных и неудачных попыток заставить церковную организацию служить государственным интересам. Попытавшись извлечь выгоду из венечных пошлин, Петр I не учёл опасности сохранения этого сбора в руках духовенства. Епархиальные архиереи и их аппарат, веками кормившиеся от бракосочетаний, совершенно справедливо должны были рассматривать увеличение в 1714 году венечной пошлины вдвое как увеличение вдвое собственных доходов. Открытые просьбы о сложении с епархий лазаретного сбора[313], использование этих денег для епархиальных нужд[314] и лично епископами[315], задержка или удержание ведомостей и денег[316] показали ненадёжность церковного аппарата в пополнении государственной казны. В итоге из-за неэффективности этого сбора с точки зрения государства в 1765 году венечная пошлина была отменена вместе с самими венечными памятями[317].

Плата местному духовенству *за венчание* была, по мнению дореволюционного автора Д.И. Ростиславова, одной из самых высоких по сравнению с платой за другие требы[318], причём размер этих поборов до 1765 года законодательно урегулирован не был. Но и после установления указом Сената от 18 апреля 1765 года платы за свадьбу в 10 коп.[319] реальные поборы могли существенно отличаться от провозглашенных законом[320].

---

[310] См.: *Горчаков М.И.* Монастырский приказ (1649 – 1725 г.). Опыт историко-юридического исследования. СПб., 1868. С. 238.
[311] ПСПиР. Т. VII (с 19 января 1730 по 23 декабря 1732). СПб., 1890.. № 2317. С. 56.
[312] Законодательство Петра I. С. 643.
[313] ОДДС. Т. I (1542 – 1721). СПб., 1868. Дело № 748. Стлб. 763 – 764.
[314] ОДДС. Т. I. Дело № 309. Стлб. 347 – 348; Дело № 492. Стлб. 561; Т. X (1730 г.). Дело № 7. Стлб. 9.
[315] ОДДС. Т. VI (1726 г.). Дело № 49. Стлб. 98.
[316] ОДДС. Т. III (1723 г.). СПб., 1878. Дело № 486. Стлб. 509 – 510.
[317] См.: Законодательство Екатерины II. Т. 2. М., 2001. Док. № 216. Доклад Екатерине II о проблемах сбора венечных денег см.: ПСПиР. Т. I (1762 – 1772 гг.). № 248. С. 285 – 289.
[318] *Ростиславов Д.И.* О православном белом и черном духовенстве в России. Т. I. Лейпциг. 1866. С. 303.
[319] 1-е ПСЗРИ. Т. XVII. № 12378.

Священство не желало следовать предписанию Духовного регламента 1721 года «не делать торгу» и довольствоваться «подаваемым доброхотно награждением»[321]. Расходы на свадьбу и так были велики, но священник, оговаривая с заинтересованными лицами тонкости предстоящих процедур, мог затребовать сумму, которую просители, особенно небогатые крестьяне, не могли и не хотели платить. Во второй половине XVIII века на Алтае многие священники ввели, например, своеобразный «образовательный ценз» для вступающих в брак: незнание определённых молитв стоило от 5 до 20 рублей[322]. В конце XIX века в Тульской епархии был отмечен обычай «натурального сбора» хмельными напитками за венчание[323].

Как следствие, крестьяне отказывались платить установленные священником поборы и жили невенчанные[324]. По сведениям Н.А. Миненко, у западносибирского крестьянства такая ситуация не была редкостью[325]. Ещё в середине XIX века П.А. Муллов отмечал как обыденное явление вступление не только раскольников, но и православных в гражданские (сводные) браки по причине жадности духовенства[326]. Определённым показателем распространенности внебрачных связей служит зафиксированный социологами рост количества внебрачных детей в крестьянской среде, особенно к началу XX века, при этом количество официально зарегистрированных браков даже несколько уменьшилось[327]. Стяжательство духовных лиц могло вызвать и иное следствие: А.И. Розанов свидетельствовал, что целые деревни отпадали в раскол лишь по причине жадности попов, заламывавших огромную плату за требоисправление[328].

Такому корыстолюбию духовенства есть и объяснение, и даже оправдание. Лишь в XIX столетии постепенно произошёл перевод храмового причта на государственное содержание. До этого в течение многих веков почти всё белое духовенство кормилось исключительно за счёт прихожан. Духовное сословие традиционно считается неподатным, но это только по отношению к казне. По отношению же к епархиальному началь-

---

[320] См.: *Знаменский П.В.* Приходское духовенство на Руси. Приходское духовенство в России со времени реформы Петра I. С. 654 – 655.
[321] Законодательство Петра I. С. 591.
[322] *Миненко Н.А.* Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII – первой половины XIX века). Новосибирск. 1979. С. 223.
[323] Прибавления к церковным ведомостям. 1890. № 26. С. 873.
[324] ПСПиР. Том I (1825, 12 декабря – 1835 гг.). Пг., 1915. № 169. С. 225
[325] *Миненко Н.А.* Указ. соч. С. 218.
[326] *Муллов П.А.* Как заключаются (иногда) сводные браки // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России. Кн. 1. СПб. 1860. С. 21 – 22.
[327] *Борисенко М.В.* Характер изменений в семейно-дворовом укладе крестьян Западной Сибири (рубеж XIX – XX вв.) // Вестник Тюменского государственного университета. 2006. № 2. С. 201.
[328] *Розанов А.И.* Записки сельского священника. Быт и нужды православного духовенства. СПб. 1882. С. 115 – 116.

ству белое духовенство было обложено многочисленными окладными и неокладными сборами, причём недоимка взыскивалась («вымучивалась») с неплательщиков весьма жестокими средствами, начиная с ареста, заканчивая сдачей в общественные работы. Екатерининские реформы стали постепенно ликвидировать право епископов облагать подчинённое духовенство и жестокие меры взыскания[329], но многие поборы от этого потеряли лишь формальный характер, но не обязательную силу. Священники небогатых приходов часто были значительно беднее своих прихожан, многие не имели собственного угла и были вынуждены жить «в трапезах и под церквами в погребах»[330].

Таким образом, сама социальная организация духовного сословия во многом определила неудачу их миссионерской деятельности. Не имея гарантированной финансовой поддержки от государства, церковники были вынуждены вымогать у прихожан значительную плату за венчание не столько для себя, сколько для наполнения кармана епископата. Неизбежным следствием этого являлось падение авторитета «жадных попов», желание паствы уклониться любыми средствами (вплоть до ухода в раскол) от значительных денежных трат и, соответственно, невостребованность венчального обряда.

Государственная власть, вероятно, была в состоянии оказать поддержку церковной организации не только социальной помощью духовенству, но и административно-полицейскими мерами. Возможный первый шаг к этому мог быть сделан на этапе, когда духовенству было поручено ведение метрических книг. Однако Пётр I в рамках своих реформ пришёл к необходимости введения иной формы учёта податного населения – периодическим ревизиям. С 20-х годов XVIII века по середину XIX столетия произошло десять ревизий, а затем им на смену пришли всеобщие переписи. Несмотря на то, что ревизии учитывали не всё, а лишь податное население и проводились иногда раз в несколько десятилетий, для правительственных целей такого учёта было вполне достаточно. Раскладочный характер важнейших повинностей (подушная подать, рекрутская повинность) и коллективная ответственность за их исполнение позволяли на определённом этапе отказаться от желания учёта каждого подданного Российской империи. Симптоматично, что проведение первой всеобщей переписи населения (1897 года) пришлось на тот момент, когда с механизмом раскладки повинностей на податные общества было уже покончено, и индивидуальная ответственность вытеснила круговую поруку.

---

[329] См., напр.: 1-е ПСЗРИ. Т. XVII. № 12379. Также см.: *Знаменский П.В.* Указ.соч. С. 587.
[330] ОДДС. Т. II. Ч. 1 (1722 г.). СПб., 1879. Дело № 98. Стлб. 128.

Кроме того, церковная система учёта также имела свои недостатки и едва ли могла дать более точные сведения, чем государственная ревизия. Характерно, что проблемы ведения церковной организацией метрических книг выявились на том единственном участке, где эти записи представляли серьёзную ценность – при регистрации дворянских браков и рождений.

С середины XVII века, часть российского населения престала нуждаться в брачных церковных обрядах по причине раскола в Русской Православной церкви. Некоторая часть раскольников не отвергала таинства брака, но обряд венчания осуществляло старообрядческое духовенство. Именно отношение старообрядцев к таинству брака станет одним из критериев отнесения сект к более или менее вредным, когда в середине XIX века впервые начнётся серьёзное изучение раскола. К первым (не признающим брак) были причислены духоборцы, молокане, прыгунки, штундисты, хлысты, самокрещенцы, странники, федосеевцы, филипповцы и т.д. Ко вторым (признающим брак) относились признающие брак поморцы, нетовцы («спасово согласие») и т.д.[331] Уже то, что через два века после возникновения раскола власть всерьёз занялась изучением этого явления, классификацией сект и решением вопроса о предоставлении раскольникам определённых прав, само по себе говорит о неудачах официального православия в борьбе за паству. Точное число старообрядцев традиционно не устанавливалось. Однако исследователи XIX века[332] и официальные документы[333] свидетельствуют скорее об усилении раскола, чем о его затухании. Например, если в 1772 году раскольничьих молебен (молитвенных домов) беспоповцев (представителей самого распространенного вида раскола) в Москве было лишь 2, то в 1812 году – 46, а в 1848 – 145[334]. По официальным сведениям в 1850 году общее количество старообрядцев составляло 749 981 чел.[335], в 1865 году – 907 157[336]. Однако известный юрист второй половины XIX века А.Л. Боровиковский находил, что официальная статистика практически не менялась с 20-х годов XIX века и была неточна. Отдельные данные середины XIX столетия говорят о наличии 10 млн.

[331] РГИА. Ф. 1149. Оп. 10 (1883). Д. 25. Л. 79 – 79 об.
[332] См.: *Розанов А.И.* Указ. соч. С. 210.
[333] См.: Церковные ведомости 1889 г. № 8. С. 72.
[334] Сборник правительственных сведений о раскольниках. Сост. В. Кельсиев. Вып. 2. 1861. Лондон. С. 107.
[335] *Варадинов Н.В.* История министерства внутренних дел. Ч. 3. Кн. 8, дополнительная. История распоряжений по расколу. СПб., 1863. С. 576.
[336] *Боровиковский А.Л.* О семейном праве раскольников // Журнал гражданского и уголовного права. 1873. Кн. 4. С. 157.

раскольников в России[337]. По сведениям же центрального статистического комитета в 1873 году в России проживало около 11 млн. старообрядцев[338].

Не последнюю роль в увеличении армии старообрядцев имел брачно-семейный аспект. О *брачной свободе* как средстве пропаганды раскола говорилось, например, в отчёте обер-прокурора Синода за 1887 год, в официальной церковной прессе конца XIX столетия и современной научной литературе[339]. Таким образом, не только дороговизна брачных процедур способствовала отпадению православных в раскол, но и отсутствие канонических ограничений, смягчать которые власти Русской Православной церкви, как уже было показано, не торопились.

Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос о развитии взаимоотношений церковной и светской власти по поводу браков раскольников. Уже при Петре I обозначились диаметрально противоположные подходы церковной и светской властей к бракам, заключаемым раскольниками. Государство готово было признать браки раскольников с имущественной выгодой для себя, что видно из императорских наказов 1718 – 1719 годов отправленному в Нижний Новгород по раскольничьим делам капитану-поручику Ржевскому. С тех раскольников, которые женятся тайно, было предписано собрать по три рубля с человека, а с богатых – больше[340]. Со своей стороны, Святейший Правительствующий Синод сформулировал иную позицию, дважды за 1722-й год указав считать раскольничий брак преступлением и предавать супругов-староверов архиерейскому суду[341]. Светская власть последовательно придерживалась заданного вектора. Скажем, Екатерина II обещала в 1762 году не чинить притеснений раскольникам *и их детям*[342]. Синод же со временем несколько смягчил свою позицию, признав, например, в марте 1800 году браки, заключённые *до этого момента в* Нижегородской епархии[343] раскольниками, которых по предложению Московским митрополита Платона стали именовать единоверцами[344]. Не возражал Синод и против того, чтобы в случае браков единоверцев

---

[337] РГИА. Ф. 1149. Оп. 10 (1883). Д. 25. Л. 87.
[338] *Боровиковский А.Л.* О семейном праве раскольников. С. 157.
[339] Церковные ведомости. 1890. № 20. С. 219; там же. 1890. № 33. С. 1096; там же. 1890. № 35. С. 1172; *Миненко Н.А.* Русская крестьянская семья в Западной Сибири… С. 221.
[340] Законодательство Екатерины II. В двух томах. Т. 1. – М.: Юрид. лит. 2000. Док. № 127. С. 911.
[341] ПСПиР. Т. II (1722 г.). СПб., 1872. № 454. С. 107; 1-е ПСЗРИ. Т. VI. № 4009 п. 9.
[342] Законодательство Екатерины II. В двух томах. Т. 1. Док. № 127. С. 911.
[343] Там же. № 189. С. 177; № 548. С. 684 – 685 п. 10.
[344] Термин «единоверцы» был предложен Московским митрополитом Платоном вместо прежних наименований «раскольники», «старообрядцы» (ПСПиР. Царствование государя императора Павла Первого (6 ноября 1796 г. – 11 марта 1801 г.). Пг., 1915. № 548. С. 686).

с паствой, принадлежащей к господствующей греко-российской церкви, венчание проходило по согласию сторон в старообрядческом или греко-российском храме[345].

Однако это не означало, что церковное руководство готово был признать на будущее браки единоверцев даже между собой, что и показал указ Синода 14 августа 1808 года, посланный преосвященному Арсению, епископу Воронежскому и Черкасскому[346]. Данный документ был принят по делу казачьих детей, которых старообрядческие попы обвенчали в «простых домах и часовнях». Такие супружества Синод назвал «любодейным сопряжением», а не браком. Текст указа опубликован не был и стал чисто случайно известен Сенату через 12 лет в связи с делом нескольких казаков Войска Донского, которое перед этим рассматривалось сначала Усть-Медведицким сыскным начальством, а затем – Войсковой канцелярией. Обе инстанции приговорили виновных казаков, кое-кто из которых обвенчался «по раскольничьему обряду» в Вольске, а кто-то – в одном из сёл Саратовской губернии, к разлучению с незаконными супругами, телесным наказаниям и лишению одного из них знака Св. Георгия. Однако, по мнению Сената, такого рода дела входили в компетенцию не светских, а церковных органов, поэтому решение Войсковой канцелярии было отменено с требованием передать дело в духовную юстицию[347]. Войсковая канцелярия ответила Сенату ссылкой на указ Синода от 14 августа 1808 года, согласно которому «любодейные сопряжения» должен был рассматривать именно светский суд[348]. Комиссия составления законов, куда дело было передано в 1825 году для предварительного заключения, с одной стороны, согласилась с доводами Синода о светской подведомственности таких дел, с другой – рекомендовала оставить казаков без наказания согласно указам Синода от 1800 года, разрешающим старообрядцам совершение треб по своим обрядам[349].

Благодаря этому делу текст указа Синода 1808 года был опубликован, хоть и с запозданием – в 1827 году[350], но его обнародование привело к очередным недоразумениям, на этот раз, в Москве. В 1828 году министру внутренних дел А.А. Закревскому от московских старообрядцев была подана жалоба, из которой следовало, что их браки на основании только что опубликованного указа 14 августа 1808 года московскими присут-

---

[345] Там же. № 548 п. 14. С. 685 – 686.
[346] РГИА. Ф. 1149. Оп. 1(1823). Д. 26. Л. 21 – 25 об.
[347] Там же. Л. 12 об.
[348] Синод в обосновании такого решения ссылался на высочайше утверждённые докладные пункты Синода 12 апреля 1722 ., в которых «любодейство» было подведомственно светскому суду (1-е ПСЗРИ. Т. VI. № 3963 п. 7).
[349] РГИА. Ф. 1149. Оп. 1(1823). Д. 26. Л. 41 – 48.
[350] 2-е ПСЗРИ. Т. II . № 1257.

ственными местами «совершенно уничтожаются, жёны и дети… не включатся в семейства» и оставшееся по смерти старообрядцев имение переходит в «постороннее владение»[351]. В декабре того же года последовало разъясняющее мнение Государственного Совета, что указ Синода касался только тех браков, по поводу которых был принят, и на другие раскольнические браки не распространяется[352]. Жалоба московских старообрядцев подвигла министра предложить Государственному Совету издать отдельным сборником все высочайше утверждённые предписания по такого рода делам и с соблюдением режима секретности циркулярно разослать его по всем губерниям. Среди этих документов, например, было решение Комитета министров 1824 года, принятое по запросу Пермского губернатора, и запрещающее местным властям входить в какие-либо исследования вопроса о совершаемых старообрядцами требах, чтобы не было большого беспокойства[353]. Государственный Совет одобрил предложение министра и предоставил ему войти с этим предложением на высочайшее имя[354].

Таким образом, уже с начала XIX века духовная власть отказалась рассматривать вопросы, связанные с браками старообрядцев, а правительство требовало от органов местного управления не вмешиваться во внутреннюю жизнь раскольников.

В 1867 году при министерстве внутренних дел была образована комиссия для разработки и составления законопроекта о браке раскольников, окончившая свои труды в 1869 году[355]. 19 апреля 1874 года выработанные комиссией правила, незначительно отредактированные в ходе обсуждений, были высочайше утверждены[356]. По сути, этим законом впервые в России официально вводился гражданский брак, который старообрядцы должны были регистрировать через органы местной полиции. Закономерным следствием перехода функции регистрации браков раскольников к светским органам стало регулирование судопроизводства по делам о разводах старообрядцев Уставом гражданского судопроизводства 1864 года, в то время как бракоразводный процесс для исповедующих официальное православие продолжал регулировался Уставом духовных консисторий 1841 года. Сравнение этих двух видов процесса выявит преимущество закреплённого в Уставе 1864 года, который был построен на прогрессивных принципах устно-

[351] РГИА. Ф. 1149. Оп. 1 (1828). Д. 102. Л. 15.
[352] 2-е ПСЗРИ. Т. III . № 2507.
[353] Собрание постановлений по части раскола. Т. 1. Лондон, 1863. С. 65.
[354] РГИА. Ф. 1149. Оп. 1(1828).Д. 102. Л. 23 об.
[355] РГИА. Ф. 1149. Оп. 8 (1873). Д.101. Л. 19.
[356] Там же. Л. 363 – 365. Текст правил для раскольников о метрических записях актов гражданского состояния, судопроизводстве по брачным делам и наказаниях за преступления против союза брачного см.: 2-е ПСЗРИ. Т. XLIX Отд. I. № 53391.

сти, непосредственности, а кроме того, отказывался от формальной оценки доказательств. Эти нововведения влекли, во-первых, упрощение и ускорение процесса развода, а во-вторых, устраняли из судопроизводства ту грязь, которая была неизбежна при прежних принципах доказывания. Поэтому когда в официальных докладах конца XIX века говорилось о брачной свободе у раскольников, имелся в виду не только отказ сектантов от всяких официальных процедур (как у беспоповцев), но и определённое упрощение обрядов, которое вместо господствующей церкви старообрядцам предлагало само государство. Последний шаг правительство сделало в 1905 году, когда ведение метрик старообрядцев[357] было доверено их собственным духовным органам[358].

Итак, на протяжении длительного времени существовал целый ряд факторов, которые препятствовали охвату церковным брачным обрядом значительной массы населения России. Во-первых, это наличие у русского народа собственных традиционных обрядов. Как представляется, наивысшей точки своего успеха церковь достигла в тот момент, когда в народном сознании венчальные процедуры органично вплелись в народные «веселья». Церковный обряд так и не сумел вытеснить языческий, поэтому даже обеспечение церковных норм принудительной силой государства не решило тех задач, которые ставил ещё Иван IV на Стоглавом Соборе в 1551 году.

Во-вторых, дороговизна треб отталкивала значительную часть россиян от церковного венчания. Тот факт, что белое духовенство в силу своего социального положения было вынуждено вымогать большую плату за требоисправление, не могло заставить небогатых прихожан безоговорочно соглашаться с представленным прейскурантом.

В-третьих, до определённого момента духовенство не имело в своих руках механизма принуждения населения к венчанию в обязательном порядке. Ситуация должна была измениться в тот момент, когда приходское духовенство в дополнение к требоисправлению стало обязанным вести метрические книги. Но высшему церковному руководству понадобился почти весь XVIII век, чтобы перейти от редких напоминаний духовенству об их новой обязанности к установлению единообразных регистрационных форм и точному описанию необходимых процедур. Причём это касалось не только правильного ведения метрических книг, но и таких традиционных вещей, как брачный

[357] Несмотря на терминологические изменения в документах Синода уже в начале XIX столетия, лишь в 1905 г. вместо слова «раскол» закон закрепил понятия «старообрядческое согласие», «сектантство», «изуверные учения», что точнее отображало не одинаковое отношение правительства к разным течениям в расколе.
[358] Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. Т. 1 – 33. СПб. – Пг. 1885 – 1916 (далее – 3-е ПСЗРИ). Т. XXV. Отд. I. № 26126.

обыск и оглашение. Если бы метрики были единственным средством учёта россиян, церковь могла бы претендовать на государственную поддержку в этой области. Однако петровские реформы налогообложения привели к необходимости проведения периодических ревизий, и правительство теперь получало необходимые данные о налогоплательщиках практически без помощи церковной организации.

В-четвёртых, значительная часть россиян со второй половины XVII века в результате раскола выпала из церковной сферы влияния, и с течением времени число раскольников не уменьшалось. Терпимое отношение к старообрядцам со стороны правительства и недостаток сил у официального православия в борьбе за паству уже в XIX веке привели Синод к фактическому признанию старообрядческих браков, а также к передаче вопроса его правового регулирования в ведение светской власти. Со своей стороны гражданская власть постепенно переходит от секретных предписаний не вмешиваться в требоисправление раскольников к идее государственной регистрации их браков, а со временем – доверяет самим старообрядцам ведение метрик.

Таким образом, церковный обряд со времён крещения Руси действительно остался дорогим и не всегда обязательным дополнением к традиционным народным формам вступления в брак.

б) Процедуры проверки законности брака, организация венчания, регистрация.

Процедуры, осуществляемые духовенством перед венчанием, ставили целью проверить отсутствие препятствий к браку. Однако как показало предыдущее изложение, эта проверка была не особенно эффективной. Тем не менее, разбор основных вех развития этой стороны вопроса также представляет некоторый интерес, хотя бы с точки зрения комплексного восприятия причин неудач Русской Православной церкви в прививании населению духовных ценностей византийского образца.

Традиционной проверочной процедурой на Руси был так называемый *брачный обыск*. Предполагалось, что священник или кто-то из причта проводит неформальное следствие для выяснения наличия препятствий к браку. Стоглав 1551 года не только возлагал эту обязанность на приходское духовенство, но и предусматривал, очевидно, перепроверку со стороны епископата. Результат проверки должен был фиксироваться в венечной памяти. За венчание при наличии препятствий к браку священник карался ли-

шением сана[359]. Эти простые правила долгое время никак не детализировались. Требования о фиксации результатов обыска видны в Инструкции патриарха Адриана 1697 года (п. 62 – 63), где ответственным за проверку данных о женихе и невесте являлось уже не приходское духовенство, а стоящее над ними управленческое звено, т.е. поповские старосты и заказчики. В первой трети XVIII века для записи обысков были заведены, согласно некоторым сведениям, тетради[360], однако тексты указов Синода на протяжении всего столетия по-прежнему оперируют термином «обыск»[361]. Вплоть до 1765 года, когда венечные памяти (вместе с соответствующими пошлинами) были отменены, именно они и обыск составляли единственные доказательства при расследовании дел о незаконных браках. Значительное количество дел о незаконных браках заставило Синод в своё время усовершенствовать форму венечной памяти, и Синодский указ от 20 ноября 1731 года требовал фиксации в ней поручителей из местных прихожан, отвечающих за достоверность сведений как о женихе, так и о невесте[362]. Значение обысков должно было снизиться вследствие отладки ведения метрических книг, но впервые о замене обысков, как доказательств брака, метриками говорит только указ Синода 1775 года «О мерах к отвращению незаконного сочетания браков».[363] К этому времени венечные памяти были отменены (в 1765 году) и, соответственно, обыски и метрические книги составляли взаимодополняющие доказательства наличия брака.

Постепенно дорабатывая формы венечных памятей и метрических книг, Синод до поры до времени не уделял внимания форме обыска как документа. Однако в начале XIX века Синоду пришлось заняться и этим вопросом. Дело о недействительности брака Матрёны Егоровой, которое рассматривалось почти три десятка лет, показало, что в одной и той же церкви могло существовать несколько тетрадей для записи актов гражданского состояния с разными сведениями об одних и тех же венчанных браках. Соответственно, не всегда было возможно установить, в какой тетради содержались верные сведения, а в какой – дописанные впоследствии в интересах какого-нибудь заинтересованного лица[364]. Синоду, который вынес решение по данному делу в марте 1802 года, может быть, впервые открылась ужасающая картина беспорядков в брачном делопроиз-

[359] Российское законодательство X – XX веков. Т. 2. С. 318, 344.
[360] РГИА. Ф. 1149. Оп. 7 (1867). Д. 104. Л. 3.
[361] См., напр.: ПСПиР. Т. VI (с 8 мая 1727 по 16 января 1730) . № 2230. С. 348, 350; Т. VII (с 19 января 1730 по 23-е декабря 1732). № 2509. С. 391; Т. I (25 ноября 1741 – 1743 гг.). СПб., 1899. № 262. С. 268; Т. II (1744 – 1745 гг.). № 879. С. 376.
[362] 1-е ПСЗРИ. Т. VIII. № 5892.
[363] 1-е ПСЗРИ. Т. XX. № 14356.
[364] РГИА. Ф. 1151. Оп. 1 (1829). Д. 278. Л. 162 об., 166.

водстве. В мае того же года под влиянием дела Егоровой Синод издал указ, часть которого была посвящена оформлению обысков – впервые в истории российского церковного ведомства[365]. Как и метрические книги, обыски с этих пор должны были записываться в прошнурованные тетради и сдаваться на хранение в местные органы церковного управления. Ответственность за ведение обыскных книг ложилась на весь храмовый причт. Установив форму этих книг, Синод не подумал об их содержании и урегулировал этот пробел только указом 30 ноября 1837 года[366]. Приложенная к указу форма требовала заполнения определённых пунктов, отражающих соблюдение всех необходимых условий вступления в брак (возраст, отсутствие близкой степени родства, согласие родителей и проч.). Текст самого указа говорит о том, что до тех пор «по епархиям обыски писались различно», от чего впоследствии возникали дела о незаконных браках. Таким образом, лишь к концу первой трети XIX века руководством Русской Православной церкви были оформлены правила проведения обыска, результаты которого могли неоспоримо доказывать наличие законного брака.

Ещё одной процедурой, которая, несмотря на своё древнее происхождение, была достаточно поздно введена в российский церковный обиход, это *оглашение*. 5 августа 1775 года Синод в своём указе констатировал в очередной раз непростое положение дел с соблюдением условий и процедуры вступления в брак. Пожалуй, трудно найти такое нарушение в этой сфере, которое не было бы упомянуто в данном документе. В качестве одного из средств для изменения ситуации священникам было предписано за три недели до венчания после каждой Литургии оглашать о намерении таких-то вступить в законный брак.

Историей этой процедуры в русском церковном обиходе занимался А.С.Павлов. Рассматривая применение норм 50-й главы Кормчей Книги на русской почве, учёный полагал, что предусмотренное Кормчей оглашение до указа 1775 года оставалось «мёртвой буквой». Впрочем, А.С.Павлову был известен указ 15 августа 1728 года[367], которым предписывалось во всех церквях Смоленска делать троекратное оглашение[368]. Однако учёный считал его частной мерой, адресуемой лишь конкретной местности. Относи-

---

[365] 1-е ПСЗРИ. Т. XL. № 20266а.
[366] 2-е ПСЗРИ. Т. XII. Отд. II. № 10759.
[367] Указы блаженныя в вечнодостойныя памяти великой государыни императрицы Екатерины Алексиевны и государя императора Петра Втораго, состоявшиеся с 1725 генваря с 28 чисел по 1730 год. Напечатаны по указу всепресветлейшей державнейшей великой государыни императрицы Елисаветы Петровны самодержицы всероссийской При Императорской Академии Наук в Санктпетербурге 1743 года. С. 364 – 367.
[368] *Павлов А.С.* 50-я глава Кормчей Книги…С. 76 – 77.

тельно указа 1775 года А.С.Павлов был готов присоединиться к мнению Н.П.Розанова, который, занимаясь историей Московского епархиального управления, пришёл к выводу, что этот закон не только не был известен Московской епархии, но и в принципе был не опубликован и вошёл лишь в 1-е Полное собрание законов Российской империи[369].

Действительно, в найденных делах Синода за период после 1728 года несоблюдение процедуры оглашения несколько раз упоминалось лишь в связи с делом смоленских шляхтичей[370]. А вспоминая уже разобранный случай с указом Синода Воронежскому епископу о казачьих браках 1808 года, можно согласиться с выводом А.С.Павлова об указе 1728 года. Что же касается мнения о том, что указ 1775 года остался вовсе неопубликованным, то и здесь трудно оспорить мнение двух авторитетнейших специалистов. Так, в марте 1812 года были приняты правила о браках жителей недавно вошедшей в состав России Финляндии с «природными» россиянами[371]. В подобных случаях специально оговаривалась необходимость совершения оглашения именно потому, что оно предписывалось местными финскими законами (а не российским законодательством). Кроме того, указ 1775 года отменил доказательное значение брачных обысков, но тогда совершенно непонятен смысл норм последующих указов 1802 и 1837 годов, в которых правильно оформленным обыскным документам придаётся доказательная сила. Наконец, указ 1802 года обращает внимание на недостатки в проведении обысков *до того* момента как указ был принят, значит – обыски не были отменены, как можно понять из текста указа 1775 года. Вряд ли законодательство XIX века реставрирует значение обыскной процедуры. Скорее всего, указ Синода от 5 августа 1775 года действительно сохранился лишь в архивах, не был своевременно опубликован и не применялся. Кроме того, указ мог просто потеряться до публикации, есть и такие примеры в истории синодского делопроизводства. Таким образом, если вывод А.С.Павлова и Н.П.Розанова верен, то оглашение как предваряющая венчание процедура, оказалось впервые закреплено в действующем законе в ст. 19 Свода законов гражданских (в ред. 1832 года). Однако возможно, что оглашение всё-таки было известно московскому духовенству. В 1775 году была напечатана Инструкции благочинным иереям или протоиереям московского митрополита Платона, где содержался п. 24, требующий «смотреть, чтоб прежде брака три

[369] Там же. С. 78 – 79 (примечания в сносках).
[370] ОДДС. Т. XVIII (1738 г.). Пг., 1915 . Дело № 555. Стлб. 760; Т. XIX (1739 г.). СПб., 1913. Дело № 320. Стлб. 454.
[371] 1-е ПСЗРИ. Т. XXXII № 25045.

были в церкви публикации, со объявлением, кто вступает в брак, и не знает ли кто каковаго сумнения»[372].

Сложно оценить действенность оглашения как препятствия к нарушению брачных условий, однако факт, что Синод в течение века (с 1728 по 1832 года) не придавал ему значения общеобязательной процедуры, говорит либо о невысокой степени заинтересованности духовного ведомства в соблюдении церковных норм, либо о слабой эффективности церковного аппарата управления.

Ещё одна мера предосторожности против незаконных браков – производство венчания только приходским священником, т.е. прихода жениха, невесты или обоих. Вслед за Кормчей это правило повторил Духовный регламент Петра I[373]. То же правило было повторено в указе Синода от 29 ноября 1731 года[374] и в указе Сената 14 июля 1765 года[375]. Однако в условиях усиливающейся миграции населения такое требование могло было предъявлять лишь для сельской местности со стабильным составом населения. Неудивительно, что в Инструкции благочинным 1775 года московский митрополит Платон разрешал с соблюдением определённых предосторожностей венчать местным священникам и не своих прихожан[376].

Опасность совершения браков, признаваемых правом недействительными, могла придти и в случае, когда местных жителей брался венчать в целях заработка чужой, бродячий священник, совершенно незнакомый с приходом. Основным местом промыслов перехожего духовенства стали города, где в изобилии имелись не только приходские храмы, но и домовые церкви и приделы[377]. Известной группой перехожего духовенства издавна являлось «крестцовое» духовенство. Есть несколько вариантов происхождения этого термина. Один из них – от слова «крестец» (перекресток). На людных перекрестках усаживались в ряд священники и предлагали свои услуги. На случай, если наниматель пытался сбить цену, у попа в руке имелся калач, которым он угрожал потенциальному нанимателю: «Не торгуйся, а то закушу!»[378]. Другое объяснение – от слова «крест». Поскольку наемные священники должны были иметь при себе надлежащее

[372] URL: **http://www.stsl.ru/lib/platon6/ii.php** Дата обращения к сайту 06.02.2016.
[373] Законодательство Петра I. С. 577.
[374] 1-е ПСЗРИ. Т. VIII. № 5892.
[375] 1-е ПСЗРИ. Т. XVII № 12433.
[376] См. об этом: *Павлов А.С.* 50-я глава Кормчей Книги…С. 106.
[377] Придел – часть церкви, имеющая свой алтарь и являющаяся отдельным церковным местом. Даже богатые горожане не всегда имели возможность обзавестись домовой церковью, поэтому к приходскому храму пристраивались личные приделы. Для службы в приделах и нанималось постороннее духовенство. См., например: *Стефанович П.С.* Приход и приходское духовенство в России в XVI – XVII веках. М., 2002. С. 68 и сл.
[378] Служить батюшка должен был натощак, а если что-то съедал, то не мог этого делать.

облачение, требник, крест (туда, куда их приглашали, всего этого могло не оказаться), то в ожидании клиентов они сидели с надетым крестом[379].

Перехожее духовенство для светской власти долгое время не представляло интереса, и им занимались лишь церковные начальники, для которых, в основном, было важно лишь наличие оплаченных грамот на занятие «отхожим промыслом». Так, в 1683 году архиепископ Устюжский и Тотемский Геласий в своём наказе сольвычегодскому духовенству призывал неупустительно собирать перехожие пошлины[380]. Стоглав 1551 года говорит об исконной крестцовой пошлине, которую при найме в московские церкви уплачивали лица духовного звания самого различного ранга[381]. Традиционным местом схода перехожего священства в Москве ещё до Стоглава являлся один из перекрёстков (крестцов) тогдашней Ильинской улицы. Петр I, кардинально реформируя духовное сословие, помимо прочего запретил выдавать перехожие грамоты и искать службу на крестцах[382]. Духовный регламент причиной появления бродячих церковников счёл слишком раздутые приходские штаты («многия ставятся к единой церкви свыше потребы»)[383]. Однако без должного архиерейского контроля решить проблему оказалось невозможно. В 1732 году Синод вынужден был констатировать, что не произведенные ни в какой чин самозванцы, а также отрешённые от служения священники в массовом порядке нанимаются мирянами, причём в числе нанимателей оказались весьма знатные особы[384].

Есть немало примеров, когда брачные процедуры проводило бродячее, перехожее духовенство. Так, в начале 30-х годов XVIII века Крутицкий архиепископ Леонид выяснил, что в имении генерала Тараканова к удовольствию этого землевладельца служил наёмный священник Андрей Семёнов, который длительное время венчал крестьян без венечных памятей, не собирал венечных денег и не отчитывался о совершённых им венчаниях. Когда духовное начальство потребовало Семёнова к ответу, генерал Тараканов вступился за попа и попытался укрыть его от расправы[385]. В 1735 году священник Смоленской епархии В.Петров отказался венчать местного шляхтича Д. Потёмкина из-за несоблюдения брачных процедур. Тогда жених, невзирая на протесты Петрова, ввёл в

---

[379] См.: *Николаев И.* Перехожее духовенство при московских церквах за 1712 – 1723 годы. М., 1881. С. 25.
[380] ААЭ. Т. IV. № 275. С. 401 – 402.
[381] Российское законодательство X – XX веков. В девяти томах. Т. 2. М., 1985. С. 348.
[382] 1-е ПСЗРИ. Т. IV. № 2352 (п. 5).
[383] Законодательство Петра I. С. 592.
[384] ПСПиР. Т. VII (с 19 января 1730 по 23-е декабря 1732). № 2555. С. 457.
[385] ОДДС. Т. XXI (1741 г.). Дело № 4. Стлб. 5 – 6.

храм «своего» попа, припасённого на всякий случай, и тот совершил требуемое таинство[386]. Искоренить проведение обряда венчания бродячим духовенством можно было лишь ликвидацией этой проблемной группы населения. В течение всего XVIII века понадобились такие серьёзные реформы, как введение духовных штатов, отмена права приходов на избрание храмового причта, организация духовного образования с запретом служить неграмотным церковникам, наконец, административно-полицейские меры по борьбе с бродягами духовного звания, чтобы хотя бы с этой стороны уменьшить количество нарушений брачных процедур.

Впрочем, и штатные церковники не всегда были безупречны в проведении обрядов. Священники венчали в запрещённые церковью дни, в нетрезвом состоянии, без венечных памятей и пр.[387]. В Иркутской духовной консистории в середине XVIII века рассматривалось донесение о том, что в якутской Рождественской церкви пьяный священник обвенчал две пары на третьей неделе Великого поста[388]. В 1743 году Синоду стало известно о том, какой неформальный способ венчания практиковал один украинский священник. Осведомившись, по любви ли молодые вступают в брак, и поцеловав сложенный из собственных пальцев крест, батюшка объявлял жениху и невесте: «Живите и множитеся»[389].

в) регистрация брака в метрических книгах

В дополнение к совершению обряда венчания на Православное духовенство в XVIII веке легла обязанность *ведения метрических книг*. Ещё в XVII веке возникает идея регистрации брака. Инструкция патриарха Адриана 1697 года[390] предписывает записывать сведения о венчаниях «в книги имянно под всякой церковью». Из Инструкции можно понять и причины, по которым церковь была заинтересована в фиксации браков россиян: учёт венечных сборов и пресечение незаконных браков. Прибавление 1722 года к Духовному регламенту обязывало священников фиксировать в метриках родившихся младенцев, независимо от того, приняли ли они крещение или умерли до него, а так-

[386] ОДДС. Т. XIX (1739 г.). Дело № 459. Стлб. 557.
[387] 28 апреля 1740 г. Именным указом (1-е ПСЗРИ. Т. XI. № 8085) Анна Иоанновна простила лицам духовного звания их преступления, вследствие чего Синод подготовил список наказанных попов с указанием их вин. Практически все возможные нарушения, связанные с условиями и процедурой заключения брака, отражены в этом списке (ОДДС. Т. XX (1740 г.). Дело № 198. Стлб. 183 – 195).
[388] ОДДС. Т. XXVI (1746 г.). Дело № 84. Стлб. 160.
[389] ОДДС. Т. XX. Дело № 240. Стлб. 256 – 257.
[390] 1-е ПСЗРИ. Т. III. № 1612 п. 62.

же записывать браки и смерти[391]. Кроме того, от духовенства требовалось составление экстрактов (выписок) об общем количестве рождённых, вступивших в брак и умерших. Н.А. Семидёркин полагал, что обязанность священников вести метрики означала введение контроля над демографической ситуацией в России[392]. Но возможно, правительство планировало использовать собираемую статистику и в фискальных целях. Не случайно, скажем, по распоряжению Канцелярии Генеральной ревизии (2-й по счёту), проходившей с 1744 года, епархиальные архиереи должны были предписать нижестоящему духовенству беспрекословно предоставлять требуемые сведения «для наилучшего уверения» в достоверности собранных ревизорами данных[393]. Уклониться от помощи ревизора духовенство не могло, поскольку ещё Именным указом 1721 года[394] обязывалось сообщать об известных им утайках в органы губернского или провинциального управления.

В 1794 году незадолго до принятия указа о начале 5-й ревизии Екатерина II запросила у Синода собранные им статистические сведения о населении, начиная с 1782 года (с момента окончания 4-й ревизии)[395]. Однако высший орган церковного управления располагал требуемыми сведениями лишь по девяти епархиям, что составляло примерно треть от их общего количества на тот момент. Синод и раньше сталкивался с невыполнением предписаний о присылке сведений, но обычно дело могло ограничиться лишь угрозой штрафовать виновных лиц[396]. Но в данном случае Синод пошёл на беспрецедентные меры: секретарей консисторий и духовных правлений в епархиях было велено запереть в служебных помещениях и не выпускать, пока они не составят требуемые экстракты с данными об общем количестве родившихся, вступивших в брак и умерших. Вопрос о делопроизводственной части в духовном ведомстве всегда был больным. В течение всего XVIII века Синод пытался добиться присылки из епархий самых различных ведомостей: о рождениях, браках, смертях, о не бывших у ежегодной исповеди[397], об окладных и неокладных доходах, о сборах венечной памяти, о количестве монастырей и монашествующих, о раскольниках и т.д. Крайне редко такие ведомости присылались изо всех епархий и ещё реже – в установленные сроки.

---

[391] См.: Законодательство Петра I. С. 593.
[392] См. там же. С. 714.
[393] ПСПиР. Т. II (1744 – 1745 гг.). СПб., 1907. № 723. С. 209 – 201.
[394] 1-е ПСЗРИ. Т. VI. № 3762.
[395] 1-е ПСЗРИ. Т. XXIII. № 17192.
[396] ПСПиР. Т. IV (1724 – 1725, января 28). СПб., 1876. № 1218. С. 79; Т. II (1773 – 1784 гг.). № 768. С. 100, № 881. С. 205.
[397] См.*: Полянский П.Л.* Правовое регулирование штрафа за небытие у исповеди в XVIII веке // Вестник МГУ. Сер. 11. Право. 2009. № 4. С. 36.

Начать объяснять причины такого положения дел надо с того, что в XVIII веке неграмотный священник – рядовое явление. Заставить отцов-церковников отдать своё чадо в духовную семинарию часто можно было лишь под угрозой отдачи ребёнка в солдаты. Как и в случае с бродячим духовенством, понадобился целый комплекс длительных мер, чтобы духовенство перестало уклоняться от «учебной повинности». Но даже грамотный священник не всегда имел возможность заниматься составлением документов, которые надолго отрывали его от основной службы. Кроме того, деньги на заведение метрических книг было определено брать из церковных доходов[398], что уменьшало средства и так небогатого белого духовенства, отсюда констатированные Синодом в 1802 году проблемы с раздачей приходам бланков метрик. Несмотря на то, что определённая форма метрических книг уже к середине 20-х годов XVIII века была утверждена[399], единообразие в фиксации сведений об актах гражданского состояния отсутствовало.

Не менее плачевным было состояние метрических книг, сданных на хранение в Духовные консистории. С 1800 по 1802 годы Синоду пришлось заниматься делом о браке Матрёны Егоровой с А.Р. Баташёвым. Именно оно и стало поводом для указа Синода 17 мая 1802 года, в котором представлена, без преувеличения, безрадостная картина состояния делопроизводственной части. Метрическая тетрадь за 1787 год, где должен был быть записан брак Егоровой и Баташёва, не была найдена, а обнаруженный впоследствии в архиве *другой вариант* метрик был объявлен подложным. Таким образом, если в одних храмах метрические книги не велись вообще, то в других могло существовать несколько экземпляров таких документов (хотя это был предмет строгого учёта). Естественно, при таком положении вещей не соблюдалось требование, чтобы каждая метрическая тетрадь была скреплена начальством консистории и подписывалась всем храмовым причтом, как того требовал Синодский указ 1779 года[400].

О хранении сданных книг в консисториях наглядно свидетельствуют данные из того же дела Егоровой и Баташёва. «Из собранных сведений видно, что весь консисторский архив был в беспорядке и небрежении, от чего не только от течи многие листы в тетрадях выгнили, но других и совсем не отыскано за несколько годов»[401]. Архивы не только протекали, но и горели: в 1801 году во время перевоза документов из Москвы в

[398] 1-е ПСЗРИ. Т. XX. № 14948.
[399] ПСПиР. Т. IV (1724 – 1725 января 28). № 1218 (с приложением). С. 78 – 79, 332.
[400] 1-е ПСЗРИ. Т. XX. № 14948.
[401] РГИА. Ф. 1151. Оп. 1 (1829). Д. 278. Л. 162 об. – 163.

Санкт-Петербург собранные по делу Егоровой документы были уничтожены пожаром на одной из промежуточных станций. Другой пример: в конце XVIII века в Московской духовной консистории из-за пожара в 1768 году и грабежа «мятежников» в 1771 году не могли найти текстов указов Синода[402]. Общую характеристику состояния ведения метрик в России до указа 1802 года дал тридцатью годам позже Государственный Совет, который в связи с рассмотрением дела о законности рождения Александра Боровского, бывшего на момент рассмотрения генерал-майором, констатировал: «Известно какой беспорядок и расстройство» творились в делах Синода до 1802 года [403].

Указ Синода 17 мая 1802 года отразил, может быть впервые, выраженное по-настоящему серьёзное отношение церковного руководства к вопросу ведения документации о браке и семье. В дальнейшем указами 1831 и 1838 годов были уточнены формы метрических книг[404], в 1828 году предприняты попытки искоренить мздоимство при приёме книг у духовенства со стороны консисторских чиновников[405]. Тем не менее, именно указ 1802 года представляется началом эпохи, когда руководство Русской Православной церкви сделало первые самостоятельные шаги по реформированию документооборота без всякого понуждения со стороны правительства. Что было тому причиной?

Сначала надо установить причины если не равнодушия, то, по крайней мере, достаточно спокойного отношения российских властей к неаккуратному ведению церковью метрик. Во-первых, церковная организация в России обычно не исполняла правительственных распоряжений. Начиная с Петра I, власть пыталась использовать церковный аппарат и церковные доходы в интересах государства в целом. Далеко не все попытки принесли ожидаемый результат, а кое-что не удалось вовсе. Один из таких примеров – история венечной пошлины. Власти за несколько десятилетий так и не удалось перенаправить денежные потоки из кармана епископата на нужды лазаретов. Другой пример – попытки реформировать монастырскую жизнь. Ещё Петр I намеревался сделать из монастырей нечто среднее между богадельней для военных отставников и исправительно-трудовым учреждением с применением мер воспитательного воздействия. Однако наполнить монастыри желаемым контингентом не удалось. Не удалось также заставить церковь делиться своими доходами с государством, церковники саботировали неоднократные требования представить точные сведения о доходах. Проще оказалось

[402] РГИА. Ф. 796. Оп. 25. Д. 567. Л. 50а.
[403] РГИА. Ф. 1151. Оп. 2 (1839). Д. 56. Л. 97.
[404] 2-е ПСЗРИ. Т.VI. Отд. I. № 4397; Т. XIII. Отд. I. № 10956.
[405] 2-е ПСЗРИ. Т. III. № 1812.

провести секуляризацию церковных имений, тем более, что крестьянские волнения в монастырских и епископских владениях неоднократно обращали на себя внимание правительства. С трудом удавалось использовать идеологический ресурс, которым, по расчётам властей, обладала церковь. Так, по сути, потерпела фиаско попытка заставить бóльшую часть православных даже под угрозой штрафа исповедоваться хотя бы раз в год. Сведения об отсутствующих на исповеди не доходили до Синода с той же регулярностью, что и цифры родившихся, вступивших в брак и умерших.

Во-вторых, правительство собирало требуемые сведения самостоятельно. Результаты ревизий, которые организовывались в России примерно раз в пятнадцать лет, доходили до сведения правительства чаще, чем церковные экстракты, которые требовалось составлять раз в год. При крепостном праве отсутствие государственного оперативного учёта родившихся отчасти компенсировались наличием «мёртвых душ», за которых подать исправно уплачивалась до очередной ревизии. Рекрутская система предполагала не всеобщую, а, скорее, подворную воинскую обязанность, при которой гораздо актуальнее был не подушный учёт, а надзор за несанкционированными разделами крестьянских хозяйств[406]. Словом, если правительству сведения о населении были нужны для возложения на него определённых обязанностей, то данных ревизий для этого было бы вполне достаточно, а церковный учёт играл лишь вспомогательную роль. Но состояние, в котором этот учёт находился весь XVIII век, не позволял ему успешно справиться и с этой ролью.

Таким образом, между правительством и церковью здесь не могло возникнуть конфликта, потребовавшего усовершенствования механизма ведения метрических книг. Настоящую причину изменения отношения церкви к ведению метрик прекрасно показывает повод, который вызвал к жизни указ Синода 1802 года – дело Матрёны Егоровой. Истцом по этому делу являлся А.А. Баташёв, оспаривавший брак Егоровой и собственного отца, Андрея Родионовича Баташёва, миллионера и владельца крупных по тем временам металлургических предприятий, одно из которых стало градообразующим для населённого пункта Гусь-Железный (бывшее село Верпутец)[407]. Указ, поставивший

[406] Для рекрутской системы, когда приём в службу проводился не по достижении минимального возраста, а в значительном возрастном интервале, церковные метрики были полезны в случаях «видимого старообразия» рекрута (см., напр.: 2-е ПСЗРИ. Т. XIX. Отд. I. № 17676).

[407] Расположен в нынешнем Касимовском районе Рязанской области. История семьи Баташевых подробно описана в литературе, см., напр.: *Белоконский И.П.* Баташевское дело // Русские ведомости. 1891. № 300; *Кусова И.Г.* А.Р.Баташев и его потомки на Разянской земле / Приокская глубинка. 2008. № 1. С. 3 – 17.

в этом деле точку, был принят в 1830 году[408], когда умер и истец, и его мачеха-ответчица, и ещё несколько наследников. Законность брака оспаривалась с целью лишить ответчицу не только прав наследования (общая оценка имущества покойного А.Р.Баташёва составляла на момент окончания дела около 6,6 млн. руб.), но и статуса вдовы коллежского асессора. Этот статус позволял бывшей дворовой девке А.Р.Баташёва после выхода за него замуж владеть населёнными имениями, на которые истец претендовал уже не в связи с наследственными правами. Таким образом, смысловой центр дела Егоровой – установление наличия брака, следствием которого является *дворянский статус* и связанные со статусом права. Если обратиться к тексту указа Сената от 7 февраля 1838 года, в котором указаны определённые трудности с ведением метрических книг и намечены мероприятия по их преодолению, то и там виден аналогичный повод: затруднения при выдаче документов на *дворянство*[409].

Вывод о том, что причиной реформ первой трети XIX века по усовершенствованию метрического делопроизводства стал исключительно дворянский интерес, видно из ряда дел, рассмотренных духовным ведомством на данном отрезке времени. В 1808 году после смерти титулярного советника М.Ракитина его брат возбудил в Рязанской духовной консистории дело о признании его брака недействительным. Метрической книги за 1803 год, в котором, по словам ответчицы, был совершён их брак с покойным, в консистории «в подаче не оказалось», но брак был зафиксирован в копии метрической книги за 1802 год[410]. В феврале 1812 года Синод признал недействительным брак майора Петра фон-Мейера и Марии Щепочкиной. При этом выяснилось, что в Слободско-украинской консистории их брак записан в метрическую книгу за 1792 год и совершён законным порядком. Но по смерти мужа жена его брата возбудила дело о вступлении Марии в брак с Петром фон-Мейером «от живого мужа», Льва Щепочкина[411]. Этот самый Лев Щепочкин, якобы по причине болезни выдавший своей жене в 1792 году разводное письмо, сам, в свою очередь, женился вторично во Владимире в 1794 году[412], о чём его первая жена узнала лишь при рассмотрении дела о её втором браке. В 1806 году генерал-майор З.И. Бекарюков с соблюдением всех необходимых правил женился на

[408] РГИА. Ф. 1151. Оп. 1(1829). Д. 278. Л. 228 – 231 об.
[409] 2-е ПСЗРИ. Т. XIII. Отд. I. № 10956.
[410] РГИА. Ф. 1151. Оп. 1 (1819). Д. 175. Л. 12 – 13. На непорядки в Рязанской консистории было обращено внимание и в указе Синода 17 мая 1802 г.
[411] РГИА. Ф. 1151. Оп. 1(1817). Д.91. Л. 3 об.
[412] РГИА.Ф. 1151. Оп. 1 (1820). Д. 14. Л. 1-б об. Владимирская консистория также была «отмечена» в указе Синода 17 мая 1802 г., в этой же консистории хранились и документы по делу М.Егоровой.

Е.Драгневичевой. Правда, после смерти Бекарюкова в 1832 году выяснилось, что он вступил в брак «от живой жены», которая и начала дело о признании его брака недействительным[413]. Синод дал по этому делу два заключения: первым – признал наличие брака Бекарюкова и Драгневичевой, вторым – признал наличие брака, но объявил его незаконным. Из всех этих дел не только виден беспорядок в производстве брачных обысков, ведении и хранении метрических книг, но и отчётливо вырисовывается контингент лиц, оспаривающих законность браков – потомственное дворянство, пытающееся судебным порядком отодвинуть в сторону других наследников. Ещё одна общая черта всех этих дел – они всегда возбуждались после смерти одного из супругов, при жизни наследодателей никто не пытался оспорить их браки.

5 января 1812 года Александр I утвердил доклад Синода, из которого явствовало, что церковный суд рассматривает немало дел о незаконности браков покойных, неприкрыто возбуждаемых в целях лишения наследственных *имений* (т.е. родовой недвижимости – опять дворянский интерес!) переживших супругов. Синод просил избавить себя и консистории от необходимости проводить судебные разбирательства в таких случаях и ограничиться выдачей справок о браке конкретных лиц исключительно по запросу соответствующих светских судебных органов[414]. Император одобрил предложение Синода.

Итак, законы 1802, 1838 годов, а также приведённые сведения о судебных процессах свидетельствуют о том, что церковное руководство в первой трети XIX века было вынуждено улучшать метрическое делопроизводство лишь потому, что оказалось втянутым в дела потомственного дворянства. Желание отодвинуть конкурентов от родовых имений заставляло дворянство оспаривать в судебном порядке законность браков их бывших владельцев. Таким образом, документы церковного делопроизводства приобрели значение одного из доказательств в процессе, а духовные консистории и Синод поневоле стали местом выяснения родственных отношений членов дворянских родов. На редкие требования правительства представлять экстракты об общем количестве браков, рождений и смертей Синоду было нетрудно сочинить отписку с изложением затруднений в работе духовного ведомства, а затем со своей стороны для порядка пригрозить штрафом секретарям духовных консисторий. Но по наследственным делам от церковных органов требовались уже первичные, правильно составленные документы. При

[413] РГИА. Ф. 1151. Оп. 3 (1841). Д. 43. Л. 28.
[414] 1-е ПСЗРИ. Т. XXXII. № 24944.

этом просители не только писали в консистории и Синод, но и являлись в немалом числе за бумагами лично, а значит отмахнуться от такой проблемы было сложнее.

Поэтому, с одной стороны, Синод был вынужден прореагировать изданием указа 1802 года, а с другой – попытаться минимизировать беспокойство, вызванное дворянскими дрязгами, что и было сделано в январе 1812 года. Отказавшись рассматривать дела о законности браков после смерти одного из супругов, Синод снял с себя и консисторий огромную ношу, поскольку при жизни владельцев имений родня обычно на конфликт не шла, справедливо опасаясь лишения или уменьшения будущего наследства. С этого момента духовные инстанции стали выступать лишь в роли экспертов, давая заключения о событии и законности того или иного брака.

Таким образом, духовное ведомство не только оказалось слабо подготовлено к функции регистрации актов гражданского состояния, но и не имело сильных стимулов изменить это положение к лучшему. Для правительства помощь со стороны церкви в сборе статистических данных была, в лучшем случае, факультативна, поэтому в отсутствие санкций и высочайших окриков Синод весь XVIII век ограничивался редкими напоминаниями подчинённым органам, да угрозами штрафов. Серьёзная запущенность в ведении метрик отчётливо проявила себя лишь в решении конфликтов внутри дворянских родов. Но и этот толчок побудил церковную организацию не столько к реформам в области документооборота, сколько к желанию избавиться от проблемы в принципе. По этой причине вскоре после «первого шока» Синода (в 1802 году) последовал его доклад царю с целью получить высочайшую санкцию на отказ принимать к своему рассмотрению, по сути, львиную долю дел о наличии и законности браков (1812 год). Однако постепенно улучшать ведение метрических документов всё-таки пришлось, тем более, что они использовались при принятии решений о выдаче дворянских патентов (указ Сената 1838 года[415]), а также помогали точнее устанавливать действительный возраст рекрутов (высочайше утверждённое мнение Государственного Совета 1844 года)[416].

В. Условия и порядок прекращения брака разводом

[415] 2-е ПСЗРИ. Т. XIII. Отд. I. № 10956.
[416] 2-е ПСЗРИ. Т. XIX. Отд. I. № 17676.

Как представляется, прекращение брака естественной смертью не является сколько-нибудь интересной проблемой с точки зрения правового регулирования. Правда, у язычников Древней Руси смерть мужа могла влечь добровольное самоубийство жены, но отечественные церковные источники не отмечают этих фактов. В XVIII веке основанием к разводу станет политическая смерть, но этот вопрос связан, по большей части, с сословным, а не с каноническим законодательством.

Основные проблемы, связанные с применением канонических норм в России, традиционно связаны с прекращением брака разводом. При этом традиционно в России этот термин употреблялся и при признании брака недействительным. Таким образом, в настоящем разделе будет уделено внимание именно разводам в современном понимании этого слова.

а) Самовольные разводы.

Введение любых ограничений всегда будет иметь следствием попытки их преодоления. Установив монопольное право расторгать браки, Русская Православная церковь обрекла себя на борьбу с самовольными разводами. Уже Устав Ярослава о церковных судах в разных местах говорит о разводе «без вины» (ст. 4)[417], о самовольном разводе (ст. 17)[418]. О самовольном оставлении православными супругами друг друга говорится в канонических ответах митрополита Иоанна (XI век), поучении киевского митрополита Фотия (XV век)[419]. С несанкционированными разводами церковь была бессильна бороться ещё и потому, что разойтись супругам часто помогало само приходское духовенство. Священники оформляли «разводные письма», которые могли служить определённым доказательством безбрачного состояния. В декабре 1730 года Синод категорически запретил духовенству подписывать такие письма[420], но запрет возымел мало действия, и его пришлось повторить в 1767 году[421].

В России существовала практика, когда разводы оформлялись не церковными, а государственными органами. Так, в конце 20-х годов XVIII века атаман Василий Московой самовольно разлучил своего племянника Федора, жителя Морквиной слободы Новооскольского уезда, с женой Татьяной и женил на другой. Белгородская губернская канцелярия, куда дядя и племянник были отосланы по решению духовной консистории

[417] Древнерусские княжеские уставы XI –XV вв. С. 111.
[418] Там же. С. 112.
[419] Русская Историческая Библиотека. Т.6. Стлб. 7, 10, 511.
[420] ПСПиР. Т. VII (С 19-го января 1730 по 23-е декабря 1732). № 2400. С. 202 – 204.
[421] 1-е ПСЗРИ. Т. XVIII. № 12935.

для наказания, не только не исполнила требуемое, но и отказала обиженной Татьяне в возмещении «проестей и волокит» (убытков, связанных с процессом). Тогда отставленная жена лично обратилась в Синод и лишь там сумела добиться правды[422]. В 1792 году Лев Щепочкин составил разводное письмо, где причиной развода было указано желание принять монашеский постриг. Это письмо было заверено свидетелями и содержало «судовую скрепу», т.е. было заверено в каком-то суде[423]. Судя по тому, что его бывшая жена с этой бумагой открыто вступила во второй брак, сила документа местным духовенствам не оспаривалась. Свидетель эпохи, историк М.М. Щербатов писал, что значительное количество разводов в XVIII веке совершалось «не церковным, но гражданским порядком»[424].

Известен случай, когда Екатерина II помогла в сердечных делах своей фрейлине, Елизавете Кирилловне Разумовской, которая настолько влюбилась в графа П.Ф. Апраксина, что тайно обвенчалась с ним, невзирая на его женатое положение. Отец Разумовской осудил поступок дочери и передал её фрейлинский знак императрице, стоя на коленях. Внешне не одобрив поступок своей приближённой, Екатерина между делом посоветовала брошенной жене графа Апраксина уйти в монастырь, что та и сделала, приняв постриг в киевском Вознесенском Фроловском монастыре в 1790 году[425]. В другом случае Синод, опираясь на церковные каноны, пытался добиться от Екатерины II положительной резолюции на его решение о принуждении жены полковника Карамышева к сожительству с супругом. Дело это возникло ещё в эпоху правления Елизаветы Петровны, которая, не найдя поводов к разводу Карамышевых (истица не смогла доказать сожительство мужа с дворовой девкой), в 1760 году вынесла решение «к житию с мужем не принуждать»[426]. Екатерина II подтвердила решение Елизаветы Петровны, невзирая на противоположную позицию Синода.

Достаточно активное участие государственных органов в XVIII веке в бракоразводных делах контрастируют с пассивным поведением Синода в данном отношении. Несмотря на то, что из епархий приходило немало жалоб на поведение гражданских властей, Синод редко заявлял свой протест по этому вопросу. Достаточно сказать, что за весь XVIII век лишь один раз, в указе Сената от 15 мая 1767 года, прозвучало запреще-

---

[422] ПСПиР. Т. IX (1735 – 1737 гг.). СПб., 1905. № 2930. С. 166 – 170.
[423] РГИА. Ф. 1151. Оп. 1 (1817). Д. 91. Л. 2 об.
[424] *Щербатов М.М.* О повреждении нравов в России / Избранные труды. М., 2010. С. 463.
[425] См.: *Карабанов П.Ф.* Русский двор в XVIII столетии. Биографические заметки // Русская старина. 1871. Октябрь. С. 379.
[426] ПСПиР. Т. I (1762 – 1772 гг.). № 162. С. 162.

ние «светским правлениям» рассматривать дела о незаконных браках и неурядицах между мужьями и жёнами[427]. Но и это запрещение вряд ли было инициировано обращением Синода, поскольку весь Сенатский указ 1767 года посвящён проведению следствия и «колодникам», т.е. содержащимся под стражей. Скорее, Сенат предполагал те случаи, когда в ходе следствия по уголовным делам будут выявлены ещё и супружеские несогласия, в которые следователям было рекомендовано не вмешиваться. Что касается отношения церковных властей к этой проблеме, то о нём можно косвенно судить по разработанному тексту наказа депутату Синода в Уложенную комиссию Екатерины II. Наказ предполагал допустить участие светских судов в следствиях по прелюбодеяниям[428]. Таким образом, церковь в XVIII веке была принципиально не против официального участия государственных органов в бракоразводном процессе. Недоразумения между ведомствами начались лишь в XIX веке, и Свод законов гражданских поставил здесь точку, лишив светские органы возможности заниматься в принципе бракоразводными делами.

Однако в большинстве случаев самовольные разлучения не оформлялись ни светскими, ни церковными органами, а носили фактический характер. Ещё при составлении наказов в екатерининскую Уложенную комиссию дворяне коломенского уезда отмечали распространённость случаев, когда супруги до смерти живут порознь[429]. В 1902 году Н.А. Заозерский констатировал огромное количество таких разводов, одной из причин этого явления учёный считал организацию консисторского судопроизводства, отпугивающую порядочных людей от официальных процедур. Невозможность совместной жизни не была законным поводом к расторжению брака, поэтому тем супругам, кто рисковал идти законным путём, часто приходилось договариваться, кто из них возьмёт вину прелюбодеяния на себя. Однако вплоть до 1904 года последствием признания одного из них виновным в супружеской измене было пожизненное безбрачие[430]. Некоторые статистические данные за XIX – начало XX века показывают[431], насколько незначительным было количество официальных разводов в России, и как оно выросло лишь при одной отмене неблагоприятных последствий для признанных виновными в прелюбодеянии в 1904 году.

---

[427] 1-е ПСЗРИ. Т. XVIII. № 12894 п. 9.
[428] *Прилежаев Е.М.* Наказ и пункты депутату от Святейшего Синода в Екатерининскую концессию о сочинении проекта нового уложения // Христианское чтение. 1876. № 9 – 10. С. 263 – 265.
[429] СРИО. Т. 4. СПб., 1869. С. 338.
[430] 3-е ПСЗРИ. Т. XXIV. Отд. I. № 24642.
[431] Прибавления к церковным ведомостям. 1915 г. № 48. С. 2410

Годы	Количество разводов по причине прелюбодеяния
1840	3
1850	2
1860	7
1870	47
1880	121
1890	190
1900	474
1910	2593

Для сравнения: после упразднения советским правительством самого понятия «законные поводы» к разводу и упрощения бракоразводного процесса в декабре 1917 года, только в одной Москве за один месяц (июль 1918 года) было подано 4913 заявлений о расторжении брака[432]. Таким образом, незначительное количество официальных разводов в Российской империи (даже после закона 1904 года) показывало скорее не успехи учения о том, что брак есть «со-бытиé всей жизни», а нежелание православных россиян связываться с церковной организацией в решении своих семейных проблем.

К этим цифрам также можно прибавить некоторую статистику по подаваемым на Высочайшее имя прошениям супругов о разрешении на раздельное проживание: с 1889 по 1896 годы их количество составило 18 912, из которых более 60% подавалось от жителей обеих столиц. В последнее десятилетие XIX века около 800 таких прошений в год удовлетворялось. Виды на отдельное жительство предоставлялись как срочные (до 3 лет), так и до наступления определённого обстоятельства (до исправления мужа, до приобретения им оседлости)[433]. Сравнивая статистику официальных разводов и удовлетворённых прошений о раздельном проживании, можно заключить о большей, по сравнению с церковью, гибкости светской власти и более чутком понимании, как тогда говорили, «требований действительной жизни».

---

[432] *Семидёркин Н.А.* Создание первого брачно-семейного кодекса. М., 1989. С. 50.

[433] Гражданское уложение. Книга вторая. Семейственное право. Проект Высочайше учреждённой Редакционной Комиссии по составлению Гражданского Уложения. Том первый. Ст. 1 – 349. С объяснениями. СПб., 1902. С. 227 – 230.

б) Разводы по законным основаниям.

Так называемые «законные поводы» к расторжению брака, перечень которых в Кормчей Книге достаточно велик, отечественным церковным правом были заимствованы чрезвычайно выборочно. Судя по церковному уставу Ярослава и поучениям отечественных иерархов периода феодальной раздробленности, духовенство беспокоилось о неправильных разводах в принципе, и указания на отдельные поводы являются скорее иллюстрацией, чем претензией на исчерпывающий список. Так, в церковном уставе Ярослава фигурирует запрет развода из-за тяжёлой болезни (ст. 10 – 11)[434]. В ответах новгородского митрополита Нифонта на «вопрошание Кириково» (XII век) в качестве примера дозволенного расторжения брака указана растрата мужем имущества жены[435]. По замечанию А.С.Павлова, некоторые «законные поводы», встречающиеся в отечественных памятниках права и описанные в исторической литературе о России, совершенно не соответствовали Кормчей[436]. Возможно, особенности восприятия Кормчей Книги в Новгороде Великом и местные обычаи оказали влияние на соответствующие статьи такого памятника права, как «Правосудие митрополичье» (конец XV – начало XVI веков)[437]. Этот документ называет семь законных поводов для развода, среди которых прелюбодеяние жены, её замысел убить мужа, отсутствие её дома в ночное время, посещение без мужа пиров и игрищ, подговор жены к ограблению мужа, недонесение женой о заговоре на жизнь мужа[438]. «Правосудие митрополичье» дошло до нас в единственном экземпляре и его влияние на бракоразводную практику не установлено.

Церковное руководство на протяжении многих веков практически не было озабочено систематизацией церковных норм о законных поводах к разводу и форме бракоразводного процесса. Вплоть до издания Устава духовных консисторий 1841 года никакого общего руководства, которое позволило бы духовенству на местах составить верное мнение по этому вопросу, от высшей церковной инстанции не поступало. Материалы Синода за 1744 год показывают, что церковное руководство к этому моменту было не осведомлено, состоялись ли в прежнее время вообще какие-либо узаконения по церковному ведомству на предмет поводов к разводу и «в какой силе» эти узаконения состояли

---

[434] Древнерусские княжеские уставы XI –XV вв. С. 112.
[435] Русская Историческая Библиотека. Т.6. Стлб. 48.
[436] *Павлов А.С.* Курс церковного права. С. 271 – 272.
[437] Авторы комментариев к тексту «Правосудия митрополичья» полагают, что этот документ отражал новгородские правовые реалии конца XV – начала XVI вв. (Памятники русского права. Памятники права периода образования русского централизованного государства. Вып. 3. М., 1955. с. 438 – 439).
[438] Там же. С. 426.

в XVIII веке[439]. Единственным нормативным актом, подготовленным до середины XIX века на эту тему при участии Синода, можно считать доклад, на который 12 апреля 1722 года Петром I была наложена положительная резолюция[440]. В пунктах доклада разграничивались полномочия светского и духовного суда. Среди названных в этом документе «вин разводов брачных» указаны: 1) прелюбодеяние, 2) «рассуждения о побегах…и о самовольных друг от друга отлучках», 3) вступление в новый брак при наличии нерасторгнутого прежнего. По сути, Синод указал лишь одну причину к разводу – прелюбодеяние. Когда в 1744 году Синодом были предприняты поиски распоряжений патриархов прежних веков на сей счёт, обнаружились лишь сведения об указе патриарха Адриана от 22 февраля 1696 года, которым было запрещено принимать любые челобитья о разводе по иным причинам, кроме как по прелюбодеянию и «на живот совещанию»[441].

Здесь заслуживает упоминания частная попытка систематического изложения «законных» оснований к разводу, предпринятая в первой трети XIX века секретарём Синода Яковом Гиновским. Занимаясь с 1795 года в силу своих обязанностей собиранием узаконений по церковной части, Я.Гиновский предложил в 1811 году их издание, и в 1827 – 1828 годах вышли первые три части составленного им «Оглавления законам грекороссийской церкви». Однако, как отмечал дореволюционный исследователь С.Г. Рункевич, низкое качество обработки Я.Гиновским правового материала вызвало отрицательный отзыв о напечатанном издании со стороны митрополита Московского Филарета (Дроздова), и дальнейшая печать была приостановлена[442]. Перечень оснований к разводу, почерпнутых Я.Гиновским из Кормчей и из российского законодательства, шире, чем будет впоследствии изложено в Уставе духовных консисторий 1841 года. Среди них: покушение одного из супругов на жизнь другого, заболевание мужа проказой, мытьё жены в бане с чужим мужем, недоказанное обвинение жены в прелюбодеянии, сводничество мужем своей жены[443]. Однако плодами трудов Я.Гиновского разработчики Устава духовных консисторий явно не воспользовались, несмотря на то, что свой перечень секретарь Синода основательно снабдил ссылками, прежде всего, на Кормчую книгу.

---

[439] РГИА. Ф. 796. Оп. 25. Д. 567. Л. 28 об.
[440] 1-е ПСЗРИ. Т. VI. № 3963.
[441] Т.е. заговор с целью покушения на жизнь (см.: РГИА. Ф. 796. Оп. 25. Д. 567. Л. 28 об).
[442] *Рункевич С.Г.* О кодификации церковных законов / Церковь и время. 2005. № 2(13). С. 226.
[443] Оглавление законам грекороссийской церкви, составленное Святейшего Синода секретарём, коллежским асессором Яковом Гиновским. Часть первая. СПб., 1827. С. 83 – 84.

Основания расторжения брака. Как подходил Синод и органы епархиального управления в течение нескольких веков к решению практических вопросов в отсутствие чётких указаний законодательства и церковных постановлений? Содержащиеся в документах духовного ведомства материалы показывают отсутствие единообразного понимания церковной юстицией данного вопроса. Так, в бракоразводных делах неоднократно фигурирует *тяжкая болезнь одного из супругов.* При этом она не всегда рассматривалась церковными властями как законный повод для расторжения брака. Так, Белгородский епископ Епифаний в 1726 году отказал в разводе супругам Бекетовым по причине болезни жены. На слёзную челобитную больной женщины («нога правая отгнила и по всему телу великая болезнь, что невозможно с места сойти») преосвященный ответил: «Что Божиим посещением болит, то благодарно терпеть, а мужу на иной жене жениться невозможно, покамест жива будет болящая жена»[444]. Решения Синода в подобных случаях не отличались единообразием. В 1722 году он занимал осторожную позицию, обязывая в каждом случае развода по причине болезни проводить медицинское исследование и докладывать о его результатах[445]. В 1729 году Синод разрешил развод князю и княгине Шейдяковым «по самопроизвольному их желанию и ради болезни её, княгигиной»[446]. Но уже в 1764 году в аналогичной ситуации Синод не утвердил мнение Воронежского преосвященного Тихона, разрешившего развод казаку Дмитрию Моисееву по причине тяжкой и неисцелимой болезни жены[447]. В 1774 году прокурор Юстиц-коллегии И.С. Васильчиков объявил в Московской духовной консистории, что его крестьянин Игнатов отказывается жить со своей женой, у которой «два естества по подобию женского и мужского». Крестьянку освидетельствовали, установили, что она – гермафродит, и на этом основании расторгли брак[448]. Лишь Устав духовных консисторий 1841 года окончательно определил, какая именно болезнь может повлечь за собой развод – неспособность к супружескому сожительству[449].

Желание принять монашеский постриг как причина к разводу всегда было на Руси источником многочисленных трагедий. В основном, мужья заставляли жен принять постриг, причём насилие над супругами выяснялось далеко не сразу. Хороший пример

---

[444] См. об этом: *Лебедев А.С.* Указ. соч. С. 4.
[445] ОДДС. Т. II. Ч. II (1722 г.). СПб., 1878. Дело № 940. Стлб. 187.
[446] ПСПиР. Т. VI (с 8 мая 1727 по 16 января 1730). № 2226. С. 338.
[447] ПСПиР. Т. I (1762 – 1772 гг.). № 190. С. 235.
[448] *Розанов Н.П.* История московского епархиального управления со времени учреждения Св.Синода (1721 – 1821). Часть вторая. Книга I. М. 1869. Примечания. С. 149.
[449] 2-е ПСЗРИ. Т. XVI. Отд. I. № 14409 ст. 241.

здесь дело секретаря белгородской канцелярии Максима Пархомова, который в 1722 году организовал насильственный постриг своей супруги в Рыльский девичий монастырь. Через четыре года «свободный» М.Пархомов вступил в новый брак, с дочерью севского воеводы Д. Колтовской, с которой до этого находился в прелюбодейной связи[450]. Почти 20 лет Синод не мог разыскать виновную пару, хотя супруги, почти не таясь, пребывали в своих имениях и прижили двух детей. С 1729 года Пархомов и Колтовская были преданы анафеме, однако по-прежнему не желали являться в Синод для разлучения и наказания. Лишь в 1741 году Пархомова удалось взять под арест, а за ним была взята под стражу и его жена. Святейший Синод вполне отыгрался за свои 20-летние поиски: после разлучения Д. Колтовскую поместили в Суздальский монастырь, а М. Пархомова – в Соловецкий на неисходное жительство. Покинуть Соловки Пархомов мог лишь с принятием монашеского пострига в другом монастыре.

Злоупотребления при пострижении жён в иночество возможно и не были бы столь злободневным вопросом в XVIII веке, если бы государственная власть всерьёз не взялась за ограничение количества монахов и монахинь. И Петр I, и его преемники относились (во многом справедливо) к монахам, как к социальным паразитам, совершенно бесполезным для государства, но при этом владеющим огромными земельными угодьями и имеющим значительные доходы. С 30-х годов XVIII века настоятели монастырей должны были отчитываться о каждом постриге, обнаружение хотя бы одного незаконного пострижения могло стоить им места[451]. Если же вскрывались случаи насильственного пострижения для развода, у Синода не было оснований проявлять снисхождение к виновным лицам.

Но даже и добровольный постриг в целях развода должен был быть санкционирован Синодом. При этом требовалось выяснить все биографические данные супруги, желающей пострижения, причины болезни (если таковая имелась), не побои ли мужа или другие непорядочные его поступки вызвали такое желание[452]. Попытка избегнуть подобного следствия могла обойтись очень дорого. В 1730 году замужняя крестьянка Агриппина Иванова, назвавшись вдовой, постриглась в монастырь, причём муж присутствовал при пострижении как «брат». Синод за такое «неуказное пострижение» наказал мужа-сообщника пожизненным безбрачием, а его бывшую жену-монахиню распорядил-

[450] РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 6. Л. 73 об.
[451] ПСПиР. Т. VIII (1733 – 1734 гг.). СПб., 1898. № 2802. С. 222 – 223.
[452] ПСПиР. Т. VII (с 19-го января 1730 по 23-е декабря 1732). № 2432. С. 252.

ся отослать в Троице-Сергиев монастырь, где пожизненно держать «в тягчайших монастырских трудах»[453].

Впрочем, несмотря на суровые кары, которыми грозило законодательство, количество незаконных постригов, в том числе насильственных пострижений жен, всё-таки оставалось значительным[454]. Вызванные этим обстоятельством «чистки» так проредили монастырское руководство, что уже с 1735 года Синод был озабочен подбором кандидатов на вакантные должности настоятелей[455].

Ещё одно основание для развода - *длительное или безвестное отсутствие одного из супругов*, трактовалось духовными инстанциями по-разному. Например, в 1728 году Синод отказал жителю московской Конюшенной слободы Семёну Лаптеву в просьбе о расторжении брака по причине бегства жены, причём мужу было велено искать пропавшую супругу[456]. Но в следующем, 1729 году, Синод в подобной ситуации разрешил плотнику И. Евлампиеву вступить во второй брак[457]. В 1737 году украинская крестьянка К. Односова решилась просить о разводе, так как её супруг уже как 14 лет находился в Пруссии на военной службе. Черниговский епископ Илларион, которому не в первый раз приходилось сталкиваться с подобными случаями, счёл необходимым обратиться в Синод за разъяснением. Ответ Синода гласил: если, несмотря на длительную отлучку, мужья окажутся живы, развода давать нельзя[458]. А в 1745 году Синод разлучил крестьянку Прасковью Яковлеву со вторым мужем, поскольку она не доказала, что не имела достоверных известий о смерти первого, причём отсутствие первого мужа длилось более шести лет[459]. Епархиальные власти не всегда были строги в подобных случаях. Так, в 1728 году Санкт-Петербургский преосвященный Питирим позволил жить дворовой женщине со вторым мужем, пока не отыщется первый, беглый[460].

Список случаев, когда Синод выходил за рамки обозначенных в докладе 1722 года пунктов о законных поводах к разводу, можно продолжить. Так, по делу генерал-прокурора Сената П.И. Ягужинского (1683 – 1736) основание для вынесения решения о разводе можно считать настолько натянутым, насколько и уникальным для российской

---

[453] ПСПиР. Т. VI (с 8 мая 1727 по 16 января 1730). № 2243. С. 370.
[454] См.: *Емченко Е.Б.* Женские монастыри в России / Монашество и монастыри в России. XI – XX века. Исторические очерки. М., 2002. С. 262.
[455] ПСПиР. Т. IX (1735 – 1737). № 2908. С. 131 – 132.
[456] ОДДС. Т. VIII (1728 г.). СПб., 1891. Дело № 598. Стлб. 566.
[457] ОДДС. Т. IX (1729 г.). Дело № 40. Стлб. 54.
[458] ОДДС. Т. XVI (1736 г.). СПб., 1906. Дело № 357. Стлб. 443.
[459] ПСПиР. Т. II (1744 – 1745 гг.). № 879. С. 375 – 376.
[460] ОДДС. Т. VIII (1728 г). СПб., 1891. Дело № 394. Стлб. 387.

бракоразводной практики: жена была уличена лишь в том, что *не ночевала дома*[461]. Прочие «непотребства» и «продерзости» супруги генерал-прокурора – разбитые стёкла, испорченная одежда, искусанные дворовые люди – ни одним из тогдашних специалистов в области канонического права не могли быть, конечно, использованы для обоснования развода. Придворный гайдук Дмитрий Казанцев был разведен с женой указом Синода по взаимному *нежеланию продолжать совместную жизнь* (правда, оба супруга обрекались на пожизненное безбрачие)[462]. Брак истопника А. Милютина был расторгнут в 1732 году *из-за взаимной вражды с женой*, причём оба также обрекались на пожизненное безбрачие[463]. В 1744 году Синод оставил на усмотрение мужа решение, продолжать ли сожительство с женой, покушавшейся его отравить[464].

Специалист по церковному праву А.С. Павлов писал, что в до-петровское время браки расторгались достаточно свободно и лишь с XVIII века правительство, «следуя господствовавшим тогда правилам политики народонаселения», сокращало список поводов к разводу[465]. Представляется возможным согласиться с первым тезисом известного дореволюционного учёного и не согласиться со вторым по одной и той же причине: и до, и после Петра I список законных поводов к разводу ни духовным, ни светским правительством выработан не был. Это доказывается приведённым разнообразием в решениях епархиальных органах и Синода.

в) Порядок производства бракоразводных дел

Вплоть до 1810 года единообразный порядок производства по бракоразводным делам отсутствовал[466]. Очевидно, внимание Синода к этому вопросу было привлечено после того, как он обязал епархиальное начальство предоставлять сведения по делам о расторжении брака[467]. В свою очередь, подобное распоряжение стало следствием проявленного Синодом интереса к разводам вообще[468]. Причину же интереса Синода к бракоразводному процессу надо, как представляется, искать в деятельности обер-прокурора Синода А.Н. Голицына[469]. В истории семейного права уже встречался один активный

---

[461] ОДДС. Т. II. Часть II (1722 г.). Дело № 997. Стлб. 253 – 254.
[462] ПСПиР. Т. X (1738 – 24 ноября 1741 гг.). № 3556. С. 378.
[463] ПСПиР. Т. VII (с 19 января 1730 по 23 декабря 1732). № 2606. С. 541 – 550.
[464] ПСПиР. Т. II (1744 – 1745 гг.). № 544. С. 19 – 20.
[465] *Павлов А.С.* Курс церковного права. С. 272.
[466] 1-е ПСЗРИ. Т. XXXI. № 24360.
[467] 1-е ПСЗРИ. Т. XXIX. № 22038.
[468] 1-е ПСЗРИ. Т. XXVIII. № 21585.
[469] Князь Александр Николаевич Голицын занимал эту должность с 1803 года.

обер-прокурор, Яков Петрович Шаховской, который в царствование Елизаветы Петровны немало досаждал Синоду, докладывая императрице о непорядках в духовном ведомстве. Неоднократными высочайшими замечаниями и выговорами Синод во многом обязан именно своему обер-прокурору. Похожую роль сыграл в семейном праве и А.Н. Голицын. О наиболее важных его инициативах в этой сфере будет сказано дальше в связи с разводами по причине прелюбодеяния.

Положения указа 1810 года, подробно регламентировавшие процедуру производства по такого рода делам, позже нашли отражение в Уставе духовных консисторий 1841 года (ст. 233 – 237), а затем в обновлённой редакции Устава 1883 года (ст. 230 – 236)[470].

Супружеская измена была, наверно, единственным бесспорным основанием для развода, и в докладных пунктах Синода 1722 года она значится первым и, по сути, единственным. Между тем процессуальная сторона дела длительное время оставалась совершенно неразработанной в законодательстве.

Наверное, впервые эта проблема была поставлена Синодом в 1744 году[471]. 12 октября в его журнале была отмечена запись о необходимости собрать выписки нормативного материала и мнения синодальных членов «о разводе за прелюбодейство»[472]. «Улов» Синода оказался скуден: удалось получить несколько мнений о разводе от таких деятелей церкви, как Феофан Прокопович, тогдашний московский архиепископ Иосиф (Волчанский) и Афанасия Кондоиди[473]. Об организации процессуальной стороны дела единственный ответ пришёл из Московской духовной консистории. Синод хотел выяснить: как регулировалось производство разводов по прелюбодеянию «при патриархах», затем от учреждения должности местоблюстителя Патриаршего престола до образования Синода, и от учреждения Синода по время запроса. Из Москвы пришёл ответ, что как было при «патриархах», неизвестно. При Стефане (Яворском) и вплоть до указа Петра «О форме суда» (1723 год) дела рассматривались «не судом», а «допросами само-

---

[470] 3-е ПСЗРИ. Т. III. № 1495.

[471] Более ранний боярский аналогичный запрос поступил патриарху Адриану в 22 февраля 1700 года в ходе составления нового Уложения. Запрос послужил поводом для составления рукописи «О Святительских судах», где на основании различных актуальных на то время источников были систематизированы нормы о церковной суде со времён церковного устава князя Владимира. Из текста рукописи видно, что брачные дела подведомственны церковному суду, но о процессуальных обрядах сведения отсутствуют. См.: *Калачов Н.* О значении Кормчей в системе древнего русского права. Приложение. М., 1850. С. 2, 11 – 80.

[472] РГИА. Ф. 796. Оп. 25. Д. 567. Л. 2а.

[473] Афанасий Кондоиди умер в 1737 году, с 1735 года он руководил Суздальской епархией. В архиве Синода отыскалось его рассуждение о разводах того периода, когда он исполнял там должность асессора (т.е. около 1721 года).

лично»[474]. Наконец, после указа «О форме суда» Московская духовная консистория руководствовалась именно им в бракоразводных делах за одним исключением – не допускала в процесс адвокатов.

Выбор формы процесса – судом («по форме») или следствием (допросом сторон судьями) – был окончательно решён только век спустя, с изданием Устава духовных консисторий 1841 года. Материалы дел Синода показывают колебания в вопросе возможности выбора из двух вариантов. Так, в 1770 году жена подканцеляриста Правительствующего Сената Саввы Протопопова Ксения подала в Санкт-Петербургскую Духовную консисторию заявление с обвинением мужа в прелюбодеянии. Констистория намеревалась действовать в соответствии с Указом 1723 года «О форме суда» [475] (т.е. произвести *суд по форме*), но Синод предписал это дело «яко духовное», проводить *следствием*[476]. В 1769 году Елена Алфимова била челом на своего мужа и просила о разводе с ним. Санкт-Петербургская консистория обязала духовника Алфимовой сделать ей увещания о примирении, но успеха увещания не имели. Поэтому консистория постановила произвести *суд по форме*[477].

Устав духовных консисторий окончательно установил единый процессуальный обряд. Этот документ, систематизировавший опыт церковных судов XVIII – XIX веков[478], называет разбирательство по бракоразводным делам *формальным* (ст. 243), и оно действительно являлось таковым. Например, согласно ст. 249 Устава показания истца и ответчика записываются в прошнурованную тетрадь и подписываются обеими сторонами. Против каждого пункта обвинения ответчик предоставляет свои оправдания, а истец – доказательства (ст. 250 Устава). «По приведении всех обстоятельств дела в ясность» из него (дела) составляется записка, в которой в краткой форме отражены все собранные материалы (ст. 255 Устава). Эта записка и являлась тем документом, который рассматривается в Духовной консистории без участия сторон (ст. 255 Устава). Если консистория постановила расторгнуть брак, то это постановление вместе с делом и экстрактом из него отправлялось на пересмотр в Синод (ст. 259 Устава). Приведённые нормы содержат хорошо знакомые характерные черты, свойственные процессу XVIII столетия. Имеются

---

[474] РГИА. Ф. 796. Оп. 25. Д. 567. Л. 28.
[475] Законодательство Петра I. М. 1997. С. 841 – 845.
[476] ОДДС. Т. L (1770 г.). Пг., 1914. Дело № 253. Стлб. 320. Дальнейшего хода дело, к сожалению, не имела и выбор формы процесса в данном случае не состоялся.
[477] Там же. № 476. Стлб. 612.
[478] Именно об этом в 1838 г. говорил обер-прокурор Синода граф Н.А.Протасов, представляя проект Устава на высочайшее утверждение. См.: *Барсов Т.В.* О собрании духовных законов. СПб., 1898. С. 56.

даже текстуальные совпадения с пунктами Указа «О форме суда» 1723 года (ср., например, пп. 3 – 4 Указа 1723 года и ст. 259 Устава, также п. 8 Указа 1723 года и ст. 255 Устава).

Одна из черт бракоразводного процесса по причине прелюбодеяния – наличие ревизионной инстанции, Синода – постепенно формировалась в течение XVIII – начала XIX века. Так, 4 сентября 1722 года первой инстанцией по бракоразводным делам были определены Духовные правления[479]. На практике так могли называться и непосредственно Духовные консистории, и помощники архиереев в отдельных частях епархии. Однако, безусловно, они подготавливали дело к рассмотрению. Епархиальный архиерей рассматривал дело и сообщал об этом в Синод, который, согласно докладным пунктам 1722 года[480] и подтверждениям в отдельных частных постановлениях[481], уже и выносил окончательное решение.

Серьёзное внимание на процедуру рассмотрения бракоразводных дел Синод обратил внимание в начале XIX века. В 1803 году на должность обер-прокурора Синода был назначен князь Александр Николаевич Голицын. Товарищ великого князя Александра Павловича ещё по детским играм, А.Н. Голицын не был забыт по восшествии великого князя на трон, и назначением в Синод (и одновременно императорским статс-секретарем) обязан именно ему. Голицын был не только любимцем Александра I. Своим личным другом его считал и Николай I, а впоследствии князь Голицын участвовал в воспитании будущего императора Александра II[482]. Серьёзные инициативы, а главное – произведённые изменения в семейном законодательстве в период нахождения А.Н.Голицына в должности обер-прокурора Синода, позволяют считать его одной из ключевых фигур в развитии семейного законодательства в первой половине XIX века. Возможно, пристальное внимание обер-прокурора к этой сфере началось с жалобы майора Чорбы на решение Синода о признании его второго брака недействительным. В 1805 году императорским указом решение Синода было оставлено без изменения, однако анализ аналогичных дел показал, что епархиальный суд далеко не во всех случаях принимает решение объективно, почему и было велено все бракоразводные дела после

---

[479] 1-е ПСЗРИ. Т. VI. № 4801.
[480] Там же. № 3963.
[481] ПСПиР. Т. IX (1735 – 1737 гг.). № 2941. С. 195.
[482] См. об этом: *Кондаков Ю.Е.* Государство и православная церковь в России: эволюция отношений в первой половине XIX века. СПб., 2003. С. 144 – 148.

рассмотрения в епархиях представлять на утверждение Синода[483]. В 1806 году указ был дополнен требованием присылать при резолюциях консисторий экстракт по каждому бракоразводному делу[484]. В обоих указах шла речь не о разводах по причине прелюбодеяния, но т.к. вплоть до издания Устава духовных консисторий 1841 года термином «развод» обозначалось любое судебное разлучение супругов, то автоматически требование присылки экстрактов стало касаться всех бракоразводных дел.

Изучение этих экстрактов определённо дало обер-прокурору пищу для размышлений, и 17 апреля 1811 года А.Н. Голицын составил докладную записку императору. В документе предлагалось уделять больше внимания доказательной базе при рассмотрении дел о разводах по вине прелюбодеяния. Занимаясь с 1803 года по роду службы рассмотрением подобных дел, Голицын пришел к выводу, что во множестве случаев прелюбодеи, желая быть оправданными в суде и вступить в новые браки, подговаривают невиновных супругов взять вину измены на себя[485]. Те (по корысти или иным причинам) соглашаются, и у духовного суда нет повода отказать супругам в разводе, поскольку согласно Краткому изображению процессов 1715 года «собственное признание есть лутчее свидетелство всего света»[486]. Тем самым, по мнению Голицына, Церковь прикрывает подлог, т.к. по-настоящему виновное лицо в итоге может вступить в новый брак, а невиновное в реальности лицо по решению суда до конца жизни останется безбрачным. Голицын был, может быть, первым государственным деятелем высшего ранга, который обратил в связи с разводами внимание на следующую за приведенной формулировку Краткого изображения процессов, которая требовала от признания, чтобы оно «в действе всеконечно было» и «притом доказать такие обстоятелства, которые б могли быть достоверны, и о правде б не сумневатца»[487]. Исходя из этого, Голицын предлагал принимать решения о разводе не только на основании признания одного из супругов в измене, но и учитывать другие доказательства[488]. Получив одобрение Александра I, 24 апреля 1811 года Голицын обратился с соответствующим предложением к Синоду, и тот 17 мая того же года принял определение с требованием к консисториям, чтобы они при рассмотрении дел о разводе по прелюбодеянию основывали свои решения «не на про-

[483] 1-е ПСЗРИ. Т. XXVIII. № 21585.
[484] 1-е ПСЗРИ. Т. XXIX. № 22038.
[485] РГИА. Ф. 797. Оп. 2. Д. 4684. Л. 1 об.
[486] Законодательство Петра I. С. 831.
[487] Там же.
[488] РГИА. Ф. 797. Оп. 2. Д. 4684. Л. 2 об.

стом токмо признании показующаго себя виновным; но брали бы к соображению и прочие обстоятельства, ведущие к раскрытию истины»[489].

Эта инициатива, закреплённая именным указом[490], окончательно придала бракоразводному разбирательству по вине прелюбодеяния ещё одну черту отечественного процесса *по форме* – формальную оценку доказательств. Устав духовных консисторий 1841 года, аккумулировавший церковные нормы XVIII – XIX века, встал точно на ту же позицию, поделив, доказательства на *главные* и *прочие* (ст. 252). Среди главных, т.е. тех, кому законом придавалась особая сила, были показания двух или трёх очевидных свидетелей. Такой подход был полностью аналогичен тому, который осуществлялся в российском гражданском судопроизводстве до реформы 1864 года. Так, ст. 2402 Свода законов гражданских (изд. 1842 года) считала свидетельство двух достоверных свидетелей совершенным доказательством. В свою очередь, не только гражданское, но и уголовное судопроизводство базировалось на документах петровского времени, в которых также проводится этот взгляд. Влияние указа 1811 года, который был следствием инициативы А.Н.Голицына, отразилось в особой статье Устава духовных консисторий, где даже собственное признание одного из супругов в «нарушении святости брака» требовалось подкреплять доказательствами (ст. 253).

В итоговой оценке консисторского судопроизводства по бракоразводным делам, закреплённым в законодательстве первой половины XIX века, следует согласиться с известным специалистом в области канонического права профессором Н.А. Заозерским, который писал в 1902 году: «Вся постановка этих дел здесь – совершенно гражданская, но только дореформенная»[491]. Обобщая уже сказанное об этом процессе, можно выделить такие его характерные черты, как письменность, поскольку и Духовные консистории, и Синод выносили решение, имея перед собой лишь составленную записку, обобщающую предварительно собранные материалы. Соответственно, нельзя говорить и о принципе непосредственности, т.к., духовные судьи в принципе не заслушивали показания сторон и свидетелей, которые лишь удостоверяли своей подписью верность фиксации сообщённых ими сведений (ст. 249, 255 Устава). При таком способе ведения дела не было места и гласности процесса.

---

[489] Там же. Л. 7.
[490] 1-е ПСЗРИ. Т. XXXI. № 24693.
[491] *Заозерский Н.А.* На чём основывается церковная юрисдикция в брачных делах // Богословский вестник. 1902. Т. 1. № 4. С. 674.

Несмотря на то, что с 1864 года в стране проходила судебная реформа, закрепившая новые принципы судопроизводства, бракоразводный процесс сохранил все свои дореформенные черты вплоть до 1917 года. Устав духовных консисторий в редакции 1883 года полностью повторил все нормы сорокалетней давности. Учитывая, что свои основные характеристики этот процесс приобрёл после издания указа 1811 года, можно говорить о более, чем вековом действии рассмотренных норм.

Наверное, трудно отыскать другую сферу в России, где бы церковную политику современники оценивали так единодушно и негативно. Русская литература отразила её в статьях В.В. Розанова[492], очерке Н.С. Лескова[493], пьесе Л.Н. Толстого «Живой труп» и его романе «Анна Каренина». Желание супругов развестись наталкивалось не только не необходимость брать вину на себя одному из них[494], но и находить «очевидных свидетелей» факта этой измены. Даже теоретически непросто представить себе ситуацию обнаружение факта прелюбодеяния *одновременно* 2-3 посторонними лицами. Очень метко по этому поводу высказался Н.А. Заозерский: консисторский процесс XIX века, по его словам, доступен лишь тем, кто может оплатить услуги «дельцов по бракоразводным делам», предлагающих архиереям «порнографические повести наёмников – свидетелей-очевидцев»[495]. С.П. Григоровский, многие годы служивший в бракоразводном отделении канцелярии Синода, отмечал в одной из своих работ: «Уголовная летопись последних лет насчитывает не один десяток лиц, приговорённых к лишению прав состояния и к ссылке в Сибирь по обвинению в лжесвидетельстве по таким делам»[496].

Однако существовало несколько принципиальных отличий бракоразводного процесса от гражданского. Первое – ограниченный допуск представителей сторон. В 1744 году Синод, отыскивая сведения о порядке производства бракоразводных дел, получил из Московской духовной консистории сведения о двух собственных указах 1729 и 1742 годов. Затем ещё тридцать лет предпринимались розыски этих указов, и лишь в 1779 году Синоду удалось обнаружить упомянутые документы. Первый из них датировался, правда, не 1729, а 1728 годом, и был принят по иску Евдокии Хвощинской к своему мужу, капитану Фёдору Хвощинскому. Обе стороны представили (с согласия духовного

---

[492] *Розанов В.В.* Семейный вопрос в России. Т. 1. СПб., 1903. С. 208 – 215. Т. 2. СПб., 1903. С. 331 – 361 и др.
[493] *Лесков Н.С.* Чёртова помощь / Литературное наследство. Т. 101. Кн. 2. М., 2000. С. 78 – 85.
[494] Вплоть до высочайшего повеления 28 мая 1904 года лицо, признанное виновным в нарушении святости брака прелюбодеянием, обрекалось на пожизненное безбрачие (см.: 3-е ПСЗРИ. Т. XXIV. Отд. I. № 24642).
[495] *Заозерский Н.А.* Указ.соч. С. 686.
[496] *Григоровский С.* О разводе. Причины и последствия развода и бракоразводное судопроизводство. СПб., 1911. С. 46

ведомства) вместо себя адвокатов, но истица впоследствии заподозрила своего в сговоре с мужем, и просила Синод вызвать для разбирательства только её и супруга[497]. Таким образом, церковный суд не был против представительства и лишь пошёл навстречу требованию истицы о личной явке. В указе 1742 года, принятом по делу Акулины Бабичевой против своего мужа, отставного капрала лейб-гвардии Преображенского полка князя Григория, Синод уже по собственной инициативе указал, что «дело ею ж самою начатое и требующее к разводу таинственного супружеского союза в каковом случае должно ей всемерно доказывать в суде мужа своего самой, а не чрез поверенных сторонних людей, каковые употребляются в исковой о имениях тяжущихся делах»[498]. Н.П. Розанов в своём исследовании «История Московского епархиального управления» упоминает о запретительных указах Синода от 6 ноября 1729 года и 1742 года[499]. Очевидно, это и есть те самые указы.

В 1742 году в Казанской Духовной консистории были рассмотрены дела Ксении и Дмитрия Кашкадамовых. Предвидя волокитный процесс и, вероятно, желая как можно меньше встречаться с мужем, Ксения выдала доверенность на ведение дела одному из служилых людей отчима. Казанский архиепископ не возражал против представительства, но Синод занял иную позицию. Уже после переноса дела в Нижегородскую консисторию от него поступило разъяснение, что поверенные могут быть использованы лишь в имущественных тяжбах, «а не в таковых делах, каковые касаются по тайне супружества, в каковом случае должно оному Кашкадамову всемерно доказывать в суде жену свою самому, тако ж и ей, Ксении, и оправдание, ежель какое имеет, чинить самой же, а не через поверенных»[500]. Видно, что иногда местные церковные органы ещё допускали представительство, правда, есть сведения о том, что, например, Московский митрополит (с 1775 по 1811 гг.) Платон (Левшин) категорически не допускал участия поверенных в бракоразводных делах[501]. У Синода на этот счёт была уже чётко сформированная отрицательная позиция. Даже формулировки в его решениях по делам Бибичевых и Кашкадамовых были практически идентичны.

---

[497] РГИА. Ф. 796. Оп. 25. Д.567. Л. 52а – 52а об.
[498] Там же. Л. 53.
[499] *Розанов Н.П.* История московского епархиального управления со времени учреждения Св.Синода (1721 – 1821). Часть вторая. Книга I. Примечания. С. 124.
[500] ПСПиР. Т. I (25 ноября 1741 – 1743). № 127. С. 152.
[501] Алексий (Лавров-Платонов А.Ф.; архиеп. Литовский и виленский). Предполагаемая реформа церковного суда. СПб., 1873. С. 95. См. также об этом: *Розанов Н.* История московского епархиального управления со времени учреждения Св.Синода (1721 – 1821). Часть третья. Кн. 1. Примечания. М. 1870. С. 84. Впрочем, митрополит Платон вообще отрицательно относился к разводам (См.: *Снегирев И.М.* Начертание жития Московского митрополита Платона. Ч. 1 и 2. М. 1835. С. 72).

Но всё-таки участие поверенных в бракоразводном процессе иногда отмечалось в практике того времени. Так, в 1740 году Санкт-Петербургская Духовная консистория рассматривала дело супругов Мининых, причём вместо тяжело больной Марии Мининой её интересы представляла сестра Ирина[502]. В деле по иску Натальи Гурьевой к мужу, который был подан в Санкт-Петербургскую духовную консисторию в 1833 году, представители обеих сторон не только были допущены без выяснения причин неявки самих супругов, но истица и ответчик даже ни разу не вызывались для дачи личных объяснений[503].

Почти через век после этого Устав Духовных консисторий 1841 года (п. 244) допустил в виде общего правила участие представителей вместо сторон лишь в случае болезни, отлучки по службе или иных «заслуживающих уважения обстоятельствах» и не иначе, как по определению епархиального начальства[504]. Однако и без наличия уважительных причин разводящиеся супруги далеко не всегда хотели являться в консисторию для личной дачи объяснений по делу, что подтверждается многочисленными просьбами, поступавшими в Святейший Синод, о рассмотрении исков о разводе «без судоговорения»[505]. Только весной 1917 года при деятельном участии представителей Петроградской адвокатуры (Шпицберга и Чернова) редакция соответствующих статей Устава духовных консисторий была изменена, и теперь поверенные могли совершать за своих доверителей все процессуальные действия (за исключением возбуждения дела и явки к увещанию), при этом на участие поверенных в производстве уже не требовалось особое разрешение епархиального начальства (п. 241 новой редакции Устава)[506].

Вторая специфическая черта бракоразводного церковного процесса – принятие со стороны церковных властей мер к примирению сторон. Имеется немало примеров, когда духовенство пыталось воздействовать на супругов с целью «прекращения их несогласия христианским примирением». Так, в 1741 году увещание было применено Казанским епископом Лукой с целью вернуть в лоно семьи сбежавшую Ксению Кашкадамову. По распоряжению епископа к Ксении явились архимандрит Спасского монастыря Иосаф и её духовный отец, протопоп Богородицкого женского монастыря Иван Филиппов. До-

[502] ОДДС. Т. XIX (1739 г.). Дело № 157. Стлб. 264 – 271.
[503] РГИА. Ф. 796. Оп. 115. Д. 53. Л. 20 об. – 21.
[504] 2-е ПСЗРИ. Т. XVI. Отд. I. № 14409.
[505] РГИА. Ф. 796. Оп. 201 (I отд. 4 стол). Д. 1246; Оп. 204 (I отд. 4 стол). Дд. 144, 218, 220, 310. Это лишь некоторые примеры дел, сохранившихся в РГИА, прошения по которым удовлетворены Синодом.
[506] Расторжение браков. Определение Святейшего Синода об изменениях в делопроизводстве духовной консистории 1 мая 1917 г. № 2547. Москва. 1917. С. 4.

стойны цитаты слова этих пастырей, употребленные во увещание беглянки: «Епископом приказано жене идти к мужу, иначе она будет отдана ему в неволю, лишена свиданий с родными и хотя бы от мужа замучена будет, то от Бога примет венец и погребена будет с честью радостно»[507]. Неоднократно по распоряжению Синода подвергался увещанию в 1754 – 1755 годах статский советник Андрей Нартов: его жена была уличена в прелюбодеянии, но Нартов не захотел примириться и добился развода. Даже после вынесения приговора Синод пробовал ещё раз склонить Нартова к прощению жены и примирению. Статский советник остался непреклонен, и его ставшая уже бывшей жена отправилась для отбытия епитимии в монастырь[508]. В 1767 году Синод предписал Киевской Духовной консистории уговорить мещанку Федосью Чешинич продолжить сожительство с мужем под угрозой отправки в монастырь[509]. Также по распоряжению Синода в 1768 году был увещаем новгородский купец Митрофанов с женой: он – что не будет чинить жене впредь побоев и «изнурений», она – что примирится с мужем и будет жить в брачном союзе неразлучно[510]. В 1766 году Синод предписал Воронежскому епископу Тихону учинить отставному поручику Михаилу Апухтину увещание и понуждение продолжить сожительство со своей женой Татьяной[511]. В 1767 году Московская консистория приняла решение об увещании супружеских пар Шаховых и Серебренниковых примириться и продолжать брачное сожительство[512]. Н.П. Розанов, а вслед за ним и А.И. Загоровский считали, что примирение по делам о прелюбодейных разводах было введено в практику именно с 1767 года[513], но приведённые выше сведения говорят и о более раннем использовании такой процедуры.

Таким образом, в XVIII веке процедура увещания не только была известна консисториям, но и предваряла собой формальный процесс. В отдельных случаях увещания по одному делу производились несколько раз, а в примере с супругами Нартовыми – многократно и не только до, но и после вынесения решения. Профессор Н.А. Заозерский, рассматривая нормы Устава духовных консисторий 1841 года, обратил особое внимание на то, что увещание Уставом предусматривалось только один раз – до начала формального процесса, в то время как Кормчая книга Константинопольской церкви

[507] ОДДС. Т. XXI (1741 г.). Дело № 325. Стлб. 256; Дело № 335. Стлб. 267.
[508] ОДДС. Т. XXXIV (1754 г.). Дело № 537. Стлб. 493.
[509] ПСПиР. Т. I (1762 – 1772 гг.). № 499. С. 591.
[510] Там же. № 535. С. 639.
[511] Там же. № 550. С. 655.
[512] *Розанов Н.П.* История московского епархиального управления со времени учреждения Св.Синода (1721 – 1821). Часть вторая. Книга I. Примечания. М. 1869. С. 123.
[513] Там же. С. 300; *Загоровский А.И.* О разводе по русскому праву. Харьков. 1884. С. 375.

(Пидалион)[514] предлагала увещать разводящихся супругов не только до начала судебного разбирательства, но и перед вынесением решения[515]. Пример с супругами Нартовыми показывает, что духовные суды, применяя неоднократные увещания в XVIII – первой половине XIX веков, имели больше возможностей воздействовать на супругов, чем после издания Устава в 1841 году.

С течением времени значение примирительных процедур на практике падает, и в 1908 году циркулярным указом № 16 Синод даже был вынужден напомнить епархиальному начальству, что без преподания пастырского увещания о примирении тяжущимся супругам консистория не может приступить к бракоразводному делу[516]. Однако под воздействием общественности определением Синода от 1 мая 1917 года была принята новая редакция ст. 240 Устава духовных консисторий: «Сторона, просящая духовную консисторию об освобождении её от увещания, освобождается от преподания ей такового». Но даже и без специального прошения уклонение супругов от увещания, согласно новой редакции данного пункта, не приостанавливало судопроизводство и не задерживало разрешения дела по существу.

Устав духовных консисторий 1841 года, обобщая нормы церковного права за последние два века, закрепил лишь одну примирительную процедуру – пастырское увещание, однако не протяжении долгого времени существовала и другая. Так, в XVIII веке известно немало случаев, когда и консистории, и Синод санкционировали раздельное проживание супругов до их примирения. В 1721 году такое разрешение было дано кравчему Василию Салтыкову с женой[517], в 1732 году – супругам Потемкиным[518], в 1738 году – супругам Михалковым[519], в 1740 году – супругам Казанцевым[520], в 1741 году – супругам Мининым[521] и т.д. Практикуемое в XVIII в. разножительство супругов по решениям церковной юстиции отмечается дореволюционными[522] и современными исследователями[523].

Подобную меру применяли не только духовные, но и светские органы. В 60 – 70-е годы XVIII века Екатерине II несколько раз приходилось заниматься делом отставного

---

[514] В редакции, действующей на момент написания Н.А.Заозерским статьи.
[515] *Заозерский Н.А.* Указ.соч. С. 680.
[516] *Григоровский С.П.* Указ. соч. С. 91.
[517] ОДДС. Т. I (1542 – 1721 гг.). Дело № 99. Стлб. 68 – 69.
[518] ОДДС. Т. XI (1731 г.). Дело № 519. Стлб. 756.
[519] ОДДС. Т. XV (1735 г.). СПб., 1907. Дело № 193. Стлб. 241 – 242.
[520] ПСПиР. Т. X. (1738 – 24 ноября 1741 гг.). № 3556. С. 378 – 379.
[521] ОДДС. Т. XIX (1739 г.). Дело № 157. Стлб. 271.
[522] *Розанов Н.П.* История московского епархиального управления. Ч. III. Кн. 1. М., 1870. С. 82.
[523] *Цатурова М.К.* Три века русского развода (XVI – XVIII века). М., 2011. С. 158.

поручика Апухтина, который не желал жить с женой, и вынужден был по решению различных органов (включая Сенат и Синод) выплачивать за это разножительство оставленной супруге определённую сумму[524]. В 1779 году Екатерина II утвердила решение Совестного суда, санкционировавшего раздельное проживание дворянина Н.Демидова с женой[525]. Нижегородский городской голова по поручению губернатора А.М. Львова в 1798 года стал заниматься дрязгами между купцом Ефимом Беловым и его женой Ириной. В поданной губернатору жалобе Ирина обвиняла мужа в том, что он оставил её, живет с другой женщиной, а она, законная супруга, пребывает в крайней бедности. Городской голова, разбираясь в отношениях купеческой четы, обнаружил составленный 30 сентября 1792 года местным маклером Смольяниновым договор («добровольное условие»), по которому Ирина Белова обязывалась проживать у своего сына от первого брака, за что получила от Ефима Белова 75 рублей «с тем, чтобы более сего ничего и ни на что мне от него не требовать и в судебных местах нигде и ни о чём суда не просить»[526].

Если духовное ведомство заботилось о нравственности прихожан, то гражданская власть желала «сохранять между жителями…мир, тишину и доброе согласие» (Ст. 167 Жалованной грамоты городам 1785 года[527]), поэтому также разбирала неурядицы между членами семейств. Так, в марте 1811 года Мария Шелковникова, проживающая в Санкт-Петербурге, обратилась в полицию с различными жалобами на своего мужа, отставного поручика Павла Шелковникова, в том числе, с подозрением его в попытках её отравить. Разбирательство кончилось выездом из дома мужа и составлением договора («записи») о раздельном проживании с супругом при условии выплаты им ежегодно 2 500 рублей[528]. Договор был утверждён Санкт-Петербургской Гражданской палатой, а впоследствии – 4-м Департаментом Сената. Несмотря на достигнутое перемирие, неурядицы в семье возобновились, и в январе 1812 году Павел Шелковников подал в Санкт-Петербургскую духовную консисторию иск о разводе по причине прелюбодеяния жены. Санкт-Петербургская консистория, рассмотрев жалобу и представленные доказательства, не только отказала в удовлетворении иска, но и обратила внимание на договор между супругами, который признала (с чем позже согласился и Синод) ни чем иным,

---

[524] 1-е ПСЗРИ. Т. XIX. № 14160.
[525] 1-е ПСЗРИ. Т. XX. № 14886.
[526] *Савельев А.* Дела о прекращении пьянства и семейных раздоров горожан (по сведениям, извлеченным из дел Нижегородского управления конца XVIII и начала XIX столетий) // Юридический вестник. 1888. Т. XXIX. Книга вторая (октябрь). С. 290.
[527] Законодательство Екатерины II. Т. II. Док. № 166. С. 117.
[528] РГИА. Ф. 796. Оп. 97. Д. 122. Л. 44 – 45 об.

как «роспускной книгой, утверждающей своевольство супругов и не свойственную жизнь, в совершенную противность писания»[529]. Однако, будучи не в праве отменять документ, утверждённый гражданской властью, Синод решил через министра духовных дел и народного просвещения князя А.Н.Голицына[530] обратиться в Государственный Совет, что и было исполнено. Государственный Совет решил, в свою очередь, посоветоваться с Комиссией составления законов, и в мае 1818 года оттуда поступило заключение[531], полностью согласное с позицией духовного ведомства. 26 марта следующего года мнение Государственного Совета, основанное на позиции Синода и Комиссии составления законов, было высочайше утверждено[532]. Итак, закон 26 марта 1819 года запретил светским органам вторгаться в вопросы совместного проживания супругов, в последующем на нём будет основан п. 1 ст. 76 Свода законов гражданских (изд. 1832 года) о запрете актов, клонящихся к самовольному разлучению супругов.

Инициировав запрет светским органам мирить мужа с женой при помощи временной разлуки, Синод уже и сам не практиковал эту меру. Хотя не лишено интереса то обстоятельство, что ещё в систематизированном изложении норм церковного права, предпринятого в конце 20-х годов XIX века секретарём Синода Я. Гиновским, значится положение о наличии не только «всегдашнего», но и *временного развода*[533]. Наконец, обязанность супругов жить вместе, сформулированная в ст. 76 Свода законов гражданских, окончательно поставила точку в истории рассмотренной примирительной процедуры не только для светских, но и духовных органов[534].

На первый взгляд, закон 1819 года выглядит резким поворотом в церковной политике. В течение длительного периода духовная власть не только не восставала против утверждения светскими органами соглашений супругов о раздельном проживании, но и сама считала возможным временное разлучение супругов. В чём можно найти причины столь радикальной перемены взглядов? Во-первых, определённую роль сыграл личный взгляд обер-прокурора А.Н. Голицына на разводы. При нём было покончено с формальным подходом к признанию в супружеской измене, при нём Синод стал тщательнее

[529] РГИА. Ф. 1149. Оп. 1 (1818.). Д. 14. Л. 3.
[530] Князь А.Н. Голицын занимал должность министра с 1817 года.
[531] РГИА. Ф. 1149. Оп. 1 (1818). Л. 8 – 13.
[532] РГИА. Ф. 797. Оп. 2. Д. 4737. Л. 22 – 28.
[533] Оглавление законам грекороссийской церкви, составленное Святейшего Синода секретарём, коллежским асессором Яковом Гиновским. Часть первая. СПб., 1827. С. 82.
[534] Закон 12 марта 1914 года, который впервые позволял жёнам в определённых случаях проживать отдельно от мужей, с точки зрения Синода, не разрешал разножительство супругов, а лишь уточнял их взаимные права и обязанности при фактическом раздельном проживании (см.: *Гессен И.В.* Раздельное жительство супругов. Закон 12 марта 1914 года. СПб., 1914. С. 10, 30).

вникать в бракоразводные дела, поскольку А.Н. Голицын распорядился о присылке экстрактов из консисторских дел. Наконец, заслуживает внимания его попытка *запретить разводы вообще*. В сентябре 1812 года обер-прокурор подал на высочайшее имя рапорт, в котором писал: «Развод и при законной его причине оскорбителен для святости брака, ибо влечёт за собою нарушение кляты, взаимно данной брачившимися жить по смерть не разлучными»[535]. Столь радикальное предложение было весьма осторожно встречено Александром I, который велел согласовать этот вопрос с Комитетом министров. Комитет посоветовал обер-прокурору Синода сделать о предлагаемой реформе пространный доклад государю и до его положительной реакции ограничиться лишь внутренними распоряжениями по приостановке приёма исков о разводе. Доклад Александру I последовал 12 октября того же года[536], однако никакого соизволения на него не последовало.

Вполне возможно, такой взгляд А.Н. Голицына на проблему развода сложился в результате собственных неудач: незадолго до его назначения обер-прокурором Синода он развёлся с женой. Если верить мемуарной литературе, Мария Григорьевна (урожденная Вяземская) в 1802 году оставила мужа с «обоюдного дружеского согласия», чтобы вновь выйти замуж за графа Льва Кирилловича Разумовского[537]. Таким образом, ещё не зная о непорядках в бракоразводной сфере в качестве обер-прокурора, А.Н. Голицын уже на собственном опыте оставленного мужа мог оценить отсутствие формальностей при разводах.

Во-вторых, строго говоря, закон 1819 года был направлен совсем не против супружеского разножительства. Он лишь пресекал вторжение светских органов в данную сферу. За период нахождения А.Н. Голицына на посту обер-прокурора Синода ему пришлось участвовать в разрешении ряда дел, связанных с разграничением компетенции светских и церковных властей в бракоразводном процессе. Так, в 1806 года в Псковскую консисторию обратилась жена отставного секунд-майора Болтина Прасковья с просьбой о разводе по причине жестокого обращения с ней со стороны мужа и его прелюбодеяния. По распоряжению Консистории было начато следствие по жалобе, а вскоре поступили и доносы от духовенства прихода, где проживал Болтин, о прелюбодейной жизни последнего. Консистория самостоятельно приняла решение передать дело в Псковское губернское правление, которое, получив материалы дела и окончив следствие, состави-

[535] РГИА. Ф. 797. Оп. 2. Д. 4703. Л. 2.
[536] Там же. Л. 9 об.
[537] *Назимова М.Г.* Бабушка графиня М.Г. Разумовская // Исторический вестник. 1899. Март. С. 844.

ло резолюцию, которую передала на утверждение в 5-й (уголовный) департамент Сената. Только в 1814 году из 5-го департамента Сената в Псковскую консисторию поступило решение, согласно которому Болтина, как изобличённого в прелюбодейной жизни, предлагалось предать церковному покаянию. Вынести или нет решение о разводе, Сенат оставлял на усмотрение самой Консистории. Та на основании решения Сената постановила следующее: просьбу Болтиной удовлетворить, брак расторгнуть, а ей, как невинному лицу, позволить вступить в новое супружество. Самого же прелюбодея Болтина Консистория постановила предать церковной епитимии. Синод, куда за подписью Псковского архиерея поступило на ревизию данное решение с экстрактом из дела, в утверждении отказал, поскольку Консистория *сама* не осуществила правильного суда «по форме» на основании указа 1723 года. Кроме того, в своём решении Консистория основывалась на заключении Правительствующего Сената, который, как светский орган, не должен был вторгаться в рассмотрение дел о прелюбодеянии. Не решаясь самостоятельно отменить резолюцию Сената, Синод стал действовать через А.Н. Голицына. Последний составил по делу записку в духе решения Синода, которую передал на рассмотрение Комитета министров. В ноябре 1816 года Комитет, согласившись с доводами А.Н. Голицына и Синода, предписал министру юстиции наблюдать за тем, чтобы впредь светские органы по делам о прелюбодеянии «не входили ни в какое суждение», а направляли бы такие дела по подведомственности в органы духовного управления и суда[538]. Александр I утвердил это положение Комитета.

Но и после столь ясного указания светские органы не только продолжали «входить в суждение» по прелюбодейным делам, но и отстаивать своё право на это. В 1819 года Комиссия составления законов по поручению Государственного Совета была поставлена перед необходимостью, как и в случае с записью Шелковникова, принципиально решить этот вопрос. На сей раз поводом оказался приговор по делу дьячка Герасима Чемоданова, его жены Марии и крестьянина Варфоломея Шулятикова. Дьячок обвинял крестьянина в причинённых ему побоях и хищениях[539]. Следствие, проводимое земским судом, установило также прелюбодейную связь Шулятикова с Марией Чемодановой. Уездный суд, куда было передано дело для вынесения решения, на основании пп.

[538] 1-е ПСЗРИ. Т. XXXIII. № 26509.
[539] РГИА. Ф. 1149. Оп. 1 (1819) . Д. 46. Л. 17.

121[540] и 122[541] гл. X книги Морского устава и отделений 1 и 3 ст. 263 Устава Благочиния[542] приговорил прелюбодеев к двухнедельным работам при волостном правлении с содержанием на хлебе и воде, а затем к отдаче на церковное покаяние на усмотрение духовных властей. Приговор поступил на ревизию в Вятскую уголовную палату и был ею утвержден. Вскоре после этого 6-й (уголовный) департамент Сената получил уведомление от Синода со ссылкой на докладные пункты 1722 года о недопустимости вмешательства Уездного суда и Уголовной палаты в дела духовного ведомства. Синод также предлагал Сенату во избежание дальнейших недоразумений оповестить об этом подчиненные ему органы.

Обер-прокурор 6-го департамента Сената Мансуров не усмотрел в действиях нижестоящих судебных органов никакого нарушения пунктов 1722 года. Строго по тексту закона, рассуждал Мансуров, ведению духовных органов подлежат не все дела о прелюбодеянии, а лишь те, которые начинаются по иску одного из супругов с просьбой о расторжении брака. Кроме того, обер-прокурор ссылался на *широкую практику* рассмотрения подобных дел в Сенате и высочайшее утверждение докладов Сената по таким делам. Наконец, в числе относящихся к ведению 2-го отделения 6-го департамента Сената дел, согласно представленному Мансуровым *официальному расписанию*, значились и дела о прелюбодеянии с назначением за это церковного покаяния[543].

По инициативе обер-прокурора Мансурова дело было вынесено на Общее собрание сенаторов, но оно не пришло к единому мнению. При этом большинство (недостаточное, однако, для вынесения окончательного решения) высказалось в том смысле, что светские органы не могут входить в рассмотрение дел о прелюбодеянии лишь духовенства и их жён. Из-за несогласия в среде сенаторов министр юстиции князь Д.И. Лобанов-Ростовский (сторонник невмешательства светских органов в духовные дела) должен был вынести разрешение этого вопроса на усмотрение Государственного Совета, а уже тот передал дело для предварительного заключения в Комиссию составления законов. Поскольку память о решении по делу Болтина была ещё свежа, именно на это решение и оперлась Комиссия при составлении необходимого документа. В результате взаимодей-

---

[540] «Кто с женским полом прелюбодеяние учинит. Ежели кто волею с женским полом прелюбодеяние учинит, оные оба наказаны да будут, по делу и вине смотря.» / Законодательство Петра I. С. 340.

[541] «Кто с девкою пребудет и она родит. Ежели холостой человек пребудет с девкою, и она от него родит…» / там же.

[542] 1е. Буде кто дом свой или нанятой откроет днем и ночью всяким людям ради непотребства… 3е. Буде кто непотребством своим или инаго делает ремесло, от онаго имеет пропитание… / Законодательство Екатерины II. Т. I. Док. № 78. С. 598.

[543] РГИА. Ф. 1149. Оп. 1(1819). Д .46. Л. 19 – 19 об.

ствия Сената с Государственным Советом, министром юстиции и Комиссией составления законов в октябре 1821 года состоялся указ, подтверждающий запрет светским органам «входить в какое-либо суждение по делам о прелюбодеянии мужа или жены»[544]. Только Судебная реформа 1864 года окончательно решила вопрос о подведомственности в этой сфере: если обиженный изменой супруг хотел развода, то он должен был обращаться в духовный суд, если желал лишь наказать прелюбодея без последующего расторжения брака – в светский (ст. 1016 Устава уголовного судопроизводства 1864 да[545]).

Таким образом, принятие закона 1819 года, запрещавшего вторгаться светским органам в супружеские дела, стало одним из этапов своеобразного противостояния двух ведомств, затянувшийся на много лет. Одним из центральных моментов этого противостояния являлось обсуждение в Государственном Совете проекта Гражданского уложения, представленного М.М. Сперанским в 1809 году. Синод во главе с обер-прокурором князем А.Н.Голицыным обратил внимание на главу, посвящённую разводу. В ней предполагалось деятельное участие гражданских властей в проведении следствия по делам о признании брака недействительным. Департамент Законов находил это участие удобным, т.к. духовные органы не имели своего следственного аппарата для этих целей. Кроме того, по мнению Департамента, причины признания брака недействительным исторически регулировались гражданским законодательством задолго до того, как они нашли отражения в канонических источниках. Наконец, рассуждал Департамент Законов, нижестоящие духовные органы напрямую зависят от местного епископа, поэтому нельзя говорить об объективности церковного следствия и суда. Для обоснования участия в подобного рода делах гражданских органов Департамент Законов нашел опору в Наказе, представленном в екатерининской Уложенной Комиссии депутатом от Синода в 1767 года[546].

---

[544] 1-е ПСЗРИ. Т. XXXVII. № 28790.

[545] 2-е ПСЗРИ. Т. XXXIX. Отд. II. № 41476.

[546] Любопытно, что при составлении проекта Гражданского Уложения в конце XIX – начале XX века члены Редакционной Комиссии тоже будут искать в историко-правовых реалиях опору своего предложения передать следствие по прелюбодейным разводам в руки светских органов. В этом они будут ссылаться на работы Н.С. Суворова и Н.М. Руднева. Оба исследователя полагали, что в современной им науке недостаточно данных, чтобы безоговорочно относить разбирательства по брачным делам с древнейших времён до XVIII века к церковной юрисдикции (*Суворов Н.С.* Разбор сочинения г. Загоровского о разводе по русскому праву. Харьков. 1884. С. 49; *Руднев М.Н.* Церковное судопроизводство по делам о расторжении брака по причине супружеской неверности // Христианское чтение. 1901. № 10. С. 516). См.: Гражданское уложение. Книга вторая. Семейственное право. Проект Высочайше учреждённой Редакционной Комиссии по составлению Гражданского Уложения. Том первый. Ст. 1 – 349. С объяснениями. СПб., 1902. С. 310.

А.Н. Голицын от своего имени и от имени Синода подверг резкой критике попытку вмешательства светских органов в вопросы брака, являвшегося церковным таинством. Со ссылками на Евангелие обер-прокурор на заседании Государственного Совета потребовал исключить из проекта Гражданского Уложения главу о разводах, т.к. этот вопрос находится в духовном ведомстве[547].

Через двенадцать лет, при повторном рассмотрении проекта Уложения князь Голицын (будучи уже не обер-прокурором, а министром духовных дел и народного просвещения) остался верен своим суждениям. Допуск светских органов к бракоразводному процессу, на чём продолжал настаивать новый проект, Голицын счел противными учению церкви. М.М.Сперанский, идейный вдохновитель и автор проекта, был настолько уязвлён этим замечанием, что обратился к императору с жалобой на то, что министр исказил его слова и придал им совершенно противоположный смысл. М.М. Сперанский, конечно, не посягал на церковное учение о браке. Он, судя по записке А.Н. Голицына, для обоснования вмешательства светских органов в брачные дела подданных, лишь привёл аргумент, что в первобытной христианской церкви брак являлся гражданско-правовой сделкой, и только от совести христианина зависело, освящать ли эту сделку священнодействием.

Министр Духовных дел и народного просвещения назвал подобные рассуждения «произвольным умствованием» и «вымыслом», основания которого не идут ни в какое сравнение с достоверностью Божественного Откровения. А.Н. Голицыну в силу занимаемых им должностей следовало бы лучше знать историю церковного права: лишь в конце IX века (около 895 года) новеллой византийского императора Льва Мудрого церковное благословение было признано необходимым условием признания брака действительным. До этого момента церковная обрядовость при заключении брака законодательством лишь *рекомендовалась*. Обязательным же являлось присутствие свидетелей при изъявлении желания обеих сторон вступить в супружество или оформление документов о приданом у нотариуса. Тем не менее, пробелы в исторических познаниях министра не помешали ему предложить вообще исключить из будущего Уложения главу VI («О браке») и главу VII («О расторжении брака»), оставив из последней лишь Отделение IV («О

[547] Архив Государственного Совета. Т. 4. Царствование Александра I (с 1810 по 19 ноября 1825 г.). Журналы по делам Департамента Законов. СПб., 1874. Стлб. 31 – 32.

последствиях развода для супругов и детей»), а в нем – лишь статьи о последствиях браков для детей, «как предметов, до Гражданской Части относящихся»[548].

Такая жёсткая позиция обер-прокурора Синода, а затем министра А.Н.Голицына повлияла не только на обсуждение проектов Гражданского уложения, но и в итоге – на окончательный текст Свода Законов гражданских. Статья 15 Свода гласила: «Все дела брачные подлежат ведомству и рассмотрению Духовного Начальства», а раздел III («О расторжении брака разводом») начинается ст. 37 следующего содержания: «Все дела о разводах производятся в Духовных Правительствах, и нигде не вершатся без рассмотрения и утверждения Св.Синода». Поскольку нормы Свода законов должны были основываться на предшествующем законодательстве, этой основой, судя по подстрочнику к статьям, они во многом обязаны деятельности А.Н. Голицына.

Духовное ведомство и впоследствии довольно успешно отражало «атаки» на свою компетенцию, однако с течением времени его позиция постепенно смягчалась. Так, в январе 1870 года было высочайше утверждено учреждение Особого комитета[549], который должен был урегулировать особенности бракоразводного процесса по неспособности к супружеской жизни и по причине прелюбодеяния. Выработанный комитетом проект предусматривал, что следственная часть (установление факта неспособности или состава прелюбодеяния) передаётся светским судебным органам[550]. Однако, полученные из епархий отзывы на этот проект были, в основном, отрицательные и дело на этом прекратилось. Обнаруженные в 1876 году злоупотребления при рассмотрении бракоразводных дел в Санкт-Петербургской духовной консистории обратили на себя внимание Александра II, который велел изыскать против них эффективные меры. К 1879 году такие меры были выработаны, причём они были сходны с предложениями Особого Комитета, но и они не были утверждены[551]. Последний раз подобные предложения (уже при одобрении Синода) были внесены в виде законопроекта в Государственную Думу в 1908 году, но по инициативе синодального обер-прокурора были отозваны[552].

В 1916 году Синод ещё раз вернулся к этой проблеме и постановил о создании Межведомственной комиссии по выработке законопроекта о расторжении браков и признании их недействительными с участием представителей министерств юстиции и внут-

---

[548] РГИА. Ф. 1251. Оп. 1. Д. 50. Л. 9.
[549] Мнения духовных консисторий относительно проекта преобразования духовно-судебной части. Т. 1. СПб., 1874. С. 4.
[550] Там же. С. XXXI – XXXII.
[551] См.: *Григоровский С.* О разводе. С. 276 – 285.
[552] Там же. С. 298.

ренних дел[553]. До начала революционных событий в 1917 году Комиссия успела выработать проект, в котором существенно расширялся перечень оснований к разводу. Помимо уже известных законодательству, предлагались следующие: уклонение от православия, покушение одного супруга на убийство другого или умышленное нанесение тяжких увечий, ведущих к обезображиванию лица; сводничество мужем жены, вступление в новый брак при существовании другого, неизлечимое сумасшествие, проказа, сифилис, злонамеренное оставление, длящееся более двух лет; раздельное жительство по причине неприязненных отношений или «нравственного расхождения» супругов длительностью не менее трёх лет. Наконец, было предложено принципиально новое основание, неизвестное церковным канонам: «нанесение тяжких оскорблений и вообще причинение расшатывающих самые основы семьи постоянных нравственных истязаний, если по убеждению духовного суда продолжение брачной жизни представляется для супруга-истца невыносимым»[554]. Подготовленный проект со временем был использован в работе Поместного Собора 1917 – 1918 годов, хотя для Советской власти предложения церковников были уже неинтересны.

Таким образом, прекращение брака разводом традиционно происходило в России как официальным, так и неофициальным способом. Вплоть до начала XIX века церковная организация имела не только конкурентов в лице органов государственного управления, но и ослушников в рядах белого духовенства, оформлявших так называемые «разводные письма». Кроме того, бóльшая часть разводов происходила неофициально, что говорило о неспособности церкви приспособить строгие канонические правила к требованиям жизни.

При всей строгости канонов, бракоразводный обряд как внутриведомственное дело церкви, регулировался в России в течение нескольких веков достаточно отрывочно. Пожалуй, впервые вопрос об этом был поставлен в середине XVIII века, когда постоянный интерес Елизаветы Петровны к этой проблеме, а также ряд вопросов по отдельным делам породили интерес Синода к отечественным церковным нормам прошлого. Однако практически никаких особенностей церковного судопроизводства Синоду выявить не удалось. Кроме того, сами основания к расторжению брака различными церковными инстанциями понимались по-разному. Бесспорным основанием, пожалуй, считалось лишь прелюбодеяние. Организация бракоразводного процесса в условиях отсутствия чисто

[553] РГИА. Ф.797. Оп. 86 (2 Отд. 3 Ст.). Д.404. Л. 6.
[554] См.: *Белякова Е.В.* Церковный суд и проблемы церковной жизни. М., 2004. С. 255 – 256.

церковных норм строилась на основе петровского процессуального законодательства. Все характерные черты и недостатки петровского процесса духовная юстиция пронесла сквозь два века, при этом на формирование процессуального обряда в значительной степени повлиял, как представляется, субъективный фактор – деятельность обер-прокурора Синода, князя Александра Николаевича Голицына. Только во время революционных событий 1917 года со стороны Синода началась некоторое движение к восприятию принципов гражданского судопроизводства.

Основания для развода, которыми должны были руководствоваться духовные власти, были чётко сформулированы лишь в 1841 году с принятием Устава духовным консисторий. Однако к середине XIX века стало ясно, что одной систематизации норм, имевших многовековую историю, уже недостаточно. Незначительное число законных оснований к расторжению брака определило не только наличие большого количества фактических разводов, но и многочисленные попытки супругов добиться хотя бы временного разножительства через подачу просьб на высочайшее имя. Ни один подготовленный проект о разводах не был доведён до рассмотрения законодателем, а весьма интересные предложения Межведомственной Комиссии 1916 года были «похоронены» революционными событиями. Когда же Поместный Собор 1917 – 1918 годов вновь вернулся к этой проблематике, новая власть уже отстранила церковную организацию от решения этих вопросов в принципе.

Вплоть до начала XIX века церковное руководство достаточно пассивно относилось к случаям вмешательства светских органов в супружеские конфликты. Однако со вступлением в должность обер-прокурора Синода А.Н. Голицына со стороны духовного ведомства последовали активные действия, остро обозначившие проблему разграничения компетенции со светской властью. Одним из аспектов этого разграничения оказался вопрос о раздельном проживании супругов. Эта рождённая практикой примирительная мера традиционно санкционировалась как духовными, так и светскими властями. Дело Шелковниковых, рассмотрением которого светские органы вторглись, по мнению Синода и А.Н. Голицына, в церковную «вотчину», стало одной из вех в маркировке границ между ведомствами. Непосредственным итогом разбирательства по этому делу стал запрет светской власти разрешать супругам разножительство, а со вступлением в силу норм Свода законов гражданских уже и духовные органы не могли применять эту примирительную процедуру. Первая половина XIX века была ознаменована целым рядом

событий, начиная от обсуждения проекта Гражданского уложения, заканчивая разбором отдельных супружеских неурядиц, обозначивших активную позицию духовного ведомства в борьбе за «свою» сферу деятельности.

Попытки разграничения подведомственности бракоразводных дел продолжались на протяжении всего XIX века, и определённые аспекты были урегулированы. Сохранив за собой право производить все дела о разводах в принципе, церковное ведомство постепенно передавало в руки светской юстиции отдельные вопросы, *связанные с браком*, например, наказание супруга-прелюбодея по обвинению другого супруга. В 1836 году по согласованию нескольких ведомств, включая Синод, было введено уголовное наказание за многобрачие, когда при вступлении в брак одна из сторон скрыла от другой своё женатое (замужнее) положение. Министр юстиции Д.В. Дашков, высказывая своё мнение по вопросу и подчеркивая двойственную природу этого преступления, провёл аналогию с подлогом с точки зрения гражданского законодательства, и с богохульством с позиции церкви[555]. В итоге обсуждения 18 ноября 1836 года Николай I утвердил мнение Государственного Совета о том, что виновного в обманном многобрачии следует по вынесении приговора духовным ведомством предавать гражданскому суду для назначения наказания за «учинённый чрез многобрачие подлог»[556]. Следующий «разграничительный» закон был принят 6 февраля 1850 года. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета предписало дела об обманном многобрачии возбуждать непосредственно в светском суде, а церковная администрация обязывалась предоставлять ему лишь необходимые сведения. Этим же законом были устранены всякие двусмысленные формулировки Свода законов гражданских относительно признания браков недействительными. В результате само признание брака недействительным осталось за церковью, а оценка последствий этого признания, связанных со статусом сторон и вытекающими из этого имущественными правами, осталось в ведении гражданского суда[557].

Высочайше утверждённое мнение Государственного Совета 1850 года, сохранявшее за церковью роль «эксперта» в отношении дел о признании брака недействительным, в итоге не решило важную проблему взаимодействия двух ведомств, особенно после начала судебной реформы 1864 года. Если при возбуждении дела о многобрачии церковь давала заключение о безусловной виновности лица, то присяжные по внутрен-

[555] РГИА. Ф. 1149. Оп. 2 (1836). Д. 88. Л. 10 – 11 об.
[556] Там же. Л. 23 – 24.
[557] 2-е ПСЗРИ. Т. XXV. Отд. I. № 23906.

нему убеждению могли и оправдать многожёнца. Но избежав уголовного наказания, многожёнец не мог избежать епитимьи со стороны духовной власти, в том числе, в виде пожизненного безбрачия. Как отмечал известный дореволюционный исследователь И.Г. Оршанский, в проекте Устава уголовного судопроизводства присутствовала статья, которая предусматривала необязательность приговора духовного суда для светского, но по настоянию обер-прокурора Синода она была исключена[558]. В итоге эта статья была исключена, но приговоры духовного суда так и не стали обязательными для светского.

Итак, со времён Крещения Руси светская власть в лице князей, царей и императоров предоставляла православной церкви в течение многих веков право регулировать условия и порядок прекращения брака разводом. Считая это своей исконной «вотчиной», церковное руководство в течение многих веков не учитывало изменений, происходивших в общественной жизни, и не предпринимало решительных шагов ни к приспособлению норм византийского происхождения о законных поводах к разводу к российским реалиям, ни к систематизации отечественных церковных процессуальных традиций. Во многом это вытекало из естественного консерватизма религиозных норм. Сумев к середине XIX века систематизировать церковные правила о законных основаниях к разводу и бракоразводном процессе, руководство духовным ведомством вплоть до отделения церкви от государства в январе 1918 года так и не смогло адаптировать старинные церковные институты к требованиям времени. Поскольку чёткого нормативного регулирования расторжения брака не было, в отдельных случаях в разрешение семейных споров стали вмешиваться и государственные органы. Отношение церкви к этому вмешательству стало нетерпимым лишь в начале XIX века, что оказалось в какой-то степени благотворным толчком для начала работ по разграничению сфер ведения духовного и светского ведомств.

Это разграничение уже не было формальным, как в докладных пунктах Синода 1722 года, лишь ради определения компетенции Синода, а было осознано как необходимость, пусть даже на это оказал сильнейшее влияние субъективный фактор в лице обер-прокурора, министра и члена Государственного Совета А.Н. Голицына. Однако именно благодаря деятельности А.Н. Голицына произошло, наверное, первое со времён Устава князя Ярослава о церковных судах размежевание компетенции между церковью и государством по брачно-семейной проблематике. Особенно значимым это размежевание бы-

[558] *Оршанский И.Г.* Исследование по русскому праву обычному и брачному. С. 244.

ло в сфере разводов по причине прелюбодеяния и признания браков недействительными. Однако законодательные нормы XIX века не устранили некоторые коллизии при взаимодействии церковных и светских судебных органов, в частности, в случаях, когда по одному и тому же делу решения выносили органы обоих ведомств.

§ 2. Брак и семья с точки зрения обычаев русского народа

Научное изучение обычаев началось в России во второй половине XIX века. Основной толчок этому изучению дали Крестьянская и Судебная реформы. Согласно ст. 107 Общего положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, волостной суд решал споры «на основании местных обычаев и правил, принятых в крестьянском быту»[559]. А согласно ст. 130 Устава гражданского судопроизводства (в ред. 1864 года), мировой судья мог руководствоваться «общеизвестными местными обычаями». Однако если волостные крестьянские суды уже изначально действовали как суды обычного права, то введение нормы о применении обычаев общими судами было предложено известным историком права Николаем Васильевичем Калачовым при обсуждении Устава гражданского судопроизводства. Поскольку во время разработки документов реформы народные обычаи были неизвестны широкой юридической общественности в принципе, то изначально и речи не могло идти о признании их юридической силы[560]. Особую роль в изучении обычаев сыграло Императорское Русское географическое общество, где при Отделении этнографии в 1876 году была образована Комиссия для собирания народных юридических обычаев (председатель – Н.В. Калачов). Со временем эту комиссию возглавил другой известнейший исследователь обычного права Сергей Викентьевич Пахман. Обнародование через издание специальных сборников целых пластов юридических аспектов народной жизни приводило многих учёных к выводу, что гражданское и уголовное законодательство России того времени являлось действующим только для меньшинства населения[561]. Основным источником знаний о юридических обычаях России второй половины XIX века явилось издание Трудов Комиссии по преобразованию

---

[559] Российское законодательство X – XX веков. Т. 7. Документы крестьянской реформы. М.: Юрид. лит., 1989. С. 59.

[560] *Калачов Н.В.* Об отношении юридических обычаев к законодательству. СПб., 1877.

[561] Казанская комиссия для изучения обычного права (Об учреждении при казанском юридическом обществе постоянной комиссии с целью собирания и изучения юридических обычаев местного русского и инородческого населения Волжско-Камского края). Казань. 1886. С. 2.

волостных судов в восьми томах (1873 – 1874 годы). Осознание роли обычного права со временем привело к изменению редакции Устава гражданского судопроизводства законом 15 июня 1912 года[562]: статья о применении обычаев перешла в раздел Общие положения и таким образом – заняла место среди «главных начал гражданского судопроизводства».

В данной работе будут изучаться лишь нормы обычаев, выработанные в русской крестьянской среде. Несмотря на то, что условия городской жизни имели свои бытовые особенности, брачно-семейные отношения горожан регулировались скорее на законодательном уровне. Причина отсутствия «обычного семейного права горожан» кроется в специфике городских промыслов. В отличие от деревни, в городе семья не представляла собой «родственно-трудового объединения лиц». Ремесло, торговля, финансовые операции – всё это виды хозяйственной деятельности, не требующие обязательного совместного труда проживающих в общем хозяйстве родственников. Отсюда отсутствие предпосылок для возникновения общей собственности, свойственной крестьянскому двору, и всех связанных с ней особенностей правоотношений родственников.

Изучение норм обычаев на более ранних этапах отечественной истории юристов XIX века интересовало мало. Уже в советское время В.А. Александров[563], исследуя этот вопрос, привлёк такие источники, как вотчинные архивы и инструкции, составленные помещиками (или по их поручению) для управления крепостными хозяйствами. Кроме того, в ряде нормативных актах можно найти некоторые сведения об обычаях в брачно-семейной сфере, поскольку иногда правовые акты их просто фиксировали (как, скажем, Русская Правда или Псковская судная грамота) или были направлены на борьбу с отдельными проявлениями народного правосознания.

Учитывая, что более 80% населения страны в XIX веке составляли крестьяне, то и сбор обычаев вёлся в основном в крестьянской среде. В предыдущем параграфе ставился вопрос об успехе Русской Православной церкви в распространении христианской идеи в народе. Насколько брачно-семейные обычаи были проникнуты христианскими ценностями?

---

[562] 3-е ПСЗРИ. Т. XXXII. Отд. I. № 37328.

[563] См. *Александров В.А.* Обычное семейное право крепостной деревни в России XVIII – начало XIX в. М., 1984.

Приведу ряд мнений современных российских историков на этот счёт. «Крестьяне не мыслили себя вне церкви», – пишет А.В. Скутнев[564]. Нравственные понятия русского крестьянина, рассуждает М.М. Громыко, «заново укреплялись в каждом поколении за счет восприятия основ христианства»[565]. Та же М.М. Громыко совместно с А.В. Бугановым пришли к выводу о «массовости православного сознания» в крестьянской среде»[566]. И.А. Погодаева выдвигает тезис о том, что православие до Октябрьской революции 1917 г. «выступало в роли организатора духовной основы повседневной жизни»[567]. В наиболее законченной форме мысль о роли официального православия в крестьянской среде выражена В.Б.Безгиным: «Православие – не просто составляющая часть культуры русского народа. Влияние его на жизнь народа было воистину всеобъемлющим… Православные традиции были органически вплетены в канву повседневной крестьянской жизни. Вера Христова зримо и незримо сопровождала крестьянина от рождения до смерти»[568]. К подобным же выводам приходят историки, в чей круг интересов попадает эволюция отечественного семейного права. О «нравственно-религиозном влиянии церкви на православных христиан» пишет Н.С. Нижник[569]. Именно «церковными институтами», а не светским законодательством, считает Е.В. Белякова, «контролировалась» сфера брачных отношений до 1917 г. [570] «В глазах всех только церковное венчание означало вступление в брак», – пишет М.М. Громыко[571]. В.Б. Безгин утверждает, что невенчанный брак в деревне представлял собой редкое явление[572].

Среди историков обычного права, занимавшихся в XIX веке этой проблематикой, встречались иные оценки. О существенном различии между каноническим и народным воззрением на брак сделал вывод И.Г. Оршанский[573]. О циничном взгляде народа на брак как на сделку, где нет места нравственному чувству, писала А.Я. Ефименко[574].

---

[564] *Скутнев А.В.* Православие в жизни русских крестьян в пореформенную эпоху // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 4 (18): в 2-х ч. Ч. I. С. 178.
[565] *Громыко М.М.* Мир русской деревни. М. 1991. С. 40.
[566] *Громыко М.М., Буганов А.В.* О воззрения русского народа. М. 2000. С. 40.
[567] *Погодаева И.А.* Православие как фактор, регламентирующий повседневную жизнь (на примере жителей Иркутска XIX века) // Вестник Тюменского государственного университета. Серия «История». 2011. № 2. С. 121.
[568] *Безгин В.Б.* Крестьянская повседневность (традиции конца XIX – начала XX века). Тамбов. 2004. URL: http://www.tstu.ru/book/elib/pdf/2004/bezgin.pdf (дата обращения 06.02.2016).
[569] *Нижник Н.С.* Правовое регулирование семейно-брачных отношений в русской истории. СПб., 2006. С. 203.
[570] *Белякова Е.В., Белякова Н.А., Емченко Е.Б.* Женщина в православии: церковное право и российская практика. М. 2011. С. 7.
[571] *Громыко М.М.* Мир русской деревни. С. 229.
[572] *Безгин В.Б.* Указ.соч. URL: http://www.tstu.ru/book/elib/pdf/2004/bezgin.pdf (дата обращения 06.02.2016).
[573] *Оршанский И.Г.* Указ.соч. С. 39.
[574] *Ефименко А.Я.* Исследования народной жизни. Вып. 1: Обычное право. М., 1884. С. 31.

Слабое влияние религиозного элемента при заключении крестьянских браков отмечал А.П. Звонков[575] и т.д.

Как показывают документальные материалы, взгляды последней группы авторов точнее передают отношение простого народа к брачно-семейным отношениям. Справедливой представляется также их оценка крестьянского брака как инструмента решения, прежде всего, хозяйственных вопросов. Исходя из этого, следует отчасти отказаться от схемы исследования, предложенной в предыдущем параграфе, и выделить в данном случае два аспекта: 1) способы формирования (укрепления) крестьянского хозяйства, 2) личные и имущественные отношения внутри крестьянской семьи как хозяйственной единицы.

А. Обычно-бытовые способы формирования (укрепления) крестьянского хозяйства

а) Брак

Условия вступления в брак:

Добровольность вступления в брак. Как известно, и Устав князя Ярослава о церковных судах XI века, и законодательство Петра I XVIII века наглядно демонстрируют, что не только духовенство, но и государственная власть сталкивалась с проблемой браков по родительскому принуждению. В чём коренится идея такого принуждения? С точки зрения исследователей обычного права России, крестьянский брак являлся гораздо в большей степени актом общественным, нежели личным делом жениха и невесты[576]. Брак изменял расстановку рабочих сил в крестьянском дворе как при женитьбе сына, так и при выдаче замуж дочери, поэтому решающим здесь было слово домохозяина. Отсутствие интереса к выяснению желания будущих супругов к заключению брака вообще и с конкретным женихом или невестой в частности доказывается широкой практикой самоубийств после заключения брака. Уже церковный Устав Ярослава знал подобную практику, об этом же писал известный исследователь обычаев русского Севера Пётр Саввич

---

[575] *Звонков А.П.* Современные брак и свадьба среди крестьян Тамбовской губернии Елатомского уезда / Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России (обычное право, обряды, верования и пр.). Вып. 1. М., 1889. С. 80.

[576] См.: *Ефименко А.Я.* Указ.соч. С. 34; *Оршанский И.Г.* Указ.соч. С. 40.

Ефименко[577]. Отсутствие желания сыновей видно из обычая женить их малолетстве на «возрастных девках», вряд ли можно говорить и о желании невест вступить в супружество с малолетним.

Крестьянский взгляд родителей на детей как на рабочую силу[578] проявлялся и в насильственном удержании дочерей от замужества, чтобы подольше их использовать в собственном хозяйстве. Помещикам приходилось изобретать различные понудительные средства, чтобы стимулировать домохозяев расстаться с взрослыми дочерями[579]. Бывали случаи, когда отцов приходилось убеждать всем миром отпустить взрослых дочерей из семьи если не для замужества, то, по крайней мере, для заработка[580]. Такое же отношение было и со стороны родителей женихов. Изучение обычаев крестьян Казанской губернии XIX века привело исследователей к следующему выводу: «Основанием брака всегда служит стремление приобрести в дом работника или работницу т.е. преследуются лишь хозяйственные цели, где не всегда принимается в расчет: нравятся ли друг другу брачущиеся»[581]. Наконец, нелишним будет ценное свидетельство К.П. Победоносцева, который отмечал в конце XIX века: «В нынешнем экономическом состоянии у простого народа преобладает хозяйственное понятие о браке и о женщине… браки заключаются в соображении с этим только понятием…»[582].

Таким образом, значение желания жениха и невесты вступить в брак отступало перед традиционным представлением крестьян о браке, как о хозяйственном союзе. Ситуацию надо понимать правильно: браки с прямым насилием над женихом и невестой – явление нечастое[583], в решениях волостных судов встречаются дела, связанные с отказом самих невесты или жениха от брака уже после предварительного сговора. Но в подавляющем большинстве дел последствия отказа лежат на участниках брачного сговора,

---

[577] Сборник народных юридических обычаев Архангельской губернии. Книга первая / сост. д. чл. Арханг. губ. стат. ком. и чл.-сотр. Имп. Рус. геогр. о-ва П.С. Ефименко. Труды Архангельского губернского статистического комитета за 1867 и 1868 годы. Вып. 3. Архангельск. 1869. С. 221.

[578] В доказательство этого взгляда можно привести решение одного из волостных судов Полтавской губернии: мать жениха взяла невесту сына до свадьбы в своё хозяйство, но через 4 недели отослала её обратно. Волостной суд взыскал с матери за употребление невесты сына в работах 10 руб. (Труды Комиссии по преобразованию волостных судов. **Т. 4.** Харьковская и Полтавская губернии. СПб., 1873. С. 276).

[579] См., напр.: *Шепетов К.Н.* Крепостное право в вотчинах Шереметевых. М., 1947. С. 116 – 117; *Семевский В.И.* Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. Том 1. СПб., 1903. С. 317.

[580] *Лудмер Я.* Бабьи стоны // Юридический вестник. 1884. Ноябрь. С. 449 – 450.

[581] *Соловьев Е.Т.* Очерк семейственного права русских крестьян Мамадышского уезда. Казань. 1878. С. 5.

[582] *Победоносцев К.П.* Курс гражданского права. Ч. 2: Права семейные, наследственные и завещательные. М. 2003. С. 80.

[583] С.В. Пахман приводит выразительные случаи из практики волостных судов, где невесты говорили: «Не пойду, откажусь под венцом» или «Не пойду, лучше повешусь» (*Пахман С.В.* Обычное гражданское право в России / под ред. и с предисловием В.А. Томсинова. М.: Зерцало, 2003. С. 404)

т.е. на родителях. Таким образом, для крестьянского мира согласие родителей на брак их детей первично, согласие самих детей – вторично.

Степени родства. На проблему запрещённых к браку степеней родства и свойства крестьяне смотрели гораздо свободнее, чем каноническое право. Сельские обычаи допускали браки не только троюродных, но и двоюродных братьев и сестёр[584]. Есть мнение, что в Сибири к бракам близких родственников (4 – 6 степеней) относились терпимее, чем в Европейской России[585]. Исследователи указывают на распространённость в отдельных местностях обычая вступать в браки с жителями исключительно своего селения[586]. Имущественное положение и трудолюбие потенциальных жениха и невесты были куда более значимыми факторами, чем состояние в более или менее отдалённом родстве.

Брачные договоры. Гораздо важнее, чем возраст и степень родства, были условия договора, составлявшегося при вступлении в брак. Одним из непременных условий была неустойка в случае дальнейшего отказа одной из сторон. Российский законодатель впервые столкнулся с этим вопросом в начале XVIII века. Указ 2 апреля 1702 года[587] запрещал в будущем договариваться о таких неустойках, однако и в XIX веке этот способ обеспечения вступления в брак не был искоренён[588]. О подобной практике были осведомлены члены Редакционной комиссии по составлению Гражданского уложения, которые включили в проект специальную статью о запрете обеспечения вступления в брак неустойкой или передачей денежной суммы, либо иного имущества (ст. 53 проекта)[589].

Кроме условия о неустойке[590] в брачных договорах могли содержаться условия о свадебных расходах, приданом, подарках[591], задатке[592], кладке[593]. Соответственно, при отказе от вступления в брак (но после заключения договора) виновная сторона обязыва-

---

[584] Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России (обычное право, обряды, верования и пр.). Вып. I. М. 1889. С. 90 – 91.
[585] *Миненко Н.А.* Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII – первой половины XIX века). Новосибирск. 1979. С. 198 – 201.
[586] *Оршанский И.Г.* Указ.соч. С. 43.
[587] 1-е ПСЗРИ. Т. IV. № 1907.
[588] *Ефименко А.Я.* Указ.соч. С. 16.
[589] Гражданское уложение. Книга вторая. Семейственное право. Проект Высочайше учреждённой Редакционной Комиссии по составлению Гражданского Уложения. Том первый. Ст. 1 – 349. С объяснениями. СПб., 1902. С. 91.
[590] Труды Комиссии по преобразованию волостных судов. **Т. 2.** Владимирская и Московская губернии. СПб., 1873. С. 279 – 280.
[591] Там же. **Т. 4.** С. 78.
[592] Там же. **Т. 3.** Ярославская, Костромская и Нижегородская губернии. СПб., 1873. С. 17.
[593] Кладка – деньги, предоставляемые стороной жениха стороне невесты на свадебные расходы. Могла выступать своеобразным залогом будущего брака. См., напр.: Труды Комиссии по преобразованию волостных судов. **Т. 6.** Самарская, Саратовская, Вологодская и Новгородская губернии. СПб., 1874. С. 23, 69.

лась возместить причинённые этим отказом убытки[594]. Впрочем, если отказ имел уважительную причину (например, другая сторона предоставила неверные сведения о своём имущественном положении), размер убытков мог быть снижен[595]. Но поскольку отказом наносилось бесчестье, то взыскание производилось и за это[596]. В 1868 г. два крестьянина Тамбовской губернии договорились в будущем поженить своих детей, при этом один отец после заключения соглашения выполнил для другого ряд сельскохозяйственных работ. Когда другой отец из-за ссоры отказался выполнять соглашение о браке, первый скрупулёзно посчитал стоимость всех работ и предъявил иск о взыскании 43 руб. в волостной суд. Иск был удовлетворён[597].

*Порядок вступления в брак***.** Одной из древнейших форм заключения брака являлось **похищение**. Однако значение такой формы должно было неизбежно ослабнуть, особенно в связи с учётом сельского населения и прикреплением его к земле. Сохранившиеся ритуальные формы были скорее данью традиции и редко совершались при полном неведении старших членов рода. При отношении к браку как к сделке побеги, «увозы», «уходы» и проч. были практически исключены и если и совершались, то в расчёте на скорую явку с повинной к родителям и их прощение. Гораздо большее, чем древние формы, значение, имели **массовые сельские увеселения**, с которыми официальное православие так и не смогло справиться. В Малороссии, например, брачные «веселья» имели гораздо более важное значение, чем церковные процедуры: уже обвенчанные супруги не начинали сожительство до окончания веселий, а промежуток между этими событиями мог составлять несколько лет. В 1744 году императрица Елизавета указала Синоду бороться с этим обычаем как «противным Святой Церкви»[598]. А.Я. Ефименко подметила и другую типичную для Малороссии ситуацию: супруги признавались обществом именно таковыми по отбытии «веселий», даже если венчание впоследствии не состоялось[599].

Об отношении крестьян к **старообрядческому венчанию** можно судить по ряду случаев во второй половине XIX века, когда жёны покидали своих мужей через некоторое время после совершении брака. При этом брошенные мужья, убедившись в невоз-

---

[594] Там же. **Т. 1.** Тамбовская губерния. СПб., 1783. С. 169; Там же. **Т. 2.** С. 174, 250; Там же. **Т. 3.** С 342; Там же. **Т. 4.** С. 7, 77; Там же. Отзывы различных мест и лиц. СПб., 1783. С. 598.
[595] Там же. **Т. 5.** Киевская и Екатеринославская губернии. СПб., 1874. С. 464.
[596] Там же. **Т. 1.** С. 88, 153,
[597] Там же. С. 488.
[598] 1-е ПСЗРИ. Т. XII. № 9052.
[599] *Ефименко А.Я.* Указ. соч. С. 37.

можности вернуть жён из-за их решительного отказа, тут же ставили вопрос о возмещении убытков[600]. В каком-то смысле браки со староверами были даже выгодны: обиженная поведением мужа, жена всегда могла сказать, что не признаёт его супругом, поскольку венчание происходило в старообрядческом храме. Иногда волостной суд прислушивался к такому аргументу[601], а иногда – игнорировал[602]. В решениях волостных крестьян никогда не поднимался вопрос о юридической силе обручения. В то время как в России со времен Елизаветы Петровны[603] было подтверждено каноническое правило о его нерасторжимости, в простонародье этот акт подобного значения не имел, просто при взыскании убытков за отказ вступить в брак взыскивались и «расходы вследствие обручин»[604].

Примачество. До нашего времени дошли договоры с примаками ещё XVI века[605]. С помощью этого института крестьянское хозяйство также могло приобрести рабочую силу. Как правило, при заключении брака молодая жена становилась членом чужого хозяйства (мужа или свекра). Но примак («влазень») был зятем, которого принимала в свой состав семья жены. Не имея кровных связей с принимающей его семьёй, примак мог стать наследником тестя наравне с его сыновьями[606] или приёмышами[607], однако его доля в наследстве могла быть также предметом отдельного соглашения[608]. Соглашение с примаком могло заключаться в письменной форме и заверяться в волостном правлении[609]. Важное значение имело и «приданое» примака: если он ничего не принёс в семью жены, он мог быть лишён наследства, даже несмотря на свой трудовой вклад[610]. Однако в отдельных местностях основным показателем, который определял долю примака в семье, являлся только его труд[611]. Войдя в семью жены, примак становился его полноправным членом, поэтому если он, например, становился хозяйству в тягость

---

[600] Труды Комиссии…**Т. 2.** С. 153; Там же. **Т. 6.** С. 13.
[601] Там же. **Т. 2.** С. 153.
[602] Там же. С. 152.
[603] 1-е ПСЗРИ. Т. LX. № 9088а.
[604] Труды Комиссии…Т. 5. С. 62
[605] *Александров В.А.* Указ.соч. С. 199.
[606] Труды Комиссии…**Т. 1.** С. 21, 36, 102; **Т. 2.** С. 219; **Т. 3.** С. 117, 130
[607] Там же. **Т. 1.** С. 85, 95.
[608] Там же. **Т. 1.** С. 48, 59; **Т. 2.** С. 129, 460, 464; **Т. 3.** С. 145, 161 и т.д.
[609] Там же. **Т. 4.** С. 20. Впрочем, не всегда эти заверенные документы тщательно хранились и часто, по мере надобности, уничтожались (там же, с. 69)
[610] Там же. **Т. 2.** С. 407, 414
[611] Там же. **Т. 1.** С. 102, 117,

(например, из-за пьянства), то следовало не просто прогонять его, но производить выдел его доли[612]. Выдел зятю-примаку мог производиться в случае смерти его жены[613].

В отдельных случаях примак мог стать и главой хозяйства[614], когда оставался старшим мужчиной в семье. Иногда он был таким изначально, как в случаях, когда вдова выдавала замуж дочь именно с целью принять зятя для поддержания хозяйства[615]. До отмены крепостного права о вхождении примака в слабую в экономическом отношении семью мог распорядиться помещик[616]. В Ярославской губернии возможность для примака стать главой хозяйства по смерти тестя по обычаю сразу оговаривалось при поступлении в семью[617].

Качество выполнения примаком своих функций в хозяйстве могло следовать из заключаемых им с семьёй жены соглашений. Имеются примеры исков в волостной суд, подаваемых родителями жены на расточительство примака и несоблюдение брачного договора в части уважения к старшим членам хозяйства[618].

б) Иные способы вхождения в крестьянское хозяйство

Приёмыши и подопечные. Крестьянскую семью справедливо характеризуют, как «родственно-трудовое объединение лиц». В этом качестве она могла состоять не только из родственников, но и из лиц, вошедших в неё ради укрепления ослабшего хозяйства или в качестве сироты на воспитание. Так, в крестьянскую семью мог войти ***приёмыш***. Принимался он «за сына» и часто при отсутствии детей или в отсутствии основного кормильца[619]. При наличии взрослых и отделившихся сыновей глава семейства мог остаться в старости без поддержки и взять в своё хозяйство приёмыша[620]. В приёмыши мог пойти не только малолетний (часто – сирота), но и взрослый также для поддержания хозяйства престарелого и одинокого домохозяина. Практике волостных судов известен случай, когда по приглашению одинокой вдовы к ней в дом «взошли» муж с женой[621]. Соответственно, в наследственных правах приёмыш был равен сыну, хотя в ряде мест-

---

[612] Там же. **Т. 1.** С. 42
[613] Там же. **Т. 3.** С. 379.
[614] Там же. **Т. 2.** С. 168, 348
[615] *Александров В.А.* Указ.соч. С. 204; Труды Комиссии... **Т. 2.** С. 339 – 340.
[616] Там же. **Т. 3.** С. 27.
[617] Там же. **Т. 3.** С. 234.
[618] Там же. **Т. 2.** С. 582 – 583; **Т. 3.** С. 268.
[619] Там же. **Т. 1.** С. 75.
[620] Там же. **Т. 3.** С. 234.
[621] Там же. **Т. 2.** С. 171.

ностей его доля могла зависеть от срока нахождения в семье[622]. Как и примак, приёмыш становился потенциальным претендентом на наследство домохозяев, но лишь в том случае, если об этом составлялся специальный документ, например, приписка к семейству[623]. Отсутствие формальностей могло выйти приёмышу боком, в частности, домохозяин имел возможность согнать его со двора, но тогда интересы приёмыша защищались сельским сходом, который мог учесть время его проживания в семье и трудовые заслуги[624]. Хотя лица женского пола в качестве приёмышей для использования в качестве рабочей силы не представляли такого интереса, как мужчины, встречаются случаи приёма в семьи и женщин [625], обычно в связи с сиротством несовершеннолетних девочек. В сходном с приёмышами положении по обычному праву находились пасынки и падчерицы, а также незаконнорождённые дети.

Усилить крестьянское хозяйство мог и институт ***опеки***. Обычное право не выработало каких-то единых правил относительно прав и обязанностей опекуна, но В.А. Александров сообщает о том, что в отдельных помещичьих инструкциях по управлению имениями XVIII века определённые правила об опеке уже встречаются[626]. Общей закономерностью являлось общественное участие в судьбе несовершеннолетнего либо в случае его круглого сиротства, либо в случае злоупотребления родными правами «естественных опекунов». Опека могла учреждаться также для вдовы с малолетними детьми. Домохозяину, принимавшему на себя обязанности опекуна, доставались не только доходы с имущества подопечных, но и результаты их труда на новую семью. Лишь наличные деньги могли быть отданы на хранение в волостные учреждения или сданы под проценты до совершеннолетия сироты. Несмотря на некоторые выгоды для опекуна, забота о малолетних была всё-таки скорее мирской обязанностью, нежели прибыльным делом.

Таким образом, брачно-семейные институты должны были содействовать, прежде всего, укреплению крестьянского хозяйства. Законодательство неоднократно сталкивалось с неоднозначными проявлениями этой проблемы. При Елизавете Петровне были замечены на государственном уровне негативные последствия крестьянских разновоз-

---

[622] Там же. **Т. 1.** С. 3, 12, 15; **Т. 2.** С. 229, 345; **Т. 3.** С. 2, 13; **Т. 4.** С. 96, 119, 174; **Т. 5.** С. 177. Обычаи разных местностей неодинаково подходят к наследственным правам приёмышей: кое-где они лишались права наследовать при сыновьях, кое-где наследовали и при них. В ряде местностей приёмыши вообще не наследовали, иногда наследовали лишь при наличии документального оформления их прав, а иногда никакого оформления не требовалось.
[623] Там же. **Т. 1.** С. 280, 465, 500; **Т. 2.** С. 205, 284
[624] Там же. Т**. 1.** С. 339, 414, 734.
[625] Там же. **Т. 3.** С. 96
[626] *Александров В.А.* Указ.соч. С. 218 – 219.

растных браков и браков малолетних, а во второй половине XIX века хозяйственная необходимость на селе привела к разрешению понижать брачный возраст на полгода. Петр I и его преемники обращали внимание на принуждение детей к браку со стороны родителей, однако хозяйственная выгода от брачного союза крестьянам-домохозяевам была важнее собственной воли их потомков. Освящение выгодного хозяйственного союза всем миром было для крестьянства важнее и церковных процедур, с чем власть столкнулась при императрице Елизавете. Отказ от вступления в брак после сговора не был чем-то необычным для крестьянской среды, хотя с точки зрения канонического права обручение считалось уже нерасторжимым. Неустойки и прочие обеспечительные меры значили для хозяйственного крестьянства куда больше, чем абстрактная «нерасторжимость» обручения и даже венчанного брака. Гораздо важнее было подсчитать ущерб, причинённый этим расторжением, и добиться его компенсации.

Вступление в брак было предметом не только обычного права, но и церковного, и светского законодательства, именно поэтому о нормах народного обычая, регулирующих брак, мы узнаём из реакции церкви и государства. Однако другие способы укрепления крестьянского хозяйства не были объектом интереса ни государства, ни церкви. Например, понятия «примак», «приёмыш» были совершенно неизвестны российскому гражданскому законодательству, хотя эти институты были широко распространены в сельской среде.

Б. Регулирование семейных отношений крестьянского хозяйства нормами обычаев

Статус отдельных лиц в крестьянском хозяйстве мог быть урегулирован договором или специальным документом, заверенным домохозяином в соответствующих органах. Это касалось членов семьи, не являющихся родственниками (примаков, приёмышей, подопечных). А вот о статусе других членов хозяйства и взаимоотношениях их между собой можно узнать лишь из дел, рассмотренных крестьянскими судами. Из опубликованных источников известно даже о договорах, по которым мужья брали на себя обязанности хорошо относиться к жёнам[627]. Однако подобные соглашения не являлись всеобщей практикой, и характер взаимоотношений в крестьянской семье можно установить лишь из анализа выявленных конфликтов.

---

[627] Из документов XVII века см.: Акты юридические или собрание форм старинного делопроизводства. СПб., 1838. № 301. С. 313; *Коллинс С.* Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, живущему в Лондоне // ЧОИДР. 1846. Кн. 1. Отд. III. С. 4.

Достаточный материал для такого анализа даёт практика волостных крестьянских судов. Прежде всего, немало дел в судах было связано с реализацией власти домохозяев. Нередки были случаи изгнания ими из дому членов семьи, включая собственных неотделённых детей[628] с жёнами и внуками[629], снох[630], зятьёв-примаков[631], матерей[632], мачех, приёмышей[633] и т.д. Заслуживает внимание позиция суда: не во всех случаях по приговору выгнанные члены семьи водворялись обратно. В отдельных случаях виновный домохозяин обязывался выделить помещение для проживания[634] или стройматериалы на возведение отдельного жилища для изгнанников[635], иногда обязывался их содержать, а иногда лишь вернуть удержанное домохозяевами имущество[636]. Власть домохозяина не являлась абсолютной ни с точки зрения их домочадцев, ни с точки зрения волостного суда. Во всех случаях, когда домохозяин поступал не по справедливости, суд выносил решение о возмещении причинённого ущерба, постановлял о выделе нуждающимся родственникам жилья, о выплате им содержания. Для сравнения, в то время, как законодательство Российской империи, основываясь ещё на нормах Соборного Уложения 1649 года, запрещало подавать жалобы детям на своих родителей, крестьянскими обычаями допускалась и подача жалоб на родителей, и возможность осуждения виновных домохозяев.

Заслуживает внимание скрупулёзность подсчёта убытков, который производился истцами в случаях причинения обид от домохозяев, и внимание судей к этой стороне проблемы. В то время как законы Российской империи и суды, включая Сенат, не давали никаких критериев для определения размера содержания членов семейства (жен, детей), волостная юстиция в своих решениях определяла конкретные денежные суммы, натуральные выплаты, включая периодические, а не только единовременные.

Нередко родители обвиняли сыновей в непочтительности, однако в таких случаях речь всегда шла о неотделённых детях[637]. При этом под «отделённостью» понималось не просто отдельное проживание от родителей, а выдел детям части родительского имения. Совместное проживание с родителями определяло подчинённое положение не только

[628] Труды Комиссии… **Т. 3.** С 64; **Т. 5.** С. 163; **Т. 6.** С. 76
[629] Там же. **Т. 1.** С. 730; **Т. 4.** С. 75, 124; **Т. 6.** С. 26
[630] Там же. **Т. 2.** С. 94 – 96, 200, 315, 335; **Т. 3.** С. 64, 207
[631] Там же. **Т. 4.** С. 424 – 425; **Т. 5.** С. 165
[632] Там же. **Т. 5.** С. 279.
[633] Там же. **Т. 6.** С. 315.
[634] Там же. **Т. 2.** С. 448; **Т. 6.** С. 286
[635] Там же. **Т. 2.** С. 335 – 336 (№ 23 и 27); **Т. 4.** С. 180 – 181.
[636] Там же. **Т. 4.** С. 124.
[637] Труды Комиссии... **Т. 1.** С. 231; **Т.2.** С. 311 – 312, 432; **Т. 3.** С. 28, 407; **Т. 6.** С. 396

сыновей, но и их жён. Поэтому нередки были конфликты, когда сыновья были на заработках (часто – по распоряжению родителей), а их жёны изгонялись по причине ослушания и неподчинения. Характерно высказывание одного крестьянина Моршанского уезда Тамбовской губернии, который причинил побои своему неотделённому сыну и его жене, захватив при этом часть её личных вещей, мотивируя это так: в своих детях он волен, потому и предоставляет себе полное право детей бить и захватывать их имущество[638].

Положение снохи (невестки) при совместном проживании с родителями мужа становилось ещё более невыгодным во вдовстве: не имея права на наследование имущества неотделённого от родителей сына, она оставалась в хозяйстве на положении простой работницы. Часто вследствие систематических оскорблений и побоев сноха (невестка) была вынуждена либо жаловаться суду, либо покинуть родителей мужа и уйти в свою прежнюю семью. По жалобе женщины суд мог сам постановить о выделе ей и её детям части общего хозяйства как при продолжении совместного проживания (выделение отдельного помещения), так и при уходе[639]. Особое внимание при этом уделялось возврату личного имущества снохи (невестки)[640]. Об истоках такого подхода позволяют судить норма Псковской судной грамоты (ст. 91), которая обязывала домохозяина вернуть пережившему супругу его сына или дочери личные вещи. Исследователями подчёркивалось, что по причине бесправного положения жён неотделённых сыновей именно они зачастую становились инициаторами семейных разделов[641]. При разделе доля сыновей зависела от усмотрения домохозяина и зависела от характера взаимоотношений в семье[642]. Часто, отделяя сына, отец предпочитал заплатить сыну деньги, но сохранить имущественный комплекс в целости. Распространены были случаи, когда производя раздел, отец возлагал на сыновей части долга некогда целой семьи[643]. Желание домохозяина обставить раздел определённым образом могло вступить в противоречие с интересами помещиков и государства в связи с тем, что основные повинности в России традиционно налагались не на индивидуального субъекта, а на хозяйство. Соответственно,

---

[638] Там же. **Т. 1.** С. 120.
[639] Там же. **Т. 2.** С. 35, 107.
[640] Там же. **Т. 1.** С. 15; **Т. 2.** С. 44, 126, 185.
[641] *Оршанский И.Г.* Указ.соч. С. 80.
[642] *Александров В.А.* Указ.соч. С. 177; Труды Комиссии… **Т. 4.** С. 651.
[643] Последнее обстоятельство лишний раз доказывает наличие общей, а нераздельной, собственности членов крестьянского двора. По замечанию В.А.Александрова, лишь к началу XIX века можно говорить о появлении личной собственности членов семьи в рамках общего хозяйства – на личные (нательные) вещи. Верхняя одежда (шубы и проч.) могла считаться общей собственностью не только потому, что была произведена в самом хозяйстве, но и потому, что ей пользовались многие члены семьи (*Александров В.А.* Указ.соч. С. 225 – 226).

если желание домохозяина разделиться не встречало препятствий со стороны ответственных за исполнение государственных повинностей лиц, проблема могла возникнуть лишь при несогласии детей с размером определённой им доли.

По мере приближения старости глава семьи мог обеспечить своё существование выгодными условиями отделения детей, скажем, передать им двор и почти всё хозяйство, но выговорить постройку для себя особой «кельи», оговорить сохранение в личной собственности части имущества и получение специально оговоренных доходов[644]. По смерти главы хозяйства на его место заступала вдова, которая вплоть до отделения детей самостоятельно распоряжалась семейным имуществом[645]. Пока мать-вдова не делила хозяйство, она сохраняла главенство. Раздел же означал, что она получала на руки лишь своё личное имущество и могла претендовать на содержание от детей. Истоки этого обычая видны ещё в Русской Правде (ст. 102 – 103 Троицкого списка). Также в Русской Правде (ст. 100 Троицкого списка) можно увидеть истоки обычая минората: отделив старших детей, родители оставляли при себе младшего для поддержания хозяйства («младшему – на корню сидеть, а старшему – новоселье»). Поскольку отделённые дети уже не могли претендовать на наследство, то отцовский двор доставался единственному неотделённому младшему сыну[646]. Несколько иначе складывались отношения в неразделённых семьях, когда под одной крышей проживало несколько братьев с жёнами и детьми. Здесь, как выяснил В.А. Александров, обычно соблюдался принцип равенства долей[647].

Также лишь на основании практики волостных крестьянских судов можно составить мнение о проблемах взаимоотношений супругов в крестьянском хозяйстве. В таких судах разбиралось множество дел по жалобам жен на мужей о жестоком обращении. В большом количестве случаев волостные суды обязывали разножительствующих супругов сойтись вновь. «Супружеские права» понуждали крестьянок продолжать сожительство даже с больными венерическими заболеваниями мужьями[648]. В случае несогласия примириться суды могли обязать мужа предоставить жене содержание и отдельное помещение для проживания. Подобное обращение мужей часто прождало у жён стремление разорвать супружеские отношения. Как отмечают исследователи, и в Европейской

---

[644] *Александров В.А.* Указ.соч. С. 207 – 208.
[645] Там же. С. 178.
[646] *Оршанский И.Г.* Указ.соч. С. 84; см. также: Труды Комиссии… **Т. 1.** С. 481, 541, 560, 606, 627; **Т. 2.** С. 94; **Т. 4.** С. 29, 324; **Т. 5.** С. 3, 6, 284, 319, 335, 418; **Т. 6.** С. 456.
[647] *Александров В.А.* Указ.соч. С. 187, 190.
[648] *Лудмер Я.* Указ.соч. С. 448 – 449.

России, и в Сибири крестьяне не считали брак «союзом на веки». Фактические разводы, согласно сведениям Н.А. Миненко, в XVIII – первой половине XIX вв. были обычным делом[649]. Е.Т. Соловьев, исследуя обычное право крестьян Мамадышского уезда Казанской губернии, отмечал практику самовольных разводов из-за пьянства мужа или прелюбодеяния жены[650]. М.В. Довнар-Запольский писал о том, что крестьянам неизвестен официальный церковный развод, но крестьяне расходятся по добровольному соглашению или же один супруг прогоняет другого[651]. А.Я.Ефименко констатировала, что крестьяне, действительно, крайне редко пользовались официальным способом развода, но неформальные «расходки» в деревне – обычное дело[652]. Этому есть и подтверждение в практике волостных судов. Так, они рассматривали имущественные споры крестьян, живших «в самопроизвольной разводной»[653]. Имеется и практика рассмотрения волостными судами дел о расторжении крестьянских браков[654] и о временном разножительстве[655]. Разумеется, в компетенцию волостных крестьянских судов не входило разрешение подобных дел, поэтому, строго говоря, признать законными их вердикты нельзя. Так, в одном случае в Ярославской губернии волостной крестьянский суд слушал жалобу жены на супруга, причём жалобщица выражала твёрдое намерение «получить увольнение» от мужа навсегда[656]. С.В. Пахман, комментируя положительное решение суда при согласии обеих сторон, предположил, что в действительности речь могла идти об оформлении жене отдельного срочного вида (паспорта) на жительство[657]. Практика выдачи таких паспортов была широко распространена, причём жена по соглашению с мужем могла быть обязана уплачивать ему за раздельное проживание определённую сумму[658].

Несмотря на то, что интересы хозяйства предполагали общую супружескую собственность, из материалов волостных судов видна самостоятельная хозяйственная деятельность жён[659], а также строгий учёт принадлежащего лично им имущества[660] и охра-

---

[649] *Миненко Н.А.* Русская крестьянская семья в Западной Сибири…С. 210.
[650] *Соловьев Е.Т.* Очерк семейственного права русских крестьян Мамадышского уезда. Казань. 1878. С. 10.
[651] *Довнар-Запольский М.В.* Очерки обычного семейственного права крестьян Минской губернии. М. 1897. С. 41.
[652] *Ефименко А.Я.* Указ. соч. С. 39 – 40.
[653] Труды Комиссии... **Т. 2.** С. 158; **Т. 3.** С. 52.
[654] Там же. **Т. 4.** С. 652; Там же. Отзывы различных мест и лиц**.** С. 183, 196, 204, 502.
[655] Там же. **Т. 2.** С. 555; **Т. 4.** С. 652; См. также: *Никонов С.П., Якушкин И.Е.* Гражданское право по решениям Крестобогородского волостного суда Ярославской губернии и уезда. Ярославль. 1902. С. 168; *Костров Н.А.* Юридические обычаи крестьян-старожилов Томской губернии. Томск. 1876. С. 27.
[656] Труды Комиссии… **Т. 3.** С. 62.
[657] *Пахман С.В.* Указ.соч. С. 441; См. также: Сборник народных юридических обычаев. Т. 2. СПб., 1900. С. 67.
[658] Там же. С. 443.
[659] Труды Комиссии… **Т. 1.** С. 42, 264; **Т. 2.** 448; **Т. 3.** С.257

на его от посягательств даже собственного мужа[661]. В отдельных случаях лишь деятельность жены поддерживала хозяйство «на плаву»[662]. Распоряжение женой своим собственным имуществом осуществлялось не в её собственных интересах, а на благо всего хозяйства. Например, продажа приданого могла помочь погасить семейные долги. Представляется, что обычное право вплотную подошло к идеям, которые отразились лишь в Кодексе законов о браке семье и опеке РСФСР 1926 г.: добрачное имущество является личной собственностью мужа или жены, но *приобретённое в браке становится общей собственностью*. С этой точки зрения обычное право было значительно прогрессивнее норм гражданского законодательства Российской империи.

Таким образом, обычаи, регулировавшие взаимоотношения членов крестьянского хозяйства, были куда более гибкими, чем гражданское или церковное законодательство. Несмотря на доминирующее положение домохозяев, жалобы на их поведение рассматривались, и в случае установления их вины требования жалобщиков удовлетворялись. В частности, обычай дозволял жаловаться детям на родителей, что совершенно не соответствовало пониманию «родительской власти», сформулированному гражданским законодательством России. Если в дворянской среде имущественное бесправие детей заставляло их в ожидании наследства или замужества терпеть родительский диктат, то дети-крестьяне зачастую требовали выдела из общего хозяйства и добивались этого.

Супружеские права и обязанности, как их понимал сельский обычай, резко контрастировали с тем, что было предусмотрено в гражданском законодательстве. Безусловная обязанность супругов жить вместе не могла быть реализована в принципе, поскольку отхожий промысел был традиционной частью крестьянского быта. При этом на заработки уходили не только мужчины, но и женщины. Соответственно, в последнем случае жена с согласия мужа могла получать отдельный вид на жительство[663]. Власть мужа над женой была фактическая, но незащищённость крестьянок от побоев и унижений со стороны их супругов компенсировалась, хотя и в малой части, возможностью обратиться за защитой в крестьянский суд. При этом обычаи были гораздо гибче законодательства: если писаный закон предусматривал лишь уголовную ответственность мужа-забияки (ст. 2013 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года в первоначальной редакции), то крестьянский суд мог установить раздельное проживание с

---

[660] Там же. **Т. 1.** С. 42, 63 – 64, 109, 119 – 120, 367; **Т. 2.** С. 43, 58; **Т. 3**. С. 219
[661] Там же. **Т. 2.** С. 153; **Т. 3.** С. 18, 215, 233
[662] Там же. **Т. 2.** С. 348.
[663] Там же. **Т. 2.** С. 129, 174, 312.

выделением содержания обиженной жене. Правда, судя по отзывам современников, крестьянский суд значительно чаще вставал на сторону мужей. Однако когда речь шла о бесхозяйственном распоряжении семейным имуществом со стороны мужа, мирским приговором он мог быть поставлен под контроль (опеку) своей жены[664]. Случалось и обратное: из-за развратного поведения жену могли не пустить на жительство в дом мужа[665]. На практику крестьянских судов, допускавших раздельное проживание супругов при наличии уважительных причин, обратили внимание члены Редакционной Комиссии по составлению Гражданского Уложения и внесли эту возможность в проект[666].

С точки зрения соотношения с церковным правом, обычаи также отличалось бóльшей гибкостью. Возможность раздельного проживания в случае жестокого обращения мужей с жёнами была принципиально допущена законодательством лишь с 12 марта 1914 года. Крестьянские суды же, следуя обычаям, делали это задолго до начала XX века. Официальный развод крестьянской массе был практически неизвестен, что отчасти доказывается мнениями современников, отчасти тем, что в архивных фондах Синода количество дел о разводах по всем сословиям примерно одинаковое (притом, что крестьянство составляло даже в начале XX столетия более 80% населения страны). Однако фактические разводы не были редкостью в крестьянской среде, причём поводом для этого были плохие отношения в семье.

***

Изучение норм крестьянских обычаев в России, к сожалению, достаточно поздно было поставлено на научную основу, однако и собранных данных достаточно, чтобы увидеть важнейшие для большинства населения страны аспекты брачно-семейных отношений. Прежде всего, надо указать отношение в народе к семье, как к единому хозяйственному комплексу. Этот комплекс формировался сложным образом: в него могли входить лица, связанные кровнородственными отношениями, а также посторонние лица на договорной основе. Крестьянская семья как трудовая единица предполагала общность хозяйственных интересов, именно отсюда возникла явочным порядком, а не из законодательства, общая собственность семьи на движимое и недвижимое имущество. Отсюда и феномен домохозяина как единственного распорядителя имуществом кре-

---

[664] *Александров В.А.* Указ.соч. С. 177 – 178, 221.
[665] Труды Комиссии… **Т. 3.** С. 56.
[666] Гражданское уложение. Книга вторая. Семейственное право... С. 212.

стьянской семьи. Такой взгляд на семью смог законсервироваться и сохраниться в течение многих веков во многом потому, что вплоть до начала XX века правительство предпочитало иметь дело не индивидуально с отдельным крестьянином, а с крестьянским двором в рамках основных сословных обязанностей сельского населения. Сравнение обширного материала, собранного во второй половине XIX века, с дошедшими до нашего времени памятниками права и отдельными правовыми актами древности доказывает это.

Хозяйственные интересы заставляли крестьянскую семью заботиться о её благополучии даже в ущерб идеям, которые несла народу Православная церковь. Практика показала, что несмотря на усилия церкви и правительства, в народе сохранялось отношение к браку как к сделке. Отсюда частое пренебрежение такими условиями вступления в брак, как возраст, степень родства и свободное волеизъявление жениха и невесты. Отсюда запрещённые законодательством обеспечительные меры на случай отказа вступить в брак и возложение обязанности возместить ущерб, причинённый таким отказом. Само церковное таинство брака имело гораздо меньшее значение, чем деревенские «веселья». Особенно наглядно видно отношение к браку, как к способу укрепления и поддержания крестьянского хозяйства, благодаря институту примачества. Хотя примак и вступал в брак, но гораздо более важным актом являлось заключение договора, где определялся и личный статус зятя-примака, и его имущественные права в семье жены в зависимости от разных условий. Вхождение в сельскую семью приёмыша или учреждение опеки над сиротой – всё это являлось для крестьянства не только моральной обязанностью или мирской службой, но и, по возможности, взаимовыгодной сделкой. Например, ярким отличием опеки по обычному праву от той, которая была закреплена в гражданском законодательстве России, являлось признание «родственного начала», т.е. в случае смерти одного из родителей второй оставался «естественным» опекуном ребёнка. Между тем, многочисленные комиссии по реформированию дворянской и городской опеки вплоть до Октябрьской революции 1917 г. будут лишь осознавать необходимость признания такого подхода. Но если для дворянства «естественность» родительской опеки находила препятствие в сохранённой до Октября 1917 года раздельности имущества детей и родителей, то для крестьянской семьи эта «естественность» традиционно опиралась на общую собственность двора.

Внутри крестьянской семьи воля домохозяина определяла личные и имущественные права и обязанности её членов. Однако эта власть не была абсолютной, что доказывается ролью сельских органов самоуправления, волостных крестьянских судов, помещичьих управляющих в разрешении споров между родственниками. Традиционные народные понятия заставляли судей употреблять такие способы защиты членов семьи от домохозяина, как принудительные разделы, принуждение к примирению, возмещение причинённого вреда и т.д. В то время, как российское гражданское законодательство провозглашало почти абсолютную власть родителей над детьми, обычное право крестьян стояло совсем на других позициях. Если дети-дворяне должны были терпеть родительский диктат в ожидании наследства или хорошего приданого, то дети-крестьяне подавали жалобы на родителей за побои, судились за имущество, требовали раздела. Разумеется, искать управу могли и родители-крестьяне, требуя через суд от детей почтительности и послушания. Однако живи крестьяне в соответствии с гражданским законодательством, их дети находились бы в куда более в бесправном положении. Причины такой разницы видятся в сословных особенностях. Интересы сохранения родовой дворянской недвижимости определили создание множества механизмов по предотвращению её дробления и разбазаривания. Одним из этих механизмов являлась абсолютная личная и имущественная власть родителя, предотвращающая ведущее к разорению юношеское мотовство детей. В крестьянском сословии все члены семьи вносили трудовой и имущественный вклад в создание и укрепление семейного хозяйства, отсюда и признание прав на этот вклад всех участников этого хозяйства.

Будучи единым хозяйственным комплексом, крестьянская семья не предполагала обязательного совместного проживания её членов. Необходимость заработков на стороне заставляла подолгу проживать раздельно мужей и жён крестьянского сословия. Выдаваемые при этом жёнам паспорта и заключаемые договоры о раздельном проживании совершенно не рассматривались светскими и церковными властями, как акты, направленные к супружескому разлучению. В отдельных случаях органы крестьянской юстиции допускали раздельное проживание супругов по причине жестокого обращения мужей с жёнами, что стало общим узаконением лишь в 1914 году. Крестьянские суды сталкивались не только с проблемой разножительства супругов: из-за семейных конфликтов могли требовать отдельного проживания и другие члены семьи. Часто подоб-

ные требования удовлетворялись, особенно когда обе конфликтующие стороны были согласны на это.

Имущественные отношения строились в обычном праве совсем на иной основе, чем в гражданском законодательстве. Раздельность имущества супругов в дворянской среде требовалась для охраны родовой недвижимости, а хозяйственные интересы крестьян предполагали, наоборот, общность всего накопленного в семье. Гражданское законодательство возлагало лишь на мужей содержание семьи, а обычное право придавало значение также трудовому вкладу детей и хозяйственной деятельности жён. С точки зрения выполнения функции податной единицы, которая веками культивировалась российским правительством, общая собственность гораздо больше подходила для этого, чем раздельная.

Подводя окончательный итог рассмотрению узловых вопросов брачно-семейных обычаев, надо сказать, что они практически не ощущали влияния гражданского законодательства, где «двигателем» развития брачно-семейных институтов были дворянские интересы. Строгость церковных канонов на селе так же ощущалась очень в небольшой степени. Эта независимость от двух регуляторов (светского гражданского и церковного права) позволила выработать в народе те правовые понятия, которые уже впоследствии будут учтены не только при составлении Гражданского Уложения, но и использованы Советской властью при выработке своего семейного законодательства.

Глава 3. Регулирование брачно-семейных отношений в условиях сословного строя России

В данной главе правовое регулирование брачно-семейных отношений будет рассматриваться, главным образом, с точки зрения государственного интереса, который особенно чётко проявляется в сословном законодательстве. Вопросы вступления в брак, его прекращения, отношения супругов, детей и родителей, а также организации опеки будут рассмотрены, прежде всего, с точки зрения инструментов, используемых государством для культивации и сохранения сословного строя в России.

§ 1. Статус служилого населения в брачно-семейном законодательстве

А. Особенности правового регулирования брачно-семейных отношений дворянства

Вплоть до Октябрьской революции 1917 года в российском государстве существовало деление общества на сословия. Каждая из этих групп имела свой статус, характеризуемый определёнными правами, обязанностями и ограничениями. Одним из элементов такого статуса была «честь». «Честь» предполагала чествование, т.е. соответствующее поведение («по чести») по отношению к представителю какой-либо группы. Характерные примеры в этом отношении показывают нам нормы одного из древнейших памятников права, Русской Правды. Статьи 3 – 4 Краткой редакции (по Академическому списку)[667] и статьи 25 – 26 Пространной редакции (по Троицкому списку)[668] описывают ситуацию, когда в ответ на пощечину или удар жердью или батогом обиженный нанёс удар мечом. Феодала (владелец меча не мог быть простолюдином) не мог не оскорбить удар палкой или жердью, ставящий его на одну доску с холопом или домашним скотом.

Церковный устав князя Ярослава (XI – XII вв.) по-разному оценивает «срам»[669] жёнам и дочерям великих бояр, меньших бояр и нарочитых людей. Эту традицию про-

[667] Российское законодательство X – XX веков. В девяти томах. Т. 1. Законодательство Древней Руси. – М.: Юрид. лит., 1984. С. 47.
[668] Там же. С. 65.
[669] Срам, сором – оскорбление, бесчестье; срамить, соромотити – оскорблять, бесчестить (Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам. Труд И.И. Срезневского. Том третий. СПб., 1912).

должают и более поздние узаконения. Судебник 1550 года в ст. 26[670] устанавливает ответственность за «бесчестье» жёнам, представляющих различные социальные группы. При этом группировка происходит уже не только по происхождению (дети боярские), но и по занимаемой государственной должности (дьяки полатные, дьяки дворцовые) и по роду деятельности (люди торговые, боярские люди). Согласно ст. 99 гл. X Соборного Уложения 1649 года [671] за бесчестье непригожим словом жены, незамужней дочери или невёрстанного сына людей «какого чина ни буди» также назначается различная плата.

В отличие от Судебника 1550 года, Соборное Уложение впервые говорит о невёрстанных сыновьях, т.е. ещё не определённых в какой-либо чин. Перечень чинов дан в предыдущих статьях той же главы X (с 27 по 98)[672]. Из текста закона видно, что принцип группировки поменялся: происхождение заменяется «чином», т.е. сословным положением, зависящем, в частности, от рода деятельности. Таким образом, согласно закону свою сословную честь имели все: от боярина до помещичьего крестьянина. При этом статус жены определялся по мужу, а незамужней дочери – по отцу. То есть женщины в течение жизни могли благодаря замужеству переходить из одной социальной группы в другую. Такой переход был возможен и для сыновей: с определением (верстанием) в государственную службу они получали свой чин, и их статус с этого времени мог отличаться от отцовского.

Итак, законодательство со времён Древней Руси регулировало права и обязанности населения через выделение отдельных групп (по происхождению или по «чину») с особым статусом. Этот статус касался не только имеющего определённый «чин» главы семьи, но и домочадцев. Указанное разделение населения на группы с особым правовым положением (сословия) будет существовать в России вплоть до победы Великой Октябрьской социалистической революции, поэтому вектор, заданный Соборным Уложением, сохраниться в российском законодательстве до декрета от 10 ноября 1917 года, которым отменялись все сословные различия. Так же сохранятся и особенности правового положения жён и детей глав семейств, входящих в определённые сословные группы.

---

[670] Российское законодательство X – XX веков. В девяти томах. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. М., 1985. С. 101.
[671] Российское законодательство X – XX веков. Т. 3. Акты земских соборов. – М.: Юрид. лит., 1985. С. 112.
[672] Там же. С. 106 – 112.

а) Сословная принадлежность супругов

Один из первых законодательных актов, определяющих порядок приобретения дворянства, как известно, появился в XVIII веке, это – Табель о рангах 1722 года. Мужчины, если они не были потомственными дворянами, могли приобрести дворянство службой. Незамужние женщины имели статус отца, а после брака – мужа. Пункт 7 Табели установил, что «замужние жёны поступают в рангах мужей по чинам их»[673]. Появление данной нормы надо рассматривать в контексте введения Петром I в России европейских порядков. В частности, замужние дамы дворянского сословия должны были вместе с мужьями или отцами присутствовать на дворцовых церемониях, а также на ассамблеях[674]. Исследователи истории создания Табели о рангах установили полную идентичность этой нормы с установлением датского «Регламента о рангах» 1699 года Христиана V[675], но заимствование данной нормы целиком соответствовало отечественной традиции и идеям Петра I.

Жалованная грамота дворянству 1785 года зафиксировала, что дворянин сообщает дворянское достоинство своей жене и детям[676]. Но мог ли «низкопородный» муж приобрести выгоды от брака с дворянкой? Исследователи отмечают практику неравных браков XVI – XVIII веков, когда даже представительницы княжеских фамилий выходили замуж за чиновников из бедных дворян и разночинцев[677]. Помочь выбиться в люди могла не только усердная служба, но и выгодная партия, однако не всем нравилось подобное «размывание» благородной крови. Ещё при воцарении на престол Анны Иоанновны дворянство подавало в Верховный Тайный совет проекты о выделении «подлинных» («родовых») и «новых» («худородных») дворян[678]. Видный дворянский публицист и историк XVIII века М.М.Щербатов сокрушался, что «стали не роды почтенны, но чины, заслуги и выслуги»[679]. Дух и буква законодательства Петра I предполагали, что начав службу солдатом, вчерашний горожанин или крестьянин могли получить дворянство. Со временем (середина XIX века) правительство стало постепенно ограничивать эту возможность, особенно если служебная карьера вплотную подводила низкопородного чиновника к статусу потомственного дворянина.

---

[673] Законодательство Петра I. С. 397.
[674] см. Объявление Генерала-Полицемейстера Девиера от 26 ноября 1718 года (1-е ПСЗРИ. Т. V. № 3246.)
[675] *Троицкий С.М.* Русский абсолютизм и дворянство в XVIII веке (формирование бюрократии). М. 1974. С. 72.
[676] Законодательство Екатерины II. Т. 2. М., 2001. Док. № 163 пп. 3 – 4 раздела «А». С. 33.
[677] *Троицкий С.М.* Указ.соч. С. 305 – 306. См. также: *Лихачев Н.П.* Родственные связи княжеских фамилий с семьями дьяков. СПб., 1900. С. 2.
[678] *Латкин В.Н.* Учебник истории русского права периода империи (XVIII – XIX ст.). СПб., 1909. С. 133.
[679] *Щербатов М.М.* О повреждении нравов в России / Избранные труды. М. 2010. С. 432.

Что же касается брака, то здесь правительство ввело ограничения гораздо раньше: законодатель в принципе не допускал, чтобы через брак с дворянкой разночинец мог стать землевладельцем[680]. Типичным примером такого ограничения может служить Инструкция 1754 года, разработанная при Елизавете Петровне для проведения «генерального межевания». В соответствии с этим документом, если оказывалось, что новым мужем дворянки было лицо неблагородного сословия, не имевшее обер-офицерского ранга, хозяйка имения должна была продать его в течение полугода с момента опубликования Инструкции[681]. Продать имение в этом случае, конечно, можно было не любому желающему, а «кому по указам надлежит»[682]. В 1758 году это положение было ещё раз подтверждено под угрозой конфискации проблемного имения[683].

Получалось, что дворянка, не совершив никакого преступления, а лишь выйдя замуж за разночинца фактически должна была утратить дворянское достоинство вместе с потерей имения. Ситуацию изменила Жалованная грамота дворянству, специально урегулировавшая этот вопрос. Специальный пункт грамоты установил, что сама дворянка в подобных случаях дворянского звания не утрачивает, но не сообщает его ни мужу, ни детям[684]. В сенатском указе от 8 июля 1787 года содержалось специальное разъяснение, что действие соответствующих пунктов Жалованной грамоты имеет обратную силу[685].

На практике нередки были случаи, когда дворянки вступали в браки не только с разночинцами, но и с крестьянами. Это, конечно, были не природные дворянки, а бывшие крепостные, на которых ранее женились их господа. Так, в правление Екатерины II рассматривалось дело о браке отставного поручика Михаила Апухтина, который женился на своей крепостной Татьяне Даниловой, а потом, не желая с ней жить, попробовал выдать её замуж за государственного крестьянина Ивана Маркина[686]. В 1764 году граф Андрей Ефимовский женился на своей дворовой девке Степаниде Никоновой (правда, после смерти мужа Степаниде пришлось доказывать сам факт наличия брака[687]). В 1801 году ротмистр Желтухин женился на дворовой девке своей матери, Анастасии Федоро-

---

[680] Лишь Именной указ от 12 декабря 1801 года предоставил разночинцам возможность покупать ненаселенные имения (1-е ПСЗРИ. Т. XXVI. № 20075).
[681] 1-е ПСЗРИ. Т. XIV. № 10237 п. 4 гл. XXX.
[682] См. п. 9 Именного указа «О наследии имений» от 23 марта 1714 года / Законодательство Петра I. С. 701.
[683] 1-е ПСЗРИ. Т. XV. № 10796.
[684] Законодательство Екатерины II. Т. 2. М., 2001. Док. № 163 пп. 7 раздела «А». С. 33.
[685] ГПИБ. ОИК. Конволют Указы № 32.
[686] 1-е ПСЗРИ. Т. XIX. № 14160.
[687] ПСПиР. Т. II (1773 – 1784). № 690. С. 18 и далее. О наследственном деле графа А.Ефимовского также см.: *Новицкая Т.Е.* Правовое регулирование имущественных отношений в России во второй половине XVIII в. М., 2005. С. 512.

вой (и этот брак после смерти ротмистра был оспорен его сестрой в борьбе за наследство).

Практика показывает, что если брак дворянина с крестьянкой признавался законным, то этот брак сообщал ей дворянское состояние, которое Именным указом от 22 декабря 1807 года признавалось неотъемлемым, даже если после смерти мужа-дворянина его супруга выходила вторично замуж за крестьянина[688]. В 1811 году Сенат и Государственный Совет были вынуждены вернуться к этому вопросу и уточнить, что за дворянкой в подобных случаях сохраняется не потомственное, а личное дворянство[689].

Статья 74 Свода законов гражданских (т. X Свода Законов Российской империи в изд. 1832 года, ч. 1) закрепила правило, что «муж сообщает жене своей, если она по роду принадлежит к состоянию низшему, все права и преимущества, сопряжённые с его состоянием, чином или званием». Однако и правовое положение мужа могло некоторым образом измениться вследствие брака. Так, супруг мог войти в состав рода своей жены при обстоятельствах, предусмотренных указом Петра I «О наследии имений» (от 13 марта 1714 года) и Пунктами о вотчинных делах. Эти Пункты представляли собой небольшой свод постановлений по вотчинным делам, принятый при Екатерине I 28 мая 1725 года и разъяснявший неясные положения Петровского указа. Незамужняя дворянка при отсутствии в её роду мужчин-наследников, выходя замуж, ради сбережения недвижимости должна была взять письменное обязательство с жениха принять новое «прозвание»[690]. Таким образом, в дворянском роду появлялся мужчина, который должен был продолжить фамилию жены. Естественно, в этом случае брак с разночинцем был невозможен: «породистой» девице подбирался муж «благородных кровей». В любом случае присвоение мужу фамилии и титула супруги могло состояться только высочайшим указом, о чём говорит, например, ст. 31 Свода Законов о состоянии людей в государстве (т. IX Свода Законов Российской империи в изд. 1833 года). От таких браков возникло несколько известных в России двойных фамилий. Так, указом Петра I П.Ф.Балку было разрешено присоединить к своей фамилии фамилию супруги, Марии Федоровны, последней в роду Полевых. Граф Василий Валентинович Мусин-Пушкин,

---

[688] 1-е ПСЗРИ. Т. XXIX. № 22726.
[689] 1-е ПСЗРИ. Т. XXXII. № 25740.
[690] Именной указ «О наследии имений», п. 7 / Законодательство Петра I. С. 701; Пункты о вотчинных делах (28.05.1725) п. 7 «О возобновлении фамилии» / Указы блаженныя и вечнодостойныя памяти великой государыни императрицы Екатерины Алексиевны и государя императора Петра Втораго, состоявшиеся с 1725 генваря с 28 числа по 1730 год. Напечатаны по указу всепресветлейшей державнейшей великой государыни императрицы Елисаветы Петровны самодержицы всероссийской. При Императорской Академии Наук в Санктпетербурге 1743 года. С. 72 – 74.

женившись в 1796 году на последней в своем роду графине Екатерине Яковлевне Брюс, получил высочайшее разрешение присоединить к своей фамилии девичью фамилию жены. В 1891 году графу Феликсу Сумарокову-Эльстону императорским указом перешла фамилия и княжеский титул Юсуповых, поскольку его жена – Зинаида Николаевна – была последняя в роду Юсуповых.

На практике в подобных случаях гораздо чаще, чем муж, фамилию и титул принимал сын такой пары. Например, Елена Петровна Апостол (внучка последнего украинского гетмана Д.П.Апостола) вышла замуж за М.А.Муравьева. Их сыну, Ивану Матвеевичу, по ходатайству бездетного подполковника М.Д.Апостола в 1801 году было позволено присоединить к фамилии своего отца прозвание знаменитого украинского предка[691]. Вместе с фамилией Иван Матвеевич получил родовое имение Апостолов в Миргородском повете и 4 тыс. душ. Таким же образом, по высочайшему указу, возникли известные дворянские фамилии Кушелевы-Безбородко, Друцкие-Соколинские-Гурко-Ромейко, Орловы-Денисовы, Орловы-Давыдовы и проч.

Заботу о «породе», т.е. о соответствии сословному положению жениха статуса невесты проявляла не только высшая власть. В царствование Екатерины II было изданы Инструкции полковникам пехотного и конного полков. Командиры полков были обязаны удостовериться в «пристойности» браков своих подчиненных, прежде чем давать на них своё согласие. Некоторая неопределённость этой формулировки (что понимать под «пристойностью»: благонравие невесты, её воспитание?) немного расшифровывалась: «не прежде дозволяет, пока совершенно сходну партию увидит» [692]. Эти положения Инструкций вместе с введённым ещё Петром I запретом гардемаринам жениться без согласия начальства[693] станут исторической основой для нормы статьи 7 Свода законов гражданских (Свода Законов Российской империи в изд. 1832 года) следующего содержания: «Запрещается лицам, состоящим в службе, как военной, так и гражданской, вступать в брак без дозволении их начальств, удостоверенного письменным свидетельством». Пристойность брака офицеров останется предметом заботы российского правительства и в начале XX века[694]. В некоторых документах встречаются и пояснения «пристойности». Так, в циркуляре военного министра от 17 декабря 1843 году значилось, что к проше-

---

[691] *Муравьев-Апостол И.М.* Письма из Москвы в Нижний Новгород. СПб., 2002. С. 193 – 194; см. также: 1-е ПСЗРИ. Т. XXXIV. № 26689.
[692] 1-е ПСЗРИ. Т. XVI. № 12298 п. 6 гл. II.; Т. XVII. № 12543 п. 6 гл. II.
[693] 1-е ПСЗРИ. Т. VI. № 3937 п.77 гл. I.
[694] 2-е ПСЗРИ. Т. XLII. Отд. I. № 44427; 3-е ПСЗРИ. Т. VII. № 4728, Т. XXIX. Отд. I. № 31633.

нию о браке офицера должен быть приложен документ, удостоверяющий репутацию невесты и её родителей[695]. Примечание к ст. 954 кн. VII Свода военных постановлений специально указывало, что « при разрешении брака должно быть принято во внимание общественное положение невесты»[696]. Более точную формулировку военное ведомство по данному вопросу дать так и не смогло.

Длительное время в законодательстве не было прямого ответа на вопрос: потеряют ли члены семейства осуждённого права и привилегии, которыми они пользовались по статусу главы семьи до его осуждения за преступление? Законодательство XVII – начала XVIII веков знало, например, случаи, когда преступления главы семейства сказывались на правовом положении всех её членов. Так, по Именному указу 1660 года в Сибирь с жёнами и детьми отправлялись «на вечное житьё» уличенные в ложном доносе[697], а по указу 1663 года – фальшивомонетчики[698]. Последующее законодательство также в ряде подвергало преступников ссылке вместе с жёнами и детьми[699]. Можно предположить, что при этом государство исходило из целого ряда обстоятельств. Среди них церковная идея о нерасторжимости брака (даже если осуждение главы семейства влекло его ссылку в отдалённые районы с вероятной перспективой скорой смерти на тяжёлых работах) и стремление заселить окраинные земли. Однако одним из наиболее вероятных объяснений ссылки в Сибирь всем семейством автору представляется сохранение отечественной традиции своеобразной «коллективной ответственности», когда за правонарушение был в ответе не только сам преступник, но и члены его семьи.

С 1720 года Петр I впервые разграничил «срочные» и «вечные» каторжные работы. С этих пор законодатель велел считать жен вечных каторжников свободными от супружеских отношений, «понеже мужья отлучены вечно, подобно якобы умре»[700]. То, что указ 1720 года был принят и в расчете на дворянство, явствует из предложения жёнам сосланных на вечную каторгу «жить в приданых деревнях». Несмотря на это нововведение, в некоторых случаях видим проявления и допетровского подхода. Так, когда в

---

[695] *Клокачев В.П.* Брак офицеров: законоположения главнейших государств Запада: История развития и современное положение вопроса в России: Крит.обозр. СПб., 1907. С . 2.
[696] Свод военных постановлений 1869 г. Книга VII. – Прохождение службы по военному ведомству. Изд. 2 (по 1 января 1907 г.). СПб., 1907. С. 224. См. также: 3-е ПСЗРИ. Т. XXI. Отд. I. №. 19757 п. III.
[697] 1-е ПСЗРИ. Т. I. № 271.
[698] 1-е ПСЗРИ. Т. I. № 348.
[699] 1-е ПСЗРИ. Т. II. №№ 679, 756, 846, 873, 879 (п. 23), 955, 992, 1276 (п. 12); Т. III №№ 1359, 1362, 1502 (п. 39), 1641 (п. 16); т. IV №№ 1863, 2045, 2076.
[700] Законодательство Петра I. С. 719.

1730 году был осуждён князь А.Г. Долгоруков, в ссылку отправились и его братья, а сестра была заключена в один из нижегородских монастырей[701].

Подтверждая введённое отцом правило, Елизавета Петровна в марте 1753 года добавила к нему норму о выделении таким «вдовам» указной части из движимого и недвижимого имущества «как бы умершего» мужа»[702]. Законодательство, по сути, в подобных случаях предлагало женщинам дворянского звания[703] альтернативу: сохранить брак и следовать за осуждённым «во глубину сибирских руд» или считаться вдовой вследствие политической смерти супруга. В мае того же года императрица уточнила понятие политической смерти: её неотъемлемой частью должно являться символическое возведение на виселицу или положение головы на плаху. Дополнительные наказания – вечная работа, ссылка или заточение – играли уже второстепенную роль. В каком-то смысле этот новый закон даже запутал дело, поскольку по тексту получалось, что жена могла считать себя свободной и претендовать с семьей на указную часть лишь в случае политической смерти мужа. Но без символической казни даже вечная ссылка считалась не политической смертью, а лишь наказанием, и на что в этих условиях могла рассчитывать жена и родня осуждённого, документ не указывает[704]. Синод внес некоторую ясность в 1767 году, разъяснив, что для жены осуждённого просьба о новом замужестве могла быть удовлетворена на местах епархиальным руководством при наличии справки о «вечности» наказании, будь то каторга, ссылка или заточение[705]. Права же на указную долю открывались для домочадцев осуждённого лишь в случае его политической смерти, ибо она влекла за собой потерю имущественных прав, что подтверждено законодательством также в эпоху Екатерины II[706].

Примечательно, что подобную альтернативу законодательство предусматривало только для женщин. Существовали лишь единичные случаи, когда муж осуждённой дворянки следовал за женой к месту исполнения вечного наказания. Так, Е.В.Анисимов приводит уникальный случай, когда в 1743 году камергер Карл Лилиенфельд, муж осуждённой по делу Лопухиных фрейлины Софьи Лилиенфельд, последовал за ней не только в Петропавловскую крепость на время проведения следствия, но и в сибирскую

---

[701] *Анисимов Е.В.* Дыба и кнут. Политический сыск и русское общество в XVIII в. М., 1999. С. 645. Другие примеры см. там же.
[702] 1-е ПСЗРИ. Т. XIII. № 10086.
[703] Оба указа предусматривают возможность проживать жёнам каторжных в «приданых деревнях», что явно указывает на принадлежность женщин к дворянскому званию.
[704] 1-е ПСЗРИ. Т. XIII. № 10101.
[705] 1-е ПСЗРИ. Т. XVIII. № 12934.
[706] См. об этом, напр.: *Новицкая Т.Е.* Указ.соч. С. 504.

ссылку. Отбывая наказание, Софья пережила мужа и лишь при Екатерине II получила полное прощение и возможность жить в Москве или любом другом месте[707]. Но, конечно, гораздо бóльшая часть супружеских пар в подобной ситуации (при осуждении мужа без предания политической смерти) распадалась. Например, в 1727 году не поехала за мужем графиня Санти; в 1733 году Марфа Долгорукова, жена сосланного в Сибирь князя Юрия, развелась с мужем и тут же попросила вернуть часть отписанных у мужа вотчин[708].

Примечательно и то, что Синод на первых порах не предполагал у мужчин права просить развода при осуждении жен к вечному наказанию. Так, в 1728 году он отказал в разрешении на вступление во второй брак полковнику Якову Елчину, первая жена которого была осуждена за произнесение «великих непристойных слов». Елчину было предложено просить светскую власть о прощении его жены и освобождении её от наказания[709]. Со временем, особенно после подтверждающего указа 1753 года, рассмотрение прошений о разводе в подобных случаях не вызывало сложностей в органах церковного управления и такие прошения быстро удовлетворялись[710].

Итак, перед законодателем в XVIII веке встала проблема определения статуса членов семей преступников, осуждённых к политической смерти. По смыслу указов XVIII века, которые касались дворянства, жене осуждённого к политической смерти мужа выделялась указная доля, значит, она сохраняла право обладать недвижимым имуществом, следовательно, сохраняла дворянский статус. Так, в 1746 году, когда подпоручик Степан Елагин был осужден «в вечную работу», его жене Прасковье из деревень и прочего имущества Елагина выделили указную часть, а остальные его деревни были закреплены за детьми[711]. Таким образом, распад семьи в данном случае позволял не только жене осуждённого сохранить своё положение, но и детям – отцовское имение и возможность послужить государству. В Жалованной грамоте дворянству 1785 года эта норма будет окончательно оформлена в правило о сохранении за членами семей пре-

---

[707] *Анисимов Е.В.* Указ.соч. С. 649, 672.
[708] *Анисимов Е.В.* Указ.соч. С. 647. Ссылка князя Юрия Юрьевича Долгорукова спасла Марфу от позора: за два года до своей ссылки муж возбудил дело о разводе по причине неоднократных актов её прелюбодеяния, в том числе, совершённых в промежуток между брачным сговором и браком. Однако бракоразводное дело по иску мужа вследствие его осуждения окончено не было (см. ОДДС. Т. X (1730 г.). Дело № 120. Стлб. 249 – 250), что позволило Марфе не только без скандала вернуться в семью, но и выйти через несколько лет замуж за графа Р.И. Воронцова.
[709] ОДДС. Т. VIII (1728 г.). Дело № 667. Стлб. 631.
[710] См. примеры: *Цатурова М.К.* Три века русского развода (XVI – XVIII века). С. 137 – 141.
[711] 1-е ПСЗРИ. Т. XVII. № 12728.

ступников их родовых имений (ст. 23[712]). Тем самым устраняется один из базовых принципов феодального землевладения – условность, но при этом сохраняется сам сословный строй, основанный на феодальных отношениях.

Важным поводом для законодателя вернуться к проблеме статуса жены осуждённого на политическую смерть мужа могло бы явиться добровольное следование в Сибирь жен декабристов. Местная власть на основании высочайше утвержденного предписания, подписанного Восточно-Сибирским генерал-губернатором А.С.Лавинским, предприняла определённые усилия, чтобы этому помешать. Данный документ предписывал иркутскому гражданскому губернатору И.Б.Цейдлеру внушить самоотверженным жёнам, в частности, следующее: «1) Что, следуя за своими мужьями и продолжая супружескую с ними связь, они естественно сделаются причастными к их судьбе и потеряют прежнее звание, то есть будут уже признаваемы не иначе, как жёнами ссыльнокаторжных, а дети, которых приживут в Сибири, поступят в казённые крестьяне…3) что с отбытием в Нерчинск уничтожаются также и права их на крепостных людей, с ними прибывших»[713]. Е.И. Трубецкая, М.Н.Волконская и А.Г.Муравьева согласились на поставленные условия и добрались до своих мужей, а вот Н.В. Якушкина до Сибири не доехала, поскольку хотя поданная в 1828 году через А.Н.Голицына и И.И.Дибича просьба на имя Николая I дошла до адресата, и император отозвался на просьбу, что исполнение этого желания по силе существующих правил не возбраняется, но Якушкина «пособиралась» до 1832 года. И в 1832 году Якушкина получила за подписью графа А.Бенкендорфа письмо, где сообщалось, что т.к. она не воспользовалась в своё время данным ей дозволением ехать к мужу, то «и не может ныне оное получить»[714].

До возникновения вопроса об устройстве семейств декабристов в Сибири[715] перед законодателем не стояла проблема статуса жен в подобных случаях. Не зря А.С. Лавинский, узнав о намерениях жен декабристов ехать за мужьями, перед тем, как выработать свой документ, посылал запросы в Петербург: считать ли этих женщин «в прежнем быту или жёнами ссыльных»?[716] Принятый в 1822 году Устав о ссыльных не содержал ответа на подобный вопрос. Специальная глава XXI («О женщинах») Устава поясняла

---

[712] Законодательство Екатерины II. Т. 2. Док. № 163. С. 35.

[713] Записки княгини Марии Николаевны Волконской. Перевод с французского оригинала А.Н.Кудрявцевой. Биографический очерк и примечания П.Е. Щёголева. «Прометей». Б.г. С. 42 – 43.

[714] Цит. по: Записки, статьи, письма декабриста И.Д.Якушкина / редакция и комментарии С.Я. Штрайха. М. 1951.С. 581.

[715] См. об этом: *Кодан С.В.* Сибирская политическая ссылка в карательной системе самодержавия, 1825 – 1861 гг. Автореферат дис. … канд. юрид. наук. М., 1987. С. 12.

[716] *Павлюченко Э.А.* В добровольном изгнании: о жёнах и сёстрах декабристов. М. 1984. С. 32.

лишь то, что добровольно следующие за мужьями жёны получают кормовые деньги, «не подлежат строгости надзора» и получают особый вид на жительство[717].

Как видно из предписания А.С. Лавинского, последовавшие в Сибирь за государственными преступниками жёны должны были утратить «своё прежнее звание». Однако этот документ носил частный характер, поэтому вопрос о сословном статусе жен в подобных случаях требовал более общего разрешения. Поводом вернуться к данной проблеме стало прошение на высочайшее имя матери С.Г. Волконского, поданное в 1832 году. Из прошения явствовало, что пребывающей в Сибири М.Н. Волконской неоднократно отказывали в оформлении доверенности на управление недвижимыми имениями. Министр юстиции Д.В. Дашков, кому была отправлено это прошение, был явно не знаком с предписанием Лавинского, и поэтому подготовил заключение, в котором с опорой на решения по делу Давыдовой и Стройниковой счёл и для жен декабристов пользоваться правами, связанными с их недвижимыми имениями.

Суть дела Стройниковой состояла в следующем. В мае 1829 года русский фрегат «Рафаил», крейсировавший у побережья между Синопом и Батумом попал в засаду к турецкой эскадре, состоящей из пятнадцати судов. Капитан корабля С.М. Стройников был вынужден сдаться вместе с командой в плен, а корабль достался туркам. Военный историк А.А. Чернышёв приводит сведения о том, что Николай I не только распорядился сжечь этот корабль, если он когда-нибудь будет отбит у неприятеля, но и якобы запретил разжалованному в матросы С.М. Стройникову жениться, чтобы «не иметь в России потомства труса и изменника»[718]. Между тем, до описанных событий капитан 2-го ранга Стройников уже был женат, и в 1831 году его супруга обратилась в ведомство мужа по вопросу о сохранении её статуса. Начавшаяся переписка начальника Главного морского штаба с министерством юстиции выявила полное отсутствие нормативного материала, позволившего бы оперативно вынести определённое решение[719]. Дальнейшее делопроизводство обнаруживает свидетельство, что император до этого во всех подобных случаях частным образом удовлетворял прошения жен преступников[720]. Наконец, в декабре 1831 года по этому поводу состоялось высочайшее повеление: 1) просительнице

[717] 1-е ПСЗРИ. Т. XXXVIII. № 29128.
[718] *Чернышёв А.* Великие сражения русского парусного флота. М. 2010. С. 332.
[719] РГИА. Ф. 1149. Оп. 2 (1831). Д. 58. Л. 2 – 4об.
[720] Там же. Л. 15.

позволялось именоваться *женой бывшего капитана 2-го ранга*, поскольку она не причастна к преступлению мужа, 2) принять это за правило во всех подобных случаях[721].

Решение по делу Давыдовой было принято уже непосредственно с учетом статуса декабристов и их жён. В 1831 году Николай I согласился с мнением министра юстиции о том, что в случае с проживавшей вместе с мужем в Нерчинске женой декабриста В.Л. Давыдова нельзя лишать её прав наследовать недвижимое имущество и располагать им по своему усмотрению[722].

Несмотря на эти благоприятные для жён государственных преступников решения и отсутствие в законодательстве прямого запрещения пользоваться при следовании за мужьями правами дворянок (в т.ч. и на недвижимость), Николай I в апреле 1833 года на заседании Комитета министров занял следующую позицию. Во-первых, проживание жён вместе с мужьями, осуждёнными за государственные преступления, повлечёт для них те же ограничения, которые касаются самих мужей при отбывании наказания. Жёны при этом не лишаются прав на свои имения, могут также наследовать их, но все суммы, поступающие с этих имений, должны передаваться начальству, отвечающему за организацию наказания государственным преступникам. Это начальство, в свою очередь, в соответствии с принятыми ограничениями будет обращать эти суммы допустимыми частями в пользу таких семей. Во-вторых, последовавшие за государственными преступниками жёны по смерти своих мужей могут быть восстановлены в пользовании своими правами, но лишь в пределах Сибири. Вопрос о возврате в центральную часть страны и об ограничениях, которым при этом могут подвергаться пережившие мужей жёны, будет зависеть в каждом конкретном случае от высочайшего усмотрения. Таким образом, воля монарха была ясно выражена, и соответствующее постановление Комитета министров было отправлено министру юстиции.

Вопрос о правах состояния при осуждении одного из супругов не мог не отразится в уголовном законодательстве, тем более, что в первой половине XIX века проводилась его активная систематизация. Свод законов уголовных даже в издании 1842 года (т. XV Свода Законов Российской империи) ещё не зафиксировал изменений, произведённых в 1831 году. Зато Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года знает «потерю прав семейственных» как последствие осуждения к каторжным работам

---

[721] 2-е ПСЗРИ. Т. VI. Отд. II. № 5032.

[722] *Щёголев П.Е.* Жены декабристов и вопрос об их юридических правах / Исторические этюды. Издание второе. Б.м., б.г. С. 421.

или к ссылке на поселение (ст. 29 – 31)[723]. Составители Уложения, как представляется, извлекли урок не только из указа 1831 года, но и из последствий восстания декабристов: ст. 26 сохраняла права состояния жён и детей, следующих на каторгу или поселение с лицом, осуждённым с лишением прав. Правда, в статье также говорится о «некоторых ограничениях» пользования этими правами, которые могут производиться лишь по необходимости, «по усмотрению и распоряжению высшего начальства».

Таким образом, более чем через век после указа Петра I 1720 года законодатель сумел окончательно разрешить вытекающую из этого указа принципиальную проблему сословного положения жены при утрате такового мужем. Разрешение это привело в итоге: 1) к появлению законной причины к разводу, ранее не предусмотренной каноническими установлениями, 2) к уточнению правового положения неразведённой жены при осуждении мужа к лишению сословных прав, 3) к появлению норм уголовного законодательства о «потере прав семейственных».

б) Обязанность содержания мужьями своих жён: происхождение и суть

Табель о рангах, определяя общность статуса супругов, гласила: «Все замужние жёны поступают в рангах по чинам мужей их»[724]. Однако чтó давал женщине ранг мужа, не разъясняет не только Табель, но и последовавшее в течение века законодательство. Единственным документом, который каким-то образом ранжировал замужних женщин, являлся Манифест от 3 апреля 1775 года «О экипажах и ливреях, какие чиновникам разных классов дозволяется иметь»[725]. Нацеленный на борьбу с излишней роскошью, Манифест предоставляет замужним женщинам «пользоваться преимуществами мужей их» (п. 11), т.е. позволял пользоваться максимум теми транспортными средствами, которыми в зависимости от ранга могли пользоваться их мужья. Данный документ жёстко не закрепляет за различного ранга дворянами с их жёнами и детьми конкретный тип экипажа, но предостерегает от пользование такими, которые оказываются не по чину и не по достатку.

Устав Благочиния, или Полицейский (1782 года) в разделе «Д» (Наказ управе благочиния) в числе правил добронравия содержит обязанность мужа доставлять жене про-

[723] 2-е ПСЗРИ. Т. XX. Отд. I. № 19283.
[724] Законодательство Петра I. С. 397.
[725] 1-е ПСЗРИ. Т. XX. № 14290.

питание и содержание по *состоянию* и возможности хозяина (п. VIII) [726]. Под состоянием здесь понимается не имущественное (в Уставе это обозначено как «возможность»), а именно сословное положение. В ст. 77 Свода законов Гражданских (изд. 1832 года) эта формулировка («по состоянию и возможности») также нашла своё отражение, но ни один закон не дал более чёткого указания о конкретных размерах содержания жён. Таким образом, эту сторону правового статуса супругов законодатель не урегулировал, но определённая практика по данной проблеме всё-таки сформировалась.

Поставить вопрос о содержании жены непосредственно мужем российскому законодателю долгое время просто не приходило в голову. И в настоящее время не часто встретишь иски о супружеских алиментах при нерасторгнутом браке, но вплоть до издания Устава благочиния эта проблема, по-видимому, совсем не интересовала власти. В этой связи следует попробовать выяснить источники нормы об указанной обязанности мужа. Прежде всего, надо отметить текстуальное совпадение приведенных статей Устава Благочиния 1782 года и Свода законов гражданских в издании 1832 года. Составители Свода законов в подстрочных ссылках прямо указывают, что правило, сформулированное в 1782 году, послужило источником для нормы, увидевшей свет в 30-е годы XIX века. Но верно ли это? Не имеют ли обе эти нормы общий источник?

Формально правило Свода о содержании жены «по состоянию» основано на нормах Устава Благочиния, однако в данном случае можно проследить «иностранный след». Статья 214 Французского гражданского кодекса в первоначальной редакции 1804 года содержит точно такую же формулировку: «муж обязан…снабжать её (жену) всем необходимым для жизни по возможности (facultés) своей и своему состоянию (etát)». О влиянии ФГК на М.М. Сперанского и даже о подражании этому кодексу при составлении Свода законов гражданских достаточно подробно, с указанием параллельных мест писал В.И.Синайский[727]. Соглашаясь с обоснованными выводами дореволюционного учёного, можно предположить, что и нормы Устава Благочиния 1782 года были позаимствованы из зарубежных правовых трактатов или даже нормативного материала европейских государств. Общеизвестно увлечение Екатерины II идеями французских философов XVIII века, которыми руководствовались, кстати, и составители Кодекса Напо-

[726] Законодательство Екатерины II. Т. 1. М., 2000. Док. № 78. С. 563.
[727] *Синайский В.И.* Указ.соч. С. 160 и далее.

леона[728]. В качестве иллюстрации можно привести ряд «параллельных» мест из Устава Благочиния, работы П.А. Гольбаха «Основы всеобщей морали или катехизис природы» (1765 года) и Французского гражданского кодекса 1804 года.

Основы всеобщей морали или катехизис природы	**Французский гражданский кодекс 1804 года**	**Устав Благочиния или Полицейский 1782 года**
Вопрос. Каковы обязанности мужа? Ответ. Поскольку природа наделила его большей физической силой, чем его жену, он должен защищать её, охранять, брать на себя ту работу, к которой она не способна по своей слабости, делиться с ней знаниями, проявлять к ней привязанность и быть ей верным.	212. Супруги обязуются (в отношении друг к другу) взаимной верностью, помощью и поддержкой[729]. 213. Муж должен (оказывать) покровительство своей жене…	VIII. Муж да прилепится к своей жене[730] в согласии и любви, защищая, извиняя ея недостатки, облегчая ея немощи, доставляет ей пропитание и содержания по состоянию и возможности хозяина.
Вопрос. Каковы обязанности жены? Ответ. Она должна выполнять менее тяжелые работы в доме, заботиться о воспитании детей в раннем возрасте, проявлять любовь и нежность к мужу, необходимые для того, чтобы вы-	213. …жена (должна оказывать) повиновение своему мужу	IX. Жена да пребывает в любви, почтении и послушании к своему мужу; и да оказывает ему всякое угождение и привязанность, аки хозяйка[732].

[728] *Жюллио де ла Морандьер.* Гражданское право Франции. Перевод и вступительная статья Е.А. Флейшиц. Т. 1. М. 1958. С. 107.
[729] Перевод дан по: *Синайский В.И.* Указ.соч. С. 161.
[730] «Посему оставит человек отца своего и мать и прилепится к жене своей» (Ефес. 5, 31).
[732] Законодательство Екатерины II. Т. 1. М. 2000. Док. № 78. С. 563.

звать в нем ответную любовь и нежность, уступать ему из уважения к его превосходству в силе и знаниях и быть ему верной[731].		

Объективной причиной, по которой законодательство Франции обязывало мужа содержать жену, был институт общей супружеской собственности. Общая собственность складывалась из добрачного имущества супругов, причем муж наделялся правомочиями по управлению и распоряжению им. Это знало и дореволюционное законодательство Франции, и Кодекс 1804 года[733]. Естественно, в условиях, когда жена не могла распорядиться даже добрачным имуществом, закон возлагал на мужа обязанность по её обеспечению. Но в нашей стране супружеское имущество традиционно было раздельно, и даже у М.М. Сперанского не хватило бы смелости столь радикально изменить право феодальной России.

Таким образом, институт супружеского алиментирования являлся во второй половин XVIII – начале XIX веков совершенно инородным телом в отечественной системе права, которой ещё предстояло «переварить» его в дальнейшем. И, тем не менее, проблема содержания жены мужем обозначилась в России сама собой и совершенно с неожиданной стороны. Известно, что каноны православной церкви в течение многих веков существенно ограничивали желание супругов развестись. На практике вместо разводов россияне часто практиковали «разножительство». В предыдущей главе уже описывалось, как и на каких условиях это происходило. Договоры между супругами предполагали единовременные или периодические выплаты мужьями жёнам за раздельное проживание. При этом стороны не руководствовались каким-нибудь максимумом или минимумом, ибо границы выплат законом не устанавливались. Органы, утверждавшие решения о раздельном проживании, также не имели перед собой законодательных образцов. Так, Синод в решении по делу супругов Потёмкиных в 1732 года вообще не упомянул о материальных условиях разножительства[734]. То же – в решении по делу су-

[731] *Гольбах, Поль Анри*. Избранные произведения в двух томах. Т. 2. М. 1963. С. 44.
[733] *Жюллио де ла Морандьер.* Указ.соч. С. 101, 108.
[734] ОДДС. Т. XI (1731 г.). Дело № 519. Стлб. 756.

пругов супругам Михалковых[735]. А вот по делу отставного прапорщика Александра Минина с женою состоялось соглашение, по которому супруга до примирения должна была проживать в данных от мужа деревнях[736].

В 1779 году Екатерина II утвердила доклад Совестного суда по делу дворянина Никиты Демидова с женой. В ходе делопроизводства была установлена развратная жизнь Софьи Демидовой, которая неоднократно порывалась оставить мужа. Между прочим, было установлено, что супруг выделял на содержание Софьи 5 тыс.руб. в год, что она считала недостаточным. Заслуживает внимание оценка судом этого обстоятельства: «Правда, не достанет сего на угождение распутства, но на благонравное житие конечно избыточественно»[737]. Оценил суд и годовой расход Демидова на ведение дома в 25 тыс.руб.: «Более сего он, как простой дворянин, и по благопристойности тратить и жить не по своей мере не долженствовал». Наконец, утвердив разножительство супругов и сумму на содержание отдельно проживающей жены в 5 тыс.руб., суд заключил: «Сию дачу имеет муж её начать со дня отлучения её из дому, дабы на полученные впредь за прошедший год деньги могла она завестись домом и нужное себе приготовить»[738]. Итак, суд без всякого закона «примерил», какая сумма потребна *простым дворянам* на благонравное (благопристойное) «житие».

Ещё более определённым было решение Синода по делу отставного поручика Михаила Апухтина. Женившись на своей крепостной, он затем решил жениться вторично, для чего бросил законную супругу. Синод, рассматривая дело в 1766 году, определил заключить поручика в монастырь до раскаяния, а жене тем временем выделить на пропитание из его имений *пристойную часть*[739]. Вчерашняя крепостная не имела своих приданых деревень, поэтому Синоду пришлось вынести решение о её содержании. Однако дело затянулось почти на десять лет, Апухтин категорически отказывался возобновить прежнее сожительство, а жена жаловалась, что «пристанища и пропитания не имеет». Сенат, куда в итоге попало дело в 1774 году, не имея точных указов о порядке расчета алиментных сумм, предложил Екатерине II согласиться с ежегодным платежом в пользу оставленной жены с прижитым сыном *четверти доходов* с имений ответчика. Возможно, Сенат, затрудняясь принять решение, исходил при исчислении четверти из

[735] ОДДС. Т. XV (1735 г.). Дело № 193. Стлб. 241 – 242.
[736] ОДДС. Т. XIX (1739 г.). Дело № 157. Стлб. 271.
[737] 1-е ПСЗРИ. Т. XX. № 14886.
[738] Там же.
[739] 1-е ПСЗРИ. Т. XIX. № 14160.

просьбы истицы: она желала выделения ей указной части. Размер указной доли был определен в Именном указе от 17 марта 1731 года[740], который, в свою очередь, отсылал к Соборному Уложению 1649 года. В ст. 1 гл. XVII Соборного Уложения бездетная вдова могла получить *четверть* «из животов» (имений) покойного супруга.

Указ по делу Апухтиных не создал общей правовой нормы: размеры алиментов при раздельном проживании не были определены и в XIX веке. Правда, в 1873 году Тульский окружной суд, рассматривая дело по иску Трухиной о выделении ей на содержание третьей части годового дохода с имений мужа, вынес решение о присуждении ей *четверти*, исходя *из смысла* ряда российских законов. Однако Гражданская кассационная коллегия Сената, отменив решение окружного суда, указала, что размер содержания закон не определяет и обусловливает исполнение этой обязанности чисто личными отношениями супругов между собой, вытекающими из требуемого от супругов безусловно чувства взаимной любви и уважения друг к другу, их обоюдного взгляда на потребности семейной жизни.

Таким образом, размер содержания «по состоянию и возможности» продолжал оставаться в XIX веке чисто оценочной категорией. Так, в 1822 году княгиня Надежда Шахаева обратилась с просьбой на высочайшее имя, в которой жаловалась на мужа. Князь Сергей Шахаев вывез жену в Санкт-Петербург якобы для лечения у опытных докторов, а затем оставил её и уехал в свои имения Нижегородской губернии. Отчаявшись воссоединиться с мужем, княгиня просила велеть ему «дать ей хотя *пристойное содержание*»[741]. О содержании, *приличном состоянию и возможности* мужа, рассуждал Сенат и в 1873 году по указанному делу Трухиной.

Не устанавливая общей нормы о размерах приличного содержания жён, правительство в одном случае не только выработало специальные правила, но и поставило саму возможность брака в зависимость от возможности такого содержания. Это касалось офицерства. Потери, которые несла русская армия в войнах, ложились на казну необходимостью выплаты вдовам пенсий, что выливалось в немалую сумму. Проект, предложенный в середине XIX века князем И.Ф.Паскевичем, предлагал запретить вступать в брак офицерам, чей годовой доход не превышал специально определённой в законе суммы, а также учредить вдовье военное общество, в пользу которого помимо по-

[740] 1-е ПСЗРИ. Т. VIII. № 5717.
[741] РГИА. Ф. 797. Оп. 2. Д. 8732. Л. 2об. Словосочетание «пристойное содержание» или «пристойное состояние» обычно использовались судебными инстанциями при рассмотрении подобных споров.

мощи правительства вычиталось бы от 1 до 3% жалованья всех офицеров[742]. В целях определить размеры необходимого «обеспечения» брака офицеров в 1844 году высочайшим повелением был образован особый комитет, в который входили граф Ф.Ф.Берг, генерал-адъютант Анненков 3-й, П.Ф.Веймарн и генерал-лейтенант Н.И.Корф. В марте 1845 года комитет представил на высочайшее утверждение проект, заложивший основные идеи будущего законодательства по данному вопросу. Проект предлагал требовать от офицеров, желающих вступить в брак, предоставление материального обеспечения (от 5 до 25 тыс. рублей серебром в зависимости от полка). Представленный в качестве обеспечения капитал считался неприкосновенным, а если вместо капитала обеспечением служила недвижимость, то вводилось запрещение на её отчуждение.

По целому ряду причин проект так и не стал законом. Однако Крымская компания и увеличившееся число обращений за материальной помощью семей погибших военнослужащих заставили правительство вернуться к этому вопросу. 3 декабря 1866 года правила о браке офицеров удостоились высочайшего утверждения и сводились к следующему. Ранее достижения 23-х лет браки офицеров запрещались в принципе. С 23 до 28 лет брак мог быть заключен с согласия начальства при предоставлении имущественного обеспечения, которое могло быть собственностью жениха, невесты или общей. Это обеспечение должно быть таким, чтобы приносило в год чистого дохода не менее 250 руб. Обеспечением могли стать процентные бумаги или недвижимость. Предъявленные бумаги и (или) документы на недвижимость находились в полковых ящиках или иных местах для хранения казённых сумм и выдавались в каждом конкретном случае их собственнику по достижении женатым офицером 28-и лет[743]. Для офицеров-моряков в 1867 году вышли свои правила, но в них ещё не содержалось требование об обеспечении. Минимальный возраст, с петровский времен установленный для гардемарин в 25 лет, правила сохраняли[744]. В 1874 году Именным указом моряки окончательно были приравнены к сухопутным офицерам и по возрасту, и по требованию обеспечения[745].

Установление таких жестких рамок (а в 1901 году обеспечение возросло до 300 руб. чистого годового дохода или, при отсутствии такового, 1200 руб. годового жалованья[746]) приводили к тому, что офицерство традиционно оставалось одной из самых

---

[742] *Клокачев В.П.* Указ.соч. С. 50.
[743] 2-е ПСЗРИ. Т. XLI. Отд. II. № 43940.
[744] 2-е ПСЗРИ. Т. XLII. Отд. I. № 44427.
[745] 2-е ПСЗРИ. Т. XLIX. Отд. II. № 54139.
[746] 3-е ПСЗРИ. Т. XXI. Отд. I. №. 19757.

«безбрачных» прослоек своей социальной группы[747]. По данным историка С.В. Волкова, в 1858 году среди офицеров женатых было только 28%, в 60-е годы – около трети, а к началу Первой мировой войны – около 60%[748]. Увеличение доли женатых офицеров можно объяснить не только ростом жалованья, но и, как ни парадоксально, уменьшением их достатка. Реформа Александра II открыла путь к офицерским должностям отпрыскам семейств, не имевших имений с большими доходами, поэтому казённое жалование в этих случаях было для таких лиц почти единственным источником существования. Учитывая, что ещё со второй половины XVIII века дворянин мог всегда выйти в отставку, состоятельный офицер, вступив в брак, часто увольнялся «по семейным обстоятельствам» и занимался ведением хозяйства. После реформы процент офицеров, могущих себе это позволить, в общей массе снизился, поэтому чтобы не остаться до старости холостяками, приходилось «тянуть лямку» и после женитьбы. Многие офицеры, не имея надлежащего обеспечения, обращались в Военное министерство с просьбой о вступлении в брак в обход данного требования, а невесты обращались по этому же поводу непосредственно на высочайшее имя[749].

Итак, определяя, прежде всего, по отношению к дворянскому званию, единство социального статуса, русское правительство во второй половине XVIII – первой половине XIX веков установило обязанность мужа содержать жену сообразно его общественному положению и материальным возможностям. Показательно, что в Своде законов гражданских эта обязанность мужа относится к числу личных, а не имущественных, т.е. здесь не решалась задача обеспечить материальную поддержку одним супругом другого, а регулировался скорее статусный вопрос, чтобы жена могла «поступать» (вести соответствующий образ жизни) по чину мужа[750]. Этот институт, очевидно, был заимствован из французского законодательства по чисто субъективному желанию отдельных государственных деятелей насадить на отечественной почве нормы просвещённой Европы. Однако в феодальной России с традиционной раздельностью супружеского имущества он прививался с трудом, что можно увидеть из неопределённости в исчислении размера супружеских алиментов в течение всего дореволюционного периода. Но в случае с браками офицеров правительство было заинтересовано в жёстком урегулировании вопроса о конкретных суммах, ибо в противном случае существенно возрастала нагруз-

[747] *Волков С.В.* Русский офицерский корпус. М. 2003. С. 282.
[748] Там же. С. 280.
[749] *Временко В.А.* Семья в обход закона // Военно-исторический журнал. 2006. № 3. С. 56 – 57.
[750] См. п. 7 Табели о рангах 1722 года (Законодательство Петра I. С. 397 – 398).

ка на казну. Таким образом, специальные нормы здесь были приняты для узкой прослойки населения и, судя по мотивировкам законодателя[751], защищали скорее казённый интерес, а не достаток офицерских семей.

в) Раздельность имущества супругов

Начиная с Древней Руси, законодательство охраняло не только честь знатных фамилий, но и неприкосновенность их имущества. Этому немало способствовали нормы, регулирующие статус супружеской собственности. Рецепция византийского законодательства в этой сфере не вызывает сомнений. Так, в патриаршей грамоте архиепископу Коломенскому и Важскому Афанасию, датированной мартом 1694 года, указаны «правильные статьи», которыми надлежало руководствоваться в наследственных делах. Кроме законов Моисея в этом документе указаны грани 6, 8, 9, 30 Закона Градского, а также Леона Царя и Константина статьи 1 – 4 о наследниках[752]. И Закон Градский, и «Леона, царя премудрого, главизны и Константина» входили в напечатанную в середине XVII века Кормчую Книгу, восходящую к Номоканону, известному ещё церковному уставу князя Владимира. В 1627 году, определяя порядок наследования родовых и выслуженных вотчин, патриарх Филарет и царь Михаил Федорович, указали «тем вотчинам бытии за всеми по правилам святых апостол и святых отец[753]».

Но нормы зарубежного права были известны на Руси не только из памятников церковного права. Один из древнейших отечественных сборников, Русская Правда, возможно, также содержит в себе следы византийских законов. Впервые эту позицию попытался обосновать В.О. Ключевский, рассматривая при этом статьи Краткой редакции[754]. Однако и в Пространной Правде можно увидеть отдельные места, которые текстуально близки законодательству Юстиниана и более поздней Эклоге. Так, ст. 93 Пространной редакции[755] помимо отказа вдове в наследовании имущества покойного мужа («задница ей мужа не надобе») содержит сведения о том, что она в случае последующего вдовства получает «часть» и ещё то, что «на ню муж взложит». Проблема, поднятая в

---

[751] Цитата из правил 1866 г.: «Невыгоды, от сего (от ранних браков офицеров – *П.П.*) проистекающие, особенно ощутительны в военное время, когда женатые офицеры большею частию вынуждены оставлять свои семейства совершенно без обеспечения, и когда Правительство бывает поставлено в необходимость принять их на своё попечение» (2-е ПСЗРИ. Т. XLI. Отд. II. № 43940).

[752] АИ. Т. 4. СПб., 1836. № 309. С. 459.

[753] Законодательные акты русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века. Л. 1986. Док. № 161 п. 1. С. 134.

[754] *Ключевский В.О.* Сочинения: в 9-ти т. Т. 1 Курс русской истории. Ч. 1. М. 1987. 218 – 219.

[755] Текст приводится по: Российское законодательство X – XX веков. Т. 1. С. 70.

данной статье, была актуальна и для византийского законодательства: император Юстиниан в ряде своих новелл (22, 98, 127) рассматривал имущественные права вдовы в связи с её повторным замужеством или воздержанием от него. Итогом явилось правило (новелла 127), закреплявшая за не вышедшей повторно замуж вдовой не только право узуфрукта на предбрачный дар мужа, но и выделение части этого дара ей в собственность. Содержание п. 6 титула II Эклоги, где говорится о повторном замужестве вдовы с детьми, «разбросано» по нескольким статьям Пространной редакции (99 и 102): ст. 99 говорит об утрате матерью в этом случае прав на управление имуществом, о её публичной отчётности в ходе этого управления, ст. 102 – о послушании детей матери, если она всё-таки останется вдоветь и управлять неразделенным имуществом, при этом декларируется её право на свою часть («свою часть вземше») и дары мужа («что ей дал муж»). В любом случае, заимствованы ли были нормы, вошедшие в Русскую Правду, из-за рубежа, или являлись исконно русским творчеством, они, как и аналогичные нормы в Византии, закрепляли раздельность супружеского имущества[756].

Несмотря на то, что древнерусское законодательство содержит недвусмысленные указания на раздельность супружеского имущества, а памятники отечественного церковного права прямо основаны на византийских нормах о том же, в науке существовал взгляд, что брак создавал общность имущества. Такой позиции придерживался, например, А.И.Загоровский[757]. Он считал, что определённая имущественная самостоятельность жены трансформируется в «московский период», когда приданое становится на время брака общесемейной собственностью с правом мужа на преимущественное распоряжение этой собственностью, но с Петра Великого (с изменением взгляда на положение замужней женщины в браке) изменяется и взгляд на приданое как на вполне неприкосновенное для мужа имущество жены[758]. В работе другого дореволюционного

---

[756] Дореволюционные правоведы, изучавшие регулирование имущественных отношений в Византии, подчеркивали, что законодательство Юстиниана и его непосредственных предшественников в этой области, в отличие от законов Древнего Рима, было направлено на установление имущественной самостоятельности жены (*Пергамент О.* К вопросу об имущественных отношениях супругов по древнейшему русскому праву // Журнал министерства народного просвещения. 1984. Ноябрь. С. 6; *Гуляев А.* Предбрачный дар в римском праве и памятниках византийского законодательства. Дерпт. 1891. С. 121). Однако установление Юстинианом равных размеров приданого (dos) и предбрачного дара (donation ante (propter) nuptias) (новелла 97) было явно направлено, как считали учёные, к охранению интересов высших классов, поскольку за потерю богатого приданого невеста вознаграждается адекватным даром со стороны жениха (*Гуляев А.* Указ.соч. С. 100). Несмотря на то, что более поздняя Эклога в п.6 титула II устанавливает определённую общность имущества, что видно из управления матерью-вдовой *всем* своим приданым и *всем* имуществом мужа до ее повторного замужества, общий принцип раздельности эта норма не устранила (там же. С. 133 – 134).

[757] *Загоровский А.И.* Курс семейного права / Под изд. и с предисловием В.А.Томсинова. М.: «Зерцало», 2003. С. 197.

[758] Там же. С. 198.

историка К.А.Неволина встречается похожий тезис: приданое на время брака становится имуществом мужа[759]. Как и А.И.Загоровский, К.А.Неволин считает правление Петра I поворотным пунктом: «греко-римские законы (которые устанавливали общую собственность на приданое – *П.П.*)…потеряли свою силу, и под влиянием новых представлений о самостоятельности лиц женского пола, которая не исчезает и в браке…на приданое стали смотреть исключительно как на имущество жены»[760]. Подобный взгляд не чужд и современным исследователям. Так, американская исследовательница М.Л.Маррезе полагает, что в XVIII веке было уничтожено мужское покровительство и опека в имущественных отношениях супругов[761]. Н.С.Нижник считает, что при Петре I приданое жены стало рассматриваться «как её раздельное имущество, которым муж не мог даже пользоваться»[762].

Представляется, что и дореволюционные, и современные исследователи допускают определённую методологическую ошибку. Лучше всего её можно проиллюстрировать словами упомянутой М.Л.Маррезе. Рассуждая о законодательстве допетровской эпохи и самого Петра I, она пишет о том, что «имущественное право не было ориентировано на женщин»[763]. Действительно, законодательные акты того времени были совсем не ориентированы на регулирование прав женщин, как не были они направлены и на закрепление имущественных прав и обязанностей супругов. Правительство ещё не ставило перед собой подобных задач, т.к. к этому отсутствовали объективные предпосылки. Так какое же законодательство используется исследователями для того, чтобы доказать общность имущества супругов, которая «всплыла» в период между Древней Русью и преобразованиями Петра I?

К.А.Неволин ссылался на ст. 8 Новоуказных статей о поместных и вотчинных делах 1676 года[764], из чего выводил следующее: «Он (муж – *П.П.*) пользовался приданым, переводил крестьян из приданых вотчин в свои поместья»[765]. Данный пункт, действительно, говорит о практике, когда мужья сводили крестьян из приданых имений жены. Но по данному пункту последовал царский указ и боярский приговор: отдать крестьян

---

[759] *Неволин К.А.* История российских гражданских законов. Часть первая: Введение и книга первая о союзах семейственных. М.: Статут, 2005. С. 284.
[760] Там же. С. 288.
[761] *Маррезе М.Л.* Бабье царство: Дворянки и владение имуществом в России (1700 – 1861) / Авторизированный перевод с англ. Н.Лужецкой. М. 2009. С. 73.
[762] *Нижник Н.С.* Указ.соч. С. 141.
[763] *Маррезе М.Л.* Указ.соч. С. 39.
[764] 1-е ПСЗРИ. Т. II. № 644.
[765] *Неволин К.А.* Указ.соч. С. 284.

по писцовым книгам по-прежнему на вотчинную землю. То есть законодатель не устанавливал прав мужа на имения жены, а, наоборот, боролся с неправомерным распоряжением ими. Царь и Боярская Дума ещё неоднократно будут возвращаться к этому вопросу с тех же позиций. Например, боярский приговор февраля 1679 года, вызванный жалобами родственников замужних женщин на злоупотребления их мужей, запретил последним отчуждать вотчины жён, кроме как с их согласия[766]. Этого же взгляда правительство придерживалось и в других постановлениях XVII века[767]. Таким образом, законы допетровской Руси сохраняли раздельность супружеского имущества, существовавшую ещё со времен Русской Правды.

К XV веку в России сложился целый класс людей, которые служили уже не в первом поколении, причем материальной основой службы были вотчины, также передаваемые из поколения в поколение. Знатность рода и служба трону «по отечеству» нашла отражение в институте местничества, ликвидированном лишь в конце XVII столетия. Служилые роды не только пытались «резервировать» за собой место в служебной иерархии, они заботились и о сохранности своих исконных земель. Именно этим объясняется особый правовой статус «родовых вотчин», который в гражданском праве XVIII – XIX столетия трансформируется в институт родовой недвижимости, отчуждение которой будет иметь особый порядок и ограничения вплоть до победы Октябрьской революции 1917 года.

По этой причине члены древних феодальных родов не только не спускали глаз с приданых вотчин, где временно хозяйничал посторонний семье человек, но и присматривали за женщинами, на которых женились их родичи. Так, в декабре 1627 года патриарх Филарет и царь Михаил Федорович рассматривали вопрос о родовых и выслуженных вотчинах. В числе прочих обсуждалась проблема продажи вотчин матерями, жёнами и вдовами вотчинников. Патриарх и царь велели в случае обнаружения подобной сделки выкупать проданные вотчины за счет казны, «а кто будет о той вотчине челобитчики по родству, и о том велели докладывать». Если же вотчину продаст бездетная вдова покойного вотчинника и объявится родня покойного, то было указано предоставить родственникам право выкупа. Если после смерти вотчинника его вдова останется без-

[766] 1-е ПСЗРИ. Т. II. № 751;
[767] Именной указ от 20 июня 1676 г. (1-е ПСЗРИ. Т. II. № 650); Именной указ с боярским приговором от 19 июля 1679 г. (1-е ПСЗРИ. Т. II. № 762).

детна, то ей «до вотчин дела нет, опричь купленных вотчин»[768]. Соборное Уложение 1649 года подтвердило указанные решения (ст. 1 гл. XVII)[769]. Таким образом, в целях сохранения земельных владений феодальные роды пристально смотрели (и обращали внимания законодателя) на браки своих представителей, поскольку развитие супружеских отношений могло привести к потере родовых вотчин.

Что давало возможность мужьям распоряжаться приданой недвижимостью своих жен, а исследователям делать на этом основании вывод об общности имущества супругов? Вплоть до реформ Петра I основу русской армии составляли иррегулярные войска, которые феодалы собирали и содержали за собственный счёт. Со времен создания централизованного государства в XIV – начале XVI веков землевладение было прочно увязано с государевой службой, прежде всего – военной. Именно по этой причине постепенно ограничивается рост церковных земель: на церковников обязанность военной службы не распространялась. Не были обязаны служить и женщины, но на их землевладение это освобождение не распространялось. Естественным решением в такой ситуации было возложение этой обязанности на их мужей. В 1648 году по делу о прожиточном поместье Акулины Власьевой было сформулировано правило, что жених, берущий замуж женщину с прожиточным поместьем, был обязан прежде, чем жениться, «справить» его за собой[770]. Соборное Уложение 1649 года подтвердило это правило в ст. 20 гл. XVI[771]. Прожиточное поместье, как известно, являлось частью государственного земельного фонда, ставшей на время суррогатом сегодняшнего социального обеспечения. На это имущество не могло возникнуть права общей собственности супругов просто потому, что оно было государственным.

Создание при Петре I регулярной армии с иным порядком финансирования породил ряд вопросов, а именно: 1) сохраняется ли необходимость для невесты «справлять» своё недвижимое приданое за женихом, 2) имеет ли женщина право отчуждать имение, бывшее ещё недавно поместьем? В 1725 году в Пунктах «О вотчинных делах» Екатерина I специально указала, что данные до этого момента «прожитки» теперь не нужно рас-

[768] Законодательные акты русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века. Док. № 161 пп. 1, 4 – 5. С. 134 – 135.
[769] Российское законодательство X – XX веков. Т. 3. С. 178.
[770] Законодательные акты русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века. Док. № 333. С. 223.
[771] Российское законодательство X – XX веков. Т. 3. С. 166.

писывать за мужем, поскольку они – имущество жены[772]. Однако в силу инерции Вотчинная коллегия продолжала некоторое время расписывать недвижимое приданое невесты за женихом, но как установила М.Л.Маррезе, уже в 40-е годы XVIII века государственные органы уже не удовлетворяли челобитий женихов о такой росписи и, напротив, числили недвижимость невесты за ней[773]. Что касается прав женщин на отчуждение имений всякого рода, то на это вопрос положительно ответил указ Сената от 4 ноября 1715 года[774].

Конечно, принятие закона далеко не всегда означает его немедленное и точное исполнение. Вековая инерция и аппетиты мужей ещё не раз приводили к постановке проблемы о способности замужней женщины распоряжаться своими имениями. Так, по делу Аксиньи Головиной, разрёшенному в 1753 году, было установлено, что Юстиц-Коллегия неоднократно отказывала этой женщине в продаже её собственности (в данном случае, дворовых людей), поскольку считала (о чем сообщалось в Сенат) незаконным писать крепости женщинам без позволения мужей. Сенат разъяснил, что никакие законы не требуют от женщин брать согласие мужей на продажу их имений[775]. Правда, историк М.М.Щербатов полагал, что это решение было вынесено Сенатом в связи с тем, что покупателем Головиной был влиятельный сановник граф П.И.Шувалов, и «по предложению его, яко всесильного мужа в государстве, был учинен указ»[776]. М.М. Щербатов ошибся не только в том, что Шувалов покупал у Головиной деревню (в действительности продавались только люди), но и в том, что до этого указа якобы существовал запрет жёнам продавать их имение без согласия мужей.

В 1743 году прокурор Мануфактур-коллегии Ефим Сабуров, обвинив свою жену Елену в прелюбодеянии и не дождавшись обвинительного вердикта, присвоил себе часть приданых деревень жены. Собственно, семья Сабуровых уже и до развода ограбила Елену, разными ухищрениями переписав на себя большую часть её имения. Но теперь истец Ефим Сабуров имел, как ему казалось, законные основания считать часть приданого жены своей собственностью: из Сыскного Приказа пришла справка, что «женский пол за правильные вины на прядильный двор не посылаются, а посылаются в

---

[772] Указы блаженныя и вечнодостойныя памяти великой государыни императрицы Екатерины Алексиевны и государя императора Петра Втораго, состоявшиеся с 1725 генваря с 28 числа по 1730 год. Напечатаны по указу всепресветлейшей державнейшей великой государыни императрицы Елисаветы Петровны самодержицы всероссийской. При Императорской Академии Наук в Санктпетербурге 1743 года. С. 84 – 85.
[773] *Маррезе М.Л.* Указ.соч. С. 78.
[774] Законодательство Петра I. С. 704.
[775] 1-е ПСЗРИ. Т. XIII. № 10111.
[776] *Щербатов М.М.* О повреждении нравов в России / Избранные труды. М. С. 461.

Сибирь»[777]. На этом основании Сабуров уже отмерил себе из имений жены «указную долю», но был одёрнут Именным указом Елизаветы Петровны, запретившей выделять себе указную часть при живом супруге[778]. Даже посылка в Сибирь автоматически не означала гражданскую смерть (при которой указная доля, действительно, выделялась), а вина Елены Сабуровой в супружеской измене так наверняка и не была установлена.

Законодатель довольно долго не мог определиться, разрешать ли сделки, ведущие к отчуждению имений, между супругами. Сенат, разбирая в 1763 году дело Афанасьевой и Константинова, велел признавать такие купчие недействительными, ибо «жена у мужа яко находящаяся под властию, в даче таковой мужу своему купчей против воли его спорить не может»[779]. Однако, как было установлено в 1823 году Комиссией составления законов, практика таких сделок была достаточно широка, и некоторыми их них пришлось заниматься центральным органам[780]. Так, в 1780 году Вотчинная коллегия отказалась расписать за генеральшей Сухотиной имение, купленное ей у мужа. При этом коллегия не только не нашла законов, разрешающих сделки между «имеющими по закону сопряжение» (в данном случае, между мужем и женой), но и сослалась на сенатское решение 1763 года, недвусмысленно запретившее такие сделки[781]. В 1805 году уже Сенат вынес аналогичное решение по делу Ивановых, в котором фигурировала закладная на имение мужа, выданная жене в обеспечение займа. В признании закладной недействительной Сенат также руководствовался своим решением от 1763 года.

С 1823 по 1825 годы в Государственном Совета рассматривалось дело о продаже Е.А.Кишенской (урожденной Салтыковой) своему мужу, генерал-майору Н.Ф. Кишенскому родового имения Бессоновка в Пензенском наместничестве[782]. Иск о признании сделки недействительной подал племянник Кишенской, отставной гвардии штабротмистр Салтыков. Дело прошло все судебные инстанции: Пензенский уездный суд, гражданскую палату и Сенат. Решения всех инстанций были однозначны: сделка законна. При этом 8-й Департамент Сената специально поставил вопрос о силе решения 1763 года, которое признал «сепаратным» и «не облечённым формой закона», ибо «распубликован повсеместно не был». Решение Вотчинной коллегии 1780 года 8-й Департамент также счёл незаконным. Министр юстиции не согласился с мнением департамента: Се-

[777] ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 746. Д. 247. Л. 41.
[778] 1-е ПСЗРИ. Т. XII. № 9513.
[779] 1-е ПСЗРИ. Т. XVI. № 11764.
[780] РГИА. Ф. 1149. Оп. 1(1823). Д. 42. Л. 2.
[781] 1-е ПСЗРИ. Т. XX. № 15022.
[782] РГИА. Ф. 1149. Оп. 1 (1823). Д. 42.

нат в 1763 году «рассуждал в присутствии Екатерины II», следовательно, его решение получило высшую санкцию. Комиссия составления законов, куда было передано дело для предварительного заключения, согласилась с 8-м Департаментом Сената: решение 1763 года вынесено по сепаратному делу, поэтому основывать на нем другие решения нельзя. Кроме того, это решение действительно должным образом не было разослано на места, и если бы теперь придать ему силу, то суды могут погрязнуть в исках о недействительности сделок, совершенных за последние шестьдесят лет. Наконец, общего запрета на такие купчие Комиссия также не обнаружила, зато констатировала широкую практику утверждения властями подобных сделок. В Департаменте законов Государственного Совета лишь один из четырех членов настаивал на придании общей силы решению 1763 года. Общее Собрание согласилось с большинством Департамента законов, и 31 августа 1825 года мнение Государственного Совета было высочайше утверждено[783]. Окончательный итог подвел Свод законов гражданских, где в статьях 86 и 87 (т. X Свода Законов Российской Империи в изд. 1832 года) содержалось общее разрешение «взаимно перекреплять между собой» их имения, совершать на них «взаимно закладные» и вступать в другие между собой законные обязательства.

Итак, специфика иррегулярной армии до начала XVIII века определяла обязанность мужей служить с приданых имений их жен, регистрировать их на своё имя и управлять ими. Считать это ущемлением прав замужних женщин или доказывать этим общую супружескую собственность нельзя, т.к. женихи записывали на себя то, что собственностью невест не являлось – поместные земли. Что же касается хозяйственной деятельности мужей и их распоряжения приданными землями, то родня жены и законодательство старались не допустить здесь произвола. Впрочем, и жена могла покуситься на продажу земель мужа, что было знакомо законодателю ещё в XVII столетии. В отличие от стран, где добрачное имущество жены переходило в полное господство мужа, в России власть осторожно относилась даже к сделкам внутри семьи: лишь в 1825 году они были безусловно разрешены.

По сути, все узаконения, начиная с XVII века, которые Комиссия составления законов положила в основу регулирования имущественных супружеских отношений при выработке Свода законов гражданских, касались проблем дворянского землевладения.

[783] 1-е ПСЗРИ. Т. XL. № 30472.

Таким образом, истоком общих правил в данном случае послужили нормы, регулирующие узкосословный интерес.

г) Происхождение и значение главенства мужа и отца в семье

Решение, которое в 1763 году Сенат вынес по делу Афанасьевой и Константинова (см. выше), в 20-е годы XIX века было сочтено «сепаратным» и «не облеченным формой закона». Однако, отвергнув силу этого решения в одном случае, Комиссия составления законов все же признало её в другом – для обоснования положения о власти мужа над женой. Впервые в общем виде идея повиновения жены мужу была зафиксирована в ст.ст. 78 - 79 Свода законов гражданских (в изд. 1832 года), ничего подобного русское право до сих пор не знало. Для того, чтобы найти хоть какое-нибудь обоснование этой идее, составители Свода Законов сослались на следующие слова указа Сената 1763 года, сказанные вскользь для подтверждения своего мнения: «Жена у мужа, яко находящаяся под властью, в даче таковой (купчей – *П.П.*) против воли его спорить не может»[784]. Для обоснования пригодились и нравоучительные пункты из Устава Благочиния, или Полицейского 1782 года о том, что жена «пребывает в почтении и послушании к своему мужу»[785]. Наконец, была использована формулировка из указа Сената 1802 года по делу об оскорблении женой титулярного советника Иванова своей матери. Подавая своё мнение на утверждение Александра I, Сенат рассудил, что жена «двум неограниченным властям, каковы суть родительская и супружняя, совершенно удовлетворить не в состоянии»[786].

До издания Свода законов гражданских в России не существовало ни одного закона, устанавливавшего власть мужа над женой и обязанность жены повиноваться мужу. И, тем не менее, в дореволюционной и современной литературе неоднократно высказывалась идея об абсолютной власти мужа над женой с древнейших времен. Что касается литературы XIX века, то здесь можно предполагать конъюнктурные соображения: поднятый «женский вопрос» заставил авторов искать истоки женского угнетения в глубокой древности. Что касается современных исследователей, то они в ряде случаев слишком доверчиво относятся к выводам дореволюционных авторов. Вот, например, цитата из достаточно известной дореволюционной работы С.С.Шашкова: «Все условия

---

[784] 1-е ПСЗРИ. Т. XVI. № 11764.
[785] Законодательство Екатерины II. Т. 1. М. 2000. Док. № 78. С. 563.
[786] 1-е ПСЗРИ. Т. XXVII. № 20519.

древнерусской жизни дружно стремились к полному порабощению женщины. На неё смотрели, как на существо низшее мужчины, её ставили в полную зависимость от семейной власти, её делали служанкою и рабынею семьи и орудием, служащим для продолжения рода»[787]. Оттуда же о более поздних временах: «Конечно, и в западной России, и в Польше женщина находилась в том же рабском состоянии, в каком была она и в остальной Европе; но здесь её рабство всё-таки было несравненно сноснее, чем в Московии»[788]. А вот мнение современного историка Е.В.Беляковой о допетровском периоде: «Что касается взаимоотношений в семье, то здесь главенство мужа подтверждалось статьями, внесенными в Кормчую книгу в русской традиции»[789]. Этот же автор: «С сер. XVI в. можно говорить об ухудшении положения женщины в связи с общей атмосферой в русском обществе: опричниной, связанным с ней террором и земским разорением»[790].

Дореволюционный юрист Д.И.Азаревич писал: «Женщину всю жизнь считали недорослью, требовавшею подчинённого положения, надзора»[791]. Вот его взгляд на правовое положение замужних женщин в XVI – XVII веках: «Жена, как подчинённое лицо, прикреплена мужней властью к семье не только при жизни мужа, но в силу патриархального своего служебного положения сохраняет свои обязанности и после смерти его»[792]. А.И.Загоровский, доказывая авторитет мужа, приводит в пример «страшную казнь, которая полагалась жене за убийство мужа – закапывание живой в землю»[793]. Правда о юридических аспектах власти мужа этот автор рассуждал куда осторожнее: «Власть эта была так велика, что в проявлении своём она могла выражаться в разных и существенных функциях»[794]. Пытаясь, по собственному выражению, определить степень власти, принадлежащей мужу, К.А.Неволин ссылается на Артикул Воинский, где убийца жены подвергается наказанию легчайшему против других убийств[795]. Современный исследователь истории права Н.С.Нижник пишет о Древней Руси: «Власть мужа во всех случаях была велика»[796]; о периоде сословно-представительной монархии: «Право власти, принадлежавшее главе семьи, осуществлялось с помощью непосредственного

---

[787] *Шашков С.С.* История русской женщины. СПб., 1879. С. 93.
[788] Там же.
[789] *Белякова Е.В., Белякова Н.А. Емченко Е.Б.* Женщина в православии: церковное право и российская практика. М. 2011. С. 124
[790] Там же. С. 125.
[791] *Азаревич Д.И.* Русский брак // Журнал гражданского и уголовного права. 1880. Сентябрь – октябрь. С. 89.
[792] Там же. С. 111.
[793] *Загоровский А.И.* Указ.соч. С. 146.
[794] Там же.
[795] *Неволин К.А.* Указ.соч. С. 251.
[796] *Нижник Н.С.* Указ.соч. С. 12.

принуждения»[797]; о периоде абсолютной монархии: «Основой личных взаимоотношений членов семьи продолжал оставаться абсолют власти мужа и отца»[798].

Представляется, что пытаться определить степень власти мужей в браке с точки зрения права – дело неблагодарное. Русское законодательство не знает даже следов закрепленной de jure власти мужа над женой, поскольку до XIX века не сталкивалось с подобной проблемой. В указе Сената 1763 года не закрепляется власть мужа над женой, а лишь содержится косвенное указание на *фактическое господство* в браке мужчины. Но вот, например, свидетельство М.М. Щербатова, современника этого указа. Он не только отмечает несколько знакомых ему примеров самовольных уходов жен от мужей, но и готов исчислять их сотнями[799]. Замужние женщины были совсем не бесправны, и закон предоставлял им средства защиты против произвола своих супругов. Так, в 1753 году по иску жены Синод приговорил развратника-мужа вице-сержанта Языкова к пожизненному безбрачию с дополнительной епитимией по усмотрению его духовника[800]. Мужьям тоже доставалось от их «прекрасной половины». Так, в 1779 году Совестный суд принял решение о раздельном проживании супругов Демидовых, что было вызвано развратным поведением жены. Подобные решения принимали и духовные суды. Чтобы отделаться от жён, мужья были вынуждены заключать с ними договоры о раздельном проживании, как сделал в 1811 году отставной поручик Павел Шелковников. Имущественная самостоятельность жён уже была доказана. Так, в 1753 году Аксинья Головина продала своих крепостных П.И. Шувалову, проживая, кстати, в момент совершения сделки отдельно от мужа.

В указе Сената 1802 года говорится о «двух неограниченных властях»: родителей и мужа. Родительская власть, действительно, в России была законодательно урегулирована. Конечно, и она не была неограниченной, но уже в документах XVII в. можно увидеть особые родительские права, закрепленные властью. О власти мужа есть лишь косвенные свидетельства, которые на так безупречны, как кажется на первый взгляд. Например, ссылка К.А. Неволина на арт. 163 Артикула Воинского явно натянута: в нём разграничивается ответственность за умышленное и неосторожное убийства. В качестве иллюстрации неосторожного убийства приводится причинение смерти жене или ребёнку в процессе их телесного наказания. Разумеется, наказание за неосторожное убийство

---

[797] Там же. С. 44.
[798] Там же. С. 137.
[799] *Щербатов М.М.* Указ.соч. С. 463 – 464.
[800] ОДДС. Т.XXVIII (1748 г.). Дело № 260. Стлб. 550.

будет легче, чем за умышленное, именно это и хотел сказать артикул. Практика отдачи в залог жён и детей, что тоже фигурирует в качестве примеров женского бесправия[801], также не является убедительным доказательством. Должник закладывал не только домочадцев, но и себя в качестве обеспечения исполнения обязательства. Русской Правде знакома фигура закупа, на личность которого обращается взыскание при неисполнении им договора займа[802]. Псковская судная грамота упоминает об обычае взыскания долгов покойного половника с его домочадцев[803]. Козьма Минин, призывая нижегородцев собрать деньги на ополчение, предлагал заложить свои семьи ради сбора необходимой суммы. Все это доказывает лишь то, что, начиная с Древней Руси, личность рассматривалась как объект гражданского оборота, каковым являлся и скот, и иное имущество. Увидеть в этом юридическое неравенство женщин может только пристрастный исследователь.

Методологию дореволюционных авторов можно оценить следующим образом. Перед ними была структура Свода Законов Российской Империи. Придерживаясь её, учёные пытались показать эволюцию законодательства вплоть до этой наивысшей точки. Так случилось и с «властью мужа»: исходя из текста Свода законов гражданских, исследователи постарались увидеть эту власть во всех исторических периодах, даже если для этого приходилось идти на определённые натяжки. Сами же составители Свода Законов были в этом смысле честнее, поскольку, не залезая даже в XVII век, указали лишь три исторических источника этой власти: указы Сената 1763 и 1802 годов и Устав Благочиния 1782 года.

Из всех трёх источников последний – единственный, где прямо говорится о необходимости послушания жены мужу (см. выше). Но уже было высказано предположение о том, что Устав Благочиния составлялся с оглядкой на западные образцы: философские и юридические. Что же касается Свода законов гражданских, здесь влияние французской правовой традиции доказано уже давно. Поэтому необходимо хотя бы вкратце привести те положения законов разных стран, где четко зафиксирована власть мужа над женой. В данном случае неоценимую услугу могут оказать работа А.И.Загоровского, которая только что подвергалась критике, и труд К.П.Победоносцева, известного специа-

---

[801] См.: *Неволин К.А.* Указ.соч. С. 253; *Загоровский А.И.* Указ.соч. С. 146.
[802] Ст.ст. 56, 64 Троицкого списка Пространной редакции (см.: Российское законодательство X – XX веков. Т. 1. С. 68 – 69).
[803] Ст. 85 (см: там же. С. 339).

листа по гражданскому праву в XIX веке. Хорошим тоном тогда считалось снабжать свои труды анализом современного на тот момент иностранного законодательства.

Так, К.П.Победоносцев приходит к выводу, что Французский гражданский кодекс особенно последовательно проводит идею подчинения жены мужу (ст. 213)[804]. Но это юридическое подчинение, не основанное на нравственном чувстве, на практике порождало немало вопросов. Так, ст. 214 Кодекса 1804 года обязывает жену проживать совместно с мужем, а муж обязан содержать жену соответственно своему положению и возможностям. На практике если муж не имеет постоянного места жительства или не может доставить жене приличной квартиры, то жена может уклониться от совместного жительства[805]. А.И.Загоровский, чей курс семейного права увидел свет в 1909 году, анализировал не только французское, но и актуальное на то время австрийское, прусское и итальянское законодательство. Если Французский кодекс 1804 года требовал от жены «повиновения», то Гражданское уложение итальянского королевства 1865 года устанавливало «главенство мужа», а Швейцарское гражданское уложение 1907 года указывало на «послушание» жены[806].

В Кодексе 1804 года власть мужа также появилась не случайно. Исследователи отмечают, что все действующие на территории дореволюционной Франции правовые источники (реципированное римское право, доктрина католической церкви, обычаи) признавали превосходство мужа и его власть над женой в семье[807].

Итак, французское право повлияло не только на законодательство Западной Европы[808], но и на наш Свод Законов. Как Кодекс 1804 года требовал от жены пребывать в повиновении мужу, так и в российском Своде законов гражданских от жены требовалось пребывать в повиновении и послушании своему супругу (ст.ст. 78 – 79 т. X в изд. 1832 года). Власть мужа над женой явилась в российском праве таким же заимствованным институтом, как и супружеское алиментирование, и исторических корней в России она не имела.

---

[804] Победоносцев К.П. Курс гражданского права: В трех томах. Том 2 / Под редакцией В.А.Томсинова. М.: «Зерцало», 2003. С. 107.
[805] Там же. С. 108 – 109.
[806] *Загоровский А.И.* Указ.соч. С. 160.
[807] *Tunc, André.* Husband and Wife under French law: Past, Present. Future // University of Pennsylvania Law Review, Vol. 104, № 8 (Jun., 1956). P. 1065 – 1067.
[808] См., напр.: Французский гражданский кодекс 1804 года. С позднейшими изменениями до 1939 г. Перевод И.С. Перетерского. М. 1941. С. 6 – 7; *Зарудный С.* Гражданское Уложение Итальянского королевства и русские гражданские законы. Опыт сравнительного изучения системы законодательств. Часть первая. СПб., 1869. С. I – II; *Вольман И.* Проект Швейцарского гражданского уложения // Журнал министерства юстиции. 1902. № 9. С. 134 и далее.

Заимствование из французского права неизбежно привело к тем же проблемам, что и во Франции. Обязав жену подчиняться мужу, в частности, в выборе места жительства, власть должна была обеспечить выполнение этой обязанности. Решения кассационного департамента Сената показывают, как понималась эта обязанность в России в XIX – начале XX веков.

В 1867 году московский купец Никанор Марков обратился в Московский окружной суд с иском о понуждении к совместной жизни супруги Натальи. Ответчица указывала, что муж вел расточительную и безнравственную жизнь, растратил все её приданое и не имеет никаких средств на её содержание. На этом основании Маркова отказывалась вернуться к мужу. Сенат, до которого в итоге дошло дело, указал, что брак есть «нерасторгаемое таинство», и что жена «следует за каждым состоянием своего мужа». Сенат согласился с Московской Судебной палатой в том, что невыполнение обязанности по содержанию жены не влечет для неё возможность раздельного проживания. Решение Судебной палаты о признании Марковой обязанной жить с мужем было оставлено в силе[809]. В решении по иску жены подполковника Вагнера Сенат, не рассматривая вопрос о понуждении жены жить с мужем, как и в деле Марковых, связал обязанность мужа содержать жену с обязанностью жены проживать совместно с супругом. Тем самым Сенат всё-таки косвенно понуждал Феодосию Вагнер вернуться к мужу, т.к. проживая отдельно от мужа и без его содержания она, по собственным словам, «впала в долги и доведена до нищеты» [810]. В этот период своей деятельности Сенат, прочно увязывая обязанность мужа содержать супругу с её обязанностью совместного проживания, считал, что, разрешая получать содержание при раздельном жительстве, «даст вид некоторой терпимости со стороны самого правительства» нарушению святости брака[811].

В последующем Сенат ещё неоднократно будет высказываться в том смысле, что лишь совместное проживание порождает обязанность мужа содержать жену[812]. Однако в 1906 году рассматривалось дело, заставившее высший судебный орган занять иную позицию. Было установлено, что муж, полковник, не изгоняя жену из дома, существенно затруднил их совместное проживание: не разговаривал с супругой, отстранил её от ве-

---

[809] Полный свод решений гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената (начиная с 1866 г.) за 1868 г. №№ 368 – 633. Екатеринослав. 1903. № 526. С. 930 – 931 // СПС КонсультантПлюс.
[810] Там же. № 461. С. 785 // СПС КонсультантПлюс.
[811] Там же за 1870 г. №№ 516 – 910. Екатеринослав. 1903. № 799. С. 1029 // СПС КонсультантПлюс.
[812] Там же за 1873 г. №№ 1129 – 1405. Екатеринослав. 1903. № 1385. С. 2355 – 2356 // СПС КонсультантПлюс; там же за 1875 г. №№ 151 – 397. Екатеринослав. 1903. № 291. С. 587 – 588 // СПС КонсультантПлюс ; там же за 1875 г. №№ 891 – 1092 и за 1876 г. №№ 1 – 44. Екатеринослав. 1905. № 41. С. 78 – 79// СПС КонсультантПлюс .

дения хозяйства, отобрав ключи, снял занавески в её комнате на первом этаже. Деньги на покупки выдавал прислуге, а жене оставлял чай щепотками, а сахар – кусочками. Согласившись с Санкт-Петербургской Судебной палатой, что такое проживание только по форме является совместным, а по сути – раздельным, Сенат также согласился и с правом истицы требовать содержания в случае её выезда из дома мужа[813].

Идея, которая выражается в мотивировках Сената, состояла в том, что он, по точному смыслу статей Свода законов гражданских, считал обеспечение жены не её имущественным правом, а личной обязанностью мужа, следствием его власти над супругой. Отсутствие прав супругов на имущество друг друга не давало жене, с точки зрения Сената, прав иска об алиментах. Великая Французская революция хоть и выдвигала на своих знаменах принцип равенства, но Кодекс 1804 года всё-таки ставил содержание жены в зависимость от общественного положения (etát) мужа, а не только от его фактических возможностей (facultés). В России XIX – начала XX веков, где была воспринята эта идея, содержание жены на определённом уровне являлось скорее сословной обязанностью, *приличной* человеку соответствующего круга. Эта мысль и сквозила в решениях Сената: жена, попадая в сословный круг мужа, являлась необходимой, среди прочих, «расходной статьей», т.к. муж ей покровительствовал как господин. Лишь в одном выявленном случае Сенат счел содержание жены её «материальным правом», за защитой которого она вправе обращаться[814].

Итак, приличное содержание супруги согласно общественному положению мужа и с точки зрения закона, и судебной практики являлось проявлением власти над женой, а не её имущественным правом. Степень нуждаемости жены здесь не принималось во внимание, и это содержание было направлено не на её материальную поддержку, а на сохранение сословных приличий. Подобный подход мог, конечно, сохраняться в России только при условии существования сословного деления. Характерно, что с приходом к власти большевиков и ликвидацией сословного строя изменится и смысл материального содержания супругов. С отменой власти мужа в браке это будет именно имущественная (и взаимная!) поддержка, которая будет рассчитываться исходя не только из доходов обязанного лица, но и из степени нуждаемости получателя алиментов.

---

[813] Решения гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената. 1906. СПб., 1906. С. 30 – 34.
[814] Полный свод решений гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената (начиная с 1866 г.) за 1872 г. №№ 399 – 678. Екатеринослав. 1903. № 407. С. 576 // СПС КонсультантПлюс.

Подводя промежуточные итоги, можно сказать следующее. Супружеские отношения становятся предметом регулирования светского законодательства в связи с сословным делением российского общества. Охраняя, прежде всего, сословную честь феодальных групп населения, правительство установило плату за оскорбление жён сообразно статусу мужей. В дальнейшем эта зависимость правового положения жён от статуса их супругов будет развита в связи с завершением правового оформления сословного строя в России. В частности, закреплённая законодательством XVIII – XIX веков обязанность мужей содержать жён «по состоянию» вовсе не была связана с заботой правительства о взаимной супружеской материальной поддержке. Данное законоположение требовало от мужей соответствия сословным стандартам, в данном случае – в вопросе обеспечения их жёнам необходимого достатка для ведения приличного их кругу образа жизни. Общее правило о предоставлении жене приличного содержания знал и Устав благочиния 1782 года, и Свод законов гражданских, явившийся результатом систематизации законодательства 30-х годов XIX века.

Российское законодательство издревле охраняло не только дворянскую честь, но и недвижимость семей феодалов. Брачно-семейный аспект вопроса феодального землевладения отчётливо обозначился в законодательстве, однако, лишь в XVII веке русское правительство, регулируя организацию дворянской службы «с земли», было вынуждено рассматривать также и споры о земле, предпосылкой которых были браки представителей феодальных фамилий. Предметом спора были вотчины жён, на которые посягали их мужья, и вотчины мужей, на которые посягали их жёны. До тех пор, пока основой русской армии было иррегулярное дворянское войско, разрешение этих споров было важно и для организации службы. Но и после петровских реформ, когда служба «с земли» ушла в прошлое, законодатель не отказался от задачи обеспечения неприкосновенности родовых дворянских земель, т.к. дворянство оставалось опорой самодержавия вплоть до начала XX века. Отсюда естественным образом родилась раздельность супружеской собственности, закреплённая в виде общего правила в Своде законов гражданских.

Таким образом, то, что в литературе традиционно считается историей законодательства о браке, в определённой части можно с достаточной обоснованностью классифицировать как историю законодательства о дворянстве. При этом рассмотренные исторически сложившиеся правовые институты в результате систематизации законодательства в первой трети XIX века были в известной степени скорректированными с заим-

ствованными западными правовыми нормами. Однако эта коррекция не была вполне удачной. Так, хотя в России и появился неизвестный до той поры правовой институт власти мужа над женой, раздельность супружеской собственности могла парализовать практическую реализацию положений о подчинённом положении жены, о её послушании мужу и даже о совместном проживании супругов.

д) Правовое регулирование вопросов происхождения

Проблемы внебрачного родства. Итак, государство при регулировании брачных отношений дворян исходило из интересов сохранения землевладения, как основы формирования войск, и сословных привилегий. Подход к правовому регулированию кровнородственных связей также был связан с интересами государственной службы. Происхождение ребёнка, начиная с Древней Руси, влияло на его статус. Русская Правда отказывала внебрачным детям рабыни в наследстве, но давала им свободу после смерти их фактических отцов (ст. 98 Пространной редакции Троицкого списка)[815]. Соборное Уложение 1649 года (ст. 280 гл. X[816]) также не признавало имущественных прав за незаконнорождённым. Заслуживает, однако, внимания тот факт, что текст единственной статьи Уложения, посвященный внебрачным детям, во многом совпадает с текстом ст. 28 разд. III Статута Великого княжества Литовского 1588 года. Статьи обоих документов требуют доказательств обвинения в незаконном происхождении, а в случае недоказанности вводят санкции для обвинителя. Оба документа требуют лишить внебрачного ребёнка имущества отца, даже если потом родители поженятся. Однако особенностью ст. 280 Соборного Уложения является неоднократное упоминание того, на какое именно имущество не имеет право *выблядок* («бенкарт», «нечистого ложа сын» по терминологии Статута): поместья и вотчины. Статут таких деталей не регулирует, но ст. 28 находится в разделе, посвященном шляхетским вольностям. Очевидно, у русских и литовских феодалов был один интерес – сохранить недвижимость от посторонних к их родам претендентов.

Для русского права введение в Соборном Уложении наказания за голословное обвинение в незаконно происхождении является не совсем новым. Впервые такая норма появилась в Судебнике 1589 года (ст. 69 Пространной редакции), где за бесчестье

[815] Российское законодательство X – XX веков. Т. 1. С. 71.
[816] Российское законодательство X – XX веков. Т. 3. С. 149 – 150.

выбляткам установлено две деньги «для матерних промыслов» [817]. Внебрачные дети находятся почти в самом конце списка тех, кому по этому Судебнику положена плата за оскорбление. Ещё ниже в списке расположены лишь женщины неприличного поведения и предсказательницы. Примерно такой же перечень есть и в Судебнике 1550 года, и в Соборном Уложении 1649 года (гл. X), но в обоих документах плата внебрачным детям за бесчестье отсутствует. Так что, вероятнее всего, составители Соборного Уложения для закрепления статуса незаконнорождённых руководствовались нормами Статута 1588 года.

Те вопросы, которые освещало Соборное Уложение 1649 года в отношении внебрачных детей, – принадлежности к роду и прав на землю – будут стоять перед землевладельцами благородного происхождения вплоть до начала XX века. Само по себе наличие внебрачного отпрыска до поры до времени для фамилии могло не представлять проблемы: судьба такого ребёнка зависела, в основном, от влияния родителей при дворе и способностей его самого. Хорошим примером здесь служит судьба И.И.Бецкого, внебрачного сына князя И.Ю.Трубецкого. Оказавшись в шведском плену во время Северной войны, князь Трубецкой, как человек знатного происхождения, был принят к шведскому двору, и некоторые дамы серьезно увлеклись знатным пленником. Имеется, по крайней мере, две кандидатуры на звание матери Бецкого: баронесса Вреде и баронесса Скарре. В 1718 году князь Трубецкой возвратился из плена, а его внебрачный отпрыск (родился в 1703 или 1704 году) проходил обучение за границей. До середины 20-х годов И.Бецкой был секретарем князя В.Л.Долгорукова, русского посланника в Париже. В 1726 году И.Бецкой переведен к отцу для составления и чтения корреспонденции на иностранных языках. В 1728 году И.Ю.Трубецкой уже фельдмаршал, а И.Бецкой – его флигель-адъютант. При вступлении на престол Анны Иоанновны Бецкой был в числе тех, кто подписался под поданной ей челобитной «о восприятии самодержавия», составленной при участии князя Трубецкого. В 1733 году И.Бецкому присваивается майорский чин, через год – чин подполковника. Дальнейшую карьеру Иван Бецкой продолжает во многом благодаря законной дочери князя Трубецкого Анастасии Ивановне, в замужестве принцессе Гессен Гомбургской и приближённой Елизаветы Петровны. В 1742 году И.Бецкой стал камергером наследника престола Петра Федоровича. При восшествии на престол Петра III он производится в генералы-поручики и назначается главным дирек-

[817] Памятники русского права. Вып. 4. Памятники права периода укрепления русского централизованного государства (XV – XVII вв.) / под изд. проф. Л.В.Черепнина. М. 1956. С. 421.

тором Канцелярии строений. При Екатерине II (с чьей матерью Бецкой состоял в близких отношениях) он продолжал заниматься строительством, участвовал в заведывании Академией художеств и был, между прочим, главным попечителем Московского воспитательного дома, учрежденного в 1763 году. Кстати, И.Бецкой сам никогда не был женат, но имел незаконнорождённую дочь от жены полковника Ломана, Анастасию, которую выдал замуж за адмирала О.М.Рибаса. Большую часть своего имущества он ставил детям от этого брака.

Биография И.И.Бецкого показывает не только его личные способности, но и терпимость, которую проявляли в России к незаконнорождённым в зависимости от общественного положения их родителей и внутрисемейных отношений. Законная дочь князя Трубецкого, Анастасия Ивановна, публично признавала в нём брата, говорят, что и Елизавета Петровна, и Екатерина II желали, чтобы он принял фамилию и титул князя Трубецкого[818].

Конечно, такую карьеру, какую сделал И.И.Бецкой, мог сделать не каждый законный дворянский отпрыск, не то, что внебрачный. Однако есть немало примеров, когда незаконнорождённые дети со временем сами стали родоначальниками дворянских фамилий: П.П.Альбединский, братья Вревские, Ф.Н.Эльстон и проч. Происхождение этих, как и многих других «самодельных» фамилий незаконнорождённых, указывает на то, что легализовать, или как раньше говорили, «узаконить» своих внебрачных потомком благородные родители не могли или не хотели[819]. По свидетельству современников, случаев узаконения внебрачных детей вплоть до царствования Павла I было крайне мало[820], родители помогали им устраиваться другим образом. Так, воспитанник российского дипломата князя А.М.Голицына (1723 – 1807), А.А.Лицын, вместе с сестрами получил дворянство Священной Римской империи от германского императора Иосифа II[821]. Внебрачные дети фельдмаршала Никиты Репнина Андрей и Николай были устроены в элитные, соответственно, Преображенский и Измайловский полки. Получив при рождении фамилию Аникитины, они лишь с 1732 года по высочайшему дозволению стали именоваться Репнинскими[822].

---

[818] *Губастов К.А.* Генеалогические сведения о русских дворянских родах, происшедших от внебрачных союзов. СПб., 2003. С. 32.
[819] Альбединский – переделка фамилии отца «Альбедиль», Вревский – от Вревского погоста князя А.Б. Куракина, Эльстон – имя героя известного в России в 20-х гг. XIX в. английского романа.
[820] *Губастов К.А.* Указ. соч. С. 99.
[821] Там же. С. 96.
[822] Там же. С. 137.

Внебрачные дочери могли быть устроены путем удачного замужества. Так, «воспитанницы» (принятый тогда эвфемизм) графа А.К.Разумовского (1748 – 1822) весьма успешно вышли замуж: Мария – за коменданта Санкт-Петербургской крепости, генерал-лейтенанта Крыжановского, Елизавета – за сенатора Жемчужникова, Анна – за графа К.П.Толстого. Н.А. Моршанская[823], воспитанница обер-гофмаршала А.Л.Нарышкина, была выдана замуж с хорошим приданым за коллежского асессора М.В.Гурьева. Числясь до замужества «воспитанницами» или «приёмышами», незаконнорождённые женщины в браке могли обрести высокое сословное положение по статусу мужа.

Но даже «устроенный» внебрачный ребёнок мог представлять для семьи проблему, а именно, при решении наследственных вопросов. Собственно, пока не открывалось наследство, обычно проблема законности рождения в семье и не поднималась. Так, в середине 50-х годов XVIII в. Сенат рассматривал спор между Анной Вельяминовой-Зерновой и её племянницей, Анной Шишковой[824]. Тётка доказывала, что племянница является незаконнорождённой, поскольку родилась до брака их родителей. Начатое следствие по данному делу не дало никакого результата: свидетели дали разноречивые показания, представленные документы не подтвердили сомнения в законности рождения Шишковой. В итоге тётке было отказано, а требуемая племянницей указная часть была ей выделена[825].

С 1773 по 1775 годы рассматривалось дело, связанное с признанием законности рождения сержанта Ивана Костюрина. В частности было выяснено, что прапорщик Иван Костюрин, подвергаясь в разное время различным взысканиям и будучи однажды даже разжалованным в солдаты, долгое время не мог появляться в своей деревне Ливенского уезда, где проживала его супруга. Родившийся сын (тоже Иван и будущий сержант), как потом будут утверждать заинтересованные родственники, был даже записан в метриках как незаконнорождённый. Впрочем, при проведении следствия в метрических записях был обнаружен изъян, уничтожавший их доказательную силу. Характерно, что заинтересованных родственников, оспаривавших законность рождения Ивана, оказалось целых восемь человек, причём при жизни отца Ивана никто не пытался поднимать об этом во-

[823] Явно искусственная фамилия прозрачно намекает на место рождения – в Моршанском уезде Тамбовской губернии находились имения А.Л.Нарышкина.

[824] Отец Анны Шишковой, Яков Шишков служил в г. Пернов. Любопытно, что Абрам Ганнибал (прадед А.С. Пушкина), служивший одно время там же, обвинял некоего кондуктора Якова Шишкова и свою супругу в прелюбодеянии и намерении его отравления. В суде Шишков покаялся, и Ганнибал его простил. Ещё до связи с женой Ганнибала Я. Шишков соблазнил под обещанием жениться девицу Моор. О последнем эпизоде см., напр.: *Леец Г.* Абрам Петрович Ганнибал. Биографическое исследование. Таллин. 1980. С. 81.

[825] 1-е ПСЗРИ. Т. XIV. № 10448.

прос. Сенат счёл вопрос политически важным, т.к. в случае признания Ивана незаконнорождённым, на него ложилось бы «поносное» клеймо и он был извергнут из дворянства, к которому пока ещё принадлежал. Для Сената этот вопрос был не только важен, но и труден, т.к. в законах на этот счёт никакой ясности ещё не было. Спасительной оказалась ссылка на Наказ Уложенной комиссии, где с оглядкой на европейские законы устанавливалось правило: ребёнок, рожденный во время брака, считается законным[826]. Екатерина II согласилась с мнением Сената и запретила на будущее оспаривать законность рождения детей после смерти родителей, чтобы «не подавать силы опасному примеру»[827].

В двух случаях Екатерина II признала права детей, чьё внебрачное происхождение было доподлинно установлено. Так, в 1763 году по делу покойного майора Лазарева, оказавшегося двоежёнцем, императрица наложила резолюцию о допущению к наследованию детей от обеих жён: законной, брак с которой Лазаревым не был расторгнут до самой её смерти, и незаконной, которая «по благословению Архиерейскому» вышла за него замуж до смерти законной супруги[828]. В 1778 году в аналогичной ситуации Екатерина II допустила к наследованию детей от второй жены уже упомянутого ранее Михаила Апухтина. Не желая сожительствовать со своей законной женой, его же бывшей крепостной, он незаконно женился вторично на дворянке Марье Бахтеяровой. При вынесении решения императрица рассудила, что дети за грехи своего отца отвечать не должны[829].

По поводу последнего случая Т.Е. Новицкая со ссылкой на Соборное Уложение указывает, что Екатерина II, вынеся такое решение, нарушила нормы *церковного права*[830]. Представляется, что здесь было нарушено не церковное право, а «шляхетские права», ибо предмет регулирования в данном случае не христианская нравственность, а права на имя и недвижимость. Но вопрос о правах внебрачных детей, безусловно, теснейшим образом связан с церковным правом, а именно, с вопросом о признании действительности или недействительности *брака*. В период правления Екатерины II эту связь осознали и светские, и церковные органы. Первым в процессе разбора взаимных претензий родни о наследственных имениях приходилось выяснять законность брачных

[826] 1-е ПСЗРИ. Т. XVIII. № 12949 ст. 122.
[827] 1-е ПСЗРИ. Т. XX. № 14778.
[828] 1-е ПСЗРИ. Т. XVI. № 11893.
[829] 1-е ПСЗРИ. Т. XXII. № 16627.
[830] *Новицкая Т.Е.* Указ.соч. С. 507.

связей. Но как раз заниматься вопросом о законности брака светским органам было запрещено указом 1767 года [831], ибо этот вопрос относился к духовному ведомству. Перед последним стояла не менее сложная проблема: браки, чья законность оспаривалась в Духовных консисториях, в подобных случаях чаще всего были уже прекращены смертью одного из супругов, и для церковного ведомства интереса уже не представляли. Кроме того, «в нагрузку» к этим искам шли требования установить законность рождения, а эти вопросы, согласно высочайше утвержденным докладным пунктам Синода от 12 апреля 1722 года, должны были рассматриваться светскими органами[832]. Понять заинтересованных наследников нетрудно: не имея возможности напрямую оспаривать после смерти родителей законность рождения их детей (дело Костюрина стало, по сути, прецедентом в данной сфере[833]), они начинали с оспаривания в духовном ведомстве действительности браков самих родителей.

Так, например, упомянутое дело о многобрачии майора Лазарева духовными органами вынужденно прекратилось «за умертвием всех к тому потребных людей»[834]. О той же проблеме в общем виде Синод докладывал Александру I в 1812 году.[835] В середине 80-х годов XVIII века *светским органам* (Курской Гражданской палате, 2-му Департаменту, а затем и Общему Собранию Сената) пришлось выяснять *законность брака* Александра и Татьяны Арсеньевых, чтобы установить законность рождения их сына Степана[836]. В 1800 году высшая власть уже который раз занялась проблемами семьи Апухтиных: в 1778 году Екатерина II из милости допустила незаконнорождённых детей Михаила Апухтина к наследованию одного из его имений, теперь же эти дети стали претендовать и на остальные имения рода. Павлу I пришлось в связи с этим делом специально указать, что в подобных исключительных случаях незаконнорождённым детям не дается «полного фамильного права на наследование родовых имений»[837]. Светские органы, вынуждено вторгаясь в брачные проблемы в связи с наследственными вопросами, начинали применять гражданско-правовые институты. Так, в 1787 году в русском праве появилась норма о 10-летнем сроке исковой давности по гражданским делам[838], и этот

---

[831] 1-е ПСЗРИ. Т. XVIII. № 12894 п. 9.
[832] 1-е ПСЗРИ. Т. VI. № 3963 п. 12.
[833] См. ссылки на этот указ, например, в следующих документах: 1-е ПСЗРИ. Т. XXII. № 16454; Т. XXVII № 20324; 2-е ПСЗРИ. Т. VI. Отд. I. № 4569.
[834] 1-е ПСЗРИ. Т. XVI. № 11893.
[835] 1-е ПСЗРИ. Т. XXXII. № 24944.
[836] 1-е ПСЗРИ. Т. XXII. № 16454.
[837] 1-е ПСЗРИ. Т. XXVI. № 19310.
[838] О 10-летней давности см.: *Новицкая Т.Е.* Указ.соч. С. 340 – 341.

срок был применен по иску племянников генерал-поручика Суворова[839] к его вдове. Родственники, очевидно, «из корыстных побуждений» решили добиться признания брака Суворова недействительным. По делу состоялся Именной указ, где не только запрещался развод после смерти одного или обоих супругов, но в мотивировке отказа содержалось следующее: «понеже десять лет прошли после совершения брака дяди их»[840].

Десятилетняя давность, касающаяся гражданских дел, в первой половине XIX века прочно обосновалась в решениях, связанным с признанием законности брака и рождения. Так, в 1817 году по делу майорши Марии фон Мейер Государственный Совет предложил на высочайшее утверждение мнение о сохранении за Марией и ее детьми от её второго мужа, Петра фон Мейера, его фамилии и «сопряженных с оной преимуществ» потому, в том числе, что брак был заключен восемнадцать (т.е. более десяти) лет назад[841]. В 1820 году Государственному Совету пришлось заняться делом первого мужа Марии фон Мейер, поручика Льва Щепочкина[842]. Незаконно прекратив брак с будущей майоршей, Щепочкин вторично женился на дочери коллежского асессора Акулиной Курзановой и прижил с ней двух детей. Руководствуясь решением по делу фон Мейер, Государственный Совет вынес аналогичное решение в отношении детей Щепочкина и Курзановой.

Любопытно, что Синод ещё в феврале 1812 года признал оба вторых брака бывших супругов Щепочкиных незаконными, но Государственный Совет не принял это решение во внимание и занимался лишь «гражданскими» последствиями этих сожительств, что вступало в противоречие с положениями высочайше утвержденного 5 января 1812 года доклада Синода о том, что светские органы при рассмотрении исков об имениях «незаконно брачившихся», а также о «присвоении соединенных с браком гражданских преимуществ» должны запрашивать Духовные консистории о наличии и законности таких браков[843]. Правда, в положениях доклада прямо не говорилось о том, что светские органы *обязаны* основывать свои решения на справках из духовного ведомства, говорилось лишь о необходимости запроса в консистории. Этот пробел и позволил Государственному Совету косвенным образом признать законность обоих вторых браков с точки зрения их «гражданских» последствий.

---

[839] Вероятно, в указе идет речь о Василии Ивановиче Суворове (умер в 1790 году), начальнике Нерчинских горных заводов.
[840] 1-е ПСЗРИ. Т. XXIII. № 17440.
[841] 1-е ПСЗРИ. Т. XXXIV. № 27137.
[842] РГИА. Ф. 1149. Оп. 1(1820). Д. 14.
[843] 1-е ПСЗРИ. Т. XXXII. № 24944.

Отсутствие координации в деятельности светских и духовных органов по искам такого рода хорошо видно из разбиравшегося в Государственном Совете в 1819 году дела о браке титулярного советника Ракитина[844]. По смерти Ракитина в 1808 году его родные братья попытались признать его брак с Прасковьей Акимовой недействительным. Сенат, куда через два года дошло дело, предложил истцам доказывать свою правоту в духовных органах. Рязанская же консистория, куда в 1812 году обратились Ракитины, на основании доклада 5 января 1812 года им отказала, т.к. должна была теперь заниматься подобными делами только на основании запроса из светских органов, а не по инициативе частных лиц. Через семь лет дело опять оказалось в Сенате, а оттуда уже попало в Государственный Совет, члены которого согласились признать Прасковью Ракитину законной супругой, а их детей – законнорожденными. Основанием для решения стал факт обращения заинтересованных лиц с иском лишь после смерти титулярного советника.

В 1805 году генерал-майор Ф.А.Боровский в своей духовной грамоте завещал своё имение брату Ивану с тем, чтобы брат в свою очередь завещал его Александру, Петру и Елизавете, которых Ф.А.Боровский назвал в документе своими детьми. В 1826 году после смерти Ивана Боровского его племянники (Чунпаловы и Челобитчиковы) стали оспаривать законность рождения Александра Боровского, т.к. якобы Ф.А.Боровский никогда не был женат. Рассматривая в 1839 году это дело[845], Государственный Совет указал, что рождение Александра Боровского не оспаривалось сорок лет, а духовная Ф.А.Боровского – более двадцати. Члены Совета в данном случае сочли себя не в праве даже подвергать какому-либо рассмотрению представленные к делу акты законности рождения и представили на высочайшее утверждение (утверждено 1 июня 1839 года) благоприятное для Александра Боровского мнение. Мотивируя своё мнение, Государственный Совет руководствовался статьей 1656 Свода законов гражданских (т. X Свода Законов Российской империи в изд. 1832 года), текст которой был основан на решении по делу фон Мейер. Таким образом, законодатель вынужденно «скрестил» церковное и гражданское право, ограничивая разрешение вопросов о законности брака, рождения, фамилии и связанными с ней преимуществами десятилетним сроком с момента рождения.

Итак, духовные власти затруднялись в решении подобных вопросов, поскольку законодательство по церковным делам, основанное на византийских канонических нор-

[844] РГИА. Ф. 1149. Оп. 1 (1819). Д. 175.
[845] РГИА. Ф. 1149. Оп. 2 (1839). Д. 56.

мах многовековой давности, было для этого явно не приспособлено. Светские органы, занимаясь в свою очередь вопросами имущественных прав, вынуждены были вторгаться в компетенцию церковных властей «со своим уставом». В этих условиях размежевание предметов ведения и определённая систематизация законодательства становились неизбежными. Поводом для пересмотра законодательства стало продолжение решённого в 1842 году Государственным Советом дела о незаконности брака генерал-майора З.И.Бекарюкова и дворянки Е.И.Драгневичевой[846].

Генерал-майор Захар Иванович Бекарюков при жизни своей первой жены вступал в брак ещё два раза: в 1788 году – с Елизаветой Беклемишевой, а по её смерти в 1806 году – с Екатериной Драгневичевой. В последнем браке супруги прожили двадцать шесть лет и родили дочь, которая на момент рассмотрения дела была замужем за полковником Генерального штаба Хрущёвым. По завещанию Бекарюков родовое имение оставил Ивану, сыну от первого брака, а благоприобретенное утвердил за Драгневичевой и их дочерью (Хрущёвой). По смерти Бекарюкова в 1832 году его первая жена, Аграфена и сын Иван возбудили два дела: первое – в духовном ведомстве (о признании брака с Драгневичевой недействительным), второе – в гражданском (о признании недействительным завещания). В июле 1838 года Синод вынес благоприятное мнение для истцов, а гражданское дело в итоге попало в Сенат, а за разногласием его членов – в Государственный Совет, где большинство утвердилось во мнении, что раз на основании решения духовных органов брак Бекарюкова и Драгневичевой признан недействительным, то светским органам остается только лишить права носить фамилию Бекарюкова Драгневичеву, и права на указную долю её и Хрущёву. Впоследствии старый боевой товарищ З.И.Бекарюкова, генерал от инфантерии П.С. Котляревский, прилагая к своему всеподданнейшему прошению записку полковницы Хрущёвой, просил в 1844 году о пересмотре решения Государственного Совета.

По императорскому распоряжению от 29 декабря 1844 года в связи с этим делом был образован Особый комитет, состоявший из председателя Государственного Совета, председателей его департаментов, министра юстиции и обер-прокурора Синода. Не ограничиваясь задачей оценить решение Государственного Совета о третьем браке З.И.Бекарюкова и его последствиях, комитет поставил вопрос шире: о необходимости пересмотра законодательства в этой сфере. Комитет обобщил законы и доступную ему

[846] РГИА. Ф. 1149. Оп. 3 (1841). Д. 43.

практику по делам такого рода и убедился, что отсутствие единообразия при принятии решений коренится в определённых недостатках законодательства. Во-первых, законы не указывали, что делать светским органам, если духовное ведомство дало заключение о незаконности брака, имевшего следствием возникновение у жены и потомства прав на фамилию и имения. Во-вторых, применение десятилетней исковой давности к таким делам приводило к тому, что во многих случаях, несмотря на отрицательное заключение духовного ведомства о законности брака, светские органы сохраняли все оспариваемые права за жёнами и детьми покойных дворян. В-третьих, было обращено внимание на недостатки юридической техники. Так, до сих пор слово «развод» употреблялось и для обозначения расторжения законного брака, и для признания брака недействительным.

Предложение Особого комитета о поручении II Отделению императорской канцелярии заняться пересмотром положений о спорах о признании браков незаконными и о последствиях такого признания было высочайше утверждено, и к ноябрю 1849 года главноуправляющий II Отделением канцелярии граф Д.Н. Блудов представил министру юстиции графу В.Н.Панину и обер-прокурору Синода графу Н.А.Протасову проект внесения изменений в действующее законодательство. Из членов Синода с проектом также ознакомились Московский митрополит Филарет (Дроздов) и (по особому желанию императора) митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский Никанор (Клементьевский). Существенных разногласий по проекту между указанными лицами не возникло, и в декабре 1849 – январе 1850 годов он был рассмотрен в Государственном Совете. 6 февраля 1850 года мнение Государственного Совета об утверждении проектируемых изменений было высочайше одобрено[847].

На основании закона от 6 февраля 1850 года существенным изменениям подверглось Отделение четвёртое (О прекращении и расторжении брака) Главы первой (О браке между лицами Православного исповедания) Раздела первого (О союзе брачном) Свода законов гражданских. В названии этого Отделения впервые в российском законодательстве разграничивались развод и признание брака недействительным. Соответственно, поменялась структура Отделения: его первый раздел был посвящен признанию браков недействительными, второй – прекращению браков смертью, третий – расторжению браков. Также изменению подверглись Отделения первое (О детях законных) и второе (О детях незаконных) Главы первой (О детях законных, незаконных и усыновлённых)

[847] 2-е ПСЗРИ. Т. XXV. Отд. I. № 23906.

Раздела второго (О союзе родителей и детей и союзе родственном). Данным узаконением была ликвидирована возбуждающая различные толкования норма о 10-летней исковой давности по доказыванию незаконности рождения ребёнка. Чтобы не поощрять имущественные претензии лиц, пытающихся ради наследства оспорить законность рождения детей их умерших родственников, закон предоставил право возбуждать иски о законности рождения лишь самим отцам (при определённых обстоятельствах – и матерям), при этом поставив последних в жёсткие временные рамки. Помимо вопросов, связанным с рождением детей, закон впервые с 1722 года «маркировал» границу в брачных делах между светскими и церковными органами: в разделе «О судопроизводстве» закона от 6 февраля 1850 года указывалось, где и в каком порядке должны возбуждаться дела, связанные с брачными отношениями. Значительно чётче были изложены постановления, основанные на канонических нормах. Так, из закона исчезла «глухая» норма (ст. 47 Свода Законов Гражданских в изд. 1842 года), отсылающая по вопросу о причинах и последствиях развода (под которым, напомню, понималось в то время и признание браков недействительными) к церковным правилам. Эти и другие изменения, внесённые в брачно-семейное законодательство мнением Государственного Совета в 1850 году, отразились в редакции т. X Свода Законов Российской империи от 1857 года.

Таким образом, вопрос о законности рождения, изначально имеющий совершенно «светский» характер, где главным интересом было установление прав на недвижимые имения, постепенно перерос в проблему разграничения компетенции между духовной и светской властью, ибо производство по таким делам упиралось в установление наличия или отсутствия законного брака. Несмотря на то, что с начала XIX в. не только дворянство имело право обладать недвижимостью, главным «двигателем» законодательства продолжал оставаться дворянский интерес, связанный с родовыми землями, поскольку именно многочисленные иски родни заставили правительство обратить внимание на этот вопрос.

Узаконение внебрачных детей. Законность рождения являлась основанием для того, чтобы претендовать на родовые имения. Чтобы доказать это право дворяне шли на разные ухищрения.

Одним из способов причислить посторонних к числу законных детей был подлог. Этот способ был довольно рискованным. Так, в 1762 году Именным указом Петра III вдова генерал-экипажмейстера Зотова за такое деяние была пострижена в монахини, а

причитающаяся ей указная часть была продана с торгов[848]. Другим способом, законным, но весьма хлопотным, некоторое время продолжало оставаться узаконение внебрачных детей. Узаконение предполагало наделение (по прошениям заинтересованных фактических родителей) внебрачных детей тем же статусом, который они имели бы, родившись в законном браке.

До начала XIX в. законодательство никак не регулировало процедурные вопросы узаконения. Однако прошения об узаконении на высочайшее имя всё же подавались, о чём можно судить из отдельных императорских указов, а также из записки, внесённой в Непременный Совет 13 июня 1801 года тайным советником Д.П.Трощинским. Так, указом Павла I от 13 ноября 1796 года к роду подполковника Михаила Обольянинова были причислены его воспитанники, прапорщики Преображенского полка Михаил и Александр[849]. Другим указом от 30 ноября того же года по прошению генерал-поручицы Колтовской был узаконен её сын Илья, родившийся через пять месяцев после смерти мужа[850]. Оба прошения об узаконении были поданы после смерти фактических отцов, и из текстов обоих указов ясно: данная мера была необходимой для продолжения дворянских родов, ибо узаконенные дети причислялись к роду отцов и получали право наследовать имения согласно Жалованной грамоте дворянству. Характерно, что в указе от 13 ноября 1796 года Павел I решил два вопроса: о присоединении к роду Обольяниновых двух воспитанников[851] и о присоединении к роду Брюс графа В.В.Мусина-Пушкина. Таким образом, как мужья присоединялись к фамилиям жен, так и внебрачные дети присоединялись к фамилиям отцов с одной и той же целью – продолжения вымирающих знатных родов.

Из записки Д.П.Трощинского также видно[852], что Александр I, намереваясь в общем разрешить проблему узаконения, сталкивался с ней неоднократно и также исходил из интересов именно дворянского сословия. Из тех вопросов, которые император поставил перед Непременным Советом, лишь один касался возможного вредного влияния разрешения узаконения на уменьшение количества заключаемых браков вообще, а два остальных касались дворянства в частности. Император опасался, что в результате раз-

---

[848] 1-е ПСЗРИ. Т. XV. № 11436.

[849] [Указы, манифесты и другие правительственные постановления, объявленные из Государственной Военной коллегии.: За 1796 г.]. [Санктпетербург]. [Тип. Гос. воен. коллегии]. Без тит. листа и заголовка. С. 172 / URL: http:/dlib.rsl.ru/01003336642.

[850] Там же. С. 148.

[851] Обычно за термином «воспитанник» скрывалось обозначение незаконнорождённого.

[852] Архив Государственного Совета. Том третий. Царствование императора Александра I. (1801 – 1810 гг.). Часть 2. СПб., 1878. Стлб. 33 – 34.

решения узаконения в виде общего правила может возникнуть неизвестный прежде способ получения дворянства. Но если узаконения запретить, какова будет судьба воспитанника, вынужденного, невзирая на фактическое благородное происхождение и воспитание, нести пожизненное пятно незаконнорождённого среди людей более низкого сословного положения?[853] В итоге Непременный Совет и Александр I согласились с целесообразностью сохранения прежнего подхода, когда узаконение совершалось в порядке исключения, исходя из заслуг просителей, в виде особой монаршей милости. По мнению Совета, являлось возможным вводить «во все права фамилии и наследство» детей от родителей, которые уже после рождения потомства вступили в законный брак[854].

В качестве примера можно рассмотреть дело об узаконении рассмотренное вскоре после закона 13 июня 1801 года. Дело касалось внебрачных детей генерал-лейтенанта С.Г.Зорича (1745 – 1799). В пожалованном ему белорусском местечке Шклове он при жизни завел благородное училище, которое фактически было военным учебным заведением. Любитель карточной игры (упомянут в пушкинской «Пиковой даме» как известный игрок), плохо разбиравшийся в финансовых делах и оставивший дурную славу во вверенных ему для командования полках, он был уволен Екатериной II в отставку в ходе следствия о фальшивых ассигнациях, которые были обнаружены в Шклове. Последним ударом для Зорича стал пожар 1799 года в его любимом детище, благородном училище, которое вскоре было переведено в Москву и существовало в виде 1-го Московского кадетского корпуса. Вскоре после пожара Зорич умер, после чего и возникли вопросы о судьбе его заложенного имения и о даче дворянства его побочным детям. Принимая во внимание заслуги Зорича в организации благородного училища, вопрос о детях был передан Непременным Советом на волю монарха[855].

Высочайше утверждённое мнение Непременного Совета от 13 июня 1801 года стало первым нормативным актом, который в общей форме допускал узаконение, правда, в порядке исключения и всякий раз в качестве знака особой монаршей милости. За время действия этого документа (до 1829 года, когда узаконение было запрещено) было «сопричтено к законным» около 2300 детей[856]. Из значимых нормативных документов по данному вопросу ещё стоит отметить Именной указ от 12 июля 1802 года по делу

---

[853] Там же.
[854] Там же.
[855] Стлб. 77.
[856] *Дыловский К.И.* Об узаконении детей, прижитых вне брака (доклад) // Юридическое общество при Санктпетербургском университете. Протоколы 1883 г. Т. V. Заседания гражданского отделения. СПб., 1885. С. 92.

Надаржинской и Кондратьевых. Александра Надаржинская родилась через пять месяцев после брака их родителей. После смерти майора Надаржинского возникло сразу два дела: по прошению вдовы, Варвары Надаржинской об «утверждении прав» Александры, и по прошению племянников покойного майора, Кондратьевых, об устранении Александры от наследования. Дело прошло все судебные инстанции, включая Сенат, и попало в Непременный Совет в 1801 году. Рассматривая этот спор в августе этого года, Совет со ссылкой на узаконения екатерининского времени о запрете возбуждать спор о законности рождения после смерти родителей, в т.ч. на решение по делу Арсеньевых[857], предложил утвердить Александру Надаржинскую «во всех правах рода и наследства», а Кондратьевым выплатить 151 тыс.руб. из доходов с имения, послужившего причиной споров[858]. 12 июля 1802 года об этом состоялся Именной указ, составленный в духе мнения Непременного Совета 1801 года, санкционировавший узаконение детей, рожденных «несвоевременно» после брака родителей[859].

Несмотря на значение, которое имел этот указ, он, как видно из более поздних документов, не был опубликован надлежащим образом. Так, лишь в 1831 году, рассматривая дело о признании Никанора Петрулина, родившегося через пять с половиной месяцев после брака его отца, надворного советника Василия Петрулина, Сенат обнаружил текст указа от 12 июля 1802 года и признал, что он является «коренным законом по делам подобного рода»[860]. Скорее всего, текст этого указа стал известен Сенату благодаря проходившей во второй половине 20-х годов XIX века систематизации законодательства: указ впервые был широко обнародован в составе 1-го Полного Собрания законов Российской Империи.

Отсутствие долгое время у государственных органов текста указа 1802 года, вероятно, способствовало появлению некоторых противоречий в российском законодательстве по данному вопросу. Так, 15 марта 1810 года на рассмотрение Государственного Совета было внесено прошение вдовы коллежского асессора Настасьи Гаевской об узаконении сына Андрея, рождённого до её брака. Совет, принимая во внимание, что дети приобретают сословное положение отца, счёл необходимым отказать вдове, поскольку отец при жизни об узаконении не просил[861]. Таким образом, хотя указы 1801 и 1802 го-

---

[857] 1-е ПСЗРИ. Т. XXII. № 16454.
[858] Архив Государственного Совета. Том третий. Стлб. 35 – 36.
[859] 1-е ПСЗРИ. Т. XXVII. № 20324.
[860] 2-е ПСЗРИ. Т. VI. Отд. I. № 4569.
[861] РГИА. Ф. 1151. Оп. 1 (1810). Д. 4; Ф. 1149. Оп.1 (1827). Д.12. Л. 9 – 9об.

дов и допускали узаконение после смерти отца, но Гаевской Государственный Совет отказал. Видимо, для власти этот вопрос не был окончательно решён, поскольку уже в 1827 году уже Николай I вынес на рассмотрение Общего собрания Государственного совета тот же вопрос: допустимо ли узаконение ребёнка после смерти отца, который при жизни об этом не просил[862].

В конце декабря 1828 года вопрос об узаконении внебрачных детей рассматривался в Государственном Совете, где было решено, что продолжение практики удовлетворения подобных ходатайств не только «неудобно», но и противоречит церковному и светскому законодательству. «Неудобство» выражалось в том, что перед удовлетворением прошения об узаконении местным органам управления предстояло провести сложную бюрократическую работу. Необходимо было выяснить, действительно ли проситель венчан с той, с которой прижил указанных в прошении детей, когда этот брак совершён, не был ли проситель до того женат и жена его в замужестве за кем-либо; когда в этом случае первая его жена и первый муж жены умерли. Кроме того, требовалось установить, когда рождены и крещены были эти дети, и кто были крёстными родителями. Каноническому праву, строго говоря, узаконение детей не противоречило, но оно косвенно поощряло внебрачную связь, о чем ставил вопрос ещё Александр I в 1801 году перед Непременным Советом. В частности, была вскрыта практика узаконения помещиками своих детей, рождённых от связи с крепостными женщинами. При этом многие дворяне, женясь на своих крепостных, намеренно скрывали своё супружество, опасаясь скандалов с родней на почве неравного брака. Часто в подобных случаях женихи настаивали, чтобы эти браки не заносились в метрические книги, тем самым осложняя в будущем доказывание законности рождения потомства[863]. Существовала практика, когда дворяне-развратники и после вступления в брак с одними наложницами продолжали фактически сожительствовать с другими[864]. Наконец, что также в своё время было указано Александром I, узаконение действительно открывало неизвестный прежде способ приобретения прав благородного сословия, что входило в противоречие с законодательством о дво-

[862] РГИА. Ф. 1148. Оп.1 (1827). Д.11.
[863] 1-е ПСЗРИ. Т. XXVIII. № 21847.
[864] *Дыловский К.И.* Указ. соч. С. 96 – 97. Разврат помещиков по отношению к крепостным крестьянкам описан в литературе. В 1823 – 24 гг. в Государственном Совете рассматривался вопрос, правда, не получивший окончательного разрешения, об удержании дворян от насильственного блуда с крепостными девками путем дарования изнасилованным свободы (РГИА. Ф. 1149. Оп.1 (1823). Д. 17).

рянстве. 2 января 1829 года состоялось высочайшее повеление о приостановке приёма ходатайств об узаконении детей, рожденных до брака[865].

В середине XIX века приём таких ходатайств возобновился, при этом решения по ним носили частный характер, в печати не публиковались, а объявлялись лишь заинтересованным лицам. Об этом полусекретном порядке объявления высочайших решений состоялись Именные указы от 18 июля 1858 года и 6 декабря 1860 года[866]. По сути, рассмотрение таких прошений пошло тем же порядком, что и до 1829 года. Несмотря на возобновление практики узаконения дворянами своих внебрачных детей, вплоть до 1891 года это производилось сепаратными и негласными императорскими указами при сохранении общего запрета. Отмечены случаи узаконения внебрачных детей и без последующего брака родителей. Так, Александр II в 1869 году разрешил внебрачному сыну генерал-майора П.Ф.Фермора, Николаю, не только именоваться фамилией отца, но и пользоваться его правами состояния[867]. В 1874 году аналогичное решение император принял в отношении двух воспитанниц действительного статского советника А.Ф.Волкова, незаконно прижитых его сыном, В.А.Волковым[868]. Наконец, 12 марта 1891 года состоялось высочайшее утверждение мнения Государственного Совета, который, рассмотрев вопрос об узаконении браком родителей их общих детей, счёл нужным вернуть возможность узаконения, на этот раз, в виде законодательного постановления[869].

Узаконение являлось единственным инструментом, позволявшим дворянству вводить своих внебрачных детей в число членов рода. Лица прочих сословий в течение всего XIX века пользовались для этой цели другим институтом – усыновлением.

Усыновление ради продолжения рода. Запрет благородному сословию пользоваться усыновлением в интересах своих внебрачных детей был определён в законодательстве: норма ст. 99 Свода законов гражданских (т. X Свода законов Российской империи в изд. 1832 года) позволяла дворянству усыновлять лишь *законнорожденных* родственников. Указание на законность рождения появилось в Своде законов не случайно: высочайшим повелением от 2 января 1829 года приостанавливался приём прошений не только об узаконении рожденных до брака детей, но и об усыновлении *воспитанников*.

---

[865] РГИА.Ф. 1149. Оп. 1 (1827). Д. 11. Л. 25; 2-е ПСЗРИ. Т. IV. № 3027.
[866] 2-е ПСЗРИ. Т. XXXVI. Отд. III. № 33408а; № 36374а.
[867] *Губастов К.А.* Генеалогические сведения о русских дворянских родах, происшедших от внебрачных союзов. СПб., 2003. С. 160. В данной работе приведено ещё несколько подобных примеров (С. 26, 161 и др.).
[868] Там же. С. 193.
[869] 3-е ПСЗРИ. Т. XI. № 7525.

При составлении Свода законов гражданских эвфемизм «воспитанники» использован не был, как не прозвучало и прямого запрета на их усыновление. Однако запрещение высшему сословию усыновлять собственных внебрачных детей со временем всё-таки попало в законодательство: в 1876 году мнением Государственного Совета это было специально указано в отношении личного дворянства[870]. Полный текст этого мнения вошёл в формулировку ст. 149 Свода законов гражданских (т. X Свода законов Российской империи в изд. 1887 года).

Усыновление чужих детей российской практике было известно издавна. Так, в 1404 году митрополит Киприан со ссылкой на Номоканон утвердил разрешение некоей вдове Федосье усыновить примака Тимошку[871]. Из положений, помещённых в Кормчей книге, к данной ситуации подходила бы норма гл. 2 гр. 6 (О предбрачном даре) Закона Градского, где говорится о «преемниках детей» при «бесчадии» матери. Правда, А.С. Павлов, давая подстрочный комментарий к грамоте Киприана, указывал на большее сходство цитируемого митрополитом правила с Базиликами, не попавшими в русский текст Кормчей[872]. О наследии «детей творимых» (т.е. усыновленных) говорит грамота патриарха Иоасафа 1667 года, определяющая подведомственность патриаршего суда[873].

В XVIII веке институт усыновления стал использоваться дворянами в тех же целях, что и узаконение или принятие в род жены её мужа – для продолжения рода. Так, 14 ноября 1796 года Павел I удовлетворил прошение бездетного графа И.А.Остермана об утверждении его внука, подполковника Александра Толстого, наследником его родового имения и титула графа, прибавив к фамилии Толстой фамилию деда - Остерман[874]. Александр I подтвердил 11 октября 1803 года в общей форме, что усыновлённые дети равны в правах «по роду и наследству» с детьми, рождёнными в законном браке[875]. В 1817 году Государственный Совет рассматривал прошение коллежского асессора Кирилла Фёдорова, не имевшего сыновей, но имевшего двух внуков, об их усыновлении[876]. Поскольку внуки происходили от дочерей Фёдорова, то имели другие фамилии (Пестов и Максимович). Император утвердил мнение Государственного Совета, согласно кото-

---

[870] 2-е ПСЗРИ. Т. LI. Отд. I. № 55586.
[871] Русская историческая библиотека. Т. 6. Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1 (памятники XI – XV в.). СПб., 1908. Док. № 31. Стлб. 214 – 244.
[872] Там же.
[873] ААЭ. Т. 4. СПб., 1836. № 155. С. 206.
[874] [Указы, манифесты и другие правительственные постановления, объявленные из Государственной Военной коллегии.: За 1796 г.]. С. 88.
[875] 1-е ПСЗРИ. Т. XXVII. № 20980.
[876] РГИА. Ф. 1149. Оп. 1 (1817). Д. 26. Л. 1 – 3; 1-е ПСЗРИ. Т. XXXIV. № 27144.

рому дворянин мог (как Фёдоров в данном случае) усыновить даже не одного, а нескольких своих родственников с присоединением фамилии усыновителя. При этом права усыновлённых на наследство должны быть одинаковы и не затрагивать прав на родовые имения ближайшего наследника по закону.

Свою сословную направленность усыновление сохраняло на протяжении всего XIX века. Даже мнение Государственного Совета от 12 марта 1891 года, существенно «демократизировавшее» этот институт, удержало некоторые охранительные барьеры в интересах дворянских фамилий. Во-первых, усыновление не могло состояться, если желающий усыновить уже имел законных или узаконенных детей, т.е. будущих наследников. Во-вторых, фамилии потомственных дворян присваивались усыновлённым только по высочайшему повелению (как и до 12 марта 1891 года). В-третьих, усыновлённые дворянами (если до акта усыновления не являлись таковыми), могли получить лишь статус личных почётных граждан. Наконец, усыновлённый не мог наследовать родовую недвижимость усыновителя.

3 июня 1902 года Николай II утвердил мнение Государственного Совета, которое стало последним вплоть до Октябрьской революции 1917 года актом, внесшим изменение в институты узаконения и усыновления[877]. В соответствии с названным указом законными признавались дети, рождённые от брака, признанного недействительным. Усыновление было дозволено теперь и при наличии законных и узаконенных детей, однако требовалось получить их нотариально заверенное согласие в случае их совершеннолетия. Если к моменту усыновления законные или узаконенные дети усыновителя не достигли совершеннолетия, то акт усыновления мог состояться лишь при жизни другого их родителя и также с его нотариально заверенного согласия.

Значение закона от 3 июня 1902 года состоит и в том, что он впервые в истории России определил права и обязанности родителей по отношению к своим внебрачным детям, которые ими не были узаконены или усыновлены. Действовавшие до этого момента нормы Свода законов гражданских принципиально не признавали право таких детей на фамилию и имущество фактических отца и матери. Воспитывать своих внебрачных детей, оказывать им добровольную материальную и другую поддержку власть никогда не запрещала. Однако до закона 1902 года отцы обязаны были содержать своих внебрачных детей лишь в одном случае: когда их рождение было следствием преступ-

[877] 3-е ПСЗРИ. Т. XXII. Отд. I. № 21566.

ления (изнасилования[878] или внебрачной связи[879]). Закон 3 июня 1902 года декриминализировал добровольное внебрачное сожительство, а из текста ст. 663 Свода законов гражданских была убрана норма о возмещении вреда в виде уплаты средств на содержание и воспитание младенца, родившегося вследствие изнасилования. Таким образом, рождение вне брака впервые в российском праве стало рассматриваться вне зависимости от причин, ещё и как факт, из которого возникают права и обязанности родственников. Несмотря на огромный шаг вперёд, в условиях сохранения сословного неравенства закон 1902 года не мог полностью уравнять внебрачных детей с законными. Так, фамилия незаконнорождённому давалась одинаковой с отчеством, а отчество – по имени крёстного отца. С согласия матери и её отца (если он находился с живых), ребёнок мог носить её фамилию, однако юридически к роду своей матери всё-таки не принадлежал: его права наследования ограничивались благоприобретённым материнским имуществом и при этом – с ограничениями. Наследовать имущество фактического отца и его родственников, а также родовое имущество матери внебрачный ребёнок не мог. Содержание внебрачному ребёнку была обязана доставлять мать согласно её материальному и общественному положению, но при недостатке средств для этого было возможно взыскать средства и с фактического отца.

Статус детей от «путативных» браков. В условиях сословного строя России не только законные, но и внебрачные дети должны были иметь определённый гражданский статус. Если первые получали статус отца, то вторые зачислялись в одно из податных сословий. Закон понимал под внебрачными детьми не только лиц, рождённых от связи холостого мужчины и незамужней женщины, но и рождённых от прелюбодеяния, и от брака, который был впоследствии признан недействительным. К этому перечню, благодаря изменениям, внесённым 6 февраля 1850 года, добавились дети, рождённые после смерти мужа или развода, когда от смерти или развода до рождения прошло более трёхсот шести дней. Почти во всех указанных случаях внебрачный ребёнок зачислялся в одно из податных состояний. Но в случае, когда рождение было следствием, как тогда говорили, «путативного» брака, участь ребёнка могла зависеть от «монаршего милосер-

[878] Высочайше утвержденные 21 марта 1851 г. изменения в Свод законов гражданских о вознаграждении за вред и убытки (2-е ПСЗРИ. Т. XXVI. Отд. I. № 25055 п. 56); ст. 663 Свода законов гражданских (т. X Свода законов Российской империи в изд. 1857 г.)

[879] См.: Арт. 176 Артикула Воинского (Законодательство Петра I. С. 786); ст. 669 Свода законов уголовных (т. XV Свода законов Российской империи в изд. 1832 г.); ст. 1289 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных (изд. 1845 г.) (2-е ПСЗРИ. Т. XX. Отд. I. № 19283); ст. 994 того же Уложения в изд. 1885 г.

дия». Под путативным понималось вовлечение в брак стороны, которая заблуждалась относительно брачной неправоспособности другой.

Впервые вопрос о судьбе таких детей был поставлен в середине 30-х годов XIX века в связи с незаконным браком поручика Петра Грессана с дочерью надворного советника Жедринского. Обманом вовлечённой в брак женщине было дано право на повторное замужество, но Государственный Совет поручил министерству юстиции совместно с обер-прокурором Синода представить мнение и о детях, родившихся до признания брака Грессана недействительным. Заслуживает внимание постановка проблемы, предложенная обер-прокурором Синода, графом Н.А.Протасовым. Дети в таких случаях всегда невинны, рассуждал Протасов, но если правосудие всячески заботиться, чтобы не оскорбить невинных, то «надобно позаботиться, чтобы не оскорбить ничем невинное дворянское сословие причислением к нему детей беззаконных»[880]. 24 сентября 1836 года Департамент законов Государственного Совета внёс по данному делу предложение предоставлять судьбу таких детей «монаршему милосердию»[881], а 18 ноября того же года Николай I согласился с этим мнением[882]. Решение по делу о детях Грессана и Жедринской, которое стало поводом для общей постановки проблемы, было решено ранее: 7 марта 1835 года государь согласился предоставить детям статус и фамилию матери[883].

Вот несколько примеров из практики, которая сложилась при применении закона 1836 года. В октябре 1836 года Елизавете Бачмановой, дочери надворного советника, ссылавшейся на решение по делу детей Грессана и просившей о том же, было отказано[884], поскольку она вступила во второй брак при нерасторгнутом первом, но в 1843 году детям от её незаконного второго брака с подполковником Гоголь-Яновским было дано право на приобретение (получение) сословного статуса отца[885]. В 1842 году дети от признанного недействительным брака многожёнца капитана Иванова получили личное дворянство по статусу их матери и её фамилию – Билинские[886]. В 1851 году аналогичное решение было вынесено в связи с признанием недействительным брака капитана Нагродского с дворянкой Евдокией Иониной[887]. В 1851 году дети губернского секретаря Жданова и солдатки Михеевой, вступившей с ним во второй брак при наличии нерас-

[880] РГИА. Ф. 1149. Оп. 2 (1836). Д. 88. Л. 4 – 4 об.
[881] Там же. Л. 20.
[882] Там же. Л. 23; 2-е ПСЗРИ. Т. XI. Отд. II. № 9713.
[883] РГИА. Ф. 1149. Оп. 2 (1834). Д. 126.
[884] РГИА.Ф. 1149 .Оп. 2 (1836). Д. 84. Л. 44.
[885] *Дыловский К.И.* Об узаконении детей, прижитых вне брака (доклад). С. 115.
[886] Там же.
[887] Там же.

торгнутого первого, были признаны законными с причислением к сословию и фамилии отца[888]. Рассматривая эти примеры, дореволюционный исследователь К.И. Дыловский заключал, что практика пошла по пути предоставления детям от путативных браков статуса невиновной стороны, даже если невиновная мать пользовалась правами состояния высшими, чем обманувший её муж[889]. Например, в октябре 1860 года высочайше утвержденным мнением Государственного Совета права потомственных дворян были предоставлены трём детям потомственной же дворянки Елизаветы Августинович от незаконного брака, в который она была вовлечена обманом[890].

Обобщение практики по путативным бракам представлено в записке, внесённой в Комитет министров в начале 60-х годов XIX века по делу о мещанской дочери Пелагее Масленниковой, обманом вовлеченной в брак с дезертиром Францем Гидзером. Из записки узнаем, что «доныне детям, рождённым от незаконного брака, постоянно предоставлялось пользоваться не теми фамилией и правами, которые принадлежали виновным мужьям, а теми, коими пользовались их жёны по рождению своему до вступления в незаконный брак»[891].

Закон от 3 июня 1902 года внёс коренное изменение в регулирование и этого вопроса: сословная принадлежность детей от путативных браков перестала определяться «монаршим милосердием». Теперь всем внебрачным детям вне зависимости от обстоятельств их происхождения была гарантирована забота со стороны фактических матерей и, при необходимости, фактических отцов. Родителям же, заинтересованным в решении вопроса о статусе внебрачных детей, предлагался институт усыновления.

В настоящее время усыновление рассматривается российским семейным законодателем как форма устройства несовершеннолетних детей, оставшихся без попечения родителей. Приведённые законоположения наглядно показывают совершенно иные цели, для которых когда-то этот институт возник в России. Одна из его главных задач с XVIII века – предотвращение угасания дворянских фамилий. Той же цели служило узаконение внебрачных детей. Ещё одна задача этих институтов применительно к дворянству – обеспечение его замкнутости. Учитывая, что во второй половине XVIII – первой половине XIX веков русское правительство существенно затрудняло проникновение в дворянское сословие разночинного элемента (особенно по выслуге), такое специфиче-

[888] Там же. С. 116.
[889] Там же. С. 117.
[890] 2-е ПСЗРИ. Т. XXXV. Отд. II. № 36244.
[891] 2-е ПСЗРИ. Т. XXXVIII. Отд. I. № 39766.

ское (с современной точки зрения) назначение узаконения и усыновления не вызывает удивления.

е) Родительская обязанность воспитывать детей с точки зрения интересов правительства

Законодательное регулирование взаимоотношений законных детей и родителей связано в России с вопросами служебного статуса феодальных фамилий. Вплоть до конца XVII века родовая аристократия не нуждалась в специальных законах, поддерживающих их положение в государственной иерархии, т.к. для этого существовал обычай местничества. «Место» феодала зависело от целого ряда факторов, в том числе происхождения, карьеры его предков и собственного продвижения по службе, а также результатов судебных разбирательств, где выяснялись вопросы старшинства[892]. Развитие феодальных отношений в России определило, что и «порода», и служебные успехи члена рода способствовали устойчивости родового землевладения[893]. Кроме того, эти же факторы влияли на «чествование» служилого человека: уже было показано, что и Судебник 1550 года, и Соборное Уложение 1649 года знали целую лестницу штрафов, исходя из места человека в служебной иерархии. Несмотря на то, что в 1682 году институт местничества упраздняется, взаимосвязь благородного происхождения, наследственной службы государю и земельных богатств аристократических фамилий будет ещё очень долго определять сословную политику русского правительства. Так, согласно Жалованной грамоте дворянству 1785 года, беспорочная служба предков давала личному дворянину право просить потомственного дворянства[894], к числу привилегий которого относилось обладание населенной сельской недвижимостью.

В государственную службу включается не только родовая аристократия, но и те, кто, не имея за собой нескольких колен благородных предков, «верстался» в поместный оклад. Соответственно, российское законодательство начинает ставить поместное землевладение в зависимость от занимаемой должности (Уложение о службе 1556 года[895],

---

[892] О местничестве см., напр.: *Маркевич А.И.* История местничества в московском государстве в XV – XVII веке. Одесса. 1888; *Шмидт С.О.* Местничество и абсолютизм. Постановка вопроса / Шмидт С.О. Становление российского самодержавства (Исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного). М. 1973. С. 262 – 307; *Эскин Ю.М.* Очерки истории местничества в России XVI – XVII вв. М. 2009.

[893] *Шмидт С.О.* Указ.соч. С. 282.

[894] См.: Законодательство Екатерины II. Т. 2. С. 17

[895] Памятники русского права. Выпуск четвёртый. Памятники права периода укрепления русского централизованного государства. XV – XVII вв. М., 1956. С. 586.

ст. 1 и 68 гл. XVI Соборного Уложения 1649 года[896]). Однако далеко не все феодалы желали честно тянуть лямку государственной службы: одни просто уклонялись он неё и числились в «нетях», другие оформляли на себя кабальные грамоты и поступали в услужение к частным лицам, третьи предъявляли разорённые поместья в доказательство невозможности экипировать себя в поход. Законодатель, заинтересованный в потомственной службе феодалов, установил, что отцов в случае ран или увечий должны замещать их дети или другие родственники (ст. 17 гл. VII Соборного Уложения 1649 года)[897] и при этом обязывал служилых людей самим записывать своих родственников в службу под угрозой санкции[898]. Таким образом, постепенно складывался такой важный аспект правового регулирования служилого сословия, как потомственный характер его службы.

Реформируя государственную службу, Петр I сохраняет её потомственный характер. В частности, одним из инструментов для этого послужили специфические обязанности отцов по отношению к своим сыновьям, урегулированные в первой половине XVIII века. Как и во времена предшественников Петра I, в его правление большое значение имел учёт контингента потенциального служилого населения. Так, в марте 1712 года своим Именным указом Петр велел отцам всех не определённых пока ни к каким делам детей и недорослей от десяти лет и выше из фамилий знатных московских чинов, дворянских, комиссарских и дьячих людей привезти их в Сенат для освидетельствования[899]. Кроме того, в целом ряде указов Петр I распорядился об обучении полезным наукам (географии, арифметике, геометрии) детей всякого звания, в т.ч., дворянского[900]. Чтобы устранить определённые помехи получению необходимого для будущей службы образования, Петр I в 1714 году запретил дворянским детям жениться до освоения цифири и геометрии[901], а указами 1721 (Именной) и 1722 (сенатский) годов запретил «дуракам», т.е. неспособным «ни в науку, не в службу» вступать в брак и над их имуществом устанавливалась опека[902]. Таким образом, на родителей дворянского звания была

[896] Российское законодательство X – XX веков. Т. 3. С. 163 – 164.
[897] Там же. С. 94 – 95.
[898] Именной указ 15 января 1679 г. (1-е ПСЗРИ. Т. II. № 747).
[899] 1-е ПСЗРИ. Т. IV. № 2497.
[900] 1-е ПСЗРИ. Т. V. №№ 2971, 2979.
[901] 1-е ПСЗРИ. Т. V. № 2762.
[902] 1-е ПСЗРИ. Т. VI. № 3949.

возложена обязанность обеспечить начальное приготовление сыновей к будущей службе[903].

Наследники великого реформатора детализировали эту родительскую обязанность. Так, согласно манифесту 1736 года, отец дворянина должен был определить, кто именно из его сыновей останется дома «для содержания экономии», а остальные должны были избрать военное поприще. Когда судьбы сыновей будут определены, отец должен был обеспечить обучение остающегося дома грамоте и арифметике, поскольку правительство рассматривало будущих домоправителей, во-первых, как потенциальных гражданских служащих, а во-вторых, как ответственных за судьбы их крепостных крестьян[904]. Образование сыновей, которые должны будут с 20 лет нести воинскую службу, также во многом зависело от родителей. Имущественное положение отца (не менее 100 крепостных душ, 1000 – с 1762 года) было непременным условием возможности обучать ребёнка дома. Иные же дворяне были настолько бедны, что не гнушались крестьянской работой, а уж оплачивать образование детей они тем более были не в состоянии. В одном таком случае Екатерина II удовлетворила просьбу дворян Ахматовых и распорядилась зачислить их детей в гарнизонную школу за казённый счет[905]. Имущественное положение отца могло повлиять и на должность, с которой начинал карьеру его ребёнок. Так, в марте 1737 года резолюцией кабинет-министров было постановлено, что надлежащим образом обученный отпрыск из средней знати мог быть принят на службу в Сенат, если за его фамилией значилось 100 крепостных душ. В коллегии и канцелярии «ценз» был меньше – только 25 душ. Цель введения такого ценза была следующая: обеспечить «чистое и неубогое содержание» чиновника не только жалованьем, но и собственным иждивением.[906]

Программа домашнего образования была примерно следующая: сначала – знание арифметики, умение читать и писать, затем – иностранные языки и основы православного вероучения, под конец – история, география и фортификация. Тех недорослей, которые в 16 лет не показали успехов в науках, Именной указ 1737 года грозил отдать в матросы. Подобная санкция не исключалась и для того сына, которому предстояло вести домашнее хозяйство, поскольку невежество могло привести дворянское имение и насе-

---

[903] См.: *Новицкая Т.Е.* Поступление на государственную службу в XVIII веке // Вестник МГУ. Сер. 11. Право. 2011. № 4. С. 36 – 37.
[904] 1-е ПСЗРИ. Т. IX. № 7142; Т. X. № 7201.
[905] 1-е ПСЗРИ. Т. XIX. № 14105.
[906] 1-е ПСЗРИ. Т. X. № 7201.

лявших его крестьян к упадку и разорению[907]. Таким образом, родительское воспитание закон рассматривал, прежде всего, с точки зрения интересов государственной службы и поддержания дворянских хозяйств. Но даже с 1762 года, когда служба дворян стала правом, правительство не оставляло надежду, они не будут уклоняться от служения Отечеству, и своим детям дадут хорошее образование[908]. Государство по-прежнему видело исключительно в дворянстве кадровый резерв для военной и гражданской службы.

Образование дворянских недорослей не только должно было сформировать хорошо обученных специалистов, но и заложить в них определённые нравственные основы и гражданскую позицию. Так, в марте 1727 года архиепископ Смоленский и Дорогобужский Филофей докладывал в Синод, что многие отпрыски смоленской шляхты учатся за рубежом в католических школах и, возвращаясь после обучения, вступают в браки в запрещённых для православных степенях родства, чем «чинят правилам святых отец и апостолов немалую противность[909]. В феврале 1728 года император Петр II в Верховном Тайном Совете объявил указ о запрете смоленской шляхте отдавать своих детей на обучение в Литву и другие страны, предложив посылать их на обучение в киевские, смоленские или московские школы. Надзор за исполнением запрета был поручен архиепископу Филофею и смоленскому губернатору[910]. Для домашнего обучения родителям смоленской губернии запретили держать «римских» учителей и инспекторов[911].

В XIX веке правительство обратило внимание на родительские обязанности в связи с восстанием декабристов. Самому молодому из казнённых (М.П. Бестужеву-Рюмину) к этому времени исполнилось 25 лет, а самому старшему из них (П.И. Пестелю) было 33. Вообще средний возраст участников заговора составил 26-27 лет, то есть они представляли собой хоть и образованную, но всё-таки – молодежь. В Манифесте от 13 июня 1826 года, изданном по окончании следствия, власть призывала всех родителей обратить внимание на нравственное воспитание детей. Тщетны будут все усилия, все пожертвования правительства, говорилось в документе, если домашнее воспитание не будет приуготовлять нравы и *содействовать его видам*[912]. Стремясь изолировать российское юношество от вредных влияний, в 1831 году Именным указом было запрещено

---

[907] 1-е ПСЗРИ. Т. X. № 7171.
[908] 1-е ПСЗРИ. Т. XV. № 11444.
[909] ПСПиР. Т. V (28 января 1725 – 5 мая 1727). № 1923. С. 506.
[910] ПСПиР. Т. VI (с 8 мая 1727 по 16 января 1730). № 2107. С. 132.
[911] О смоленской шляхте по доношению Гедеона епископа смоленского. Августа 15 дня [1728 г.] / Указы блаженныя и вечнодостойныя памяти великой государыни императрицы Екатерины Алексиевны и государя императора Петра Втораго… С. 365.
[912] 2-е ПСЗРИ. Т. I. № 465.

воспитывать вне Отечества молодежь от 10 до 18 лет. Чужеземное воспитание, с точки зрения Николая I, приводило к тому, что «молодые люди возвращаются иногда в Россию с самыми ложными о ней понятиями. Не зная её истинных потребностей, законов, нравов, порядка, а нередко и языка, они являются чуждыми посреди всего отечественного»[913]. Лишь через пятьдесят лет для русских подданных мужского пола указанной возрастной группы отпала необходимость мотивировать своё пребывание за границей[914].

Таким образом, в обязанности родителей-дворян входило воспитание лояльного правительству потомства, приготовленного к службе, с надлежащим образованием, полученным желательно в пределах России. Такое понимание нашло отражение в тексте ст.ст. 121 – 122 Свода законов гражданских (т. X Свода законов Российской империи в изд. 1832 года). Формально эти статьи касаются не только дворянства, но отдельные формулировки об обязанностях родителей («стараться домашним воспитанием…содействовать видам правительства») указывают на уже прокомментированный источник. Воспитание детей за границей кроме дворян могли позволить себе лишь состоятельные мещане, но правительство опасалось после восстания декабристов вовсе не мещанских волнений. «Печься об определении детей в службу или в промысел» лицам податных сословий не было нужды, т.к. государственная служба была для них практически закрыта, а наследственный род занятий и так переходил к ним из-за принадлежности к семьям промышленников. Таким образом, главной причиной появившихся в Своде указанных формулировок была не забота правительства об устройстве детей вообще, а тревога за лояльность представителей правящей прослойки, а также желание по-прежнему видеть её на государственной службе.

По этой причине правительство было готово оказать помощь бедному дворянству, которое не имело средств послать своих детей учиться. Так, в 1835 году казна стала принимать на себя издержки по доставке в Санкт-Петербург детей бедных дворян и чиновников для зачисления в число кадетов института Корпуса путей сообщения[915]. Например, в западных губерниях для бедных детей благородного происхождения за казённый счёт устраивались учебные заведения и в случае отличной учёбы их выпускников также за счёт казны обучали в ведущих университетах страны[916].

---

[913] 2-е ПСЗРИ. Т. VI. Отд. I. № 4364.
[914] РГИА. Ф. 1149. Оп. 9 (1881). Д. 2. Л. 15 – 15об.
[915] 2-е ПСЗРИ. Т. X. Отд. I. № 7915.
[916] 2-е ПСЗРИ. Т. XII. Отд. I. № 10452.

Ещё одна родительская обязанность, появившаяся в законодательстве в 1787 года, имеет ярко выраженное сословное происхождение. Желая искоренить поединки в дворянской среде, Екатерина II издала Манифест, предлагавший судебные формы решения конфликтов, связанных с бесчестьем[917]. В ст. 23 Манифеста родителю *не возбранялось* вступиться за честь ребёнка, но в ст. 123 Свода законов гражданских (т. X Свода законов Российской империи в изд. 1832 года) это было сочтено уже родительским *долгом*. Некоторая двусмысленность слова «долг» (моральная или юридическая обязанность?) была упразднена в редакции Свода законов гражданских 1842 года, где в ст. 169 указывалось *право* родителей вступиться за детей в случае нанесения им личной обиды.

ж) Семейно-правовые аспекты охраны родового имущества дворян

Раздельность имущества детей и родителей. Вопрос об имущественных отношениях детей и родителей издревле поднимался в связи с разделом общего имения или выдела из него. Ещё раз необходимо напомнить, как жёстко Русская Правда пресекала споры детей с матерью-вдовой, проживающей совместно с ними[918]. Однако со временем выдел доли родительского имущества требовался и повзрослевшим сыновьям («донеле же возмогут»)[919], и дочерям при выходе замуж[920]. Древнерусскому праву была знакома и другая ситуация, когда второй брак пережившего супруга порождал проблему сохранения в неприкосновенности имущества детей от первого брака[921]. В этой неприкосновенности были заинтересованы не только сами дети, но и их боковые родственники со стороны покойного родителя. Особенно острой проблема могла быть в том случае, когда при повторном браке переживший супруг пытался тем или иным способом лишить ребёнка от первого брака недвижимого имущества. Законодателю XVII века были известны случаи, когда отцы, вступившие в повторное супружество, принуждали своих незамужних дочерей к совершению сделок мены. Родня покойных жён проявляла к таким сделкам интерес потому, что с их помощью дочерей заставляли расставаться с родовыми вотчинами, которые им отходили со смертью матерей. Оберегая родовой интерес и не находя «образцов» подобных сделок в прошлом, царь с Боярской Думой запретили на

[917] 1-е ПСЗРИ. Т. XX. № 16535.
[918] Ст. 102 Пространной редакции Троицкого списка (Российское законодательство X – XX веков. Т. 1. С. 71).
[919] Ст. 99 Пространной редакции Троицкого списка (Там же).
[920] Ст. 90 Пространной редакции Троицкого списка (Там же. С. 70).
[921] Ст. 104 – 105 Пространной редакции Троицкого списка (Там же. С. 71).

будущее мены землями между неразделёнными родственниками[922]. Таким образом, в законодательстве наметились две черты. Во-первых, будущая собственность детей находилось в управлении родителей вплоть до выдела. Во-вторых, поскольку дети являлись наследниками обоих родов, к которым принадлежат их родители, закон защищал это наследование от злоупотреблений самих родителей.

В 1730 году Сенат получил повод заняться проблемой родительского управления общим имуществом: некто Антон Линеев при живом отце заложил родовую вотчину. Возмущённый отец решил лишить сына наследства в пользу внука. Подавая Анне Иоанновне на утверждение доклад по делу, Сенат заключил, что сыновья могут распоряжаться своим будущим наследством лишь по смерти своих отцов[923]. Самоуправство детей ещё не раз будет обращать на себя внимание власти. Так, в 1761 году Елизавета Петровна запретила взыскивать долги детей, проживающих «не в отделе» с родителями[924]. Указ был вызван (что явствует из его текста) борьбой правительства с роскошью и мотовством отпрысков богатых фамилий. Ещё более откровенно на эту тему говорит указ Екатерины II от 10 марта 1766 года: в одном документе она и подтвердила запрет судебного взыскания карточных долгов, и одновременно напомнила, что нельзя при живом отце верить неотделённому сыну[925].

Проблема долгов неотделённых детей могла возникнуть даже тогда, когда они состояли на службе и получали жалованье. Рассматривая в январе 1772 года дело о взыскании по долгам с детей майора Потёмкина, Сенат признал невозможным наложить взыскание по векселям на жалование служащих, но неотделённых дворян[926]. Т.Е. Новицкая, рассматривая данный документ, пришла к выводу, что Сенат в своём решении признал жалованье неотделённых детей собственностью родителей[927]. Однако в деле Потёмкиных присутствует и другой момент: представляя это дело Сенату, Главный Магистрат упоминал не только о жалованье неотделённых детей, но и о наследственном имении их матери. В своё время Потёмкины отказались от наследства, очевидно, из-за долгов, поскольку Сенат нашёл нужным по этому поводу вспомнить указ 1716 года, в соответствии с которым долги покойного распределялись в соответствии с долями

[922] Именной указ с боярским приговором от 19 декабря 1683 г. (1-е ПСЗРИ. Т. II. № 1057).
[923] 1-е ПСЗРИ. Т. VIII. № 5658.
[924] 1-е ПСЗРИ. Т. XV. № 11272.
[925] 1-е ПСЗРИ. Т. XVII. № 12593. «Верить» здесь надо понимать, как «давать в долг» («верить в долг»).
[926] 1-е ПСЗРИ. Т. XIX. № 13741.
[927] *Новицкая Т.Е.* Указ.соч. С. 366.

наследников *недвижимых имений* наследодателя[928]. Таким образом, возникает общий вопрос: на какое имущество могло быть направлено взыскание и могло ли быть таковым жалованье служилых людей? Артикул Воинский 1715 года, кажется, содержит прямой ответ на этот вопрос: арт. 67 допускает обращение взыскания на жалованье солдата, с тем, однако, чтобы ему осталось на пропитание и никакого ущерба для службы из-за такого взыскания не было[929]. Также эта возможность допускалась Регулами для Комиссариатского правления 1758 года.[930].

Однако эти документы говорят о взыскании по долгам в принципе и не учитывают специфику вексельных отношений, о чём Главный Магистрат докладывал Сенату в 1768 году в связи со взысканием по векселю, выданному А.И. Римской-Корсак, с её наследника, титулярного советника Н.А.Римского-Корсака[931]. Между тем, Вексельный устав 1729 года достаточно чётко определил, что взыскание в подобных случаях может быть наложено на *товары* или *имение*[932]. В собственности детей майора Потемкина в начале 70-х годов XVIII века не было ни товаров, ни имений, а жалованье дворян Потемкиных Сенат счёл ненадлежащим для этих целей имуществом. Любопытно, однако, то, что как раз по делу о долге покойной А.И.Римской-Корсак Сенат счёл возможным наложить взыскание на жалованье её сына-наследника, хотя имения у него как раз были. Собственно, Главный Магистрат просил о наложении взыскания на жалованье потому, что не хотел публичного скандала, связанного с арестом и продажей имения, в отношении уважаемого в Устюжне Железнопольской человека, занимавшего там пост товарища воеводы. Но Сенат понял вопрос шире и в общей форме санкционировал подобную практику на будущее. В отсутствии чёткого законодательного указания, можно понять колебания Сената, который по аналогичным делам занимал разную позицию. Впрочем, для ликвидации пробела в законодательстве Сенат велел вынести этот вопрос в Комиссию по сочинению проекта нового Уложения[933].

Таким образом, по делу Потёмкиных «сошлось» несколько обстоятельств: отсутствие у неотделённых сыновей собственного имения и пробелы в законодательстве по вексельным взысканиям. В данном случае Сенату показалось правильнее следовать об-

---

[928] 1-е ПСЗРИ. Т. V. № 3013.
[929] Российское законодательство X – XX веков. В девяти томах. Т. 4. Законодательство период становления абсолютизма. М. 1986. С. 340.
[930] П.8 гл. III (1-е ПСЗРИ. Т. XV. № 10789).
[931] 1-е ПСЗРИ. Т. XVIII. № 13212.
[932] П. 36 гл. 1 (Российское законодательство X – XX веков. В девяти томах. Т. 5. Законодательство периода расцвета абсолютизма. М. 1987. С. 438).
[933] 1-е ПСЗРИ. Т. XVIII. № 13212.

щей норме о запрете верить неотделённым сыновьям, чем распространить на это дело силу прецедента с Н.А.Римским-Корсаком. Оба этих дела роднит то, что всякий раз власть поступала так, как было удобнее собственникам имений, что ещё раз показывает специфическую социальную «подкладку» гражданско-правовых институтов XVIII столетия.

Отделение детей являлось, безусловно, правом родителей, т.е. дети не то, чтобы не могли требовать у них определённую долю, а в принципе были лишены права требовать хоть что-то. Основа для подобного подхода была сформирована ещё в XVII столетии. Так, в указе о вотчинах, данных за «московское осадное сиденье» патриарх Филарет и царь Михаил Федорович, сформулировали правило: «В той вотчине, кому та вотчина дана, он, и ево дети, и внучата, и правнучата волны; и волно ему, и ево детем, и внучатом, и правнучатом та вотчина продать, и заложить, и в приданые дать, и в монастырь по душе по выкупу дать»[934]. Позднее это правило было повторено в 1627 году[935] а затем – в Соборном Уложении 1649 года (ст. 42 гл. XVII)[936].

В свою очередь, законная сила правил, содержавшихся в гл. XVII Соборного Уложения, была признана в XVIII[937], а затем – и в XIX веках. Так, о власти родителей отделять часть имущества детям говорит специальная глава 3 («О выделе») раздела I кн. 3 Свода законов гражданских (т. X Свода законов Российской империи), частично основанная на Соборном Уложении. Нормы о выделе приданого дочерям (ст.ст. 599 – 604 Свода законов гражданских (т. X Свода Законов Российской империи в изд. 1832 года) во многом основаны на указах 1731[938], 1770[939] и 1789 годов[940], в которых была подтверждена законная сила правил о вотчинах, изложенных в Соборном Уложении.

Однако, эта «вольность» родителей в распоряжении недвижимыми имениями имела и обратную сторону. Во-первых, выделяя доли своим детям, они могли проявлять полную власть лишь в благоприобретенных имениях, но что касалось родовых – тут они должны были подчиняться правилам закона. Это ограничение ввела в XVIII в. Жалованная грамота дворянству (ст. 22)[941], которая сама в этом вопросе базировалась на указах

---

[934] Законодательные акты русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века. Док. № 86. С. 94.
[935] Там же. Док. № 161. С. 134 – 136.
[936] Российское законодательство X – XX веков. Т. 3. С. 188.
[937] См.: *Новицкая Т.Е.* Указ.соч. С. 323.
[938] 1-е ПСЗРИ. Т. VIII. № 5717.
[939] 1-е ПСЗРИ. Т. XIX. № 13520.
[940] 1-е ПСЗРИ. Т. XXIII. № 16769.
[941] Законодательство Екатерины II. Т. 2. С. 35.

первой половины века, имевших основу в Соборном Уложении[942]. Во-вторых, будучи вправе не отделять при жизни своих детей, дворяне не могли и требовать от них соответствующего содержания. Впервые обязанность детей «доставлять пропитание и содержание» нуждающимся родителям была в общей форме определена лишь в Своде законов гражданских, т.е. в 1832 году. Однако анализ источников, на которых была основана эта обязанность (ст. 141 в изд. 1832 года), указывает на совершенно другие социальные слои, которым она была адресована: на крестьянство и на духовенство.

Учитывая, что российское законодательство о браке и семье в своих общих формулировках базировалось, в основном, на реалиях дворянского быта, возникновение обязанности содержать родителей выглядит в Своде законов гражданских совершенно нелогично. Однако появление такой нормы можно объяснить заимствованием из иностранных источников. В данном случае видны параллели с Кодексом Наполеона, в первоначальной редакции которого уже существовало следующее правило: «Дети обязаны доставлять содержание своим отцу и матери и другим восходящим, которые находятся в нужде» (ст. 205)[943]. Если в случае с супружескими алиментами заимствование из французского законодательства могло быть формально «прикрыто» общими моральными наставлениями из Устава Благочиния 1782 года, то в данном случае и такого «прикрытия» составители Свода законов не нашли. Оно и не могло быть найдено, т.к. семейные взаимоотношения в среде дворянства феодальной России подчинялись совершенно особой логике. Имущественное самовластие родителей-дворян позволяло им до самой смерти сохранить в своих руках управление принадлежащей им недвижимостью. Такое положение вещей позволяло родителям не нуждаться в имущественной поддержке со стороны детей, и попасть в положение шекспировского короля Лира родители могли, как и он, лишь по своей воле.

Логика ориентированного на буржуазное развитие французского законодательства, которое было частично реципировано при составлении российского Свода законов гражданских, предполагало формирование единого имущественного комплекса семьи как самостоятельной единицы. В рамках этой единицы предусматривалась задача материальной поддержки детей со стороны родителей и наоборот. А законодательство феодальной России рассматривало дворянскую семью как своеобразное передаточное звено

---

[942] *Новицкая Т.Е.* Указ.соч. С. 260.

[943] Перевод дан по: Французский гражданский кодекс 1804 года. С позднейшими изменениями до 1939 г. Перевод И.С. Перетерского. С. 73.

по отношению к родовой недвижимости, и, соответственно, единственной задачей правительства при регулировании семейных имущественных отношений являлось лишь обеспечение передачи имений от предков потомкам. Таким образом, в законодательстве феодальной России отсутствовала сама традиция материального обеспечения восходящих родственников нисходящими.

Составители Свода законов гражданских, установив совершенно не соответствующую традициям русского законодательства норму, обязывающую детей содержать родителей, всё-таки не распространили эту обязанность на внуков по отношению к дедам и бабкам. В этом отечественный законодатель отошёл от использованных французских образцов, как раз предполагавших такую возможность (ст. 205 ФГК). Отдельные попытки дедов и бабок получить содержание от внуков наталкивались на противодействие российских судов[944]. Вообще в гл. III «О союзе родственном» разд. II кн. I Свода законов гражданских никаких обязанностей лиц, состоящих в родстве, не было установлено в принципе. Все статьи этой главы касались лишь счета степеней родства (к статьям прилагалась соответствующая схема), что имело значение лишь для вопросов наследования и вступления в брак. Таким образом, если при регулировании отношений детей и родителей составителями Свода законов был допущен явный отход от отечественных традиций, то в отношении иных родственников логика предшествующего законодательства феодальной России была сохранена.

Итак, одна из причин, вызвавших закрепление в законе раздельности имущества детей и родителей дворянского сословия, состояла в охране родового недвижимого имущества от «распыления» через самоуправство и мотовство детей. С этой целью законодатель не только лишил детей-дворян права требовать себе выдела, но и освободил родителей от обязанности отвечать по долгам детей. Однако это имущественное самовластие родителей, когда они до самой смерти могли удерживать управление недвижимостью в собственных руках, делало нелогичным заимствованную из Кодекса Наполеона норму об их праве требовать содержания от детей. И даже принятый в 1845 году Именной указ, утвердивший положение «О заповедных наследственных имениях»[945], который мог показаться очень близким по содержанию к наполеоновскому законода-

---

[944] См., напр: решение Гражданского кассационного департамента Сената от 25 ноября 1887 г. № 105 по прошению Т.Фроленковой (Полный свод решений Гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената (начиная с 1866 года) за 1887 г. (№№ 47 – 109), 1888 год и 1889 г. (№№ 1 – 8). Екатеринослав. 1904. С. 270 – 271 // СПС КонсультантПлюс). В этом решении Сенат прослеживает исторические корни обязанности детей содержать родителей и в принципе не допускает аналогичных отношений с иными восходящими.

[945] 2-е ПСЗРИ. Т. XX. Отд. I. № 19202.

тельству о майоратах (акты 30 марта и 14 августа 1806 года)[946], тем не менее, был всё же ближе к российской традиции поскольку был направлен именно на сохранение крупной фамильной собственности столбового дворянства. Таким образом, воля родителей охраняла родовое имущество даже после их смерти.

Институт дворянской опеки. Итак, российское законодательство традиционно охраняло право родителей распорядиться выделом имущества своим детям. Однако иногда приходилось охранять имущество детей от самих родителей. Речь идёт, главным образом, о случаях, когда по смерти одного из супругов при наличии несовершеннолетних наследников в управление имением на правах опекуна вступил переживший супруг. Ситуация могла осложниться тем, что переживший супруг мог иметь наследников от разных браков и за счёт детей от одного брака уменьшать имущество детей, рождённых в другом браке. Для предотвращения подобных случаев русскому праву ещё со времён Русской Правды был известен институт опеки[947]. Внося коренные изменения в правовое регулирование землевладения, Пётр I позаботился и о предотвращении злоупотреблений в сфере оборота недвижимости. Так, указом от 3 марта 1714 года он запретил вступать в сделки с наследниками недвижимых имений до достижения ими двадцати лет (п. 5)[948]. В том же пункте этого документа, как было показано раньше, Пётр поднял возрастную планку брачного возраста для дворян, т.е. законодатель «просчитал» два направления возможных злонамеренных действий в отношении малолетних землевладельцев: через сделку отчуждения и через брак.

Запрет сделок, совершаемых малолетними или от имени малолетних, был неоднократно подтверждён и преемниками Петра I[949], но ущерб имуществу малолетних мог быть нанесён присвоением доходов с имения, безалаберным управлением и проч. Так, поручик Колобов имел от двух браков двух дочерей. Пережив обеих жён, по смерти последней в 1784 году Колобов стал опекуном второй дочери, Веры, не поставив в известность органы опеки. Через два года опекунские права у Колобова по настоянию предводителя дворянства Кузнецкого уезда Саратовского наместничества были отобраны, и был назначен официальный опекун, подпоручик Веденяпин. В 1789 году через Сенат Колобов добился возвращения ему прав опекуна и вёл дела до 1796 года, когда Вера,

---

[946] Французский гражданский кодекс 1804 года. С позднейшими изменениями до 1939 г. Перевод И.С. Перетерского. С. 216.
[947] См.: Законодательство Екатерины II. Т. 1. С. 327.
[948] Именной указ «О наследии имений», п. 5 (Законодательство Петра I. С. 700).
[949] 1-е ПСЗРИ. Т. XIII. № 10021; Т. XV. №№ 10839, 11457.

выйдя замуж за прапорщика Иванова, потребовала у отца через местные органы дворянской опеки отчёта и собранных доходов. Вот тут-то и выяснилось, что отец не только присваивал себе доходы с имения дочери, но и использовал для своих хозяйственных целей её крестьян, также продавал их и выдавал женщин её имения замуж за своих крепостных. Кроме того, как утверждала Вера, в своём завещании (на момент рассмотрения дела Колобов уже умер) её имение было отписано дочери отца от первого брака[950].

Разбирательство этого дела производилось в то время, когда уже действовали соответствующие нормы «Учреждения для управления губерний Всероссийской Империи» 1775 года[951]. Пункт 215 этого документа требовал, чтобы опекуна в любом случае назначали органы дворянской опеки, даже если при этом один из родителей находился в живых. Поручик Колобов возложил на себя права опекуна самовольно, но, судя по материалам дела, не только этим фактом вызвал раздражение Кузнецкого предводителя дворянства. Вплоть до вступления в силу Свода законов гражданских «естественное право» отца стать опекуном русскому праву было неизвестно. Принимая во внимание раздельность имущества супругов, особенно в отношении родовых имений, утверждение в подобных случаях «благонадежности» родителя как опекуна специальными органами не выглядит надуманным и нежизненным. Решение Государственного Совета от 27 апреля 1815 года по делу Колобова, обязывающее возместить дочери все удержанные за время опеки доходы с её имения, лишний раз это подтверждает[952].

Ещё один характерный пример родительского злоупотребления правами опекуна рассматривался Государственным Советом в том же 1815 году.[953] Вторая жена графа Станислава-Щенсного Потоцкого, графиня Софья Потоцкая, осталась после смерти мужа опекуншей детей графа от обоих браков. Опекунша длительное время уклонялась от предоставления отчётов по управлению имениями, мотивируя это отсутствием в Литовском Статуте 1588 года[954] (действующем тогда на польских территориях) соответствующей обязанности *матери*. Сенат, куда сначала дошло дело, долго колебался в решении этого вопроса, тем более, что графиня смогла представить кое-какие доказательства своей рачительности в роли опекунши. Но в 1812 году пришли данные от Киевского гу-

---

[950] Архив Государственного Совета. Том четвёртый. Царствование императора Александра I (с 1810 по 19 ноября 1825 гг.). Журналы по делам Департамента Гражданских и Духовных Дел. Часть первая. СПб., 1892. Стлб. 141 – 150.
[951] Законодательство Екатерины II. Т. 1. С. 410 – 416.
[952] 1-е ПСЗРИ. Т. XXXIII. № 25831.
[953] Архив Государственного Совета. Том четвёртый… Стлб. 149 – 220.
[954] А именно, в отд. 1 арт. 2 разд. 6 «Об опеках».

бернского маршала, где приводились убедительные свидетельства обратного: долги, лежащие на имениях детей, не только не уплачивались, но и продолжали расти, хозяйственные строения были опустошены, множество крестьян за время её управления подалось в бега. Наконец, часть имения детей оказалось в залоге[955]. Итог рассмотрения дела в высших инстанциях страны был подведен Именным указом от 23 октября 1816 года: графиню Потоцкую обязали предоставить отчёты об опеке, а также внести в банк сумму, занятую ею под залог имения детей. В противном случае указ грозил взятием в опеку собственного имения графини[956].

Отечественное законодательство, начиная с Русской Правды и заканчивая Учреждениями для управления губерний, понимало опасность, которая грозила имуществу детей со стороны родителей. Однако в Своде законов гражданских совершенно нелогично появляется ряд статей, вроде бы закрепляющих статус родителей как естественных опекунов. Так, ст. 175 Свода законов гражданских (в изд. 1832 года) определяла, что при отсутствии указания в завещании, опека принадлежит оставшемуся в живых отцу или матери. В ст. 172 того же документа опека над имуществом малолетних детей при жизни обоих родителей принадлежала отцу. Указания, помещённые в Своде законов гражданских к ст. 172, указывают на другие статьи того же документа (ст.ст. 78 – 79 о повиновении жены мужу), источниками же ст. 175 стали указы 1804[957] и 1815[958] годов. Анализируя приводимые источники, видим, что заимствованные из французского законодательства нормы о власти мужа были использованы составителями Свода для оправдания преимущественного права отца быть опекуном. Что же касается обоснования ст. 175, то указ 1804 годов говорит об утверждении княгини Голицыной опекуншей *по её прошению*, а не на основании её права как матери. Указ 1815 года был принят по делу Колобова, который с точки зрения органов дворянской опеки Кузнецка, незаконно взял на себя эту роль. Таким образом, оба документа не обосновывают, а скорее опровергают естественный характер родственной опеки. Представляется, что настоящими источниками указанных статей служит не обобщение предшествовавшего российского законо-

[955] Архив Государственного Совета. Том четвёртый… Стлб. 160 – 161.
[956] 1-е ПСЗРИ. Т. XXXIII. № 26471.
[957] 1-е ПСЗРИ. Т. XXVIII. № 21313.
[958] 1-е ПСЗРИ. Т. XXXIII. № 25831.

дательства, а Кодекса Наполеона, в чем признавался впоследствии сам М.М.Сперанский[959].

Французский гражданский кодекс 1804 года	**Свод законов гражданских (в изд. 1832 года)**
389. Отец при жизни обоих супругов является законным управителем имущества их несовершеннолетних детей. Он должен дать отчёт в отношении собственности, если речь идет об имуществе, на которое закон предоставляет ему узуфрукт.	172. Опека над имуществом, дошедшим в собственность малолетним детям, при жизни их родителей принадлежит отцу.
390. После расторжения брака в силу естественной или гражданской смерти одного из супругов опека над несовершеннолетними и не освобождёнными от власти детьми принадлежит в силу самого закона пережившему родителю[960].	175. Если в завещании не назначено особых опекунов к дошедшему малолетним детям имуществу, то опека принадлежит оставшемуся в живых отцу или матери.

Судебная практика XIX века доказала нежизнеспособность французского варианта опеки на русской почве. Так, в начале 1870-х годов Московская судебная палата рассматривала жалобу Петра Потапова на решение Московского окружного суда, оставившего, в свою очередь, без изменения решение органов опеки о назначении опекунами малолетней дочери Потапова не только его, отца, но и дядю. Отец желал быть единственным опекуном, на что Московская судебная палата возразила, что в статьях Свода законов гражданских «не выражено исключительности такого права отца или вообще родителей»[961]. Палата также отметила, что учреждение опеки не зависит от произвола частных лиц (в т.ч. и родителей). Гражданский кассационный департамент Сената со-

[959] Проект устава об опеках, выработанный комиссией, состоявшей при министерстве внутренних дел под председательством сенатора Любощинского. СПб., 1875. С. 8.
[960] Перевод дан по: Французский гражданский кодекс 1804 года. С позднейшими изменениями до 1939 г. Перевод И.С. Перетерского. С. 118, 124.
[961] Полный свод решений гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената (начиная с 1866 г.) за 1873 г. №№ 1129 – 1405. Екатеринослав. 1903. С. 2123 // СПС КонсультантПлюс.

гласился с таким толкованием. В 1878 году Сенат пояснил, что хотя по смыслу Свода законов гражданских отцу несовершеннолетнего принадлежит по праву забота о нем в качестве опекуна или попечителя, но из этого не следует, чтобы согласие на участие несовершеннолетнего в имущественном договоре мог выразить отец, не назначенный попечителем в установленном порядке[962]. По делу Гатцук, рассмотренному в 1880 году, Сенат не согласился с мнением Московской судебной палаты, признавший отца естественным опекуном своих детей, и ещё раз указал, что распоряжение родителей по имуществу малолетних детей может быть признано законным и обязательным для детей лишь в том случае, если родители были утверждены в установленном порядке опекунами[963]. В 1887 году Сенат, рассматривая дело о векселе, выданном несовершеннолетним с согласия *не назначенного попечителем* отца, указал, что это согласие может иметь силу не по причине родственных связей, а лишь тогда, когда отец получит утверждение в опекунском звании от опекунских учреждений[964].

Против заимствованного института выступала не только судебная практика, но сам Свод законов гражданских. В силу ст.ст. 187 – 188 Свода законов гражданских (в изд. 1832 года) органы опеки, получив известие об осиротевшем малолетнем, определяют «лицу его и имению опекуна, в завещании родителей назначенного, или, если сего не сделано, то избрать самим опекуна». В опекуны, согласно ст. 190 Свода законов гражданских, мог быть определён даже не родственник, а любое постороннее лицо, отвечающее требованиям закона (ст. 191). Таким образом, закон не считал родителей естественными опекунами своих детей, и этот недостаток «родственного элемента» в организации опеки отмечался юристами дореволюционной России[965]. Обосновывая необходимость увеличения влияния родственников в опекунских делах, известный дореволюционный автор А.И. Загоровский в 1909 году писал, что опека требует не холодного расчёта управителя, а доброго расположения к питомцу-сироте, что, *разумеется*, скорее можно встретить у родственника, чем у чужого[966]. Приведённые примеры показывают, что продворянски настроенное законодательство оценивало более трезво, чем А.И.Загоровский, «разумеющееся» доброе расположение родни к малолетнему соб-

---

[962] Там же за 1878 г. №№ 163 – 293 и за 1879 г. №№ 1 – 20. Екатеринослав. 1905. С. 702.
[963] Решения гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената. 1880. СПб., 1881. С. 234 – 235.
[964] Там же за 1887 г. (№№ 47 – 109), 1888 год и 1889 г. (№№1 – 8). Екатеринослав. 1904. С. 211 – 212.
[965] *Загоровский А.И.* Курс семейного права / Под ред. и с предисловием В.А. Томсинова. М.: «Зерцало». 2003. С. 418.
[966] Там же.

ственнику[967]. Таким образом, наряду с институтами указной доли, ограничения в имущественных правах внебрачных детей и т.п., опека при сословной организации российского общества вплоть до 1917 года оставалась инструментом сохранения родовых имений в руках правящей прослойки и заслоном для ненадёжного «родственного элемента».

Однако «родственный элемент» всё-таки проникал если и не в законодательство, то, по крайней мере, в проекты законов об опеке. В 1847 году министр внутренних дел, граф Л.А.Перовский внес в Государственный Совет проект устава об опеках[968], в котором был выражен тот взгляд, что опека по своей сути является не столько общественной повинностью, сколько семейной[969]. Проект предполагал в случае необходимости учреждения опеки вызывать близко живущих родственников малолетнего и определять опекуна из своего круга[970]. Следующий проект, представленный в Государственный Совет в 1860 году, предлагал учреждение коллективного органа опеки – родственного совета. Здесь авторы проекта руководствовались европейским, в частности, французским законодательством. Однако и данному проекту было не суждено стать законом, т.к. в это время уже шла разработка документов грядущей судебной реформы, и, поскольку проектируемые опекунские учреждения были тесно связаны с судебной системой, принятие нового устава об опеках было отложено ещё раз. Следующая попытка разработать проект об в опеке была предпринята после высочайшего утверждения мнения Государственного Совета 11 декабря 1884 года о порядке соединения дворянских опек[971]. Организация дел в этом ведомстве была признана настолько неудовлетворительной, что было решено заняться переустройством в этой сфере, не дожидаясь окончания работ по созданию нового Гражданского уложения[972]. Выработанный проект был опубликован в 1891 году, но и этот вариант не стал законом. Тем не менее, документ характеризует определённое движение законодательной мысли сразу в нескольких направлениях, поэтому о нем стоит сказать несколько слов.

---

[967] Вот как, например, оценивал министр юстиции в середине XIX века предложение определять в опекуны отчима или мачеху: «частые примеры расхищения сими лицами достояния малолетних и особенно для сих последних затруднение преследовать неправильные действия столь близких по родственным отношениям опекунов должны послужить достаточным основание к совершенному их устранению от опекунской обязанности над имением и даже личности их пасынков» (РГИА. Ф. 1149. Оп. 3 (1847). Д. 42. Л. 32)

[968] Там же. Л. 26 – 46 об.

[969] Там же. Л. 28.

[970] Там же. Л. 33.

[971] РГИА. Ф. 1151. Оп. 10 (1884). Д. 45.

[972] Например, далеко не во всех уездах имелись органы опеки, и зачастую на губернию существовало лишь одно опекунское учреждение, из-за этого был невозможен надлежащий надзор за опекунами. Ситуация усугублялась тем, что местное дворянство в целях экономии средств постоянно обращалось с ходатайствами об объединении нескольких органов опеки на местах в один.

Так, авторы законопроекта учли настойчивое требование дворян различных губерний сохранить сословный элемент в организации опеки. В частности, важную роль среди проектируемых органов играли земские начальники, принадлежавшие исключительно к потомственному дворянству. Сословное начало охранялось, по мнению авторов, и тем фактом, что и в коллегиальных органах, надзирающих за опекунами, преобладало дворянство. Кроме того, авторы проекта в мотивах к отдельным статьям указывали, что «весьма важно, чтобы к опеке были привлекаемы лица, принадлежащие не только к одному сословию с опекаемым, но по возможности, к той среде, к которой принадлежали родители опекаемых, и к которой, по предположению, должны принадлежать и их дети»[973]. Однако в отношении других сословий авторы проекта не установили никакой разницы в принципах организации опеки. Касаясь усиления «родственного элемента», разработчики признали возможным отступить, по их словам, от смысла действующего закона, уравнивающего родителей с опекунами вообще[974], и установили, что родители становятся опекунами без всякого назначения или утверждения. При этом проект освобождал родителей от необходимости отчитываться перед органами опеки о воспитании и занятиях детей, о расходах лично на них, а также о доходах и расходах по имуществу[975]. Авторы документа, очевидно, полагались на естественное желание родителей блага своим детям и не предполагали здесь каких-либо злоупотреблений. Ещё одним нововведением стало предложение проекта учредить семейные советы. Подобные коллективные органы могли бы стать необходимыми, рассуждали авторы проекта, когда в опеке находились большие имения, капиталы или промышленные предприятия[976].

Опубликованные материалы комиссий, работавших в разное время над проектами Устава об опеках, показывают всё бóльшую ориентацию на зарубежное законодательство при осознании его отдельных недостатков. Так, были учтены негативные стороны французского опыта функционирования и деятельности семейных советов[977], при этом почти каждую статью проекта 1891 года его авторы снабдили ссылками на соответствующие нормы французского, немецкого, швейцарского и итальянского законодательства.

---

[973] Проект Устава об опеках и попечительствах с объяснительной к нему запиской. СПб., 1891. С. 263.. 53.
[974] *Городыский Я.* Проект Устава об опеках и попечительстве // Журнал гражданского и уголовного права. 1893 . Кн. 4. С. 80.
[975] Ст. 44 Проекта (Проект Устава об опеках и попечительствах с объяснительной к нему запиской. С. 197).
[976] Там же. С. 130.
[977] Проект Устава об опеках и попечительствах с объяснительной к нему запиской. С. 95 – 96.

Параллельно разработке норм об охране имущества несовершеннолетних законодатель с XVIII века вводит ограничения для взрослых мотов, которые своими действиями приводят имения к разорению. В п. 31 Инструкции, или Наказа воеводам[978] 1719 года на родственников расточителей возлагалась задача управления их имениями до «исправления». Родня должна была заниматься также и самим «исправлением» разорителя собственных имений. Об отстранении от управлении собственными имениями «дураков», т.е. тех, которые ни в науку, ни в службу не годятся, говорит указ Петра от 6 апреля 1722 года «О свидетельствовании дураков в Сенате»[979]. Помимо запрета дуракам жениться, указ требовал их отстранения от управления имениями с выплатой им необходимого содержания из доходов с этих имений[980]. При всей пользе, которую институт опеки над расточителями и дураками должен был принести дворянскому сословию, его применение породило новые проблемы.

Так, в конце 90-х годов XVIII века была учреждена опека над имениями Г.И. Чернышёва, обер-шенка высочайшего двора. Состояние Чернышёвых и так было расстроено его отцом, генерал-фельдмаршалом И.Г. Чернышёвым, любившем роскошь и устраивавший балы в Петербурге. Но граф Григорий Иванович сумел наделать и собственных долгов. В 1797 году указом Павла I он был выгнан со службы из-за того, что «признавая себя должным иностранцу Гамбихлеру пятьсот восемь червонных, отказался однако ж от платежа оных за неимением денег». Судя по той информации, которая стала известна императору Павлу, Чернышёв, чтобы избежать платежа, добился оформления опеки над своими имениями, и тем самым пытался снять с себя ответственность за долги[981]. Этот поступок был расценен императором как бесчестный, причем санкт-петербургскому гражданскому губернатору И.А. Алексееву было поручено употребить «законную строгость» при взыскании не только долга иностранцу, но и прочих долгов Чернышёва[982]. Тем не менее, опека над чернышёвскими имениями продолжалась до 1806 года, при этом опекуном сначала являлся Я.Е. Сиверс, а затем его сменил Г.Р.Державин. Последний сделал немало для погашения долга графа, в т.ч. взял в Государственном Банке под залог имений нужную для этого сумму. Впрочем, и после снятия опеки Г.И.Чернышёв

---

[978] 1-е ПСЗРИ. Т. V. № 3294.
[979] 1-е ПСЗРИ. Т.VI. № 3949.
[980] О проблемах, связанных с применением этого указа, см.: *Новицкая Т.Е.* Указ.соч. С. 223 – 224.
[981] 1-е ПСЗРИ. Т. XXIV. № 18090.
[982] *Есипов Г.В*. Из прошлого: Именные указы императора Павла I / Исторический вестник. 1881. Сентябрь. С. 206 – 207.

на деле не «исправился» и доказал это, продолжая мотать средства за границей, в Санкт-Петербурге и в своих имениях.

Дело Г.И.Чернышёва послужило для власти поводом изменить отношение к опеке над расточителями: с этого момента она не гарантировала неприкосновенность имущества от продажи за долги. Однако практика мошенничества, подобного чернышёвскому, была настолько широка, что Александр I в 1801 году не только подтвердил постановление Павла I 1797 года, но и дал более пространные указания о том, что учреждение опеки во всех случаях (кроме как в интересах малолетних и сумасшедших) ни в коем случае не должно приостанавливать платежей по долгам[983].

Опека над безумными, как отмечает Т.Е.Новицкая на основании изучения законодательных и архивных материалов, была актуальна лишь для небольшого круга богатых и знатных[984]. Так, 23 апреля 1762 года Петр III утвердил доклад Сената по делу сумасшедших братьев, князей Козловских. На основании этого закона до смерти сумасшедших (которых прежде помещали в монастыри, а теперь было решено построить для их содержания специальные «долгаузы») их имения отдавались «в смотрение и порядочное содержание» будущим наследникам[985]. Подтверждение этого решения состоялось в правление Екатерины II, 20 августа 1762 года.[986] Объектом, который вызывал интерес родственников при установлении опеки в подобных случаях, являлись права на дворянские имения.

Итак, сословные интересы поставили для защиты имущественных прав детей, в том числе, и от родителей, посредника – опекуна. Эту роль могли исполнять как родственники, так и люди, специально для этого назначенные по завещанию или решению государственных органов. Однако подопечный взрослел, и становился неизбежен тот момент, когда он мог заявить претензии на своё имущество. Древнерусское законодательство определяло этот момент без указания на конкретный возраст, но явно с учётом уровня развития ребёнка: «донеле же возмогут»[987]. Одним из первых документов XVIII века, в котором устанавливалась опека имущества малолетнего дворянина, стал Именной указ Петра I от 23 августа 1708 года. Домом и вотчинами малолетнего Александра Львовича Нарышкина, перешедшими к нему от отца, боярина Льва Кирилловича, «до

[983] 1-е ПСЗРИ. Т. XXVI. № 19881.
[984] *Новицкая Т.Е.* Указ.соч. С. 226.
[985] 1-е ПСЗРИ. Т. XV. № 11509.
[986] 1-е ПСЗРИ. Т. XVI. № 11647.
[987] Ст. 99 Пространной редакции Троицкого списка Русской Правды. Российское законодательство X – XX веков. Том 1. С. 71.

возраста» было велено управлять князю Ивану Щербатову[988]. Возраст указом был не определен, но, возможно, царь руководствовался нормами законодательства XVII века, определявшими 15-летний рубеж между «робячеством» и совершеннолетием[989]. Один из центральных документов XVIII в., установивший определённую градацию возрастов с точки зрения объема прав на имущество – Именной указ от 22 декабря 1785 года «О совершеннолетии мужского и женского полов»[990]. Согласно этому указу, лишь по достижении 21 года дворянин мог продавать и закладывать своё недвижимое имение. Управлять имением российский подданный мог уже с 17 лет. С 14 до 17 лет малолетнему предоставлялось право предлагать конкретную кандидатуру его опекуна. До достижения малолетним 14-летнего возраста, как видно из смысла указа, вопрос решался без его участия.

О проблемах, связанных с применением этого указа, сообщает уже законодательство XIX века. В 1826 и 1830 годах Государственный Совет неоднократно возвращался к проблеме совершеннолетия. Так, из министерства юстиции пришла записка о применимости указа 1785 года к долговым и заёмным обязательствам несовершеннолетних[991]. Из контекста высочайше утвержденного мнения от 15 декабря 1826 года становится ясно, что установленная в 1785 году градация возрастов не вызывала сомнений лишь по вопросам, связанным с отчуждением недвижимости. Видимо, органы правоприменения понимали указ екатерининской эпохи как установивший специальную, а не общую норму о совершеннолетии, поскольку в 1826 году Государственный Совет своим толкованием распространил его силу и на другие обязательства. В 1830 году Государственный Совет ещё раз вернулся к указу 1785 года, ибо возникла необходимость не только повторить его общее значение, но и пояснить, что он применяется к несовершеннолетним детям независимо от того, отделены ли они[992]. Приведённые разъяснения Государственного Совета лишний раз убеждают в том, что вплоть до XIX в. законодатель не поднимался до общих формулировок там, где дело касалось вопросов совершеннолетия. Как и в других разобранных случаях, указ 1785 года решал исключительно внутрисословную проблему и был нацелен на предотвращение разорения господствующей в России про-

---

[988] 1-е ПСЗРИ. Т. IV. № 2205.
[989] О развитии законодательства в XVII – XVIII вв., связанного с определением совершеннолетием, см., напр.: *Новицкая Т.Е. Новицкая Т.Е.* Правовое регулирование имущественных отношений в России во второй половине XVIII века. С. 218 – 223.
[990] Законодательство Екатерины II. Т. 2. Док. № 210. С. 409 – 410.
[991] РГИА. Ф. 1149. Оп. 1 (1824). Д. 15. Л. 6.
[992] РГИА. Ф. 1149. Оп. 1 (1829). Д. 75. Л. 111 – 120 об.; 2-е ПСЗРИ. Т. V. Отд. II. №№ 4160, 4187.

слойки. Однако и в XIX в. сословная подоплёка вопроса о совершеннолетии обнаруживала себя. Так, в 1864 году Государственный Совет рассматривал вопрос об известной законодательству градации возрастов несовершеннолетия (до 14 лет, с 14 до 17 и с 17 до 21 года) и признал необходимым уничтожить эту градацию с сохранением лишь возраста обретения полной дееспособности (21 год). При рассмотрении вопроса об отмене возрастной границы в 17 лет, по достижении которой владелец имения приобретал право управления им, были представлены примеры, когда в силу развития страстей в данном возрасте несовершеннолетние, обычно под влиянием неблагонамеренных лиц, доводили своё имение до полного разорения и сами «делались совершенно неспособными к служению отечеству»[993]. Это мнение Государственного Совета получило высочайшее одобрение и отразилось в ст.ст. 46 и 47 проекта 1874 года.[994] Несложно догадаться, о юношах какого сословия здесь идет речь: проблемы разорения имений и привлечения молодых людей на государственную службу не могли касаться ни крестьян, ни духовенства, ни бедного мещанства.

Таким образом, если не пытаться, как это делали дореволюционные исследователи, увидеть вызревание в России вплоть до XIX века объективных предпосылок формирования системы норм, зафиксированной в Своде законов гражданских (построенной во многом по иноземному образцу), то можно сделать следующие выводы о задачах правового регулирования семейных отношений в дворянской прослойке. Во-первых, Россия вплоть до XX века не вполне изжила феодальные отношения, которые предполагали особое внимание власти к аристократическим фамилиям. Прежде всего, с этой прослойкой власть выстраивает свои отношения с момента окончания централизации государства вокруг Москвы до момента падения этой власти в 1917 году. В России, аграрной стране, обладание сельской недвижимостью традиционно являлось тем базисом, на котором строилось политическое влияние, поэтому ради сохранения земельной собственности аристократии государство задействовало самые разнообразные институты. От обладания родовыми землями были отлучены внебрачные дети, отсюда неизбежно возникали юридические проблемы: 1) доказательство законности рождения, 2) возможность узаконения, 3) установление законности брака как доказательство законности рождения. Для сохранения крупной недвижимой собственности за вымирающими родами в

[993] Проект Устава об опеках и попечительствах с объяснительной к нему запиской. С. 60 – 61.
[994] Проект устава об опеках, выработанный комиссией, состоявшей при министерстве внутренних дел под председательством сенатора Любощинского. СПб., 1875. С. 75.

российском праве появился институт усыновления. Интересы отдельных дворянских фамилий иногда требовали защиты от их же представителей. Так возник институт опеки над имуществом малолетних, сумасшедших и расточителей. Брачные связи могли не только соединить представителей отдельных фамилий, но и породить имущественный конфликт между этими фамилиями – так возникла не только раздельная собственность супругов, но и детей и родителей. При этом власть взяла на себя функцию посредника в лице специальных сословных учреждений и в интересах дворянских наследников не считала их родителей естественными опекунами их имущества, допуская при необходимости назначить таковым любое другое лицо. Работа законодательной мысли по определению совершеннолетия и возраста, допускающего наделение частичной дееспособностью, вплоть до второй половины XIX века связывалась с идеей предотвращения разорения дворянских фамилий.

3) Институт родительской власти

В ходе формирования сословного государства в России представители служилого сословия по отечеству составили основу государственного аппарата, в том числе – армии. Именно по этой причине в XVIII веке на плечи родителей-дворян была возложена, во-первых, подготовка сыновей к военной и штатской службе, и во-вторых, забота о формировании их гражданской позиции. Даже тогда, когда служба станет правом, а не обязанностью дворянства, оно сохранит важнейшую функцию посредника между правительством и огромной массой крепостных крестьян. Все это стало предпосылкой к закреплению в законе родительской обязанности давать детям образование, необходимое для несения службы. Взросление детей ставило проблему уберечь их от соблазнов, которые всегда подстерегали дворян в силу их образа жизни, и тем сохранить родовое имущество. Такая постановка проблемы послужила стимулом к развитию института отделённых и неотделённых детей.

Таким образом, правовое регулирование отношений детей и родителей дворянского сословия в России служило, во-первых, цели воспроизводства служилого населения, а во-вторых, цели охраны родовой собственности. Следовательно, эти отношения с точки зрения власти имели вторичный характер по сравнению с общей задачей организации сословного государства в России.

Однако в результате систематизации законодательства в первой трети XIX века некоторые отечественные правовые институты послужили основанием для введения заимствованных из-за рубежа правовых норм. Так, к организации сословных опекунских учреждений добавилась родительская опека, однако в силу инерции охрана имущества малолетнего дворянства с точки зрения российских судов продолжала оставаться делом более государственным, нежели родственным.

Систематизация законодательства первой трети XIX века принесла на российскую почву институт, неизвестный у нас прежде – институт родительской, и прежде всего, отцовской, власти. Впрочем, известным исследователям прошлого «удавалось» отыскивать эту власть на Руси даже до принятия христианства[995]. В доказательство власти отца в древности К.А.Неволин приводил *право* продать детей в рабство, женить их и выдавать замуж, и даже *право* убить[996]. А.И.Загоровский сомневался в наличии права у родителей убивать детей[997], однако и он считал (со ссылкой на «Домострой») неоспоримым наличие признаваемой государством родительской власти, в частности, *права* наказывать детей[998]. М.Ф.Владимирский-Буданов был более осторожен в оценке власти родителей, называя отношение к ним детей *пиететом*, которым обозначил «внутреннюю свободную подчинённость, а не внешнюю принудительность повиновения»[999]. Однако, и он находил в источниках *право* родителей на свободу детей (отдача их в холопство), *право* на наказание детей (согласно «Домострою»)[1000]. Современный исследователь Н.С.Нижник также полагает основой отношений родителей и детей с Древней Руси родительскую, в большей степени – отцовскую власть[1001]. У этого автора встречается и более сильный тезис: «Политика государства была неизменна (речь о так называемом «имперском» периоде – *П.П.*) в защите интересов исключительно родителей в ущерб интересам детей»[1002].

Представляется, что из всех названных оценок наиболее взвешенной является высказанная М.Ф.Владимирским-Будановым, который затруднился определить, был ли обеспечен принудительной силой государства родительский произвол. Безусловно, родители могли считать себя *вправе* наказывать малолетних детей за разные провинности,

---

[995] *Неволин К.А.* Указ.соч. С. 458.
[996] Там же. С 458 – 459.
[997] *Загоровский А.И.* Указ.соч. С. 211.
[998] Там же. С. 212.
[999] *Владимирский-Буданов М.Ф.* Указ.соч. С. 451 – 452.
[1000] Там же. С. 452 – 453.
[1001] *Нижник Н.С.* Указ.соч. С. 63
[1002] Там же. С. 144 – 145.

но чтобы называть это *правом* родителей с точки зрения власти, ссылок на «Домострой» (сборник нравственных поучений) будет явно недостаточно. Вероятно, первый закон, который действительно предоставил родителям такое *право*, был принят лишь в 1765 году в связи с решением вопроса об установлении возраста уголовной ответственности несовершеннолетних[1003]. Закабаление при поступлении в услужение было известно ещё во времена Русской Правды. Судебник 1497 года также знаком с этими отношениями, но там уже говорится не только о закабалении главы семьи, но и тех её членов, которые идут служить одному господину[1004]. Судебник же 1550 года специально и неоднократно подчёркивает, что родившийся до холопства отца сын не обязан следовать его судьбе даже наперекор родительской воле[1005]. Соборное Уложение 1649 года предусматривает отдачу сыновей и дочерей в работу[1006]. Видеть в этих отношениях «защиту интересов родителей в ущерб интересам детей» можно лишь с большой натяжкой. Тем более, что закон требовал самостоятельного закабаления детей при достижении ими 15-летнего возраста[1007].

Рассуждения о праве родителей женить своих детей предполагают, очевидно, санкцию закона на насильственный брак против воли самих детей. Согласие родителей, конечно, являлось одним из условий вступления в брак, однако отечественное законодательство никогда не санкционировало подавление воли детей в подобных ситуациях. Во-первых, сам венчальный обряд предполагал (хотя и не с самого момента Крещения Руси) выяснение желания жениха и невесты на вступление в брак. Во-вторых, российская власть как раз отрицательно относилась к насильственным бракам лишь по воле родителей. Так, сразу после создания Синода в его компетенцию вошли дела «о принужденных брака, которые бывают в детях за страх родителей»[1008]. О запрете родителей принуждать к браку детей 5 января 1724 года состоялся Именной указ Петра I[1009]. Конечно, родительский произвол этот указ искоренить не мог, и к этому вопросу власть будет ещё неоднократно возвращаться. Так, в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года в числе преступлений, связанных со злоупотреблением родительской властью появилось понуждение детей к вступлению в брак (ст. 2078 в изд.

[1003] Законодательство Екатерины II. Т. 2. Док. № 260. С. 840 – 841.
[1004] Ст. 66 (Российское законодательство X – XX веков. Т. 2. С. 62).
[1005] Ст. 76 (Там же. С. 115).
[1006] Ст. 45 гл. XX (Российское законодательство X – XX веков. Т. 3. С. 215).
[1007] Ст. 110 гл. XX (Там же. С. 228).
[1008] 1-е ПСЗРИ. Т. VI. № 3963 п. 15.
[1009] 1-е ПСЗРИ. Т. VII. № 4406.

1845 года). Подобное понуждение практиковалась не только в простонародье, где на брак смотрели как на способ решения хозяйственных вопросов. В 1868 году дело о браке потомственного почетного гражданина Русанова с дочерью поручика Анной Потоцци явилось поводом для Государственного Совета предложить изменение санкции за принуждение к браку детей. Поскольку до сих пор в Уложении 1845 года за подобное деяние предусматривались лишь санкции, определённые церковными канонами, было внесено предложение помимо церковного покаяния установить тюремное заключение от 4 месяцев до 1 года и 4 месяцев[1010]. 12 мая 1869 года это предложение было высочайше утверждено[1011].

Итак, искать истоки родительской власти в «древностях русского права» довольно затруднительно, если не допускать существенных натяжек. Единственный нормативный акт, который до XIX столетия в общей форме что-то говорил о взаимоотношениях родителей и детей – Устав благочиния 1782 года (п. X – XI ст. 41)[1012]. По времени между этим документом и Сводом законов гражданских, содержащим главу «О родительской власти» (гл. II разд. II кн. I) существовал лишь проект Гражданского Уложения, представленный в 1809 году в Государственный Совет. Кроме того, при систематизации российского законодательства в первой трети XIX века явно учитывалось французское законодательство. Сравнение всех источников поможет установить, как понималась родительская власть в эпоху просвещённого абсолютизма в России.

Устав Благочиния или Полицейский 1782 года	**Французский гражданский кодекс 1804 года**	**Проект Гражданского Уложения 1809 года**	**Свод законов гражданских (изд. 1832 года)**
п. X ст. 41 Родители суть *властелины* над своими детьми…[1013]		§ 355. *Власть родителей* над детьми есть или общая или особенная[1014].	ст. 113. *Власть родительская* простирается на детей…

[1010] РГИА. Ф. 1149. Оп.7 (1868). Д. 96. Л. 22.
[1011] 2-е ПСЗРИ. Т. XLIV. Отд. I. № 47074.
[1012] Законодательство Екатерины II. Т. 1. Док. № 78. С. 563.
[1013] Там же. С. 563 – 564.

	ст. 371. Дети *во всяком возрасте* должны оказывать своим отцу и матери почтение и уважение[1015].	§ 356. Общая власть простирается *на всю жизнь* и не прерывается никакими частными обстоятельствами	ст. 113. Власть родительская простирается на детей обоего пола *и всякого возраста*…
	ст. 375. Отец, который имеет очень серьёзные поводы к недовольству поведением ребёнка, может пользоваться следующими *мерами исправления*. ст. 376. Если ребёнок не достиг 16 лет, то отец может лишить его свободы на срок, который не может превышать месяца… ст. 377. По достижении ребёнком 16-летнего возраста и до его совершеннолетия или до освобождения его от власти, отец может лишь требовать лишения ребён-	§ 367. *Семейственные способы исправления детей с*остоят во власти родительской. § 368. Когда детям минет 17 лет, и родители их в каком-либо случае признают семейственные способы исправления их недостаточными: тогда они могут требовать, доколе дети состоят в особенной их власти, публичного исправления, заключени-	ст. 114. Родители, для исправления детей строптивых и неповинующихся, имеют право употреблять *домашние исправительные меры*. В случае же безуспешности сих средств, родители властны: 1) Детей обоего пола, не состоящих в государственной службе и наносящих развратным своим поведением или непослушанием стыд обществу, отдавать в *смирительные домы*, по правилам, о сих домах существующим. 2) Приносить на них жалобы в Совестных

[1014] Архив Государственного Совета. Том четвёртый. Царствование императора Александра I-го. (с 1819 по 19 ноября 1825 г.). Журналы по делам Департамента законов. Часть первая. СПб., 1875. Стлб 35 и далее.
[1015] Перевод по: Французский гражданский кодекс 1804 года. С позднейшими изменениями до 1939 г. Перевод И.С. Перетерского. С. 114 – 115, 141.

	ка свободы на срок не более 6 месяцев…	ем их на некоторое время в *смирительный дом*.	Судах.
	ст. 372. Дети остаются под властью родителей до достижения совершеннолетия или до освобождения из-под власти. ст. 476. Несовершеннолетний освобождается из-под власти в силу закона, посредством *брака*.	§ 382. Общая власть родительская прекращается в лице их *смертию естественной или Гражданской*. § 384. Действие особенной власти родительской в правах личных ограничивается: 1) *Вступлением детей в службу* военную или гражданскую. 2) *Браком*.	ст. 125. Личная родительская власть прекращается единственно смертью *естественною, или лишением всех право состояния,* когда в последнем случае дети не последуют в ссылку за своими детьми. ст. 126. Личная родительская власть не прекращается, но ограничивается: 1) Поступлением детей в общественное училище… 2) *Определением детей в службу*… 3) *Вступлением дочери в замужество*…

В регулировании родительской власти Свод законов гражданских, безусловно, отталкивался от проекта Уложения в гораздо большей степени, чем от Кодекса Наполеона, однако, конечный вариант оказался гораздо скромнее, чем представленный в 1809 году Государственному Совету. Интересно, что сразу за ст. 113, открывающей подраздел «О власти родительской» и определяющей её как пожизненную, следует норма, закрепляющая возможные санкции для строптивых и неповинующихся детей. Здесь, на первый

взгляд, не очень понятна логика законодателя, который раньше, чем определять санкции, не урегулировал конкретных прав, составляющих суть родительской власти. Более того, права родителей, помещённые в одноимённой главе (ст. 113 – 119 Свода законов гражданских в изд. 1832 года), состоят лишь в возможности беспрепятственно искать управу на дерзких и непокорных детей. Однако самое любопытное то, что остальные статьи указанного подраздела касаются того, чего родители делать не могли, т.е. для них были запрещены как раз те действия, которые дореволюционные историки права считали позволительными в древности и приводили как доказательства родительской власти, - лишение детей жизни (ст. 118) и отдача их в кабалу (ст. 119). Какое же «смягчение нравов» произошло в России и с чем оно было связано, чтобы действия, якобы составлявшие родительское право, стали *вдруг* запрещаться законом?

Как уже было показано, подобные действия государство никогда не санкционировало, просто историки подобрали не очень удачные аргументы для обоснования исконности института родительской власти. Отдельно стоит упомянуть про возможность заключения детей в смирительные дома. Она впервые появляется в отечественном законодательстве в «Учреждениях для управления губерний» 1775 года.[1016] По оценкам историков, смирительные дома как вид мест заключения – изобретение Европы, откуда Екатерина II его и заимствовала[1017]. Таким образом, этот компонент родительской власти явно наносной. Впрочем, определённые предпосылки для введения такого вида наказания для детей имелись. Примером может служить дело графа Андрея Алексеевича Бестужева-Рюмина, сына знаменитого канцлера времен Елизаветы Петровны. Сохранилось письмо отца к сыну, в котором отец перечисляет «подвиги» сына: пьянство, дебоши, клевета на отца и проч.[1018] Уволенного от службы в 1762 году, князя Андрея по просьбе отца Екатерина II велела сослать в монастырь. Правда, Екатерина при рассмотрении дела увидела основания не только к монастырской ссылке, но и для развода князя Андрея с женой. Развратная жизнь Андрея Бестужева-Рюмина послужила причиной учреждения опеки над его имениями (после смерти отца).

Монастыри издавна служили своеобразным видом мест лишения свободы. При этом узникам монастыря было необязательно принимать монашеский постриг. За креп-

[1016] Законодательство Екатерины II. Т. 1. Док. № 63 ст. 391. С. 450.
[1017] Законодательство Екатерины II. Т. 1. С. 335.
[1018] Бестужев-Рюмин А.П. Письмо сыну Бестужеву-Рюмину А.А., 1759 г. / Публ. [вступ.ст. и примеч.] К.А.Писаренко // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII – XX вв.: Альманах. – М.: Студия ТРИТЭ: Рос.Архив, 2005. – [Т.XIV]. С 92 – 110.

кими монастырскими стенами содержали «отпавших» в другую веру, преступников, сумасшедших, раскольников[1019]. Правда, не все монастыри могли быть использованы по такому назначению. В числе привилегированных был, например, Свято-Троицкий Александро-Невский монастырь: его освободили от этой обязанности, когда в 1743 году Канцелярия лейб-гвардии Преображенского полка попыталась туда направить сошедшего с ума гренадера и для надзора за ним – ещё трех гренадеров. Синод, к которому полковая Канцелярия обратилась за разрешительным указом на помещение в монастырь, видимо, донёс об этом Елизавете Петровне. Императрица освободила Александро-Невский монастырь от содержания умалишённых, поскольку он, во-первых, не имел достаточно высоких оград, и, во-вторых, посещался для моления знатными лицами[1020].

Для «воумления» в монастыри посылался самый разнообразный контингент. Так, в сентябре 1743 года Синод резонно отказал Берг-коллегии в принятии двух сумасшедших каторжных крестьян, осуждённых за убийство[1021]. Тогда же Синод отказал самой Тайной Канцелярии, поскольку направленный ею сумасшедший не был политическим преступником, а всего лишь «чинил всякие безумства» в императорском Летнем саду[1022]. Освобождение монастырей от содержания сумасшедших политических преступников произошло в царствование Петра III: в 1762 году[1023] он велел построить для безумных особенные дома по примеру иностранных государств.

Особый контингент монастырских заключенных составляли малолетние преступники. В 1739 году Сенат донёс Анне Иоанновне о деле 15-летней Анны Ивановой, которую за попытку поджога согласно законодательству надлежало приговорить к смертной казни. В деле имелись определённые смягчающие обстоятельства: 15-летняя Иванова была из крещёных турчанок, отдана в услужение московскому пастору лютеранской церкви, который бил её за провинности. Учитывая обстоятельства, Сенат просил учинить Ивановой жестокое публичное наказание и сослать в дальний девичий монастырь. Положительная резолюция императрицы была получена, и по распоряжению Синода Анну Иванову сослали в Покровский монастырь Суздальской епархии[1024]. В 1741 году два 12-летних мальчика украли из церкви дароносицу, требник и небольшую сумму денег. Ввиду малолетства святотатцев, вместо смертной казни им было назначено наказа-

[1019] 1-е ПСЗРИ. Т. VII. № 5034.
[1020] ПСПиР. Т. I (1741 – 1743 гг.). № 384. С. 353.
[1021] Там же. № 474. С. 452.
[1022] Там же. № 477. С. 454.
[1023] 1-е ПСЗРИ. Т. XV. № 11509.
[1024] 1-е ПСЗРИ. Т. XI. № 8152.

ние розгами, и они были отправлены на год «на монастырские труды»[1025]. В 1742 году принципиальный вопрос об уголовной ответственности малолетних встал перед Сенатом в связи с жестоким двойным убийством, совершённым 14-летней крестьянкой. В итоге монастырскому заключению на 7 или 15 лет по общему правилу подлежали малолетние (до 17 лет), осуждённые за преступления различной степени тяжести[1026].

Надо сказать, что церковники в течение всей первой половины XVIII века добивались того, чтобы монастыри перестали рассматриваться властью как места лишения свободы с принудительным духовным вразумлением. Так что возникновение смирительных домов в 1775 году имело свои объективные предпосылки, хотя с их учреждением посылка светских персон в монастыри и не прекратилась. Родители из какого сословия могли обращаться с просьбой поместить их чад в смирительные дома? Вряд ли крестьяне: у помещиков были свои меры «дисциплинарного воздействия», а государственные землепашцы действовали бы «домашними способами исправления» или, в крайнем случае, обратились бы к сельским старостам или другим органам самоуправления[1027]. Сыновья, происходящие из белого духовенства, уже лет с 10 в обязательном порядке обучались в духовных семинариях, а по их окончании заступали на вакантное место в приход – значит, им тоже было не до конфликтов с родителями. Учитывая, что в смирительном доме содержание «заключенного» осуществлялось за счет поместившего туда лица (ст. 391 Учреждений для управления губерний)[1028], это вряд ли могло себе позволить бедное мещанство. Остаётся лишь зажиточная часть горожан и дворянство.

Если о контингенте непокорных детей в смирительных домах можно только догадываться, то относительно обращения родителей в Совестный суд дворянская сословная подоплека устанавливается точно. В августе 1826 года Сенат, обобщив несколько решений по оскорблениям *родителей-дворян* их детьми[1029], мотивировал необходимость обращения именно в эту инстанцию: «Вверен оному Суду совестный разбор и осторожное и милосердое окончание дел, и предоставлено сему Суду единственно право примирять спорющихся. Тут, а не в другом судебном месте оскорблённые родители могут, являя снисходительность, прощать раскаявшихся детей; а дети…в состоянии будут испросить

[1025] ОДДС. Т. XXIII (1743 г.). Дело № 369. Стлб. 453 – 454.
[1026] 1-е ПСЗРИ. Т. XI. № 8601.
[1027] 2-е ПСЗРИ. Т. XIII. Отд. I. № 11189 п. 220.
[1028] Законодательство Екатерины II. Т. 1. Док. № 63. С. 451.
[1029] 1-е ПСЗРИ. Т. XXVII. № 20519; Т. XXXVII. № 28121.

у оскорблённых своих родителей прощение»[1030]. Сенат специально не указал конкретной «целевой группы», интересы которой прежде всего учитывались в данном решении, однако желание замять «скандалы в благородных семействах» определило особый процессуальный порядок для дворян и чиновничества: для «вящей осторожности» приговоры по делам с их участием должны были передаваться Сенату, а тем – на высочайшее благорассмотрение.

Итак, права родителей по отношению к детям согласно Своду законов гражданских исчерпывались возможностью быстрой расправы с провинившимися детьми с помощью государственных органов. Что же касается родительских обязанностей, то они, как уже было установлено, были «заквашены» на дворянских «дрожжах». Родители должны были дать детям соответствующее сословию образование, воспитать в верноподданнических чувствах и определить их в службу (ст.ст. 120 – 122 в изд. 1832 года). Итак, российскому праву в XIX веке был предложен институт родительской власти, знакомый до сих пор только иностранному законодательству. Однако в новую форму было вложено давно знакомое русскому праву содержание.

Б. Брачно-семейные аспекты регулирования статуса низших воинских чинов

Если регулируя брачно-семейные отношения в дворянской среде, русское правительство действовало скорее интересах землевладельцев, то к аналогичным вопросам у других категорий служилого населения подход у власти был гораздо более практичный. Благородное российское дворянство уже в середине XVIII столетия избавилось от обременительной обязанности государственной службы, и власть могла лишь разнообразными способами поощрять желание этой прослойки служить Отечеству. Прочие же служилые группы оказались прикреплёнными к этому роду занятий на гораздо более длительный срок. Среди прочих норм, способствовавших этому сословному «закрепощению», были и брачно-семейные.

Прекрасной иллюстрацией данного тезиса может послужить регулирование брачно-семейных отношений в среде нижних воинских чинов (солдат и унтер-офицеров). Реформируя русскую армию, Пётр I постарался сделать для нижних чинов службу наследственной. Так, поощряя браки военнослужащих, Пётр установил, что если они

[1030] 2-е ПСЗРИ. Т. I. № 568.

хотели жениться на крепостных крестьянках, то помещики были не вправе мешать такому выбору[1031]. Это, пожалуй, единственное исключение из монополии дворян решать вопрос о женихах для своих крестьянок: государственные интересы здесь были важнее. Эти интересы иногда даже предполагали *обязанность* нижних воинских чинов жениться. Так, принимая в декабре 1736 года решение об организации поселений отставных (из-за увечий и ран) военнослужащих на Средней и Нижней Волге, Анна Иоанновна вспомнила опыт своих предков, дававших «служилым людям прежних служеб» поместные оклады на окраинах страны, что позволяло привлекать их к охране границы и при этом не платить жалованье[1032]. Определяя контингент будущих поселенцев, императрица предложила набирать таких, которые «не весьма дряхлы и надежда есть, что могут жениться»[1033]. Выраженная императрицей «надежда» обернулась на деле *приказанием* вступить в брак посланным на поселение унтер-офицерам и рядовым[1034]. Отправка нижних воинских чинов на поселение повлияла не только на их семейный статус, но и на браки их детей. Так, если у поселенца дочь была единственным ребёнком и наследницей выделенного земельного участка, то она могла выйти замуж исключительно за солдатского сына[1035]. Смысл данного постановления понятен: от выбора дочерью поселенца надлежащего жениха зависело продолжение несения пограничной службы.

Поскольку правительство было заинтересовано в заселении окраин страны, оно отправляло туда также и преступников из числа низших чинов *вместе с семьями*. Так, принимая в 1739 году решение о переносе г. Оренбург, Анна Иоанновна распорядилась преступников, «которые не в важных винах», ссылать туда вместе с жёнами и детьми. Сосланных мелких служащих рекомендовалось использовать «нижними чинами к меньшим делам». Если женатого преступника уже успели сослать в Оренбург одного, то супругу и детей предписывалось высылать к нему на житьё[1036].

Согласие начальства на брак нижних чинов, как и на брак офицеров, давалось из соображений его пристойности, однако в соображение принимались и иные факторы. Так, согласие командиров на женитьбу служащих полков ландмилиции в 1744 году зависело от уплаты всех подлежащих в этом случае пошлин[1037]. Согласие на брак нижних

[1031] 1-е ПСЗРИ. Т. VII. № 4533 п. 5 гл. I; № 4535 п. 7.
[1032] 1-е ПСЗРИ. Т. IX. № 7136.
[1033] 1-е ПСЗРИ. Т. X. №№ 7727, 7757 .
[1034] 1-е ПСЗРИ. Т. XIII. № 9817 п. 2.
[1035] 1-е ПСЗРИ. Т. IX. № 7136; Т. X № 7315 п. 6.
[1036] 1-е ПСЗРИ. Т. X. №№ 7876, 7885 п. 10.
[1037] 1-е ПСЗРИ. Т. XII. № 9035.

чинов, расквартированных в Санкт-Петербурге, в 1844 году было поставлено в зависимость от возможности разместить жён при мужьях в казармах[1038]. Однако для нижних чинов гвардейского корпуса было сделано исключение: в том случае, если они обольстили женщин с обещанием жениться и желали теперь сдержать обещание, такое позволение им давалось даже при отсутствии в казармах лишних мест[1039].

Статус солдатской жены предполагал определённые особенности её правового статуса. Так, статьи 1700 года «О наборе в солдаты вольноопределяющихся» предполагают отпуск жён «новоприборных» солдат «в ближние и дальние города»[1040]. Сенатский указ 1744 года уже прямо упоминает о выборе, который могут сделать солдатские жёны: быть им при мужьях или «жить и работой кормиться на прежних жилищах своих». Помещики, за которыми прежде числились мужья-солдаты, не имели права насильно удерживать солдаток в своём хозяйстве[1041]. Пожалуй, единственное исключение было сделано в том случае, когда крепостные женатые крестьяне тайком записывались в солдаты, а потом требовали к себе жён. Указ 1700 года (время первых рекрутских наборов) предусмотрел, чтобы в подобных случае самих солдат помещикам не возвращать, но и жён оставлять у прежних хозяев[1042]. На вопрос, могла ли кормиться солдатка своей работой, красноречиво говорят сведения полиции о многочисленных нищих среди солдатских жён и вдов[1043]. В 1761 году Главная полицмейстерская канцелярия докладывала о множестве старых и увечных солдатских жён, которые «по улицам и по церквям бродят, и на дорогах лежат, а в случае запрещения с голода и без покровительства помирают»[1044]. Многих нищих солдаток, посланных в богадельни ведомства Канцелярии синодального экономического правления, там не принимали за недостатком мест и средств. В поисках мест для нищих солдаток эта Канцелярия запрашивала Синод: можно ли жёнам низших чинов принимать постриг в монастырях при наличии вакантных мест? Синод отвечал, что для таких жён есть богадельни, «на которые немалая сумма производится», а для прокормления в монастырях может найтись место только оберофицерским жёнам[1045]. Уже при Екатерине II солдаток, которые были способны к физическому труду, было велено посылать на фабрики Мануфактур-коллегии, увечных – в

[1038] 2-е ПСЗРИ. Т. XIX. Отд. I. № 18489.
[1039] 2-е ПСЗРИ. Т. XXIII. Отд. II. № 22688.
[1040] 1-е ПСЗРИ. Т. IV. № 1820 п. 3.
[1041] 1-е ПСЗРИ. Т. XII. № 9019.
[1042] 1-е ПСЗРИ. Т. IV. № 1820 п.8.
[1043] 1-е ПСЗРИ. Т. IX. №№ 6406, 6906; Т. XI. № 8662; Т. XVI. № 11776.
[1044] 1-е ПСЗРИ. Т. XV. № 11389.
[1045] ПСПиР. Т. X (1738 – 24 ноября 1744 гг.). № 3309. С. 136.

ведение Коллегии экономии[1046]. В XIX столетии положение солдаток принципиально не изменилось. Им было позволено получить вид «на свободное жительство, где они пожелают», однако никаких мер к их трудоустройству или социальному обеспечению правительство не принимало. По общему правилу солдатская жена оставалась на прежнем месте жительства «до востребования их мужьями» под надзором местной полиции в отношении их поведения[1047]. Статистические данные показывают, что этот надзор был не напрасной мерой: примерно пятая часть всех солдаток в конце XIX века занималась проституцией[1048].

Если солдатка решила быть при муже, то её занятия и заработок во многом зависели от полкового командования[1049]. Положение таких семейств вряд ли было благополучно, что явствует из донесений органов местного управления. Так, в 1740 году кабинет-министры слушали сообщение Сената, который на основании сведений санкт-петербургской губернской канцелярии предложил очистить город от криминальных элементов путем их высылки из столицы. При этом отдельно были упомянуты жёны солдат, матросов и других нижних чинов, пытанные и битые кнутом «за их вины». Для высылки этих женщин Сенат видел только одно препятствие – отсутствие у них других квартир, кроме как по месту службы мужей[1050].

Петре I были заведены гарнизонные школы для детей солдат и нижних воинских чинов, но постановления петровской эпохи лишь в самых общих чертах обрисовывали порядок набора и обучения. Значительно большую ясность внёс Именной указ от 21 сентября 1732 года «О заведении при пехотных гарнизонах школ и об устройстве оных». Принципиальное положение этого указа: сыновья, рождённые во время службы отцов, «принадлежат воинской службе»[1051]. По достижении 7 лет дети солдат и нижних чинов зачислялись в гарнизонные школы, в 15 поступали на службу. Если к моменту отставки отцов сыновья были слишком малы, то от увольняемых нижних чинов отбиралась подписка об отдаче детей в обучение при достижении 7 лет[1052]. В случае смерти отцов уже матери были обязаны представить детей по достижении 7 лет в гарнизонную школу[1053].

[1046] 1-е ПСЗРИ Т. XVI. № 11859.
[1047] 2-е ПСЗРИ. Т. XXVII. Отд. I. № 25883.
[1048] Статистика Российской империи. Т. XIII. Проституция в Российской империи по обследованию 1-го августа 1889 года. СПб., 1890. С. XV.
[1049] 1-е ПСЗРИ Т. XVI. № 12289 Гл. XI п. 3.
[1050] 1-е ПСЗРИ Т. XI. № 8056.
[1051] 1-е ПСЗРИ. Т. VIII. № 6188; См. также: Т. XV. № 10901.
[1052] 1-е ПСЗРИ. Т. VIII. № 6046 п. 9.
[1053] 1-е ПСЗРИ Т. XV. № 10789 гл. II п. 4.

Но исключения всё-таки допускались. Так, в одном из указов видим запрет солдатам и унтер-офицерам держать при себе детей *старше 13 лет*, и при размещении семей военнослужащих на постой квартиры на таких детей не выделялись, «ибо в такие лета надлежит им уже самим быть в службе или в школе, и во оных будучи, квартиры могут получать особые»[1054].

Нахождение детей нижних воинских чинов при родителях нередко отрицательно сказывалось на их учебной подготовке. Так, в 1798 году по Положению о Военносиротских отделениях родителям (солдатам и унтер-офицерам) было позволено принимать на своё иждивение сыновей до достижения ими 18 лет. При этом родители обязывались организовывать обучение детей тому, чему учили в Сиротских отделениях, но на практике это далеко не всегда осуществлялось. Именным указом 1808 года всех уже зачисленных в подобные отделения воспитанников запрещалось отдавать на воспитание родителям и родственникам. В исключительных случаях допускалось нахождение детей при родителях до достижения ими 12 лет. Мотивов подобной строгости указ не скрывал: необходимость «доставить войскам хороших солдат и унтер-офицеров»[1055]. Раннее зачисление детей нижних воинских чинов в учебные заведения, хотя и способствовало улучшению качества образования, но и приводило к увеличению издержек казны. В связи с этим в 1848 году возраст нахождения детей на воспитании родителей или родственников был поднят до 14 лет[1056].

Если сын родился до вступления отца в службу, он оставался в прежнем сословном состоянии[1057]. Таким же образом сыновья не попадали в гарнизонные школы, если родились после отставки отца. Но в этом случае законодательство делало различие: данное правило действовало, если уволенный от службы отец поселился «на прежних жеребьях»[1058]. В случае, если уволенные отцы не возвратятся туда, где жили и работали до взятия в службу, то их детей было велено брать в школы «неотменно»[1059]. Некоторые изменения внесла инструкция для проведения второй ревизии 1743 года: приведенных с собой со службы малолетних детей требовалось уже не отдавать в школу, а записывать в подушный оклад[1060].

[1054] 1-е ПСЗРИ. Т. X. № 7686 п. 7.
[1055] 1-е ПСЗРИ. Т. XXX. № 23237.
[1056] 2-е ПСЗРИ. Т. XXIII. Отд. I. № 21892.
[1057] 1-е ПСЗРИ. Т. XII. № 9019.
[1058] 1-е ПСЗРИ. Т. VIII. № 6188.
[1059] Там же.
[1060] 1-е ПСЗРИ. Т. XI. № 8836 п. 20.

Вопрос о статусе детей нижних воинских чинов и их совместном проживании с отцами возник с новой силой в связи с учреждением в 1810 году военных поселений. Как уже было показано, солдатские жёны были свободны в выборе занятий, но по требованию их мужей-поселенцев могли быть отправлены к ним. Что же касается детей, то многие помещики не соглашались без вознаграждения передать малолетних крестьян в аракчеевское ведомство, и в 1823 году в этом вопросе был достигнут определённый компромисс. Детей до 10 лет, поскольку они ещё не могли принести существенной пользы помещичьему хозяйству, надлежало без всякого вознаграждения «отдать в казну…беспрекословно». Детей старше 10 лет помещики имели право отдать за вознаграждение[1061].

Однако иногда военному ведомству приходилось мириться с потерей солдатских детей для будущей службы. Так, вторая ревизия выявила значительное количество солдатских детей, не достигших положенных 7 лет, которых матерям-вдовам было не на что содержать. Кроме того, многие из таких детей оказывались круглыми сиротами. Сенат был вынужден снизить возраст приёма в гарнизонные школы до 6 лет, но и это было лишь частичным решением проблемы. Власть прекрасно понимала, что вряд ли найдётся много желающих за свой счёт воспитывать детей хотя бы только до 6 лет, чтобы потом отдать их в обучение, поэтому Сенату в 1744 году пришлось разрешить отдавать таких детей помещикам и заводчикам навсегда с условием платежа за них подушной подати. Оставить маленьких сирот без всякого устройства, как и оставить малолетних детей у неимущих вдов Сенат опасался, поскольку они (дети) «без всякого призрения будут пропадать, а иные по возрасте в худых поступках обращаться и без всяких платежей остаться могут»[1062]. Впрочем, в XIX веке правительство вернулось к идее временного размещения солдатских детей-сирот у родственников или посторонних лиц. Например, в 1846 году было решено в качестве стимула принять сирот на воспитание выдавать «приёмным семьям» полный солдатский паёк на каждого сироту и денежное довольствие в 50 коп. серебром в месяц, а в Санкт-Петербурге – в размере 1 руб. серебром. За каждые пять лет пребывания такого ребёнка воспитатели получали бы по 5 руб. серебром за каждого[1063].

[1061] 1-е ПСЗРИ. Т. XXXVIII. № 29312.
[1062] 1-е ПСЗРИ. Т. XII. № 8989.
[1063] 2-е ПСЗРИ. Т. XXI. Отд. I. № 19818.

Солдатский сын всё-таки мог избегнуть воинской службы и воссоединиться с родителями для ухода за ними и прокормления. При этом ребёнок освобождался от службы как при жизни, так и после смерти родителей[1064]. Правда, они могли просить «выключить из военного ведомства» лишь одного законнорожденного сына, остальным требовалось продолжать службу[1065]. Речь, конечно, в данном случае шла о детях, которые были в состоянии обеспечить себе и родителям какое-то пропитание. Но когда матери удерживали детей при себе до достижения ими 20-летнего возраста и (главное!) местные власти устанавливали, что у такой семьи нет никаких средств для пропитания, тогда дети немедленно отбирались у матери и отправлялись в военное учебное заведение[1066].

Военное ведомство имело виды не только на законных детей солдат, но и на незаконнорождённых, родившихся от солдатских жён и дочерей.[1067] В 1845 году Государственный Совет предоставил возможность всем внебрачным, *кроме родившихся у женщин, принадлежащих к военному ведомству* или крепостных, приписываться по достижении совершеннолетия в городское или сельское сословие по их желанию[1068]. Таким образом, вплоть до отмены рекрутской системы военная карьера внебрачных детей солдатских дочерей и жен была им практически гарантирована. Исключением была ситуация, когда принадлежащая к военному ведомству женщина рожала внебрачного ребёнка, временно проживая при казённых горных заводах. В 1827 году Государственный Совет рассудил, что причисление к заводам внебрачных детей от солдатских жён и детей сможет заменить рекрутов, которых должны были поставлять мастеровые[1069], поскольку такие дети уже числились не по военному ведомству, а по сословию мастеровых[1070].

Происхождение ребёнка влияло на создание его собственной семьи: сенатским указом от 29 июля 1835 года солдатскому сыну до поступления на военную службу запрещалось жениться, даже если он достиг требуемых гражданским законодательством 18-ти лет. Запрет был мотивирован тем, что будучи призванным, юный семьянин остав-

---

[1064] 2-е ПСЗРИ. Т. XXIX. Отд. I. № 27851.
[1065] 2-е ПСЗРИ. Т. XI. Отд. II. № 9761; Т. XIX. Отд. I. № 18215; Т. XXX. Отд. I. № 29425.
[1066] 2-е ПСЗРИ. Т. XVIII. Отд. I. № 16656.
[1067] См., напр.: 2-е ПСЗРИ. Т. XI. Отд. II. № 9510; Т. XVI. Отд. I. № 14893.
[1068] 2-е ПСЗРИ. Т. XX. Отд. I. № 19067.
[1069] РГИА. Ф. 1149. Оп. 1 (1825). Д. 26. Л. 11 – 11 об.; см. также Учреждение о управлении Колывано-Воскресенских горных заводов, утвержденное 16 апреля 1828 г. (2-е ПСЗРИ. Т. III. № 1960 §4 Положения о мастеровых Колывано-Воскресенских горных заводов).
[1070] 2-е ПСЗРИ. Т. XI. Отд. II. № 9510.

ляет жёну, а нередко – и детей без всяких средств к пропитанию[1071]. Ну, а с момента зачисления на действительную службу, вступление солдатского ребёнка в брак, как уже было сказано, зависело от его начальства. Без этого согласия брак мог состояться лишь при нахождении в бессрочном отпуске[1072].

Судьба детей нижних воинских чинов изменилась лишь с проведением военных реформ второй половины XIX века. По случаю коронации, 26 августа 1856 года Александр II своим Манифестом отменил обязательное поступление в военное и морское ведомство солдатских детей (кантонистов)[1073], которые теперь зачислялись в одно из свободных податных состояний[1074]. Впрочем, определённые подвижки в этой сфере происходили и раньше. Так, в 1849 году была прекращена практика выдачи дочерей военных поселенцев на Кавказе за кантонистов, и дабы не стеснять их в выборе мужей, они в любом случае после замужества исключались из военного ведомства[1075]. Таким образом, ещё одна сфера государственной службы подверглась «раскрепощению», правда, это случилось почти на век позже, чем в отношении службы дворянства. Соответственно, с уничтожением сословия низших воинских чинов были уничтожены и все прежние брачно-семейные ограничения, которым подвергались и сами военнослужащие, и члены их семейств.

Однако с момента введения всеобщей воинской повинности и упразднения наследственной службы низших воинских чинов, правительство больше не было заинтересовано в прежнем правовом регулировании их браков. Теперь соблюдение дореформенных норм могло нанести лишь расход казне, например, вследствие обязанности властей обеспечить совместное проживание супругов. Именно в ходе военных реформ второй половины XIX века нижним чинам, состоящим на действительной службе, было запрещено вступать в брак, а уже женатым к моменту призыва за редкими исключениями не разрешалось выписывать к себе по месту службы семейство и размещать его за казённый счёт[1076]. Одним из редких исключений была ситуация, когда у нижнего чина от первого брака были дети, остающиеся во время службы отца без всякого попечения. В подобных случаях начальство давало разрешение на повторный брак вдовца[1077].

[1071] 2-е ПСЗРИ. Т. X. Отд. I. № 8346.
[1072] 2-е ПСЗРИ. Т. IX. Отд. I. № 7147.
[1073] 2-е ПСЗРИ. Т. XXXI. Отд. I. № 30877 п. XXVII.
[1074] Там же. № 31313.
[1075] 2-е ПСЗРИ. Т. XXIV. Отд. I. № 23008.
[1076] 2-е ПСЗРИ. Т. XLI. Отд. I. №№ 43303, 43492; 3-е ПСЗРИ. Т. XVII. № 14467.
[1077] 2-е ПСЗРИ. Т. LII. Отд. II. № 57619.

Проходившие армейскую военную службу нижние воинские чины – самая большая группа служилого населения, браки и семейное положение внутри которой регулировались специальными нормами. Но кроме этого в XVIII – XIX веках существовали и другие военные службы, где должности низших воинских чинов предполагалось замещать примерно таким же «наследственным порядком». Так, к их числу (помимо уже указанного ведомства военных поселений) относились: 1) ведомство Кавказского военного поселения, 2) ведомство казачьих войск, 3) кантонное ведомство (для детей башкир, мещеряков[1078] и тептярей[1079], отданных за проступки в военную службу), 4) ведомство путей сообщения[1080], 5) почтовое ведомство[1081], 6) горное ведомство[1082], 7) заводское (кроме горных заводов), включавшее, например, Ижорский адмиралтейский завод, военно-конские заведения, пороховые заводы[1083], 8) лесное ведомство, 9) фабричное, в ведении которого находилась Павловская суконная фабрика[1084], 10) арсенальное ведомство[1085], 11) медицинское ведомство[1086] и некоторые другие.

Если отец (или даже дед![1087]) ребёнка попадал в одно из указанных ведомств, род занятий этого ребёнка был, таким образом, предопределён. Причём если положение главы семьи в ходе его службы менялось, это отражалось и на статусе сыновей, родившихся в разное время. Например, если отец начинал свою карьеру рядовым солдатом, то родившийся в течение солдатской службы ребёнок принадлежал военному ведомству. Но если, получив отставку из воинской службы, отец получил, например, должность в почтовом ведомстве и после этого у него рождался другой сын, то он уже числился за Почтовым департаментом. Если отец в течение своей жизни служил в одном ведомстве и достигал статуса личного дворянина[1088], то он мог просить выключения из службы, в которой числился и сам, одного из сыновей. Таким образом, изменение сословного статуса отца влияло на судьбу лишь одного ребёнка. Но и этот счастливец мог претендовать

[1078] Мещеряки – тюркская народность, проживающая в Поволжье и Приуралье.
[1079] Тептяри – небашкирское население, проживавшее среди башкир (XVIII – XX вв.).
[1080] 1-е ПСЗРИ. Т. XXVII. № 20792; 2-е ПСЗРИ. Т. II. № 982.
[1081] 1-е ПСЗРИ. Т. XXV. № 19134, Т. XXVII. № 20379, Т. XXXVIII. №№ 29117, 29714, Т. XL. № 30363; 2-е ПСЗРИ. Т. I. №№ 348, 387; Т. II. №№ 895, 976; Т. IV. № 3390.
[1082] 1-е ПСЗРИ. Т. XV. № 11185 п. 6; Т. XXIX. № 22208 ст. 379 Проекта для Горного департамента; 2-е ПСЗРИ. Т. IV. № 2824 пп. 36 – 40, Т. XI. Отд. I. № 9456.
[1083] 1-е ПСЗРИ. Т. XXIX. № 22386 п. 8 Высочайше утверждены правил для управления Адмиралтейского Ижорского завода; Т. XXXIII. № 26376; Т. XXXIV. № 26687; 2-е ПСЗРИ. Т. XI. Отд. II. № 9605.
[1084] 1-е ПСЗРИ. Т. XXVIII. № 21583 п. 19; 2-е ПСЗРИ. Т. VII. № 5416.
[1085] 2-е ПСЗРИ. Т. III. № 2120.
[1086] Это касалось детей инвалидов, числящихся по Департаменту Казённых врачебных заготовлений (см.: 1-е ПСЗРИ. Т. XXXIII. № 26376).
[1087] 2-е ПСЗРИ. Т. III. № 2453. Это правило касалось ведомства Путей сообщения.
[1088] Это правило распространялось на горное, монетное, соляное ведомства (2-е ПСЗРИ. Т. XXX. Отд. I. № 29855).

лишь на личное почётное гражданство, при этом на государственную службу вход ему был закрыт, правда, он мог с согласия родителей служить уже в новом статусе по месту первоначальной приписки[1089]. Остальные дети низшего чина, достигшего дворянства, продолжали числиться на прежней службе: власть не могла пойти на потерю всей семьи для конкретного ведомства.

С изданием уже упомянутого Манифеста от 26 августа 1856 года эти службы также утратили сословный характер, и числящиеся в них дети нижних воинских чинов стали отдаваться на попечение родни или воспитателей[1090]. Те дети, на которых никто из родни не претендовал, считались оставшимися в этих ведомствах добровольно.

Даже небольшой экскурс в историю правового регулирования брачно-семейных отношений «низшей касты» служилого населения показывает его практическое, даже, пожалуй, утилитарное значение для русского правительства. Вплоть до середины XIX века служба для низших воинских чинов носила наследственный, сословный, характер со всеми ограничениями, препятствующими выходу из неё. Такой подход, разумеется, не был чем-то новым. Уже с конца XV века закрепощается крестьянство, Соборное Уложение 1649 года окончательно оформило прикрепление к посаду городского населения. Вступление в брак, статус членов семьи – все эти вопросы подлежали правовой регламентации, исходя из потребностей государства в службе определённого рода. Показательно, что в низшей прослойке служилого населения вопрос о законности рождения не играл никакой роли в определении статуса детей: так или иначе, их ждала карьера по ведомству, за которым числились их родители. При сопоставлении приведённых специальных норм с церковными постановлениями о браке видно, что государство совершенно ими пренебрегало. Приказать подчиненному жениться, поставить возможность его брака в зависимости от наличия в казарме места для будущей жены, ограничить пребывание детей при родителях лишь первыми годами их жизни и т.д., – все это показывает, что место церковных канонов в ряду других правовых средств определялось государством исключительно из своих интересов. Причём внешне Русская Православная церковь оставалась «первенствующей и господствующей»[1091].

[1089] 2-е ПСЗРИ. Т. XXXVII. Отд. I. № 38392.

[1090] См., напр.: 2-е ПСЗРИ. Т. XXXII. Отд. I. № 32380; Т. XXXIII. Отд. I. № 32915, там же. Отд. II. №№ 33558, 33922; Т. XXXVI. Отд. I. № 36576, там же. Отд. II. № 37436 и др.

[1091] Ст. 40 Основных законов Свода учреждений государственных и губернских (т. 1 Свода законов Российской империи в изд. 1833 г.).

§ 2. Регулирование брачно-семейных отношений православного духовенства

Особенности правового регулирования брачно-семейных отношений белого православного духовенства в истории России определяются одним важным обстоятельством. Оно состоит в том, государство с момента крещения Руси рассматривало Русскую Православную церковь как организацию, где внутренние вопросы решаются без участия светской власти. Соответственно, у правительства долгое время не было нужды в правовом регулировании брачно-семейных отношений церковников. Однако власть постепенно осознаёт, что без её вмешательства у Русской Православной церкви нет серьёзных стимулов к выполнению поставленных перед ней государством специфических задач. По мере этого осознания светская власть всё активнее начинает регулировать внутреннюю сторону церковной жизни, и в частности, брачно-семейные отношения в среде белого духовенства.

Воспитание православного населения в духе христианского учения – задача, которую церковь была призвана решать с момента крещения Руси. Однако, прежде всего, воспитания требовало само духовенство. Соответственно, первая задача, с которой столкнулось государство – обеспечение получения церковническими детьми духовного образования. Так, требование грамотности впервые были предъявлены к «поповым детям» ещё в процитированном ранее уставе новгородского князя Всеволода (XIII – XIV века)[1092]. В Стоглаве 1551 года видим, как озабоченный поведением и нравственностью духовенства царь ставит на Соборе вопрос о грамотности кандидатов в священники и дьяконы. Члены Собора согласились с необходимостью открыть в Москве и других городах «книжные училища» для подготовки детей церковников, чтобы «пришед в возраст достойным быти священнического чину»[1093]. Однако к началу XVIII столетия ситуация с грамотностью духовенства принципиально не изменилась в лучшую сторону. Петру I пришлось не только обязывать родителей отдавать в школы своих сыновей, но и установить санкции за невыполнение этой обязанности. Так, в Именном указе от 15 января 1708 года, повторенном в 1710 году[1094], читаем об обязательном обучении в греческих и латинских школах детей попов, дьяконов, дьячков, пономарей, сторожей и просвирней. Посвящение в духовный чин теперь было возможно только после получения образова-

[1092] Российское законодательство X – XX веков. Т. 1. С. 250 – 253.
[1093] Российское законодательство X – XX веков. Т. 2. С. 290 – 291.
[1094] 1-е ПСЗРИ. Т. IV. №№ 2186, 2308.

ния, необученным же была лишь одна дорога – в солдаты. Школяров, которые «от того учения отстали и записались в разные чины», надлежало возвращать обратно[1095]. Пётр I при свидании 1 сентября 1723 года с вице-президентом Синода преосвященным Феодосием лично распорядился, чтобы тех, которые «в ученье быть не похотят, тех имать в школы и неволею»[1096].

Проведение ревизии в 1722 году и составление Духовных штатов отсекло от этого сословия не только часть священно- и церковнослужителей, но и их детей. С этого момента в законодательстве появляется важная поправка: отдавать в семинарии нужно было детей лишь тех церковников, «которые от нынешнего по душам денежных платежей расположения уволены»[1097].

Православное духовенство, часто само неучёное, и детей своих пыталось укрывать от тягот школьной жизни. В сентябре 1731 года в Синоде рассматривались доношения Славяно-греко-латинской академии бывшего ректора Германа и действующего – Софрония об умалении числа учащихся из среды белого духовенства. Начальство Академии почувствовало это особенно остро в связи с исключением из неё солдатских, крестьянских и дворянских детей[1098]. 18 ноября того же года последовал указ Синода[1099] об учёте детей церковников и отдаче их в обязательное обучение с запретом определять в светскую службу под угрозой беспощадного наказания. Собирать детей церковников в школу было делом сложным, прежде всего, потому, что сами родители укрывали своих отпрысков от учения. Многие боялись даже не школы, а того, что «непонятных» учеников будут отдавать в солдаты[1100]. Чтобы избежать отправки в семинарии, изобретались разные способы. Один из них, самый простой, заключался в предоставлении ложных сведений о возрасте детей. Об этом, например, говорил Именной указ от 28 сентября 1736 года, в котором родителей убеждали показать истинные данные под тем претекстом, что переросл ых, мол, «спрашивать в школы» не будут[1101].

[1095] 1-е ПСЗРИ. Т. V. № 3182.
[1096] 1-е ПСЗРИ. Т. VII. № 4291.
[1097] 1-е ПСЗРИ. Т. VI. № 4021.
[1098] ПСПиР. Т. VII (с 19 января 1730 по 23 декабря 1732). № 2488. С. 355.
[1099] 1-е ПСЗРИ. Т. VIII. № 5882.
[1100] «О, мои детишки сердечные!
Не на ученье вас берут, но на мученье бесконечное…
Лучше б вас своими руками в землю закопал,
Нежели в семинарию на муку отдал».
Этот «плач дьячка» из интермедии начала XVIII века приводит П.В. Знаменский (См.: Духовные школы в России до реформы 1808 года. С.91 – 92).
[1101] 1-е ПСЗРИ. Т. IX. № 7070.

Возраст, в котором детей надлежало отдавать в семинарию, по разным постановлениям составлял от 7 до 20 лет[1102], так что в семинариях в одном классе можно было увидеть и совсем маленьких детей, и вполне сложившихся мужчин. Понятно, что детине лет 20 грызть «латинскую элементарь» было сложновато[1103], но об этом духовное начальство вспоминало лишь в крайнем случае. Так, в сентябре 1740 года, когда окончилась война с Турцией и был оценён ущерб, нанесённый духовенству его массовой отдачей в солдаты, Синод предписал ставить в священники «превозрастных» церковнослужительских детей, уволив их «за урослыми летами» от «высших наук, яко к понятию уже неспособных», лишь бы они были доброго и непорочного жития[1104]. Впрочем, до отдачи детей в семинарию от отцов требовалось дать детям элементарное образование. Так, в 1741 году Синод определил, что не знающих российской грамоты детей духовенства отцы или родственники были обязаны обучать «букварю с десятословием, часослову, псалтыри и скорописному», чтобы в семинарии они попадали уже для восприятия наук на латыни[1105]. О необходимости «дошкольного» домашнего образования в среде духовенства власть говорила и в XIX веке[1106].

Учёт и сбор детей в семинарии происходили по-разному. Практиковались периодические смотры на манер дворянских. На смотры по месту расположения школы должны были приезжать дети, чей возраст подходил для зачисления. Но так как дети и их родители избегали добровольно приезжать, на места посылались специальные рассыльщики. Это могли быть церковные или монастырские слуги, солдаты, учителя семинарий и даже сами семинаристы старших курсов. Рассыльщики должны были освидетельствовать обнаруженных детей и на крестьянских подводах доставить их в школу. Приблизительные сведения о числе будущих школьников рассыльщики уже имели, ибо, как уже известно, на епархиальное начальство возлагалась обязанность учитывать потомство церковников. Сам учёт проводился в виде подачи «сказок», достоверность которых подкреплялась угрозами лишений чинов, истязаний и, наконец, смертной казни[1107].

[1102] ПСПиР. Т. I. (1721 г.). СПб., 1879. № 192 (168). С. 246 (с 13 до 20 лет); Т. II. (1722 г.). № 648. С. 318 (с 7 лет); Т. III. (1723 г.). № 1108. С. 149 (от 7 до 18 лет); Т. X (1738 – 24 ноября 1741 гг.). № 3638. С. 474 (до 15 лет); № 3744. С. 571 (от 10 до 15 лет).

[1103] Сын тверского священника Андрей Мещерский до 14 лет укрывался от обучения у отца, потом был взят в семинарию и девять лет учился там латинскому языку (т.е. в низших классах). Был выпущен «за ушедшими летами» и устроился в услужение к секретарю Тверского архиерейского дома (ОДДС. Т. XXXIX (1759 г.). Дело № 122. Стлб. 391).

[1104] ПСПиР. Т. X (1738 – 24 ноября 1741 гг.). № 3580. С. 424; № 3744. С. 571 – 573.

[1105] Там же. № 3638. С. 474.

[1106] 2-е ПСЗРИ. Т. IV. № 3323 §9.

[1107] 1-е ПСЗРИ. Т. IX. № 7070.

Помимо учёта детей посланные решали и другие задачи. Так, содержание школ, ещё согласно Духовному регламенту, возлагалось на само духовенство: «От знатнеиших в епархии монастыреи брать всякого хлеба дватцатую долю, да от земель церковных, где суть, всякого же хлеба брать тритцатую долю»[1108]. Многие землевладельцы духовного сословия были бы рады не делиться урожаем, особенно если они не сочувствовали образовательной политике. Проводить ревизию в амбарах рассыльщики не могли, но осмотреть сами владения и хлеб на полях было им вполне по силам.

Если отец-священник или причётник ставил перед собой задачу укрыть сына от семинарии, ему приходилось идти на самые разнообразные хитрости. Среди наиболее распространенных вариантов были женитьба или устройство на причётническую должность. Как-то Казанский епископ Лука (Конашевич)[1109], узнав во время объезда епархии о многочисленных случаях ранних браков детей церковников, повелел не выдавать таковым венечных памятей без собственного повеления[1110]. Был случай, когда в Троицкой семинарии заставили учиться и женатого ученика[1111]. В другом случае с дьякона церкви в Троицкой вотчине был взят штраф в 15 руб. за женитьбу сына, которого следовало отдать учиться[1112].

Законодатель XVIII века отдавал предпочтение грамотным людям при замещении духовных вакансий. Так, по указу Синода от 7 мая 1797 года при наличии нескольких кандидатов на место преимущество отдавалось грамотному («и для того произведение в сан священства тако воспитанных семинаристов предпочитать не учёным, хотя бы прихожане и просьбами об них настояли» [1113]). Более ранний указ (1784 года) даже не предполагал альтернативы: кроме как из семинаристов запрещено было кого бы то ни было ставить ни в священники, ни в дьяконы[1114].

Расширение российских территорий поставило перед русским правительством новую задачу – подготовку миссионеров для проповеди православия и воспитания туземного населения в соответствующем духе. В этих целях правительство было вынуждено в определённой степени пожертвовать сословным характером церковных образовательных учреждений и допустить туда разночинцев. Так, для удобства крещения языче-

---

[1108] Законодательство Петра I. С. 553.
[1109] Лука (Конашевич) занимал казанскую кафедру с 1738 по 1755 год.
[1110] См.: *Знаменский П.В.* Духовные школы в России до реформы 1808 года. С. 321.
[1111] См. там же. С. 335.
[1112] См. там же. С. 320.
[1113] 1-е ПСЗРИ. Т. XXIV. № 17958.
[1114] 1-е ПСЗРИ. Т. XXII. № 15981.

ских народов (мордвы, чувашей, черемисов и др.) Кабинет министров в январе 1740 года решил задействовать не только детей духовного звания, но и из купцов и «убогого шляхетства», при этом требовалось знание местных наречий. Поскольку правительство было заинтересовано в лояльности окраинных народов и её залогом считало их крещение, оно согласилось с требованием Синода о государственном финансировании школ для подготовки священников со знанием языков[1115].

Остро нуждаясь в замирении народов Поволжья[1116], российское правительство решило привлечь к делу проповеди и обучения детей инородцев также вдовых попов и дьяконов. Стимулом для них заниматься такой непростой деятельностью стала возможность, установленная Именным указом от 30 апреля 1724 года, вступить во второй брак[1117]. Продолжать служить или прислуживать в храмах второбрачное духовенство, конечно, не могло[1118], но ведь и правительство рассматривало таких церковников исключительно как помощников архиереев в сфере духовного образования или миссионерстве. Таким образом, обязанное по обычаю до указа 1724 года поступать в монашество, вдовое духовенство ради миссионерских целей получило возможность избежать этой участи и создать новую семью.

Обязывая церковников обеспечивать своим сыновьям духовное образование, государство видело в «поповых детях», прежде всего, кандидатов на вакантные места в приходах. Между тем, сам вопрос о замещении вакансий долгое время находился вне поля зрения правительства. По обычаю, который начал постепенно искореняться лишь в XVIII веке, дети церковников часто занимали место своих отцов в храмовом причте. Духовная и светская власти относились к этой традиции с пониманием и ей не препятствовали. Так, в 1551 году митрополит Макарий, отвечая на жалобы новгородских священников, указал на возможность замещения овдовевшего попа или дьякона его сыном, братом или иным родственником или свойственником[1119].

Есть примеры, когда прихожане, имевшие право вплоть до конца XVIII века выбирать на вакантное место в приходе желанного им кандидата, останавливали свой вы-

---

[1115] 1-е ПСЗРИ. Т. XI. № 8090.
[1116] 1-е ПСЗРИ. Т. VII. № 4492.
[1117] 1-е ПСЗРИ. Т. VII. № 4499.
[1118] 17-е апостольское правило гласит: «Кто по святом крещении двумя браками обязан был или наложницу имел, тот не может быть епископ, ни пресвитер, ни дьякон, ниже вообще в списке священного чина».
[1119] ААЭ. Т. 1. № 229. С. 221. По церковной традиции, овдовевший священник не мог больше служить и должен был принять монашеский постриг.

бор на сыне покойного предшественника[1120]. Именной указ 1659 года, призывавший церковников отдавать «лишних» детей в государственную службу, оставлять несколько грамотных сыновей «с отцами у церквей, чтоб церквам оскуденья не было»[1121]. Таким образом, судьба детей церковников по обычаю была предначертана карьерой их отцов. Конечно, белое духовенство существовало отнюдь не безбедно, тем более, что законодательство не предусматривало для него никаких гарантированных источников доходов, а епархиальное начальство облагало его различными поборами. Но кусок хлеба церковнику всё-таки был обеспечен, а если он был не очень жаден и снисходительно относился к грехам своей паствы, то мог рассчитывать на кое-какой достаток даже среди бедняков. Поэтому родители духовного звания так старались устроить сына по своему ведомству, что иногда весь церковный причт храма составлял одно или несколько семейств[1122].

А вот в эпоху Петра I правительство начинает относиться к обычаю наследования детьми родительских должностей иначе. Так, определение детей на причётнические должности в отцовском храме было осуждено Духовным регламентом, который прямо указывал, что это «для того наипаче вредно есть, что тако удобнее попу неистовствовать, о служении и порядке не радеть и расколщиков покрывать»[1123]. Впрочем, Регламент допускал и исключение для одного сына, если об этом состоятся приговор прихожан и благословение епископа. Остальные сыновья должны были искать места в других храмах.

Практика показала, что устроенный в отцовском или ином храме сын иногда даже не заботился о получении одобрения прихожан, указа епископа или какого-нибудь иного документа. После выявления таких «неуказных» церковников их часто забирали в ученье[1124]. Вот характерный случай духовного кумовства: в Суздальской епархии старший сын при отце служил дьяконом, средний – дьячком, а младшего (14 лет) в дьячки не удалось определить потому, что оказался малограмотным: «не только ничего не может петь, но с нуждою прочитает и тропарь». Случай интересен тем, что пострадавшим в итоге оказался чадолюбивый отец. Пристроив сыновей в собственный храм и овдовев, он не пожелал пойти в монастырь, а обратился за епитрахильной грамотой[1125] к Суз-

---

[1120] Акты, относящиеся до юридического быта древней России. Т. 1. СПб., 1857. Док. № 7. Стлб. 9 – 10.
[1121] 1-е ПСЗРИ. Т. I. № 288.
[1122] *Знаменский П.В.* Приходское духовенство на Руси. Приходское духовенство в России со времени реформы Петра I. СПб., 2003. С. 95 – 96.
[1123] Законодательство Петра I. С. 592 – 593.
[1124] См.*: Знаменский П.В.* Духовные школы в России до реформы 1808 года. С. 319 – 320.
[1125] Епитрахильная грамота – документ, позволяющий служить вдовому священнику.

дальскому митрополиту. Синод в точном соответствии с Духовным регламентом не смог позволить ему служить в том же храме, что и дети[1126].

Встречается и иное отношение духовных властей к этой проблеме. 3 сентября 1736 года Синод постановил, что не посвящённых, но фактически исполняющих причётнические должности детей не положенного в подушный оклад (т.е. штатного) духовенства следует всё-таки оставить на месте. Эта норма была подтверждена Именным указом от 28 сентября 1736 года, ставшим основой для разборов духовенства второй половины 30-х годов[1127]. Выборный порядок, который признавался законодательством первой половины XVIII века, позволял прихожанам договориться с кандидатом не только о храмовом служении, но и о материальных вопросах. Такие вещи, как выделение дома (или его части) для проживания служителя церкви и его семьи, определение земельного участка, денежное и натуральное жалованье, были особенно важны для бедных приходов, желавших ограничить аппетиты церковников («И в челобитных писать имянно, какая ему руга[1128] будет или земля?»[1129]). Но уже в правление Екатерины II закон утверждает полномочия епархиальных архиереев по укомплектованию храмов. Например, Синодский указ 1784 года говорил об архиерейском назначении священников и дьяконов в церкви как о деле государственного значения[1130].

В царствование Павла I приходские выборы окончательно упраздняются. Мнение архиерея стало прямо предпочитаться мнению прихожан (Синодский указ от 7 мая 1797 года)[1131], а коллективные просьбы мирян о посвящении того или иного кандидата просто перестали приниматься (Синодский указ от 24 июня 1797 года)[1132]. Прихожане могли лишь подавать коллективные свидетельства о нравственных качествах кандидата на место, но при Александре I и они потеряли всякое значение (Именной указ от 11 июля 1816 года)[1133]. В литературе отрешение приходов от формирования церковного штата объясняется не только значительным числом недостойных поступков приходского духовенства, но и его активным участием в крестьянских выступлениях в конце XVIII ве-

[1126] ОДДС. Т. XXXIX (1759 г.). Дело № 186. Стлб. 475 – 476.
[1127] ПСПиР. Т. IX (1735 – 1737 гг.). № 3008. С.352 – 353; 1-е ПСЗРИ. Т. IX. № 7070.
[1128] Руга – содержание.
[1129] Законодательство Петра I. С. 576.
[1130] 1-е ПСЗРИ. Т. XXII. № 15981.
[1131] 1-е ПСЗРИ. Т. XXIV. № 17958.
[1132] 1-е ПСЗРИ. Т. XXIV. № 18016.
[1133] 1-е ПСЗРИ. Т. XXXIII. № 26347.

ка[1134]. Таким образом, обычай, согласно которому сыновья церковников с одобрения прихожан наследовали места своих отцов в храмовом причте, был окончательно искоренён в начале XIX столетия.

Причиной, заставивших правительство бороться со старинным обычаем «наследования» приходских мест, было не только его желание видеть на церковническом месте человека образованного. И Пётр I, и его преемники активно проводили политику сокращения количества духовенства в России. 4 апреля 1722 года по Высочайше утвержденному совместному докладу Сената и Синода протопопов, попов, дьяконов, которые у церквей действительно служат, велено было, как и их детей, оставить при храмах. Неслужащее духовенство вместе с детьми надлежало записывать в подушный оклад[1135].

Составление по Указу Петра I так называемых «штатов» в 1722 году стало первой серьезной «ревизией» количества церковников[1136]. Синодским указом того же года[1137] во исполнение петровского повеления на 100 – 150 дворов должно было приходиться по одному священнику, на 200 – 250 – по два, на 250 – 300 – по три. В зависимости от статуса собора также ограничивалось число церковнослужителей (дьяконов, дьячков, пономарей, псаломщиков). Сокращения не коснулись московских соборов, где было разрешено сохранить прежнее число священно- и церковнослужителей, хотя вопрос об их точном количестве всё-таки возник при переписи душ для положения в оклад[1138]. На штатах 1722 года будет основываться последующее законодательство XVIII века при решении вопроса о судьбе духовенства. Так, п. 12 – 13 Инструкции от 16 декабря 1743 года по проведению ревизии[1139] повторяют нормы штатов 1722 года. Штатные нормативы будут ещё неоднократно меняться в течение XVIII – XIX веков, однако сама постановка вопроса о соотношении единиц духовенства с определённым количеством дворов, несомненно, должна была положить конец «вольнице», позволявшей родителям церковного звания без ограничений пристраивать своих детей на место в причте.

Нельзя сказать, что с проблемой «лишнего» духовенства государство столкнулось только в XVIII веке. Ещё Иван Грозный на Стоглавом Соборе 1551 года сообщал его членам о том, что в Москве на Ильинской улице приезжие священники нанимаются

[1134] См.: *Знаменский П.В.* Приходское духовенство на Руси. Приходское духовенство в России со времени реформы Петра I. С. 233 – 237.
[1135] 1-е ПСЗРИ. Т.VI. № 3932.
[1136] 1-е ПСЗРИ. Т.VI. № 4035.
[1137] 1-е ПСЗРИ. Т.VI. № 4072.
[1138] 1-е ПСЗРИ. Т.VII. № 4145.
[1139] 1-е ПСЗРИ. Т.XI. № 8836.

служить в московские храмы без ставленых грамот[1140]. В 1604 году боярский сын Иван Чёртов в своём извете патриарху Иову сообщал, что безместные попы, которые по церквям нанимаются служить обедни, бесчинствуют у Спасской башни Кремля на Фроловском мосту, «меж себя бранятся и укоризны чинят скаредные и смехотворные, а иные меж себя играют и борются и в кулачки бьются»[1141]. Однако для допетровского правительства безместные священники могли быть опасны лишь как нарушители общественного порядка, соблазнительным поведением подающие повод для укоризны. Но Пётр I и его преемники воспринимали этот контингент как тунеядцев, отлынивающих от общественно-полезной деятельности, к которой их теперь обязывал закон. Конечно, введение штатов для духовенства само по себе не сняло проблему безместных и бродячих церковников. Так, в 1732 году Синод вынужден был констатировать, что не произведённые ни в какой чин самозванцы, а также отрешённые от служения священники в массовом порядке нанимаются мирянами, причём в числе нанимателей оказывались весьма знатные особы[1142]. В борьбе за искоренение указанных явлений правительство предпринимало различные административные меры: ужесточались требования к документации, дающей право на церковное служение; церковникам запрещались дальние отлучки без разрешения начальства и проч.

Таким образом, в XVIII веке целый ряд правовых инструментов способствовал искоренению древнего обычая наследования приходских вакансий. Это и отмена выборного порядка, и требование к кандидату на вакантное место о прохождении курса соответствующего обучения, это и составление штатов. Рассмотренные материалы говорят о нескольких причинах, по которых этот обычай не мог в XVIII веке устраивать русское правительство: во-первых, низкий уровень подготовки священно- и церковнослужителей, которые прежде не имели стимула учиться, ибо унаследовать место своих родителей они могли и без образования. Во-вторых, этот обычай наследования порождал значительный излишек населения, свободного от подушного обложения. Наконец, этот излишек мог представлять собой маргинальный элемент, на борьбу с которым государство тратило лишние силы и средства.

Проблема законности происхождения детей церковников решалась правительством в XVIII столетии в связи с фискальным вопросом. Когда в 40-е годы XVIII века

[1140] Российское законодательство X – XX веков. Т. 2. С. 348.
[1141] ААЭ. Т. 2. СПб., 1836. Док. № 223. С. 380.
[1142] ПСПиР. Т. VI (с 19 января 1730 по 23 декабря 1732). № 2555. С. 457.

проходила вторая ревизия, в Воронежской губернии переписчики не смогли прийти к выводу, к какому сословию причислять таких детей. В 1746 году Сенат разъяснил, что, с одной стороны, за попами и прочими церковниками людей записывать нельзя, а можно лишь за теми, кто обязуется уплачивать за воспитанников подушную подать, от которой духовенство было освобождено. С другой стороны, рассуждал Синод, если церковники на таких условиях согласятся воспитывать незаконнорождённых, то лучше их оставить при них, поскольку вряд ли найдутся иные охотники принять чужих детей к себе, да ещё и с уплатой за них подати. По смерти воспитателей духовного звания их воспитанников было необходимо записать за близлежащими государственными, дворцовыми или монастырскими сёлами и деревнями, или отдать на фабрику или помещикам, желающих взять их под условием уплаты подушной подати[1143].

В отношении духовенства, как и в отношении дворянства, правительство не могло допустить присвоение внебрачными детьми статуса их фактических родителей. Однако причины для такого отношения были разные. Интересы дворянских родов требовали, чтобы власть отсекала посторонних людей от участия в наследовании родовой недвижимости. В отношении духовенства власть занимала другую позицию: она не могла допустить произвольное увеличение численности этой прослойки, и в этих целях всячески «прореживала» её ряды с помощью различных средств, в том числе, записки незаконнорождённых воспитанников духовенства в податные сословия.

То, что правительство по вопросу о законности рождения в отношении духовенства исходила совершенно из других оснований, чем в отношении дворянства, видно из ещё одного любопытного обстоятельства. Для дворянина принадлежность к определённому роду давала право ношения родовой фамилии, а для церковников понятия «родовая фамилия» вовсе не существовало. Более того, известны случаи, когда все сыновья одного церковника носили разные фамилии. Филолог Л.В.Успенский приводит интересный пример, когда в одной семье духовного звания шесть родных братьев носили разные фамилии (Миловидов, Петропавловский, Преображенский, Смирнов, Скородумов, Седунов)[1144].

Известен факт, что после зачисления детей духовных лиц в семинарию, их фамилия могла изменяться достаточно произвольно с отцовской на иную, порой искусственную. Начальство духовного учебного заведения само могло изменять фамилию ученика

[1143] 1-е ПСЗРИ. Т. XII. № 9343.
[1144] *Успенский Л.В.* Ты и твое имя. Имя дома твоего. Л., 1972. С. 182.

в качестве награды или наказания. Так, Ландышев мог стать Крапивиным, а Пьянков – Собриевским (от лат. sobrius – трезвый, воздержанный). Семинарист, обладавший весёлым нравом, мог стать Гиляровым или Гиляровским (от лат. hilaris – веселый), а отличник, подающий большие надежды – Сперанским (от лат. spero – надеяться). Лучший в классе ученик мог стать Мелиоранским (от лат. melior – лучший), а искусный в науках – Соллертинским (от лат. sollers – искусный)[1145]. Укоренение этого обычая и равнодушное отношение к нему правительства лишний раз говорит о том, что сословный статус человека, происходящего из среды духовенства, определялся не принадлежностью к конкретному роду. Само допущение искусственных фамилий говорит о том, что российское право ещё не интересовалось кровным происхождением у разных сословий (за исключением потомственного дворянства) настолько, чтобы связывать с ним определённые последствия, в т.ч. сообщение или сохранение семейного прозвания.

Правительство видело в поповичах не только потенциальных преемников своих отцов на церковнических должностях, но рассматривало их как «кадровый резерв» для гражданской службы. Так, Уставная грамота Великого князя Василия Дмитриевича и митрополита Киприана (1398 или 1404 годов), направленная на разграничение сфер влияния между светской и церковной властью в сфере обложения населения, юрисдикции и *службы*, несколько строк посвящает сыновьям церковников, которые в зависимости от обстоятельств могут причисляться либо к духовному, *либо к светскому «ведомствам»*[1146].

О том, какие проблемы могут представлять собой неопределённые в службу поповичи, повествовал указ 1661 года. Не занимая ни церковных, ни государственных должностей, они частенько жили «в гуляках и ходили за неподобными промыслы и за воровством»[1147]. До поры до времени власть не принуждала детей церковников к какой-либо конкретной деятельности, что было отражено и в указанной Уставной грамоте Великого князя Василия Дмитриевича и митрополита Киприана, и в более позднем законодательстве[1148]. Не собиралась власть этого делать и теперь, отцам духовного звания лишь рекомендовалось унять своё разгульное потомство или записывать его в государе-

---

[1145] *Унбегаун Б.О.* Русские фамилии. Пер. с англ. / Общ. ред. Б.А.Успенского. М., «Прогресс». 1989. С. 169, 177 и др.
[1146] ААЭ. Т. 1. СПб., 1836. Док. № 9. С. 5.
[1147] 1-е ПСЗРИ. Т. I. № 291.
[1148] 1-е ПСЗРИ. Т. I. №№ 288, 289.

ву службу. Предлагались и соответствующие нормативы: при трёх сыновьях записывать в службу одного, при четырёх – двух и т.п.[1149]

Таким образом, уже в XVII веке предполагалась возможность поступления поповичей в светскую службу, и с течением времени правительство широко пользовалось духовной средой, как источником кадров. Один из таких примеров – привлечение семинаристов к освоению медицинской науки. Так, Московская славяно-греко-латинская академия на протяжении XVIII века посылала своих учащихся «для аптекарской науки» в школу при Московском госпитале, учрежденном по проекту доктора Бидлоо (в русской транскрипции – Быдло)[1150]. В середине 50-х годов XVIII века Медицинская канцелярия приглашала желающих учиться по медицинской части не только московских, но и малороссийских семинаристов.

Однако не только специальные потребности правительства требовали привлечения детей духовенства на государственную службу. Со второй половины XVIII века, когда дворяне больше не были обязаны тянуть лямку обязательной государственной службы, неминуемо должна была обнаружиться нехватка чиновников, особенно низового звена. В этих условиях в начале XIX века расширяется допуск священно- и церковнослужителей с детьми на службу в канцелярии гражданского ведомства[1151], особенно при наличии «излишков» в духовенстве в отдельных местностях[1152]. А в военную службу среди «излишнего» духовенства массовые наборы шли ещё с 30-х годов XVIII века. В течение столетия политика таких наборов существенно поменялась: если, например, при Анне Иоанновне они опустошали целые епархии, то при Николае I в отдельных местностях они осуществлялись лишь «за удовлетворением епархиальных нужд и без вреда для семейств»[1153].

В XIX веке, когда доступ образованных детей церковников в гражданскую службу был облегчён, в духовном ведомстве даже возникла проблема излишнего оттока в светское звание выпускников духовных учебных заведений. Обычной уловкой, которая позволяла сделать это вчерашним семинаристам и «академикам», дававшим церковному начальству формальное обещание о принятии духовного сана по окончании курса, было вступление в брак с вдовами, поскольку согласно 3-му правилу 6-го Вселенского Собора

[1149] 1-е ПСЗРИ. Т. I. № 288.
[1150] См., напр.: ПСПиР. Т. IV (1724 – 1724 января 28). № 1209. С. 71; Т. VI (с 8 мая 1727 по 16 января 1730). № 2106. С. 131 – 132; там же. № 2263. С. 399.
[1151] 2-е ПСЗРИ. Т. II. № 1469.
[1152] 2-е ПСЗРИ. Т. III. 2445.
[1153] 2-е ПСЗРИ. Т. XXIX. Отд. I. № 28265.

«взявший в супружество вдову…не может быть…ни пресвитером, ни дьяконом…ниже́ вообще в списке священного чина»[1154]. На борьбу с этой уловкой и был направлен циркулярный указ Синода от 17 августа 1834 года о воспрещении епархиальным начальствам дозволять браки с вдовами лиц, давших обязательство принять духовный сан, без разрешения на это Комиссии духовных училищ[1155]. Таким образом, Синод ради интересов сохранения в духовном ведомстве образованных детей церковников установил совершенно не соответствующее каноническим предписаниям ограничительное условие вступления в брак.

Итак, правительство установило в XVIII веке замкнутость духовного сословия через целый комплекс мер, среди которых одной из важнейших являлась обязанность отцов-церковников сдать своих сыновей на обучение в духовные училища, по окончании которых большинство отпрысков лиц духовного сословия могли рассчитывать на вакантное место в одном из приходских храмов, а часть из них впоследствии могла оказаться на государственной службе. Однако такая сословная организация требовала, чтобы все сыновья церковников были в итоге обучены и трудоустроены, что само по себе представляло значительную проблему уже в XVIII столетии. Само наличие в России «заштатного» духовенства, а также широкая практика принудительных наборов «лишних» церковников в армейскую службу показывает невозможность для правительства вполне обеспечить надлежащее устройство и самого духовенства, и их детей. К этой проблеме в России традиционно прибавлялась ещё одна – бедственное материальное положение служащего, «штатного» духовенства.

Основным источником дохода для него традиционно являлась плата за требы, добровольные подношения прихожан и выделяемые прихожанами церковным причтам земельные участки. Существовали также ружные церкви, т.е. причт находился на жалованье у государства. К середине XIX века сначала для церквей западных районов страны, а затем и остальных губерний были составлены нормальные штаты с окладом для членов причта. При этом храмовый причт должен был отказаться от платы за требы, но на практике штатный оклад был минимален, и церковники питались в основном за счёт подношений прихожан. В литературе второй половины XIX века, когда этот вопрос стал широко обсуждаться, была достаточно выпукло показана зависимость сельского причта

[1154] Правила Святых Вселенских Соборов. 2000. С. 292.
[1155] Материалы для истории Православной Церкви в царствование Николая I. Под ред. Дубровина Н.Ф. / СРИО. Т. 113. СПб., 1902. С. 425 – 426.

от мирян и его тяжёлое, практически бедственное, положение[1156]. На протяжении всей первой половины XIX века разрабатывались проекты по улучшению материального положения духовного сословия[1157]. Однако практическим результатом стало составление новых штатов духовенства[1158] и его естественное сокращение путём своеобразного «раскрепощения», состоявшегося в 1869 году.

26 мая 1869 года состоялось высочайшее утверждение мнения Государственного Совета «Об устройстве детей лиц православного духовенства». Положения нового закона предусматривали, что дети православных церковников отныне не принадлежали к духовному званию в силу соответствующего происхождения. Дети священнослужителей теперь пользовались правами личных дворян, дети церковнослужителей – правами личных почётных граждан. Таким образом, потомки церковников теперь не были обязаны следовать судьбе своих отцов и могли в дальнейшем определить для себя род занятий: поступить ли им на государственную службу (на условиях, определяемых их сословным положением) или обратится к торговым, промышленным или другим «частным занятиям на основаниях, существующих вообще для лиц того звания, права которого каждому из них присвояются» [1159]. Таким образом, с 1869 года в среде духовенства сословный статус родителей автоматически не сообщался их законнорожденным детям, которым правительство теперь не гарантировало ни предоставление духовного образования[1160], ни возможность трудоустройства в приходском храме. Так государство в 1869 году, с одной стороны, предоставило свободу сыновьям лиц духовного звания выбрать себе род занятий по желанию, а с другой – сняло с себя определённые социальные обязательства в отношении этой категории населения.

Социальная политика правительства в отношении членов семей духовенства вплоть до XIX века практически не проводилась. Ещё с допетровских времён приходское духовенство пыталось без помощи властей улучшить своё материальное положение. Например, в ситуации, когда умирал член причта, его семья могла остаться без пропитания, если только кто-то из родственников не занимал место покойного. Однако в

[1156] См., напр.: О православном белом и черном духовенстве в России. Т. 1. Лейпциг. 1866. С. 304 – 324; Записки сельского священника. Быт и нужды православного духовенства. СПб., 1882.

[1157] См. об этом, напр.: *Смолич И.К.* История русской церкви. 1700 – 1917. Часть 1. М. 1996. С. 363 – 366; *Кондаков Ю.Е.* Государство и православная церковь в России: эволюция отношений в первой половине XIX века. СПб., 2003. С. 168 – 176.

[1158] 2-е ПСЗРИ. Т. XLIV. Отд. I. № 46974.

[1159] 2-е ПСЗРИ. Т. XLIV. Отд. I. № 47138.

[1160] Обязательная отправка малолетних сыновей в духовные училища была отменена для духовенства ещё в 1850 году (Материалы для истории Православной Церкви в царствование Николая I. Под ред. Дубровина Н.Ф. / СРИО. Т. 113. СПб., 1902. С. 132).

худшем случае семья могла лишь продать двор, в котором она проживала, вновь поставленному на вакантное место церковнику. Только это и давало хотя бы временные средства для жизни. Пётр I в 1718 году запретил такую продажу, справедливо опасаясь, что места в причте будут занимать не учёные, а материально обеспеченные кандидаты[1161]. Практика подтверждала эти опасения. Так, в 1721 году в Синоде слушалось дело о священнике Воскресенской церкви в Кадашах (Москва) Фёдоре Абросимове, которому сначала было отказано от места «и причтено ему в вину, что он не из школьных учеников». Далее выяснилось, что на место он претендовал благодаря своей женитьбе на дочери прежнего (и к тому времени покойного) попа данной церкви. Эта возможность открылась в 1718 году благодаря соответствующему предписанию митрополита Рязанского и Муромского Стефана (Яворского). Поскольку претендентов из «школьников» (образованных безместных кандидатов) на руку дочери попа, а заодно и на уплату семейных долгов не нашлось, место отдали единственному желающему – певчему из дома Крутицкого архиерея Фёдору Абросимову. Синод, возглавляемый в это время Стефаном (Яворским), оставил неучёного священника на месте[1162]. Помимо авторитета первого президента Синода, лично решившего это дело, свою роль сыграл и материальный аспект. Новый поп Фёдор покрыл значительные долги покойного предшественника. Кроме того, было уплачено вдове покойного за часть хозяйства. Так что прихожане не зря ходатайствовали за нового батюшку: он избавил их от необходимости разбираться с денежными делами покойника[1163].

Случаи, подобные приведённому, не были редкостью. Пенсий в XVIII веке членам семьи церковников не полагалось, поэтому правительству приходилось пока мириться с не вполне законным способом «социального обеспечения». В 1768 году Екатерина II нашла компромиссное решение, дозволив «закрепить» не дворы, а сами места в церковном причте за незамужними родственницами священников. В случае смерти священника при наличии у него незамужних дочерей или племянниц они могли выйти замуж за того, кто займет освободившееся место и обяжется содержать членов семьи предшественника[1164]. Та же норма была повторена при Александре I в 1823 году. Практику применения этих законов хорошо описал Н.Г. Помяловский. В своих «Очерках

[1161] 1-е ПСЗРИ. Т. V. 3175.
[1162] ПСПиР. Т. I (1721 г.). № 54 (35). С. 82.
[1163] По Именному указу от 28 февраля 1718 г. на прихожанах в лице церковного старосты лежала ответственность за хозяйство (по терминологии Указа – «дом») храмового священника (1-е ПСЗРИ. Т. V. № 3175).
[1164] 1-е ПСЗРИ. Т. XVIII. № 13067 п.5.

бурсы» автор показал, что для бурсака-семинариста, засидевшегося из-за неуспеваемости за партой, часто единственным исходом из постылой школы была женитьба на «казённой, закреплённой девице» духовного звания[1165]. За сорок лет применения правил 1823 года обнаружились их невыгодные стороны. Во-первых, материальный и родственный аспекты оказывались важнее достоинств кандидата, с чем боролся ещё Пётр I. Во-вторых, закреплённые таким образом места часто подолгу оставались вакантными из-за несовершеннолетия будущих невест. В-третьих, у православного духовенства складывалось вредное с точки зрения Синода убеждение о наследственности церковных мест и т.д. В мае 1866 года Александр II утвердил мнение Государственного Совета о производстве пенсий священнослужителям и членам их семей[1166], поэтому в 1867 году было решено отменить право дочерей церковного ведомства на закрепление за ними мест[1167]. Таким образом, вплоть до середины XIX столетия женитьба на дочерей священнослужителей зачастую шла «в нагрузку» к вакантному месту в причте. Признавая этот обычай до 1867 года, государство тем самым в некоторой степени самоустранялось от разработки иных способов социального обеспечения членов семьи церковников.

Опекунские учреждения, подобные тем, которые имелись для дворян и горожан, для духовенства не существовали вплоть до XIX века. Отсутствие у этого сословия недвижимого имущества, да и по большей части вообще имущества значительной стоимости определило отсутствие объективных предпосылок для появления норм об опеке в этой социальной группе. Совершенно логично, что должна была возникнуть другая потребность – призрения бедных семейств духовного звания. Традиционно этот вопрос решался при замещении вакантных мест в причтах. Об этом, в частности, можно судить по материалам доклада Синода 1799 года. Констатируя отсутствие на тот момент каких бы то ни было законов по данному вопросу, Синод указал на «пастырское попечение» епархиального начальства о вдовах и сиротах, выражавшееся, в частности, в том, что малолетние сыновья отдаются в духовные училища на казённое содержание, а дочери по достижения брачного возраста выдаются замуж «за церковников, коим преимущественно перед другими даются места, доставляющие содержания им, *а также и прочему семейству умершего* (курсив мой – *П.П.*)»[1168]. Выделенные слова ещё раз подтверждают факт, что порядок замещения вакантных мест в причтах часто использовался епархи-

[1165] *Помяловский Н.Г.* Мещанское счастье. Молотов. Очерки бурсы. М. 1989. С. 315.
[1166] 2-е ПСЗРИ. Т. XLI. Отд. I. № 43288.
[1167] 2-е ПСЗРИ. Т. XLII. Отд. I. № 44610.
[1168] 1-е ПСЗРИ. Т. XXV. № 18921.

альными архиереями в целях материального обеспечения не только дочерей покойных церковников, но и членов их семейств. Вдовам духовных лиц находилось место либо при храмах на должности просвирен, либо их помещали в богадельни. Указанные практические меры также содержались в высочайше утвержденном докладе Синода Александру I в 1823 году[1169].

Итак, устройство сирот духовного звания регулировалось обычаем, а затем законодательством не в рамках опеки, а ведомственного призрения. Однако в ст. 180 Свода законов гражданских (в изд. 1832 года) говорится уже именно об *опеке* детей священно- и церковнослужителей. Но значит ли это, что за десять лет (с 1823 года) в духовном сословии сложились институты наподобие тех, которые ещё с XVIII века существовали для дворян и горожан? Практика показала, что нет. За указанный промежуток времени никаких радикальных перемен с этим сословием не произошло, и в опекунских учреждениях по-прежнему существовала объективная необходимость. Единственный указ, который был положен в основу ст. 180 Свода законов гражданских, состоялся в 1817 году, но и он не ввёл каких-либо опекунских учреждений. Этот указ был посвящён лишь разграничению подведомственности в вопросе об устройстве сирот священно- и церковнослужителей. Если покойный церковник происходил из дворян, то закон требовал назначения опеки для сирот на основании законов о дворянстве[1170]. Понятно, что опека здесь назначалась в целях сохранности имущества, т.к. малолетние сыновья покойного в силу сословного законодательства всё равно не смогли бы избежать устройства в духовную семинарию и заботы об их воспитании перекладывались на ведомственное учебное заведение. Дочери духовных лиц никогда не были связаны сословными ограничениями, и как раз именно в таком случае опекуны могли бы взять на себя заботу не только об имуществе её покойного отца, но и о её личности.

Представляется, что помещение в Свод законов гражданских статей об опеке в духовном ведомстве является лишь попыткой составителей Свода прикрыть сословный характер соответствующих учреждений. Ни для одного сословия, кроме дворян и горожан, опекунские учреждения в то время не были разработаны и отсутствовали как таковые. Это подтверждали и юристы XIX века. Так, К.П.Победоносцев говорил об отсутствии правил об опеке в духовном ведомстве вплоть до 1867 года[1171]. Формально граж-

[1169] 1-е ПСЗРИ. Т. XXXVIII. № 29583 п. 6.
[1170] 1-е ПСЗРИ. Т. XXXIV. № 26704.
[1171] *Победоносцев К.П.* Указ.соч. С. 202.

данско-правовые нормы Свода касались всех сословий без изъятия, и помещение в него лишь тех институтов, которые к моменту его составления были неплохо законодательно разработаны и действовали, создавало бы очевидный пробел. Таким образом, ведомственное социальное обеспечение у духовенства стало считаться в Своде законов гражданских опекунским учреждением. То есть под одним названием в законодательстве стали существовать учреждения, имеющие различное происхождение и цели.

Если, например, одной из главнейших задач дворянской опеки было обеспечение сохранности имущества подопечных, то в духовном ведомстве единственной задачей епархиального начальства было найти лицо, способное предоставить имущественное содержание бедным родственникам покойных церковников. В противном случае при наличии прошения бедные родственники могли получать небольшое пособие от Попечительств о бедных духовного звания – органов, учреждавшихся в 1823 году в каждой епархии[1172]. Если в среде состоятельных лиц «родственное начало» не играло решающей роли при назначении опеки, то в среде духовной епархиальное начальство должно было употребить все усилия, чтобы переложить содержание сирот и вдов церковников на их родственников, имеющих достаток[1173]. Для дворян, как было показано, опека имела персональный характер, т.е. в опекуны назначались конкретные лица, отвечавшие перед соответствующими органами о ведении опекунских дел. Попечительство о бедных духовного звания отвечало лишь за сбор указанных в законе доходов на содержание нуждающихся, выявление этих нуждающихся и выплату им пособия[1174]. Так что стоит согласиться с мнением К.П.Победоносцева: хотя для церковников, как для дворян и горожан, и существовали с 1823 года действующие в пользу отдельных лиц коллегиальные органы (Попечительства), но принципы и цели их деятельности не позволяли считать их органами опеки.

Устав духовных консисторий 1841 года впервые урегулировал не только деятельность органов епархиального управления в сфере призрения, но и допустил назначение к сиротам духовного звания индивидуальных опекунов и попечителей[1175]. Правда, этот документ был достаточно лаконичен в отношении их прав и обязанностей. В Уставе зафиксирована проверка действий и необходимость отчётности опекунов и попечителей, но не указано, что именно они могут осуществлять в рамках своих полномочий. Един-

[1172] 1-е ПСЗРИ. Т. XXXVIII. № 29583 п. 48.
[1173] Там же, п. 47.
[1174] Там же, п. 24.
[1175] 2-е ПСЗРИ. Т. XVI. Отд. I. № 14409 п. 84.

ственной (и, по-видимому, главной) конкретной задачей назначенных ответственных лиц в законе определяется устройство сирот на воспитание в семьи, благотворительные учреждения или в монастыри. Закон также умалчивает о прекращении опеки и попечительства с достижением подопечного определённого возраста или по другим обстоятельствам. Судя по глухой отсылке к «постановлениям об опеке» опекуны и попечители должны были в своей деятельности руководствоваться общегражданским законодательством.

26 июня 1867 года состоялось высочайшее утверждение мнение Государственного Совета, о котором говорил К.П. Победоносцев (см. выше), и где впервые было сказано о возможности распоряжаться имуществом подопечных духовного звания. При этом определялись органы, дающие согласие на продажу имущества подопечных, в отдельных случаях таким органом выступал Синод[1176]. Кроме того, опекуны в своей деятельности теперь были поднадзорны не Духовным консисториям, как по Уставу 1841 года, а благочинным. Впоследствии эти нововведения вошли в новую редакцию (1883 года) Устава благочиния [1177], и в таком виде нормы об опеке сирот духовного звания просуществовали до Октябрьской революции. Устав об опеках, который, как известно, разрабатывался с середины XIX века, так и не был принят, однако авторы проектов намерены были учесть изменения в статусе детей духовенства, произошедшие в 1869 году. Поскольку, как уже было указано, дети священно и церковнослужителей теперь при рождении сразу зачислялись в личное дворянство или почетное гражданство, утрачивалась необходимость в регулировании для них узкосословной специфики церковных опекунских учреждений[1178].

***

Таким образом, брачно-семейные отношения в среде православного духовенства интересовали русское правительство весьма выборочно. Рассматривая священно- и церковнослужение в какой-то степени, как разновидность государственной службы, государство возложило на белое духовенство обязанность готовить своих детей к поступлению в семинарии и по достижении определённого возраста отдавать их туда на обучение. В этом отчётливо прослеживается сходство обязанностями родителей дворянского звания, которые также были обязаны обеспечивать получение своими детьми надлежа-

[1176] 2-е ПСЗРИ. Т. XLII. Отд. I. № 44758.
[1177] 3-е ПСЗРИ. Т. III. № 1495 п. 80.
[1178] Проект Устава об опеках, выработанный комиссией, состоящей при министерстве внутренних дел под председательством сенатора Любощинского. СПб., 1875. С. 25 – 26.

щего образования. Однако дворяне уже со второй половины XVIII века сумели сбросить с себя служебное ярмо, поэтому и их обязанность по подготовке детей к государственной службе утратила былую актуальность. Напротив, дети духовенства вплоть до середины XIX века будут автоматически следовать судьбе своих отцов на церковном поприще, поэтому и соответствующая обязанность родителей-церковников по сдаче сыновей в семинарии сохранится до этого же времени. Более того, с начала XIX века образованные церковники гораздо шире, чем раньше, используются на низших должностях в гражданской службе, поскольку чиновников из дворян явно не хватало. Поэтому можно считать, что родители-церковники, давая детям домашнее образование и отдавая их в духовные училища, выполняли ту функцию, которая для дворян-родителей с отменой обязательной дворянской службы в XVIII веке из разряда юридических обязанностей перешла в разряд моральных норм.

«Прикрепляя» духовенство с потомством к священно- и церковнослужению, правительство с петровских времён заботилось о ликвидации избытка церковников в России. Одним из инструментов контроля численности духовенства являлась запись внебрачных детей церковников в подушный оклад. Как и у дворян, незаконнорождённые дети духовенства не приобретали статуса своих родителей, но за этой схожестью стоят разные причины. В дворянском сословии происхождение испокон веку влияло на социальный статус, карьеру и права на родовую недвижимость, поэтому не признавая за «бастардами» прав законнорожденных детей, русское правительство способствовало консолидации дворянского сословия. В отношении духовенства правительство действовало аналогичным образом, но по чисто фискальным соображениям, пытаясь ликвидировать «излишек» церковников на душу населения в стране.

Вместе с постепенным огосударствлением церкви, правительство возлагало на неё саму решение вопросов социального обеспечения семей церковников. Поистине бедственное материальное положение значительной части белого духовенства заставило власть в XVIII веке признать существовавший обычай «закрепления» церковных мест за вдовами и дочерями церковников. Как когда-то вдовам и дочерям служилых людей вместо пенсий определялась часть поместий покойных «на прожиток», так в XVIII – XIX веках для вдов и дочерей церковников таким своеобразным «прожитком» служило место в храмовом причте.

Лишь с XIX века постепенно начинают вырабатываться правила об опекунских учреждениях для вдов и сирот духовного звания. При этом перед опекунскими учреждениями ставится, прежде всего, задача призрения малоимущих вдов и сирот. В этом видится радикальное отличие органов опеки у духовенства от аналогичных органов у дворянства. Если назначение опекуна для дворян, прежде всего, имело целью сохранить в целости его родовые имения, то у церковников – обеспечить хоть минимальный достаток семьям малоимущих священно- и церковнослужителей.

§ 3. Регулирование брачно-семейных отношений различных слоёв податного населения

Взгляды русского правительства на брачно-семейные отношения податного населения были связаны, если так можно выразиться, с его (населения) «принадлежностью». В отношении холопов и крестьян, отданных в юрисдикцию отдельных феодалов, государство в основном предпочитало не вмешиваться в управленческую деятельность их господ. И лишь в тех случаях, когда отдельные вопросы брака и семьи частновладельческого населения косвенно затрагивали государственные интересы, правительство осуществляло «точечное» регулирование. Что касается чернотяглого крестьянства и посадского населения, то и в данном случае установленные брачно-семейные нормы являлись «периферией» решения более общей задачи – обеспечения выполнения государственными крестьянами и горожанами сословных обязанностей. Несколько специфический интерес власть проявляла к семейным отношениям в купеческой среде. Купцы своим родом занятий отличались от обычного посадского люда, и специфика их положения не могла не сказаться на правовом регулировании некоторых вопросах их семейного быта.

А. Частновладельческие крестьяне

Исторически судьбы крестьян теснейшим образом переплетались с судьбами землевладельцев. Военная служба феодалов предполагала формирование собственных дружин, которые они экипировали и содержали за свой счет. Иррегулярная армия, отсутствие государственных ассигнований на вооруженные силы, да и, пожалуй, невозмож-

ность в силу специфики денежной системы государственного содержания войск на периферии, – все эти факторы определили потребность закрепить за служилым населением гарантированные источники дохода. В таких доходах нуждались все феодалы независимо от их происхождения и характера служебных обязанностей. В подобных условиях, проводя политику централизации в XIV – XVI веках, русское правительство неизбежно должно было пойти на прикрепление крестьянства к земле. Судебник 1497 года, введя ограничения по переходу крестьян от одного землевладельца к другому, положил начало закрепощению сельского населения. Итогом этого процесса станет принятие в 1649 году Соборного Уложения, упразднившего урочные лета (сроки сыска беглых крестьян), т.е. саму возможность выйти из крепостного состояния, не только законным путем, но даже с помощью побега и длительного отсутствия по месту «приписки».

Нормативные акты, принятые до Соборного Уложения по вопросу о беглых крестьян, неизменно говорят об их возврате «с жёнами и с детьми». К числу таких указов относятся, например, указ царя Фёдора Иоанновича с боярским приговором от 1597 года[1179], Соборное уложение царя Василия Шуйского 1607 года о запрещении перехода крестьян и о 15-летнем сроке сыска беглых[1180]. На тех же позициях стоит и само Соборное Уложение 1649 года: целый ряд статей гл. XI («Суд о крестьянех») говорит о возврате беглых крестьян вместе с их семействами (ст.ст. 1, 3, 9 – 10 и др.). Значительная часть статей той же главы посвящена женитьбе крестьян, находящихся в бегах, и возврату их вместе с новым семейством. Законодатель не случайно оперирует такой единицей, как семья, причем это касалось и вопросов составления писцовых книг, и возврата беглых. Особенно наглядно это видно в ст. 9 гл. XI Соборного уложения, когда сыску и возврату подлежали и сами крестьяне, и их братья, и жёны, и дети, и племянники, и внучата с детьми[1181]. В бега крестьяне подавались целыми семьями, состоящими из нескольких поколений и часто проживавшими в одном дворе без производства раздела.

Учёт и возврат всех членов семейства был важен для государственной власти с самых разных точек зрения. Во-первых, населённость поместья или вотчины непосредственно сказывалась на материальном обеспечении государственной службы, которой

[1179] Законодательные акты русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века. Л., 1986. Док. № 48. С. 66.
[1180] Там же. Док. № 55. С. 75.
[1181] Российское законодательство X – XX веков. Т. 3. С. 153.

был обязан каждый землевладелец[1182]. Во-вторых, состав крестьянского двора сказывался на платеже падающих на него повинностей, с чем большая семья справлялась гораздо лучше малой[1183]. А с введением в 1679 году подворной подати возврат из бегов всех членов крестьянской семьи должен был способствовать её консолидации как единицы налогообложения. В-третьих, семейный учёт крестьян (в переписных книгах фиксировался состав семей) облегчал решение вопроса о том, кому возвратить найденного в бегах крестьянина. Так, по указам 1663 – 1664 годов при отсутствии записи об отце, крестьянин возвращался на конкретные земли по записям о своём деде[1184]. Наконец, в-четвёртых, правительство, рассматривая государственную и церковную службы как наследственные, не имело причин иначе относиться к землепашеству, и прикрепляло к нему не только домохозяев, но и их жён, и всё их потомство. Считая крестьян «принадлежностью» земли, Уложение требовало, чтобы при переходе поместья из рук в руки все сведённые с неё крестьяне были возвращены назад (ст. 131 гл. XI)[1185].

Вместе с прикреплением к земле, Уложение заложило основы для господства феодала над личностью крестьянина и его семьёй, эта тенденция, по оценкам историков, отчётливо видна во второй половине XVII века[1186]. Так, ст. 13 гл. XI допускает возможность разлучения детей с отцом, который женился в бегах вторично[1187]. Установив договорную плату за выдачу замуж крестьянской девки на сторону, Уложение признало право землевладельца устраивать браки своих крепостных (ст. 19 гл. XI)[1188].

О том, что землевладельцы распоряжаются браками своих крестьян, позволяет видеть известный указ Петра I 1724 года о запрете принуждения крепостных к браку[1189]. Монарх прекрасно осознавал вред такой практики. В апреле 1721 года в своём ведении Сенату он сообщал: «Обычай был в России, который и ныне есть, что крестьян и деловых, и дворовых людей мелкое шляхетство продаёт врозь, как скотов, чего во всём свете не водится, а наипаче от семей, от отца или от матери дочь или сына помещик продаёт,

---

[1182] См., напр.: *Седашев В.* Очерки и материалы по истории землевладения в Московской Руси в XVII веке. М., 1912. С. 6.
[1183] *Лаппо-Данилевский А.* Организация прямого обложения в Московском государстве со времен смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890. С. 228.
[1184] 1-е ПСЗРИ. Т. I. №№ 333, 364.
[1185] Российское законодательство X – XX веков. Т. 3. С. 156.
[1186] См.: Развитие русского права второй половины XVII – XVIII вв. / С.И. Штамм, И.А.Исаев, Н.Н. Ефремова и др. М.: Наука, 1992. С. 85; *Шевченко М.М.* История крепостного права в России. Воронеж. 1981. С. 132 – 133.
[1187] Российское законодательство X – XX веков. Т. 3. С. 153.
[1188] Российское законодательство X – XX веков. Т. 3. С. 154.
[1189] 1-е ПСЗРИ. Т. VII. № 4406.

отчего немалый вопль бывает»[1190]. Однако запрет великого реформатора явно остался неисполненным, ибо его пришлось повторять[1191], впрочем, также безуспешно. Так, в 1728 году в Синоде рассматривалось дело крещёной шведки, взятой в плен во время Северной войны и отданной помещику Михаилу Астафьеву, который сначала насильно крестил её в православие, а затем также насильно выдал замуж за крещёного турка[1192]. В 1817 году рядовой Охотского пехотного полка Сергей Фомин подал жалобу о насильственной вторичной выдаче замуж его супруги за крестьянина Михайлова. Правда, с обвинённого солдатом помещика Николая Чаплина даже не успели взять показания: жалобщик был убит тем самым Михайловым, за которого Чаплин якобы незаконно и насильно выдал солдатку Фомину. Калужская консистория не подтвердила наличие оспариваемого брака, а на солдатку, настаивающую на факте насильственного венчания, наложили епитимию за беззаконное сожительство с Михайловым[1193]. Невзирая на категорическое запрещение 1775 года женить малолетних крестьян, эта практика сохранилась и в XIX веке[1194].

Духовенству оказывалось настолько сложно ограничить произвол землевладельцев в решении семейных вопросов их крепостных, что Синод в наказе депутатам Уложенной комиссии 1767 года осмеливался лишь предлагать (как будто на этот счёт уже не было указа 1724 года!) воспретить венчать лишь по одному произволу помещиков и дать возможность вступающим в брак «свободно, явно и добровольно объявить своё желание»[1195].

Запрещая принуждение крепостных к браку в одних указах, правительство косвенно признавало это право в других. Так, в указе Сената 1723 года содержалось постановление о том, чтобы расквартированные военнослужащие не смели жениться на крестьянских вдовах и девках «без ведома помещика и без отпускных писем»[1196]. Внесённое в этот указ небольшое изменение от 1724 года только подтвердило правило: помещик не мог удерживать свою крестьянскую девку или вдову от вступления в брак с расквартированным военным лишь при условии, что он заплатит хозяину «вывод» (плату),

---

[1190] *Латкин В.Н.* Учебник истории русского права периода империи (XVIII и XIX вв.). СПб., 1909. С. 212.
[1191] 1-е ПСЗРИ. Т. XX. № 14356.
[1192] ОДДС. Т. IX (1729 г.). Дело № 56. Стлб. 102.
[1193] РГИА. Ф.797. Оп. 2. Д. 8632. Л. 10об.
[1194] См., напр.: РГИА. Ф. 796. Оп. 86. Д. 861; Оп. 92. Д. 692; Оп. 93. Д. 88; Оп. 97. Д. 26; Оп. 114. Д. 522; Ф. 797. Оп. 1. Д. 1710.
[1195] *Латкин В.Н.* Указ.соч. С. 194.
[1196] 1-е ПСЗРИ. Т. VII. № 4294.

обычную в данной местности[1197]. Таким образом, законодатель допустил лишь один случай, когда помещик не мог повлиять на брак своих крестьян. Именной указ 1754 года прямо объявляет, что отсутствие отпускных и выводных писем от помещиков для браков их крестьянок является основанием считать их беглыми[1198]. Возможно, оформление указанных писем можно считать чистой формальностью, но такая формальность позволяла решить помещикам некоторые насущные задачи. Какие именно задачи решали землевладельцы, устраивая браки своих крестьян, отчётливо видно из Инструкции управителю церковных вотчин, разработанной в 1744 году. Управитель, не препятствуя браку крестьян с «посторонними» девками и вдовами, должен был следить, чтобы от таких браков не возникало «убытков и разорения», особенно когда у «посторонней» вдовы были дети от первого мужа, и возможно было ожидать исков об их возврате от её прежнего владельца. Вдов, выходящих замуж в чужие земли, было необходимо разлучать со взрослыми детьми, которые должны остаться в церковной вотчине. Если же дети были столь малы, что за ними требовался материнский уход, со вдовы брали подписку о возврате таких детей впоследствии обратно в церковную вотчину. Отпуская вдову или девку замуж на сторону, управитель должен был проконтролировать уплату за них «выводных денег»[1199]. Наконец, ст. 8 Свода законов гражданских (изд. 1832 года) прямо запретила крепостным и дворовым людям вступать в брак без дозволения их владельцев.

Граф Я.Е. Сиверс, деятель эпохи Екатерины II отмечал, что помещики в России обыкновенно принуждают к браку молодых людей, чтобы иметь лишнюю пару, на которую можно наложить работу или оброк[1200]. Оригинальную пользу извлёк из брака своей дворовой девки поручик Давыдов. Он выдал её замуж в 1753 году за некоего незаконнорождённого Максима на следующих условиях: «…и жить мне, Максиму, за неё, Авдотью, у него, Давыдова, и в доме с нею, Авдотьей, 20 лет и работать всякую работу». Будущих детей от этой пары Давыдов и Максим договорились поделить пополам[1201]. Хозяйственный интерес также руководил помещиками, принуждавшими к браку своих малолетних крестьян «из-за одиночества для домостроительства», о чем рассуждал Синод в 1745 году в целях предупредить в дальнейшем подобные нарушения[1202]. Решая хозяйственные вопросы, помещики часто игнорировали крестьянские интересы. Так, из

[1197] 1-е ПСЗРИ. Т. VII. №№ 4533, 4535.
[1198] 1-е ПСЗРИ. Т. XIV. № 10233 п. 20.
[1199] ПСПиР. Т. II (1744 – 1745 гг.). № 768 п.10. С. 258.
[1200] *Латкин В.Н.* Указ.соч. С. 221 – 222.
[1201] *Потанин Г.Н.* Материалы для истории Сибири // ЧОИДР. 1867. Кн. 1.С. 162 – 163.
[1202] ПСПиР. Т. II (1744 – 1745 гг.). № 818. С. 314.

одного документа 1841 года узнаём о нравах помещиков Рязанской губернии (со слов местных крестьян): «Барин спрашивает попа, станет ли венчать? Если поп согласен, то отца с матерью не спрашивает»[1203].

Не все помещики прибегали к прямому принуждению к вступлению в брак. Так, в 1796 году Н. Шереметев издал распоряжение по Серебрянопрудской вотчине, согласно которому холостые или вдовые мужики «совершенных лет» (до 50 лет) должны дополнительно к тяглу уплачивать по 3 руб. в год, а незамужние женщины с 17 до 45 лет посылались на дополнительные сельскохозяйственные работы. Количество незамужних и холостых крестьян было у Шереметева продолжало оставаться достаточно большим, и в 1800 году он распорядился запретить неженатым отхожие промыслы. В 1802 году вышла новая инструкция: отцов-крестьян, которые по корыстным соображениям удерживают в своих хозяйствах незамужних дочерей, посылать без очереди в рекруты, а негодных к службе – в вечную каторгу[1204].

Князь А.М. Голицын в 70-е годы XVIII века возобновил старый обычай в своих вотчинах и ввел трехрублёвый штраф с незамужних женщин с 18 до 35 лет. Заметив, что это не помогает, князь объявил, что устроит разбор холостых и незамужних «по сходству лет» и назначит, кому с кем жить, по жребию. Испугавшиеся крестьяне в один рождественский мясоед выдали замуж около 400 девушек. Князь Куракин в правление Екатерины II велел всех холостых парней, кому исполнилось 20 лет, сдавать в рекруты, а на незамужних женщин старше 18 лет взыскивать 2 – 3 рублевый штраф[1205].

Исходя из экономических интересов, как они их понимали, помещики не только самовластно принуждали вступать в брак своих крестьян, но и, по сути дел, а самовластно расторгали брачные узы. Так, в 1727 году драгун Самарин продал своего женатого крестьянина Сычёва без жены, причём перед сделкой «бил смертным боем», вынуждая сказаться холостым[1206]. Современный исследователь М.К. Цатурова отмечает практику продажи помещиками своих замужних крестьянок во время вынужденного отсутствия их мужей[1207]. Такая практика была, разумеется, незаконной. При этом нарушались не только канонические нормы, но и положения светского законодательства. Однако любопытно, что впервые чёткий запрет крепостникам разлучать крестьянские пары

[1203] *Заблоцкий-Десятовский А.П.* Граф П.Д. Киселёв и его время. Материалы для истории императоров Александра I, Николая I и Александра II. Т. 4. СПб., 1882. С. 305.
[1204] *Шепетов К.Н.* Крепостное право в вотчинах Шереметевых. М., 1947. С. 116 – 117.
[1205] *Семевский В.И.* Указ. соч. С. 312. Другие примеры см. там же.
[1206] ОДДС. Т. VIII (1728 г.). Дело № 711. Стлб. 673.
[1207] *Цатурова М.К.* Три века русского развода (XVI – XVIII века). М., 2011.С. 167.

прозвучал лишь в Своде законов гражданских (ст. 816 т. X Свода законов Российской империи изд. 1832 года). При этом источниковой базой данной статьи послужили законы, совершенно не касавшиеся произвола помещиков, а посвящённые разделу наследственного имущества (решения Сената по делам Воейковой и Горихвостова).

Немало было и браков насильственных, прикрывавших блуд помещиков. Так, по делу, рассматривавшемуся в Синоде в 1721 году, выяснилось, что поручик Нарвского гарнизонного полка Агей Трофимов принуждал к сожительству свою дворовую девку Авдотью, обесчестив которую, хотя и выдал замуж за своего дворового человека Милкина, но домогательств не прекратил[1208]. В 1750 году в Московской духовной консистории рассматривалось прошение полячки Авдотьи Осецкой, которую капитан Владимирского драгунского полка Семён Панцырев вывез из Кракова. Капитан выдал замуж забеременевшую от него Осецкую за своего дворового человека Василия, но «до законного с оным мужем сожития не допускал» и ещё 4 года продолжал «усиловать её блудным делом»[1209]. Впрочем, не все помещики пытались прикрыть грех венцом. В ноябре 1748 года Синод рассматривал дело лейб-гвардии вице-сержанта Петра Языкова, который не только откровенно сожительствовал с несколькими дворовыми девками, но и заставлял свою жену сожительствовать с их дворовым же человеком[1210]. Приведённые примеры хорошо показывают последствия отдачи правительством браков крепостных «на откуп» помещикам: вместо того, чтобы женитьбой крестьян способствовать решению вопросов укреплениях их и своего хозяйства, землевладельцы превратили этот правовой инструмент в средство удовлетворения личных страстей.

Помещики не только понуждали или принуждали крестьян к вступлению в брак, но и, напротив, по своему произволу могли запрещать им обзаведение семейством или ограничивать их в этом. Например, не все землевладельцы готовы были отпустить крестьянок даже за выводную плату. В.Н.Татищев, например, советовал «вдов и девок на вывод не давать под жестоким наказанием, понеже от того крестьяне в нищету приходят, все свои пожитки выдают в приданое, и тем богатятся чужие деревни»[1211]. Того же принципа держался князь М.М.Голицын, установивший в своём пермском имении следующее правило: если крестьянская дочь – единственная наследница в семье, то «ни под

[1208] ОДДС. Т. I (1542 – 1721 гг.). Дело № 152. Стлб. 138.
[1209] *Розанов Н.П.* История московского епархиального управления. Ч. II. Кн. I. М., 1896. Примечания. С. 124.
[1210] ОДДС. Т. XXVIII (1748 г.). Дело № 260. Стлб. 537.
[1211] *Попов Н.А.* Татищев и его время. Эпизод из истории государственной, общественной и частной жизни в России, первой половины прошедшего столетия. М., 1861. С. 230.

каким видом не отпускать на сторону»[1212]. Автор одной из диссертаций по крестьянскому вопросу начала XIX века, А.С.Кайсаров, отмечал, что крепостное право препятствует увеличению народонаселения, т.к., по его наблюдению, помещики не всегда давали согласие на брак своих крепостных[1213]. Другой дореволюционный исследователь, И.И.Игнатович, также указывал на частые запрещения помещиков дворовым девкам выходить замуж[1214].

Судьба крестьянских семей зависела порой от семейного положения их владельца. Так, существовала известная ещё с XVII века практика, когда замужняя дворянка выдавала замуж своих старинных или купленных девок за людей своего мужа и наоборот. Уже в эпоху Соборного Уложения 1649 года законодатель столкнулся с проблемой, когда наследники бездетной замужней дворянки обнаруживали подобную «недостачу» и заявляли претензии о возврате людей, сведённых таким образом в хозяйство мужа покойной (ст. 62 гл. XX)[1215]. Соборное Уложение запретило разлучать образованные таким образом семейные пары, но проблема её принадлежности сохранялась. В 1737 году Вотчинная коллегия, рассматривая дело вдовы Акулины Воейковой, выделила ей в качестве указной части её же собственных крепостных женщин, выданных когда-то за крепостных её на тот момент покойного мужа. Сенат, пересматривая это решение в 1744 году, со ссылкой на ту же ст. 62 гл. XX Соборного Уложения, а также имея в виду смысл ст.ст. 31 и 60 той же главы, признал мнение Вотчинной коллегии неправильным и постановил вернуть Воейковой не в зачёт указной части всех её бывших крепостных вместе с мужьями и потомством[1216]. Аналогичное решение было принято Сенатом в 1760 году по делу Небольсина и Шеншина. Подоплёка таких решений, выгодных для замужних женщин и их наследников состояла в том, что таким образом имущество дворянок защищалось от покушений со стороны их мужей. Уже было показано разнообразие способов, с помощью которых замужняя дворянка могла потерять приданое имущество с помощью недобросовестного мужа. Принимая во внимание, что при вступлении в брак приданое невест (земли и крепостные люди) часто по традиции, но уже без всякой надобности и в нарушение закона расписывалось за мужьями, именно они выступали его распорядителями в ущерб интересам собственников.

[1212] *Семевский В.И.* Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. Том 1. СПб., 1903. С. 317.
[1213] См.: *Семевский В.И.* Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века. Том 1. СПб., 1888. С. 290.
[1214] *Игнатович И.И.* Помещичьи крестьяне накануне освобождения. М., 1910. С. 213.
[1215] Российское законодательство X – XX веков. Т. 3. С. 218.
[1216] 1-е ПСЗРИ. Т. XII. № 9095.

Указанные обстоятельства и прецеденты были заново изучены в ноябре 1799 году Сенатом, куда поступило дело надворного советника Горихвостова. Сенат установил, что в 1762 году принципиальное решение вопроса «относительно отдачи приданых женок и девок, выданных за мужних людей с их мужьями и детьми» было отложено до принятия нового Уложения без предложения какого-либо паллиатива. И вот уже в правление Павла I Сенат предложил следующее решение: крестьянские семьи с таким «смешанным составом» оставались за тем из дворян-супругов (или их наследниками), кому был крепок муж-крестьянин. 30 ноября 1799 года предложение Сената было утверждено императором Павлом[1217].

Помещики могли быть заинтересованы не только в создании крестьянских семей, но и в регулировании их состава. Так, в 1697 году между тремя братьями Аристовыми был произведён раздел крестьянской семьи Дмитрия Иванова, причём сам Дмитрий с женой и детьми достался Ивану Аристову, а двоих семейных сыновей Иванова получили, соответственно, Никифор и Фёдор Аристовы[1218]. В 1690 году князь Леонтий Болховской, совершив обмен крепостными женщинами со своим отцом и братом, выдал полученных по сделке крестьянок замуж за своих холостых мужиков[1219].

Возможно, такое свободное распоряжение крестьянскими семьями и их отдельными членами имело своей подоплёкой санкционированный законодателем разрыв связи «принадлежности» и «главной вещи». Уже Соборное Уложение косвенно допустило продажу крестьян без земли, о чем говорит ст. 8 гл. XI[1220]. Правда, в течение второй половины XVII века такие сделки происходили с крестьянами, проживавшими на вотчинных землях, ибо поместья продолжали оставаться государственным фондом[1221]. Однако окончательное упразднение правовых различий поместий и вотчин при Анне Иоанновне распространило «вольности» дворян на всех частновладельческих крестьян.

Помещики ограничивали в ряде случаев имущественные разделы в семьях своих крепостных, считая (во многом справедливо), что в экономическом отношении жить

[1217] Указы государя императора Павла Первого, самодержца всероссийского: [С 17 января по 30 декабря 1799 г.] – Москва: В Сенатской типографии, 1799 г. / изд. конволют, состоящий из указов и др. правительств. изд. / URL: http:/dlib.rsl.ru/01003336647.

[1218] Акты, относящиеся до юридического быта Древней России. Изданы археографической комиссией под редакцией члена комиссии Николая Калачова. Том 2. СПб., 1864. Док. № 244, I. Стлб. 741 – 742.

[1219] Там же. Док. № 243. Стлб. 740 – 741.

[1220] Российское законодательство X – XX веков. Т. 3. С. 152 – 153.

[1221] *Петрикеев Д.И.* Крупное крепостное хозяйство XVII в. По материалам вотчины боярина Б.И.Морозова. Л.: Наука. 1967. С. 156 – 157; *Шевченко М.М.* Указ.соч. С. 133.

большой семьёй выгоднее и легче[1222]. Одна из важных причин управления дворянами составами семей своих крепостных – непосредственное влияние размера крестьянских семейств на очередность в исполнении рекрутской повинности. Рекрутский устав 1831 года поставил эту очередность в зависимость от количества душ мужского пола, когда раньше других призывали членов семейств, где было более двенадцати душ, затем – из семей, где было одиннадцать, затем – где было десять и так далее до двух мужских душ на одну семью[1223]. По воспоминаниям одного помещичьего крестьянина, его прадед специально разделил своих сыновей, чтобы отдалить очерёдность призыва мужчин из прежде единого хозяйства[1224].

Поскольку такие разделы могли повлиять на исполнение крестьянских повинностей, то закономерно, что они происходили, как отмечают историки крепостного права, с санкции помещиков[1225]. Землевладельцы, как этого требовал закон, несли косвенную ответственность за исправный платеж податей, поскольку при наличии недоимки помещичье селение бралось в опеку (ст. 639 – 640 Свода законов о состоянии людей в государства изд. 1833 года). Помещики также обязаны были наблюдать за точным исполнением крестьянами рекрутской повинности (ст. 644 Свода законов о состоянии). Такая ответственность требовала от землевладельца строгого учёта крестьянских душ, и в этом смысле приобретала актуальность проблема фиксации крестьян, в том числе, и незаконнорождённых.

Намерение правительства заселить окраины стало причиной предоставления помещикам права переселять крестьян в Сибирь вместе с семьями. Так, правительство в 1760 году предлагало помещикам отправлять в Сибирь на жительство крестьян не старше 45 лет, учинивших «воровство, пьянство и прочие непристойные продерзостные поступки, многий вред, разорения, убытки и беспокойства». Физическими кондициями таких поселенцев (ростом, весом, здоровьем) власти не очень интересовались, даже допускались увечные, если они могли быть использованы на работах. Женатых крестьян предлагалось посылать с жёнами, а семейных – с детьми, за которых помещикам выплачивалась определённая сумма в зависимости от их возраста и пола. На таких же условиях по решению органов самоуправления в Сибирь могли быть отправлены порочные

[1222] *Семевский В.И.* Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. Том 1. С. 319 – 321.
[1223] 2-е ПСЗРИ. Т. VI. Отд. I. № 4677 §§ 91 – 113.
[1224] *Николаев М.Е.* Мои воспоминания / Воспоминания русских крестьян XVIII – первой половины XIX века. Вступ. статья, сост. В.А.Кошелева; коммент. В.А.Кошелева, Б.В.Мельгунова и В.П.Бударагина. М., 2006. С. 658.
[1225] *Энгельман И.* История крепостного права в России. М., 1900. С. 181; *Дружинин Н.М.* Государственные крестьяне и реформа П.Д.Киселева. Том 1. М. – Л., 1946. С. 59.

крестьяне церковного ведомства, государственные, а также купечество[1226]. Впрочем, это переселение было организовано довольно плохо, множество малолетних детей погибало, например, от недостатка теплой одежды[1227].

Ещё в конце XVIII столетия Павел I разрешал помещикам ради освоения Сибири переселять туда своих крестьян «без разлучения с жёнами»[1228], однако Александр I в 1802 году приостановил «впредь до усмотрения» эту практику. Возвращаясь в 1811 году к этому вопросу вновь, император Александр уточнил, что ссылка в Сибирь отныне будет практиковаться не по желанию помещика, а «по закону и по приговору суда», причём виновные будут ссылаться *без семейства*[1229]. Отправка же к ссыльным жён и детей оставлялась на волю помещика, причём за каждую отправленную таким образом мужскую ревизскую душу помещик был обязан уплачивать подати, как за наличного крестьянина[1230]. В 1822 году ссылка помещичьих крестьян в Сибирь была возобновлена[1231], однако в 1826 году у Рязанского гражданского губернатора возник вопрос, дозволено ли в данном случае сосланным брать с собой жён, ибо сейчас речь шла уже не о колонизации, а об отбывании наказания. Губернатор в обоснование своих сомнений сослался на сенатский указ от 17 января 1818 года, где подчёркивалось сохранение «тесной и естественной связи» между мужем и женой, невзирая даже на политическую смерть осуждённого к ссылке[1232]. Комитет министров, рассматривавший это дело, предложил разрешить жене следовать за мужем при наличии у неё на это желания. Николай I не только согласился с этим мнением, но и велел в подобных случаях вплоть до отправления жён к мужьям ограждать их от притеснений помещиков[1233]. Пожалуй, это одно из немногих за несколько веков решений законодателя, когда хоть как-то были определены взаимоотношения помещиков и замужних крестьянок. Вспомним, что ещё Пётр I запретил помещикам препятствовать бракам своих крепостных женщин с солдатами и другими нижними чинами. Но там имелся ввиду государственный интерес, здесь – лишь интересы крестьянских жён. Однако уже 30 августа 1827 года законодательство откатилось на

[1226] 1-е ПСЗРИ. Т. XV. № 11166.
[1227] 1-е ПСЗРИ. Т. XIX. № 14210.
[1228] 1-е ПСЗРИ. Т. XXV. № 19157.
[1229] 1-е ПСЗРИ. Т. XXXI. № 24707.
[1230] 1-е ПСЗРИ. Т. XXXII. № 25238.
[1231] 1-е ПСЗРИ. Т. XXXVIII. №№ 28954, 29507.
[1232] 1-е ПСЗРИ. Т. XXXV. № 27231.
[1233] 2-е ПСЗРИ. Т. II. № 810.

прежние позиции: отправка жён и малолетних детей к сосланному по воле помещика в Сибирь крестьянину должна была происходить автоматически[1234].

Одним из немногих аспектов брачного вопроса в среде крепостных крестьян, на который правительство обращало внимание, был вопрос о статусе супругов вновь образованной крестьянской семьи в случае, когда до брака один из них не принадлежал к крепостному состоянию. Основой для решения этого вопроса многие века служил принцип «по робе холоп, по холопе роба» (ст. 66 Судебника 1497 года, ст. 76 Судебника 1550 года[1235]), а истоком этого принципа послужила ещё Русская Правда, которая постановила считать холопом супруга зависимой женщины, если браку не предшествовал «ряд», соглашение с её господином (ст. 110 Пространной редакции Троицкого списка)[1236]. Принимая во внимание, что подобные соглашения могли предусматривать уплату за вывод рабыни определённой суммы или даже отработку за неё личным трудом[1237], можно считать похлопление мужа рабыни санкцией за самовольство супругов.

В дальнейшем законодательство будет схожим образом регулировать подобную ситуацию. Анализ нормативных актов XVII – XVIII веков привёл К.А. Неволина к выводу о том, что сословное положение супругов, один из которых являлся беглым, определялось, как правило, именно по нему независимо от пола[1238]. Таким образом, лицо свободного состояния обращалось в зависимое, как и по Русской Правде, за вступление в брак без согласия господина беглеца. Однако государственные интересы требовали исключений из этого правила. Так, в соответствии с Соборным Уложением 1649 года служилые люди украинных городов в подобных случаях не обращались в холопы, а лишь уплачивали определённые законом суммы в зависимости от статуса женщин (ст. 27 гл. XX)[1239]. То же правило было постановлено в 1754 году о браках солдат и других служилых людей с беглыми крестьянками[1240].

Попытки закабаления (закрепощения) свободного населения с помощью браков продолжались и в XVII – XVIII веках. Из отдельных законов видно, что хозяева крепостных девок часто действовали в таких случаях недобросовестно и женили по при-

---

[1234] 2-е ПСЗРИ. Т. II. № 1339. Статистику о крестьянах, переселенных в Сибирь по воле помещика в первой половине XIX века см., напр.: *Анучин Е.Н.* Материалы для уголовной статистики России. Исследования о проценте сосланных в Сибирь. Тобольск. 1866. С. 27.
[1235] Российское законодательство X – XX веков. Т. 2. С. 62, 115.
[1236] Российское законодательство X – XX веков. Т. 1. С. 72.
[1237] См., напр.: *Греков Б.Д.* Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века. Книга первая. М., 1952. С. 154.
[1238] *Неволин К.А.* Указ.соч. С. 241.
[1239] Российское законодательство X – XX веков. Т. 3. С. 212.
[1240] 1-е ПСЗРИ. Т. XIV. № 10233 п. 21.

нуждению, «неволей»[1241]. Характерно, что речь в подобных случаях шла, в основном, не о великороссах: те давно уже были «расписаны» по различным сословиям и вольных людей можно было в это время сыскать лишь на окраинных землях империи. Это могли быть, например, православные малороссы[1242] или новокрещенцы из иноземцев (поляки, евреи)[1243]. Законодательство XVIII века отрицательно относилось к таким попыткам, всякий раз требуя, чтобы запись в крепостные происходила в таких случаях не в силу брака, а добровольно выраженного согласия. Что касается закрепощения вольных женщин вследствие брака с крепостными, то позиция государственных органов не была однозначной. Одни считали, что такой брак в силу ст. 85 гл. XX Соборного Уложения 1649 года порождает зависимое состояние жён, другие – признавали их свободный статус даже после брака с крепостными. Такое разномыслие доказывает, что никаких чётких постановлений на этот счёт в законодательстве со времен Судебника 1550 года не было, да и то речь тогда шла о холопах, а не о крестьянах. Впервые ясность в этот вопрос внёс указ Сената 1815 года. Документ разъяснил, что в случае смерти крепостного мужа свободной женщины считать её также крепостной нельзя[1244]. Наконец, в виде общего правила закрепощение через брак было прямо запрещено в Своде законов о состояниях людей в государстве (ст. 565 т. IX Свода законов Российской империи изд. 1833 года).

Отмеченный пробел в законодательстве о статусе супругов, один из которых принадлежал к свободному состоянию, а другой – к зависимому, не был случаен. Введя фигуру помещика как своеобразного посредника между собой и крестьянской массой, правительство не считало нужным проявлять интерес к такому частному вопросу, как правовое положение супругов в крестьянских семьях. Даже в вопросе о таких «смешанных» браках, когда проблему неоднократно ставила сама жизнь, законодатель нашел чёткий ответ лишь за тридцать лет до отмены крепостного права. Что же касается правового статуса крестьян-супругов, когда они оба являлись крепостными, закон был и вовсе немногословен. Так, со времен Русской Правды, которая за убийство в разбое требовала выдать преступника с женой на поток и разграбление (ст. 7 Пространной Редакции Троицкого списка)[1245], формулировка «с жёнами» стала в законодательстве единственной, определяющей все аспекты правового положения замужних крестьянок. «Вместе с жё-

[1241] 1-е ПСЗРИ. Т. XI. №№ 8450, 8555.
[1242] Там же.
[1243] 1-е ПСЗРИ. Т. XII. № 8974; Т. XXI. №№ 15198, 15282, 15853.
[1244] 1-е ПСЗРИ. Т. XXXIII. № 25947 п. 7.
[1245] Российское законодательство X – XX веков. Т. 1. С. 64.

нами» крестьян возвращали из бегов, «вместе с жёнами» их переселяли по воле помещиков на окраинные земли.

Законодательство подняло ещё один «статусный» вопрос в отношении данной группы населения – о правовом положении внебрачных детей крепостных крестьянок. Чёткое решение этой проблемы было дано лишь в конце XVIII века, хотя за это время уже было проведено четыре ревизии и вопрос о сословном положении внебрачных детей ставился неоднократно. Так, например, во время проведения второй ревизии (1743 – 1747 годов) было сформулировано общее правило о том, что незаконнорождённые зачисляются в подушный оклад за теми, кто возьмёт их на воспитание[1246]. Но статус внебрачных детей, прижитых именно помещичьими крестьянками, впервые был урегулирован лишь в указе Сената от 21 декабря 1783 года (в 1-е ПСЗРИ он не вошел), подтверждённом в 1815 году[1247]. Указы 1783 и 1815 годов дали повод некоторым дореволюционным исследователям прийти к выводу о том, что статус незаконнорождённых детей в России определялся по сословному положению их матерей. В частности, такой позиции придерживались К.А.Неволин[1248] и А.И.Загоровский[1249]. Эту позицию поддерживают и некоторые современные исследователи[1250].

В доказательство того, что принцип «материнского начала» имеет корни в истории российского права, указанные исследователи ссылаются и на другие указы, некоторые из которых были рассмотрены в разделе о низших воинских чинах. Методологическая ошибка указанных авторов, как представляется, состоит в том, что они предметом регулирования приводимых ими в доказательство своей позиции норм считают статус ребёнка как субъекта права. Однако все указы, прямо или косвенно затрагивающие вопрос о внебрачных детях (вне связи с дворянством), всего лишь решали одну из следующих задач: 1) как предотвратить детоубийство, прикрывающее женский позор, с помощью государственного мер призрения; 2) на кого возложить обязанность уплачивать подушную подать за внебрачных детей; 3) какое заинтересованное ведомство обеспе-

---

[1246] 1-е ПСЗРИ. Т. XII. № 9011.
[1247] 1-е ПСЗРИ. Т. XXXIII. № 25947 п. 6.
[1248] *Неволин К.А.* История российских гражданских законов. Часть первая: Введение и книга первая о союзах семейственных. М.: Статут, 2005. С. 513.
[1249] *Загоровский А.И.* О незаконнорождённых по иностранным гражданским кодексам и русскому гражданскому праву // Журнал министерства юстиции. 1898. № 5. С. 10, 42.
[1250] *Галай Ю.Г.* Правовое положение незаконнорождённых детей в России XVII – XVIII столетий // Вестник нижегородской академии МВД России. 2012. № 19. С. 8; *Нижник Н.С.* Правовое регулирование семейно-брачных отношений в русской истории. СПб., 2006. С. 149; *Черкашина Н.В.* Законодательная хроника о правовом положении незаконнорождённых детей // Бизнес в законе. 2013. № 3. С. 9.

чить пополнение будущими служебными кадрами[1251]. Так и в случае с крестьянскими детьми: они оставлялись (по точному смыслу указа 1815 года) *за владельцами* матерей-крестьянок, т.е. прикреплялись к лицу, обеспечивавшему уплату податей и выполнение повинностей своих крепостных.

Первая половина XIX века принесла некоторое ограничение власти помещиков определять семейную жизнь крестьян. Так, в 1804 года была прекращена продажа крестьян нахичеванским армянам, вывозившим таким образом из-за р. Кубань в Крым и за рубеж крепостных девушек[1252]. Именным указом от 2 мая 1833 года было запрещено раздробление семейств крепостных крестьян и дворовых при их продаже. При этом семьёй считались отец, мать и их неженатые (незамужние) дети[1253]. Высочайше утверждённое 2 января 1841 года мнение Государственного Совета подтвердило положения указа 1833 года, но сама по себе покупка крестьянок для брака была сохранена[1254]. Наконец, документы крестьянской реформы 1861 года совершенно освободили крестьянина от вмешательства помещика в его брачно-семейные дела (ст. 21 Общего положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости)[1255].

Опекунские учреждения для крепостных людей не существовали, т.к. правительство возлагало вопросы призрения бедных крестьян на их помещиков. Целый ряд законов, начиная с 30-х годов XVIII века обязывал землевладельцев заботиться о пропитании собственных крестьян, особенно в голодные годы[1256]. Правительство заботилось в этой связи исключительно об искоренении нищенства и бродяжничества, вопрос об устройстве несовершеннолетних сирот и об охране их имущественных прав не ставился. Правда, кое-какие сведения об опеке в среде крепостных были собраны, но не опубликованы Н.В.Калачовым. Малолетний сирота, лишившийся отца и матери, мог попасть в семью деда по отцовской или материнской линии, в любую крестьянскую семью односельчан «из милосердия», во двор к помещику или отдавался учиться какому-либо ремеслу. Распространенное усыновление сироты заменяло, по наблюдению Н.В.Калачова, опеку у помещичьих крестьян. Сиротское имущество часто продавалось и вырученные

[1251] См., напр.: *Полянский П.Л.* Определение правового статуса незаконнорождённых детей России в XVIII – XIX вв. // Вестник МГУ. Сер. 11. «Право». 2013. № 1.
[1252] 1-е ПСЗРИ. Т. XXVIII. № 21246; комментарий этого указа см.: *Латкин В.Н.* Указ.соч. С. 214.
[1253] 2-е ПСЗРИ. Т. VIII. Отд. I. № 6163.
[1254] 2-е ПСЗРИ. Т. XVI. Отд. I. № 14152.
[1255] Российское законодательство X – XX веков. В девяти томах. Т. 7. Документы крестьянской реформы. М.: Юрид.лит., 1989. С. 40.
[1256] 1-е ПСЗРИ. Т. IX. №№ 6653, 6682; Т. XX. № 14392 п. 252; Т. XXVI. № 19715; Т. XXX. № 23748; Т. XL. № 30356; 2-е ПСЗРИ. Т. II. № 1323.

деньги хранились у помещика или в мирской конторе. Впрочем, усыновители могли и злоупотреблять своей властью над сиротой, например, посылали его заниматься нищенством. Как ни несовершенны были институты опеки, сложившиеся в среде крепостных, вводить в них юридические понятия Н.В.Калачов считал нецелесообразным. В таком случае из сферы «бескорыстного призрения» сельская опека бы превратилась, по мысли знатока русских обычаев, в поле для злоупотреблений, так часто встречавшихся в Дворянских опеках и сиротских судах[1257].

Таким образом, регулирование брачно-семейных отношений крепостного крестьянства традиционно отдавались «на откуп» феодалам, которые в минимальной степени руководствовались государственными интересами, и в большей – своими личными. Предпосылкой к этому стало прикрепление крестьян не только к земле, но и к личности её владельца. Приведённые примеры показали, что феодалы могли воздействовать буквально на все аспекты брачно-семейных отношений своих крепостных: принуждать их к браку, удерживать от вступления брак и расторгать брачные союзы, делить крестьянские семьи и запрещать такое деление. Членов крестьянской семьи могли продавать поодиночке или всех вместе ссылать в Сибирь на поселение.

Вручение судьбы крестьянских семей в руки землевладельцев не всегда служило на пользу помещичьему хозяйству: зачастую хозяева выдавали замуж своих крепостных девок, чтобы прикрыть добрачный блуд с ними. Нередки были и насильственные браки, совершаемые помещиками ради своих экономических интересов. Помещичьи злоупотребления в брачных делах их крепостных, однако, почти не беспокоили правительство, и оно сохранило в руках дворянство право разрешать своим крестьянам вступление в брак вплоть до 1861 года. Тем не менее, имеются некоторые факты, показывающие постепенное нарастание озабоченности государства по поводу бесконтрольного распоряжения дворянством семьями своих крепостных. Особенно чётко эта озабоченность проявилась в первой половине XIX века, хотя ещё Петр I попытался пресечь насильственную женитьбу и выдачу замуж помещичьих крестьян.

Б. Удельные и государственные крестьяне

Не только частновладельческие крестьяне не были вполне свободны в своих брачно-семейных отношениях. Так, крестьянки удельного ведомства могли свободно

[1257] Проект устава об опеках и попечительствах с объяснительной к нему запиской. СПб., 1891. С. 116 – 117.

выйти замуж лишь за крестьян, принадлежащих к тому же ведомству. Но если жених был из помещичьих крестьян, то его хозяин должен был дать подписку о согласии уволить при необходимости свою крестьянку в замужество за крестьянина удельного ведомства[1258]. Подтверждением соблюдения данного условия в каждом случае было письменное согласие сельских старшин на брак удельной крестьянки[1259]. Те же сельские старшины должны были разъяснять холостым удельным крестьянам пользу семейной жизни и склонять (без принуждения) их к браку, желательно, с женщинами удельного ведомства[1260]. Таким образом, законодательство на первое место ставило согласие заинтересованных хозяйствующих субъектов, и лишь на второе – согласие вступающих в брак крестьян.

Оставивший мемуары о своей жизни в первой половине XIX века крестьянин Нижегородской губернии Николай Шипов вспоминал, что его помещик позволял жениться только на крепостных[1261]. Позиция землевладельца понятна: он не желал, чтобы его люди женились на государственных крестьянках, чтобы, в свою очередь, не делиться с государством собственными девками или вдовами. К началу 1830-х годов Департамент уделов убедился, что такая позиция помещиков не была единичным случаем, следствием чего явилась, во-первых, проблема найти в достаточном количестве женихов в удельном ведомстве, во-вторых, практика самовольных браков удельных крестьянок с людьми иного чина без всякой компенсации для государства.

Если удельная крестьянка желала выйти замуж за купца или мещанина, то с жениха требовалась уплата выводных денег, по установлению 1800 года сумма равнялась 100 руб. ассигнациями (или 30 руб. серебром), которая продолжала взиматься до 1858 года[1262]. Получалось, что брак крестьянки удельного ведомства вообще зависел не столько от её желания, сколько от совершенно независящих от неё факторов: 1) наличия жениха в собственном ведомстве, 2) наличие необходимой денежной суммы «за вывод», если жених окажется иного чина, 3) согласие хозяина жениха компенсировать потерю для удельного ведомства. Таким образом, брак крестьянок удельного ведомства долгое время рассматривался с точки зрения оценки имущественных потерь и их возможных компенсаций. Как и в случае с помещиками, удельное ведомство решало в данной ситу-

[1258] Ст. 98 ч. 3 Свода удельных постановлений. СПб., 1843.
[1259] 1-е ПСЗРИ. Т. XXVI. № 19451.
[1260] История уделов за столетие их существования (1797 – 1897). Т. 2. СПб., 1902. С. 479 – 480.
[1261] *Шипов Н.Н.* История моей жизни и моих странствий / Воспоминания русских крестьян XVIII – первой половины XIX века. М., 2006. С. 164.
[1262] История уделов …Т. 2. С. 481 – 482.

ации чисто хозяйственный вопрос. Выход удельных крестьянок в другие сословия без какой-либо компенсации стал возможен лишь в 1858 году[1263], таким образом, согласия на брак со стороны начальства им уже не требовалось.

Среди удельных крестьян особо выделялись хозяева образцовых усадеб – «усадебники». В 1833 году правительство начало интересный эксперимент: было учреждено Земледельческое Училище, выпускники которого должны были стать владельцами так называемых «образцовых усадеб», служащих для пропаганды новых методов ведения сельского хозяйства. Целям благоустройства этих образцовых хозяйств были подчинены правила вступлениях «усадебников» (так стали называться их владельцы) в брак. Через благонадежных стариков и приказных голов для усадебников отыскивались «порядочные невесты» и товарищ министра уделов (главы Департамента уделов) давал окончательное разрешение на брак[1264]. Муж, хозяин образцовой усадьбы, должен был обучать жену утренним и вечерним молитвам, символу веры, заповедям, а также основным навыкам ведения хозяйства[1265]. Таким образом, законодатель порой в рамках регулирования сельскохозяйственной деятельности определял даже содержание супружеских отношений удельных крестьян.

Вступление в брак государственных крестьян также долгое время рассматривались законодательством под углом зрения решения хозяйственных задач. Прежде всего, это видно на примере крестьян, приписанных к казённым заводам. Так, заботясь о воспроизводстве мастеровых, правительство принимало меры к предотвращению «утечки невест», запретив в 1734 году временным вольнонаёмным работникам жениться в приписанных к фабрикам и заводам слободах[1266]. В литературе отмечается, что даже после указа 1763 года, предписавшего фабрикантам, напротив, не препятствовать бракам дочерей мастеровых с посторонними к заводу лицами, произвол на этой почве со стороны владельцев предприятий продолжался[1267]. Укомплектовывая в 1764 году Камские и Гороблагодатские заводы мастеровыми (в т.ч. из крестьян), Сенат закрепил детей мастеров

[1263] 2-е ПСЗРИ. Т. XXXIII. Отд. I. № 33328 п. 3.
[1264] Ст. 531 Свода удельных постановлений. Ч. 3.
[1265] Там же. Ст. 532.
[1266] 1-е ПСЗРИ. Т. IX. № 6559 п. 14.
[1267] *Семевский В.* Посессионные крестьяне в XVIII веке. Очерк из истории обязательного фабричного труда // Вестник Европы. 1878. Т. V. С. 632.

за теми заводами, к которым причисляли их отцов[1268]. В том же году аналогичное решение было принято по поводу детей мастеровых Нерчинских заводов[1269].

В отношении крестьян казённых поселений определённая регламентация их брачно-семейных отношений началась с конца 30-х годов XIX века во время проведения реформы П.Д.Киселёва, при этом обнаруживались отдельные характерные черты дореформенного управления этой категорией крестьянства. Так, выяснилось, что управляющие и арендаторы казённых имений частенько принуждали государственных крестьянок к вступлению в брак со своими крепостными и сводили их, таким образом, в свои личные имения[1270]. Между тем, Министерство государственных имуществ, как и Департамент уделов, заботился о сохранении числа крестьян, и поэтому брак казённой крестьянки «на вывод» разрешался лишь в том случае, если помещиком или удельным ведомством гарантировался брак односельчанина невесты с помещичьей или удельной женщиной[1271]. Соответственно, о таких браках казённых крестьянок было необходимо уведомить сельского старосту, на которого в 1838 году были также возложены функции надзора за согласием в семейной жизни односельчан[1272].

Опасение потерять крестьян вследствие их брачных связей определило ограничения, связанные с повторным замужеством вдов государственных крестьян. Если, например, вдова выходила замуж за лицо, не принадлежащее к податному населению, то «отчисление» дочерей от семейства покойного с припиской их к семье отчима хотя и требовало согласования с губернской Палатой государственных имуществ, но, в соответствии с мнением Государственного Совета 1850 года, было в принципе возможно. Однако малолетние сыновья в подобных случаях должны были со временем обязательно вернуться в остающееся семейство покойного отца «по принадлежности». Без соглашения о времени и способе возврата сыновей матери не могли взять их себе даже на временное воспитание[1273]. Но даже если мать выходила замуж повторно также за государственного крестьянина, то она могла взять с собой в новую семью лишь сыновей младше 14 лет. В противном случае сын должен был числиться в семействе покойного. Если второй муж матери принадлежал к податному населению, но иного ведомства, сыновья

[1268] 1-е ПСЗРИ. Т. XVI. № 12261.
[1269] 1-е ПСЗРИ. Т. XVI. № 12075 п. 10.
[1270] 2-е ПСЗРИ. Т. XIV. Отд. I. № 12770.
[1271] См.: *Дунаева Н.В.* Правовое положение удельных крестьян России в первой половине XIX века. Дис. … канд. юрид. наук. 2003. С. 114.
[1272] 2-е ПСЗРИ. Т. XIII. Отд. I. № 11189 пп. 219 – 220.
[1273] 2-е ПСЗРИ. Т. XXV. Отд. II. № 24502.

могли быть уволены мирским обществом лишь до достижения ими 7 лет и при том, что они ещё не числятся как ревизские души[1274]. Как видно, казённый интересе здесь также возобладал над родственными связями, как и в случае с крестьянами помещичьими. Хотя в отношении государственных крестьян вопрос о разлучении детей с родителями никогда не приобретал той остроты, как в отношении крепостных, но в случае повторных браков вдов законодатель всё-таки допускал разделение семейств.

С середины XVIII века правительство предоставило органам самоуправления у государственных и дворцовых (в будущем – удельных) крестьян то же право, что и помещикам, а именно, переселения в Сибирь «непотребных и вредных обществу людей», а также «неблагонадёжных» к падающим на них платежам[1275]. Решения о переселении принимались совместно крестьянами села с их выборными и старостами, дабы не допустить произвола в этом вопросе со стороны представителей государственной администрации. И как в отношении помещичьих, так и в отношении государственных и дворцовых крестьян действовало правило об их переселении *вместе с жёнами*. Стимулируя колонизацию отдаленных районов, правительство «выкупало» у помещиков детей переселяемых, чтобы те сопровождали родителей. На тех же основаниях, судя по тексту сенатского указа от 13 декабря 1760 года, поступали и в отношении государственных и дворцовых крестьян. Однако с течением времени вопрос о судьбе членов семьи переселяемых лиц был урегулирован детальнее, тем более, что на оставленное хозяйство продолжали, тем не менее, развёрстываться платежи и повинности. Именно по этой причине в 1837 году законодатель допустил безусловное следование за родителями лишь малолетних детей (мальчики – до 5 лет, девочки – до 10). Свыше указанного возраста на совместное следование уже требовалось согласие мирского общества, поскольку подростки уже могли представлять интерес с точки зрения крестьянства как работники или невесты. Однако даже с согласия мирского общества не могли следовать за родителями *отделённые* дети старше 16 лет: женатые или неженатые, такие дети имели собственное хозяйство и были обязаны к определённым платежам и повинностям[1276]. Таким образом, факт отделения детей не прерывал кровную связь с родителями, но с правовой точки зрения он означал создание новой хозяйственной единицы, нормальное функционирование которой для правительства было важнее родственных отношений.

[1274] Там же.
[1275] 1-е ПСЗРИ. Т. XV. № 11166; Т. XXX. № 23020 § 108.
[1276] 2-е ПСЗРИ. Т. XII. Отд. I. № 10344.

Отношения между родственниками также являлись отчасти предметом заботы удельного ведомства. Так, удельным экспедициям в 1797 году было предписано наблюдать за семейными разделами, чтобы «оные прямо в их общественную пользу, а не к пущей иногда в хозяйстве разстройке служили»[1277]. О желании разделить семейство его глава должен был поставить в известность не только мирское общество, но и Сельский приказ, уведомляющий об этом же соответствующую Удельную контору, а та – Департамент уделов, которому и принадлежало окончательное решение вопроса[1278]. Особенно важно было в подобных случаях предотвратить раздел, если его причиной была исключительно вражда внутри семейства[1279]. В решении вопроса в расчет также принималось количество работников от 18 до 60 лет, состояние семейства на рекрутской очереди. Уважительной причиной для раздела считался, например, планируемый брак одного из членов семейства с вдовой, имеющей свой дом без работника или с работником при наличии малолетних детей, или поступление вследствие женитьбы в дом к хозяину, не имеющему детей мужского пола[1280].

Вопрос о разделах семей удельных и государственных крестьян был теснейшим образом связан с отправляемыми ими повинностями, в частности, рекрутской. Лишь при её исполнении семейство, согласно указу Сената 1823 года, могло разделиться, и то при условии, чтобы в каждом дворе оставалось по 3 – 4 работника от 15 до 60 лет[1281]. Вообще же правительство отрицательно относилось к семейным разделам, т.к. «крестьяне, оставаясь от раздела одинокими, ни в домашнем хозяйстве, ни в другом каком-либо промысле не могут иметь таких средств, как действуя общими соединенными силами»[1282].

Однако в ряде местностей разделы иногда приходилось разрешать даже при нарушении указа 1823 года. Так, из Белостокской области Гродненской губернии министру финансов сообщали, что формальное соблюдение закона приводит к уменьшению населения, ибо казённые крестьяне данной местности за малым количеством доходов и при малоземелье практически не женятся (вступает в брак лишь один из 3 – 4 работников в семье). Разрешение разделов в небольших крестьянских семьях позволило бы отделённым работникам вступить в браки в те семьи, где ощущается недостаток мужчин.

[1277] 1-е ПСЗРИ. Т. XXIV. № 17906 § 175 п. 3.
[1278] Ст. 25 – 27 Свода удельных постановлений. Ч. 3. СПб., 1843.
[1279] 1-е ПСЗРИ. Т. XXIV. № 17906 § 193.
[1280] Ст. 22 Свода удельных постановлений. Ч. 3.
[1281] 1-е ПСЗРИ. Т. XXXVIII. № 29392.
[1282] 2-е ПСЗРИ. Т. VIII. Отд. I. № 6071.

Министр финансов в 1834 году вошёл в Сенат с инициативой о разрешении подобных семейных разделов и в итоге положительная высочайшая резолюция была получена[1283].

О намерении правительства создать опекунские учреждения у крестьян удельного ведомства можно судить по законодательству конца XVIII века: при создании Удельных экспедиций (позднее – контор) в их компетенцию было включено заведение богаделен для престарелых и пропитания неимущих людей, для больных – госпиталей, для малолетних – школ, а также организация продовольственных запасов, а на приказных старост возлагалась «хозяйственная» опека над вдовами, сиротами, а также над ленивыми и нерадивыми крестьянами[1284].

Опека у государственных крестьян была урегулирована законодательством конца 30-х годов XIX века в рамках реформы П.Д.Киселёва. Так, Учреждение о управлении государственными имуществами в губерниях, утверждённое в 1838 году[1285], возлагало на сельского старшину обязанность при выявлении малолетних сирот (т.е. оставшихся без обоих родителей), сообщить Волостному правлению о способах их устройства, к числу которых закон относил: 1) возложении опекунских обязанностей на ближайших родственников сирот; 2) определение в опекуны честного и добропорядочного домохозяина по решению сельского схода; 3) отдачу на воспитание другую крестьянскую семью с материальной поддержкой за счёт средств общины или без таковой; 4) помещение сирот в богоугодное заведение. Полномочия опекунов для сирот из государственных крестьян, определённые первоначально в 1838 году, были развернуты в статьях 298 – 327 т. X Свода законов гражданских (изд. 1857 года).

Итак, ту роль, которую в решении брачно-семейных вопросов частновладельческих крестьян играли помещики, в отношении удельных и государственных крестьян исполняли органы государственного управления уделами и казёнными поселениями. Как и помещики, государство рассматривало браки «своих» крестьян с точки зрения хозяйственного интереса, что особенно проявлялось при обнаружении у них намерения создать семью с представителем (-ницей) «чужого» ведомства. Взаимоотношения между родственниками у данной группы населения, где одной из самых больших проблем являлись семейные разделы, также интересовали государство исключительно с точки зрения пользы или вреда разделения семейств для выполнения повинностей. Как и поме-

[1283] 2-е ПСЗРИ. Т. IX. Отд. II. № 7466.
[1284] 1-е ПСЗРИ. Т. XXIV. № 19706 п. 3 § 175 и п. 2 § 182.
[1285] 2-е ПСЗРИ. Т. XIII. Отд. I. № 11189 пп. 139 – 149 ч. 4 «Учреждение сельского управления».

щики, органы государственного управления с середины XVIII века могли организовывать отправку казённых крестьян, «непотребных и вредных для общества», с семьями в Сибирь на поселение.

Однако вмешательство правительства в брачно-семейные вопросы удельных и государственных крестьян было несколько более скудным по отношению к регулированию браков крестьян помещичьих, что объясняется отсутствием «колорита», определявшего личную, почти рабскую зависимость крепостных от своих господ. И, в отличие от регулирования брачно-семейных отношений помещичьих крестьян, где почти всё определялось волей феодала, браки и семьи удельных и государственных крестьян в значительно большей степени зависело от законодательства. Конечно, и в среде удельных и государственных крестьян часто вступали в брак не по своей воле, но как уже было показано в главе 2, добровольность при заключении брака в сельской местности значила гораздо меньше, чем хозяйственная целесообразность. Однако органы государственного управления не имели той степени свободы в распоряжении холостыми и семейными крестьянами, которой пользовались помещики, и которая породила ставшие известными правительству злоупотребления. А с отменой крепостного права и обретением крестьянами статуса свободных сельских обывателей органы государственного управления вместе с помещиками утратили всякую возможность влиять на брачно-семейные дела крестьян.

В. Крестьяне пореформенной России

Сообщение крестьянам статуса свободных сельских обывателей в рамках реформы 1861 года привело к некоторым изменениям в правовом регулировании их брачно-семейных отношений. Так, Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, предусматривало, что отныне на них распространяются общие постановления законов гражданских о правах и обязанностях семейственных, и, в частности, при вступление в брак и в распоряжениях в семейственных делах крестьянину уже не требовалось дозволение помещика (ст. 21)[1286]. С распространением реформы на другие категории крестьян они также становились свободными от вмешательства различных инстанций в их брачно-семейные дела. Но была ли эта свобода полной? Как показало

[1286] Российское законодательство X – XX веков. В девяти томах. Том 7. Документы крестьянской реформы. М.: Юрид.лит., 1989. С. 40.

предыдущее изложение, управление крестьянами со стороны помещиков, арендаторов, Министерства государственных имуществ или Департамента уделов было направлено, в частности, на обеспечение выполнения сельским населением различных повинностей. В числе прочих правовых средств для этого использовались и брачно-семейные институты. Отмена опеки над крестьянами со стороны указанных лиц и органов не сопровождалась отменой крестьянских повинностей. Таким образом, правительство должно было либо создать нового «посредника» между собой и крестьянской массой, или перейти на современный манер к индивидуализации в исполнении повинностей каждым отдельно взятым российским подданным. Сохранение в 1861 году раскладочных механизмов исполнения основных крестьянских обязанностей (рекрутской повинности и подушной подати) показывает, что власть пошла по первому пути. Теперь посредником между крестьянством и правительством стало общинное самоуправление.

Конечно, в отличие от дореформенного времени законодательство не предусматривало ограничений со стороны общины по вступлению в брак её членов, однако сельское общество могло сменить главу семейства – домохозяина – и поставить на это место другого члена той же семьи для ликвидации недоимки по выкупным платежам, лежащей на данном хозяйстве (п. 3 ст. 127 Положения о выкупе крестьянами, вышедшими из крепостной зависимости, их усадебной оседлости и о содействии правительства к приобретению сими крестьянами в собственность полевых угодий)[1287]. Эта возможность предусматривалась и более поздним законодательством[1288]. В тех же целях община могла назначить в хозяйство недоимщика опекуна (там же), принять решение об отдаче самого домохозяина и *членов его семейства* в «в посторонние заработки» (п. 2 той же статьи)[1289]. Те же меры были возможны и в случае приобретения земли не целыми обществами, а индивидуальными хозяйствами, решение о санкциях в такой ситуации могло принимать «сельское и волостное начальство» (ст. 133 того же документа)[1290]. Разумеется, в подобных случаях допускалось и обращение взыскание на имущество, принадлежащее недоимщику. Таким образом, правительство, как и несколько веков назад, продолжало рассматривать крестьянскую семью как хозяйственную единицу, где личности хозяина, домочадцев и имущество рассматривались как обеспечение выполнения сословных обязанностей.

[1287] Там же. С. 147.
[1288] 3-е ПСЗРИ. Т. XIX. Отд. I. № 17286 п. 50.
[1289] Российское законодательство X – XX веков. Том 7. Там же. С. 146.
[1290] Там же. С. 148 – 149.

Преобразования второй половины XIX – начала XX веков постепенно приводили к изменению характера крестьянских обязанностей. Всеобщая воинская повинность пришла на смену рекрутской, подушное обложение было заменено поземельным. С 1907 года отменялись выкупные платежи, возложенные на крестьянство реформой 1861 года. Таким образом, постепенно исчезали предпосылки сохранения отдельных дореформенных механизмов правового регулирования семейных отношений в крестьянской среде. Революция 1905 – 1907 годов, очевидно, ускорила процесс отмирания этих механизмов. В 1903 году была окончательно отменена круговая порука по уплате сборов и выкупных платежей[1291]. В 1889 году была ограничена, а в октябре 1906 года отменена отдача неисправного плательщика в заработки[1292].

Отмена круговой поруки и индивидуализация ответственности домохозяев означало постепенный отказ правительства от посреднической функции общины. Вместе с тем жизнь поставила вопросы об ответственности и правах членов семьи домохозяев. Само понятие «домохозяин» в законах не было определено. Сенат в своих решениях считал, что таковым может быть признано лицо, имевшее лишь одну усадебную оседлость и не имеющее полевого надела. Но и в отсутствие того и другого Сенат мог признать человека домохозяином, если он был лишь приписан к сельскому обществу[1293]. Соответственно, также неопределёнными был статус членов семейства домохозяина. Однако законодательство и здесь постепенно шло по пути индивидуализации. Вспомним, что в документах крестьянской реформы 1861 года члены семьи неисправного плательщика наравне с ним могли принудительно отдаваться в заработки для погашения недоимки. Но уже в Положении о порядке взимания окладных сборов 1889 года, действовавшем, правда, на ограниченной территории, на заработки женщин и малолетних членов хозяйства взыскание по недоимкам не накладывалось[1294]. Как уже говорилось, в октябре 1906 года закон окончательно упразднил отдачу в заработки неисправного плательщика, т.е. возможность обратить взыскание на личность остальных членов крестьянской семьи закон уже не предполагал.

Итак, вследствие реформ второй половины XIX века власть постепенно начинала иметь дело не с хозяйственной единицей, крестьянской семьей, а с индивидуальным до-

[1291] 3-е ПСЗРИ. Т. XXIII. Отд. I. № 22627.
[1292] 3-е ПСЗРИ. Т. IX. № 5899, Т. XXVI. Отд. I. № 28392.
[1293] См. об этом: *Леонтьев А.А.* Крестьянское право. Систематическое изложение особенностей законодательства о крестьянах. Изд. 2. СПб., 1914. С. 74 – 75.
[1294] 3-е ПСЗРИ. Т. XIX. Отд. I. № 17286 п. 50.

мохозяином. В этом смысле логичным, но не бесспорным шагом стало урегулирование такого аспекта, как оформление прав домохозяина на земельный надел в общинной земле. В рамках аграрной реформы П.А.Столыпина указом от 9 ноября 1906 года (п. 1 разд. I)[1295] и законом от 14 июня 1910 года (п. 2 разд. *А* гл. 1)[1296] за домохозяевами было закреплено право требовать укрепления такого надела за собой *в личную собственность*. В комиссии, которая занималась разработкой положений реформы, возник вопрос о правах других членов крестьянской семьи на недвижимое имущество двора.

Этот вопрос возник совершенно естественным образом, т.к. был связан с одной из самых больших пореформенных проблем на селе – разделами крестьянских хозяйств. В XVIII – первой половине XIX веков этот вопрос интересовал помещиков и правительство с точки зрения собственников, поскольку касался возможности разделённых семей отправлять государственные повинности. Практика пореформенного период показала, что оставлять этот вопрос исключительно на волю домохозяев нельзя. Особенно острые конфликты возникали в тех случаях, когда главой семьи был дядя, отделяющий своих племянников, или отчим – своих пасынков. Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, поставило семейные разделы в зависимость от решения сельского схода (п. 5 ст. 51)[1297]. Однако на практике, особенно после отмены рекрутчины, крестьяне к таким формальностям не прибегали. Между тем, рост числа разделов опережал рост населения, что являлось одной из причин малоземелья крестьянства и, как следствие, его оскудения. Признав разделы вредными, правительство не решилось ограничивать их в отношении подворных владельцев, т.к. признавало это личным делом домохозяев. Но в отношении же владельцев общинных наделов не только были сохранены ограничения, предусмотренные документами 1861 года, но процедура раздела была ещё более усложнена.

В 1866 году высочайше утверждённым мнением Государственного Совета были установлены правила семейных разделов в обществах с общинным землепользованием. Процедура раздела предполагала решение вопроса сельским сходом по прошению заинтересованного лица. При этом решение схода признавалось окончательным, если было отказано в разделе и это совпадало с желанием родителей, являвшимися старшими в семье. В остальных случаях решение схода члены семьи могли обжаловать в Уездное при-

[1295] 3-е ПСЗРИ. Т. XXVI. Отд. I. № 28528.
[1296] 3-е ПСЗРИ. Т. XXX. Отд. I. № 33743.
[1297] Российское законодательство X – XX веков. Том 7. Там же. С. 47.

сутствие по крестьянским делам или мировому посреднику. Решая вопрос о разделах, сход мог касаться лишь судьбы имущества, обладание которым связано с созданием или сохранение жизнеспособного хозяйства. Во внимание принималось также наличие уважительной причины для раздела, а также не будет ли следствием раздела образование недоимок по податям, повинностям и другим казённым взысканиям[1298]. Со временем утверждение решений сходов о разделах стало входить в компетенцию участковых земских начальников, а также их съездов[1299]. Получается, что, вроде бы, члены семьи могли принимать активное участие и процессе раздела, например, обжаловать невыгодное для них решение схода. Вроде бы, произволу домохозяев был поставлен предел участием нескольких инстанций перед принятием окончательного решения. Однако, как говорят следующие цифры, количество самовольных разделов по одному лишь произволу домохозяев было достаточно велико. По статистике, с 1861 по 1882 г. всего по России состоялось 2 371 248 крестьянских разделов, из которых только 12,8% были санкционированы[1300].

Подводя краткий итог по регулированию крестьянских семейных разделов, можно сказать, что помещики и органы, управляющие государственными землями, заинтересованные в семье как хозяйственной единице, до реформы 1861 года традиционно пытались «дозировать» семейные разделы, чтобы это не наносило ущерба их экономическим интересам и отправлению крестьянами повинностей. Таким образом, сложившиеся в данной местности обычаи до крестьянской реформы в известной степени парализовывались распоряжением землевладельцев или органов государственного управления. Однако с ликвидацией этих «посредников» между крестьянами и правительством государству потребовалось издать ряд законов, чтобы оградить казённый интерес от последствий крестьянских разделов, осуществляемых теперь на основании обычаев конкретной местности.

Более тесное, чем до крестьянской реформы, участие государства в решении внутрисемейных крестьянских проблем, отразилось в деятельности Правительствующего Сената, создавшего своей практикой неизвестный законодательству институт общей собственности крестьянской семьи. Так, в 1881,1893, 1900 годах Сенат неоднократно выражал мнение, что домохозяин, даже в случае избрания того или иного способа зем-

---

[1298] 3-е ПСЗРИ. Т. VI. № 3578.
[1299] 3-е ПСЗРИ. Т. XIII. № 9754, Т. XXIV. Отд. I. № 24708.
[1300] *Леонтьев А.А.* Указ.соч. С. 318.

лепользования, действует не как собственник, а лишь как распорядитель[1301]. В случае, когда выделенный семье участок состоял из нескольких душевых наделов, то выкупающим его у помещика субъектом, по мнению Сената, являлся целый двор (семья)[1302]. Таким образом, Сенат считал, что участок является принадлежностью всего двора[1303], а в одном из решений за 1900 год прозвучала даже формулировка «собственность целого крестьянского двора»[1304]. В случае же споров между членами двора, например, о разделе, их решение не могло, как считал Сенат, ставиться в зависимость лишь от одного усмотрения домохозяина. Особая Земельная комиссия Государственной думы, рассматривая этот вопрос, сочла неприемлемым введение этого «искусственного» института, ибо семейная собственность «подрывает авторитет родительской власти и расшатывает семейные устои»[1305]. Оградить произвол собственников законодатель решил не введением института общей собственности членов крестьянского двора, а ограничениями по распоряжению землями. В частности, ст. 39 закона 1910 года вводила для «укреплённых» в личную собственность домохозяина участков следующие ограничения: эти участки нельзя было отчуждать кому-либо, кроме лиц крестьянского сословия, на эти участки не могло быть наложено взыскание за долги и наследование таких земель производилось не по закону, а по местным обычаям[1306]. Рассматривая практику Сената, в решениях которого, действительно, устанавливался коллективный субъект (двор, семья) прав на участок и общая семейная собственность, комиссия ссылалась на то, что Сенат выносил подобные суждения в случаях, где применялись лишь Местные положения, а не общие правила[1307]. На этом основании комиссия отказалась выводить из частных примеров сенатских решений общие нормы будущего закона.

Отмена крепостного права и учреждение волостных крестьянских судов повлияли на регулирование вопросов переселения крестьян в Сибирь. Так, в 1862 году члены семьи лиц, удаляемых по приговорам обществ, получили полную свободу выбора, остать-

---

[1301] Полный свод решений гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената за 1881 г. №№ 102 – 193. Екатеринослав, 1905. № 161. С. 475 // СПС КонсультантПлюс; там же за 1882 г. №№ 65 – 167. № 147. С. 505 // СПС КонсультантПлюс; там же за 1893 г. Екатеринослав, 1911. № 92. С. 212 // СПС КонсультантПлюс; там же за 1900 г. Екатеринослав, 1911. № 23. С. 67 // СПС КонсультантПлюс.

[1302] То же за 1881 г. (№№ 102 – 193) и 1882 г. (№№ 1 – 65). Екатеринослав, 1905. С. 475 // СПС КонсультантПлюс.

[1303] То же за 1882 г. №№ 65 – 167. № 147. С. 505 // СПС КонсультантПлюс.

[1304] Решения гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената за 1900 г. С. 67.

[1305] *Александровский Ю.В.* Закон 14 июня 1910 года об изменении и дополнении некоторых постановлений о крестьянском земледелии. СПб., 1911. С. 115.

[1306] Там же. С. 119.

[1307] Действительно, отдельные решения Сената основывались именно на статьях Местных положений, разработанных в рамках подготовки крестьянской реформы (См., напр.: Полный Свод решений гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената за 1894 г. Екатеринослав, 1911. № 88. С. 196).

ся ли им на прежнем месте жительства или следовать за наказанным лицом. Теперь мирское общество не могло препятствовать желанию семьи удалиться или остаться на прежнем месте[1308]. Важно, что высочайше утверждённое мнение Государственного Совета, установившее такую свободу, впервые предоставила жёнам переселяемых крестьян возможность оставаться на прежнем месте жительства из-за жестокого обращения мужей или их явного развратного поведения. Здесь власть, с одной стороны, пошла против интересов общины, часто насильно «выталкивавшей» жену вслед за удаленным по приговору мужем (ибо женщина без кормильца становилась обузой для мирского общества)[1309], а с другой – явно учла практику волостных крестьянских судов, санкционировавших оставление по указанным причинам жён на прежнем месте жительства[1310].

Опубликованные материалы показывают, что допущенное властью «разножительство» в среде крестьянского населения была весьма нелишним. Практика волостных крестьянских судов, принимавших к рассмотрению жалобы жён на мужей о жестоком обращении, показывает, между прочим, следующее. В судах таких дел разбиралось множество[1311]. Жаловались на причиненные мужьями побои[1312], в том числе железной проволокой[1313], палкой по лицу и спине[1314], привязывание к столбу и сечение ремнём[1315], укусы[1316] и проч. Вот как написала одна крестьянка, которую в ходе рассмотрения жалобы вынудили примириться с мужем: «Вчира бил миня так жыстока почти насмерть отчего износа из гортани шла кровь и на тели поделал синия багровыя пятна и от вышыупомянутых побой посие время чюствою болезнь в сибе (текст жалобы привожу так же, как автор статьи – *П.П.*)»[1317]. Мужья впрягали жён в телеги вместе с лошадьми и заставляли бежать много вёрст[1318], привязывали их к тележной оглобле и так волокли,

---

[1308] 2-е ПСЗРИ. Т. XXXVII. Отд. II. № 38688.
[1309] 2-е ПСЗРИ. Т. XXV. Отд. I. № 24295.
[1310] Труды комиссии по преобразованию волостных судов. **Т. 1.** СПб., 1873. С. 348, 804; **Т.2.** СПб., 1873. С. 523; **Т. 3.** СПб., 1873. С. 352; **Т. 5.** СПб., 1874. С. 325; **Т. 6.** СПб., 1874. С. 313 – 314, 698.
[1311] Там же. **Т. 2.** С. 143; **Т. 3.** С. 144; **Т. 5.** С. 161, 176. Здесь приведены ссылки на обобщения по разным местностям, где действовали волостные суды, в которых подчеркивалась множественность подобных дел.
[1312] Там же. **Т. 1.** С. 215; **Т. 2.** С. 269, 523, 546, 557; **Т. 3.** С. 11, 340; **Т.4.** С. 260, 488; **Т. 5.** С. 132, 479, 504; **Т. 6.** С. 237, 254, 279, 339.
[1313] *Якушкин Е.И.* Обычное право. Вып. 2. Материалы для библиографии обычного права. Ярославль. 1896. С. 160.
[1314] Труды комиссии по преобразованию волостных судов. **Т. 4.** С. 38.
[1315] Там же. **Т. 2.** С. 208.
[1316] Там же. Отзывы различных мест и лиц. С. 216.
[1317] *Лудмер Я.* Бабьи стоны. Из записок мирового судьи // Юридический вестник. 1884. Ноябрь. С. 450. По сведениям автора, через несколько дней после достигнутого «примирения» женщина умерла в больнице. Статья «Бабьи стоны…» имела продолжение (Юридический вестник. 1884. Декабрь. С. 658 – 679) и отклики, изобилующие похожими примерами жестокого обращения крестьян с жёнами (*Верещагин Н.Н.* О бабьих стонах // Юридический вестник. 1885. Т. XVIII. Кн. 4. С. 750 – 761; *Бобров Д.* По поводу бабьих стонов // Юридический вестник. 1885. Т. XX. Кн. 2. С. 318 – 322).
[1318] *Якушкин Е.И.* Указ. соч. С. 164.

стегая кнутом на ходу[1319]. Жёнами могли «потчевать» гостей или зарабатывать на этом[1320]. Жалобы крестьянок часто оставались без последствий, ибо по понятиям многих волостных судей «самое жестокое обращение мужей с жёнами вовсе не считается преступлением»[1321]. Таким образом, законодательство в 1862 году, наверное, впервые встало на сторону замужних женщин податного сословия против хозяйственных интересов мирского общества. Кроме того, закон 1862 года, отразивший сословную специфику податных классов (крестьянства, прежде всего), вступил в некоторое противоречие с нормами Свода законов гражданских. С 1819 года, когда было утверждено мнение Государственного Совета по делу поручика Шелковникова, светским органам было запрещено входить в рассмотрение вопросов о разножительстве супругов. Однако закон 1862 года возложил решение вопроса об оставлении жены при указанных обстоятельствах на прежнем месте жительства именно на светские органы, т.е. на волостные крестьянские суды, приговоры которых утверждались губернаторами. Таким образом, деятельность сельской юстиции позволила не только пролить свет на особенности семейных отношений крестьян, но и вынудила государство скорректировать законодательство о статусе семей переселенцев в Сибирь.

Реформа 1861 года, упразднив обязанности помещиков о попечении бедных крестьян, возложила на сельские общества заботу о личности и имуществе малолетних крестьянских сирот. Согласно Примечанию к ст. 21 Общего положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, общинное самоуправление было обязано в делах такого рода руководствоваться местными обычаями[1322], т.е. никаких принципиальных изменений в эту сферу крестьянская реформа не привнесла. Единственным новым лицом, к которому можно было обратиться в случае злоупотребления общиной опекунскими правами, стал мировой посредник.

Вчерашние помещичьи, удельные и государственные крестьяне, видимо, настолько редко пользовались учреждением официальной опеки, что редакционная комиссия, вырабатывавшая в конце XIX столетия новый проект устава об опеках, не имела никаких сведений даже об общем количестве опек, учреждённых для сельских обывателей,

---

[1319] Там же. С. 226.
[1320] *Заблоцкий-Десятовский А.П.* Указ. соч. С. 305; *Шашков С.С.* История русской женщины. СПб., 1879. С. 317; *Костров Н.А.* Юридические обычаи крестьян-старожилов Томской губернии. Томск. 1876. С. 79.
[1321] Труды комиссии по преобразованию волостных судов. Отзывы различных мест и лиц. С. 511.
[1322] Российское законодательство X – XX веков. Т. 7. С. 40 – 41.

самой многочисленной в России группы населения[1323]. Современными авторами отмечаются трудности «на этапе правоприменения» в отношении этого института у крестьян, что было вызвано отсутствием единого, комплексного, всесословного законодательства об опеке[1324]. Так, из обращения в Сенат в конце 80-х годов XIX века представителей Олонецкого губернского присутствия, следовало, что состояние опекунского дела в данной губернии находилось «в самом неудовлетворительном положении вследствие безучастного отношения к этому делу сельских обществ»[1325]. Но даже при выявлении злоупотреблений, допускаемых опекунами в управлении имуществом подопечных, органы крестьянского самоуправления, обязанные руководствоваться обычаями, не имели точных указаний о порядке их привлечения к ответственности[1326].

Однако, невзирая на максимально неформальный характер опекунских учреждений у крестьян, судебные дела в данной сфере всё-таки возбуждались, и в Сенате сложилась определённая практика принятия решений по ним, а также издания подзаконных актов в рамках своей компетенции. Так, циркулярным указом от 2 апреля 1885 года № 1447 Сенат уточнил, что проверка действий опекунов возлагается на сельские сходы, которые в случае обнаружения ущерба, нанесённого имуществу подопечных, могли не только устранять и заменять опекунов, но и требовать возмещения растраченного имущества и возмещения убытков, а при необходимости – предъявлять судебные иски. В том же циркулярном указе Сенат допустил применение в данных случаях Свода законов гражданских (ст. 290 в изд. 1887 г.) об ответственности опекунов своим личным имуществом за свои упущения, а также ст.ст. 574 и 609 – 689 Свода законов гражданских, касающихся вознаграждения за вред и убытки, причинённые вследствие нарушения[1327].

Таким образом, обретение крестьянами статуса свободных сельских обывателей в рамках проведения реформы 1861 года сразу принципиально не повлияло на угол зрения, под которым правительство смотрело на крестьянские брачно-семейные отношения. Ликвидировав «посредническое звено» в виде помещиков и органов государственного управления, правительство должно было при сохранении прежних повинностей и

[1323] Проект устава об опеках и попечительствах с объяснительной к нему запиской. СПб., 1891. С. 131.
[1324] *Федосова Е.В.* Правовое регулирование опеки и попечительства над несовершеннолетними лицами крестьянского сословия в Российском империи (вторая половина XIX века) // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2011. № 1(14). С. 416.
[1325] Опека над личностью и имуществом малолетних сирот сельского состояния. Узаконения и решения Правительствующего Сената по крестьянским опекам. Сост. Земский начальник 2 уч. Каргопольского уезда Олонецкой губернии А.К.Боровский. Петрозаводск. 1900. С. 33.
[1326] Там же. С. 34.
[1327] Там же. С. 38.

способов их осуществления найти нового посредника, каким и была избрана община. Не обладая теми возможностями, которыми когда-то обладали дворяне и государственная администрация при решении брачно-семейных вопросов крестьян, органы общинного самоуправления, тем не менее, были уполномочены вторгаться в родственные отношения членов крестьянского двора. Однако это вторжение было вызвано, в основном, необходимостью обеспечить падающие на отдельное хозяйство платежи.

Устранение помещиков от регулирования внутрисемейных отношений в крестьянском быту заставило государство взять на себя данные функции, с использованием в этих целях нормативно-правовых актов, созданных именно для крестьянской среды. В частности, государственное нормативно-правовое регулирование касалось решения некоторых непростых вопросов организации крестьянского двора, в том числе, вопросов семейной собственности и семейных разделов. Впрочем, эта необходимость возникла не сама по себе, а из-за желания правительства провести сельскохозяйственные реформы. В иных семейных вопросах, как показала практика, в свои права вступили обычаи (например, в сфере опеки). Таким образом, реформа 1861 года сохранила прежний принцип государственного регулирования крестьянских брачно-семейных отношений: «точечное» вмешательство правительства в вопросы, затрагивающие «хозяйственный интерес», и оставление без регламентации иных аспектов. Только теперь регулятором этих «иных аспектов» была уже не административная власть органов управления или воля помещиков, а нормативные правовые акты и обычаи конкретной местности.

Г. Посадское население (мещане)

Брачно-семейные отношения городского населения, как и крестьян, были интересны государству исключительно в связи с выполнением ими сословных обязанностей. Представляется, что брак и семья горожан стали объектом внимания русского правительства примерно в то же время и по тем же причинам, что и брачно-семейные отношения в крестьянской среде. Светская власть как в сельской, так и в городской семье видела, прежде всего, податную единицу, поэтому изначально внимание законодателя было обращено на прикрепление к посаду семей горожан с совместно проживающими родственниками. Если вслед за П.П. Смирновым считать начало прикрепления посадских людей от 1581 года[1328], то примерно с этого времени и нужно искать законы, опре-

[1328] *Смирнов П.П.* Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века. Т. 1. М.-Л., 1947. С. 157.

деляющее статус членов семей чернотяглых людей. Семьи, или вернее, члены двора тяглеца являлись объектами сыска и возврата на посад. Вступление в члены двора через брак с его представителем могло поменять статус вольного человека. Правительственный интерес к семье (или двору) был вызван, как и в отношении крестьянства, спецификой податных обязанностей. Государственные налоги, сборы, а также различные повинности раскладывались на горожан не индивидуально, а по определённым податным обществам. Как в настоящее время налоговые органы интересуются доходами отдельных физических лиц, так и в XVI – XVII веках учитывалось материальное благополучие *дворов*, которые в этом отношении делились на: 1) дворы лучших людей, 2) дворы средних людей, 3) дворы молодших людей, 4) дворы худых людей[1329]. Рассматривая городской двор как хозяйственную единицу, правительство фиксировало в писцовых книгах всех его членов и было заинтересовано в их постоянном проживании по месту приписки. Так, в 1639 году по докладу боярина Б.А. Репнина царь указал возвращать на посад не только детей, но и братьев посадских людей, записанных в писцовых книгах[1330]. В том же указе решались вопросы отношения к посаду членов двора, вошедших туда по браку. Из указа хорошо виден интерес русского правительства к поддержанию хозяйства посадского двора: если вольный человек женился на посадской *вдове*, за которой числился жребий её покойного мужа, то этого человека следовало «имать на посад». Если же вольный человек женился на посадской *девке*, то вопрос о его принадлежности к посаду решился положительно лишь в том случае, если согласно брачному сговору он входил во двор тестя[1331].

Таким образом, брачные отношения посадского населения интересовали правительство, во-первых, с точки зрения сохранения и умножения численности горожан как тяглого населения. Во-вторых, законодатель видел в браках горожан нежелательную возможность вывода из тягловой раскладки посадских промыслов: лавок, погребов, соляных варниц и проч. В этом отношении весьма показательно регулирование браков посадских вдов. Согласно ст. 22 гл. XIX Соборного Уложения 1649 года вдовы посадских людей, которые после смерти мужей владели тяглым имуществом (лавками, дворами, соляными варницами) могли выйти замуж за вольных людей только при условии записи

[1329] См., напр.: *Лаппо-Данилевский А.* Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи Преобразований. СПб., 1890. С. 124 – 126; *Беляев И.Д.* Лекции по истории русского законодательства. М., 1888. С. 258.

[1330] Законодательные акты русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века. № 267. С. 188.

[1331] Там же.

их в посад. В данном случае государство было заинтересовано не в увеличении численности посада, а в сохранении за посадом имущества, которое могло быть выведено из тягловой раскладки вследствие вольного статуса нового мужа посадской вдовы. По сути, женщина ради фискальных интересов казны была пожизненно привязана к посадскому тяглому имуществу. В том же духе регулировали браки посадских вдов Магистратские докладные пункты, поданные на утверждение Петру I в 1722 году[1332]: если новый супруг не принадлежал к посаду, замужество могло состояться не иначе, как после записи жениха в купечество. Если же по каким-либо причинам такая запись не состоялась, не мог состояться и брак. Однако Пётр I в своей Резолюции от 13 апреля на Магистратские докладные пункты[1333], по сути, освободил посадских вдов от пожизненной привязи к посаду, разрешив им прежде вступления в новый брак, «за кого похотят», продать посадским людям записанное за ними имущество и заплатить все прошлые недоимки. В таких случаях лишь после получения справки от органов городского самоуправления, подтверждающей соблюдение интересов посада, священник мог приступать к подготовке венчания[1334]. По стопам отца пошла Елизавета Петровна, уточнив в 1742 году[1335], что избавляться от посадского имущества вдова была обязана лишь в том случае, если вступала в новый брак с человеком «другого чина», т.е. не принадлежавшим к посадскому тяглому населению.

Таким образом, решения Петра I и Елизаветы Петровны по вопросу о новых браках посадских вдов демонстрировали новый взгляд законодателя на правовое положение горожан вообще. В XVII веке государство ещё пыталось «привязывать» семьи горожан к посадскому тягловому имуществу. Однако преобразования в системе городского управления и изменение системы налогообложения XVIII столетия заменили механизм прикрепления семей горожан к посаду. Теперь судьба как главы семейства, так и его домочадцев в некоторый степени зависела от решения податного общества. Если с его точки зрения, скажем, при переселении главы городского семейства по приговору в Сибирь, его жену вместе с детьми было целесообразно оставить на прежнем месте жительства, то даже невзирая на церковную идею о нерасторжимости брака, центральная власть соглашалась с таким решением. Так, в 1850 году Государственный Совет рассматривал дела о семье сызранского мещанина Иевлева, приговоренного к ссылке на

[1332] 1-е ПСЗРИ. Т. VII. № 4312.
[1333] 1-е ПСЗРИ. Т. VII. № 4312 (п. 11).
[1334] ОДДС. Т. III (1723 г.). Дело № 224. Стлб. 234 – 235.
[1335] 1-е ПСЗРИ. Т. XI. № 8504 (п. 23).

поселение в Сибирь. Сызранское мещанское общество не дало согласия на увольнение двух сыновей Иевлева, при детях также была оставлена и жена. Однако Симбирское губернское правление, ссылаясь на требование закона не разлучать в подобных случаях супругов, потребовало отправить к месту ссылки Иевлева также и жену. В итоге Государственный Совет согласился с решением мещанского общества и не стал применять принуждения к жене и детям осуждённого, которые остались на прежнем месте жительства[1336].

Помимо решения податных обществ в делах о переселении семейств горожан важную роль играли государственные органы. Например, в марте 1805 года Сенат в связи с частным делом о желании некоторых мещан Черниговской губернии «переписаться» из неё сформулировал правило, что хотя таковые переходы и зависели, прежде всего, от согласия мещанского общества дать требуемое увольнение, но местными Казёнными палатами в каждом конкретном случае должна была производиться оценка «экономического эффекта» от такого перехода. В случае разногласий мещанских обществ и Казённых палат такие дела следовало представлять на разрешение в Сенат[1337]. Таким образом, отчётливо виден фискальный интерес государства, который лежал в основе предоставления податным обществам возможности решать вопросы места жительства семьи горожанина.

Тот же интерес определил причину, по которой городская семья могла быть принудительно выдворена с места жительства. Так, побуждая московских мещан к платежу податей за себя и за своё семейство, Государственный Совет предложил в 1828 году установить за уклонение от этой обязанности в течение пяти лет наказание в виде перемещения неплательщиков *с семьями* в сибирские губернии[1338]. При определении судьбы отдельных членов городской семьи, особенно мужчин, законодатель смотрел на вопрос с этих же позиций. Так, в 1826 году Московское губернское правление поставило перед Сенатом вопрос, могут ли мужья следовать за жёнами, переселяемыми по приговорам в Сибирь[1339]. В Министерстве финансов, куда вопрос был послан на предварительное рассмотрение, не видели веской причины отказывать мужьям в этом желании и предлагали в подобных случаях дать им возможность выбирать места водворения в Сибири с припиской к мещанскому обществу. Однако Государственный Совет рассудил иначе и в

[1336] РГИА. Ф. 1149. Оп. 4 (1850). Д. 36. Л. 33 – 34об.
[1337] 1-е ПСЗРИ. Т. XXVIII. № 21693.
[1338] 2-е ПСЗРИ. Т. III. № 2533; см. также: 2-е ПСЗРИ. Т. V. Отд. I. № 3582.
[1339] РГИА. Ф. 1149. Оп. 2 (1832). Д. 75. Л. 2.

феврале 1833 года Николай I утвердил запрет мещанам добровольно следовать за сосланными жёнами[1340]. Таким образом, исполнение податных обязанностей горожанином не только влияло на изменение места жительства его семейства, но и могло привести к раздельному проживанию членов семьи. В фискальных вопросах казённый интерес для правительства был важнее совместного проживания мужа и жены.

Статус членов семьи горожан первоначально определялся с точки зрения охраны чести и достоинства. Судебник 1550 года (ст. 26) и Соборное Уложение 1649 года (ст. 94) определяли штраф за бесчестье посадским людям, их жёнам и дочерям. В этом выразился старинный подход законодателя, известный ещё со времен Русской Правды, когда особенности правового положения разных классов выражались в установлении разных санкций за убийство, оскорбления и другие правонарушения. Однако с развитием сословного строя в России такой подход был заменён на более практичный: продолжение занятия промыслом главы семьи позволяло его вдове или потомкам сохранить принадлежность к той или иной группе горожан. С одной стороны, Жалованная грамота городам, вроде бы, безоговорочно сообщала жёнам мещан их сословный статус (п. 82)[1341]. А с другой стороны, законодатель неоднократно констатировал, что женщины «никакими казне повинностями обязанными не состоят»[1342] и «обязанность избирать определительный род жизни на женщин не распространяется»[1343]. При этом освобождение от обязанностей перед государством не мешало незамужней женщине или вдове записаться в мещанство и оставаться в нём, занимаясь собственным промыслом[1344].

С начала XVIII века в условиях городского хозяйства власть стала решать проблему устройства несовершеннолетних детей, оставшихся без попечения родителей. Одно из направлений такого устройства – призрение незаконнорождённых и определение их правового положения. Именным указом 1712 года было велено принимать в «шпиталеты» для прокормления за казённый счет увечных, престарелых и младенцев, «которые не от законных жён рождены»[1345]. В этом начинании Петр I последовал примеру новгородского митрополита Иова, который в 1706 году завел в Новгороде три больницы и дом для воспитания незаконнорождённых и подкинутых младенцев. Первое время митрополит содержал эти учреждения за счёт собственных доходов, но Петру I

[1340] Там же. Л. 13.
[1341] Законодательства Екатерины II. Т. 2. Док. № 166. С. 91.
[1342] 1-е ПСЗРИ. Т. XXXVI. № 27745.
[1343] 2-е ПСЗРИ. Т. I. № 606.
[1344] 2-е ПСЗРИ. Т. VI. Отд. I. № 4538 п. 11; Т. VII. № 5842 п. 6.
[1345] 1-е ПСЗРИ. Т. IV. № 2467 п. 18.

понравилась идея, и от Сената было разослано по разным городам около 20 тыс. увещеваний делать пожертвования на новгородские «сиропитательницы»[1346]. В 1714 – 1715 и 1720 годах несколько указов специально были посвящены устройству «гошпиталей» для незаконнорождённых младенцев, в том числе определялись оплата труда сиделок, суточная денежная сумма для прокормления детей, а также меры, обеспечивающие анонимность того, кто принесёт в «гошпиталь» внебрачного ребёнка[1347]. В 1764 году в Москве был открыт первый воспитательный дом, питомцам которого был дан ряд привилегий, в том числе свобода от закрепощения, право приобретать дома, лавки, устраивать фабрики и заводы, вступать в купечество, заниматься различными промыслами и т.д.[1348]. В 1770 году аналогичный воспитательный дом был открыт в Санкт-Петербурге.

Помимо вопросов призрения подкинутых детей, власть определяла правовой статус внебрачных детей горожан. Как правило, вопросы об этом возникали в ходе переписи населения. Во время второй ревизии (1744 – 1745 годы) было определено, что горожанин мог принять незаконнорождённого на воспитание, и тогда ребёнок приписывался к тому податному обществу, где числился сам воспитатель[1349]. Воспитателем незаконнорождённого обычно являлся его фактический отец, однако ситуация могла быть и иной. Так, в 1844 году воспитанник (незаконнорождённый сын) титулярной советницы Андреевой по её смерти не был взят её законными дочерьми на попечение, поэтому перед Оренбургским приказом общественного призрения встал вопрос об определении ребёнка в какое-либо податное сословие[1350]. В этой связи Сенат предложил, а Государственный Совет и император согласились считать внебрачного ребёнка до достижения им 18 лет «в свободном состоянии», а затем – приписать его к одному из податных состояний, куда сам пожелает[1351]. Однако это решение лишь определяло свободу внебрачного ребёнка от повинностей, но не решало вопрос о его статусе до совершеннолетия. В 1863 году в виде общего правила было, наконец, постановлено, что незаконнорождённый до совершеннолетия мог быть приписан в податное общество (в том числе – в городах)[1352]. А в 1891 году высочайше утверждённым мнением Государственного Совета

[1346] См.: *А.И.* Вопрос о незаконнорождённых. СПб., 1875. С. 45.
[1347] 1-е ПСЗРИ. Т. V. № 2856, 2953. Т. VI. № 3502 .
[1348] См.: *А.И.* Вопрос о незаконнорождённых. СПб., 1875. С. 47.
[1349] 1-е ПСЗРИ. Т. XII. № 9011; Т. XXXIII. № 25947; 2-е ПСЗРИ. Т. III. № 2136.
[1350] РГИА. Ф. 1149. Оп. 3 (1845). Д .27. Л. 8.
[1351] Там же. Л. 8об.
[1352] 2-е ПСЗРИ. Т. XXXVIII. Отд. I. № 39882.

было установлено, что через институт усыновления внебрачный ребёнок горожанина (как и прочие его воспитанники или приёмыши) мог приписываться к его семейству[1353].

Сравнивая решение одной и той же проблемы в отношении внебрачных детей дворянского происхождения и рождённых простонародьем, можно наглядно увидеть практический подход правительства. Для дворян с 1829 года узаконение незаконнорождённых было запрещено, а у горожан не возникало проблемы сообщения фактическим детям своего статуса, только они это делали через их приписку к собственному податному обществу. С точки зрения власти ребёнок горожанина (законный или незаконный) имел совершенно одинаковое фискальное значение.

Итак, государство довольно скупо регулировало брачно-семейные отношения городского населения. Русское правительство интересовалось лишь теми аспектами брака и семьи горожан, которые, как и в отношении крестьян, были связаны с исполнением податных обязанностей. Так, статус членов семьи горожанина регулировался законодательством не только в связи с определением платы за бесчестье (как, например, в Судебнике 1550 года или в Соборном Уложении 1649 года), но и с точки зрения фискального интереса. Прикрепление к посаду через брак с посадской вдовой, запрет горожанину-налогоплательщику следовать за сосланной женой в Сибирь, отправление всей семьи в Сибирь за неуплату податей её главой и, наоборот, запрет по решению податного общества следовать домочадцам за сосланным домохозяином-горожанином – все эти правовые средства при их разнообразии служили исключительно фискальной цели. Разница же в методах воздействия на городскую семью зависела от взглядов русского правительства разных эпох на значение городских поселений. Чрезвычайная ситуация в стране в первой половине XVII века (Смута, иностранная интервенция), а также активное расширение российских территорий определили роль городского поселения, с одной стороны, как крепости, с другой – как промышленного и финансового центра, обеспечивающего те же оборонные задачи города. Соответственно, на повестку дня вставал вопрос о прикреплении горожан с семьями к посаду, в том числе, и для пополнения контингента служилых людей. Кроме того, прикрепление посадских семей обеспечивало функционирование промыслов, приносящих казне денежный и натуральный доход, используемый, прежде всего, для поддержания обороноспособности городов и прилегаю-

[1353] 3-е ПСЗРИ. Т. XI. № 7525.

щих к нему земель. Другая задача – колонизация отдалённых районов страны – определила допущение отправки в Сибирь за провинности горожан целыми семьями.

Оборонительная функция города, в том числе, как форпоста русского правительства в осваиваемых районах страны, постепенно теряет значение в XVIII – XIX веках. Городское поселение приобретает значение, прежде всего, как административный, торгово-промышленный и финансовый центр, соответственно, прикрепление семей горожан к посаду утратило былое значение. С уточнением обязанностей городского населения в рамках сословных и финансовых преобразований XVIII века судьба семей горожан стала зависеть, прежде всего, от податных обществ. Поскольку эти общества были ответственны перед правительством за исполнение горожанами различных повинностей и платёж податей, то и решение об «увольнении» отдельных лиц или целых семей в связи с насильственным переселением или добровольной переменой места жительства принималось именно ими.

Подобные решения могли идти вразрез с некоторыми общими брачно-семейными законодательными нормами. В частности, по решению податного общества могло быть допущено разлучение семьи при переселении одного из её членов в Сибирь, в то время как закон безусловно требовал совместного проживания супругов. Однако в подобных ситуациях фискальный интерес брал верх. Фискальный же интерес определял решение вопроса о правовом статусе внебрачных детей горожан. Узаконение незаконнорождённых в этой сословной группе совершалась припиской к податному обществу, как это случилось бы и в отношении законнорожденных детей.

В остальном брачно-семейные вопросы горожан находили своё разрешение в нормах общего гражданского законодательства или регулировались обычаями.

Д. Купечество

С брачно-семейными отношениями торговой прослойки городского общества у государства связывался вполне определённый интерес. Чётко он обозначился во второй половине XVIII века, когда было введено особое налогообложение купцов трёх гильдий в зависимости от объявленного ими капитала. Согласно Жалованной грамоте городам, купцам приходилось ежегодно при записи в гильдию платить однопроцентный сбор с

капитала (ст. 93)[1354], причём в выдаваемом свидетельстве о принадлежности к гильдии можно было указать не только самого купца, но и его неотделённых детей (ст. 94). По Именному указу от 23 июня 1794 года дети купца лишь тогда могли вступить в права наследников семейного капитала, когда заплатят с него также однопроцентный сбор[1355].

Желая избежать тягостного обложения, купцы шли на хитрости, которые были довольно быстро замечены властями. Так, купечество часто весьма своеобразно регистрировали свои семейства, записывая в одно свидетельство вместе с детьми и боковых родственников, фактически живущих отдельным хозяйством и ведущих своё собственное дело[1356]. Кроме того, приписка детей к отцовскому капиталу, т.е. их неотделённое положение приносило им выгоду: согласно указу Екатерины II 1775 года такие дети не уплачивали ни сбора с купечества, ни подушной подати[1357]. Такая хитрость позволяла родне не объявлять свой капитал и не платить однопроцентного ежегодного сбора, а также избегать рекрутчины. Дети также часто хитрили: проживая неотделёнными при живом отце, они начали брать купеческое свидетельство на себя, опять-таки избегая уплаты сбора за вступление в наследственные права, установленного указом 1794 года. В связи с этим власти приходилось специально указывать, в каких случаях купеческое семейство могло ограничиться одним свидетельством, а в каких – нет[1358]. Лишь в отдельных случаях, поощряя крупный семейный бизнес, правительство позволяло приписывать отдельных родственников к одному капиталу[1359].

Различные «операции» с составом регистрируемого семейства имели смысл в то время, когда налогообложение купечества зависело от объявляемого ими капитала. Несколько родственников-предпринимателей могли укрыться под «крышей» одного купеческого свидетельства, чтобы каждому из них не платить процентного сбора со своего капитала. Правительство было вынуждено лишь бороться с этим явлением ограничением круга родственников, разрешённых к включению в одно свидетельство, и другими частными мерами. Так, члены семьи, состоящие в одном семейном капитале, но не числящиеся в купеческой гильдии и при этом владеющие недвижимым имуществом в сто-

[1354] Законодательство Екатерины II. Т. 2. Док. № 166. С. 92.
[1355] 1-е ПСЗРИ. Т. XXX. № 23503.
[1356] 1-е ПСЗРИ. Т. XXXIX. № 30046.
[1357] См. об этом: Законодательство Екатерины II. Т. 2. С. 55.
[1358] 1-е ПСЗРИ. Т. XXXIX. № 30115, раздел IV.
[1359] 2-е ПСЗРИ. Т. II. № 1631 п. 6.

лицах стоимостью свыше 7 500 руб., с 1851 года были обязаны платить в казну купеческие повинности по 3-й гильдии[1360].

Специфика обложения семейного капитала определила особое положение купеческих жён и вдов. Так, если вдова записывалась в гильдию и вносила все требуемые платежи, то в таком случае приобретала и присвоенные купечеству торговые права. Законодательство не запрещало и замужним женщинам заниматься купеческим делом, правда, на это было необходимо согласие супруга[1361]. В отношении к неотделённым детям купец имел право как включить их в своё свидетельство, так и не включать, тем самым сообщая им статус мещан[1362]. Таким образом, законодательство позволяло купцу изменить правовое положение своих домочадцев (жены и детей), чего не наблюдается ни в посадской, ни в крестьянской семьях. У купечества разделы и выделы зависели исключительно от воли главы семейства, в то время, как, например, у крестьян вопрос об этом могли ставить и дети домохозяина. Очевидно, такое различие базировалось на специфике права собственности у купцов и крестьянства, и характере трудового участия. Трудовой вклад всех членов крестьянского двора предполагал, соответственно, признание их прав на долю в имуществе. Купеческая же деятельность предполагала ведение дел, прежде всего, главой «фирмы», что и определяло её главенствующее положение в семье.

Проблемы с составом купеческого семейства при объявлении семейного капитала должна была естественным образом измениться с реформами налогообложения. Так, преобразования 1863 – 1865 годов, хотя и сохранили разделение горожан на гильдии, но объявление капитала утратило всякий смысл: вместо процентного сбора с капитала была введена фиксированная плата за купеческое свидетельство[1363]. Правда, законодательство при этом ещё сохраняло возможность приписки к купеческому свидетельству определённого перечня родственников[1364]. Положение о государственном промысловом налоге 1898 года, пожалуй, поставило точку в решении вопроса о составе семьи городского предпринимателя: новый закон требовал выборку промыслового свидетельства на каждое отдельное торговое или промышленное заведение, на каждое паровое судно, на каждый отдельный промысел или отдельное личное промысловое занятие (ст. 41)[1365].

[1360] 2-е ПСЗРИ. Т. XXVI. Отд. II. № 25635.
[1361] 2-е ПСЗРИ. Т. XXXVIII. Отд. I. № 39118 п. 21.
[1362] 2-е ПСЗРИ. Т. VIII. Отд. I. № 6108.
[1363] См., напр.: *Львов Д.* Промысловый налог и методы его установления в Западно-Европейских государствах и России. Казань. 1878. С. 198.
[1364] 2-е ПСЗРИ. Т. XL.Отд. I. № 41779 Гл. VIII.
[1365] 3-е ПСЗРИ. Т. XVIII. Отд. I. № 15601.

Таким образом, законодательство перешло от обложения субъекта (который мог представлять собой целую семью) к обложению промыслов этого субъекта.

Особое положение купечества среди горожан определило специфику решения «статусных» вопросов в их отношении. На правовое положение купечества и членов их семейств оказывало влияние не только сама их принадлежность к этому сословию, но и факт награждения их предков (отцов и дедов) званием «именитых» (с 1785 года) или «почётных» (с 1832 года) граждан. В первом случае Жалованная грамота городам предоставляла возможность внукам «имянитых граждан» претендовать на получение дворянства при условии, что их деды, отцы и они сами «имянитость беспорочно сохранили» (п. 137)[1366]. Во втором случае вместе с удостоенным этого статуса мужем, согласно положению об общем статусе супругов, подобный статус получала и его супруга[1367]. Если присвоенное почётное гражданство было не личным, а потомственным, то на этот статус могли претендовать и законнорожденные дети[1368]. Впрочем, иногда дарованные горожанину права не касались остального его семейства. Так, предоставленные в 1807 году купцам 1-й гильдии право ношения шпаг (а на русском платье – сабель), а также право приезжать к императорскому двору не распространялись на членов семьи, приписанных к объявленному такими купцами капиталу[1369].

Статус внебрачных детей купцов зависел исключительно от воли их фактических отцов. Так, согласно высочайше утверждённому мнению Государственного Совета от 6 июля 1828 года, до совершеннолетия внебрачный ребёнок мог вноситься в купеческое свидетельство фактического отца[1370], а после, если отец объявлял за ним особый капитал, ребёнок получал собственное купеческое свидетельство. В противном случае он зачислялся в мещане. Точно таким же образом, как уже было показано, купец мог поступать и со своими законнорожденными детьми: мог выделить им капитал, а мог и записать в мещане. Высочайше утверждённое мнение Государственного Совета от 12 марта 1891 г. установило равенство законных и усыновлённых внебрачных детей купцов: согласно ст. 12 раздела III данного документа, «усыновленных купцами дозволяется вносить в купеческие свидетельства *наравне с родными детьми усыновителя* (курсив мой –

[1366] Законодательство Екатерины II. Т. 2. Док. № 166. С. 114.
[1367] 2-е ПСЗРИ. Т. VII. № 5284 §4.
[1368] Там же, §7.
[1369] 1-е ПСЗРИ. Т. XXIX. № 22418.
[1370] 2-е ПСЗРИ. Т. III. № 2136. Правда, указанная возможность не распространялась на фактических матерей, самостоятельно занимавшихся торговой деятельностью (2-е ПСЗРИ. Т. XXXVIII. Отд. I. № 39118, п. 66).

П.П.)»[1371]. Однако ничто не мешало купцам и без усыновления действовать в том порядке, который был установлен ещё в 1828 году.

Таким образом, вне зависимости от того пути, который фактический отец-купец избирал для определения судьбы своего внебрачного ребёнка (записать ли его в мещане или выделить ему особый капитал), сам факт незаконности рождения ничего не менял в его (ребёнка) правовом положении. И в этом смысле можно сделать заключение о том, что с точки зрения отношения государства к внебрачным детям купечества (как и остального податного населения), оно не видело разницы между ними и законнорожденными детьми. Если для церкви внебрачный ребёнок был плодом и доказательством незаконной половой связи, то для государства он был таким же обязанным различными повинностями лицом, как и законнорожденное податное население. Сопоставляя правовое положение внебрачных детей у различных сословных групп, можно сделать общий вывод о том, что для подавляющего большинства населения страны (крестьяне, мещане, купцы) факт законности или незаконности рождения даже до Октября 1917 года принципиально не сказывался на их сословных правах и обязанностях. Все невыгодные последствия, которые были связаны до Октябрьской революции с незаконным происхождением, когда внебрачный ребёнок юридически не принадлежал к роду отца и матери и, соответственно, не обладал правами наследования родовых имений, для податного населения были неактуальны. Богатое же купечество могло совершенно беспрепятственно обеспечить для своих внебрачных детей и достойное материальное положение, и возможность встать на ту же ступень социальной лестницы, что и они сами.

Начиная с XVIII века, государство занималось организацией опекунских учреждений горожан. Впервые государственный интерес к городским сиротам обозначился в документе эпохи Петра I – Инструкции Магистратам 1724 года. В этом документе опекун ещё назывался «душеприказчиком», и в его обязанности входило «иметь малолетних детей в добром призрении и воспитании, и оставшие их после родителей пожитки – в добром хранении с приобщением возможной прибыли» (п. 46)[1372]. Инструкция даёт лишь самые общие наставления относительно обязанностей опекунов, однако определённые выводы об их полномочиях на практике можно сделать из изучения отдельных частных актов. Так, современный исследователь Н.В. Козлова собрала и обобщила духовные завещания XVIII века. Эти материалы говорят о том, что принципы охраны

[1371] 3-е ПСЗРИ. Т. XI. № 7525.
[1372] 1-е ПСЗРИ. Т. VII. № 4624.

имущественных прав малолетних сирот городского сословия, обнаруженные в актах XVIII столетия, во многом восходили ещё ко временам Русской Правды. В частности, Н.В. Козловой высказано мнение, что как правило, дети после смерти отца оставались жить при матерях, но при повторном замужестве вдов имущество детей от первого брака поступало в управление иных родственников покойного[1373]. По мере взросления детей-сирот производился соответствующий раздел наследственного имущества[1374]. Опекунами могли быть назначены по завещанию боковые родственники (часто – братья завещателя). Кроме того, старшим сыновьям в завещании поручалась забота о незамужних сёстрах и матерях-вдовах[1375]. Место проживания вдовы после произведённого раздела имущества между детьми также могло быть оговорено в завещании мужа.

Учреждения для управления губерний Екатерины II предусмотрели организацию Городового сиротского суда (ст. 293 – 304)[1376]. Как отмечают исследователи, при подготовке этого документа его составителя явно руководствовались петровской Инструкцией Магистратам[1377], а полномочия этого органа были аналогичны дворянской опеке[1378]. Опекуны, назначенные сиротским судом, были обязан принимать меры как по воспитанию подопечных сирот, так и к сохранности сиротского и вдовьего имущества. Хотя организация опеки формально касалась всех городских сирот и вдов, дальнейшая практика показала, что основной предмет заботы новых органов – купеческое имущество (предприятия и капиталы). В Москве, например, купечество примерно на три четверти взяло на себя содержание сиротского суда, при этом купеческих капиталов, находившихся в опеке, было почти в три раза больше, чем иных[1379]. Специфика купеческого имущества, находившегося в управлении сиротского суда (капиталы, промышленные и торговые предприятия), требовала назначения опекуном не просто добродетельных и честных людей, как того требовал закон екатерининской эпохи (ст. 299), но и сведущих в предпринимательской деятельности. Это обстоятельство, в частности, в конце 60-х годов XIX века побудило московское купечество обратиться в одну из комиссий по подготовке проекта опекунского устава с предложением создать особую купеческую опеку

[1373] Городская семья XVIII века. Семейно-правовые акты купцов и разночинцев Москвы / Составление, вводная статья и комментарии Н.В. Козловой. М., 2002. С. 27.
[1374] Там же.
[1375] Там же. С. 28.
[1376] Законодательство Екатерины II. Т. 1 Док. № 63. С. 430 – 432.
[1377] *Григорьев В.* Реформа местного управления при Екатерине II. СПб., 1910. С. 286.
[1378] Законодательство Екатерины II. Т. 1 Док. № 63. С. 332.
[1379] Проект Устава об опеках и попечительствах с объяснительной к нему запиской. СПб., 1891. С. 38.

для заведывания делами малолетних, оставшихся после лиц купеческого звания[1380]. Несмотря на то, что данное предложение не нашло отражение в дальнейших проектах, оно лишний раз укрепило разработчиков законов об опеке в мысли о необходимости сохранения сословных особенностей будущих опекунских учреждений Российской империи.

Таким образом, некоторые особенности правового положения членов купеческих семей определялись спецификой деятельности купечества и налогообложением этой прослойки населения. Законодательство XVIII - XIX веков, регулируя обложение объявленного капитала, предусматривало возможность для купцов манипулировать составом своих семейств. При этом, с одной стороны, государство было заинтересовано в формировании крупных торговых капиталов, а с другой – пыталось пресечь попытки со стороны купцов избежать обложения путём искусственного включения в состав семей самостоятельно ведущих своё дело родственников.

Глава купеческого семейства по собственной воле мог определить судьбу всех своих домочадцев: разрешать жене самостоятельно заниматься торговым промыслом, отделять детей с капиталом, достаточным для записки их в купечество, или, напротив, записать их в мещане без выдела капитала. При этом купец мог распорядиться судьбой своего незаконнорождённого сына таким же образом, как в отношении незаконнорождённого.

Осознавая роль купечества в развитии экономики страны, начиная с XVIII века, правительство устанавливало ряд поощрительных мер для этой прослойки, предусматривая для вышедших преимущественно из неё «капиталистов» особый статус именитых (почётных) граждан. Законодательство уделило внимание и членам семьи таких отличившихся предпринимателей с точки зрения сообщения им соответствующего статуса.

Опекунские учреждения в городах возникают в период правления Петра I. Однако несмотря на то, что опека формально могла учреждаться для всех городских сирот независимо от статуса их родителей, особое внимание и законодательство, и практика уделяли именно управлению имуществу сирот из купцов.

***

Итак, брачно-семейные отношения податного населения традиционно интересовали русское правительство не сами по себе, а в связи с исполнением крестьянами и го-

[1380] Там же. С. 35.

рожанами своих сословных обязанностей. Среди всех групп податного населения особенно выделяются крепостные крестьяне: прикреплённые изначально к земле, они попадают в личную зависимость к землевладельцам, как с древних времён – холопы. Землевладельцы, управляя своими имениями и будучи ответственными перед правительством за выполнение крепостными крестьянами необходимых повинностей, начинают вмешиваться в их брачно-семейные отношения гораздо более, чем того требовал чисто хозяйственный интерес. Воля помещика определяла для крепостного крестьянства почти все аспекты брачной и семейной жизни, эта воля заменяла собой и церковные правила, и правительственные постановления. Со своей стороны правительство вынуждено было ограничивать помещичий произвол лишь в крайних случаях, когда был очевиден вред от распоряжений крепостниками в сфере брачно-семейных отношений подвластного им крестьянства.

Государственные крестьяне и посадские люди (мещане) в своих отношениях с государством не имели посредника в виде помещиков. Соответственно, решение брачно-семейных вопросов внутри этих групп населения было свободно от произвола постепенно растлевающегося дворянства. Но и вмешательство государства в решение этих вопросов здесь было достаточно «точечным». В эпоху закрепощения податных людей правительство интересовали браки с точки зрения определения принадлежности к конкретной сословной группе. А в случаях с государственными крестьянками выход их замуж «на сторону» вплоть до реформы 1861 года оставался предметом контроля со стороны органов местного самоуправления и органов местного управления, ибо замужество могло привести к потере рабочих рук в казённых поселениях.

Семейные отношения податного населения регулировались государством, главным образом, с точки зрения фискального интереса. Особенно чётко это видно при решении вопросов о переселении семей государственных крестьян и посадских людей в Сибирь, что было связано с возможностью фактического расторжения брака или, по крайней мере, с разлучением супругов. Хозяйственная целесообразность переселения всего семейства или отдельных его членов – вопрос, который должен был решаться с учётом мнения местных податных обществ и органов государственного управления. Хозяйственными интересами государство руководствовалось также и при регулировании взаимоотношений в семьях податных людей. Так, внутрисемейные имущественные раз-

делы интересовали правительство лишь потому, что они могли повлиять на исполнение, в частности, рекрутской повинности и уплату подушной подати.

Вместе с освобождением крестьян от крепостной зависимости в 1861 году государству пришлось взять на себя регулирование вопроса о внутрисемейных разделах, поскольку помещики, отвечавшие до крестьянской реформы за выполнение крестьянами их повинностей, утратили эту функцию. Таким образом, если до реформы крестьянские разделы осуществлялись с согласия помещика с учётом местных обычаев, то после 1861 года законодатель был вынужден изучить эти обычаи и попытаться минимизировать их вредные последствия с точки зрения фискального интереса.

Несколько особняком стоит государственное регулирование брачно-семейных отношений купеческой прослойки горожан, что вызывалось особенностями их сословных обязанностей. Поощряя купцов в XVIII веке к предпринимательской деятельности, государство разрешает им самостоятельно решать вопросы о составе своего семейства, чтобы, с одной стороны, стимулировать создание крупных капиталов и предприятий, а с другой – не позволить уйти от налогообложения. Рассматривая купца, взявшего свидетельство, как главу фирмы, государство вручило ему власть распоряжаться судьбой своих домочадцев, т.е. решать вопросы их формального отделения или приписки к семейству, разрешать или запрещать жёнам заниматься отдельным промыслом, записывать своих сыновей (законнорожденных или внебрачных) в мещане или предоставить им капитал, достаточный для взятия купеческого свидетельства.

Опекунские учреждения, развивающиеся в России с XVIII века, фактически касались лишь той части податного населения, у которой имелось имущество, требующее хозяйственного управления (предприятия, капиталы). Таким образом, эти учреждения были созданы, в основном, в интересах зажиточной части горожан, большинство которых составляли купцы.

Перед тем, как обратиться к рассмотрению правового регулирования брачно-семейных отношений после Октября 1917 года, необходимо ещё раз обрисовать (в самых общих чертах) те отраслевые вопросы, которые требовали решения ещё в досоветский период, и с которыми придётся разбираться уже советскому законодателю.

Многие канонические предписания уже давно не соответствовали требования российской жизни и требовали некоторой коррекции. В частности, давно назрела проблема изменения бракоразводного процесса. Значительные сложности, причинами кото-

рых были, во-первых, узкий перечень законных причин к разводу, а во-вторых, особенности церковного судопроизводства по бракоразводным делам, заставляли россиян отказываться от официального расторжения браков и сожительствовать порознь либо фактически, либо обращаться за разрешением на это к светской власти. Сопоставление ежегодных статистических данных первого десятилетия XX века с данными начального советского периода лучше всего показывает, что необходимость упростить развод для россиян не просто назрела, а «перезрела».

Светское сословное законодательство, которое затрагивало брачно-семейные отношения российских подданных, к началу XX века тоже во многом перестало соответствовать требованиям жизни, ибо его идеология и содержание формировались в феодальную эпоху. Капиталистический путь развития, на который вступила Россия, уже требовал совершенно иного подхода ко многим аспектам правового регулирования, так или иначе связанным с браком и семьёй. Так, одна из злободневных проблем – правовой статус внебрачных детей – к моменту победы Октябрьской революции 1917 года так и не была полностью решена. Между тем, корнем проблемы неравного статуса незаконнорождённых детей и детей, рождённых в законном браке, уже несколько веков являлась задача охраны родовой недвижимости дворянских родов. Те правовые институты, которые были присущи феодальному строю, совершенно не соответствовали эпохе капитализма, однако половинчатость решения в отношении незаконнорождённых, принятого в 1902 году, отчётливо показало силу дворянства, с которой оно цеплялось за отжившее своё институты.

К началу XX века совершенно изменилась роль женщин в жизни российского общества. Развитие женского образования, механизация труда и т.п. неминуемо должны были привести к изменению правового положения замужних женщин. Однако невзирая на эти объективные тенденции, законодательство начала XX века так и не пошло по пути полного уравнения супругов в правах и обязанностях. Закон 1914 года, допустивший некоторое расширение прав замужних женщин, стал лишь паллиативной мерой, поскольку ещё существовали такие сдерживающие механизмы, как каноническое требование совместного проживания супругов, а также заимствованный из французского законодательства институт власти мужа.

Несмотря на то, что решение указанных проблем давно назрело, оно не могло быть осуществлено в России, где вплоть до начала XX века сохранялись ярко выражен-

ные сословные перегородки, где дворянство представляло основную политическую силу, и где Православная Церковь была первенствующей и господствующей. Таким образом, лишь по устранению этих сдерживающих факторов могли произойти изменения и в брачно-семейном правовом регулировании.

Глава 4. Формирование отрасли права

§ 1. Сочетание в брачно-семейном законодательстве 1917 – начала 1930-х годов дореволюционных тенденций и марксистской идеологии

В «наследство» от дореволюционной эпохи советская власть получила определённые *тенденции развития правового регулировании брачно-семейных отношений*. Среди важнейших из них, которые обозначились за последние десятилетия перед Октябрьской революцией, можно считать первые шаги к приравниванию статуса внебрачных детей к статусу детей, рождённых в браке (высочайше утверждённое мнение Государственного Совета от 3 июня 1902 года), некоторое расширение прав личных прав замужней женщины через предоставление возможности официального раздельного проживания и поступления при этом на частную, общественную и правительственную службу, а также в учебные заведения без согласия мужа (закон 1914 года), упрощение для супругов бракоразводного процесса (определение Синода от 1 мая 1917 года[1381]). О новых тенденциях в какой-то степени свидетельствуют постатейные подготовительные материалы к проекту Гражданского уложения, изданные вместе с ним в начале XX века, из которых видно, что была попытка учесть не только правовой опыт российского и европейского законодателя, но и практику волостных крестьянских судов. Таким образом, обозначились плоды научного изучения обычного права русского крестьянства.

Дореволюционная российская юридическая мысль постепенно приходила к осознанию необходимости внести изменения в брачно-семейное законодательство. Некоторые её выразители активно работали или пытались работать в реформаторском направлении не только до, но и после Октябрьской революции 1917 года. Один из них – адвокат И.А.Шпицберг, он был в составе инициативной группы, результатом деятельности которой стало принятие Синодом 1 мая 1917 г. определения, упростившего бракоразводные процедуры. Он же принимал участие в работе Особого совещания о пересмотре вопроса о поводах к расторжению браков, организованного обер-прокурором Синода В.Н.Львовым[1382]. Он же, по мнению Н.А.Семидёркина, был автором проекта закона о расторжении брака, увидевшего свет уже на десятый день после Октябрьской револю-

[1381] Расторжение браков. Определение Святейшего Синода. Об изменениях в делопроизводстве духовной консистории 1 мая 1917 г. № 2547. М., 1917. С. 3.
[1382] *Белякова Е.В.* Церковный суд и проблемы церковной жизни. С. 261.

ции[1383]. Другой – А.Г.Гойхбарг, один из авторов первого советского брачно-семейного кодекса, также ещё до Октябрьской революции проявлял определённый интерес к семейной проблематике и высказывался критически об отсталости царских законов в данной сфере, в частности, по вопросу о правовом положении замужней женщины[1384].

Между тем, несмотря на то, что многие вопросы брачно-семейного законодательства требовали своего разрешения, они не получили его до Октябрьской революции 1917 года. В частности, это касалось ликвидации неравенства внебрачных детей с законнорождёнными, а также упрощения сложного донельзя бракоразводного процесса.

Желание отказаться от явно устаревших и отживших своё семейно-правовых институтов отчётливо ощущается в текстах советских законов о браке и семье данного периода. В первых нормативных актах о браке и семье иногда ещё видится преемственность с дореволюционным законодательством. Так, в Декрете «О расторжении брака», опубликованном 19 декабря 1917 года, при вынесении решения о разводе судья должен был решить вопрос об алиментировании мужем бывшей жены, нетрудоспособной и нуждающейся[1385]. Алиментирование женой мужа в аналогичных обстоятельствах Декрет не устанавливает, что говорит об отсутствии закрепления в этом акте полного равноправия супругов.

Формулировки советских законов не просто устанавливают правила поведения, они подчёркнуто противопоставляют новые нормы старым. Так, Декрет от 18 декабря 1917 года «О гражданском браке»[1386], и КЗАГС 1918 года[1387] говорят о признании только гражданского брака, а КЗАГС ещё и уточняет, что брак, заключённый по религиозным обрядам после 20 декабря 1917 г. *не порождает никаких прав и обязанностей*. КЗАГС не просто установил «материальные» условия вступления в брак, он специально перечислил *отменённые* им прежние ограничения (ст. 71 – 73). Регулируя взаимоотношения супругов, и КЗАГС (ст. 104), и КЗоБСО 1926 г. (ст. 9)[1388] в противовес нормам дореволюционного законодательства закрепили *отсутствие обязанности* при перемене места жительства одним из супругов следовать за ним другому. Очевидно, памятуя о

[1383] *Семидёркин Н.А.* Создание первого брачно-семейного кодекса. Учебное пособие. М., 1989. С. 14.
[1384] *Гойхбарг А.Г.* Закон о расширении прав наследования по закону лиц женского пола и права завещания родовых имений. Разбор и объяснения с приложением текста. СПб., 1914. С. 5 – 23.
[1385] Ст. 8 – 9 (СУ РСФСР. 1917. № 10. Ст. 152).
[1386] Полное название документа: «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния» (СУ РСФСР. 1917. № 11. Ст. 160).
[1387] Кодекс законов об актах гражданского состояния, Брачном, Семейном и Опекунском праве (СУ РСФСР. 1918. № 76 – 77. Ст. 818).
[1388] Кодекс законов о браке, семье и опеке РСФСР (СУ РСФСР. 1926. № 82. Ст. 612).

дореволюционном подчинении жены мужу, КЗоБСО специально подчёркивает *полную свободу* обоих супругов в выборе занятий и профессий. Декрет «О гражданском браке» (ст. 7) и КЗАГС (ст. 133) ввели равенство внебрачных детей и детей, рождённых в браке, но кодекс особо оговорил *отсутствие различия* между родством брачным и внебрачным. Указанная особенность законодательной техники – противопоставление новых правовых норм старым – присуща тому периоду в истории советского государства, когда нормативный акт мог служить способом донесения до масс лозунгов новой власти, и когда источником права наряду с нормативными актами были программы правящих партий.

Несмотря на вектор, заданный развитию советского семейного законодательства ещё с дореволюционной эпохи, на степень его (законодательства) либерализации повлияли обстоятельства, вызванные именно революционным временем. Одно из них – ликвидация сословного строя в России. Принятие декрета «Об уничтожении сословий и гражданских чинов» 1917 года[1389] означало, что при вступлении в брак служащим мужчинам не будет требоваться согласие начальства. Чисто сословная подоплёка этого требования, в основе которого лежала проверка общественного положения невесты и способность жениха содержать будущую супругу согласно собственному положению в обществе, этим декретом была ликвидирована. Поэтому ни один советский закон уже не знает такого требования к жениху. Соответственно, потеряла актуальность и норма Свода законов гражданских, который требовал от мужа содержать жену согласно своему сословному статусу. В советском законодательстве будет иной подход к определению размера супружеского содержания и к обеспечению детей. КЗАГС, например, «привязал» его к прожиточному минимуму конкретной местности (ст. 107, 113, 162).

Ликвидация сословных различий между гражданами Советской России сделала ненужными различные ухищрения, к которым прибегали до революции привилегированные классы для сообщения собственного статуса своим внебрачным детям. Соответственно, отпала необходимость в институтах узаконения и усыновления собственных детей (ст. 183 КЗАГС)[1390]. Наконец, отмена сословных различий должна была привести

[1389] СУ РСФСР. 1917. № 3. Ст. 31.

[1390] Формально при отмене института усыновления НКЮ руководствовался следующими причинами: 1) опасением, что усыновлением будет искусственно расширен круг лиц, имеющих право на содержание из стоимости имущества усыновителя на основании декрета от 27 апреля 1918 года об отмене наследования; 2) опасением, что фиктивное усыновление будет прикрывать эксплуатацию подросткового труда в обход законодательства; 3) существованием планов по немедленному введению государственного призрения беспризорников, сирот и подкидышей. Однако это не отменяет того факта, что до революции традиционно основной причиной усыновления (и узаконе-

к радикальным преобразованиям в деле опеки и попечительства. Напомню, что дореволюционное законодательство не содержало единых для всех сословий правил деятельности опекунских учреждений, и в многочисленных проектах второй половины XIX века особенно подчёркивалась необходимость сохранения сословной специфики для сирот дворянского звания. Новое советское законодательство впервые в истории страны установило общие правила деятельности органов опеки. С ликвидацией помещичьего землевладения, с национализацией земли и промышленности отпала основа для коллизии интересов родителей и детей. Поэтому и КЗАГС, и КЗоБСО закрепили, наконец, то «родственное начало», к необходимости введения которого лишь подходили проекты об опеке XIX века: ст. 209 КЗАГС ставила назначение опекуна в зависимость от выбора матери или отца подопечного, а ст. 71 КЗоБСО прямо закрепила правило, что родители признаются опекунами и попечителями без специального назначения.

Ещё одно обстоятельство, радикально повлиявшее на брачно-семейное законодательство после Октября 1917 года – это *отделение церкви от государства*. Ещё до декрета СНК от 23 января 1918 года «Об отделении церкви от государства»[1391] брачно-семейные дела были переданы из ведения церкви в руки государственных учреждений. Оценивая эту реформу, надо, во-первых, не забывать о том, что уже задолго до победы Советской власти реальное влияние церкви на брачно-семейную сферу было незначительным, иначе бы со второй половине XIX века не обсуждалась бы настойчиво необходимость введения гражданского брака в России. Несмотря на определённую активность церковников в разработке проектов о разводе в ходе Поместного Собора 1917 – 1918 годов[1392], их новые взгляды вряд ли заставили бы обратить на себя внимание новой власти. Во-вторых, необходимо учитывать, что ещё до Октябрьских событий 1917 года лидерам большевиков было ясно отношение к «угнетательскому» и «учётно-регистрационному» аппарату, а также роли церкви в идеологической «надстройке» прежнего режима. Поэтому было бы, конечно, наивно полагать, что большевики сохранят в неприкосновенности дореволюционные институты, которые обеспечивали господствующее положение Русской Православной церкви.

ния) была «легализация» собственных внебрачных детей, и с ликвидацией сословных различий использовать его в этих целях было неактуально.

[1391] СУ РСФСР. 1918. № 18. Ст. 263.

[1392] Подробнее о выработке на Поместном Соборе 1917 – 1918 годов проектов о разводе (с большим количеством выдержек из первоисточников) см.: *Белякова Е.В.* Указ.соч. С. 264 – 307.

Все первые документы советской власти, включая декабрьские декреты 1917 года и КЗАГС 1918 года, проникнуты идеей «секуляризации» брачно-семейного правового регулирования. И если в декабре 1917 года, когда советские органы на местах только начинали создаваться, Декрет «О гражданском браке» определил местом подачи заявления о браке земские и городские управы, то КЗАГС посвятил весь 1-й раздел организации регистрации актов гражданского состояния в различных советских органах. Симптоматично, что КЗАГС начинается не с брачно-семейных норм, а с организации советских регистрирующих учреждений – в этом тоже усматривается определённое противопоставление прежнему подходу, когда в Своде законов гражданских неоднократно подчёркивалось, что все вопросы о браке и разводе подлежат решению церковных органов.

Оценка антицерковному направлению брачно-семейного законодательства даётся разная. Некоторые современные историки считают, что передача брачно-семейных дел в руки светских органов нанесла удар по общественной морали и традиционной религиозности русского народа[1393]. Иначе полагал один из авторов КЗАГС А.Г.Гойхбарг. По его мнению, советский закон не мешает верующим жить согласно христианским догматам, и если они полагали брак нерасторжимым, то могли просто не пользоваться советским законодательством о разводе. Если же при вступлении в брак они руководствовались церковными представлениями, скажем, о запрещённых к браку степенях родства, то никто не заставлял их действовать вопреки своим убеждениям[1394]. О том, каковы были убеждения граждан в 1917 году, позволяет судить статистика. Так, в Москве в июле 1918 года было подано 4 913 заявлений о расторжении брака[1395], а со временем их количество стабилизировалось на цифре 500 в месяц. По имеющимся у А.Г.Гойхбарга сведениям, количество заявлений о разводе по стране за 1919 год составило примерно 200 000[1396]. Такой резкий рост количества разводов по сравнению с предреволюционным прекрасно говорит о готовности значительной части россиян незамедлительно порвать с «традиционной религиозностью», которая, видимо, всё же преувеличивается некоторыми современными исследователями.

Многие граждане, воспользовавшись свободой развода по советскому законодательству, впоследствии желали вступить в новый брак по христианскому обряду и ис-

---

[1393] *Белякова Е.Б., Белякова Н.А., Емченко Е.Б.* Женщина в православии: церковное право и российская практика. М., 2011. С. 425 – 426.
[1394] *Гойхбарг А.Г.* Новое семейное право. М., 1918. С. 5 – 6.
[1395] *Семидёркин Н.А.* Создание первого брачно-семейного кодекса. М., 1989. С. 50.
[1396] *Гойхбарг А.Г.* Брачное, семейной и опекунское право Советской республики. М., 1920. С. 81.

кренне недоумевали, почему священники их не венчали. Но поскольку церковная организация проявляла принципиальность и отказывалась венчать тех, чей первый брак не был расторгнут в духовной консистории, обиженные граждане обращались к Советской власти с просьбой понудить священников к совершению таинства брака[1397]. Разумеется, с отделением церкви от государства власть не могла заставить духовенство совершать требуемые таинства, однако эта ситуация прекрасно характеризует отношение воспитанных *до революции* россиян к церковным правилам о браке и разводе. Выход из положения был найден руководством Православной Церкви: указом патриарха и Синода 20 мая – 2 июня 1920 года из-за невозможности (и незаконности) производства бракоразводных дел существовавшими тогда Епархиальными советами вводилось снятие церковного бракоблагословения по решению местных архиереев[1398]. Таким образом, перед новым венчанием разведённому в органе ЗАГС или в народном суде гражданину требовалось получить разрешение у епископа. Судя, по некоторым материалам, советские верующие пользовались этой возможностью за свою жизнь неоднократно[1399].

Важнейшим инструментом борьбы с церковным влиянием было установление в советском законодательстве института гражданского брака *с его обязательной регистрацией*. Есть основания полагать, что другого значения введение регистрации брака не имело. Во-первых, какими бы недостатками ни обладали церковные предбрачные процедуры (обыск, оглашение), они были направлены на проверку наличия препятствий к венчанию. Декрет «О гражданском браке» и КЗАГС, передав вопросы регистрации в руки советских органов, не установили никаких аналогичных процедур. КЗАГС предлагал всецело доверять тем, кто пришёл регистрировать свои отношения, на предмет достижения ими необходимого возраста, отсутствия близкой степени родства и т.д. Таким образом, отсутствие препятствий к браку выяснялось со слов жениха и невесты (ст. 59), однако публичность процедуры позволяла любому лицу сообщить о наличии таковых препятствий. Со слов граждан мог быть записан их якобы уже состоявшийся ранее брак при отсутствии каких-либо документов о нём (ст. 45). Мало этого, имеется пример, когда вскоре после принятия КЗАГС Народный комиссариат юстиции дал указание зарегистрировать брак женщины с умершим на тот момент мужчиной лишь на том основа-

---

[1397] Циркуляр НКЮ от 3 января 1919 г. / *Гидулянов П.В.* Отделение церкви от государства. Систематизированный сборник действующего в СССР законодательства. Под ред. П.А. Красикова. М., 1926. С. 467.
[1398] Журнал Московской Патриархии. 1931. № 1 / Журнал Московской Патриархии в 1931 – 1935 годы. М., 2001. С. 16 – 17.
[1399] Журнал Московской Патриархии. 1931. № 7 – 8 / Там же. С. 95.

нии, что покойный при жизни называл заявительницу в письмах «женой»[1400]. Следовательно, советский порядок регистрации брака не предполагал активного участия государственных органов в проверке наличия препятствий к браку, и тем он отличался от проверочных предбрачных процедур, установленных в Православной Церкви. При этом КЗАГС допускал возможность признания брака недействительным.

Во-вторых, об антицерковной направленности регистрации брака в органах ЗАГС заявляли сами деятели советской юстиции, причастные к созданию отраслевого законодательства. Именно такая точка зрения была принята при выработке проекта КЗАГС[1401], с ней деятели советской юстиции (в т.ч. и руководящие работники НКЮ) были согласны и в дальнейшем[1402] вплоть до отмены обязательной регистрации брака по КЗоБСО 1926 года. Своеобразным доказательством «от противного» может служить известное противоречие между законодательством, с одной стороны, и теорией вместе с практикой – с другой. В то время, как КЗАГС устанавливал, что только зарегистрированный брак порождает права и обязанности супругов (ст. 52), один из его создателей, А.Г.Гойхбарг уже в 1920 году писал, что «государственная власть…должна не так строго придерживаться требования обязательного оформления брака перед советским учреждением»[1403]. Судебные органы РСФСР во множестве случаев признавали имущественные права лиц, являвшихся супругами лишь фактически[1404]. Такую же позицию неоднократно занимали и высшие судебные органы республики. Так, в 1921 году Высший судебный контроль определил: «Советское государство не навязывает обязательной регистрации брачных отношений»[1405]. В 1926 году (до принятия КЗоБСО) Пленум Верховного Суда РСФСР постановил войти в НКЮ РСФСР с предложением выработать правила об удостоверении «фактических брачных отношений в незарегистрированном браке»[1406]. В свою очередь, НКЮ организовал сбор информации об имущественных спорах фактических супругов[1407]. Таким образом, с точки зрения законодателя, правоприменительной практики и теории регистрация брака с самых первых лет Советской власти не играла той роли,

---

[1400] *Гойхбарг А.Г.* Брачное, семейной и опекунское право Советской республики. С. 37.
[1401] Там же. С. 15; *Семидёркин Н.А.* Указ.соч. С. 36.
[1402] См., напр.: *Приградов-Кудрин А.* Брачное право и наследование // Еженедельник советской юстиции (далее – ЕСЮ). 1922. № 12. С. 4; *Рындзюнский Г.* Вопросы действующего семейного права // Там же. 1922. № 18. С. 4 – 5; Диспут о браке и семье в Доме Союзов //Там же. 1925. № 48 – 49. С. 1504; *Курский Д.И.* Объяснительая записки к проекту Кодекса законов о браке, семье и опеке 1925 года // Там же. 1925 г. № 38 – 39. С. 1230.
[1403] *Гойхбарг А.Г.* Брачное, семейное и опекунское право Советской республики. С. 15.
[1404] *Приградов-Кудрин А.* Указ.соч. С. 5; *Рындзюнский Г.* К проекту декрета о наследовании // ЕСЮ. 1922. № 37 – 38. С. 15.
[1405] ЕСЮ. 1922. № 19-20. С. 21.
[1406] ЕСЮ. 1926. № 47. С. 1344.
[1407] Там же. 1925. № 44-45. С. 1406-1407.

какую исполняла до революции – служить основанием возникновения супружеских прав и обязанностей. А в сочетании с меньшим количеством препятствий к браку его полуобязательная регистрация должна была окончательно отвратить население от затратного и не влекущего никаких правовых последствий церковного обряда.

Наконец, последнее обстоятельство, существенным образом повлиявшее на советское семейное законодательство с самых первых декретов – *социалистические идеи*. Одним из проводников этих идей в гражданском и семейном законодательстве первых лет Советской власти являлся Александр Георгиевич Гойхбарг. В частности, отмену наследования декретом от 27 апреля 1918 года сотрудник НКЮ А.Г.Гойхбарг обосновывал ссылкой на «Манифест Коммунистической партии»[1408]. Согласно этому декрету наследование нетрудоспособных и нуждающихся членов семьи должно было быть заменено государственным обеспечением. КЗАГС 1918 года отразил эту идею декрета при регулировании отношений супругов, а также детей и родителей. Так, в случае смерти гражданина его супруг, дети, родители вместо наследования получали бы содержание из оставшегося после покойного имущества при условии их нетрудоспособности и нуждаемости (ст. 119, 170). Нежизнеспособность этой меры, введённой в 1918 году, была доказана как невозможностью её практической реализации, так и восстановлением института наследования в 1922 году. Однако КЗАГС содержал и иные механизмы, отражавшие идеи о социалистическом переустройстве общества.

Ещё до принятия КЗАГС в одной из своих работ 1918 года А.Г.Гойхбарг прямо говорил о том, что новые функции семьи в условиях «переходного права» той эпохи – восполнять государственную заботу о покровительстве слабых членов общества[1409]. То есть семья с её традиционными функциями воспитания и материальной помощи являлась, по словам А.Г.Гойхбарга, временным «суррогатом»[1410] общественного, государственного обеспечения нуждающихся в нём граждан. КЗАГС стоит на этой же точке зрения, определяя размер алиментов прожиточным минимумом для отдельных местностей (ст. 113, 162, 172), т.е. в данном случае платёжеспособные родственники становились своеобразной заменой органа социального обеспечения, выплачивающего пенсию по случаю потери кормильца. Кстати, впервые в истории российского семейного законодательства размер алиментов был определён относительно точно и зависел не от об-

---

[1408] *Гойхбарг А.Г.* Отмена наследования // Пролетарская революция и право. 1918 . № 2. С. 1; *он же* Брачное, семейное и опекунское право Советской республики. С. 86.
[1409] *Он же.* Новое семейное право. С. 76.
[1410] *Он же.* Брачное, семейное и опекунское право Советской республики. С. 96, 128.

щественного положения мужа или отца, а от политики местных органов власти, устанавливавших конкретный прожиточный минимум. То, что помощь родственников являлась лишь «суррогатом», временной заменой государственному социальному обеспечению, следовало из важного условия – отсутствие у нуждающегося члена семьи прожиточного минимума (ст. 107, прим. к ст. 161, 172). Временно заменить государство в обеспечении нетрудоспособных и нуждающихся были призваны не только члены «малой семьи» (муж, жена и их дети), но и другие родственники (ст. 172). В этом КЗАГС радикально отличался от Свода законов гражданских, поскольку до революции обязанность предоставлять содержания принципиально не возлагалась на дедов и бабок, внуков и правнуков, а также братьев и сестёр[1411]. О временном характере алиментных обязанностей супругов писал видный теоретик советского права П.И.Стучка, комментируя один из учебников по семейному праву в конце 20-х годов: «Этим функциям социального обеспечения государство придает принудительный характер, закрепляя в законе обязанности…супругов в отношении друг друга. Эти права и обязанности отпадут лишь по мере введения всесторонней государственной или общественной организации социального обеспечения»[1412].

Новая «социально-обеспечительная» функция брачно-семейных связей отчётливо видна из сопоставления КЗАГС и Свода законов гражданских на предмет супружеских обязанностей: прежде муж предоставлял содержание исключительно в силу его господствующего положения над женой. Теперь же такая обязанность возлагалась на него лишь при нетрудоспособности и нуждаемости жены. Равно как и жена при аналогичных условиях должна была доставлять содержание мужу, чего также не знало царское законодательство. Если Свод законов гражданских основание обязанности мужа предоставлять содержание жене видел в его положении главы семейства (с определённым сословным статусом), то в советском законодательстве принцип равенства супругов сообщал их взаимной обязанности алиментирования в случае нетрудоспособности и нуждаемости имущественный характер. Даже в случае смерти алиментообязанного супруга другой, в соответствии с законом, должен был получать содержание из стоимости имущества покойного (ст. 128). Наконец, обязанность по предоставлению содержания не связывалась с продолжительностью брака, она сохранялась и после его прекращения (ст.

[1411] КЗоБСО сократил срок содержания после прекращения брака до 1 года (ст. 15).
[1412] РГАСПИ. Ф. 153. Оп. 1. Д. 39. Л. 10-11.

130) вплоть до момента, когда нуждающийся и нетрудоспособный супруг перестанет быть таковым, например, умрёт, найдёт работу или иной источник дохода.

КЗоБСО РСФСР 1926 года ограничил эту обязанность максимальным сроком в один год после расторжения брака (ст. 15), но ещё на стадии обсуждении проекта этого кодекса свой протест против установления годичного срока заявил Наркомат социального обеспечения[1413]. Для казны, по мнению Наркомсобеса, эти «временные суррогаты» в виде бессрочного алиментирования выглядели предпочтительнее с точки зрения экономии государственных средств. Невзирая на планируемый временный характер, институт супружеского алиментирования доказал свою жизнеспособность. Даже в советскую эпоху, во время которой государственное социальное обеспечение поднялось на небывалую в мире высоту, руководством страны никогда не ставилась задача ликвидации супружеской материальной поддержки. В тяжёлых условиях окончания I Мировой войны и начала следующей, Гражданской, КЗАГС 1918 года ещё допускал невозможность материальной поддержки одним супругом другого (ст. 107). Однако в последующем, с постепенным улучшением уровня жизни советских граждан значение супружеских алиментов как материальной поддержки внутри семьи ещё больше упрочилось. Тем не менее, когда благодаря «перестроечным» процессам конца XX – начала XXI веков позиции государства в сфере социального обеспечения существенно ослабли, внутрисемейное обеспечение вновь приобрело особую актуальность. Словом, то, что проектировалось коммунистами (в их числе А.Г.Гойхбаргом), как временный «суррогат», оказалось обречено на очень долгую жизнь в качестве самостоятельного института семейного права.

При видимой некоторой схожести институтов до- и послереволюционного законодательства между ними имеется существенная разница. Во-первых, основанием предоставления содержания жене до революции являлась главенство мужа в семье. Для советского законодательства, которое рассматривало супружескую поддержку как временную замену государственного социального обеспечения, таким основанием стала нетрудоспособность и нуждаемость любого из супругов. Во-вторых, размер содержания жене законодательство дореволюционной России определяло весьма расплывчато: согласно общественному положению и материальным возможностям. Соответственно, советский закон «привязал» размер супружеских алиментов к прожиточному минимуму,

[1413] *Гидулянов П.В.* Кодекс законов о браке, семье и опеке. С постатейным комментарием. Под ред. П.А. Красикова. Л., 1927. С. 76 – 77.

которым на первом этапе построения нового общества должно было снабжать не государство, а трудоспособный и достаточно обеспеченный для этого супруг.

Ещё один институт, внешне схожий с дореволюционным, - раздельная собственность супругов. Однако КЗАГС здесь совершенно не имел целью охрану родовой недвижимости каждого из супругов, которую прежде всего имел в виду Свод законов гражданских, постановляя о том, что «браком не составляется общего владения в имуществе супругов» (ст. 109 в ред. 1914 года). В отношении имущественных прав и обязанностей задачей нового законодательства являлось уничтожение власти мужа над женой. Именно этим объясняется введение в КЗАГС раздельности супружеского имущества (ст. 105 КЗАГС), о чём в 1920 году писал А.Г.Гойхабрг[1414], и о чём говорил Д.И.Курский в 1926 году на III сессии ВЦИК XII созыва. Желанием защитить жену от злоупотреблений мужа была вызвана и норма ст. 106 КЗАГС, по которой всякие соглашения между супругами, направленные к умалению имущественных прав друг друга, признавались недействительными. Таким образом, обе указанные нормы в статьях 105-106 КЗАГС, усиливая известную ещё дореволюционному законодательству имущественную независимость жены от мужа, с точки зрения разработчиков Кодекса не допускали возможность отстранения мужем жены от управления её имуществом как добрачным, так и приобретённым ею в браке[1415]. Однако относясь к семье, как к союзу трудящихся, законодателю очень скоро пришлось отказаться от идеи раздельности супружеской собственности. Установив равенство трудящихся мужчин и женщин, советская власть должна была уравнять в оценке всякий общественно полезный труд, а значит – считать вклад жены-домохозяйки в семейную «копилку» таким же ценным, что и доходы мужа. Отсюда естественным образом родилась идея общей совместной собственности супругов, основанная, кроме того, на особенностях крестьянского быта и нашедшая отражение сначала в судебной практике[1416], а затем – в КЗоБСО 1926 года (ст. 10).

Ещё одна социалистическая идея, воспринятая советским семейным законодательством – свобода браков. Ф.Энгельс в работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (1884) писал, что после уничтожения капиталистического

[1414] *Гойхбарг А.Г.* Брачное, семейное и опекунское право Советской республики. С. 61.
[1415] Там же. С. 59.
[1416] См. решение НКЮ РСФСР 1922 года по делу о разделе имущества бывших супругов Абакумовых // ЕСЮ. 1922. № 11. С. 12; см. также: Инструктивное письмо ГКК (Гражданской Кассационной Коллегии – *П.П.*) Верхсуда РСФСР 1927 года № 1 // ЕСЮ. 1927. № 10. С. 301; Судебная практика РСФСР. 1927. № 7. Дело № 3372. С. 4; *Бранденбургский Я.Н.* Брак и его правовые последствия. М., 1926. С. 17.

производства будут устранены все побочные, экономические соображения, оказывающее огромное влияние на выбор супруга. Самостоятельное экономическое положение женщины после падения капитализма позволит ей не только руководствоваться при вступлении в брак лишь собственной склонностью, но и повлечёт упразднение нерасторжимости супружества, опорой которому была прежняя экономическая зависимость от мужчины. Тогда и отпадёт необходимость «брести через ненужную грязь бракоразводного процесса»[1417].

Гораздо пространнее, чем основоположники марксизма, по брачно-семейному вопросу высказывался другой немецкий социалист, Карл Каутский. Именно его работу «Размножение и развитие в природе и обществе» (1909) цитировал А.Г.Гойхбарг, обосновывая в 1920 году отсутствие необходимости в «формальном удостоверении брака» для победившего капитализм пролетариата[1418]. Серьёзные расхождения К.Каутского с большевиками не мешали не только восприятию его взглядов в области брака и семьи, но и переизданию указанной работы на русском языке в 1923 году. С точки зрения К.Каутского, в своём развитии пролетариат приходит к тому, что в его среде «легкомысленные» и «свободные» браки (т.е. фактические) становятся массовым явлением. Таким образом, увеличивается количество внебрачных детей, однако неуважение к ним, характерное для досоциалистической эпохи, сменяется на свою противоположность, т.к. такие дети начинают составлять всё бóльшую часть рождающегося потомства. В этих условиях законный брак будет излишним, т.к. «наступление общественного производства» позволит переложить бремя воспитания с семьи на общество. Соответственно, изменится и «половая мораль», т.к. мужчинам и женщинам уже не придётся задумываться, под защитой ли закона находится их брак или нет – для воспитания детей это уже будет безразлично[1419].

Начиная с декабрьских декретов 1917 года и до КЗоБСО 1926 года включительно, вектор советского законодательства был направлен на «раскрепощение» брака и семьи, освобождение от различных «оков» дореволюционной эпохи. Однако если первое движение в данном направлении было определено сложившимися за последние несколько веков объективными причинами, то последующее развитие имело ярко выраженный отпечаток социалистической идеи в представлении советских деятелей юстиции. Так, по

[1417] *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Т. 21. Изд. 2. М., 1961. С. 84 – 85.
[1418] *Гойхбарг А.Г.* Брачное, семейное и опекунское право Советской республики. С. 15.
[1419] *Каутский К.* Размножение и развитие в природе и обществе. Под ред. и с предисл. Д. Рязанова. М. П., 1923. С. 203 – 205.

мнению П.В.Гидулянова[1420], интерпретация КЗАГС 1918 года, связанная с признанием фактических брачных отношений, в юридической среде была связана, в основном, с деятельностью А.Г.Гойхбарга[1421]. Ещё одной яркой личностью, с которой связана радикализация семейного законодательства, был Яков Натанович Бранденбургский, член коллегии НКЮ РСФСР в то самое время, когда разрабатывался, обсуждался и принимался КЗоБСО 1926 года. Именно он, один из основных авторов проекта КЗоБСО[1422], был, наверное, самым убеждённым сторонником признания юридической силы за фактическими брачными отношениями. Наиболее высокой формой брака Я.Н.Бранденбургский считал свободное, незарегистрированное сожительство, и этот взгляд он проводил на страницах юридической прессы[1423], в монографиях[1424], публичных диспутах[1425], а также на сессиях ВЦИК[1426], где обсуждался и принимался проект КЗоБСО 1926 года.

За «свободные браки» высказывались и другие деятели советской юстиции. Так, Н.В.Крыленко писал, что вместе с разрушением государства и религии будет заодно разрушено и «мещанское представление о семье»[1427]. Зачем государству знать, кто с кем вступает в брак, задавал он риторический вопрос в момент широкого общественного обсуждения проекта КЗоБСО в 1926 году[1428]. С.И.Раевич считал «законный брак» одним из устоев буржуазно-капиталистического общества[1429]. И.Славин полагал, что факт совместной жизни «двух особей, мужчины и женщины…не должен ни в какой мере интересовать общество»[1430].

К чему пришло советское брачно-семейное законодательство на пути к социалистическому преобразованию общества в соответствии с классиками марксизма? Во-первых, к постепенному ослаблению значения процедурных, регистрационных вопросов и, соответственно, к приданию юридической силы фактическим брачным отношениям. Во-вторых, к полному уравниванию супругов в правах. В-третьих, к изменению право-

---

[1420] Павел Васильевич Гидулянов – известный дореволюционный историк церковного права, профессор МГУ в до- и послереволюционный период, а также консультанта НКЮ РСФСР в первой половине 20-х годов.
[1421] *Гидулянов П.В.* Отделение церкви от государства. С. 398.
[1422] РГАСПИ. Ф. 153. Оп. 1. Д. 18. Л. 57, 66.
[1423] См., напр.: *Бранденбургский Я.Н.* Несколько слов о браке и семье (к обсуждению проекта Кодекса законов о браке, семье и опеке) // ЕСЮ. 1924. № 37. С. 871 – 872; *он же* К дискуссии о проекте брачного и семейного кодекса // ЕСЮ. 1925. № 46. С. 1413 – 1415.
[1424] *Он же*. Курс по семейно-брачному праву. Лекции, прочитанные на факультете советского права I МГУ в 1926/27 академическом году. М., 1928. С. 47.
[1425] Диспут о браке и семье в Доме Союзов // ЕСЮ. 1925. № 48-49. С. 1504.
[1426] ВЦИК XII созыва. II сессия. Постановления. М., 1925. С. 259.
[1427] Брак и семья. Сборник статей и материалов. М. – Л., 1926. С. 129.
[1428] Там же. С. 91.
[1429] *Раевич С.И.* Проект кодекса законов о браке, семье и опеке РСФСР // Советское право. 1925. № 3 (15). С. 7.
[1430] *Славин И.* Брак и семья по нашему законодательству // ЕСЮ. 1922. № 42. С. 3.

вого положения несовершеннолетних детей, а также к изменению опекунских учреждений и появлению иных форм устройства детей, оставшихся без попечения родителей. Рассмотрим данные положения.

1. Как уже было сказано, декрет «О гражданском браке…» и КЗАГС 1918 года существенно упростили процедуру вступления в брак. Если в дореволюционной России «нотариальные» функции в части проверки законности брака хорошо ли, плохо ли, но исполняло духовенство, то советское законодательство ликвидировало предварительную проверку наличия или отсутствия препятствий к браку. Наконец, КЗоБСО сделал саму регистрацию брака факультативной. Правда, при этом разработчикам пришлось преодолевать отрицательное, в целом, мнение депутатов ВЦИК РСФСР об этом нововведении, поэтому в качестве своеобразной «уступки» общественному настроению статья 1 КЗоБСО в окончательном варианте была дополнена указанием на «государственный и общественный интерес» в регистрации брака[1431]. Однако это дополнение не меняло общего смысла проектируемых изменений: в духе марксизма по-Каутскому государство должно признавать «свободные», незарегистрированные браки наравне с браками «законными». Соответственно, раз государство перестало интересоваться брачными инициативами граждан, отпала необходимость и в нормах о признании браков недействительными, поэтому в КЗоБСО раздел об этом отсутствует.

От декабрьского декрета 1917 года «О расторжении брака» до КЗоБСО 1926 года претерпела изменения и процедура расторжения брака. Первыми мероприятиями, осуществлёнными в 1917 – 1918 годах были отмена так называемых «законных оснований» к разводу и упразднение примирительных процедур в виде увещания продолжать совместную жизнь. Никаких особых формальностей при рассмотрении дел о расторжении браков КЗАГС не предусматривал, зато допускалось участие поверенных вместо супругов (ст. 95). Кроме того, при отсутствии споров расторжение брака можно было осуществлять не только в судебном порядке, но и в органах ЗАГС (ст. 80 – 81 КЗАГС). Наконец, КЗоБСО окончательно упразднил судебное производство по делам о расторжении брака и максимально упростил бракоразводную процедуру в органах ЗАГС. Теперь любому супругу при желании было достаточно сделать устное заявление о желании расторгнуть брак (ст. 138), после чего органы ЗАГС в трёхдневный срок уведомляли

[1431] См. ст. 1 в первоначальной редакции, представленной на II сессию ВЦИК РСФСР XII созыва в 1925 году: ЕСЮ. 1924. № 48. С. 1160.

другого супруга о прекращении брака[1432]. Однако при желании можно было избегнуть и этой несложной процедуры, а прекратить брачные отношения фактически (ст. 20 КЗоБСО). Таким образом, КЗоБСО 1926 года не только признал юридическую силу за фактическими брачными отношениями, но и признал фактические разводы, т.е. сделал браки полностью свободными от всяких процедурных сложностей.

После признания в теории юридической силы за фактическими браками состоялся переход и к осуществлению этой идеи на практике. Сначала идея нашла отражение в деятельности советских судебных органов, а затем произошло и её законодательное оформление. КЗоБСО 1926 года в отличие от КЗАГС 1918 года уже формально стоял на той позиции, что брачные отношения могут признаваться государством независимо от их регистрации. Соответственно, КЗоБСО говорил уже не об «условиях вступления в брак», а об «условиях регистрации брака» (гл. 2). Законодатель стал считать браком не только супружество, зарегистрированное в официальном порядке, но и то, которое являлось браком по существу. Ещё до принятия КЗоБСО в юридической прессе неоднократно ставился вопрос об определении брака, однако законодатель не воспользовался ни одним из предложенных вариантов. Вместо дефиниции в кодексе содержался перечень признаков, совокупность которых должна была свидетельствовать о наличии брачных отношений в каждом конкретном случае (ст. 12). Первоначально планировалось, что даже один из признаков (факт совместного жительства, ведение общего хозяйства, переписка или иных документы) мог бы подтвердить существование супружеских отношений, однако по требованию СНК РСФСР от такой формулировки пришлось отказаться[1433].

Признание юридических последствий фактических брачных отношений не означало, что государство готово поддерживать браки несовершеннолетних, сумасшедших, многожёнцев или близких родственников. Государство одинаково отказало бы в регистрации подобных браков в органах ЗАГС, так и признании фактических брачных отношений указанных лиц судебным порядком. В известном смысле КЗОБСО строго следовал заветам Ф.Энгельса, который считал лишь тот брак свободным, который заключался единственно по взаимной склонности, на чувстве «индивидуальной половой любви»[1434]. Подобное чувство могло возникнуть между несовершеннолетними, сумасшед-

---

[1432] Циркуляр НКВД № 124 за 1928 г. // Бюллетень НКВД. 1928. № 12.
[1433] *Бранденбургский Я.Н.* Курс по семейно-брачному праву. С. 99 – 100.
[1434] *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Т. 21. С. 84 – 85.

шими и близкими родственниками, и советское государство отказывалось преследовать такие браки[1435], если только при этом не было уголовных правонарушений. Советский уголовный закон не карал кровосмешение и многожёнство[1436], но вводил наказание за половое сношение с лицами, не достигшими половой зрелости (ст. 166 УК РСФСР 1922 года). Однако признавая такие браки и считая их делом исключительно личным, законодатель отказывался от их регистрации и признания их в суде в качестве основания для возникновения имущественных последствий (право на содержание, супружескую собственность). Так, например, вступление мужчины во второй брак при нерасторгнутом первом означало лишь то, что в случае возникновения споров о его имуществе между первой и второй женой суд будет обязан момент начала второго сожительства признать концом первого и зафиксировать, таким образом, фактический развод с первой женой[1437].

2. Начало уравнению супругов в правах и обязанностях было положено в КЗАГС и завершено в КЗоБСО. По некоторым вопросам личных взаимоотношений супругов советское законодательство, в отличие от дореволюционного, предполагало достижение договорённости между ними: по определению фамилии (ст. 100 КЗАГС), о порядке ведения общего хозяйства (ст. 9 КЗоБСО), о расторжении брака (ст. 87 КЗАГС, ст. 18 КЗоБСО). И как уже было сказано, в отдельных случаях уравнение прав супругов могло закрепляться в обоих кодексах в виде «скрытого отрицания» дореволюционных норм, а именно – через отрицание обязанностей или констатацию свобод. Так, в ст. 104 КЗАГС и ст. 9 КЗоБСО отрицалась обязанность одного супруга следовать за другим в случае перемены последним места жительства. В ст. 9 КЗоБСо констатируется полная свобода выбора занятий и профессий обоими супругами. В промежутке после принятия КЗАГС 1918 года и принятия КЗоБСО 1926 года, в 1924 году, была отменена единственная личная супружеская обязанность, которая сохранилась с дореволюционного времени: иметь общую фамилию[1438]. Таким образом, в первое десятилетие Советской власти произошёл постепенный отказ от регулирования личных прав и обязанностей супругов. Идея об уравнении в правах супругов привела к отрицанию всех дореволюционных норм, кото-

[1435] КЗоБСО называл браками даже такие сожительства, которые не могли быть зарегистрированы из-за наличия законных препятствий к этому (ст. 6).
[1436] Исключение было сделано для мусульманских регионов РСФСР: УК РСФСР 1922 года дополнялся главой IX «Бытовые преступления», где для отдельных автономных республик устанавливалась уголовная ответственность за двоежёнство и многожёнство (СУ РСФСР. 1924. № 79. Ст.787; 1925. № 29. Ст. 212, № 70. Ст. 554). Аналогичную главу имел УК РСФСР 1926 года.
[1437] См.: Судебная практика РСФСР. 1929. № 20. Дело № 31324. С. 8; Там же. 1931. № 12. С. 14.
[1438] СУ РСФСР. 1924. № 79. Ст. 791.

рые были когда-то восприняты Сводом законов гражданских под влиянием иностранного законодательства: о власти мужа, об обязанности жены пребывать к нему в повиновении, любви, почтении и неограниченном послушании и т.д. Вместе с этим никаких новых обязанностей советский законодатель на супругов не возложил.

3. КЗАГС 1918 года совершил подлинно революционное изменение, установив основанием взаимных прав и обязанностей детей и родителей «действительное происхождение» (ст. 133), а не брак последних (как до Октябрьской революции). Теперь независимо от состояния в браке гражданка РСФСР могла быть членом стольких «семей», сколько мужчин значилось в книгах ЗАГС в качестве отцов её детей (прим. к ст. 140 КЗАГС). В каком-то смысле такой подход можно считать очередным противопоставлением дореволюционному законодательству, которое статус ребёнка ставило в зависимость от состояния его родителей в браке и от их сословного положения. Советское законодательство, уравняв всех детей независимо от их действительного происхождения, ликвидировало известный до революции способ повышения сословного статуса незаконнорождённых через их усыновление (ст. 183 КЗАГС).

Кроме того, советское законодательство продемонстрировало новое видение роли семьи в новом обществе. Как писал А.Г.Гойхбарг в 1920 году, семья сохраняется лишь как временный суррогат государственной заботы о нетрудоспособных и нуждающихся гражданах. КЗАГС отразил этот подход в целом ряде норм. Так, по сравнению с дореволюционным семейным правом существенно расширился круг лиц, обязанных оказывать материальную поддержку родственникам. Если в Своде законов гражданских глава «О союзе родственном» лишь перечисляла различные степени родства, то КЗАГС в главе «Права и обязанности лиц, состоящих в родстве» (ст. 172 – 181) содержалось указание на алиментные обязанности родственников по прямой восходящей и нисходящей линии, а также полнородных и неполнородных братьев и сестёр. В 1928 году к этому перечню обязанных родственников были причислены отчим, мачеха и, соответственно, пасынки и падчерицы[1439].

Возлагая на родню функции социального обеспечения, советское государство при необходимости готово было ещё больше расширить «семейный круг» за счёт лиц, оказавшихся к нему прикосновенных. Уже КЗАГС 1918 года установил достаточно провокационные нормы об установлении отцовства, позволявшие возложить обязанность по

[1439] СУ РСФСР.1929. № 22. Ст. 233.

содержанию ребёнка даже не на одного мужчину, а на целое «товарищество» отцов (ст. 144)[1440]. Почти сразу после принятия КЗАГС выяснилось, что установление и одного отца ребёнка «по естественному ходу вещей» (ст. 143) далеко не всегда является истинным[1441]. Осознавая несовершенство процессуальной стороны дела, основной автор-разработчик КЗоБСО Я.Н.Бранденбургский полагал, что отцом в подобных сомнительных случаях должен признаваться тот, кто больше всего «соответствует интересам ребёнка»[1442]. Таким образом, охрана детства оказывалась важнее принципа объективной истины. Кроме того, обязанным заменить родителей мог стать совершенно посторонний семье человек, который фактически воспитывал и содержал чужого ребёнка (ст. 42^3 КЗоБСО)[1443]. Таким образом, постепенное расширение круга обязанных родственников, а также возложение определённых обязанностей на посторонних семье лиц говорит не только об остроте проблемы взыскания алиментов с родителей, но и о постепенной трансформации первоначальной социалистической идеи переложения бремени содержания детей на государство в идею передачи этой обязанности на родственников ребёнка.

Вопрос о серьёзных преобразованиях в области правового регулирования прав и обязанностей *законнорожденных* детей и их родителей до Октябрьской революции не ставился. Поэтому в Своде законов гражданских вплоть до 1917 года дожили такие архаичные формулировки, как например, следующая: «Родители не имеют права на жизнь детей» (ст. 170 изд. 1900 года). Лишь отдельными правоведами начала XX века осознавалась проблема теоретической базы данного вопроса: строить ли семейные отношения на принципе власти родителей (как это делало действующее законодательство), или на принципе интересов детей[1444]; считать ли родительские права самоцелью и самоценностью или рассматривать их лишь как необходимый базис для проявления заботы о детях[1445].

Сенат как высший судебный орган государства разделял точку зрения о приоритете власти родителей над интересами детей. Эту позицию он выразил, например, в решении 1897 года по делу об отобрании малолетней Конкордии Дмитриевой по иску её

[1440] *Бранденбургский Я.Н.* Курс по семейно-брачному праву. С. 109.
[1441] ГАРФ. Ф. А353. Оп. 5. Д. 226. Л. 40.
[1442] *Бранденбургский Я.Н.* Указ.соч. С. 110.
[1443] СУ РСФСР.1929. № 22. Ст. 233.
[1444] *Синайский В.И.* Русское гражданское право. Выпуск II. Обязательственное, семейственное и наследственное право. Киев, 1915. С. 291 – 292.
[1445] *Боровиковский А.* Отчёт судьи. Том второй: IV. Давность. V. Суд и семья. СПб., 1909. С. 312 – 313.

бедных родителей у княгини Трубецкой, которой в своё время они сами же и отдали дочь на воспитание. Несмотря на то, что возврат в семью родителей мог, по мнению Санкт-Петербургской судебной палаты, повлечь «нравственную ломку» Конкордии, Сенат счёл в данной ситуации не в праве «освящать своим решением отторжение ребёнка от его естественной семьи»[1446]. Ранее, в 1876 году Сенат отменил решение той же Санкт-петербургской судебной палаты, отказавший купцу Василию Дрызлову в иске к купцу Якову Хорошавину об отобрании своего сына (внука Хорошавина по матери). Судебная палата не сочла, что нахождение ребёнка у деда мешает отцу проявлять заботу о ребёнке, однако Сенат стал на формальную точку зрения, согласно которой удержание дедом внука нарушало родительские права Дрызлова[1447].

Свод законов гражданских не содержал указаний на злоупотребления родительской властью, которые могли бы повлечь её прекращение. Об этом лишь глухо, без перечисления случаев возможного злоупотребления говорил *проект* Гражданского уложения, подготовленный к началу XX века[1448]. Однако на основании Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года родители могли подвергаться уголовной ответственности (без лишения родительских прав) за ряд преступлений, к числу которых относилось принуждение детей к браку, умышленное вовлечение своих несовершеннолетних детей «в какое-либо преступление», растрату принадлежащего детям имущества (ст. 1586, 1587, 1590 в ред. 1885 года). Таким образом, и законодательство, и Сенат поддерживали авторитет родительской власти, поэтому до Октября 1917 года практически отсутствовали предпосылки для изменения данного положения.

В соответствии с законодательством первого десятилетия советской власти, родительские права, в том числе право воспитывать детей, удерживать их при себе, отдавать на воспитание и обучение могли быть реализованы только до их совершеннолетия, а право определять религиозную принадлежность – до достижения детьми 14-летнего возраста (ст. 148 КЗАГС)[1449]. КЗАГС (ст. 153) и КЗоБСО (ст. 33) существенно ограничили пределы родительских прав и, главное, оба кодекса пошли по пути примата интересов детей, допускалась возможность лишения родительских прав, чего не знало дореволюционное законодательство. Один из практических примеров противопоставления об-

[1446] Полный свод решений гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената (начиная с 1866 г.) за 1897 г. (№№ 81 – 100), 1898 год и 1899 г. (№№ 1 – 80). № 81. С. 194 – 195 // СПС КонсультантПлюс.
[1447] Там же, за 1876 г. №№ 44 – 291. № 199. С. 381 – 383 // СПС КонсультантПлюс.
[1448] Гражданское уложение. Книга вторая. Семейственное право. Проект Высочайше учреждённой Редакционной Комиссии по составлению Гражданского Уложения. Том первый. Ст. 1 – 349. С объяснениями. СПб., 1902. С. 545.
[1449] Для сравнения: дореволюционное законодательство считало власть родителей над детьми пожизненной.

щественного интереса и родительской власти в вопросах воспитания детей – организация в 1921 году Детской социальной инспекции, в задачи которой входила, помимо прочего, *борьба с дурным обращением с детьми в семье*[1450]. При обнаружении злоупотреблений родительской или опекунской властью детские социальные инспектора были обязаны доставить несовершеннолетних в детский приёмный пункт для дальнейшего распределения (ст. 6 Положения о детской социальной инспекции). Правда, через год после создания инспекции имелось в наличии только 400 социальных инспекторов, да и финансирование этого учреждения было явно недостаточным для его эффективной работы[1451]. Кроме того, основные силы государственных органов в это время были брошены на борьбу с беспризорностью, поэтому изъятие детей из неблагополучных семей не являлось приоритетной задачей. Характерно, что к вопросам усиления ответственности родителей за воспитание детей советское руководство смогло вернуться лишь тогда, когда с массовой беспризорностью было покончено и для ликвидации остатков этого явления нужны были лишь профилактические меры, т.е. в середине 30-х годов[1452].

Примат интересов детей прослеживается в КЗоБСО даже ярче, чем в КЗАГС. Так, ст. 156 КЗАГС знала возможность родителей истребовать ребёнка у любого лица, если оно удерживало его не на основании закона или судебного решения. КЗоБСО пошёл дальше и указал, что при иске о требовании возврата детей суд не был связан формально правом родителей, и должен был разрешать дело исходя исключительно из интересов детей (ст. 44). Такое невиданное до революции противопоставление в советском законодательстве интересов детей воле родителей объясняется тем, что будучи не в состоянии сразу ввести общественные формы воспитания несовершеннолетних, авторы проектов из НКЮ вынуждены были на том этапе сохранять семейную, частную заботу о детях[1453]. Но при этом было необходимо минимизировать вред, который мог быть причинён детям недостатками семейного воспитания, отсюда и решающее слово судьи по вопросу о том, полезна ли для ребёнка реализация родительского права в конкретном случае, или нет.

[1450] СУ РСФСР. 1921. № 66. Ст. 506.

[1451] *Славко А.А.* Начало формирования нормативно-правовой базы по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью в России в первые годы советской власти // Известия Алтайского государственного университета. 2009. № 4. С. 231.

[1452] Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности» от 31 мая 1935 года / СЗ СССР. № 32. Ст. 252.

[1453] *Бранденбургский Я.Н.* Курс по семейно-брачному праву. С. 130 – 131; См. также: *Рындзюнский Г., Савинская Т.М.* Детское право. М. – Л. 1932. С. 11 – 12. Впрочем, держа в уме мысль о постепенной замене общественным воспитанием семейного, законодатель осознавал невозможность такой замены в ближайшее время. Именно этим можно объяснить восстановление в 1926 году (ещё до принятия КЗоБСО) института усыновления, отменённого в КЗАГС (СУ РСФСР. 1926. № 13. Ст. 101).

Наконец, КЗоБСО прямо предусмотрел возможность отобрания детей у родителей (что КЗАГС предусматривал лишь косвенно – ст. 159) при неисполнении или неправомерном осуществлении ими родительских прав.

Не избежало влияния социалистических идей и опека для несовершеннолетних в советском брачно-семейном законодательстве. Поскольку дореволюционные органы опеки были чисто сословными учреждениями, то уже 10 ноября 1917 года они были упразднены декретом «Об уничтожении сословий и гражданских чинов» (ст. 5)[1454]. Задачи следующего этапа организации опеки несовершеннолетних хорошо были объяснены Я.Н.Бранденбургским: «Опека по Кодексу 1918 года должна была играть воспитательную роль и, если хотите, носить показательный характер. Наша мысль заключалась в том, что государство может лучше воспитывать детей, чем их родители»[1455]. Однако в самом КЗАГС эта идея проведена не вполне последовательно, т.к. согласно ст. 184 и 190 опека над несовершеннолетним могла осуществляться не только соответствующим отделом социального обеспечения, но и специально назначенным для этой цели опекуном. В 1920 году из ведения органов социального обеспечения функция организации опеки несовершеннолетних перешла в ведение органов народного просвещения[1456]. Такая передача выглядела, в общем-то, обоснованно, поскольку в составе Народного комиссариата просвещения РСФСР существовал Отдел охраны детства, в ведении которого входила, в частности, организация детских домов, колоний, вопросы детского питания и проч. Также в составе Наркомата существовали отделы по детскому обеспечению, внешкольному образованию, дошкольному воспитанию. Несмотря на то, что опекуны согласно ст. 230 – 239 КЗАГС должны были управлять и имуществом подопечного, в условиях Гражданской войны и национализации промышленности таким имуществом могли быть, в основном, личные вещи и предметы домашней обстановки.

Период НЭПа определил новые задачи, стоящие перед опекунскими учреждениями. Помимо воспитания несовершеннолетних подопечных, чем занимались органы Наркомпроса, на повестку дня были поставлены задачи, явно не свойственные периоду Гражданской войны. В частности, от органов опеки могло потребоваться управление и распоряжение принадлежащими подопечным промышленными предприятиями (ст. 86

[1454] СУ РСФСР. 1917. № 3. Ст. 31.

[1455] *Бранденбургский Я.Н.* Указ.соч. С. 131. См. об идеях «обобществления» детей в первые годы Советской власти: *Нечаева А.М.* Россия и её дети (ребёнок, закон, государство). М., 2000. С. 89; *Glass, Becky* L., *Stolee, Margaret K.* Family law in Soviet Russia // Journal of Marriage and the Family. 1987. Vol. 49. № 4 (Nov.). P. 894-895.

[1456] СУ РСФСР. 1920. № 93. Ст. 506.

КЗоБСО). В этих условиях логичным выглядит передача функций опеки из ведомства Наркомпроса в ведение местных органов власти: президиумов исполкомов административно территориальных единиц и исполкомов советов поселений (ст. 72 КЗоБСО). Соответственно, в составе исполкомов функции органов опеки осуществляли отделы народного образования[1457]. Кроме того, в отличие от КЗАГС, в котором опеку могли осуществлять как государственные органы, так и отдельные назначенные граждане, в соответствие со ст. 74 КЗоБСО опекуном могло быть только физическое лицо.

Идея замены семейного воспитания общественным подвергалась критике в постсоветской литературе[1458]. Не вдаваясь в оценку этой идеи с чисто человеческих позиций, необходимо дать ей определённое объяснение. Руководители правящей партии были достаточно здравомыслящи, чтобы не видеть очевидных препятствий на пути построения социализма. Одно из главных – то, что теперь называется «пятой колонной». У большевиков не было оснований полагать, что дети дворян, духовенства, кулачества будут сочувствовать идее построения социализма вопреки родительскому мировоззрению[1459]. Не случайно, например, вплоть до 1936 года к «лишенцам» относились не только служители культа, эксплуататоры и т.д., но и состоящие на их иждивении *члены семьей.* Кроме того, не надо забывать, что в распоряжении властей тогда ещё не было тех технических средств, которые способствуют выработке нужного правительству взгляда у граждан страны в их собственных жилищах: радио, телевидение, интернет. Отсутствовала до революции и система учебных заведений, которую большевики могли бы приспособить для соответствующего воспитания всего детского населения страны. Наконец, необходимо помнить, что и царское правительство на определённых исторических этапах ограничивало родительскую власть, запрещая обучать ребёнка-дворянина за границей или принудительно забирая его из родительского дома и зачисляя в казённое учебное заведение. Так что большевики были не совсем новаторами, предлагая передать дело воспитания детей в руки профессионалов. Правда, подобные мероприятия проводились царским правительством лишь в отношении детей правящей элиты, которым надлежало

[1457] См.: СУ РСФСР. 1927. № 105. Ст. 705; там же. 1928. № 124. Ст. 789).

[1458] См.: *Нечаева А.М.* Россия и её дети (ребёнок, закон, государство). М., 2000. С. 88-89.

[1459] См.: *Теттенборн З.Р.* Задачи опекунских учреждений по новому праву // Пролетарская революция и право. 1919. № 2-4. С. 71. В частности, З.И. Теттенборн указывает на разработанную в апреле 1919 года Наркоматом социального обеспечения «Инструкцию об организации и порядке деятельности подотделов опеки», в которой предусматривалась возможность «устанавливать опеку над несовершеннолетними, находящимися на попечении родителей, если последние воспитывают детей в духе, явно противоречащем основным началам коммунизма, внушая детям вражду к коммунизму и развивая в детях контрреволюционные стремления» (Там же. С. 73)

потом держать в узде оставшееся население. Да и успех эта политика практически не принесла из-за стойкого нежелания значительной части дворянства служить Отечеству.

Развитие технических средств передачи информации, введение всеобщего начального (с начала 30-х годов), а затем и среднего образования, деятельность пионерской и комсомольской организаций, широкая сеть детских досуговых учреждений – со временем все эти факторы будут способствовать снижению роли домашнего воспитания. Кроме того, уголовно- и административно-правовые меры в течение нескольких десятилетий серьёзно проредят ряды антисоветски настроенных родителей. Однако в момент захвата власти большевики по понятным причинам не могли планировать свою социальную политику даже на пятилетие, отсюда столь радикальные и, в конечном итоге, неосуществимые проекты по «обобществлению» детей.

Проведённый анализ норм КЗАГС и КЗоБСО о правах и обязанностях родителей, а также об опеке заставляет согласиться с выводом известного современного исследователя А.М. Нечаевой о том, что в данных законах была заложена идея об ответственности за воспитание несовершеннолетних, прежде всего, государства, а не родителей[1460].

***

Таким образом, развитие брачно-семейного законодательства первого десятилетия Советской власти было определено следующими обстоятельствами. Во-первых, были произведены изменения, которые давно назрели в дореволюционный период. В особенности это касалось вопросов, которые были связаны с церковными нормами: порядком расторжения брака и правовым положением незаконнорождённых детей. Постепенные преобразования, которые уже были намечены с начала XX века, в декабре 1917 года получили окончательное разрешение, связанное с отделением церкви от государства. Советское государство перестало интересовать основание расторжения брака в принципе, безотносительно, «законным» оно было или нет. Государство даже в какой-то степени было даже заинтересовано в расторжении «буржуазных» браков, заключённых, исходя из интересов «выгоды». Отказ от признания брака религиозным таинством послужил одной из предпосылок уравнения в правовом положении незаконнорождённых детей с рождёнными в зарегистрированном браке.

[1460] *Нечаева А.М.* История нормативного регулирования семейного воспитания // Государство и право. 2015. № 10. С. 82.

Во-вторых, уравнение детей и другие преобразования оказались возможными благодаря ликвидации сословного строя в России после победы Октябрьской революции, главной предпосылки для сохранения целого ряда норм, назначение которых состояло в сохранении дворянской (сословной) родовой недвижимости. Из-за упразднения сословных ограничений отпала необходимость в таком условии вступления в брак, как согласие начальства для служащих мужчин: потеряла всякий смысл проверка имущественной самостоятельности жениха и «пристойности» невесты. Упразднение разницы в правовом положении граждан Советской России неизбежно привело к упразднению прежних опекунских учреждений, которые изначально носили сословный характер.

В-третьих, из-за отделения церкви от государства были не только устранены различные ограничения на вступление в брак, но и существенно облегчена и удешевлена брачная процедура. Кроме того, переход бракоразводных вопросов в ведение государственных органов привёл к значительному упрощению процесса развода, что, как известно, давно назрело в России.

Наконец, в-четвёртых, вектор развития советского брачно-семейного законодательства был определён социалистическими идеями, выраженными в работах основоположников марксизма. В частности, «раскрепощение» брачно-семейных отношений повлияло на дальнейшее радикальное упрощение бракоразводного процесса. Идея «свободных браков» повлекла возможность вступить в супружеские отношение самым неформальным способом, а свидетельству о регистрации брака стали придавать значение лишь как доказательству его наличия. В дореволюционной России несоответствие юридического господства мужа над женой при её имущественной самостоятельности достаточно сильно бросалось в глаза, поэтому определённые шаги в сторону улучшения правового положения замужней женщины должны были быть сделаны. Однако идея Ф.Энгельса о раскрепощении женщины при социализме, дополненная равенством лиц обоего пола в Советском государстве, привела к отказу вообще от каких бы то ни было личных супружеских обязанностей. Кроме того, были намечены меры по замене семейных форм воспитания и содержания детей государственным социальным обеспечением. Это выразилось в заявленном примате интересов детей над родительскими правами, в появлении возможности лишения родительских прав. Сформировался новый подход к алиментированию как временному суррогату государственного обеспечения. Соответственно, неопределённость размера алиментов, которые прежде зависели от сословной

принадлежности глав семейств, уступила место привязке к прожиточному минимуму, а со временем – к доходам ответчиков. Идея организации новых опекунских учреждений также должна была привести к осознанию населением преимуществ общественного воспитания перед семейным.

Обобщая рассмотренные нововведения первого десятилетия Советской власти в области брака и семьи, можно увидеть следующую картину. Дореволюционный институт брака был за это время разрушен почти до основания. Собственно, как раз оснований этот институт и лишился в первую очередь, т.к. буквально сразу после прихода к власти большевиков был ликвидирован сословный строй, а церковь отделена от государства. Напомню, что раздел о браке и семье в Своде законов гражданских в главных своих частях представлял собой заимствованные из-за границы правовые формы, наполненные отечественным «содержанием». Это содержание, в свою очередь, представляло собой «сплав» церковных канонов и норм, решающих, в основном, сословные вопросы.

Ликвидировав церковное и сословное основание семейного законодательства, советская власть не заложила на расчищенном месте своего фундамента, т.к. в то время гораздо популярнее были идеи скорого отмирания всех прежних форм организации общества. Поэтому отраслевое законодательство пошло гораздо дальше тех требований, которые предъявляло к нему общество до Октября 1917 года. Брак, как правовой институт, «потерял» огромную часть своего содержания. О вступлении в супружество и его прекращении граждане могли ставить в известность государство лишь в случае, если приходилось отстаивать в суде свои имущественные права. Личных прав и обязанностей у супругов друг перед другом не было никаких. Единственное, чем скреплялись отношения между мужем и женой, – это алиментными обязанностями, а с принятием КЗоБСО – ещё и общностью нажитого в браке имущества. Но к алиментам власть относилась как к временной замене государственного социального обеспечения. Что касается общей супружеской собственности, то её введением достигалась важная цель законодателя в то время – обеспечить равенство сторон в браке. Для этого сначала КЗАГС 1918 года лишил мужа супружеской власти, а затем судебная практика и КЗОБСО 1926 года приравняли доходы мужа к труду жены-домохозяйки с помощью введения института общей совместной собственности. Никаких целей, которым бы служили устойчивое со-

жительство супругов и общая супружеская собственность, советское государство в это время не ставило.

Семейные связи, с точки зрения авторов законов того времени, так же теряли свою ценность, как и брачные. Вопросы материального обеспечения несовершеннолетних, а главное – их воспитания, в недалёком будущем должно было взять на себя государство, поэтому уже КЗАГС 1918 года заложил невиданные ранее ограничения родительских прав и попытался установить основания деятельности опекунских учреждений, как альтернативы семье. Однако желаемой цели в данный период достичь не удалось, поскольку государству даже к концу НЭПа ещё не вполне удалось преодолеть последствия социальных катаклизмов начала XX века: двух революций и Гражданской войны. Из-за нехватки сил и средств даже на ликвидацию беспризорности ставить вопрос о ликвидации семьи как правового института объективно было нельзя. В этих условиях приходится не только сохранять семью, которая ещё в 1918 году рассматривалась как «временный суррогат», но и восстанавливать уже отменённое усыновление.

§ 2. Правовое регулирование брачно-семейных отношений в крестьянской среде в первые десятилетия Советской власти

Реформируя брачно-семейное законодательство с декабря 1917 года, деятели советской юстиции имели перед собой Свод законов гражданских. Однако, как уже было показано ранее, организация брака и семьи в крестьянской среде строились совершенно на иных основаниях, поэтому нормы обычаев часто не просто отличались, а противоречили букве писаного закона. Не удивительно, что первые советские законы в этой сфере имели самый общий, может быть, даже и декларативный характер. Никаких оговорок, связанных с особенностями крестьянского быта, в семейном законодательстве первого десятилетия Советской власти найти нельзя. Лишь КЗоБСО в какой-то степени попытался приноровиться к сельским обычаям, однако судя по тексту последнего проекта НКЮ РСФСР перед внесением его в СНК РСФСР, а потом на II сессию ВЦИК XII созыва в 1925 году, учёт в принимаемом кодексе особенностей обычаев стал следствием крестьянской «оппозиции», с которой разработчики проекта из НКЮ РСФСР столкнулись на этой сессии. Далеко не все депутаты ВЦИК поддержали такие предлагаемые нововведения, как отмена обязательной регистрации брака и ещё большее упрощение брако-

разводных процедур. Решением большинства депутатом ВЦИК проект был одобрен лишь в основе, а его окончательное утверждение было решено перенести на следующую сессию[1461]. За год, который отделил II сессию от III, в проект кодекса были внесены изменения, и в итоговом варианте появился ряд статей (прим. к ст. 10, ст.53, 56), отсылающих к Земельному кодексу РСФСР 1922 года. С учётом широкой дискуссии, которая была проведена по проекту семейного кодекса в 1926 году, деятели НКЮ РСФСР смогли получить с мест дополнительные сведения о крестьянских обычаях и внести соответствующие правки в текст.

Однако несмотря на то, что семейное законодательство с 1917 по 1926 годы не отражало особенностей крестьянского быта, это не значит, что за данный период крестьянские брачно-семейные обычаи не ощущали со стороны закона никакого воздействия. Нельзя сказать, что специалисты Наркомата юстиции не понимали специфику крестьянского уклада, скорее, они до поры до времени не считали нужным отражать её в брачно-семейном законодательстве. То, что эта специфика руководящими работниками юстиции вполне осознавалась, видно из отдельных разъяснений НКЮ, данных по поводу его применения в условиях деревни. Разрабатывая для будущего КЗоБСО нормы, регулирующие статус общей супружеской собственности, разработчики из НКЮ держали в уме судебную практику, которая, несмотря на постановления КЗАГС о раздельности собственности супругов, всё-таки признавала нажитое в браке имущество совместным. Одно из первых таких дел рассматривалось в 1920 году в участковом уездном суде Петрозаводского уезда. Супруги Абакумовы состояли в браке более шестнадцати лет, причём жена жила в деревне, а муж, по преимуществу, работал маляром в Петрограде. После случившегося в 1920 году развода по желанию мужа, Абакумова подала иск о разделе имущества двора, но суд отказал ей со ссылкой на ст. 105 КЗАГС («брак не создаёт общности имущества супругов»). Судьи-горожане не имели понятия о том, что в крестьянском быту собственность двора является общей, чем и объясняется их решение. НКЮ РСФСР, пересматривая дело, вник в специфику организации крестьянского хозяйства, справедливо придал значение трудовому вкладу жены в создании имущества семьи и отменил решение участкового уездного суда[1462].

Продемонстрировав некоторое понимание обычаев крестьянской среды и заложив в проект КЗоБСО институт общей собственности супругов, деятели НКЮ, тем не менее,

[1461] ВЦИК XII созыва. II сессия. Постановления. М., 1925. С. 4.
[1462] ЕСЮ. 1922. № 11. С. 12.

в том же проекте максимально упростили разводы и не отказались от этого, несмотря на критику крестьян-депутатов на сессии II сессии ВЦИК XII созыва в 1925 году. Между тем, простота разводов означала для крестьян серьёзный подрыв устойчивости двора: уход жены из семьи являлся уважительным поводом для раздела хозяйства; чем легче развод – тем легче начать раздел. На этот аспект крестьянского быта ещё в начале 20-х годов обратили внимание низовые органы юстиции[1463], но, как видим, НКЮ предпочёл дальнейшее «раскрепощение» семьи поддержанию устойчивости крестьянского хозяйства. Между тем, вопросы крестьянской семейной собственности, алиментирования членов крестьянской семьи и проч. постепенно из области обычного права начинают переходить в область права писаного. Однако этот переход отразился, в основном, не в семейном законодательстве, а в *земельном*, а со временем – в *колхозном*.

Приноравливаться к крестьянским обычаям советскому государству пришлось буквально с самых первых шагов. Так, после отмены наследования декретом от 27 апреля 1918 года и продекларировав передачу имущества в «непосредственное управление и распоряжение» специально указанных в декрете родственников, НКЮ в специальном разъяснении отразил следующую специфику сельских условий: отделённые ранее от покойного сыновья и братья, а также вышедшие замуж дочери и сёстры считаются наследниками только если нетрудоспособны и нуждаются[1464]. Таким образом, НКЮ передавал имущество умершего в управление не всем родственникам, а *лишь участвовавшим на момент смерти в хозяйстве*, т.е. трудовое начало было поставлено выше родственного. Кроме того, трудовое начало видно из текста самого декрета «Об отмене наследования», поскольку в управление и распоряжение имущество получали не только родственники, но и примаки и приёмыши (прим. 2 к ст. II). Трудовое начало как фактор, образующий крестьянское семейное хозяйство, прослеживается и в дальнейших нормативных актах, среди которых один из важнейших – Земельный Кодекс РСФСР 1922 года. Кодекс содержит раздел «О дворе (трудовое земледельческое хозяйство)», который, пожалуй, можно считать первым в отечественной истории официально санкционированным сводом норм обычного права. Среди членов двора Кодекс называет примаков, а также лиц, вошедших в хозяйство по браку (прим. к ст. 66). Не являясь родственниками, указанные лица приобретали не только право на имущество общего пользования, но и право требо-

[1463] ГАРФ. Ф. А353. Оп. 5. Д. 226. Л. 63.
[1464] См.: *Полянская Г.Н.* История имущественных отношений в крестьянском дворе по советскому праву. Дис. … канд. юрид.наук. Моск.юрид. ин-т. М., 1939. С. 41 – 42.

вать раздела двора. Как и в дореволюционной России, примаки могли вступать в члены двора на основании договора[1465]. Правда, круг вопросов, по которым заключался договор, был ограничен, т.к. землепользование и пользование имуществом двора определялось, в отличие от дореволюционного периода, законами. Отношение, высказанное на первых порах в советском законодательстве к институту примачества, было скорее отрицательным. А.Г.Гойхбарг, комментируя в 1920 году нормы КЗАГС о запрете на будущее усыновления, писал, что они были направлены, в основном, против сельского примачества[1466]. Однако I Мировая и Гражданская войны существенно подорвали многие семейные крестьянские хозяйства, которые были вынуждены вводить в состав своих членов примаков, как необходимую для выживания рабочую силу. Земельный Кодекс РСФСР 1922 года допустил подобное вхождение в члены двора (ст. 66), а Циркуляр Наркомюста РСФСР 1924 года № 138 «О приймачестве»[1467] санкционировал договорную основу этого вхождения (с уже указанными ограничениями).

Любой член двора (даже родственник) утрачивал право требовать раздела, если в течение определённого времени не участвовал своим трудом или средствами в ведении общего хозяйства двора (ст. 75). То, что имущественная доля участника двора зависела от его трудового вклада, подтверждала и судебная практика[1468].

Трудовое начало, как основание членства в крестьянском дворе, и право на долю в имуществе его общего пользования прекрасно проявили себя в вопросе о регистрации брака. Известно, что и до Октября 1917 года отсутствие венчания не было помехой для создания семьи: для этого было достаточно сговора, который был для крестьян гораздо важнее церковных процедур. Один из аргументов, который высказывался разработчиками КЗоБСО в пользу признания фактических брачных отношений, состоял как раз в апелляции к неформальному вхождению женщины в крестьянское хозяйство. В частности, поднималась проблема определения статуса батрачки, которая не только участвует в сельскохозяйственных работах в составе крестьянской семьи, но и фактически сожительствует с одним из членов двора. Нередко по минованию надобности в работнике батрачку сгоняли со двора. Способом защиты «жён на сезон» виделось признание их законными супругами. Вслед за КЗоБСО, легализовавшим фактические браки, по пути

[1465] См., напр.: Судебная практика РСФСР. 1929. № 9. Дело № 3408. С. 7.
[1466] *Гойхбарг А.Г.* Брачное, семейное и опекунское право Советской республики. С. 139.
[1467] ЕСЮ. 1924. № 35 – 36. С. 864.
[1468] Судебная практика РСФСР. 1928. № 10. Дело № 31368. С. 7; Судебная волокита вследствие неправильного понимания судом существа спора // Там же. 1929. № 2. С. 15 – 16.

признания батрачек «фактическими жёнами» пошла и судебная практика[1469]. Однако несмотря на либерализацию семейного законодательства в 1926 году, члены крестьянского двора, особенно «младшие» (вошедшая во двор жена, примак, только что родившийся ребёнок), были заинтересованы в регистрации в качестве таковых (ст. 72 Земельного Кодекса РСФСР), поскольку сразу приобретали право на долю в имуществе общего пользования.

Начала *уравнительного* землепользования, возвращение к которому в Советской России связано с принятием «Декрета о земле» 26 октября 1917 года, изначально предполагали и равную долю в имуществе общего пользования (скот, сельскохозяйственный инвентарь и т.д.) крестьянского двора всех его членов[1470]. Соответственно, даже при непродолжительном пребывании в качестве зарегистрированного члена двора ушедшая жена, примак или разведённый зять могли потребовать *равную* долю с коренными членами бывшей семьи. Однако уже в конце периода НЭПа судебная практика самостоятельно пришла к выводу о необходимости в данном случае оценивать трудовое участие недолговременного члена двора[1471], и если он не «заработал» права на равную долю, то присудить ему вознаграждение за труд по правилам о наёмном труде в сельском хозяйстве[1472].

Значение регистрации в качестве члена крестьянского двора для фактических супругов приобрело особенный смысл после Указа Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 года. К этому времени основная масса крестьянства состояла в колхозах, что предполагало не только зарегистрированное членство, но и обязательный учёт выработанных трудодней. Соответственно, в подворных списках регистрировались все члены колхозного двора, кроме того, уже была достаточно отлажена оценка трудового вклада каждого колхозника[1473]. Судебная практика, принимая во внимания все эти обстоятельства, признавала фактическую жену членом двора. Поэтому даже при её изгнании из семьи суды санкционировали раздел имущества, при этом для определения сте-

---

[1469] Судебная практика РСФСР. 1927. № 16. Дело № 32613. С. 13; Там же. 1927. № 23. Дело № 35820. С. 16; Там же. 1928. № 10. Дело № 31368. С. 7; Там же. 1930. № 6. Дело № 33073. С. 12.
[1470] *Полянская Г.Н.* Указ.соч. С. 24
[1471] Судебная практика РСФСР. 1928. № 21. Дело № 3460. С. 9.
[1472] Судебная практика РСФСР. 1928. № 10. Дело № 31368. С. 7.
[1473] Как отмечала Г.Н. Полянская, фактическое вступление во двор могло в своё время судебной практикой приравниваться к регистрации в подворных списках. Однако Пленум Верховного Суда РСФСР 6 июля 1927 года разъяснил, что моментом вступления во двор в соответствии со ст. 72 Земельного Кодекса надо считать момент регистрации в подворных списках (*Полянская Г.Н.* Указ.соч. С. 226).

пени её участия в общем хозяйстве учитывался заработок в колхозе[1474]. Таким образом, трудовая основа крестьянской семьи позволяла супругам претендовать на имущество даже при отсутствии регистрации брака. Это положение справедливо, в том числе, и для дореволюционного времени, когда крестьяне избегали регистрации брака из-за дорогого венчания, и для тех отрезков советского периода, когда только зарегистрированный брак порождал супружеские права и обязанности.

Ещё одно следствие аграрных преобразований Советской власти, повлиявшее на характер взаимоотношений членов крестьянского двора – постепенное ослабление власти домохозяина. Напомню, что ещё в рамках столыпинской аграрной реформы законодатель установил право закрепления надела в собственность именно за домохозяином[1475]. Между тем, Декрет о земле не только уничтожил частную собственность на землю, но и ввёл распределение участков между *трудящимися*. Причем при наделении землёй могли учитываться не только трудоспособные мужчины и женщины, но и нетрудоспособные едоки (в т.ч. престарелые, малолетние дети)[1476]. Таким образом, уже с первых дней новой власти в земельном законодательстве начинал меняться взгляд на соотношение прав домохозяина и прочих членов семьи: из собственника домохозяин превращался в представителя двора, при этом равные права на пользование землёй и имущество двора принадлежало всем его членам. Окончательное закрепление этого нового положения произошло в Земельном Кодексе РСФСР 1922 года, в котором право собственности на постройки и инвентарь и право пользование землёй землю принадлежало *всем членам хозяйства* в полном составе независимо от пола и возраста (ст. 67). Принцип *равенства долей* в имуществе двора *всех его членов* закреплен и в Инструкции Наркомюста и Наркомзема РСФСР 1927 года о производстве семейно-имущественных разделов (ст. 26)[1477]. Домохозяин же назван в Земельном Кодексе 1922 года лишь представителем двора по его хозяйственным делам (ст. 68).

Помимо наделения младших членов двора правами на землю и имущество законодательство закрепило за ними и право требовать раздела (ст. 75). Однако следствием такого «раскрепощения» сельской семьи стала, без преувеличения, эпидемия разделов, начало которой приходится ещё на Гражданскую войну.

[1474] *Лисковец Б.А.* Имущественные разделы и выделы в колхозном дворе (по материалам судебной практики). М., 1963. С. 13 – 16.

[1475] 3-е ПСЗРИ. Т. XXVI. Отд. I. № 28528; Там же. Т. XXX. Отд. I. № 33743.

[1476] § 14, 16 Инструкции для установления потребительно-трудовой нормы землепользования не замлях сельскохозяйственного назначение (прил. к ст. 25 Декрета о социализации земли. СУ РСФСР. № 25. Ст. 346).

[1477] СУ РСФСР. 1927. № 32. С. 213.

Измельчание крестьянских хозяйств совершенно не соответствовало целям Советской власти, выраженным в ещё 1919 году в Декрете «О социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию (Положение)»[1478]. Вместо крупных хозяйств, коммун и, наконец, вместо единого производственного сельскохозяйственного комплекса (ст. 3-4) на деле происходило дробление крестьянских дворов, приводивших к созданию экономически нежизнеспособных единиц. Таким образом, для достижения своих экономических задач власть столкнулась с необходимостью ограничить права крестьян по распоряжению их собственным имуществом. Одна из первых мер такого ограничения была выражена в Циркуляре Отдела текущей земельной политики Наркомзема 17 октября 1918 года. Данный документ, посвящённый семейным разделам у крестьян, говорит о том, что уменьшение вследствие такого раздела инвентаря в хозяйстве не должно влиять на его производительность[1479]. О выяснении «целесообразности» раздела построек и инвентаря двора говорит и Циркуляр НКЮ от 24 октября 1918 года[1480]. Оба циркуляра в качестве промежуточной инстанции перед передачей дела в народный суд определяли земельный отдел местного совета, чтобы тот установил «неимение препятствий к производству раздела имущества»[1481]. Таким образом, земельный отдел решал вопрос о целесообразности раздела, а Народный суд уже определял права отдельных членов двора, их доли и имущественное содержание этих долей.

Земельный Кодекс РСФСР 1922 года продолжил линию, начатую двумя наркоматами в годы Гражданской войны. Раздел земельных угодий двора допускался лишь в целях и при условии возможности образования новых земледельческих хозяйств (ст. 74). Против разрушения сложившихся хозяйств была направлена глава Кодекса «О мерах против измельчания хозяйств (дворов)» (ст. 85 – 89), которая предусматривала нормы недробимости и компенсацию (деньгами или в натуре) выходящему из двора члену за причитающуюся ему долю в имуществе общего пользования. В 1927 году Наркомюстом и Наркомземом РСФСР была разработана Инструкция о производстве семейно-имущественных разделов трудовых земледельческих хозяйств (дворов)[1482], которая так-

[1478] СУ РСФСР. 1919. № 4. Ст. 43.
[1479] *Полянская Г.Н.* Указ.соч. С. 83.
[1480] Там же. С. 84.
[1481] Там же. С. 85.
[1482] СУ РСФСР. 1927. № 32. Ст. 213.

же стояла на позиции учёта *целесообразности* при раздроблении крестьянских дворов (ст. 1-3 Инструкции).

При этом Инструкция гораздо тоньше, чем Кодекс, учитывала характер взаимоотношений между членами крестьянского двора. Так, допускалась возможность сохранения двора в качестве единой хозяйственной единицы даже при отсутствии желания членов семьи проживать под одной крышей: в этом случае разделу подлежали постройки и предметы домашнего обихода, а земля и «сельскохозяйственное имущество» продолжало оставаться в общем пользовании (ст. 7). Если же вопрос о невозможности совместного проживания ставился в связи с наличием нетрудоспособных членов двора (пожилых, инвалидов и т.д.), то в таком случае раздела имущества не производилось, а нетрудоспособным лицам предоставлялось обособленное жильё и за счёт двора обеспечивалось получение продуктов и денежного содержания (ст. 8). Этот подход в точности соответствовал практике волостных крестьянских судов дореволюционной России, когда ссорившиеся родственники (в т.ч. муж и жена) по решению волостного суда могли проживать в отдельных помещениях без общего раздела имущества двора[1483]. Также использовалась дореволюционная практика предоставления молодыми членами двора пожилым родственникам особой «кельи» и части доходов без раздела имущества крестьянского двора[1484]. Таким образом, представляется совершенно обоснованным вывод Г.Н.Полянской о значении Инструкции 1927 года, как систематизированного кодекса «дворового права»[1485]. Разумеется, в этот «кодекс» попали лишь те обычаи, которые не противоречили экономическим интересам советского государства того времени.

С точки зрения интересов сохранения единого хозяйства необходимо также рассматривать вопрос о содержании несовершеннолетних крестьянских детей. Пока ребёнок был членом родительского двора, вопрос об алиментах не возникал. Однако в ином случае, скажем, при уходе матери с ребёнком от отца, возникала проблема обеспечения алиментных платежей. Во-первых, имущество родителей не личного пользования, на которое при их недобросовестности можно было бы обратить взыскание, являлось частью собственности двора, в котором определённую долю имел и сам ребёнок. Во-вторых, алименты предполагают систематические выплаты, а условия сельскохозяйственного производства не предполагают систематических доходов, из которых можно

[1483] *Пахман С.В.* Обычное гражданское право в России. С. 447.
[1484] *Александров В.А.* Обычное семейное право крепостной деревни в России XVIII – начало XIX в. С. 207 – 208.
[1485] *Полянская Г.Н.* Указ.соч. С. 373.

было бы осуществить алиментные платежи[1486]. Следовательно, защита интересов ребёнка требовала обращения взыскания на имущество двора, но ст. 71 Земельного Кодекса РСФСР недвусмысленно запретила подобный порядок. Определённый крен в сторону интересов ребёнка продемонстрировал Наркомат юстиции, который в разъясняющем отдельные спорные вопросы Циркуляре № 159 от 28 июля 1923 года установил правило о получении алиментов «из имущества трудовых хозяйств»[1487]. На той же позиции Наркомат стоял и в 1925 году при издании Циркуляра № 134[1488]. Баланс между интересами двора и ребёнка был найден при разработке КЗоБСО, который предложил обращать взыскание лишь на денежные суммы и продукты (ст. 56), причём в обеспечение алиментных платежей категорически запрещался принудительный выдел скота, инвентаря и других «предметов общего хозяйственного обзаведения двора».

Судя по отзывам с мест, поступивших уже в первый год после вступления в силу норм КЗоБСО 1926 года, указанный баланс был достигнут, в основном, лишь теоретически, т.к. получение денег и продуктов хозяйством ответчика могло быть легко скрыто[1489]. В деревне практиковались фиктивные разделы, когда ответчик по алиментам отделялся от семьи лишь формально, брал расписку о получении своей доли деньгами и удалялся на отхожие промыслы[1490]. Попытки обратить взыскание на имущество дедов и бабок приводили к тому, что те также заявляли желание выделиться, получить по Инструкции 1927 года отдельное жильё и часть доходов на пропитание, так что и в данном случае при затягивании дела скорое получение алиментов было не гарантировано[1491]. Чтобы добиться хоть какой-то материальной помощи от отца ребёнка, разведённая мать, как бывший член его двора, могла потребовать выдела соответствующей доли имущества. Однако и таким способом проблема решалась не всегда, поскольку доля ребёнка могла обеспечить его пропитание лишь при выделе из крупного хозяйства. Инструкция 1927 года о производстве семейно-имущественных разделов подобную проблему решала следующим образом: выдел несовершеннолетним их доли может заменить алименты, если с получением выдела для них «обеспечена возможность существования». В противном случае, а также с изменением в дальнейшем материального положения детей,

---

[1486] См. разъяснения Пленум Верховного Суда РСФСР от 26 октября 1925 года (ЕСЮ. 1925. № 44 – 45. С. 1410) и от 5 марта 1928 года (Судебная практика РСФСР. 1928. № 6. С. 4) о том, что в зависимости от хозяйственных условий, суды могут присуждать уплату алиментов не только помесячно, но и по четвертям года.
[1487] ЕСЮ. 1923. № 31. С. 717.
[1488] ЕСЮ. 1925. № 27. С. 947.
[1489] *Седляров Е.* Бесправие внебрачного ребёнка по Земельному Кодексу // ЕСЮ. 1927. № 23. С. 708.
[1490] *Максименко В.* Взыскание алиментов с членов крестьянского двора // ЕСЮ. 1929. № 27. С. 635.
[1491] *Залайко.* Взыскание алиментов в деревне // ЕСЮ. 1929. № 18. С. 415.

они могли требовать взыскания алиментов с родителей на общих основаниях (ст. 14). Таким образом, в земельном праве была впервые чётко сформулирована мысль: ребёнок имеет право *и* на долю, *и* на алименты. В 1930 году это правило было подтверждено введением в КЗоБСО ст. 56[1], признававшей право детей и на долю, и на содержание из личных средств родителей[1492].

Специфика крестьянского двора как семейно-трудового объединения ещё с дореволюционных времён определяла важные особенности права собственности на его имущество. Во-первых, независимо от того, что законодательство царской России или первых лет Советской власти считало супружескую собственность раздельной, в крестьянской семье как трудовой единице собственность супругов могла быть только общей. Во-вторых, признание по ст. 10 КЗоБСО общности имущества супругов распространялось лишь на нажитое в браке, в то время как в крестьянской среде общность распространялась и на то имущество, которое невеста принесла в хозяйство в качестве приданого. Значение этого своеобразного «паевого взноса» в семейное хозяйство состояло в том, что к нему затем будет приложен труд всего двора. Предбрачный сговор, который для дореволюционной деревни был важнее венчания, направлялся на формирование будущего производственного комплекса, куда входил скот, птица, сельскохозяйственный инвентарь, посевной материал и прочее имущество, получившее уже в советских нормативных актах наименования «имущество общего пользования» (ст. 77 Земельного Кодекса РСФСР 1922 года), «хозяйственное обзаведение двора» (ст. 15 – 16 Инструкции 1927 года о производстве семейно-имущественных разделов), «имущество, необходимое для ведения сельского хозяйства» (там же, ст. 23, 27). Это имущество считалось общей собственностью не только супругов, но и их детей, причём членство ребёнка во дворе определялось не моментом рождения, а моментом зачатия[1493]. Между тем, не только царское, но и советское семейное законодательство устанавливало, что дети не имеют права на имущество родителей, а родители – на имущество детей.

В-третьих, на собственность крестьянского двора не распространялись нормы о наследовании. Такое регулирование совершенно логично, ведь в противном случае члены двора, не являющиеся родственниками (например, примаки) окажутся лишёнными прав на имущество. Кроме того, наследником по закону в подобном случае мог оказаться родственник, совершенно не участвовавший в хозяйстве, где открылось наследство,

[1492] СУ РСФСР. 1930. № 5. Ст. 53.
[1493] Судебная практика РСФСР. 1930 № 6. Дело № 33073. С. 12.

ни трудом, ни денежными взносами. В 1925 году Пленум Верховного Суда РСФСР разъяснил, что наследование применимо к крестьянскому двору в том случае, если двор представлен лишь одним лицом[1494].

***

Таким образом, советская власть в целом приняла брачно-семейные крестьянские обычаи. Более того, впервые в истории страны эти обычаи были достаточно неплохо систематизированы в нормативных актах различного уровня. Вполне осознавая специфику крестьянской среды, законодатель не стремился распространить на неё в полной мере нормы семейного законодательства, принятого на волне революции под влиянием социалистических идей. Наоборот, КЗоБСО 1926 года содержал несколько статей и примечаний к отдельным статьям, подчёркивавших особенности имущественных отношений среди членов крестьянского двора. В основном же регулирование брачно-семейных отношений в крестьянской среде сконцентрировалось в земельном законодательстве, в том числе в Земельном Кодексе РСФСР 1922 года.

Правовое регулирование брака и семьи в деревне законодательство первого десятилетия советской власти осуществляло весьма выборочно. Земельный Кодекс 1922 года, например, затронул жизнь крестьянского двора лишь в самых общих чертах. В определённых вопросах допускалась возможность договорного регулирования взаимоотношений с его отдельными членами (примаками). Из тех принципов, на которых несколько веков базировалось обычное крестьянское право, Земельный Кодекс и другие нормативные акты закрепили *трудовое начало*, которое предполагало возможность расширение состава семьи через брак или принятие во двор примака. Трудовое начало предполагало признание общей собственностью членов двора имущества, предназначенного для сельскохозяйственного производства.

Предполагая с самых первых дней прихода к власти социалистическое переустройство сельского хозяйства, большевики должны были, с одной стороны, пойти навстречу крестьянским ожиданиям, с другой – по возможности нейтрализовать вредные тенденции на селе. Отсюда, во-первых, провозглашение *принципа уравнительного землепользования,* вследствие чего по отношению к общему имуществу двора был уста-

[1494] ЕСЮ. 1925. № 6. С. 150; Судебная практика РСФСР. 1929. № 17. С. 14.

новлен принцип равенства долей. С другой стороны государство должна была ограничить такое распоряжение активами крестьянского двора со стороны его членов, которое отдаляло деревню от социалистического переустройства. По этой причине, например, вопрос о семейных разделах крестьян был взят под контроль государственных органов, которые руководствовались не столько желанием членов двора, сколько *принципом хозяйственной целесообразности*. Этот принцип также заставлял законодателя и судебную практику балансировать между интересами двора как крепкой хозяйственной единицы и интересами наиболее слабых его членов (фактических жён, несовершеннолетних детей, престарелых). Один из характерных примеров такого баланса – Инструкция 1927 года о производстве семейно-имущественных разделов. Так, Инструкция предусмотрела ради сохранения двора, как единого сельскохозяйственного комплекса, несколько вариантов сохранения общего имущества в ситуациях, когда продолжение совместной жизни и ведение общего домашнего хозяйства для членов двора не представлялось возможным. Принимая во внимание принцип хозяйственной целесообразности при производстве крестьянских семейных разделов, нормативные акты советского периода должны были уточнить разницу в статусе имущества, необходимого для ведения сельского хозяйства, и имущества личного пользования. Это уточнение было важно также при наложении взысканий по обязательствам отдельных членов двора.

§ 3. Возниковение семейного права в СССР как отрасли (1930 – 1960-е годы)

А. Значение коллективизации для преобразований в советском семейном праве

До 30-х годов курс советского законодателя был определён не только необходимостью давно назревших преобразований, но и продвижением в нормативные акты о браке и семье социалистических идей. Почти параллельным курсом двигалось земельное законодательство, которое, воспринимая некоторые правовые институты дореволюционного времени, также имело конечной целью социалистические преобразования сельского хозяйства. Таким образом, советский законодатель продолжил практику царского правительства в регулировании брачно-семейных отношений городского и сельского населения: вплоть до начала коренной ломки общественных отношений в 30-е годы XX века этот процесс шёл почти параллельным курсом. В отношении городского

населения принимались нормы, целиком и полностью опиравшиеся на революционные идеи переустройства общества. При регулировании семейных отношений на селе приходилось учитывать нормы обычаев, отражавших особенности ведения хозяйства, что отражалось и в зарождавшейся новой отрасли – земельном праве. Проведение сплошной коллективизации в СССР создало предпосылки «отделения труда от семьи»[1495]. Обобществление сельскохозяйственного инвентаря, рабочего и товарно-продуктивного скота, семенных запасов и прочего имущества, предназначенного для ведения сельского хозяйства (ст. 4 Примерного устава сельскохозяйственной артели 1930 года[1496]), привело к тому, что крестьянский двор утратил имущественный комплекс, ради которого советское государство признавало направленные к сохранению его единства дореволюционные обычаи. Колхозно-правовое регулирование предполагало не только единовременное обобществление имущества двора при вступлении в сельскохозяйственный кооператив. Законодательство предпринимало все меры к тому, чтобы и в дальнейшем личное крестьянское хозяйство носило лишь подсобный характер, а основные доходы колхозники получали от работы в обобществлённом хозяйстве. На это было нацелено и точное исчисление в Примерном уставе сельскохозяйственной артели того имущества, которое колхозный двор мог сохранить в личном пользовании (ст. 5 Примерного устава 1935 года), и запрет 1939 года на несанкционированное увеличение размеров личных приусадебных участков колхозников[1497], и установление в том же 1939 году минимума трудодней[1498]. Распределение доходов в колхозах осуществлялось таким образом, чтобы в первую очередь обеспечивались государственные интересы по снабжению страны продукцией сельского хозяйства, обеспечивалась текущая производственная деятельность колхозов и их социально-культурные нужды, а уж затем остаток распределялся между колхозниками в зависимости от их трудового участия (ст. 11 – 12 Примерного устава 1935 года). Такое предотвращение «перетекания» сельскохозяйственного производства из обобществлённого сектора в частный позволило государству застраховать сельское хозяйство от того вреда, который ему традиционно причиняли разделы крестьянских дворов.

[1495] *Полянская Г.Н.* Указ.соч. С. 204.
[1496] СЗ СССР. 1930. Отд 1. № 24. Ст. 255; См. аналогичную формулировку ст. 4 Примерного устава 1935 года (СЗ СССР. 1935. Отд. 1. № 11. Ст. 82).
[1497] Ст. 8 Постановления ЦК ВКП (б) и СНК СССР от 27 мая 1939 года «О мерах охраны общественных земель от разбазаривания» (СП СССР. 1939. № 34. Ст. 235).
[1498] Там же, ст. 14.

Ликвидировав зависимость сельского хозяйства страны от мелкотоварного производства в рамках крестьянской семьи, законодатель параллельно смог в какой-то степени сблизить её уклад с укладом городской семьи и при сохранении типичных особенностей села. Так, общая собственность двора по-прежнему отличилась от общей супружеской собственности тем, что в её основе лежал принцип равенства долей всех его членов, включая детей, других родственников и примаков. По-прежнему в основе имущественных прав членов колхозного двора лежало трудовое участие, при длительном отсутствии которого право на долю утрачивалось. Все эти особенности были зафиксированы в ходе очередной систематизации законодательства в Основах гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик 1961 года[1499] и ГК РСФСР 1964 года (ст. 129, 132[1500]). Сближение сельского семейного уклада с городским стало возможно, как представляется, благодаря более точному исчислению доходов от трудовой деятельности каждого члена крестьянского двора при помощи учёта трудодней. Уже в 1932 году Президиум Верховного Суда РСФСР постановил, что вознаграждение колхозника за выработанные трудодни должно считаться его личным имуществом. Согласно этому постановлению, если умерший колхозник не успел получить причитающееся ему вознаграждение, то оно поступало не общую собственность его двора, а переходило, в соответствии с нормами ГК РСФСР 1922 года, к наследникам[1501]. Личные доходы колхозника лишь тогда могли быть включены в общую собственность двора, когда они были направлены для совместного использования двором, для включения их в хозяйственный оборот[1502]. Однако поскольку законодательство, как уже было показано, сознательно «дозировало» сельскохозяйственную деятельность двора, личные доходы колхозников, даже обращённые в общую собственность, могли быть скорее использованы для потребительских целей (приобретение предметов домашней обстановки и т.д.). В этом смысле сельский двор в результате коллективизации и дальнейших правительственных мер по обобществлению сельского хозяйства из «союза производителей» должен был сделать шаг к «союзу потребителей», к подобию городской семьи.

Коллективизация существенно упростила проблему алиментных обязательств. Так, согласно постановлению Президиума Верховного Суда РСФСР от 8 декабря 1929 года, при взыскании алиментов на содержание несовершеннолетнего ребёнка в случае

[1499] Ведомости Верховного Совета СССР. 1961. № 50. Ст. 525.
[1500] Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1964. № 24. Ст. 416.
[1501] ЕСЮ. 1932. № 14. С. 32.
[1502] Комментарий к ГК РСФСР / под ред. Е.А. Флейшиц и О.С. Иоффе. М., 1970. С. 188.

недостаточности личного имущества родителя – члена сельскохозяйственной артели взыскание обращается на его долю в доходах артели[1503]. Согласно внесённым в 1937 году изменениям в КЗоБСО, алименты с колхозников сразу исчислялись в трудоднях, причём соответствующая часть трудодней отца в зависимости от количества детей записывалась правлением колхоза на счёт матери (ст. 51-а)[1504]. Таким образом, при исчислении алиментов с родителей взыскание налагалось не на доходы крестьянского двора, как было установлено до этого времени, а на их заработок в колхозе. Тем самым алиментные обязанности со всего двора окончательно перекладывались на родителей[1505], и в этом крестьянская семья также приблизилась по укладу к городской.

Итак, сплошная коллективизация привела не только к ликвидации многоукладности в экономике, но и также (абсолютно логично) – к сближению семейного уклада города и села. Это явилось важной предпосылкой для ликвидации своеобразного «параллелизма» в отраслевом регулировании, когда вопросы брака и семьи в отношении крестьянства находили отражение и в семейном, и земельном кодексах РСФСР. С одной стороны, земельное законодательство освободилось от такой традиционной нагрузки, как имущественные и личные отношения членов крестьянского двора. Земельный Кодекс РСФСР 1970 года содержал в своём составе главу XV («Землепользование семьи колхозника (колхозного двора)»), в которой нашли отражение лишь права крестьянской семьи на приусадебный земельный участок, право на пользования пастбищами и участками для прочих нужд (сенокошения и т.д.). С другой стороны, вопросы права собственности колхозного двора с принятием Основ гражданского законодательства СССР и союзных республик 1961 года и ГК РСФСР 1964 года получили окончательную «прописку» в гражданском законодательстве.

Б. Формирование отраслевого предмета и метода семейного права

Данный пункт посвящён процессу постепенного формирования в России отрасли семейного права. С точки зрения теории государства и права основанием классифика-

---

[1503] Судебная практика РСФСР. 1930. № 1. С. 24.

[1504] СУ РСФСР. 1937. № 6. Ст. 40. Изменения внесены в связи с принятием Постановления ВЦИК и СНК от 27 июня 1936 года «О запрещении абортов».

[1505] Часть 1 ст. 56[1] КЗоБСО (в ред. 25 января 1930 года), в соответствии с которой суд определял количество «продуктов, которое обязан выдавать *двор* (курсив мой – *П.П.*) отца на содержание ребёнка» была упразднена Указом Президиума Верховного Совета РСФСР 16 апреля 1945 года (Ведомости Верховного Совета СССР. 1945. № 26).

ции отраслей права является предмет и метод правового регулирования[1506]. Под предметом правового регулирования, как уже отмечалось в начале второго параграфа первой главы настоящего исследования, понимается сфера, на которую распространяется право. Методом же является набор юридического инструментария, посредством которого государство оказывает необходимое воздействие на волевое поведение участников общественных отношений[1507].

Всё предыдущее изложение, с точки зрения автора, показывает, что брак и семья вплоть до 30-х годов XX не рассматривались ни Русской Православной церковью, ни государством, ни большинством населения страны (крестьянством) в качестве самоценных общественных институтов. Те общественные отношения, которые на разных исторических этапах регулировались церковными правилами, обычаями и государственными постановлениями, были подробно разобраны ранее. Однако сейчас важно напомнить, как государство меняло свой взгляд на брак и семью на разных отрезках истории России. До Октябрьской революции 1917 года у правительства не было универсального для всего населения страны регулирования брачно-семейных отношений. Несмотря на то, что нормы Свода законов гражданских, вроде бы не всегда содержат специальные нормы о браке и семье для дворян, горожан, духовенства и крестьян, но, как уже было установлено, большинство населения страны (крестьяне) в решении своих семейных проблем не руководствовались общероссийским законодательством. Правительство же, зная об этом, сознательно допускало такое положение, следовательно, предпочитало соглашаться с обычаем и самостоятельно не регулировать эту сферу.

И после Октябрьской революции, когда сословные перегородки были уничтожены, советское государство практически не вмешивалось в брачно-семейные отношения крестьянства. Семейные же кодексы 1918 и 1926 года, что также уже было рассмотрено в пункте «А» настоящей главы, скорее отвергали прежние нормы о браке и семье, нежели устанавливали новые. То есть советское государство сознательно отказывалось регулировать брачно-семейные правоотношения частично непосредственно после победы революции, и полностью – в перспективе. Таким образом, даже наличие КЗАГС 1918 года и КЗОБСО 1926 года не означало, что у семейного законодательства был какой-то особый предмет правового регулирования. Как и в царской России, в советском госу-

[1506] Общая теория государства права. Академических курс в 2-х томах. Под ред. проф. М.Н. Марченко. Т. 2. Теория права. С. 234.
[1507] Там же. С. 235.

дарстве до 30-х годов существовало лишь семейное законодательство, но отсутствовало семейное право.

Императивное регулирование в брачно-семейной сфере осуществлялось, начиная с декабрьских декретов 1917 года о гражданском браке и разводе. С 30-х годов вмешательство государства в рассматриваемую сферу станет ещё активнее, чем в первые годы советской власти. Однако если в начальный советский период государственная активность была направлена исключительно на слом прежних брачно-семейных устоев, то с 30-х годов – на укрепление брачно-семейных отношений советских граждан. Так что преемственность в методике правового регулирования в области брака и семьи до и после 30-х годов – лишь кажущаяся.

Таким образом, по мнению автора, именно в 30-х годы XX века впервые в российской истории брачно-семейные отношения становятся особой сферой правового регулирования, которое осуществляется в значительной степени с помощью властных предписаний. Обоснованию этого положения и посвящено нижеследующее обоснование.

***

В то время, как подготавливались и проводились социалистические преобразования в сельском хозяйстве, в сфере регулирования собственно брака и семьи с конца 20-х годов наблюдались совершенно иные течения. Общеизвестно, что в середине 30-х годов произошёл поворот от политики «раскрепощения» брачно-семейных отношений к политике укрепления брака и семьи. Непосредственные причины такого поворота лежат на поверхности и были достаточно обоснованы уже в момент проведения реформ, однако, как представляется, эти преобразования стоит рассматривать ещё и как часть более глубинных изменений в области внутренней политики в СССР.

Вслед за политикой привлечения частного капитала для восстановления советской экономики приходит этап социалистической реконструкции народного хозяйства. Наряду с широкомасштабной индустриализацией происходит вовлечение в социалистический сектор экономики и сельского хозяйства. Подобные преобразования должны были с необходимостью повлечь такие же широкомасштабные изменения в самых разных государственно-правовых аспектах. Во-первых, развёртывание промышленности на

всей территории СССР определило введение отраслевого принципа управления в экономике. Во-вторых, хозяйственные реформы потребовали целого ряда реформ в области финансов (налоговая, кредитная, бюджетная). В-третьих, новые хозяйственные отношения привели к необходимости появления новых институтов в сфере гражданского, земельного, трудового, уголовного права, причём унифицированных для всех союзных республик. Наконец, все указанные аспекты потребовали общей централизации государственного управления, что предполагало определённое перераспределение полномочий между Союзом ССР и союзными республиками.

Этого общего перечисления должно хватить для того, чтобы осознать преждевременность реализации в 30-е годы идей, высказывавшихся сразу после победы Октября, о скором отмирании государства, права и других форм общественной организации досоветской России. Правда, далеко не все представители правящей партии к началу 30-х годов осознавали необходимость отказа от прежних идей и лозунгов, так что управление подчас приходилось менять вместе с кадровым составом и довольно жёсткими средствами. Например, современный историк Ю.Н. Жуков полагает, что избавление от леворадикального крыла ВКП(б) шло по самым разным направлениям, в том числе, по линии организации политических процессов против троцкистов[1508] и с помощью реформы избирательного права в Конституции СССР 1936 года[1509].

В этих условиях советский законодатель начинает проводить совершенно иную политику по отношению к семье и браку. С идеями отмирания семьи, как и с идеями отмирания государства, было покончено. Для того, чтоб «реабилитировать» институт семьи, репрессии в среде руководящих работников юстиции не понадобились. Правда, один из самых активных сторонников «раскрепощения» Я.Н.Бранденбургский в 1929 году был назначен на должность заместителя председателя Нижневолжского крайисполкома, но впоследствии был привлечен к разработке ГК СССР[1510], причём в отношении семьи он изменил свою позицию в духе требований времени. А.Г.Гойхбарг работал в 30-е годы в Наркомате внешней торговли и вопросами семейного законодательства не занимался. Н.В.Крыленко, который вместе с разрушением государства и религии в 1926 году хотел заодно разрушить и «мещанское представление о семье», в 1938 году был снят со всех постов, осуждён и расстрелян. Впрочем, в момент изменений курса семей-

[1508] *Жуков Ю.Н.* Иной Сталин: политические реформы в СССР в 1933 – 1937 гг. М., 2005. С. 333 – 334.
[1509] Там же. С. 343 – 345.
[1510] ГАРФ. Ф. Р9492. Оп. 1. Д. 1477. Л. 126.

ного законодательства Н.В.Крыленко не только не был репрессирован, но его карьера ещё развивалась по восходящей линии. В любом случае леворадикальные лозунги об отмирании государства, права или семьи в 30-е годы уже не могли быть поддержаны руководством страны по указанным выше причинам. Однако рост значения некогда отвергаемых институтов брака и семьи в этот период имел помимо общего поворота государственного курса и вполне конкретные причины. Эти причины были связаны, как представляется, с проблемой несовершеннолетних, а говоря в общем, с проблемой воспроизводства в широком смысле этого слова (деторождения, семейного воспитания, образования). К осознанию этих проблем советское правительство пришло в связи со следующими обстоятельствами.

Во-первых, в наследство от периода «раскрепощения» осталась проблема взыскания *алиментов на содержание детей*. Трудности начинались уже при определении размера алиментов. Если КЗАГС 1918 года ещё привязывал этот размер к конкретной цифре – прожиточному минимуму в данной местности, то КЗоБСО 1926 года в качестве критерия определил материальное положение родителей. Оценивая это положение, суд должен был проявлять «критическое, инициативное отношение» к делу, и учитывать не только доходы родителей, но и их расходы, какую семью они содержат на своём иждивении, их классовое положение и, наконец, реальную потребность ребёнка в средствах[1511]. В отсутствии чётких указаний закона и ради ускорения разрешения дела судьи часто применяли «математический подход», определяя размер алиментов в виде процентного отношения к доходам ответчика (треть, четверть, половину). Этот упрощённый порядок был подвергнут критике со стороны Гражданской кассационной коллегии Верховного Суда РСФСР в 1929 году[1512], хотя именно такой порядок был предложен судам ещё в 1924 году совместным циркуляром Наркомюста и Наркомата социального обеспечения РСФСР[1513]. Если же суд начинал подходить к делу «критически и инициативно», то это существенно затягивало процесс на время выяснения всех необходимых обстоятельств. Обоснованная критика звучала и в адрес судебных исполнителей, которые не принимали надлежащих мер к розыску ответчиков, не осуществляли взыскание необходимых сумм или задерживали их передачу по назначению.

[1511] Инструктивное письмо ГКК Верхсуда РСФСР по алиментным делам // Судебная практика РСФСР. 1929. № 14. С. 4.
[1512] Там же. С. 5.
[1513] ЕСЮ. 1924. № 35 – 36. С. 863.

Во-вторых, несмотря на общую победу над детской беспризорностью в стране, детская и подростковая преступность не только не уменьшилась, но с конца 20-х годов происходит её стабильный рост. Так, с 1931 по 1934 годы количество преступлений, совершённых лицами до 16 лет, выросло на 100%[1514]. Более 60% малолетних правонарушителей были уличены в хищениях[1515]. Одной из причин этого явления была названа *безнадзорность* несовершеннолетних, т.е. отсутствие должной заботы о детях, имеющих родителей, и их воспитания. Более того, отмечалась практика вовлечения родителями своих несовершеннолетних детей в преступную деятельность[1516].

Следствием борьбы с детской преступностью и безнадзорностью стало осознание советским правительством необходимости комплексного решения проблемы устройства несовершеннолетних. Однако в итоге, «потянув за ниточку» борьбы с последствиями социальных катаклизмов, советскому правительству пришлось разматывать весь «клубок» правового регулирования брачно-семейных отношений. Комплекс решений, принятых правительством в 30 – 40-е годы, позволяет судить о формировании в это время отрасли семейного права (а не только законодательства!), поскольку за этот период вполне чётко и обозначился особый *предмет* регулируемых отношений, и окончательно определилась специфика воздействия государства на эти отношения (*метод* правового регулирования). Законодательство конца 60-х годов оформило закономерный результат тех тенденций, которые обозначились с середины 30-х годов. Рассмотрим далее этот вопрос подробнее.

Первым шагом на пути формирования особого предмета правового регулирования семейного права стала борьба за обеспечение взыскания алиментов и ликвидация безнадзорности. Таким образом, первоначальные мероприятия советского правительства были связаны с совершенствованием правового регулирования исключительно семейных отношений (со времён КЗАГС 1918 года семейное право было отделено от брачного). Решение обеих проблем (связанных с уплатой алиментов и борьбой с безнадзорностью) лежало в одной и той же области – усилении ответственности родителей за своих несовершеннолетних детей. В отношении алиментного вопроса целый комплекс мер

[1514] *Тадевосян В.С.* Преступная среда и правонарушения несовершеннолетних // Советская юстиция. 1935. № 31. С. 10

[1515] О детской преступности. На совещании в Прокуратуре Союза // Советская юстиция. 1935. № 13. С. 11.

[1516] Циркуляр НКЮ РСФСР от 9 марта 1935 года «О строгом исполнении органами юстиции циркуляров по борьбе с хулиганством, нищенством и спекуляцией детей и подростков» // Советская юстиция. 1935. № 13. С. 32; *В.Г.* В борьбе за ликвидацию безнадзорности и беспризорности детей // Там же. 1935. № 27. С. 9; *Виноградова М.* Актуальность закона от 7 апреля // Там же. 1935. № 19. С. 11.

был определён Постановлением ЦИК и СНК СССР 27 июня 1936 года «О запрещении абортов, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многосемейным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатёж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах»[1517]. В основу исчисления размера алиментов был положен тот самый «математический порядок», который в 1929 году был подвергнут критике Гражданской кассационной коллегии Верховного Суда РСФСР: на содержание одного ребёнка взыскивалась четверть зарплаты ответчика, двух детей – треть, трёх и более детей – половина (ст. 28). За уклонение от уплаты («неплатёж») присуждённых судом алиментов законодатель установил наказание в виде тюремного заключения до двух лет (ст. 31). Для сравнения, до принятия Постановления «О запрещении абортов» наказание за это деяние формулировалось иначе: лишение свободы на срок до шести месяцев или штраф до трёхсот рублей (ст. 158). Повышение высшего предела, а также установление особого вида лишения свободы говорит о значении, которое правительство придавало искоренению недобросовестного отношения родителей к своим обязанностям.

Кроме того, с помощью небольшого изменения в процедуре производства разводов данное Постановление существенно разгрузило суды от алиментных дел. Это видно из Постановления ВЦИК и СНК РСФСР, которым в связи с Постановлением «О запрещении абортов» изменялись нормы КЗоБСО. Если раньше, согласно ст. 22 кодекса, при регистрации разводов супруги могли достичь соглашения о том, при ком из них и кто из детей остаётся на воспитании, и кто из них и в какой мере будет нести издержки по содержанию детей, то в новой редакции это соглашение получало силу исполнительного документа, по которому взыскание могло быть произведено уже без всякого обращения в народный суд[1518]. Кроме того, по-новому регулировалась КЗоБСО ситуация, когда такое соглашение супругами в органе ЗАГС не было достигнуто. Если первоначальная редакция кодекса предусматривала в таком случае разрешение спора о содержании детей в общеисковом порядке, то в новом варианте орган ЗАГС был обязан отправить акт о недостижении соглашения в суд по месту жительства матери ребёнка (ст. 23 КЗоБСО в ред. 1937 года). При этом суд, даже не дожидаясь подачи иска со стороны заинтересованного лица, сразу по получении такого акта должен был в интересах детей вынести

[1517] СЗ СССР. 1936. № 34. Ст. 309.
[1518] СУ РСФСР. 1937. № 6. Ст. 40.

определение, при ком остаются дети, и кто в какой мере несёт расходы на их содержание (ст. 24 КЗоБСО в ред. 1937 года). Таким образом, вопрос об алиментировании и проживании детей теперь решался непосредственно в момент развода, что тоже, конечно, гораздо больше отвечало их интересам, чем прежний исковой порядок.

Законодательство 30-х годов отличалось комплексностью подхода к решению проблемы о взыскании алиментов. Так, были предприняты меры для того, чтобы затруднить ответчику утайку информации о доходах. В частности, Народный комиссариат труда СССР в циркулярах 1930 и 1932 годов установил, что если за уволенным работником оставалась задолженность перед другими лицами, то при увольнении в трудовой книжке (иных удостоверениях о работе) должны были делаться соответствующие отметки. Кроме того, предприятия и учреждения, куда вновь поступил на работу алиментщик, должны были сообщить о его трудоустройстве по прежнему месту работы[1519], а в паспортах гражданам СССР одно время даже ставились отметки о месте работы. Данных мероприятий, конечно, оказалось недостаточно, чтобы искоренить в принципе уклонение от уплаты алиментов. Однако комплексный подход к борьбе с этим явлением был заложен именно в первой половине 30-х годов.

В послевоенные годы законодатель продолжил совершенствовать механизм комплексного обеспечения исполнения родителями алиментных обязанностей. В частности, в Указе Президиума Верховного Совета СССР «О улучшении порядка уплаты и взыскания алиментов на содержание детей» от 21 июля 1967 года содержаться не только семейно-правовые нормы, но и нормы трудового и административного права. Так, ст. 2, 4 – 5 данного Указа установили обязанности администрации предприятия, где работало или вновь устроилось на работу лицо, обязанное уплатой алиментов, производить соответствующие удержания из его заработной платы, информировать судебного исполнителя об уходе с работы того лица, о новое его месте работы или жительства и т.д. А в ст. 5 Указа вводилось правило о постановке специальных отметок в паспортах лиц, осуждённых за злостное уклонение от уплаты алиментов или разысканных милицией в связи с уклонением от исполнения этой обязанности[1520]. Впоследствии большинство норм этого Указа вошли в главу 11 КоБС РСФСР 1969 года «Порядок уплаты или взыскания

[1519] Известия НКТ СССР. 1930. № 31 – 32. С. 662 – 663; там же. 1932. № 19. С. 250 – 251; см. также: *Аский*. Алиментные мытарства // Советская юстиция. 1935. № 14. С. 17.
[1520] Ведомости Верховного Совета СССР. 1967. № 30. Ст. 418.

алиментов», т.е. правовое регулирование данного вопроса сохранило свой комплексный характер.

Комплексный подход начал проявляться в 30-е годы и в связи с вопросом воспитания несовершеннолетних. Так, борьба с безнадзорностью несовершеннолетних и усилением ответственности родителей за их воспитание велась первоначально в плоскости административного и уголовного права. Так, Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 31 мая 1935 года для родителей устанавливался административный штраф до 200 рублей за озорство и уличное хулиганство детей. В случае, если родители не обеспечивали надлежащего присмотра за поведением ребёнка, органы Народного комиссариата просвещения обязаны были ставить перед судом вопрос об отобрании его от родителей для помещения в детский дом[1521]. Постановление ЦИК и СНК СССР от 7 апреля 1935 года устанавливало наказание не ниже пяти лет тюремного заключения за подстрекательство или привлечение несовершеннолетних к участию в различных преступлениях, а равно за понуждение несовершеннолетних к занятиям спекуляцией, проституцией, нищенством и другими правонарушениями[1522]. Верховный Суд РСФСР, разъясняя этот закон, специально уточнил, что такую же ответственность, как за описанные активные действия по вовлечению несовершеннолетних в преступную деятельность, следует налагать на родителей, которые, «не занимаясь общественно-полезным трудом, создавали себе возможность паразитического существования на средства, добытые малолетними путем преступлений, проституции, нищенства и т.д.»[1523]. Наконец, в 1940 году согласно Приказу НКЮ СССР и Прокуратуры СССР № 67 (110) «в особо злостных случаях оставления детей без надзора» виновных родителей следовало привлекать к уголовной ответственности[1524].

На взаимоотношения родителей и детей советскому правительству пришлось обратить и в связи с проблемой брошенных детей («подкидывания*»)*. Подбрасывание детей в приюты, оставление их на улице и т.д. было издавна известно в России как способ избавиться от нежелательного потомства. Когда-то Пётр I специально распорядился об учреждении в каждом городе специального приюта, чтобы любая женщина могла на условиях анонимности подбросить нежелательного ребёнка на государственное обеспе-

[1521] СЗ СССР. 1935. № 32. Ст. 252.
[1522] СЗ СССР. 1935. № 19. Ст. 155.
[1523] «О карательной политике по делам о детоубийстве и о ответственности родителей за оставление без помощи детей». Инструктивное письмо Верхсуда РСФСР от 27 августа 1935 г. № 03/58 всем главным, краевым и областным судам // Советская юстиция. 1935. № 30. С. 11.
[1524] Советская юстиция. 1940. № 13. С. 25.

чение. Тем самым были предприняты меры по предотвращению обычных в то время детоубийств, и ответственность родителей за подобное деяние не устанавливалась. Советский законодатель изначально также не установил специальной нормы об уголовной или иной ответственности родителей за подкидывание. Однако как разъяснил Верховный Суд РСФСР в 1927 году, подкидывание детей, в том числе на территорию детских домов, следует квалифицировать по ст. 156 УК РСФСР 1926 года («заведомое оставление без помощи лица, находящегося в опасном для жизни состоянии…в случаях, если оставивший без помощи обязан был иметь заботу об оставленном и имел возможность оказать помощь»)[1525]. Практика показала, что приговоры по таким делам в основном предполагали отбытие срока условно[1526], вследствие чего органами юстиции был обнаружен рост числа подкидываний в СССР. Первые серьёзные предложения по борьбе с этим явлением прозвучали в 1932 году, в том числе, призыв к органам юстиции тщательно изучать условия жизни подкинувшей матери (материальное положение, жилищные условия, грамотность и т.д.), а также роль отца как с точки зрения непосредственного отношения к деянию (знал, склонял, требовал), так и с точки зрения его отказа в помощи (в т.ч., отказ в выплате алиментов)[1527]. Верховный Суд РСФСР со своей стороны рекомендовал судам в случаях, когда в результате подкидывания или оставления ребёнка в опасном положении последовала смерть или тяжкое телесное повреждение, привлекать отца и мать «как за убийство или умышленное тяжелое телесное повреждение»[1528]. Особенно широко тема подкидывания и приравненного к нему оставления ребёнка без помощи (в том числе вследствие отказа уплачивать алименты) обсуждалась в 1935 году в связи с делом инженера Каштанова[1529].

Итак, к середине 30-х годов органами юстиции были вскрыты и оценены такие явления, как подкидывание детей, оставление их без надлежащей помощи и надзора, и – как следствие безнадзорности – рост детской преступности. В этой связи, пожалуй, впервые в истории регулирования семейных отношений в России, советское правительство обращает внимание на обеспечение интересов несовершеннолетних детей, прежде всего, усилиями родителей. Дореволюционное законодательство регулировало отношения детей и родителей с сословно-корпоративной точки зрения. Первые советские се-

[1525] ЕСЮ. 1927. № 22. С. 688.
[1526] Циркуляр НКЮ и НКЗдр. «О мерах по борьбе с подкидыванием детей» // ЕСЮ. 1927. № 7. С. 206
[1527] *Копелянская С.Е.* Подкидывание детей // Советская юстиция. 1932. № 13. С. 24.
[1528] Советская юстиция. 1933. № 14. С. 21 – 22.
[1529] Советская юстиция. 1935. № 23. В номере опубликована речь прокурора по данному делу, приговор, а также постановление Верховного Суда РСФСР в связи с данным делом (с. 2 – 7).

мейные кодексы несли в себе идеологию создания в скорой перспективе альтернативы семейному воспитанию. Законодательство 30-х годов не только стало отталкиваться от интересов несовершеннолетних, но и озаботилось эффективностью механизмов понуждения родителей к их обеспечению.

Сказанное не означает, что советское государство отказалось от идеи воспитания детей в государственных заведениях. Так, знаменитый Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 года, нацеленный на укрепление семьи, признал, тем не менее, за одинокой матерью право поместить ребёнка на воспитание и содержание в детское учреждение (ст. 4)[1530]. Никогда законодательство не отменяло и возможность отобрания ребёнка у родителей и помещения его в детский дом. Однако вышеназванные меры по регламентации и укреплению именно связей детей и родителей, причём не только средствами семейного, но и административного, уголовного и трудового законодательства, показывают осознание руководством страны огромного значения именно семейной формы устройства несовершеннолетних.

Пожалуй, самый очевидный показатель заинтересованности советского государства в участии в правом регулировании семейных отношениях – поощрение материнства – отчётливо проявляется в середине 30-х годов. Для иллюстрации этой заинтересованности достаточно указать на два закона: Постановление ЦИК и СНК СССР от 27 июня 1936 года «О запрещении абортов, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многосемейным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного законодательства за неплатёж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах» и Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 года «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почётного звания «Мать-героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства». При этом очевидно, что государство вводило эти меры не просто для воспроизводства населения, а для поощрения *многосемейности*. Так, целый ряд статей Постановления «О запрещении абортов» был направлен на устройство новорождённого ребёнка именно в семейной обстановке: роженицам выдавалось пособие на обзаведение предметами для ухода за новорожденными (ст. 5), матерям – на кормление детей (ст. 6). Благодаря расширению сети детских

[1530] Ведомости Верховного Совета СССР. 1944. № 37.

яслей (ст. 14 – 18) и детских садов (ст. 19 – 21) дети обеспечивались уходом во время пребывания родителей на работе. Указ от 8 июля 1944 года освобождал несколько групп родителей от платы за помещения детей в детские сады и ясли (ст. 10), намечены мероприятия по предоставлению помощи по уходу и воспитанию детей работницам предприятий и учреждений, где массово применялся женский труд (ст. 11). Таким образом, указанные меры демонстрировали намерение государства отчасти взять на себя заботу о детях граждан СССР, но ни в коем случае не подменять семейное воспитание воспитанием в казённых учреждениях.

Таким образом, первым шагом на пути формирования особого предмета правового регулирования семейного права стало комплексное решение проблемы обеспечения семейного воспитания. Однако регулирование семейных отношений с точки зрения защиты детства неизбежно должно было коснуться прав и обязанностей супругов. Поскольку большинство детей появлялось на свет в браке, законодатель не мог пройти мимо того обстоятельства, что родители хотя бы на каком-то этапе своих отношений являлись и супругами. Вполне осознав этот факт в середине 30-х годов, советский законодатель с этого времени будет смотреть на супругов так, как никогда раньше не смотрел – как на родителей. До середины 30-х годов регулирование супружеских обязанностей лежало исключительно в имущественной сфере (общая собственность, алиментирование). Интересы охраны детства заставили руководство страны по-новому посмотреть и на личные взаимоотношения супругов.

Первый шаг был сделан изданием Постановления 27 июня 1936 года «О запрещении абортов». Теперь при производстве разводов оба супруга вызывались в орган ЗАГС для постановки там отметки о расторжении брака (ст. 27). Значение явки обоих супругов состояло в том, что при регистрации развода могло быть составлено соглашение, обеспечивающее интересы детей разводящихся. Но и явка одного супруга автоматически влекла тот же результат, просто вместо соглашения, имеющего силу исполнительного документа, в данном случае принималось определение суда. Таким образом, ради интересов детей государственные органы должны были просто своевременно узнать о факте развода их родителей, и после этого меры к материальному обеспечению этих интересов принимались почти автоматически.

Другое направление, намеченное данным Постановлением в области укрепления семейных связей через регулирование супружеских отношений, состояло в усложнении

процедуры развода. Согласно ст. 28 Постановления увеличилась оплата регистрации разводов (от 50 до 300 рублей в зависимости от того, какой по счёту брак расторгался). Об эффективности этой меры можно спорить, особенно с учётом того, что в 1944 году эта плата стала ещё выше (от 500 до 2000 рублей согласно Указу от 8 июля 1944 года). Правда, уже через год после принятия Постановления «О запрещении абортов» Верховный Суд СССР констатировал сокращение количества разводов[1531], а после Указа 1944 года их количество по сравнению с довоенным 1940-м годом сократилось почти в три раза[1532]. Однако речь идёт о зарегистрированных разводах, при этом не учитывается количество разводов фактических.

Помимо «удорожания», бракоразводные процедуры были существенно усложнены. Как известно, Указом от 8 июля 1944 года было установлено, что решение о разводе принималось только судебными органами второй инстанции, причём первая судебная инстанция была обязана сделать попытки к примирению супругов, и лишь при невозможности примирения суд второй инстанции (областной, краевой, союзной республики, не имеющей областного деления, и др.) выносили решение по существу дела. То, что подобные меры назрели, показывает уже и довоенная ситуация. Так, сразу после принятия Постановления «О запрещении абортов» 1936 года во многие суды СССР стали поступать заявления о расторжении браков, хотя судебный порядок рассмотрения заявлений о разводе будет установлен лишь в 1944 году[1533]. В юридической периодике 30-х годов отмечалось, что производство разводов в судебном порядке позволит лучше определить имущественные отношения, а в вопросе о судьбе детей суд может выступить «авторитетным примирителем»[1534]. В ходе разработки Постановления «О запрещении абортов» высказывалась идея, что «нельзя разводиться без серьёзных оснований»[1535], а в Указе от 8 июля 1944 года от супругов требовалось не только указывать в заявлении о расторжении брака его мотивы, но и от суда первой инстанции – эти мотивы установить (пп. «а» и «б» ст. 24). Значение попыток примирения и выяснение мотивов развода в судебном разбирательстве прекрасно показано в Постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 16 сентября 1949 года № 12/81/У. Вынесение решения о расторжении брака, с точки зрения Пленума, могло быть возможным, если сохранение брака «будет проти-

[1531] Советская юстиция. 1937. № 22. С. 41.
[1532] Население СССР (численность, состав и движение населения). Статистический сборник. М., 1975. С. 150.
[1533] Работа судов по делам о нарушениях закона от 27 июня 1936 г. // Советская юстиция. 1937. № 12. С. 19.
[1534] *Жуков*. ЗАГС или суд (о порядке развода) // Советская юстиция. 1936. № 33. С. 15.
[1535] См. мнение А.А. Сольца в рубрике «Осуждаем законопроект» // Советская юстиция. 1936. № 18. С. 3.

воречить принципам коммунистической морали и не может создать нормальных условий для совместной жизни и *воспитания детей* (курсив мой – *П.П.*)»[1536].

И удорожание, и усложнение бракоразводного процесса были, безусловно, непопулярными мерами. В современной литературе оформилась точка зрения о регрессивном значении подобных мер[1537]. Автор данной работы придерживается обратной точки зрения[1538]. Однако при всей неоднозначности оценок реформы 30 – 40-х годов представляется очевидным, что с этого времени отношения супругов впервые в истории российского законодательства стали *во многом* рассматриваться с точки зрения вопроса о материальном обеспечении и воспитании их детей. Особенно отчётливо виден этот новый подход из сопоставления КЗоБСО 1926 года и Кодекса о браке и семье РСФСР 1969 года (КоБС)[1539]. Например, к числу личных прав супругов КоБС отнёс решение вопросов воспитания детей (ст. 19), уход за детьми был признан веской причиной сохранения прав на равную долю в общей совместной собственности супругов (ст. 20). Охраняя материнство и детство, КоБС запретил мужу возбуждать дело о разводе во время её беременности и в течение года после рождения ребёнка (ст. 31). Наличие несовершеннолетних детей определяло, что заявление о разводе следует подавать суд, а не в орган ЗАГС (ст. 38). Принимая решение о разводе, суд должен убедиться в невозможности дальнейшей совместной жизни супругов *и* сохранения семьи (ч. 3 ст. 33)[1540], кроме того, при необходимости суд должен был принять меры к защите интересов несовершеннолетних детей (ч. 4 ст. 33). Ничего подобного КЗоБСО не знал и не мог знать, т.к. ещё в 1918 году КЗАГС отделил брачное право от семейного, т.е. отношения супругов рассматривались сами по себе, а отношения родителей и детей – сами по себе. Кроме того, в числе задач, которые были поставлены самим законодателем в КоБС, являлось воспитание детей *семьёй* (ст. 1). Такая задача принципиально не могла быть поставлена ни в КЗАГС 1918 года, ни в КЗоБСО 1926 года, т.к. в первый кодекс закладывал основы передачи дела воспитания детей в руки государства. А в 1925 году Я.Н. Бранденбургский, комментируя проектируемое упрощение разводов в будущем КЗоБСО, прямо признавался,

---

[1536] Судебная практика Верховного Суда СССР. 1949. № 11. С. 1 – 4.
[1537] См.: *Антокольская М.В.* Лекции по семейному праву: учебное пособие. М., 1995. С. 76; *Нечаева А.М.* Семейное право. Курс лекций. М., 1998. С. 79; *она же*. Россия и её дети (ребёнок, закон, государство). М., 2000. С. 103 – 104.
[1538] *Полянский П.Л.* Реформирование советского семейного права в годы Великой Отечественной войны. Дис. … канд. юрид.наук. МГУ им. М.В. Ломоносова. М., 1998. С. 163.
[1539] Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1969. № 32. Ст. 1086.
[1540] С точки зрения семейного права семья предполагает и наличие у супругов детей, и их отсутствие. Данная статья рассматривает оба случая.

что «мы не должны стремиться к особо устойчивой семье»[1541]. Другими словами, один из главных авторов кодекса 1926 года в то время не видел никакой ценности в крепком и устойчивом браке, который мог бы, например, стать базисом для полноценного содержания и воспитания детей.

Таким образом, проводя политику укрепления семьи, законодатель от регулирования лишь вопросов бракоразводного процесса (его удорожания и усложнения) со временем перешёл к более детальной регламентации супружеских отношений в целом, особенно – при наличии у них несовершеннолетних детей. Следовательно, начиная с 30-х годов, происходит постепенное обращение к регулированию тех отношений супругов, которые игнорировались законодателем в первые годы Советской власти и принципиально иначе регулировались до Октябрьской революции. Если в 1918 году законодатель разделил семейные и брачные отношения, предполагая за первыми регулирование исключительно отношения родителей и детей, а за вторыми – исключительно супругов, то с середины 30-х годов законодатель пошёл на объединение этих институтов, предполагая, что именно брак является основой семейных отношений.

Итак, законодательство, начиная с середины 30-х годов, рассматривало семью, прежде всего, как предпочтительную среду для воспитания несовершеннолетних детей, а брак – как основание для формирования этой среды. Как сформулировал в своё время Е.М.Ворожейкин, «в браке создаётся наилучшая моральная атмосфера для реализации одной из основных функций семьи – рождения и воспитания детей, функции воспроизводства нового поколения»[1542]. Это осознанное уже в середине 30-х годов целеполагание – создание наилучшей моральной атмосферы для реализации функций семьи – позволяет считать, что с этого времени начинает постепенно формироваться *предмет отрасли права* с его специфическими задачами. В своём конечном итоге этот предмет был сформулирован в законодательстве конца 60-х годов. Так, в ст. 2 КоБС РСФСР 1969 года чётко обозначены отношения, им регулируемые и составляющие предмет отрасли права: порядок и условия вступления в брак, личные имущественные отношения, возникающие в семье между супругами, между родителями и детьми, между другими членами семьи и т.д. А о целях, которые имел в виду законодатель, регулируя указанные отношения, говорит ст. 1 КоБС. В частности, к ним относится дальнейшее укрепление советской *семьи*, построение *семейных* отношений на добровольном брачном союзе мужчины и

[1541] ВЦИК XII созыва. Вторая сессия. Стенографический отчёт. М., 1925. С. 261 – 262.
[1542] *Ворожейкин Е.М.* Семейные правоотношения в СССР. М., 1972. С. 172.

женщины, воспитание детей *семьёй* в органическом сочетании с общественным воспитанием, окончательное устранение вредных пережитков и обычаев прошлого *в семейных правоотношениях*, воспитание чувства ответственности перед *семьёй* и т.д.

Важным направлением, обозначившимся в 30-е годы в правовом регулировании брачно-семейных отношений и определившим дальнейшие особенности *метода правового регулирования* отрасли семейного права, стало включение государственных органов в число возможных активных участников этих отношений. Тем самым советское правительство начало демонстрировать свою явную заинтересованность не только в законодательном урегулировании этих отношений, но и в реальном решении новых задач, возложенных на правовые института брака и семьи. В конечном итоге, эта активная заинтересованность приведёт к формированию совокупности средств воздействия на брачно-семейные отношения, которые можно будет назвать особым *методом правового регулирования* отрасли семейного права.

В середине 30-х годов советский законодатель вполне оценил «плоды» своей прежней политики, когда брак и семья рассматривались как отживающие своё формы социальной организации населения, поэтому до этого времени участие государства в правовом регулировании рассматриваемых отношений было во многом вынужденное. Определялось это участие, в основном, необходимостью борьбы с известной ещё с дореволюционных времён практикой подкидывания детей, безнадзорностью несовершеннолетних в городах, связанной во многом с тем, что их матери пошли работать, а детских учреждений (домов пионеров, например) не хватало, а также вытекавшей во многом из этой безнадзорности детской и подростковой преступностью.

Со временем законодательство будет предусматривать активную деятельность государственных органов не только в ликвидации последствий социальных катаклизмов, но и в разрешении текущих семейных проблем советских граждан. Так, Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 10 мая 1937 года в ГПК РСФСР 1923 года была введена статья 2-а, согласно которой суд получил право возбуждать дела о взыскании алиментов с родителей на содержание детей по собственной инициативе, а также по иску прокурора, органа охраны материнства и младенчества, отпеки или профсоюза. Кроме того, эта же статья обязывала прокурора по получении им заявления или материала о невыплате алиментов возбудить дело и обеспечить передачу его в суд[1543].

[1543] СУ РСФСР. 1937. № 6. Ст. 40.

В результате систематизации семейного законодательства, которая началась уже с конца 40-х годов и завершилась изданием Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье и республиканских кодексов, участие государственных органов в решении семейных проблем советских граждан нашло гораздо более полное отражение. Так, в гл. 8 КоБС РСФСР 1969 года («Права и обязанности родителей по воспитанию детей») практически каждая статья закрепила возможность участия в воспитательном процессе государственных органов и должностных лиц (опеки и попечительства или суда). Например, в ч. 4 ст. 54 КоБС было предусмотрено, что при отсутствии согласия родителей относительно воспитания детей, спорный вопрос передаётся на разрешения органов опеки и попечительства (с участием родителей). Норма ст. 55 КоБС предусмотрела, что при отсутствии между родителями согласия относительно места проживания их ребёнка, этот вопрос решается судом. Органы опеки и попечительства и суда, согласно ст. 56 КоБС, принимают участие в решении проблемы участия отдельно проживающего родителя в воспитании детей и т.д. Для сравнения: и КЗАГС 1918 года, и КЗоБСО 1926 года содержали гораздо меньшее количество норм, предполагавших деятельное участие государственных органов в защите интересов несовершеннолетних детей, в частности, в их воспитании. Кроме того, оба названных кодекса возлагают эту защиту, в основном, на суд, а КоБС – кроме суда (ст. 55 – 56, 58 – 59, 63 – 66), ещё и на специализированные органы опеки и попечительства, которые до Октябрьской революции, в основном, имели объектом заботы охрану имущества состоятельных подопечных, теперь же – охраняли и их личные интересы (ст. 54, 56 – 57, 61 – 62, 64 – 65).

Чем можно объяснить более широкие возможности государства через деятельность своих органов вмешиваться в вопросы семейного воспитания? Очевидно, тем, что успешно осуществляя свою социальную политику, в том числе, неуклонно повышая материальное благосостояние трудящихся, устанавливая и гарантируя начальное и среднее всеобщее образования, ликвидировав безработицу, обеспечивая социальную помощь малоимущим слоям населения, советское государство теперь могло требовать (и обеспечивать исполнение этих требований!) с родителей надлежащей заботы о своих несовершеннолетних детях.

Гораздо более детально, чем КЗоБСО 1926 года, в КоБС проработан вопрос лишения родительских прав (ст. 59 – 63), а также была предусмотрена неизвестная КЗоБСО возможность отобрать ребёнка у родителей без лишения родительских прав (ст.

64). Прекрасную характеристику такому подходу, оправдывающему введение императивных норм и допускающему активное вмешательство государства в семейные отношения, дал ещё в 1941 году Г.М. Свердлов: «Государство, олицетворяющее собой коллектив, кровно заинтересованный в каждом индивидуальном семейном отношении, диктует, властно указывает определённые условия, гарантирующие интересы этого коллектива, обеспечивающие выполнение «долга по отношению к коллективу»[1544]. Некоторые специалисты в области семейного права того времени были склонны даже несколько умалять значение прав родителей и переоценивать роль государства как регулятора отношений в семье. Так, в 1950 году К.К. Яичков писал, что «родители лишь уполномочены со стороны общества и государства на воспитание подрастающего поколения»[1545]. Н.В. Рабинович отмечала, что «права предоставлены родителям не в их личных интересах, а лишь в целях наилучшего осуществления ими своих обязанностей»[1546]. Г.М. Свердлов полагал, что «взаимоотношения родителей и детей в СССР не являются частным делом граждан. Родители несут обязанности не только перед детьми, но и перед обществом, перед государством»[1547].

Кроме всё более расширяющейся возможности вмешательства государственных органов в семейной жизни, усиление императивного начала проявлялось также в ограничении усмотрения участников семейных правоотношений. Показательным примером здесь может служить судьба норм, изложенных ст. 23 – 23 КЗоБСО 1926 года. Первоначальная редакция этих статей предусматривала, что при расторжении брака перед разводящимися супругами обязательно должен ставиться вопрос, при ком из них и кто из детей останется на воспитании, и кто из бывших супругов и в какой мере будет нести издержки по содержанию детей. Если по данным вопросам было достигнуто соглашение, то его при его неисполнении заинтересованные лица могли обратиться в народный суд за получением судебного приказа.

Таким образом, КЗоБСО в 1926 году ещё предусматривал свободу для родителей определить эти вопросы самостоятельно. Однако практика показала, что подобные соглашения в силу различных причин часто совершенно не отвечают интересам детей[1548].

[1544] *Свердлов Г.М.* О предмете и системе социалистического семейного права // Советское государство и право. 1941. № 1. С. 58.
[1545] Цит. по: *Свердлов Г.М.* Охрана интересов детей в советском семейном и гражданском праве. М., 1955. С. 14.
[1546] Там же.
[1547] Там же.
[1548] См.: *Ростовский И.* На борьбу с нарушителями прав матери и ребёнка, с дезорганизаторами семьи // ЕСЮ. 1936. № 26. С. 15.

В результате принятия Постановления 1936 года «О запрещении абортов» возможность заключения подобных соглашений была ликвидирована, т.к. теперь размер алиментов определялся непосредственно законом: на одного ребёнка – четверть заработной платы ответчика, на двух – треть, на трёх и более – половина (ст. 27). ВЦИК и СНК РСФСР своим совместным Постановлением от 10 мая 1937 года изменили редакцию ст. 22 – 23 КЗоБСО. Таким образом, размер алиментов на детей теперь не мог произвольно устанавливаться по договору между их родителями.

Впоследствии КоБС РСФСР 1969 года, говоря о *соглашении*, которое могло быть достигнуто супругами при расторжении брака, о месте проживании их детей и выплате средств на их содержание (ст. 34), ничуть не расширил прав родителей в этом вопросе. Размер алиментов чётко указывался в законе (ст. 68) и хотя установленный минимальный размер (20 рублей) мог в итоге понижаться или даже произойти полное освобождение от уплаты алиментов, то всё равно это делалось не по желанию родителей, а по решению суда.

Другим примером сужения сферы усмотрения участников семейных правоотношений является судьба нормы, закреплённой в ст. 121 КЗоБСО 1926 года. Первоначальная редакция статьи предлагала для матери, делающей заявление о рождении ребёнка, возможность отказаться от сообщения сведений о его отце. Эта возможная альтернатива (указывать или не указывать сведения) была упразднена Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 16 апреля 1945 года[1549], которым нормы КЗоБСО были приведены в соответствие с Указом от 8 июля 1944 года «Об увеличении государственной помощи…». Статья 121 была исключена из КЗоБСО, а новая формулировка ст. 27 предполагала, что при регистрации рождения ребёнка от матери, не состоявшей в зарегистрированном браке, ребёнок записывается по фамилии матери с присвоением ему отчества по указанию матери. Таким образом, на процедуру регистрации рождения ребёнка в любом случае уже не влияло желание или нежелание матери указать сведения об его отце.

Таким образом, отмечается всё более активное участие, которое с середины 30-х годов начинают проявлять государственные органы в решении семейных вопросах граждан СССР. Это участие и само по себе ограничивало свободу выбора варианта поведения, однако иногда закон и специально сужал сферу усмотрения участников семей-

[1549] Ведомости Верховного Совета СССР. 1945. № 26.

ных правоотношений. Всё это позволяет говорить об усилении императивного начала в правовом регулировании семейной жизни советских граждан.

С середины 30-х годов всё более активную роль государство начинает играть и в регулировании супружеских отношений, в частности, вступления в брак и его прекращения. Исторически так сложилось, что в первую очередь это вмешательство коснулось вопросов развода. Уже было показано, какие инструменты государство использовало (удачно или не вполне) в попытках сохранить брачное сожительство, особенно при наличии детей: введение судебного порядка развода, установление его причин, обязательное предприятие попыток примирения, удорожание бракоразводного процесса. Почти одновременно с интересом государства к правовому регулированию разводов появляется и интерес к регистрации брака в государственных учреждениях[1550]. Уже до Великой Отечественной войны немало юристов (в том числе, привлечённых к законопроектным работам) высказывалось о необходимости признать юридическую силу лишь за зарегистрированным браком[1551]. При подготовке предвоенного проекта ГК СССР его разработчиками обсуждалась обязанность граждан регистрировать браки[1552]. Наконец, с принятием Указа от 8 июля 1944 года было окончательно установлено, что только зарегистрированный брак порождает права и обязанности супругов (ст. 19). Тем же Указом было отменено право матери обращаться в суд с иском об установлении отцовства и взыскании алиментов на содержание ребёнка, родившегося от лица, с которым она не состояла в зарегистрированном браке (ст. 20).

Рассматривать приведённые нормы Указа от 8 июля 1944 года можно, как представляется, лишь в контексте провозглашённой в 30-е годы политики укрепления семьи. Несмотря на определённые успехи в борьбе с неплательщиками алиментов, органы юстиции сталкивались с ситуацией, когда у одного мужчины могло иметься несколько фактических семей (ещё КЗАГС предусматривал такую возможность), однако его зарплаты часто не хватало на всех. Постановление «О запрещении абортов» установило достаточно жёсткий порядок исчисления алиментов (на одного ребёнка – четверть зарплаты ответчика, на двух – треть, на трёх и более – половина), и часто выходило, что про-

---

[1550] См., напр.: Работники юстиции, активно участвуйте в обсуждении законопроекта // Советская юстиция. 1936. № 18. С. 4 (мнение Ф. Нахимсона).

[1551] См., напр.: *Бошко В.И.* Регистрация брака и её значение по советскому праву // Советская юстиция. 1939. № 17 – 18. С. 17 – 18; *Рейхель М.О.* Вопросы семейного права и проект ГК СССР // Проблемы социалистического права. 1939. № 2. С. 89; *Годес А.* Понятие юридического и фактического по действующему законодательству СССР // Советская юстиция. 1939. № 19 – 20. С. 19 – 20; *Бранденбургский Я.Н.* Новое в семейном праве // Социалистическая законность. 1936. № 9. С. 36.

[1552] ГАРФ. Ф. Р9492. Оп. 1. Д. 1477. Л. 49 – 50.

живающие с отцом дети оказывались в худшем положении, чем те несовершеннолетние, которым он по решению суда уплачивал алименты[1553]. Уже через год после принятия Постановления, в 1937 году, эта проблема обсуждалась Прокурором СССР Я.Н.Вышинским с руководством НКЮ СССР[1554], а в начале 1940 года вопрос о пересмотре норм о порядке исчисления алиментов был поставлен перед СНК СССР[1555]. Тогда Советское правительство не сочло нужным вносить в Постановление 1936 года изменения, но ещё при разработке ГК СССР в конце 30-х годов был предложен следующий вариант: суммировать всех лиц, находящихся на иждивении плательщика алиментов, и поделить его зарплату между этими иждивенцами[1556].

Как же решил проблему Указ от 8 июля 1944 года? Во-первых, он «закрепил» кормильца за членами семьи, которая была создана вследствие зарегистрированного брака. Теперь весь заработок оставался внутри семьи, и не уходил «на сторону». Во-вторых, стоит объективно оценить введённое право матери-одиночки на получение государственного пособия на содержание внебрачных детей (ст. 3). Указ от 8 июля 1944 года установил его в следующих размерах: на одного ребёнка – 100 рублей, на двух – 150, на трёх и более – 200[1557]. Если такие суммы женщина могла бы получать в качестве алиментов согласно нормам Постановления «О запрещении абортов», то месячная зарплата ответчика должна была равняться 400 руб. Однако статистика показывает, что в среднем по СССР зарплата рабочих и служащих в предвоенном 1940 году равнялась примерно 330 рублям[1558]. Так что сумма пособия была в среднем даже больше, чем возможная сумма взысканных алиментов с фактического отца. Далее, до Указа от 8 июля 1944 года взысканию алиментов должно было предшествовать установление отцовства. В соответствии же с Указом, одинокая мать без судебных мытарств могла получать от государства, в среднем, ту же сумму. Наконец, не надо забывать о проблемах с реальным взысканием алиментов, которые должны были особенно обостриться в военные годы (смерть плательщика, пропажа без вести, утрата им трудоспособности и т.д.). Таких проблем не могло возникнуть на протяжении всех 12 лет, в течение которых матери-одиночке выплачивалось государственное пособие.

[1553] *Аскназий С.И.* Основные принципы Гражданского кодекса СССР в свете решений XVIII съезда ВКП(б) // Советская юстиция. 1939. № 15 – 16. С. 14.
[1554] ГАРФ. Ф. Р9492. Оп. 1. Д. 1539. Л. 45 – 48, 68 – 69, 130 – 140.
[1555] Там же. Л. 160.
[1556] *Аскназий С.И.* Указ.соч. С. 14.
[1557] Правда, первоначальный проект предусматривал бóльшие суммы: 150, 225 и 300 руб. соответственно (РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 29. Д. 1225. Л. 2 – 3).
[1558] Народное хозяйство СССР за 70 лет. Юбилейный статистический ежегодник. М., 1987. С. 434.

Признание юридических последствий лишь за зарегистрированными браками, установленное в 1944 году, и одновременное лишение матерей-одиночек права в судебном порядке устанавливать отцовство и взыскивать алименты с фактических отцов их детей ударило по внебрачным детям, но для детей законнорожденных это было скорее выгодно. Ведь круг лиц, которым ответчик был обязан уплатой алиментов, теперь ограничивался лишь теми, кто состоял с ним в родстве, основанном на факте зарегистрированного брака. В любом случае это было гораздо более удачным решением, чем довоенное предложение делить заработок ответчика на всех его «законных» и «внебрачных» иждивенцев. Справедливости ради надо указать, что в 1947 году размер государственного пособия на содержание внебрачных детей был уменьшен вдвое[1559], что объяснялось укреплением покупательной способности рубля. Указ от 8 июля 1944 года имел, вероятно, и некие воспитательные последствия, поскольку в метриках у внебрачных детей теперь в графе «отец» стоял прочерк. Это в определённой степени унижало как мать, так и ни в чём неповинного ребёнка, поскольку большинство населения «страны победившего социализма» придерживалось тогда традиционных ценностей[1560].

Оценивая законодательные постановления 30 – 40-х годов с точки зрения характера вмешательства государства в супружеские отношения, надо отметить усиление императивного начала[1561]. Так, начиная с Постановления 1936 года «О запрещении абортов», государство требует от граждан обязательной регистрации развода. Указ от 8 июля 1944 года, установив производство разводов только в судебном порядке и предписав определённый порядок производства по бракоразводным делам (в том числе, обязательность попыток примирения супругов), существенно сократил ограниченную до этого лишь финансовыми возможностями граждан свободу в расторжении брака. Закрепление в Указе от 8 июля 1944 года положения, что только зарегистрированный брак порождает супружеские права и обязанности, а также лишение матерей-одиночек права в судебном

[1559] Ведомости Верховного Совета СССР. 1947. № 11.

[1560] Обе эти проблемы, и установления отцовства, и «прочерка» в свидетельстве о рождении, были решены в конце 60-х годов с изданием Основ законодательства Союза ССР и союзных республик и кодексов союзных республик. В частности, установление отцовства было признано возможным как в добровольном, так и в судебном порядке (ст. 47 – 48 КоБС). Разрешив, таким образом, морально-этическую сторону вопроса, законодатель наделил внебрачных детей правом на содержание от своих отцов (ст. 50 КоБС). Согласно статистическим данным, средняя заработная плата рабочих и служащих в СССР в 1970 году почти в четыре раза превышала уровень 1940 года (см.: Народное хозяйство СССР за 70 лет… С. 434). Очевидно, поэтому законодатель уже не опасался распыления средств между несколькими семьями ответчика.

[1561] Современный исследователь О.И. Рудык полагает, что императивный метод регулирования брачно-семейных отношений приобрёл доминирующее значение лишь в в послевоенный период (см.: *Рудык О.И.* Эволюция института брака в советском семейно праве (1917 – 1996 гг.). Дис. … канд. юрид.наук. Нижегородская академия МВД РФ. Нижний Новгород, 2015. С. 11).

порядке устанавливать отцовство и взыскивать алименты с фактических отцов их детей, почти упразднило для граждан альтернативу: жить ли в фактическом или же в зарегистрированном браке.

Императивный метод, регулирующий супружеские отношения, получил своё законченное воплощение в Основах законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье 1968 года и КоБС РСФСР 1969 года. Так, урегулировав условия заключения брака и препятствия к этому, КоБС допустил признание брака недействительным, если он был заключён, в соответствии со ст. 43, без намерения создать семью (фиктивный брак)[1562]. Таким образом, законодатель показал свою заинтересованность не просто в регистрации брачных отношений, а в определённом их «качестве», без которого даже соблюдение необходимых формальностей не обеспечивает их защиту со стороны государства.

Регулируя прекращение брака, КоБС во многом закрепил императивы, установленные Указом от 8 июля 1944 года, в частности, обязанность суда предпринять попытки к примирению супругов, выяснить в ходе разбирательства возможность продолжения совместной жизни разводящихся супругов и сохранения их семьи (ст. 33). Однако КоБС знал и новые ограничения, в частности, норма ст. 31 не допускала возбуждения мужем дела о расторжении брака в период беременности жены и в течение одного года после рождения ребёнка. Императивный характер имеют предписания КоБС о режиме имущества супругов, обращении взыскания на их имущество и т.д.

Таким образом, начиная с середины 30-х годов, государство при регулировании брачно-семейных отношений предписывало их участникам лишь определённый вариант поведения, тем самым ограничивая их возможность поступать по собственному усмотрению. Всё бóльшую роль в решении сложных семейных вопросов начинают играть органы суда, опеки и попечительства. Таким образом, указанные характеристики позволяют сделать вывод о постепенном формировании с середины 30-х годов ярко выраженного императивного метода правового регулирования брачно-семейных отношений.

***

Рассмотренные преобразования, произошедшие с 30-х годов, позволяют говорить о совершенно ином «качестве» правового регулирования брачно-семейных отношений,

---

[1562] Основой для этой нормы стал п. 11 Постановления Пленума Верховного Суда СССР от 16 сентября 1949 года № 12/8/У, который предписал рассматривать дела о признании фиктивных браков недействительными в общеисковом порядке (Судебная практика Верховного Суда СССР. 1949. № 11. С. 4).

чем в досоветской России, и об их существенных отличиях – по сравнению с первым десятилетием Советской власти

В 30-е годы Советское государство признало семью в качестве предпочтительного инструмента для формирования личности. Для сравнения, значительную часть дореволюционного периода российской истории население страны было разделено на сословия. Сословная кастовость определяла неизбежность, с которой дети наследовали положение и, как правило, род занятий отцов. И в этом смысле для государства на определённом этапе (примерно до реформ второй половины XIX века) сословное воспроизводство было, конечно, полезным. Однако эту задачу решало сословное законодательство, императивно определявшее судьбу потомства служилых людей, духовенства, горожан и крестьянства. Скупость постановлений, которые в Своде законов гражданских определяли обязанность родителей как воспитателей, также говорит о малой роли, которую государство отводило институту семьи как инструменту формирования нужных ему качеств личности. В Своде законов гражданских говорится по большей части о родительской власти и мерах к её охранению. Вопрос об интересах детей и их защите от родителей был поставлен в дореволюционном законодательстве, прежде всего, в связи с вопросами об опеке над имуществом, чтобы уберечь малолетних наследников от недобросовестных действий их близких родственников.

Политика Советской власти в первое десятилетие показала заинтересованность в воспитании населения в духе коммунистической идеологии, однако с позиции господствовавших тогда взглядов, эту функцию должно было взять на себя государство и общественные организации, а семья сохранялась вынужденно, на переходный период. Тем не менее, уже первые законы Советской власти показали (пусть даже чисто по идеологическим причинам) новый подход государства к семейным отношениям: родители должны осуществлять свои полномочия *в интересах детей*. Иная их реализация могла повлечь лишение родительских прав. Временно возлагая на семью функцию социального обеспечения, первые советские семейные кодексы включили в круг обязанных взаимной материальной поддержкой лиц не только детей и родителей, как это было по дореволюционному законодательству, но и иных родственников по прямой и боковой линиям.

Однако лишь появление законодательства, понуждающего родителей к надлежащему исполнению своих обязанностей, а не просто угрожающее лишением родитель-

ских прав, говорит о том, что у власти появляется взгляд на семью как на инструмент формирования полезных государству качеств ребёнка. При этом демонстрируется комплексный подход к регулированию этого инструмента: организация внутренней жизни семьи регулируется нормами и собственно семейного законодательства, и административного (обязанность родителей обеспечивать посещение ребёнком школы, штраф за уличное озорство детей и т.д.), и уголовного (ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в преступную деятельность), и трудового (постановка отметок об алиментной обязанности в трудовые книжки) и т.д. При этом осуществляется и соответствующая социальная политика, разносторонне поддерживающая многодетность (введение соответствующих пособий, наград, расширение сети детских яслей, детских садов и т.д.).

Далее, с 30-е годов XX века государство также признало роль брака как базиса семейных отношений, в том числе, создающего необходимую среду для воспитания несовершеннолетних детей. Как уже было показано, брак с позиций христианского учения, разумеется, тоже имеет воспитательную составляющую. Однако Русская Православная Церковь по самым разным причинам испытывала серьёзные затруднения не только в воспитании населения, но даже в реализации предписанных каноническими установлениями брачных условий и процедур. Институт власти мужа, нашедший отражение в Своде законов гражданских, можно лишь с натяжкой считать инструментом воспитания личности в браке. Впрочем, на практике и этот институт приживался с трудом, а Октябрьская революция не оставила от него камня на камне. Более того, советское законодательство начального периода отказалось от регулирования личных прав и обязанностей супругов и сделало брак легко расторгаемым. В этих условиях брак как правовой институт потерял всякую воспитательную нагрузку, он рассматривался идеологами социализма лишь как отражение личной привязанности мужчины и женщины, которая могла в любой момент прекратиться, и вместе с ней должен был распасться и брак.

Начиная с 30-х годов власть изменяет своё первоначальное отношение к браку и признаёт его значение, в качестве основы здоровых семейных отношений, а в годы Великой Отечественной войны наличие брака стало *бесспорным* удостоверением отцовства и материнства. Наконец, указание на тесную правовую связь брака и детско-родительских отношений содержится в Постановлении Пленума Верховного Суда СССР

от 16 сентября 1949 года № 12/81/У, и в законодательстве конца 60-х годов. И несмотря на то, что советские брачно-семейные кодексы РСФСР 1918, 1926 и 1969 годов закрепляют и чисто супружеские отношения (имущественные, например), последний из названных кодексов единственный, который в большой степени смотрит на брак через призму интересов материнства и детства.

Таким образом, можно говорить о том, что в 30-е годы правовое регулирование брачно-семейных отношений получило вполне определённую цель. Используя выражение автора классической работы по проблеме семейных правоотношений в СССР Е.М.Ворожейкина, общественные отношения, входящие в сферу брака и семьи, стали иметь целью, социальным назначением «воспроизводство личности человека»[1563]. *Воспроизводство* с точки зрения деторождения впервые заинтересовало государство только в 30-е годы XX века. Об этом наглядно говорят указанные меры по социальной поддержке материнства, начиная с Постановления 1936 года «О запрещении абортов». Если говорить о воспроизводстве личности как о создании условий для *формирования определённых человеческих качеств*, полезных государству на определённом этапе, то и в этом аспекте законодательство 1930-х годов заложило принципиально иные основы, чем прежнее законодательство.

Начиная с декабрьских декретов 1917 года («О гражданском браке…» и «О расторжении брака») формировалось лишь отраслевое законодательство, которое не ставило перед правовыми институтами брака и семьи никаких особенных задач, а рассматривало эти институты как временные «суррогаты» будущей принципиально новой организации коммунистического общества. Однако начиная с 30-х годов, новое целеполагание – воспроизводство личности человека в условиях семьи – определило для законодателя задачу трансформировать институты брака и семьи. Реализация этой задачи привела к тому, что вместо отраслевого семейного законодательства в советском государстве появляется новая отрасль права – семейное право – со своим собственным предметом правового регулирования.

С середины 30-х годов начинает формироваться также и иной метод правового регулирования брачно-семейных отношений. Активная роль государства в регулировании брачно-семейных отношений, отражающая их публично-правовой характер, обозначилась уже в первые годы Советской власти. В частности, судить о методе правового

[1563] *Ворожейкин Е.М.* Указ.соч. С. 13; см. также: *Бошко В.И.* Очерки советского семейного права. Киев, 1952. С. 36.

регулирования в данной сфере, как императивном, позволяют нормы, регулирующие отношения, связанные с установлением отцовства, а также нормы, регулирующие взаимоотношения детей и родителей. Однако в первые два десятилетия Советской власти законодатель ещё не рассматривал семью, как удобный инструмент для реализации поставленной воспитательной задачи, что выражалось в отсутствии средств правового понуждения родителей к выполнению своих родительских обязанностей. Такое активное понуждение, сопровождающееся совершенствованием соответствующих правовых средств (введение материальной и уголовной ответственности родителей за поведение детей, изменение порядка исчисления алиментов, обязывание родителей в интересах семьи продолжать брачные отношения) проявляется лишь в период с 30 – 40-х годов. В этот же период наблюдается и комплексный подход государства к обеспечению проведения в жизнь новой брачно-семейное политики. Нормы трудового законодательства (отметки в трудовых книжках об алиментах), административного (введение паспортной системы с отметками, облегчающими поиск алиментщиков), наконец, уголовного законодательства того периода (повышение уголовной ответственности родителей за невыполнение своих родительских обязанностей) в своей совокупности дают чёткое представление, во-первых, о публичном интересе в брачно-семейных отношениях, а во-вторых, о постепенном складывании особого метода их регулирования, с ярко выраженным императивным характером.

Императивный характер с середины 30-х годов имели и нормы, регулирующие брачные отношения. Неуклонное и существенное усложнение бракоразводного процесса, признание недействительным фиктивного брака, установление режима общей совместной собственности супругов – всё это показывает, что законодатель не просто допускал, как это было ещё в соответствии с нормами КЗоБС 1926 года, сожительство мужчины и женщины, основанное на «индивидуальной склонности» и до тех пор, пока эта склонность продолжалась. Законодательство с середины 30-х и до конца 60-х годов постепенно вырабатывает представление о том «качестве» супружеских отношений, которому *должны* соответствовать браки советских граждан.

Несмотря на то, что императивный метод при регулировании брака и семьи был характерен для советского законодательства уже с 1917 года, однако совершенствование этого метода и применение его к особому отраслевому предмету правового регулирования началось лишь с 30-х годов XX века. В своём законченном виде круг урегулирован-

ных брачно-семейных отношений, составляющих предмет семейного права, а также особенности метода регулирования данных отношений были очерчены в законодательстве 60-х годов (Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье 1968 года и КоБС РСФСР 1969 года). Таким образом, систематизация семейного законодательства конца 60-х годов окончательно оформила превращение семейного права из отрасли законодательства в отрасль права.

Заключение

При изучении истории правового регулирования брачно-семейных отношений в российском обществе наиболее удачным подходом является постановка в центр исследования предмета правого регулирования. На первый взгляд это представляется совершенно естественным, однако авторы работ, посвящённых данной проблематике, не придерживаются данной методологии. В настоящей работе именно предмет правого регулирования является центром историко-правового исследования, благодаря чему, можно обоснованно выделить как субъекты брачно-семейных отношений, на которые воздействуют определённые силы на разных исторических этапах, так и сами эти силы. К числу таковых можно отнести государство, Русскую Православную церковь, и само российское общество, прежде всего, крестьянская масса. Наиболее влиятельным среди них, бесспорно, являлось государство.

Именно по этой причине участие государства и было взято за отправную точку при определении этапов формирования отрасли семейного права. Для понимания характера регулирования брака и семьи в истории России был обозначен момент проявления интереса государства к исследуемым отношениям, началом каждого нового этапа целесообразно считать изменение способов или целей воздействия государства на брачно-семейные отношения. Таким образом, первый этап длится с момента создания Древнерусского государства до XVII века: на этом историческом отрезке государство практически не интересовалось вопросами брака и семьи, и основными нормами, регулирующими эти отношения обычаи и церковные правила. Второй этап связан с формированием и развитием сословного строя в России, он охватывает период с XVII века до Великой Октябрьской социалистической революции. На этом временном отрезке правовые нормы о браке и семье были, в основном, частью законодательства о правах и обязанностях членов отдельных сословных групп. Третий этап – самый короткий – продлился с момента образования Советского государства до середины 30-х годов. В это время семейное законодательство было направлено на преодоление сословных пережитков, уравнение в правах лиц женщин с мужчинами, а также подготовку грядущих социалистических преобразований в обществе. Наконец, четвёртый этап, начавшийся с середины 30-х годов, характеризуется проявлением со стороны государства заинтересованности в семье с точки зрения её воспитательных и материально-обеспечительных функций.

Принципиально важно, что в это же время благодаря социально-экономическим преобразованиям исчезли основания для сохранения особого семейного уклада в российской деревне, что создало предпосылки для первой в истории России унификации брачно-семейных норм по отношению ко всем гражданам страны. Кроме того, хотя на этой проблеме автор особенно и не акцентировал внимания, но следует отметить возникновение ещё одного важного фактора, способствовавшего унификации норм, регулирующих брачно-семейные отношения: в стране установился не просто гражданский строй, но благодаря мощной атеистической политике религиозные организации, и прежде всего Русская Православная церковь, были выведены из политической системы.

Участие Русской Православной церкви в процессе регулирования брачно-семейных отношений связано с применением норм канонического права. Рецепцию византийских церковных норм осложнял целый ряд факторов. Один из них тот, что основной источник церковных норм – Кормчая Книга – на протяжении многих веков после принятия Русью православия была очень слабо распространена среди духовенства (не говоря уже о светских властях). Кроме того, ошибки в переводе сильно искажали смысл отдельных норм этого документа. В итоге не только рядовое духовенство, но и епископат не всегда имели чёткое представление о букве церковного закона. Кроме того, византийские правовые реалии IX века, зафиксированные в Кормчей Книге, даже вместе с позднейшими вставками явно не соответствовали российской действительности, причём чем дальше, тем больше. Наконец, достаточно низкий в массе уровень грамотности (общей и профессиональной) духовенства явно не прибавлял ему авторитета в борьбе за соблюдение церковных правил.

Одна из основных причин неудач Русской Православной церкви по распространению христианской идеи на Руси – специфика церковной организации и особенности правового положения духовенства. Белое духовенство зависело от руководства епархии, которому приходилось отдавать значительную часть своих и без того небольших доходов. Одновременно приходское духовенство зависело и от своих прихожан, которые не только материально обеспечивали храмовой причт, но и избирали их для поставления на приход (до конца XVIII века). В такой ситуации священству, как было показано в работе, было трудно настаивать на исполнении строгих предписаний церкви, регулировавших брачно-семейные отношения. Наконец, несмотря на общую известность положения об огосударствлении православной церкви в России к XVIII веку, государственная

власть традиционно старалась не вторгаться в брачные дела, составлявшие «вотчину» Русской Православной церкви. Однако в тех случаях, когда упущения духовенства в брачной сфере приводили к явно негативным последствиям, такое вторжение было необходимым. Но в остальных случаях церковь не имела возможности воспользоваться принудительной силой государства в данной сфере.

Рассмотренная в настоящем исследовании практика правового регулирования церковью брачно-семейных отношений показала, с какими серьёзными проблемами сталкивалось православное духовенство буквально по всем вопросам этой области. Соблюдение основных условий вступления в брак: достижение брачного возраста, добровольность вступления в брак, отсутствие запрещений по степеням родства, моногамия, – все эти условия в России соблюдались далеко не всегда.

Как показало настоящее исследование, специфика сословных обязанностей податного населения также оказала влияние на правовое регулирование брачно-семейных отношений. В России на протяжении многих веков раскладка основных денежных платежей и личных повинностей, а также контроль за их исполнением осуществлялись через «посредников»: помещиков, органы государственного управления, податные общества. Именно этим «посредникам» (в особенности помещикам) правительство отдало «на откуп» решение многих вопросов в сфере регулирования брачно-семейных отношений податного населения, прежде всего, с точки зрения «казённого интереса». В случае противоречия церковных правил и «казённого интереса» государству был важнее последний.

Как видно из приведённых в диссертации материалов, в правовом регулировании брачно-семейных отношений у крестьян церковные брачные процедуры, принесённые из Византии, встретились с издавна существовавшими языческими традициями. Итогом этой «встречи» стало образование языческого «налёта» на венчальных обрядах. Полностью вытеснить традиционные «брачные веселья» так и не удалось, и не только по причине дороговизны церковных процедур, но также в силу большого значения этих веселий в крестьянском быту. Они опосредовали заключение хозяйственного союза, что для крестьян было гораздо важнее таинства брака. Впрочем, и дороговизна играла большую роль: в XIX веке целые деревни записывались в раскол, чтобы избежать тягостных церковных поборов. В итоге, совершение таинства осталось дорогим и необязательным дополнением к традиционным сельским свадебным торжествам.

Довольно сложно складывалось взаимоотношение церкви и государства в сфере регулирования брачно-семейных отношений. Духовное ведомство не смогло должным образом выполнить, например, функции, которые пыталось возложить на него государство. Во многом это было вызвано нежеланием самого государства силой принуждения заставить население исполнять предписания церкви. Однако в реальности духовное ведомство оказалось слабо подготовлено, например, к регистрации актов гражданского состояния, возложенному на него законодательством Петра I. Если бы для правительства ведение метрических книг стало бы единственным источником информации о податном населении, тогда, наверное, была бы надежда, что «привязка» регистрации к совершению брачного таинства заставит власть помочь церкви в её собственной миссии. Но для правительства помощь со стороны церкви в сборе статистических данных была, в лучшем случае, факультативна, и поэтому на серьёзную запущенность в ведении метрик было обращено внимание лишь в связи с решением конфликтов внутри дворянских родов.

Правительство предоставляло православной церкви в течение многих веков право регулировать условия и порядок прекращения брака разводом. Считая это своей исконной вотчиной, в течение многих веков церковное руководство не предпринимало решительных шагов ни к адаптации норм византийского происхождения о законных поводах к разводу, ни к систематизации отечественных церковных процессуальных традиций. Сумев лишь к середине XIX века обобщить канонические правила о законных основаниях к разводу и бракоразводном процессе, руководство духовным ведомством так и не смогло приспособить старинные церковные институты к требованиям времени. В отсутствие чёткого нормативного регулирования в бракоразводную сферу по отдельным случаям были вынуждены вмешиваться государственные органы. Отношение церкви к этому вмешательству, по некоторому стечению обстоятельств, в начале XIX века было резко отрицательным, что послужило в какой-то степени толчком для начала работ по разграничению предметов ведения духовных и светских властей.

Научное изучение обычного права в России показало, какие именно аспекты брачно-семейных отношений представляли важность для крестьянского большинства населения страны. С крестьянской точки зрения, семья представляла собой единый хозяйственный комплекс. Этот комплекс формировался сложным образом: в него могли входить лица, связанные между собой кровно-родственными отношениями, а также по-

сторонние лица, входившие в него на договорной основе. Установлено, что отношение к браку в крестьянской среде основывалось на взгляде на него как на способ укрепления и поддержания крестьянского хозяйства. Этой цели служил, в частности, довольно распространённый институт примачества, когда гораздо более важным актом, чем сам брак, являлось заключение договора, где определялся и личный статус зятя-примака, и его имущественные права в семье жены, зависевшие от разных условий. Точно так же вхождение в крестьянскую семью приёмыша или учреждение опеки над сиротой, – всё это было не только моральной обязанностью или мирской службой, но в ряде случаев, взаимовыгодной сделкой. В частности, ярким отличием опеки по обычному праву от той, которая была закреплена в гражданском законодательстве России, являлось признание, что в случае смерти одного из родителей второй оставался «естественным» опекуном ребёнка, т.е. преобладало «родственное начало». Между тем, многочисленные комиссии по реформированию дворянской и городской опеки вплоть до Октябрьской революции 1917 г. будут лишь осознавать необходимость признания такого подхода. Что вполне соответствует противоречию между сословным началом, на котором строился этот институт, и потребностью внесения кардинальных изменений, в том числе и в эту область, диктуемыми социально-экономическим развитием общества.

Традиционное отношение сельского населения к браку, как к хозяйственному союзу, определяло явное несоответствие норм обычного права нормам, закреплённым в законодательстве. Так, имущественные отношения строились в обычном праве совсем на иной основе, чем в Своде законов гражданских. Раздельность имущества супругов в дворянской среде требовалась для охраны родовой недвижимости, а хозяйственные интересы крестьян предполагали, наоборот, общность всего накопленного в семье. Гражданское законодательство возлагало лишь на мужей содержание семьи, а обычное право придавало значение также трудовому вкладу детей и хозяйственной деятельности жён. С точки зрения выполнения крестьянским двором функции податной единицы, той функции, которая веками поддерживалась российским правительством, общая собственность гораздо больше подходила для этой цели, чем раздельная. В то время, как российское гражданское законодательство провозглашало почти абсолютную власть родителей над детьми, обычное право стояло совсем на других позициях. Если дети-дворяне должны были терпеть родительский диктат в ожидании наследства или хорошего приданого, то дети-члены крестьянского двора подавали жалобы на родителей за по-

бои, судились за имущество, требовали раздела. Таким образом, обычное право русской деревни практически не ощущало ни влияния гражданского законодательства, ни строгости церковных канонов. Эта независимость от двух регуляторов (гражданского и церковного права) позволила выработать в народе те правовые понятия, которые впоследствии будут не только учитываться при составлении проекта Гражданского Уложения, но и будут систематизированы Советской властью при выработке семейного и земельного законодательства.

Момент, когда государство более или менее активно включилось в регулирование брачно-семейных отношений можно отнести к XVII веку. Однако государство не конкурировало с Русской Православной церковью, а заняло свою нишу, что было связано с оформлением сословной организации общества. С древнейших времён кое-какие стороны брачно-семейных отношений косвенно попадали в орбиту государственного интереса. В первую очередь, к ним можно отнести определение единства сословного статуса членов одной семьи. Правда, здесь объектом регулирования были, скорее, не права и обязанности родственников, а честь рода. Продолжая древнюю традицию, российские власти закрепят, прежде всего, по отношению к дворянству, единство статуса мужа и жены. Соответственно, во второй половине XVIII – первой половине XIX веков будет установлена обязанность мужа содержать жену сообразно его общественному положению и материальным возможностям. Как видно из приведённых в работе примеров, большинство связанных с домочадцами «статусных» вопросов правительство решало, прежде всего, в связи с интересами дворянского сословия. Вопросом, которым правительство плотно заинтересуется в XVII веке, были права и обязанности членов семьи в связи с оборотом земельного фонда, что было особенно важно с учётом феодального характера государственной службы. Итогом проявления этого интереса станет выработка института раздельной собственности супругов, который служил, в первую очередь, целям сохранения недвижимости как отдельными феодальными семьями, так и дворянством в целом. Таким образом, основным предметом законодательства, затрагивающим брачные отношения в среде русского дворянства, будут определяемые сословным статусом права и, не в последнюю очередь, права на недвижимость. Эти же вопросы отечественные нормативные акты решали и в отношении детско-родительских отношений, регулируя, в первую очередь, права на родовую недвижимость, а также вопросы организации опеки.

Правовые институты, которые самостоятельно были выработаны на русской почве в ходе развития сословного строя, в первой трети XIX века при систематизации российского законодательства попытались облечь в форму и наполнить содержанием, явно заимствованными из европейского законодательства. Однако рецепция норм буржуазно ориентированного Кодекса Наполеона 1804 года не могла быть вполне успешной в условиях феодальной России. В крестьянской же среде, как было показано, отечественные традиции оказались гораздо сильнее писаного права. Но и в отношении дворянства восприятие норм иностранного образца наткнулось на ряд преград отечественного происхождения. Так, занесённое в наше законодательство из Европы абсолютное главенство мужа явно не соответствовало традиционной (и сохранённой) раздельности супружеского имущества, равно как известная нам благодаря европейским законам власть отца не делала его в России «естественным» опекуном имущества ребёнка после смерти матери.

Изучение правового регулирования брачно-семейных отношений низших воинских чинов показывает, что оно имело для русского правительства, пожалуй, чисто утилитарное значение. Вплоть до середины XIX века сословная служба для низших воинских чинов передавалась по наследству со всеми ограничениями, препятствующими выходу из неё. Вступление в брак, статус членов семьи, – всё определялось, исходя из потребностей государства в службе определённого рода. Показательно, что в низшей прослойке служилого населения вопрос о законности рождения не играл никакой роли при определении статуса детей: в любом случае их ждала карьера по ведомству, за которым числились их родители. Сопоставление действия норм «ведомственных» законоположений с церковными правилами показывает явное пренебрежение последними ради служебной необходимости. Приказать подчинённому жениться, поставить возможность его брака в зависимости от наличия места в казарме для будущей жены, ограничить пребывание детей при родителях лишь первыми годами их жизни и т.д., – всё это демонстрирует реальное место церковных канонов в ряду других правовых средств при том, что Русская Православная церковь была объявлена «первенствующей и господствующей».

Столь же утилитарный подход характерен и для законодательства, регулирующего брачно-семейные отношения белого духовенства. Со врёмен Петра I и до середины XIX века родители духовного звания были обязаны готовить сыновей к поступлению в семинарию, сдать их туда и оплачивать косвенным образом их обучение. Здесь уместно

сопоставить обязанности родителей дворянского и духовного сословия: если для дворян обязанность давать детям образование утратила актуальность в связи с утратой во второй половине XVIII века обязанности обязательной службы, то для духовенства это «раскрепощение» наступило веком позже. Брачный вопрос в отношении лиц духовного звания государство заинтересовал, в основном, лишь в связи с узко-сословной проблемой: устройством судьбы сирот женского пола. Вплоть до 60-х годов XIX века правительство санкционировало выработанное традицией «закрепление» мест за дочерями лиц духовенства, чтобы по смерти главы семьи она могла выйти замуж и принять мужа на место покойного отца.

Семейные отношения горожан представляли интерес для законодателя, в основном, также с точки зрения их сословного статуса и занятий. Первоначальная регламентация положения домочадцев была связана с регулированием санкции за бесчестье, однако в дальнейшем, прикрепляя горожан к посаду, власть стала рассматривать брак как основание принадлежности к посадскому двору. В XVIII веке прямое прикрепление утратило смысл, т.к. правительство перешло к обложению лиц, занятых промыслами или объявлявшими за собой капитал. Отсюда опять возникший интерес властей к семьям городских капиталистов, поскольку искусственное расширение состава семей за счёт различных родственников с собственными промыслами влекло фискальные потери для казны. Однако к концу XIX века законодательство отошло от архаичной системы обложения лиц с объявленным капиталом и стало пользоваться более совершенным финансовым инструментом – обложением отдельных промыслов.

Особые льготы и преимущества для членов семей горожан могли быть связаны с введением статуса «именитых», а затем – «почётных» граждан. Поскольку статус потомственного почётного гражданина распространялся на его потомство, почётное гражданство стало отдалённым аналогом потомственного дворянства. Дворян и горожан с XVIII века сближал ещё один фактор – интерес правительства к обороту их имущества. Именно поэтому закономерно появление для этих сословий органов опеки вдов и малолетних сирот. Ликвидировав «гильдейский» характер налогообложения в конце XIX века, правительство, тем не менее, не отменило давнего сословного деления по роду занятий, поэтому и сиротские суды на протяжении всего дореволюционного времени были обречены существовать, прежде всего, как органы управления купеческим имуществом.

Правовое регулирование брачно-семейных отношений в первые десятилетия Советской власти было определено следующими обстоятельствами. Во-первых, были произведены изменения, которые давно назрели в дореволюционный период. Во-вторых, ряд преобразований оказался возможными благодаря ликвидации сословного строя в России после победы Октябрьской революции. В-третьих, важнейшим фактором явилось отделение церкви от государства. Наконец, в-четвёртых, на развитие советского брачно-семейного законодательства повлияли социалистические идеи, выраженные в работах основоположников марксизма. Общую оценку изменений, произведённых государством в первые два десятилетия, можно сделать следующую. Дореволюционный институт брака через уравнение мужа и жены и отмену сословной специфики «потерял» огромную часть своего содержания. Семейные связи, с точки зрения авторов законов того времени, теряли свою ценность так же, как и брачные, поскольку вопросы материального обеспечения несовершеннолетних, а главное – их воспитания, в недалёком будущем должно было взять на себя государство. Однако желаемой цели в данный период достичь не удалось, поскольку государству даже к концу НЭПа ещё не вполне удалось преодолеть последствия социальных катаклизмов начала XX века. Не хватало сил и средств даже на ликвидацию беспризорности, поэтому ставить вопрос о ликвидации семьи как правового института объективно было нельзя.

Рассмотрение основных тенденций советского законодательства с середины 30-х до конца 60-х годов позволяет сделать следующие выводы. Целый ряд объективных предпосылок заставили руководство страны отказаться от политики развала прежних семейных устоев, которую сменила линия на укрепление семьи. В первую очередь, внимание законодателя было обращено на воспитательную функцию семьи ради борьбы с подкидыванием детей, безнадзорностью и детской преступностью. Параллельно принимаются меры к решению проблемы материального благополучия детей с помощью нового порядка исчисления алиментов, а также комплекса мер по обеспечению их реальной уплаты. В условиях, когда государство отказалось от идеи всеобщего государственного обеспечения, за семьёй окончательно признаётся приоритет в качестве формы устройства несовершеннолетних. Вместе с тем встаёт вопрос о базисе крепкой семьи – о браке родителей. В 30-е годы впервые в истории России правительство стало рассматривать отношения между супругами через призму интересов их несовершеннолетних детей. В частности, было осознано, что простота, с которой мужчины и женщины благо-

даря законодательству первого десятилетия Советской власти могли сходиться и расходиться, отрицательно отражалась на самой слабой стороне в семейных отношениях – на их детях. В середине 30-х годов государство берёт на себя функцию обязательного участника в определении судьбы детей при расторжении брака, вследствие чего граждане СССР были обязаны регистрировать свои разводы. Предпринимаются также различные меры к укреплению брачных отношений с помощью удорожания и затруднения бракоразводных процедур. Через обязательную регистрацию брака от семьи «отсекаются» все лица, не имеющие правовых оснований считаться её членами, и в первую очередь внебрачные дети. Это позволило сконцентрировать внутри семейной ячейки все материальные средства для воспитания и содержания, прежде всего, несовершеннолетних детей. Отражение нового взгляда на брак, как на базис для организации семейного устройства детей, приводит к «реабилитации» в научной литературе, в судебной практике и законодательстве личных прав и обязанностей супругов. Социалистические преобразования в деревне в 30-е годы создали предпосылки для унификации семейного законодательства, поскольку «отделение труда от семьи» упразднило экономический базис для существования многовековых норм брачно-семейных обычаев.

Новая роль государства как активного и теперь уже единственного регулятора брачно-семейных отношений указывает на возникновение публично-правового начала в регулировании этой сферы. Реформы середины 30-х годов и их последующее развитие привели к тому, что деятельности суда и органов опеки и попечительства в семейном законодательстве конца 60-х годов было отведено гораздо более значимое место, чем в первое десятилетие Советской власти. Все приведённые соображения приводят к выводу о том, что начиная с 30 – 40-х годов XX века постепенно формируется особый *предмет* и *метод* государственного воздействия на брачно-семейные правоотношения. Таким образом, в эти годы семейное право формируется уже не только, как отрасль законодательства, но и как *отрасль права*, а систематизация семейного законодательства конца 60-х годов стала пиком этого формирования.

Список использованных источников и литературы

Источники

Архивные материалы

Российский Государственный исторический архив

1. Фонд 796 – Канцелярия Синода

Опись 25. Д. 567

Опись 86. Д. 861

Опись 92. Д. 692

Опись 97. Д. 26, 122

Опись 114. Д. 522

Опись 201 (1 отд. 4 ст.). Д. 1246

Опись 204 (1 отд. 4 ст.). Д. 144, 218, 220, 310

2. Фонд 797 – Канцелярия Обер-прокурора Синода

Опись 1. Д. 1710.

Опись 2. Д. 4683 – 4684, 4703, 4737, 8632, 8732

Опись 97. Д. 6, 9 – 11, 170, 175

Опись 83 (2 отд. 3 ст.). Д. 67, 544

Опись 86 (2 отд. 3 ст.). Д. 404

3. Фонд 1149 – Департамент законов Государственного Совета

Опись 1 (1818 год). Д. 14

Опись 1 (1819 год). Д. 46, 175

Опись 1 (1820 год). Д. 10

Опись 1 (1823 год). Д. 17, 26, 42

Опись 1 (1824 год). Д. 15

Опись 1 (1825 год). Д. 26

Опись 1 (1827 год). Д. 11

Опись 1 (1828 год). Д. 102

Опись 1 (1829 год). Д. 75

Опись 1 (1831 год). Д. 58

Опись 2 (1832 год). Д. 75

Опись 2 (1834 год). Д. 126.

Опись 2 (1836 год). Д. 84, 88.

Опись 2 (1839 год). Д. 56

Опись 3 (1840 год). Д. 104

Опись 3 (1841 год). Д. 43

Опись 3 (1842 год). Д. 43

Опись 3 (1845 год). Д. 27

Опись 3 (1847 год). Д. 42.

Опись 4 (1850 год). Д. 36

Опись 5 (1861 год). Д. 38

Опись 7 (1867 год). Д. 101, 104

Опись 7 (1868 год). Д. 96

Опись 8 (1873 год). Д. 101

Опись 9 (1881 год). Д. 2.

Опись 10 (1886 год). Д. 82

4. Фонд 1151 – Департамент гражданских и духовных дел Государственного Совета

Опись 1 (1810 год). Д. 4

Опись 1 (1817 год). Д. 91.

Опись 1 (1820 год). Д. 14

Опись 1 (1827 год). Д. 12.

Опись 1 (1829 год). Д. 278.

Опись 2 (1839 год). Д. 56

Опись 3 (1841 год). Д. 43.

Опись 10 (1884 год). Д. 45.

5. Фонд 1251 – Бумаги М.М. Сперанского

Опись 1. Д. 50

Государственный архив Российской Федерации

Фонд А353 – Министерство юстиции РСФСР (Минюст РСФСР)

Опись 5. Д. 226

Фонд Р9492 – Министерство юстиции СССР

Опись 1. Д. 1477, 1539

Российский государственный архив социально политической истории

Фонд 153 – Пётр Иванович Стучка

Опись 1. Д. 18, 39.

Российский государственный архив экономии

Фонд 7733 – Министерство финансов СССР (Минфин СССР). 1917 – 1991.

Опись 29. Д. 1225

Центральный исторический архив Москвы

Фонд 203

Опись 746. Д. 247, 319.

Законодательные акты и иные документальные материалы

Акты, относящиеся до юридического быта древней России. – Изд. Археографич. комисс. под ред. Н. Калачова. – Т. 1: выборы, выписи, грамоты, данные, докладные, допросы, досмотры, доезды, духовные, дела, дельные, записки, записи, изветы. – Спб. 1857. – 398 с.

Акты, относящиеся до юридического быта древней России. – Изд. Археографич. комисс. под ред. Н. Калачова. – Т. 2: кабалы, книги, купчие, межевые, мировые, меновые, наемные, наказы, оброчные, отводные, откупные, отписи, отписки, отписные, отпускные, отсрочные, памяти, писания, письма, платежные, подорожные, подписи, подписки, подрядные, поручные. – Спб. – 1864. – 446 с.

Акты юридические или собрание форм старинного делопроизводства. – Изд. Археографич. комисс. – СПб. – 1838. – 509 с.

Архив Государственного Совета. Том 3: Царствование императора Александра I (1801 – 1810 гг.). – Часть вторая. – Спб. – 1878. – 669 с.

Архив Государственного Совета. Т.4: Царствование императора Александра I (с 1810 по 19 ноября 1825 г.). Журналы по делам Департамента Законов. – Спб. – 1874. Приложения. – 755 с.

ВЦИК XII созыва: Вторая сессия: Постановления. – М. – 1925. – 91 с.

ВЦИК XII созыва: Вторая сессия: Стенографический отчёт. – М. – 1925. – 609 с.

Гидулянов П.В. Кодекс законов о браке, семье и опеке: С постатейным комментарием. – Под ред. П.А. Красикова, Прокурора Верхсуда СССР. – Л.: Рабочий суд, 1927. – 308 с.

Гидулянов П.В. Отделение церкви от государства: Систематизированный сборник действующего в СССР законодательства. – Под ред. П.А. Красикова. – Изд. 3. – М.: Юридическое издательство НКЮ РСФСР, 1926. – 712 с.

Городская семья XVIII века. Семейно-правовые акты купцов и разночинцев Москвы / Составление, вводная статья и комментарии Н.В. Козловой. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2002. – 608 с.

Гражданское уложение: Книга вторая: Семейственное право: Проект Высочайше учреждённой Редакционной Комиссии по составлению Гражданского Уложения. – Том первый: Ст. 1 – 349: С объяснениями. – Спб. – 1902. – 655 с.

Дворяне Москвы: свадебные акты и духовные завещания петровского времени. – Сост., очерки и коммент. Н.В. Козловой и А.Ю. Прокофьевой. – М.: Политическая энциклопедия, 2015. – 911 с.

Древнерусские княжеские уставы XI-XV вв. – Подг. *Щапов Я.Н.* – М.: Наука, 1976. – 240 с.

Законодательные акты русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века. – Л.: Наука, 1986. – 264 с.

Комментарий к ГК РСФСР. – Под ред. Е.А. Флейшиц и О.С. Иоффе. – 2-е изд., доп. и перераб. – М.: Юрид. лит., 1970. – 823 с.

Народное хозяйство СССР за 70 лет: Юбилейный статистический ежегодник. – Госкомстат СССР. – М.: Финансы и статистика, 1987. – 766 с.

Население СССР (численность, состав и движение населения). Статистический сборник. – М.: Статистика, 1975. – 207 с.

Оглавление законам грекороссийской церкви, составленное Святейшего Синода секретарём, коллежским асессором Яковом Гиновским. – Часть первая. – СПб., 1827. – 137 с.

Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода (сост. Комиссией для разбора и описания архива Святейшего Правительствующего Синода). Спб.- Пг. 1868 – 1915. Т. 1 – 12, 14 – 16, 18 – 21, 23, 26, 28, 29, 31, 32, 34, 39, 50.

Памятники русского права. – Выпуск третий. Памятники права периода образования русского централизованного государства XIV – XV вв. – Под ред. проф. Л.В. Черепнина. – М.: Юрид.лит, 1955. – 527 с.

Памятники русского права. – Выпуск четвёртый. Памятники права периода укрепления русского централизованного государства XV – XVII вв. – Под ред. проф. Л.В.Черепнина. – М.: Юрид.лит, 1956. – 632 с.

Полное собрание законов Российской Империи. Собрание первое (1649 – 12 декабря 1825 г): В 45 тт. Спб., 1826 – 1830.

Полное собрание законов Российской Империи. Собрание второе (12 декабря 1825 – 1 марта 1881 г.): В 55 тт. СПб. 1830 – 1884.

Полное собрание законов Российской Империи. Собрание третье. Т. 1 – 33

Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской Империи. Царствование государя Павла I. 6 ноября 1796 г. – 11 марта 1801 г. Пг., 1915.

Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской Империи. Царствование государыни императрицы Екатерины II. Т. 1 – 3. Спб., 1910 – 1915.

Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской Империи. Царствование государыни императрицы Елизаветы Петровны. Т. 1 – 4. Спб., 1899 – 1912.

Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской Империи. Т. 1 – 10. Спб., 1869 – 1911.

Полный свод решений гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената (начиная с 1866 г.) за 1868 г. Екатеринослав. 1903 // СПС КонсультантПлюс.

Полный свод решений гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената (начиная с 1866 г.) за 1870. Екатеринослав. 1903 // СПС КонсультантПлюс.

Полный свод решений гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената (начиная с 1866 г.) за 1872. Екатеринослав. 1903 // СПС КонсультантПлюс.

Полный свод решений гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената (начиная с 1866 г.) за 1873. Екатеринослав. 1903 // СПС КонсультантПлюс.

Полный свод решений гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената (начиная с 1866 г.) за 1875. Екатеринослав. 1905 // СПС КонсультантПлюс.

Полный свод решений гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената (начиная с 1866 г.) за 1878 и за 1879 годы . Екатеринослав. 1904 // СПС КонсультантПлюс.

Полный свод решений гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената (начиная с 1866 г.) за 1887, 1888 и 1889 годы. Екатеринослав. 1904 // СПС КонсультантПлюс.

Прилежаев Е.М. Наказ и пункты депутату от Святейшего Синода в Екатерининскую концессию о сочинении проекта нового уложения / Е.М. Прилежаев // Христианское чтение. – 1876. – № 9 – 10. – 44 с.

Проект устава об опеках, выработанный комиссией, состоявшей при министерстве внутренних дел под председательством сенатора Любощинского и поступивший на рассмотрение в законодательном порядке с мотивами, на которых основаны предположения комиссии. – СПб. – 1875. – 212 с.

Проект Устава об опеках и попечительствах с объяснительной к нему запиской. – СПб. – 1891. – 592 с.

Расторжение браков. Определение Святейшего Синода об изменениях в делопроизводстве духовной консистории 1 мая 1917 г. № 2547. – Москва. – 1917. – 8 с.

Решения гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената за 1880. – Спб. – 1881. – 1248 с.

Решения гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената за 1906. – Спб. – 1906. – 366 с.

Российское законодательство X – XX веков. В девяти томах. Т. 1. Законодательство Древней Руси. – М.: Юрид.лит., 1984. – 432 с.

Российское законодательство X-XX веков. В девяти томах. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. – М.: Юрид.лит., 1985. – 520 с.

Российское законодательство X – XX веков. В девяти томах. Т. 3. Акты земских соборов. – М.: Юрид. лит., 1985. – 512 с.

Российское законодательство X – XX веков. В девяти томах. Т. 4. Законодательство период становления абсолютизма. М.: Юрид.лит., 1986. – 512 с.

Российское законодательство X – XX веков. В девяти томах. Т. 5. Законодательство периода расцвета абсолютизма. М.: Юрид.лит., 1987. – 528 с.

Российское законодательство X-XX веков. В девяти томах. Т. 7. Документы крестьянской реформы. М.: Юрид.лит., 1989. – 816 с.

Русская историческая библиотека. – Т. VI. – Изд. 2. – Памятники древнерусского канонического права. Ч.1: Памятники XI – XV в. – Изд. 2. – СПб. – 1908. – 746 с.

Свод военных постановлений 1869 г. – Книга VII. – Прохождение службы по военному ведомству. – Изд. 2 (по 1 января 1907 г.). – СПб. – 1907. – 396 с.

Статистика Российской империи. Т. XIII. Проституция в Российской империи по обследованию 1-го августа 1889 года. – Спб. – 1890. – XXXVI, 85, 39 с.

Труды Комиссии по преобразованию волостных судов. Т. 1 – 8. Спб., 1873 – 1874.

Указы блаженныя и вечнодостойныя памяти великой государыни императрицы Екатерины Алексиевны и государя императора Петра Втораго, состоявшиеся с 1725 генваря с 28 числа по 1730 год. Напечатаны по указу всепресветлейшей державнейшей великой государыни императрицы Елисаветы Петровны самодержицы всероссийской. При Императорской Академии Наук в Санктпетербурге 1743 года. – 511 с.

[Указы, манифесты и другие правительственные постановления, объявленные из Государственной Военной коллегии.: За 1796 г.]. [Санктпетербург]. [Тип. Гос. воен. коллегии]. Без тит. листа и заголовка. – Режим доступа: http:/dlib.rsl.ru/01003336642.

Французский гражданский кодекс 1804 года: С позднейшими изменениями до 1939 г. – Перевод И.С. Перетерского. – М. – 1941. – 471 с.

Иные опубликованные источники

Бестужев-Рюмин А.П. Письмо сыну Бестужеву-Рюмину А.А., 1759 г. / Публ. [вступ.ст. и примеч.] К.А.Писаренко // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII – XX вв.: Альманах. – М.: Студия ТРИТЭ: Рос.Архив, 2005. – [Т.XIV].

Воспоминания русских крестьян XVIII – первой половины XIX века. – Вступ. статья, сост. В.А.Кошелева; коммент. В.А.Кошелева, Б.В.Мельгунова и В.П.Бударагина. – М.: Новое литературное обозрение, 2006. – 784 с., ил.

Журнал Московской Патриархии в 1931 – 1935 годы. – М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2001. – 272 с.

Записки княгини Марии Николаевны Волконской. Перевод с французского оригинала А.Н.Кудрявцевой. Биографический очерк и примечания П.Е. Щеголева. «Прометей». – Б.г. – 215 с.

Записки, статьи, письма декабриста И.Д.Якушкина. – Редакция и комментарии С.Я. Штрайха. – М. – 1951. – 740 с.

Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская и Троицкая летописи. Спб., 1846. – XX, 267, [4] с., [2] л. факс.

Правила Святых Апостол и Святых Отец с толкованиями. – М.: Паломник, 2000. – 175, 626 с.

Правила Святых Вселенских Соборов с толкованиями. – М.: Паломник, 2000. – 736 с.

Правила Святых Поместных соборов с толкованиями. – М.: Паломник, 2000. – 876 с.

Сборник народных юридических обычаев Архангельской губернии. Книга первая / сост. д. чл. Арханг. губ. стат. ком. и чл.-сотр. Имп. Рус. геогр. о-ва П.С. Ефименко. – Труды Архангельского губернского статистического комитета за 1867 и 1868 годы. – Вып. 3. Архангельск. 1869. – 336 с.

Сборник правительственных сведений о раскольниках. – Сост. В. Кельсиев. – Вып. 2. – Лондон. – 1861. – 299 с.

Литература

А.И. Вопрос о незаконнорождённых / А.И. – СПб. – 1875. – 75 с.

Азаревич, Д.И. Русский брак / Д.И. Азаревич // Журнал гражданского и уголовного права. – 1880. – Сентябрь – октябрь. – 49 с.

Александров, В.А. Обычное семейное право крепостной деревни в России XVIII – начало XIX в. / В.А. Александров. – М.: Наука, 1984. – 255 с.

Александровский, Ю.В. Закон 14 июня 1910 года об изменении и дополнении некоторых постановлений о крестьянском земледелии / В.А. Александровский. – Спб. – 1911. – 608 с.

Анисимов, Е.В. Дыба и кнут. Политический сыск и русское общество в XVIII в. / Е.В. Анисимов. – Новое литературное обозрение, 1999. – 719 с.

Антокольская, М.В. Лекции по семейному праву: учебное пособие / М.В. Антокольская. – М.: Юрист, 1995. – 143 с.

Антокольская, М.В. Семейное право: Учебник / М.В. Антокольская. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: Юрист, 2002. – 336 с.

Анучин, Е.Н. Материалы для уголовной статистики России. Исследования о проценте сосланных в Сибирь / Е.Н. Анучин. – Тобольск. – 1866. – 233 с.

Аскназий, С.И. Основные принципы Гражданского кодекса СССР в свете решений XVIII съезда ВКП(б) / С.И. Аскназий // Советская юстиция. – 1939. – № 15 – 16. – 8 с.

Барсов, Т.В. О собрании духовных законов / Т.В. Барсов. Спб. – 1898. – 70 с.

Беляев, И.Д. Лекции по истории русского законодательства / И.Д. Беляев. – М. – 1888. – 584 с.

Белякова, Е.В., Белякова, Н.А., Емченко, Е.Б. Женщина в православии: церковное право и российская практика / Е.В. Белякова, Н.А. Белякова, Е.Б. Емченко. – М.: Кучково поле, 2011. – 704 с.

Белякова, Е.В. Церковный суд и проблемы церковной жизни / Е.В. Белякова. – М. – 2004. – 664 с.

Бобров, Д. По поводу бабьих стонов / Д. Бобров // Юридический вестник. – 1885. – Т. XX. Кн. 2. – 5 с.

Борисенко, М.В. Характер изменений в семейно-дворовом укладе крестьян Западной Сибири (рубеж XIX – XX вв.) / М.В. Борисенко // Вестник Тюменского государственного университета. – 2006. – № 2. – 7 с.

Боровиковский, А.Л. О семейном праве раскольников / Л.А. Боровиковский // Журнал гражданского и уголовного права. – 1873. – Кн. 4. – 33 с.

Боровиковский, А. Отчёт судьи. Том второй: IV. Давность. V. Суд и семья / А.Л. Боровиковский. – Посмертное издание с предисловием А.Ф. Кони. – Спб. – 1909. – 348 с.

Бошко, В.И. Очерки советского семейного права / Бошко В.И. – Киев: Госполитиздат УССР. – 1952 – 372 с.

Бошко, В.И. Регистрация брака и её значение по советскому праву / В.И. Бошко // Советская юстиция. 1939. № 17 – 18. – 5 с.

Брак и семья. Сборник статей и материалов. – М. – Л.: Мол.гвардия. – 1926 – 174 с.

Бранденбургский, Я.Н. Брак и его правовые последствия / Я.Н. Бранденбургский. – М.: Юриздат, 1926. – 37с.

Бранденбургский, Я.Н. К дискуссии о проекте брачного и семейного кодекса / Я.Н. Бранденбургский // Еженедельник советской юстиции. – 1925. – 46. – 3 с.

Бранденбургский, Я.Н. Курс по семейно-брачному праву. Лекции, прочитанные на факультете советского права I МГУ в 1926/27 академическом году / Я.Н. Бранденбургский. – М.: Юрид изд-во НКЮ РСФСР. – 1928. – 144 с.

Бранденбургский, Я.Н. Несколько слов о браке и семье (к обсуждению проекта Кодекса законов о браке, семье и опеке) / Я.Н. Бранденбургский // Еженедельник советской юстиции. – 1924. – № 37. – 2 с.

Бранденбургский Я.Н. Новое в семейном праве / Я.Н. Бранденбургский // Социалистическая законность. 1936. № 9. – 7 с.

Бычков, А.Ф. К 50-летию Второго отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии. Объяснительные записки и заметки Сперанского. 1828 г. / А.Ф. Бычков // Русская старина. – 1876. Март. – 12 с.

В.Г. В борьбе за ликвидацию безнадзорности и беспризорности детей // Советская юстиция. – 1935. – № 27. – 1с.

Верещагин, Н.Н. О бабьих стонах / Н.Н. Верещагин // Юридический вестник. – 1885. – Т. XVIII. Кн. 4. – 12 с.

Винавер, М.М. К вопросу об источниках X тома Свода законов / М.М. Винавер // Журнал министерства юстиции. – 1895. – № 10. – 67 с.

Виноградова, М. Актуальность закона от 7 апреля / М. Виноградова // Советская юстиция. – 1935. – № 19. – 2 с.

Варадинов, Н.В. История министерства внутренних дел. Ч. 3. Кн. 8, дополнительная. История распоряжений по расколу / Н.В. Варадинов. – СПб. – 1863. – 656 с.

Вахромеева, О.Б. «Женский вопрос» на страницах либеральных и консервативных журналов 80-х гг. XIX в. /О.Б. Вахромеева // Вестник Санкт-Петербургского университута. – Сер. 9. – 2008. – Вып. 4. Ч. II. – 6 с.

Веременко, В.А. Семья в обход закона / В.А. Веременко // Военно-исторический журнал. – 2006. – № 3. – 5 с.

Верюжский, В. Афанасий, архиепископ Холмогорский. Его жизнь и труды в связи с историей Холмогорской епархии за первые 20 лет её существования и вообще русской церкви в конце XVII века / В. Верюжский. – СПб. – 1908. – 683 с.

Владимирский-Буданов, М.Ф. Обзор истории русского права / М.Ф. Владимирский-Буданов. – Ростов-на-Дону: «Феникс», 1995. – 639 с.

Волков, С.В. Русский офицерский корпус / С.В. Волков. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2—3. – 414 с.

Вольман, И. Проект Швейцарского гражданского уложения / И. Вольман // Журнал министерства юстиции. – 1902. – № 9. – 42 с.

Ворожейкин, Е.М. Семейные правоотношения в СССР / Е.М. Ворожейкин. – М.: Юрид.лит., 1972. – 336 с.

Ворошилова, С.В. Правовое положение женщин в России в XIX – начале XX в.: автореф. дисс. … докт. юрид. наук : 12.00.01 / Ворошилова Светлана Вячеславовна. – Саратов. 2011. – 62 с.

Галай, Ю.Г. Правовое положение незаконнорождённых детей в России XVII – XVIII столетий / Ю.Г. Галай // Вестник нижегородской академии МВД России. – 2012. – № 19. – 5 с.

Генкин, Д.М., Новицкий, И.Б., Рабинович, Н.В. История советского гражданского права / Д.М. Генкин, И.Б. Новицкий, Н.В. Рабинович. М.: Юридическое издание министерства юстиции СССР , 1949. – 544 с.

Гессен, И.В. Раздельное жительство супругов. Закон 12 марта 1914 года о некоторых изменениях и дополнениях действующих узаконений о личных и имущественных правах замужних женщин и об отношениях супругов между собою и к детям и другие законоположения. С законодательными мотивами и разъяснениями, извлеченными из Проекта Редакционной Комиссии, Журналов Соединённых Департаментов и Особого Совещания при Гос.Совете, Объяснит.Записок Министра Юстиции, Докладов Комиссий Гос. Думы и Гос.Совета, Определения Прав. Сената и пр., со вступительным очерком и алфавитным предметным указателем / И.В. Гессен. – Спб. – 1914. – 176 с.

Годес. А. Понятие юридического и фактического брака по действующему законодательству СССР / А. Годес // Советская юстиция. – 1939. – № 19 – 20. – 5 с.

Гойхбарг, А.Г. Брачное, семейной и опекунское право Советской республики / А.Г. Гойхбарг. – М. – 1920. – 164 с.

Гойхбарг, А.Г. Закон о расширении прав наследования по закону лиц женского пола и права завещания родовых имений. Разбор и объяснения, с приложением текста / А.Г. Гойхбарг. – Издание третье, значительно дополненное. – СПб. – 1914. – 128 с.

Гойхбарг, А.Г. Новое семейное право / А.Г. Гойхбарг. – М. – 1918. – 88 с.

Гойхбарг, А.Г. Отмена наследования / А.Г. Гойхбрг // Пролетарская революция и право. – 1918. – № 2. – 8 с.

Гольбах, Поль Анри. Избранные произведения в двух томах / П.А. Гольбах. – Под общ.ред. Х.Н. Момждяна. – Пер с фр. – М: Соцэкгиз, 1963. – 563 с.

Голышева, Л.Ю. Правовое положение детей в России: Исторический аспект : дисс. … канд.юрид.наук : 12.00.01 / Голышева Лада Юрьевна. – Ставрополь, 2002. 178 с.

Городыский, Я. Проект Устава об опеках и попечительстве / Я. Городыский // Журнал гражданского и уголовного права. – 1893 . – Кн. 4. – 120 с.

Горчаков, М.И. Монастырский приказ (1649 – 1725 г.). Опыт историко-юридического исследования / М.И. Горчаков. – СПб. – 1868. – 295, 159 с.

Горчаков, М.М. О тайне супружества. Происхождение, историко-юридическое значение и каноническое достоинство 50-й (по спискам патриархов Иосифа и Никона 51-й) главы печатной Кормчей Книги / М.М. Горчаков. – Спб. – 1880. – 439 с.

Гражданское право: учеб.: в 3 т. Т. 3. – 4-е изд., перераб. и доп. / под ред. Сергеева А.П., Толстого Ю.К. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2005 – 784 с.

Греков, Б.Д. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века. Книга первая / Б.Д. Греков. – М. – 1952. – 531 с.

Григоровский, С. О разводе. Причины и последствия развода и бракоразводное судопроизводство. Историко-юридические очерки / С. Григоровский. – Спб. – 1911. – 342 с.

Григорьев, В. Реформа местного управления при Екатерине II / В. Григорьев. – Спб. – 1910. – 387 с.

Громыко, М.М. Мир русской деревни / М.М. Громыко. – М.: Молод.гвардия, 1991. – 446 с.

Громыко, М.М., Буганов, А.В. О воззрения русского народа / М.М. Громыко, А.В. Буганов. – М.: Паломник, 2000. – 543 с.

Губастов, К.А. Генеалогические сведения о русских дворянских родах, происшедших от внебрачных союзов / К.А. Губастов. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского института истории РАН «Нестор-История», 2003. – 198 с.

Гуляев, А. Предбрачный дар в римском праве и памятниках византийского законодательства / А. Гуляев. – Дерпт. – 1891. – 144 с.

Диспут о браке и семье в Доме Союзов // Еженедельник советской юстиции. – 1925. – № 48 – 49. – 3 с.

Довнар-Запольский, М.В. Очерки обычного семейственного права крестьян Минской губернии / М. Довнар-Запольский. – М. – 897. – 78 с.

Дорская, А.А. Церковное право в системе права Российской империи конца XVIII – начала XX вв. : дисс. … докт. юрид. наук : 12.00.01 / Дорская Александра Андреевна. – М., 2008. – 402 с.

Дунаева, Н.В. Правовое положение удельных крестьян России в первой половине XIX века: дисс. … канд. юрид. наук: 12.00.01 / Дунаева Наталья Викторовна. М., 2003. - 2003. – 211 с.

Дыловский, К.И. Об узаконении детей, прижитых вне брака (доклад) / К.И. Дыловский // Юридическое общество при Санкт-петербургском университете. Протоколы 1883 г. Т. V. Заседания гражданского отделения. – Спб. 1885. – 59 с.

Монашество и монастыри в России. XI – XX века: Исторические очерки / Отв. ред. Н.В. Синицына. – Ин-т российской истории. – М.: Наука, 2002. – 346.

Есипов, Г.В. Из прошлого: именные указы императора Павла I / Г.В. Есипов // Исторический вестник. – 1881. – Сентябрь. – 4 с.

Ефименко, А.Я. Исследования народной жизни. Выпуск 1: Обычное право / А.Я. Ефименко. – М. – 1884. – 382 с.

Жуков. ЗАГС или суд (о порядке развода) / Жуков // Советская юстиция. – 1936. – № 33. – 1 с.

Жуков, Ю.Н. Иной Сталин: политические реформы в СССР в 1933 – 1937 гг. / Ю.Н. Жуков. – М.: Вагриус, 2005. – 510 с.

Жюллио де ла Морандьер. Гражданское право Франции. Перевод и вступительная статья Е.А. Флейшиц. – Т. 1. – М. – 1958. – 742 с.

Заблоцкий-Десятовский, А.П. Граф П.Д. Киселев и его время. Материалы для истории императоров Александра I, Николая I и Александра II / А.П. Заблоцкий-Десятовский. – Т. 4. – СПб. – 1882. – 353 с.

Загоровский, А.И. Курс семейного права / А.И. Загоровский. – Под изд. и с предисловием В.А.Томсинова. – М.: «Зерцало», 2003. – 448 с.

Загоровский А.И. О незаконнорождённых по иностранным гражданским кодексам и русскому гражданскому праву / А.И. Загоровский // Журнал министерства юстиции. – 1898. – № 5. – 44 с.

Загоровский, А.И. О разводе по русскому праву / А.И. Загоровский. – Харьков. – 1884. – 490 с.

Законодательство Екатерины II. В двух томах. Т. 1. – М.: Юрид. лит., 2000 – 1056 с.

Законодательство Екатерины II. В двух томах. Т. 2. – М.: Юрид. лит., 2001 – 984 с.

Законодательство Петра I. – М.: Юрид. лит., 1997. – 880 с.

Залайко. Взыскание алиментов в деревне / Залайко // Еженедельник советской юстиции. – 1929. – № 18. – 2 с.

Заозерский, Н.А. На чём основывается церковная юрисдикция в брачных делах / Н.А. Заозерский // Богословский вестник. – 1902. – Т. 1. № 4. – 20 с.

Записки сельского священника. Быт и нужды православного духовенства. – СПб. 1882. – 324 с.

Зарудный, С. Гражданское Уложение Итальянского королевства и русские гражданские законы. Опыт сравнительного изучения системы законодательств. Часть первая / С. Зарудный. – Спб. – 1869. – 538 с.

Звонков, А.П. Современные брак и свадьба среди крестьян Тамбовской губернии Елатомского уезда / А.П. Звонков. – Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России (обычное право, обряды, верования и пр.). – Вып. 1. – М. – 1889. – 67 с.

Знаменский, П.В. Духовные школы в России до реформы 1808 года / П.В. Знаменский. – СПб.: «Летний Сад», «Коло», 2001. – 800 с.

Знаменский, П.В. Приходское духовенство на Руси. Приходское духовенство в России со времени реформы Петра / П.В. Знаменский. – СПб.: Изд. дом «Коло», 2003. – 800 с.

Игнатович, И.И. Помещичьи крестьяне накануне освобождения / И.И. Игнатович. М. – 1910. – 310 с.

История уделов за столетие их существования (1797 – 1897). Т. 2. Крестьяне дворцовые, государевы и удельные. СПб. – 1902. – 580 с.

Казанская комиссия для изучения обычного права: [Об учреждении при Казан. юрид. о-ве Постоян. комис. с целью собирания и изучения юрид. обычаев мест. рус. и инородч. населения Волжско-Кам. края]. – Казань: тип. Губ. правления, 1886. – 15 с.

Калачов, Н. О значении Кормчей в системе древнего русского права / Н.В. Калачов. – М. – 1850 – 208 с.

Карабанов, П.Ф. Фрейлины русского двора в XVIII и XIX столетиях, биографические списки П.Ф. Карабанова / П.Ф. Карабанов // Русская старина. – 1871. – Октябрь. – 26 с.

Карташев, А.В. Собрание сочинений: В 2 т. Т. 1: Очерки по истории русской церкви / А.В. Карташев. – М.: Терра, 1992. – 685 с.

Кассо, Л.А. Обзор остзейского гражданского права / Кассо Л.А. – Юрьев. – 1896. – 150 с.

Каутский, К. Размножение и развитие в природе и обществе / К. Каутский. – Под ред. и с предисл. Д. Рязанова. – Москва – Петроград. – 1923. – 280 с.

Клокачев, В.П. Брак офицеров: законоположения главнейших государств Запада: История развития и современное положение вопроса в России: Крит.обозр. / В.П. Клокичев – Спб. – 1907. – 121 с.

Ключевский, В.О. Сочинения: в 9-ти т. Т. 1 Курс русской истории. Ч. 1 / В.О. Ключевский. – М.: Мысль, 1987. – 430 с.

Кодан С.В. Сибирская политическая ссылка в карательной системе самодержавия, 1825 – 1861 гг. : автореф. … дисс. канд. юрид. наук: 12.00.01 / Кодан Сергей Владимирович. – М., 1987. – 16 с.

Коллинс, С. Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, живущему в Лондоне / С. Коллинс. – ЧОИДР. – 1846. – Кн. 1. – 46 с.

Кондаков, Ю.Е. Государство и православная церковь в России: эволюция отношений в первой половине XIX века / Ю.Е. Кондаков. – СПб. – 2003. – 360 с.

Копелянская, С.Е. Подкидывание детей / С.Е. Копелянская // Советская юстиция. – 1932. – № 13. – 2 с.

Косова, О.Ю. Брак: «институт особого рода» или «партнёрство»? / О.Ю. Косова // Государство и право. – 2015. – № 8. – 10 с.

Костров, Н.А. Юридические обычаи крестьян-старожилов Томской губернии / Н.А. Костров. – Томск. – 1876. – 117 с.

Курский, Д.И. Объяснительная записки к проекту Кодекса законов о браке, семье и опеке 1925 года / Д.И. Курский // Еженедельник советской юстиции. – 1925 г. – № 38 – 39. – 4с.

Лаппо-Данилевский, А. Организация прямого обложения в Московском государстве со времен смуты до эпохи преобразований / А. Лаппо-Данилевский. – Спб. – 1890. – 557 с.

Латкин, В.Н. Учебник истории русского права периода империи (XVIII и XIX вв.) / В.Н. Латкин. – под ред. и с предисловием В.А. Томсинова. – М.: Зерцало, 2004. – 547 с.

Лебедев А.С. О брачных разводах по архивным документам харьковской и курской консисторий / А.С. Лебедев – ЧОИДР. – 1887. – Кн. 2. – 28 с.

Левшин Э.М. Становление и развитие брачно-семейного законодательства в дореволюционной России: автореферат дисс. …канд. юрид. наук: 12.00.01 / Левшин Эдуард Михайлович. – Нижний Новгород, 2003. – 28 с.

Леец, Г.А. Абрам Петрович Ганнибал. Биографическое исследование / Г.А. Леец. Таллин: Ээсти раамат, 1980. – 192 с.

Леонтьев, А.А. Крестьянское право. Систематическое изложение особенностей законодательства о крестьянах / А.А. Леонтьев. – Изд. 2. – Спб. – 1914. – 364 с.

Лесков, Н.С. Чёртова помощь / Н.С. Лесков – Литературное наследство. – Т. 101. – Кн. 2. – М.: ИМЛИ РАН, «Наследие», 2000. – 569 с.

Лещенко В.Ю. Русская семья (XI – XIX вв.): Монография / В.Ю. Лещенко. – СПб.: СПГУТД, 2004. – 608 с.

Лисковец, Б.А. Имущественные разделы и выделы в колхозном дворе (по материалам судебной практики) / Б.А. Лисковец. – М.: Госюриздат, 1963. – 69 с.

Лудмер, Я. Бабьи стоны / Я. Лудмер // Юридический вестник. – 1884. – Ноябрь. – 22 с.; Там же. – 1884. – Декабрь. – 22 с.

Львов, Д. Промысловый налог и методы его установления в Западно-Европейских государствах и России / Д. Львов. – Казань. – 1878. – 235 с.

Макарий (Булгаков М.П.). История русской церкви. Кн. 5: Период разделения Русской Церкви на две митрополии: История Западнорус., или Литов. митрополии (1458 – 1596) / Авт. вступ. ст. и коммент Б.Н. Флоря. – М.: Изд-во Спасо-Преображ. Валаам. монастыря, 1996. – 559 с.

Максименко, В. Взыскание алиментов с членов крестьянского двора / В. Максименко // Еженедельник советской юстиции. – 1929. – № 27. – 2 с.

Маркевич А.И. История местничества в московском государстве в XV – XVII веке / А.И. Маркевич. – Одесса. – 1888. – 661 с.

Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения / К. Маркс и Ф. Энгельс. – Изд. 2. – Т. 21. – М. – 1961. – 745 с.

Маррезе М.Л. Бабье царство: Дворянки и владением имуществом в России (1700 – 1861) / М.Л. Маррезе. – Авторизированный перевод с англ. Н. Лужецкой. – М.: Новое литературное обозрение, 2009. – 368 с.

Миненко Н.А. Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII – первой половины XIX века) / Н.А. Миненко. – Новосибирск.: Наука. – 1979. – 349 с.

Муллов, П.А. Как заключаются (иногда) сводные браки / П.А. Муллов. – Архив исторических и практических сведений, относящихся до России. – Кн. 1. – СПб. – 1860. – 12 с.

Муравьев-Апостол, И.М. Письма из Москвы в Нижний Новгород / И.М. Муравьев-Апостол. – Спб.: Наука, 2002. – 269 с.

Назимова М.Г. Бабушка графиня М.Г. Разумовская / М.Г. Назимова // Исторический вестник. – 1899. – Март. – 14 с.

Неволин, К.А. История российских гражданских законов. Часть первая: Введение и книга первая о союзах семейственных / К.А. Неволин. – М.: Статут, 2005. – 590 с.

Нечаева, А.М. История нормативного регулирования семейного воспитания / А.М. Нечаева // Государство и право. – 2015. – № 10. – 10 с.

Нечаева, А.М. Охрана детей-сирот в России (История и современность) / А.М. Нечаева. М.: Дом, 2004. – 170 с.

Нечаева, А.М. Россия и её дети (ребёнок, закон, государство) / А.М. Нечаева. М. – 2000. – 239 с.

Нечаева, А.М. Семейное право: актуальные проблемы теории и практики / А.М. Нечаева. – М.: Юрайт, 2007. – 279 с.

Нечаева, А.М. Семейное право: Курс лекций / А.М. Нечаева. – М.: Изд. группа «Юрист», 1998. – 332 с.

Нижник, Н.С. Правовое регулирование семейно-брачных отношений в русской истории / Н.С. Нижник. – СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006. – 272 с.

Никонов, С.П., Якушкин, И.Е. Гражданское право по решениям Крестобогородского волостного суда Ярославской губернии и уезда / С.П. Никонов, Е.И. Якушкин. – Ярославль. – 1902. – 216 с.

О православном белом и черном духовенстве в России. – Т. 1. – Лейпциг. – 1866. – 602 с.

Общая теория государства и права. Академический курс в 2-х томах. – Под ред. проф. М.Н.Марченко. – Том 2. Теория права. – М.: Зерцало, 1998. – 640 с.

Казанская комиссия для изучения обычного права (Об учреждении при казанском юридическом обществе постоянной комиссии с целью собирания и изучения юридических обычаев местного русского и инородческого населения Волжско-Камского края). – Казань. – 1886. – 15 с.

Объяснительная записка содержания и расположения Свода законов гражданских / Архив исторических и практических сведений, относящихся до России, изд. Н. Калачовым. – СПб. – 1859. – Кн. 2. – 26 с.

Оршанский, И.Г. Исследование по русскому праву обычному и брачному / И.Г. Оршанский. – Спб. – 1879. – 453 с.

Нарбеков, В.А. Номоканон Константинопольского Патриарха Фотия с толкованием Вальсамона / В.А. Набреков. – Ч. 2. – Казань: Тип. имп. Ун-та, 1899. – 578, 47 с.

Николаев, И. Перехожее духовенство при московских церквах за 1712 – 1723 годы / И. Николаев. – М. – 1881. – 85 с.

Новицкая, Т.Е. Поступление на государственную службу в XVIII веке / Т.Е. Новицкая // Вестник МГУ. – Сер. 11. Право. – 2011. – № 4. – 16 с.

Новицкая, Т.Е. Правовое регулирование имущественных отношений в России во второй половине XVIII века: Монография / Т.Е. Новицкая. – М.: Зерцало-М, 2005. – 568 с.

Нравы и обычаи в Чебоксарском уезде. Этнографический сборник / сост. *Магницкий В.К.* – Казань. – 1888. – 118 с.

Павлов, А.С. 50-я глава Кормчей Книги как исторический и практический источник русского брачного права / А.С. Павлов. – М. – 1887. – 452 с.

Павлов, А.С. Курс церковного права / А.С. Павлов. – СПб.: Лань, 2002. – 384 с.

Павлов, А.С. Номоканон при большом требнике: Его история и тексты греческий и славянский с объяснительными и критическими примечаниями: Опыт научного разрешения вопросов об этом сборнике, возникавших в прошлом столетии в Святейшем Правительствующем Синоде / А.С. Павлов. – М. – 1897. – 520 с.

Павлюченко, Э.А. В добровольном изгнании: О жёнах и сёстрах декабристов / Э.А. Павлюченко. – Послесл. А.Ф. Смирнова. – М.: Наука, 1984. – 159 с.

Пахман, С.В. Обычное гражданское право в России / С.В. Пахман. – Под ред. и с предисловием В.А. Томсинова. – М.: Зерцало, 2003. – 736 с.

Пергамент, О. К вопросу об имущественных отношениях супругов по древнейшему русскому праву / О. Пергамент // Журнал министерства народного просвещения. – 1984. – Ноябрь. – 21 с.

Петрикеев Д.И. Крупное крепостное хозяйство XVII в. По материалам вотчины боярина Б.И.Морозова / Д.И. Петрикеев. – Л.: Наука, 1967. – 229 с.

Победоносцев, К.П. Курс гражданского права. Ч. 2: Права семейные, наследственные и завещательные / К.П. Победоносцев. – М.: Статут, 2003. – 639 с.

Погодаева, И.А. Православие как фактор, регламентирующий повседневную жизнь (на примере жителей Иркутска XIX века) / И.А. Погодаева // Вестник Тюменского государственного университета. – Серия «История». – 2011. – № 2. – 7 с.

Полянская Г.Н. История имущественных отношений в крестьянском дворе по советскому праву: дисс. … канд. юрид.наук / Полянская Гертруда Николаевна. – М., 1939. - Моск.юрид. ин-т. М., 1939. – 428 с.

Полянский, П.Л. Брак генерал-майора Бекарюкова и изменения российского семейного законодательства в середине XIX века / П.Л. Полянский // Вестник МГУ. – Сер. 11. «Право». – 2015. – № 4. – 23 с.

Полянский, П.Л. Дело Шелковникова: к вопросу о разграничении компетенции российских церковных и светских органов в брачных делах в XIX веке / П.Л. Полянский // Вестник МГУ. – Сер. 11. Право. – 2014. – № 5. – 20 с.

Полянский, П.Л. Определение правового статуса незаконнорождённых детей России в XVIII – XIX вв. / П.Л. Полянский // Вестник МГУ. – Сер. 11. – «Право». – 2013. - № 1. – 15 с.

Полянский, П.Л. Правовое регулирование штрафа за небытие у исповеди в XVIII веке / П,Л. Полянский // Вестник МГУ. – Сер. 11. Право. – 2009. – № 4. – 13 с.

Полянский, П.Л. Проблемы применения канонического права в русской дореволюционной деревне / П.Л. Полянский // Вестник МГУ. – Сер. 11. Право. – 2013. – № 5. – 21 с.

Полянский, П.Л. Реформирование советского семейного права в годы Великой Отечественной войны: дисс. … канд. юрид.наук: 12.00.01 / Полянский Павел Львович. – М., 1998. - МГУ им. М.В. Ломоносова. М., 1998. – 180 с.

Помяловский, Н.Г. Мещанское счастье. Молотов. Очерки бурсы / Н.Г. Помяловский. – М.: Художественая литература, 1989. – 416 с.

Попов, Н.А. Татищев и его время. Эпизод из истории государственной, общественной и частной жизни в России, первой половины прошедшего столетия / Н.А. Попов. – М. – 1861. – 804.

Потанин, Г.Н. Материалы для истории Сибири / Г.Н. Потанин. – ЧОИДР. – 1867. Кн. 1. – 98 с.

Алексий (Лавров-Платонов А.Ф.; архиеп. Литовский и виленский). Предполагаемая реформа церковного суда. – Спб. 1873. – вып. 1-2. – 158, 458 с.

Приградов-Кудрин А. Брачное право и наследование / А. Приградов-Кудрин // Еженедельник советской юстиции. – 1922. – № 12. – 2 с.

Работа судов по делам о нарушениях закона от 27 июня 1936 г. // Советская юстиция. – 1937. – 12. – 3 с.

Раевич С.И. Проект кодекса законов о браке, семье и опеке РСФСР / С.И. Раевич // Советское право. 1925. № 3 (15). – 6 с.

Развитие русского права второй половины XVII – XVIII вв. / С.И. Штамм, И.А.Исаев, Н.Н. Ефремова и др. – М.: Наука, 1992. – 307 с.

Рейхель М.О. Вопросы семейного права и проект ГК СССР / М.О. Рейхель // Проблемы социалистического права. 1939. № 2. – 14 с.

Розанов, А.И. Записки сельского священника. Быт и нужды православного духовенства / А.И. Розанов. – СПб. – 1882. – 324 с.

Розанов, В.В. Семейный вопрос в России / В.В. Розанов. – Т. 1 – 2. – Спб. – 1903. 312, 516 с.

Розанов, Н.П. История московского епархиального управления со времени учреждения Св. Синода (1721 – 1821) / Н.П. Розанов. – В 3 ч. – М.: Синод тип., 1869 – 1871. – 243, 199, 429, 291, 450 с.

Ростиславов, Д.И. О православном белом и черном духовенстве в России / Д.И. Ростиславов. – Т. I. – Лейпциг. – 866. – 602 с.

Руднев, М.Н. Церковное судопроизводство по делам о расторжении брака по причине супружеской неверности / М.Н. Руднев // Христианское чтение. – 1901. – № 10. – 106 с.

Рудык, О.И. Эволюция института брака в советском семейно праве (1917 – 1996 гг.): дисс. … канд. юрид.наук: 12.00.01 / Рудык Оксана Ивановна. – Нижний Новгород, 2015. – 167 с.

Рункевич, С.Г. О кодификации церковных законов / С.Г. Рункевич // Церковь и время. 2005. № 2(13). – 19 с.

Рындзюнский, Г. Вопросы действующего семейного права / Г. Рындзюнский // Еженедельник советской юстиции. – 1922. – № 18. – 2 с.

Рындзюнский Г., Савинская Т.М. Детское право: Правовое положение детей в РСФСР / Г. Рындзюнский, Т.М. Савинская. – М. – Л. – 1932. – 332 с.

Рындзюнский, Г. К проекту декрета о наследовании / Г. Рындзюнский // Еженедельник советской юстиции. – 1922. – № 37 – 38. – 3 с.

Савельев, А. Дела о прекращении пьянства и семейных раздоров горожан (по сведениям, извлеченным из дел Нижегородского управления конца XVIII и начала XIX

столетий) / А. Савельев // Юридический вестник. – 1888. – Т. XXIX. Книга вторая (октябрь). – 4 с.

Сборник народных юридических обычаев. – Т. 2. – Под ред. С.В. Пахмана. – СПб. – 1900. – 429.

Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России (обычное право, обряды, верования и пр.). – Вып. I. – Под ред. Н. Харузина. – М. – 1889. – 406, 61 с., 10 с. нот.

Свердлов, Г.М. О предмете и системе социалистического семейного права / Г.М. Свердлов // Советское государство и право. – 1941. – № 1. – 13 с.

Свердлов, Г.М. Охрана интересов детей в советском семейном и гражданском праве / Г.М. Свердлов. – М. – 1955. – 159 с.

Седашев, В. Очерки и материалы по истории землевладения в Московской Руси в XVII веке / В. Седашев. – М. – 1912. – 225 с.

Седляров, Е. Бесправие внебрачного ребёнка по Земельному Кодексу / Е. Седляров // Еженедельник советской юстиции. – 1927. – № 23. – 1 с.

Семевский, В.И. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II / В.И. Семевский. – Том 1. – СПб. – 1903. – 643 с.

Семевский, В.И. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века / В.И. Семевский. – Том 1: Крестьянский вопрос в XVIII и первой четверти XIX века. – Спб. – 1888. – 518 с.

Семевский, В.И. Посессионные крестьяне в XVIII веке. Очерк из истории обязательного фабричного труда / В.И. Семевский // Вестник Европы. – 1878. – Том V – 48 с.

Семидёркин, Н.А. Создание первого брачно-семейного кодекса / Н.А. Семидёркин. М.: Изд-в Моск. ун-та, 1989. – 96 с.

Семёнова О.П. Зарождение и развитие государственного регулирования семейных отношений в эволюции российского права с IX по XX века: историко-правовой аспект: автореф. …канд. юрид. наук: 12.00.01. /Семёнова Оксана Петровна. – СПб., 2007. – 22 с.

Синайский В.И. Личное и имущественное положение замужней женщины в гражданском праве: (С приложением действующих русских законов, сенатской практики и указателя русской литературы) / В.И. Синайский. – Юрьев. – 1910. – 352 с.

Синайский, В.И. Русское гражданское право. Выпуск II. Обязательственное, семейственное и наследственное право / В.И. Синайский. – Киев. – 1915. – 451 с.

Скутнев, А.В. Православие в жизни русских крестьян в пореформенную эпоху / А.В. Скутнев // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2012. – № 4 (18): в 2-х ч. Ч. I. – 3 с.

Славин, И. Брак и семья по нашему законодательству / И. Славин // Еженедельник советской юстиции. – 1922. – № 42. – 3 с.

Славко, А.А. Начало формирования нормативно-правовой базы по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью в России в первые годы советской власти / А.А. Славко // Известия Алтайского государственного университета. – 2009. – № 4. – 6 с.

Смирнов, П.П. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века / П.П. Смирнов. – Т. 1. – М.-Л. – 1947. – 490 с.

Смолич И.К. История русской церкви. 1700-1917. Ч. 1. М. 1996. – 799 с.

Снегирев, И.М. Начертание жития Московского митрополита Платона / И.М. Снегирев. – Ч. 1 и 2. – М. 1835. – 116, 148 с.

Соловьев, Е.Т. Очерк семейственного права русских крестьян Мамадышского уезда / Е.Т. Соловьев. – Казань. – 1878. – 17 с.

Стефанович, П.С. Приход и приходское духовенство в России в XVI – XVII веках / П.С. Стефанович. – Отв. ред. Б.Н. Флоря. – М.: Изд. «Индрик», 2002. – 352 с.

Суворов, Н.С. Разбор сочинения г. Загоровского о разводе по русскому праву / Н.С. Суворов. – Харьков. – 1884. – 58 с.

Суворов, Н.С. Учебник церковного права / Н.С. Суворов. – 3-е перераб. изд. – М. – 1908. – 476 с.

Тадевосян, В.С. Преступная среда и правонарушения несовершеннолетних / В.С. Тадевосян // Советская юстиция. – 1935. – № 31. – 3 с.

Теттенборн, З.Р. Задачи опекунских учреждений по новому праву / Теттенборн З.Р. // Пролетарская революция и право. – 1919. – № 2-4. – 10 с.

Тищенко, Л.А. Соотношение светского и церковного законодательства России о браке (XIX – начало XX веков): автореф. … канд. юридич. наук: 12.00.01 / Тищенко Людмила Анатольевна. – М., 2001 – 27 с.

Тищенко, Л.А. Развитие семейного права в России: теоретический и исторический сравнительный анализ: Монография / Л.А. Тищенко. – М. – 2000. – 244 с.

Троицкий, С.М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII веке (формирование бюрократии) / С.М. Троицкий. – М.: Изд. «Наука», 1974. – 395 с.

Унбегаун, Б.О. Русские фамилии. Пер. с англ. / Общ. ред. Б.А.Успенского. – М.: «Прогресс», 1989. – 443 с.

Филиппов А.Н. Учебник истории русского права (пособие к лекциям) / А.Н. Филиппов. – Ч. 1. – Юрьев. – 1912. – 796 с.

Цатурова, М.К. Русское семейное право XVI – XVIII веков: дисс. ... канд.юрид.наук: 12.00.01 / Цатурова Марина Карленовна. – М., 1992. – 202 с.

Цатурова М.К. Три века русского развода (XVI – XVIII века) / М.К. Цатурова. – М.: Логос, 2011. – 288 с.

Черкашина Н.В. Законодательная хроника о правовом положении незаконнорождённых детей / Н.В. Черкашина // Бизнес в законе. – 2013. – № 3. – 5 с.

Чернышев, А. Великие сражения русского парусного флота / А. Чернышев. – М. – 2010. – 416 с.

Числов, П.И. История русского права Московского и Петербургского периодов.: По лекциям приват-доцента Московского университета П.И. Числова / П.И. Числов. – М. – 1902. – 474 с.

Числов, П.И. Курс истории русского права: [Соч.] Прив.-доц. Имп. Моск. ун-та и Лицея П.И. Числова. – Кн.1. – М.: печ. А.И. Снегиревой: 1914 – 1915. – 366 с.

Шашков, С.С. История русской женщины / С.С. Шашков. – Изд. 2 испр. и доп. – СПб. – 1879. – 352 с.

Щёголев, П.Е. Исторические этюды / П.Е. Щеголев. – Изд. 2. – Б.м. – Б.г. – 442 с.

Шевченко, М.М. История крепостного права в России / М.М. Шевченко. – Воронеж. – 1981. – 256 с.

Шепетов, К.Н. Крепостное право в вотчинах Шереметевых / К.Н. Шепетов. – Труды Останкинского дворца-музея. – Том II. – М. – 1947. – 378 с.

Щербатов, М.М. Избранные труды / М.М. Щербатов. – Сост., автор уступ. ст. и коммент. С.Г. Калинина. – М.: РОССПЭН, 2010. – 632 с.

Шмидт С.О. Становление российского самодержавства (Исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного) / С.О. Шмидт. – М.: Мысль, 1973. – 359 с.

Эскин Ю.М. Очерки истории местничества в России XVI – XVII вв. / Ю.М. Эскин. – М.: Квадрига, 2009. – 512 с.

Юшков С.В. Очерки из истории приходской жизни на севере России в XV-XVII вв. / С.В. Юшков . – Летопись занятий императорской археографической комиссии за 1913 г. – Вып. 26. – СПб. – 1914. – 131 с.

Якушкин Е.И. Обычное право: Вып. 2: Материалы для библиографии обычного права / Е.И. Якушкин. – Ярославль. – 1896. – 544 с.

Ярмонова Е.Н. Правовое положение женщин на Руси с IX по XV век: дисс. …канд. юрид. наук: 12.00.01 / Ярмонова Елена Николаевна. – Ставрополь. 2004. – 195 с.

Berman, Harold J. Soviet Family in the Light of Russian History and Marxist Theory // The Yale Law Journal, Vol. 56, No. 1 (Nov., 1946). – 32 p.

Coser, Lewis A. Some aspects of Soviet Family Policy // The American Journal of Sociology. Vol. 56, No. 5 (mar., 1951). – 14 p.

Evans, Janet. The Communist Party of the Soviet Union and the Women's Question: The Case of 1936 Decree «In Defence of Mother and Child» // Journal of Contemporary History, Vol. 16, No 4 (Oct., 1981). – 19 p.

Freeze, Gregory L. Bringing Order to the Russian Family: Marriage and Divorce in Imperial Russia, 1770 – 1860 // The Journal of Modern History, Vol. 62. № 4 (Dec., 1990). – 38 p.

Geiger, Kent H. The Family in Soviet Russia. Harvard University Press. Cambridge. Massachusetts. 1970. – 384 p.

Glass, Becky L., *Stolee, Margaret K.* Family law in Soviet Russia // Journal of Marriage and the Family. 1987. Vol. 49. № 4 (Nov.). – 10 p.

Goldman, Wendy Z. Women, the State and Revolution: Soviet Family Policy and Social Life, 1917 – 1936. NY. Cambridge University Press. 1995. – 351 p.

Goldman, Wendy Z. Women at the gates: Gender and Industry in Stalin's Russia. NY. Cambridge University Press. 2002. – 294 p.

Hazard, John N. The Child under Soviet Law // The University og Chicago Law Review, Vol. 5, No. 3 (Apr., 1938). – 22 p.

Inkeles, Alex. Family and Church in the Postwar USSR // Annals of the Academy of Political and Social Science, Vol. 263, The Soviet Union Since World War II, (May, 1949). – 12 p.

Johnson, E.L. Matrimonial Property in the Soviet Law // The International and Comparative Law Quarterly, Vol. 16. No 4)Oct., 1967). – 29 p.

Lapenna, Ivo. The Illegitimate Child in Soviet Law // The International and Comparative Law Quarterly, Vol. 25, No. 1 (Jan., 1976). – 24 p.

Marrese, Michell L. The Enigma of Married Women's Control of Property in Eighteen-Century Russia // Russia Review, Vol. 58. No. 3 (Jul., 1999). – 16 p.

Mazur, Denis P. Correlates of divorce in the USSR // Demography, Vol. 6, No. 3, (Aug., 1969). – 8 p.

Petrone, Karen. Women at the gates: Gender and Industry in Stalin's Russia by Wendy Z. Goldman // Slavic Review, Vol. 62, № 2, (Summer, 2003). – 2 p.

Tunc, André. Husband and Wife under French law: Past, Present. Future // University of Pennsylvania Law Review, Vol. 104, № 8 (Jun., 1956). – 16 p.

Wolf, M.M. Some Aspects of Marriage and Divorce Laws in Soviet Russia // The Modern Law Review, Vol. 12. No 3, (Jul., 1949). – 7 p.

Worobec, Christine D. Women, the State and Revolution: Soviet Family Policy and Social Life, 1917 – 1936 by Wendy Z. Goldman // Journal of Social History, Vol. 28, № 4, (Summer, 1995). – 4 p.